

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

2(36)'2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(36)'2011

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journal.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2011

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург, Россия)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил, Россия)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед.наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып. 2(36). – 264 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственный контракт № 14.740.11.0990).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 2 (36)

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 29,5. Тираж 500 экз. Заказ 3567.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2011

© Политическая лингвистика, 2011

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(36)'2011

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		10
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ		
Аматов А. М. Белгород, Россия	Политический дискурс и апология непопулярного решения	11
Бочкарев А. Е., Осминина М. А. Нижний Новгород, Россия	«Повестка дня» как средство манипулирования общественным сознанием: президентские выборы в Кот-д'Ивуаре	19
Брунова Е. Г. Тюмень, Россия	Мифопоэтика коммунистической пропаганды: лингвокультурный и когнитивный анализ	24
Иванова С. В. Уфа, Россия	Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США)	31
Де Лазари А. Лодзь, Польша	Категории народности и идентичности в русской и польской мысли (эскиз)	38
Покровская Е. А., Кудинова Е. В. Ростов-на-Дону, Россия	Инструкционно-запретительные надписи как инструмент идеологического воздействия (на материале русского и итальянского языков)	43
Седых А. П. Белгород, Россия	Коммуникативный портрет Николая Саркози	49
Федосюк М. Ю. Москва, Россия	Представления о комическом в военное время (на материале карикатур периода Первой мировой войны)	54
Шипицына Г. М. Белгород, Россия Свистельникова С. А. Старый Оскол, Россия	Метафоры строительства и движения в коммунистическом дискурсе	59
РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ		
Балобанова Е. Г. Екатеринбург, Россия	Анализ понятия «средний класс» в посланиях президента Федеральному собранию РФ	64
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	«Русская матрешка» глазами европейцев: прецедентные образы в политической карикатуре об «августовской» войне	73
Гливинска-Котыня Ю. Лодзь, Польша	Фамилии польских политиков — неисчерпаемый источник неологизмов	77
Громыко С. А. Вологда, Россия	Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века	82
Денисов Ю. П. Омск, Россия	Образ Б. Н. Ельцина в дискурсе российской национально-патриотической оппозиции начала 2000-го года (на основе анализа газет «Советская Россия», «Правда», «Завтра»)	92
Иванова А. И. Севилья, Испания	«Мы и Россия сегодня»: лингвистический анализ твиттер-платформы президента Дмитрия Медведева	104
Каспарова А. Ю. Москва, Россия	Метафорический концепт «Спорт» как источник фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе	108

Колтышева С. Я. Челябинск, Россия	Метафорическая модель «Шоу-бизнес — это монархия» в российском массмедийном дискурсе	114
Коноваленко И. В. Омск, Россия	«Служащий/чиновник/депутат» в наивной картине мира российского гражданина	121
Костюнина М. В. Сургут, Россия	Сравнительный анализ риторической аргументации в предвыборном дискурсе Б. Обамы и Дж. Маккейна	125
Красильникова Н. А. Новоуральск, Россия	Общественное мнение как предмет конитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики	133
Кропотухина П. В. Екатеринбург, Россия	Метафорическая модель «Демократия — это растение» в политических дискурсах России и Великобритании	141
Морозова О. Н. Пушкин, Россия	Особенности лингвистического контента современных британских политических персональных сайтов	146
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Идеологема <i>Сталин</i> в современной массовой коммуникации	152
Сайко Е. Л. Северск, Россия	Россия в медиадискурсе Германии: актуальные фреймы и механизмы их формирования	157
Семкин М. А. Рязань, Россия	Роль концептов в формировании стереотипов общественного мнения	162
Скачкова И. И. Волгоград, Россия	Классификация языковых политик в американской социолингвистике	166
Солопова О. А. Челябинск, Россия	Когнитивно-дискурсивное прогнозирование: разработка метамоделей	171
Топтыгина Е. А. Москва, Россия	О конструктивно-синтаксическом способе выражения субъективной модальности в политическом дискурсе	176
Халатян А. Б. Ставрополь, Россия	Предвыборный дискурс	180
Шумская Э. Н. Екатеринбург, Россия	Динамика прецедентных имен в СМИ Казахстана	188
Щипицына А. А. Уфа, Россия	Саммит НАТО в Лиссабоне: объекты и знаки оценки в британском политическом медиадискурсе	194

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Маршалова И. О. Ульяновск, Россия	Город на пороге социокультурной катастрофы: роман А. Белого «Московский чужак»	199
Матвеева Ю. В. Екатеринбург, Россия	Образ белой русской эмиграции в советском литературном пространстве	203
Овчинникова М. Н. Верхняя Пышма, Россия	Слово Божие против дискурса ненависти: псалмы Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии)	209
Пирогов Н. А. Екатеринбург, Россия	Статус нижненемецких диалектов и их функции в обществе	214
Порозов Р. Ю. Екатеринбург, Россия	Визуальное как доминанта современной культуры	219

Романова Л. В. Екатеринбург, Россия	Национальная сфера в детской музыке конца советской эпохи	222
Силина Ю. А. Воронеж, Россия	Динамика безбожия во французской литературе XVIII века	229
Шибяев М. В. Красноярск, Россия	Российское антиэкстремистское законодательство в лингвистическом освещении	238
Юзефович Н. Г. Хабаровск, Россия	Российская лингвокультура в произведениях Орландо Файджеса	244

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Джордж А. Л. Калифорния, США	Научный статус исследований пропаганды	250
--	--	-----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Словесная культура советской эпохи в освещении саратовской школы политической лингвистики	255
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		261

CONTENTS

EDITORIAL		10
-----------	--	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Amatov A. M. Belgorod, Russia	Political discourse and apologia of unpopular policies	11
Bochkarev A. E., Osminina M. A. Nizhny Novgorod, Russia	Agenda-setting process as a mechanism of influence: Cote d'Ivoire's presidential elections	19
Brunova E. G. Tyumen, Russia	Mythopoeitics in communist propaganda: linguocultural and cognitive analysis	24
Ivanova S. V. Ufa, Russia	Political discourse and cultural coding: detonation of cultural codes (on the basis of US political discourse)	31
De Lazari A. Lodz, Poland	Categories of nationality and identity in Russian and Polish thought (sketch)	38
Pokrovskaya E. A., Kudinova E. V. Rostov-on-Don, Russia	Regulation and interdict letterings as a tool of ideological influence (in Russian and Italian languages)	43
Sedykh A. P. Belgorod, Russia	Communicative portrait of Nicolas Sarkozy	49
Fedosyuk M. Yu. Moscow, Russia	The conception of comic elements in wartime (on the material of cartoons of the period of World War I)	54
Shipitsina G. M. Svistelnikova S. A. Belgorod, Russia Stary Oskol, Russia	Metaphors of construction and movement in the communist discourse	59

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Balobanova E. G. Ekaterinburg, Russia	Analysis of the concept "Middle class" in the president's messages to the Federal Assembly of the Russian Federation	64
Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Russian matryoshka through the eyes of europeans: precedent images in political caricature on «August» war	73
Gliwinska-Kotynia J. Lodz, Poland	Surnames of Polish politicians as an inexhaustible source of neologisms	77
Gromyko S. A. Vologda, Russia	Language of Russian parliament: coming into being of Russian parliamentary communication in the beginning of the XX century	82
Denisov Yu. P. Omsk, Russia	Image of B. N. Yeltsin in the discourse of the Russian national-patriotic opposition at the beginning of 2000 (on the basis of the analysis of newspapers "Sovietskaya Rossiya", "Pravda", "Zavtra")	92
Ivanova A. I. Seville, Spain	"We and Russia today": linguistic analysis of Dmitry Medvedev's Twitter account	104
Kasparova A. Y. Moscow, Russia	Metaphorical concept «Sport» as a source of phraseological units in the English political discourse	108

Koltysheva S. Y. Chelyabinsk, Russia	The metaphorical model “Entertainment is a monarchy” in Russian mass media discourse	114
Konovalenko I. V. Omsk, Russia	“Employee/functionary/deputy” in a Russian citizen naïve picture of the world	121
Kostyunina M. V. Surgut, Russia	Comparative analysis of rhetoric argumentation in election discourse of B. Obama and J. McCain	125
Krasilnikova N. A. Novouralsk, Russia	Public opinion as the subject of cognitive-discursive studies in the sphere of political linguistics	133
Kropotukhina P. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical model «Democracy is a plant» in political discourses of Russia and Great Britain	141
Morozova O. N. Pushkin, Russia	Features of linguistic content of modern British political personal websites	146
Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Ideologem “Stalin” in contemporary mass media	152
Sajko E. L. Seversk, Russia	Russia in media discourse of Germany: current frames and mechanisms of their formation	157
Siomkin M. A. Ryazan, Russia	Role of concepts in creating stereotypes of public opinion (on the basis of the concept “aggression” in English and American mass media)	162
Skachkova I. I. Volgograd, Russia	Classification of language policies in American sociolinguistics	166
Solopova O. A. Chelyabinsk, Russia	Cognitive-discursive prognosis: elaboration of metamodel	171
Toptygina E. N. Moscow, Russia	On constructive-syntactical expression of subjective modality in political discourse	176
Khalatyan A. B. Stavropol, Russia	Election discourse	180
Shumskaya E. N. Ekaterinburg, Russia	Dynamics of precedent names in Kazakhstan mass media	188
Shchipitsyna A. A. Ufa, Russia	NATO summit in Lisbon: objects and types of evaluation in British political media discourse	194

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Marshalova I. O. Ulianovsk, Russia	City is at the door of socio-cultural catastrophe: novel by A. Bely «Moscow eccentric»	199
Matveeva Y. V. Ekaterinburg, Russia	The image of White Russian emigration in the Soviet literary space	203
Ovchinnikova M. N. Verhnyaa Pyshma, Russia	Word of God against the discourse of hatred: psalms by E. Y. Kuzmina-Karavaeva (Mother Mariya)	209
Pirogov N. A. Ekaterinburg, Russia	Status of Low German dialects and their functions in the society	214
Porozov R. Y. Ekaterinburg, Russia	Visual as the dominant of modern culture	219

Romanova L. V. Ekaterinburg, Russia	National sphere in music for children at the end of Soviet epoch	222
Silina Y. A. Voronezh, Russia	Dynamics of the godlessness in French literature of the XVIII century	229
Shibaev M. V. Krasnoyarsk, Russia	Russian anti-extremism legislation in a linguistic interpretation	238
Yuzefovich N. G. Khabarovsk, Russia	Russian lingoculture in the works by Orlando Figes	244

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

George A. L. California, the USA	The scientific status of propaganda analysis	250
--	--	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Vasiliev A. D. Krasnoyarsk, Russia	Verbal culture of the Soviet epoch in the works by Saratov school of political linguists	255
Manuscripts requirements		261

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать шестой номер журнала «Политическая лингвистика».

Как и прежде, мы стремимся к узкой специализации с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Как и прежде, в журнале пять основных разделов.

Раздел «Теория политической лингвистики» представляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы профессора А. М. Амапов (Белгород), М. А. Бочкарева (Нижний Новгород), Е. Г. Брунова (Тюмень), С. В. Иванова (Уфа), Анджей де Лазари (Лодзь), Е. А. Покровская (Ростов-на-Дону), А. П. Седых (Белгород), М. Ю. Федосюк (Москва), Г. М. Шипицына (Белгород).

Раздел «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов. Конечно, часто трудно бывает провести границу между «теоретическими» исследованиями и «практическим анализом»; в таких случаях помогает формальный критерий: в первом разделе представлены только статьи докторов наук, а во втором — исследования кандидатов наук и аспирантов.

В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Это относится и к статье Анджея де Лазари, которого в Польше считаю русофилом, а в России иногда воспринимают как русофоба.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политически-

ми экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы соответствующих публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Поэтому вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, однако стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета — uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны: (343) 2357612 (кафедра);
(343)3361592 (гл. редактор А.П. Чудинов).
Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
редактор Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 808.53

ББК Ш7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.00; 10.02.05

А. М. Амагов

Белгород, Россия

A. M. Amatov

Belgorod, Russia

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И АПОЛОГИЯ НЕПОПУЛЯРНОГО РЕШЕНИЯ

POLITICAL DISCOURSE AND APOLOGIA OF UNPOPULAR POLICIES

Аннотация. Как институциональный жанр политического дискурса рассматриваются парламентские выступления. На примере выступлений премьер-министра Испании Хосе Мари Аснара выявляются классические стратегии политического дискурса, применяемые для обоснования непопулярных политических решений.

Abstract. The paper deals with parliamentary speech as an institutional genre of political discourse. The speech delivered by Spanish prime-minister Jose Maria Aznar serves as an example of classical political discourse strategies used to justify unpopular policies.

Ключевые слова: политический дискурс; парламентское выступление; Хосе Мария Аснар; Ирак; непопулярное политическое решение.

Key words: political discourse; parliamentary speech; Jose Maria Aznar; Iraq; unpopular policies.

Сведения об авторе: Амагов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков №1.

About the author: Amatov Alexander Mikhailovich, Professor, Doctor of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages №1

Место работы: Белгородский государственный университет.

Place of employment: Belgorod State University.

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85.
e-mail: amatov@bsu.edu.ru.

Наверное, любому крупному политику хотя бы раз за свою политическую карьеру придется принимать решение, которое не находит поддержки среди широких слоев населения, а возможно, и среди коллег и политических единомышленников. Причины, по которым политические деятели идут на такие шаги, могут быть различными; мы не ставим перед собой задачи проанализировать, почему тот или иной политик принял непопулярное решение и приложил усилия для его продвижения. Нас интересует, какими средствами (прежде всего языковыми) политики обосновывают правильность таких ходов, стремясь убедить оппонентов в необходимости какого-либо непопулярного шага.

В качестве примера политической риторики в защиту крайне непопулярного в обществе политического решения мы рассмотрим ряд выступлений премьер-министра Испании Хосе Марии Аснара в испанском парламенте (Кортесах) в феврале-марте 2003 г. в поддержку политики администрации Дж. Буша в отношении Ирака. При этом в качестве фактического материала мы будем оперировать первым выступлением на данную тему, а именно речью в Кортесах от 5 февраля 2003 г., текст которой был опубликован в мадридской Эль Паис (*El País*. Madrid, 2003. 4 de junio).

Предваряя анализ, отметим два обстоятельства, которые не могли не повлиять на риторику выступлений премьера. Во-первых, они прозвучали вразрез с общественным мнением: более 90 % населения выступало против не санкционированной ООН войны в Ираке, включая Народную партию (*Partido Popular*) и самого

премьер-министра (см., напр.: «Аснар получил „пощечину“» // Независимая газета. 2003.27.05). Во-вторых, Аснар, прекрасно сознавая, что его решение не имеет поддержки, продвигал его, проигнорировав как крупнейшие политические демонстрации, когда-либо проводившиеся в Испании, так и оппозицию в лице всех остальных партий, вплоть до собственных сторонников по коалиции, тем самым рискуя потерять огромное количество голосов на приближающихся выборах в мае 2003 г.

Как уже говорилось, мы не будем пытаться установить истинные причины, побудившие Аснара совершить «политическое самоубийство». Возможно, они связаны с консервативной идеологией, которую Аснар разделял с администрацией Дж. Буша, возможно, Аснар был искренне обеспокоен наличием у Ирака оружия массового уничтожения, а может быть, его основной, но явно не артикулируемой целью было заручиться поддержкой США в локальном конфликте с баскской террористической организацией ЭТА. Для нашего анализа важно лишь то, что Аснар принял и продвигал в высшей степени непопулярное политическое решение и что он в полной мере представлял степень его непопулярности. Во всяком случае, эти два момента мы можем рассматривать как определенно истинные предпосылки, с учетом которых Аснар готовил свое выступление в Кортесах: премьер-министр должен был понимать, какую реакцию вызвала его поддержка не санкционированной ООН военной операции против страны, не представлявшей для Испании угрозы.

Выступления Аснара были выдержаны в духе антитеррористической риторики, возобладавшей в политическом дискурсе после атак на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. Одной из особенностей этой риторики стала легитимизация международного насилия, основанного на подозрениях, а не на доказательствах и/или международных санкциях, например, исходящих от Совета Безопасности ООН. Это обстоятельство также важно для анализа политических импликаций, которыми изобиливали выступления испанского премьер-министра.

Анализ политического дискурса не должен и не может ограничиваться структурными особенностями текста и выступления: необходимо также учитывать их условия и функции в политическом процессе. В рамках критического дискурс-анализа предполагается комплексное исследование той или иной социальной проблемы в «треугольнике» из трех аспектов: дискурса, когниции и социальных механизмов [см., напр., Van Dijk 1993, 2003]. Исходя из этого, мы заинтересованы не только в описании каких-то интересных особенностей политической риторики, нам требуется связать их с такими социально-когнитивными представлениями, как отношения, нормы, ценности и идеологические установки (например, те, которые Аснар разделяет вместе со своей партией). Более того, необходимо учитывать и социально-политический контекст современной Испании, в котором были произнесены речи. Таким образом, выступления Аснара и их особенности мы рассматриваем не только как тексты, но и как выражение политического сознания и политические действия в политических процессах, таких, как партийная пропаганда и принятие решений на государственном уровне, а также дипломатия, создание коалиций и политика власти на уровне международном.

Парламентские дебаты в целом (а выступления Аснара относятся именно к этому жанру политического дискурса) можно рассматривать как форму институционального вербального взаимодействия. Как жанр политического дискурса, парламентские дебаты являются частным проявлением глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Такие дебаты включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функционируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему. Соответственно следует выбирать и релевантные методы анализа: мы будем исходить из того, что структуры выступлений в этих дебатах можно описать как частные действия, направленные на общую реализацию указанных глобальных политических функций.

В своем анализе мы вынуждены опустить ряд формальных свойств жанра парламентских дебатов (порядок выступлений в соответствии с

членством в проправительственных или оппозиционных партиях, контроль за очередностью выступлений, реплики с мест и т. п.), поскольку опираемся на текст (и то сокращенный) речи Аснара перед Кортесами с некоторыми примечаниями стенографиста, а не на диктофонную запись выступления. В анализируемом тексте не сохранились спонтанные формы речевого взаимодействия, оговорки, поправки, незавершенные высказывания и т. п. Потому предмет нашего анализа ограничивается логикой аргументации Аснара и практически не распространяется на непосредственную реакцию аудитории, хотя «живое» восприятие речи в конкретном дискурсе, безусловно, само по себе является интересной проблемой для дискурс-анализа. Принимая во внимание указанные ограничения, перейдем к рассмотрению риторики экс-премьера Испании Хосе Марии Аснара, направленной на оправдание и поддержку военного вторжения в Ирак.

Многим типам дискурса присуща вводная конструкция, которую можно назвать обрисовкой ситуации. Эта конструкция особенно значима для дискурса, основная цель которого — прокомментировать социальную или политическую ситуацию, дать рекомендации по конкретным действиям, оправдать или узаконить те или иные политические решения. Если кто-то хочет объяснить или оправдать свои действия (особенно подвергаемые критике), есть смысл представить ситуацию таким образом, чтобы эти действия выглядели логичными, понятными, неизбежными или по меньшей мере приемлемыми по тем или иным соображениям. Например, существуют нормативные акты (и международное право), позволяющие людям и государствам защищаться, когда они подвергаются нападению, — и американские политики, ученые и военные оправдывали войну в Ираке именно на этих основаниях [см., напр., Chomsky 2003]. Таким образом, если Аснару требовалось защитить свою крайне непопулярную политику в отношении Ирака, с его стороны логично было бы при изложении политической ситуации продемонстрировать рациональность и законность своего шага. Именно это он и делает буквально в первых словах выступления, определяя ситуацию в Ираке как кризисную (полуужирный курсив мой — А. А.):

El señor PRESIDENTE DEL GOBIERNO (Aznar López): *Señora presidenta, señorías, al comenzar el periodo de sesiones, comparezco esta tarde ante la Cámara para informar a S.S.SS. de la posición del Gobierno ante la crisis que enfrenta a la comunidad internacional con Irak.*

Председатель правительства (Аснар Лопес): *Госпожа председатель, уважаемые господа, в самом начале этой сессии, сегодня, я выступаю перед этим парламентом с целью сообщить его уважаемым членам о том положении, в котором оказалось наше правительство ввиду кризиса, связанного с Ираком, ко-*

торый противопоставляет себя мировому сообществу.

Поскольку «по умолчанию» подразумевается, что политики, парламентарии и особенно правительства должны принимать меры, когда наступает «кризис», уже одно только употребление этого слова подготавливает слушающего (т. е. парламентариев) к мысли о правильности излагаемой далее позиции правительства. Здесь же за счет тонкой манипуляции даже не значением слова «кризис», а его прагматикой, производится подмена тезиса. В самом деле, даже оппозиция описывает текущую ситуацию с Ираком как кризис, хотя бы в силу надвигающейся войны. Подмена заключается в том, что Аснар обвиняет в кризисе не тех, кто его начал, угрожая войной (а именно, США и Великобритании), а Ирак, которому грозили войной.

Здесь же мы наблюдаем реализацию глобальной семантической стратегии положительного представления себя и негативного представления другой стороны — «Мы и Они». Как и во многих других выступлениях после 11 сентября, *Мы* представляет собой западные демократии, которые борются против терроризма «стран-изгоев», а *Они* — это террористы или государства, которые угрожают (реально или мнимо) западным демократиям, в данном случае — конкретно Саддам Хусейн. Такая семантическая поляризация может риторически подчеркиваться обычными средствами, т. е. гиперболами и метафорами, указывающими, что хорошо у *Нас* и плохо у *Них*. Так, Аснар намекает, что его правительство — это часть *Нас*, т. е. принадлежит к внутренней группе, которую он обозначил как «мировое сообщество». Таким образом, его политика идет в ногу с политикой мирового сообщества и, следовательно, легитимна. В то же время оппозиция, не желающая вступать в войну (к слову сказать, придя к власти в марте 2004 г., оппозиция немедленно приняла решение отозвать испанские войска из Ирака), не является частью мирового сообщества и соответственно менее легитимна в своих заявлениях. Здесь Аснар, по сути, повторяет политическую логику президента Джорджа Буша: если та или иная партия (правительство, социальная группа и т. д.) не с «мировым сообществом» (т. е. США, Великобританией и некоторыми другими странами), то она против «мирового сообщества», а возможно, даже в сговоре с врагом — Саддамом Хусейном.

Помимо этих отчетливо прослеживаемых политических импликаций в речи вообще и во вступлении в частности содержится ряд более тонких импликаций. Под импликациями мы, вслед за многими исследователями в области дискурса и дискурс-анализа [напр., Gazdar 1979; Levinson 2000], подразумеваем прагматические и/или контекстуальные выводы, которые не могут быть сделаны из высказываний как таковых, но возникают в определенном контексте и при определенных установках участников

дискурса. Проще говоря, импликатура — это импликация «для посвященных», возникающая только в соответствующем контексте и при наличии у слушающего определенной когнитивной установки. В данном примере импликатурой является демонстрация Аснаром в самом начале выступления того, что он полностью осознает свою позицию, позицию своей партии, а также оппозиции и большинства населения по вопросу об Ираке. Таким образом, в сложившейся ситуации ему крайне важно не только сделать содержание речи эффективным инструментом в общей стратегии продвижения собственной политики, но и зарекомендовать себя ответственным партийным лидером и премьер-министром. Кроме того, данная импликатура призвана лишить оппозицию оснований для обвинения Аснара в незнании ситуации, опрометчивости решения, непродуманности последствий для общества и т. д.

Вместо того, чтобы прямо начать свой доклад с изложения политики испанского правительства по Ираку, Аснар предваряет выступление дейктической формулой, призванной обрисовать причину своего появления в парламенте. Разумеется, подобные перформативы (*comparezco esta tarde ante la Cámara*) могут быть всего лишь достаточно формализованными средствами обращения, однако в данном случае они содержат и особые политические импликации. Дело в том, что оппозиция и СМИ обвиняли Аснара в игнорировании мнения парламента и общественности, в неполном информировании по вопросам правительственной политики в отношении Ирака. Таким образом, представ перед парламентариями с докладом, в первых же словах он сделал намек на целый ряд обстоятельств. Во-первых, это означало, что Аснар работает с парламентом. Во-вторых, он прислушивается к мнению оппозиции и народа, как и надлежит поступать истинному демократу. В-третьих, предшествующая критика в его адрес больше не актуальна. Наконец, в-четвертых, те, кто формулировал предыдущие критические замечания (например, социалисты), не имеют на то оснований: по сути, «это они не серьезные политики, а не я». Эти и, возможно, другие политические импликации могут рассматриваться как часть контекстуальной поляризации с целью сохранить лицо, т. е. представить себя с положительной стороны, а других — с отрицательной. И, конечно, такое вступление подготавливает Аснару плацдарм для контратаки.

После вступительной обрисовки ситуации, сделав серию общих контекстуальных импликаций, Аснар переходит к дальнейшим аргументам, которые призваны объяснить позицию его правительства в ситуации, которую он охарактеризовал как критическую. Теперь Аснар начинает явно приписывать вину в возникновении кризиса Ираку:

La crisis es consecuencia del reiterado incumplimiento por parte de Irak de sus

obligaciones internacionales y de las resoluciones del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas. A poco que hagamos memoria, vemos que no es más que un nuevo episodio del problema surgido en 1990, cuando el régimen iraquí invadió Kuwait. (Rumores.)

Этот кризис — следствие систематических отказов со стороны Ирака выполнять международные обязательства и резолюции Совета Безопасности ООН. Не трудно увидеть, что это еще один эпизод проблемы, которая возникла в 1990 г., когда иракский режим вторгся в Кувейт. (Шум в зале.)

Отметим, что Аснар идет гораздо дальше простых обвинений Ирака в создании кризиса. Помимо прочего, он имплицитно еще целый ряд моментов.

Во-первых, называя отказы Ирака выполнять резолюции Совбеза ООН «систематическими», он акцентирует внимание на серьезности ситуации: если отрицательное действие (такое, как отказ выполнять договоренности) не является непреднамеренным или исключительным и происходит не в первый раз, то его систематичность делает его преднамеренным и отягчает вину нарушителя.

Во-вторых, указывая на международные обязательства и Совет Безопасности ООН, он подчеркивает, что Ирак отвергает высшую международную инстанцию. Тем самым в очередной раз акцентируется «официальная» вина Ирака, а заодно и легитимность, если не обязательность, осуждения Ирака и принятия против него решительных мер.

В-третьих, Аснар ссылается на первую Войну в Персидском заливе, в которой агрессия Ирака (Саддама Хусейна) была очевидна из-за вторжения в Кувейт. Здесь опять происходит подмена тезиса. Называя текущую ситуацию продолжением того вторжения, Аснар делает политический намек как минимум на два других обстоятельства: Ирак все равно виновен в провокации международного кризиса, и сейчас, как и в 1990 г., международные (военные) действия против Ирака законны. Таким образом, речь премьер-министра не просто описывает международный кризис: ментальная модель события, выражаемая и передаваемая описанием политической ситуации, получается именно такой, какая выгодна Аснару для убеждения парламентариев. В то же время импликации подобной обрисовки дают целый ряд аргументов в пользу легитимации политики Аснара, позволяя ему:

- изобразить текущую ситуацию как кризис;
- обвинить Ирак в том, что он не согласен с решениями Совбеза ООН, а следовательно, нарушает международные резолюции;
- обрисовать эти нарушения как продолжение агрессии против Кувейта и обосновать легитимность отпора Ираку путем военного вторжения, как в случае с Войной в Персидском заливе.

В самом деле, поскольку диктаторов в мире

много, сам факт угнетения Саддамом Хусейном иракского народа не является поводом для объявления Ираку войны, тем более с санкции ООН. Поэтому апологету военного варианта необходимо выдвинуть любое свидетельство или аргумент, на основании которого Ирак можно признать виновным в нарушении международных законов либо же, апеллируя к принципу прецедента права, обрисовать его нынешнюю политику как аналогичную той, которая ранее привела к оправданной войне. То, что эту импликацию поняли, но отвергли, можно заметить по протестам со стороны других членов парламента, обозначенным в стенограмме как «шум в зале» (*rumores*).

Теперь рассмотрим такую немаловажную стратегию, как положительная саморепрезентация (проще говоря, представление себя в выгодном свете, «самопиар»), примеров которой в тексте выступления можно найти немало. Смысл этой стратегии прост: представлять себя с положительной стороны или как минимум избегать отрицательных образов и в целом производить положительное впечатление на собеседников. Данная стратегия применяется в большинстве форм общественного дискурса, особенно если хорошее впечатление исключительно важно, например, по причине более сильного воздействия на большую аудиторию, а также ввиду возможного ущерба для профессиональной или политической репутации вследствие «неправильного» представления себя. Это особенно важно в политическом дискурсе, когда оппозиционные политики, а также СМИ (а вслед за ними и широкая общественность) критически воспринимают услышанное и анализируют каждое слово. В такой ситуации любой неосторожный шаг может стоить голосов на следующих выборах. Можно было ожидать, что Аснар также будет прибегать к многочисленным и разнообразным формам положительной самопрезентации, особенно с учетом сокрушительной критики его позиций по вопросу Ирака, поступившей из СМИ, от большинства других политических партий, да и от основной массы населения. (Пожалуй, мало по каким вопросам, выносившимся на дебаты в Испании в последние десятилетия, критика правительства была настолько всеобъемлющей.) Проще говоря, Аснару требовалось серьезно поправить свой имидж. Рассмотрим некоторые из его ходов в этом направлении. Вот первый пример, из самого начала выступления:

Esta comparecencia continúa la información proporcionada a SS.SS. por el gobierno anteriormente. En concreto, el Gobierno ha informado sobre la situación de Irak por medio de la comparecencia de la ministra de Asuntos Exteriores en un total de cinco ocasiones, la última el viernes pasado ante la Comisión correspondiente. Yo mismo he comparecido para dar cuenta de la posición del Gobierno en otras dos ocasiones. El Gobierno también ha contestado

por escrito a diversas preguntas que se le han formulado sobre la cuestión. A la comparecencia de hoy seguirán otras más o de los ministros de Asuntos Exteriores y de Defensa, en función de los acontecimientos y según la forma que requiera la evolución de esta crisis, conforme al Reglamento de la Cámara.

Я представляю ту информацию, которую уважаемые господа парламентарии могли и раньше получить у правительства. В частности, правительство представляло эту информацию о ситуации в Ираке в виде пяти презентаций министра иностранных дел — последняя такая презентация для соответствующего комитета была в минувшую пятницу. Я сам дважды выступал здесь с отчетом о позиции правительства. Правительство также дало письменные ответы на ряд вопросов по данной проблеме. За нынешней презентацией последуют другие, которые буду делать я сам либо министры иностранных дел и обороны, в зависимости от событий, связанных с развитием кризиса, и в соответствии с правилами, принятыми в парламенте.

Сразу возникает вопрос: зачем Аснару понадобилось так подробно освещать свои регулярные отчеты перед Кортесами? Наиболее правдоподобный ответ связан с упреками со стороны оппозиции в том, что Аснар, в отличие от Тони Блэра, практически не пытался объяснить или оправдать свою политику в отношении Ирака, игнорируя выступления оппозиции против военного решения проблемы. Иными словами, для демонстрации того, что он прислушивается к людям и следует (как он прямо заявил) правилам, принятым в парламенте, Аснар подчеркивает свое согласие с правилами демократии. Этим заявлением для политически подкованной аудитории имплицитно, что выступающий — демократ и всецело уважает пожелания парламента.

В речи Аснар использует много разных форм положительной самопрезентации: это представление себя выступающим и от имени своей группы или организации (в данном случае правительства), и от имени страны, и от собственного имени. Две первые тактики широко распространены в политическом дискурсе, а вот третья носит личностный характер и направлена не столько на убеждение слушающих в обоснованности политического курса, сколько на создание положительного имиджа самого говорящего. Также немаловажно подчеркивание Аснаром того, что с политической точки зрения деятельность его правительства — благо для страны. В то же время с личной и коммуникативной точек зрения он представляет себя заслуживающим доверия и честным политиком:

Creo sinceramente que hoy estoy cumpliendo lo que reclamé cuando encabezaba la oposición, lo que me comprometí al ser elegido presidente del Gobierno, lo que creo más razonable y lo que

creo que conviene mejor a España y a los españoles.

Я искренне убежден, что я делаю то, чего требовал еще возглавляя оппозицию и чему я посвятил себя, когда был избран председателем правительства, — то, что я считаю наиболее разумным и правильным для Испании и испанцев.

В политическом или ином идеологизированном дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого по принципу известной психологической поляризации «свой — чужой». Так, в выступлениях, которые нацелены на оправдание или легитимацию войны, унижение противника является исключительно важным. Хотя поначалу Саддам Хусейн рассматривался как сторонник цивилизованных стран и пользовался их поддержкой (например, в действиях против Ирана), с момента оккупации Кувейта он стал изображаться самым ярким злодеем в глазах Запада — как в политике, так и в СМИ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с внезапным возникновением интереса США и их союзников к «странам-изгоям» и «международному терроризму» после атак 11 сентября Саддам Хусейн быстро стал «негодяем номер один», особенно после того как не удалось быстро поймать Усаму бен Ладена. Это и другие фоновые события и попытки легитимации войны против Ирака, конечно, тоже обыгрываются в дискурсах союзников США, а именно Великобритании и Испании, и поэтому следовало ожидать, что Аснар будет активно унижать Саддама Хусейна в своих выступлениях. Более того, сила этих аргументов не только в том, что Хусейн действительно был диктатором, жестоко угнетавшим народ Ирака, но и в том, что их вряд ли стала бы оспаривать левая оппозиция, поэтому публичная критика Саддама является замечательной тактической уловкой: левая, гуманистически настроенная оппозиция не может высказываться в защиту тирана. Таким образом, если война против Саддама Хусейна и не была в строгом смысле легальной, то имелся хороший аргумент для оправдания ее по крайней мере с чисто гуманистических позиций.

Однако, как известно, во избежание нарушений международных конвенций было решено официально мотивировать войну угрозой оружия массового уничтожения, а не диктаторским режимом Саддама Хусейна или нарушением прав человека: этот аргумент можно было бы применить ко многим другим странам и диктаторам. Поэтому неудивительно, что Аснар подчеркивает отрицательные характеристики врага, Саддама Хусейна, не забывая при этом упомянуть «главную угрозу для прогрессивного человечества»:

El de Sadam es un régimen de terror que no ha dudado en emplear armas de destrucción masiva en las guerras que ha promovido contra sus países vecinos y contra su propio pueblo.

Режим Саддама — это режим страха, который без колебаний применил оружие массового уничтожения в войне, которую вел против соседних стран и против собственного народа.

Здесь мы находим стандартный набор гипербола и иных стилистически окрашенных приемов (*terror, armas de destrucción masiva*) наряду с другими формами отрицательной характеристики лица или группы лиц. Почему Аснару было так важно повторять и подчеркивать, что Саддам Хусейн — это «очень плохой парень»? Ведь и оппозиция, и общественное мнение в целом были согласны с этим, поэтому не было смысла спорить по этому поводу и кого-то убеждать. Так каковы же политические импликатуры унижения Аснаром Саддама Хусейна в данном случае? Наиболее резонными представляются следующие из них.

Во-первых, если левая оппозиция (прежде всего социалистическая) не хочет воевать против Саддама Хусейна, то она фактически играет на руку тирану. Все мы знаем, какой он жуткий диктатор, но оппозиция все равно его поддерживает — даже вопреки интересам населения Ирака. Это явно не соответствует гуманистическим и общественным ценностям, провозглашаемым оппозицией. Так что, не поддерживая войну против Саддама Хусейна и, соответственно, политику правительства Аснара, социалистическая оппозиция предает собственные принципы. А разве можно доверять таким политикам?

Во-вторых, поскольку Аснар желает поддержать коалицию, стремящуюся разгромить такого ужасного диктатора, как Саддам Хусейн, он выполняет свои обязанности как ответственный премьер-министр.

В-третьих, описывая и подчеркивая такие характеристики Саддама Хусейна, которые уже упоминались Соединенными Штатами (вторжение в Кувейт, прежние нарушения резолюций ООН, якобы имеющееся оружие массового уничтожения и связи с террористическими организациями и т. д.). Аснар указывает на наличие у своего правительства и партии мощного союзника. Это может рассматриваться как демонстрация легитимности политики, но также показывает и политическое «фамильное сходство» Буша и Аснара как дружественных политиков-консерваторов. По этой же причине гораздо меньший акцент делается на серьезные нарушения прав человека со стороны Саддама Хусейна: это лучше оставить «на съедение» социалистам из оппозиции.

В-четвертых, подчеркивая опасность «для всех нас» от возможного использования террористами оружия массового уничтожения, полученного якобы при участии Саддама Хусейна, Аснар выказывает вполне понятную и необходимую озабоченность ответственного лидера и в то же время намекает, что оппозиция такой озабоченности не проявляет и, следовательно,

но, пренебрегает ответственностью перед обществом.

Конечно, здесь могут содержаться и другие импликатуры, но мы не ставили перед собой цель выявить их все, тем более что не представляем в полной мере политическую ситуацию в Испании. Во всяком случае, понятно главное: то, что Аснар говорит о Саддаме Хусейне, имеет мало общего с его личным мнением о диктаторе, скорее это связано с общей стратегией легитимации войны против подобного тирана. Политические импликатуры такого отрицательного представления противника (диктатора), таким образом, являются также способом положительного представления своей позиции и политики, а следовательно, политики собственной партии и правительства, что одновременно бросает тень на политику оппозиции. Подробное описание вопиющих нарушений прав человека Саддамом Хусейном не удовлетворило бы требованиям политических функций: такое оправдание отличалось бы от основных аргументов США, противоречило бы международным нормам (которые не позволяют без веских оснований устранять даже явных диктаторов) и слишком сильно совпадало бы с мнением оппозиции. Более того, это могло бы вызвать неудобные вопросы о том, почему раньше, когда он был их союзником против Ирана, США поддерживали Саддама Хусейна (например, поставками отравляющего газа и других вооружений). Другими словами, негативная презентация другой стороны в политическом дискурсе — это не просто описание «плохого парня», а политически уместная выборка релевантных на данный момент «плохих» черт, раскрывающихся в дискурсе.

Немаловажно также учесть импликации, импликатуры, а иногда и прямые заявления Аснара, релевантные «на местном уровне», т. е. собственно в Испании. Речь идет о тех случаях, когда Аснар косвенно, а иногда и прямо, связывает Ирак и Саддама Хусейна с международным терроризмом, а международный терроризм — с террористами из ЭТА.

España ha impulsado con toda sus fuerzas estas políticas y vemos con satisfacción cómo la lucha contra estas lacras ha escalado posiciones en la agenda de la comunidad internacional hasta convertirse en objetivo básico de ésta. Sabemos que ello nos ayudará — ya lo está haciendo — en nuestra lucha contra el terrorismo de ETA y creemos que es un deber específico de España ofrecer su cooperación a otros países señalados por el terrorismo. Creo que la pasividad ante estas nuevas amenazas es nuestro mayor peligro.

Испания энергично проводит такую политику, и мы с удовлетворением видим, как борьба с этой чумой стала приоритетом в международной политике и даже ее основной целью. Мы знаем, что это поможет нам — и уже помогает — в нашей борьбе против террористов ЭТА и убеждены, что особый долг

Испании — предложить свое сотрудничество другим странам, подвергшимся нападениям террористов. Я убежден, что пассивность перед лицом этой новой угрозы представляет для нас наибольшую опасность.

Риторика, как видим, нацелена на оправдание политики в отношении Ирака, но одновременно выполняет и другую политическую функцию: подчеркивает положительную роль консервативного правительства в борьбе против ЭТА. То, что международный терроризм и тем более Ирак не имеют никакого отношения к акциям ЭТА, конечно же, умело оставлено «за кадром». Для этой цели используется общее понятие «терроризм», т. е. Аснар фактически прибегает к софизму, основанному на манипулировании не значениями термина (определение терроризма однозначно), а прагматическим и контекстуальным аспектами его употребления. Здесь же проявляется еще одна политическая импликатура — обвинение оппозиции в несостоятельности: если вы против терроризма ЭТА, вы должны также активно бороться с международным терроризмом. Если вы этого не делаете, то вы (пусть даже косвенно) выступаете в поддержку терроризма в Испании.

Когда международный терроризм все же нанес удар по Испании серией взрывов в Мадриде годом позже, 11 марта 2004 г., в результате чего погибло около 200 человек, Аснар вроде бы получил нужное ему «доказательство» того, что международный терроризм является проблемой и для Испании. Однако, воспользовавшись тем же методом (мнимая амальгама международного терроризма и терроризма ЭТА), Аснар поначалу хотел убедить СМИ и население в том, что эти акции были совершены ЭТА. Цель Аснара была очевидна: усилить агрессивную политику, направленную против ЭТА, и получить голоса избирателей. Однако население и СМИ не поддались на такую явную попытку манипуляции, предпринятую за два дня до национальных выборов. Аснар и его партия выборы проиграли. Однако для нашего анализа важны лишь те импликатуры, которые содержатся в выступлении Аснара от 5 февраля 2003 г. Можно заметить, что увязывание в риторике вопросов внешней и внутренней политики — один из распространенных (но далеко не всегда действенных) способов получить голоса избирателей и опорочить политических оппонентов. Отсюда вытекает и акцентирование связи с ЭТА, и упор на национальную безопасность и чувство спокойствия граждан.

Наконец, остановимся еще на одном способе манипулирования мнением участников дискурса, который можно назвать «игрой в цифры». Это достаточно распространенная уловка в споре, и в речи Аснара игра в цифры выполняет несколько функций. Во-первых, это средство придать словам премьера впечатление объективности и точности. Во-вторых, числа, как и факты, — аргументы, против которых не-

возможно возражать. В-третьих, употребление числовых данных позволяет сформулировать аргументы против Хусейна в концентрированной форме, акцентируя внимание слушателей на нежелании последнего следовать договоренностям и выполнять международные резолюции.

No ha dado cuenta del agente nervioso VX producido y no declarado (Rumores.); no ha explicado el destino de 1.000 toneladas de agents químicos que conservó tras la guerra con Irán; no ha dado cuenta de 6.500 proyectiles para carga química; no ha demostrado la destrucción de 8.500 litros de ántrax; no ha detenido la producción de misiles con un radio de más de 150 kilómetros; no ha revelado el destino de 380 propulsores de misiles con agentes químicos que fueron introducidos de contrabando en el país el mes anterior.

Он [Ирак] не отчитался по нервно-паралитическому газу VX, который производился, но не декларировался (Шум в зале.); он не объяснил, куда делась 1000 тонн химических реактивов, оставшихся со времен войны с Ираном; он не отчитался о 6500 артиллерийских снарядов, снаряженных отравляющими веществами; он не продемонстрировал уничтожение 8500 литров препарата сибирской язвы; он не прекратил производство ракет дальностью свыше 150 километров; он не сообщил, куда делось 380 двигателей для ракет, способных нести химические боеголовки, которые были контрабандно ввезены в страну месяц назад.

Очевидно, что здесь важно само наличие чисел, а конкретные величины значения не имеют — можно сказать, что в дискурсе апологии непопулярного решения лингвистический аспект подачи подобной информации превалирует над математическим. Уже то, что даже спустя несколько месяцев после оккупации Ирака (позже ситуацию просто «спустили на тормозах») ничего из перечисленного Аснаром обнаружено не было, показывает, что эти числа либо относятся к каким-то безвредным химикатам, либо полностью выдуманы. Политический смысл и импликатура такой игры в цифры, однако, заключаются в создании впечатления объективности и достоверности. Аснар показывает свою информированность и то, как тщательно он подготовился к выступлению. Оппозиция в этом отношении оказывается в проигрышном положении, поскольку не может столь легко оперировать цифрами, защищая антивоенную политику. В то же время Аснар несомненно использует приводимые «факты» как доказательство ужасного характера Саддама Хусейна, что является еще одним аргументом в поддержку войны. В целом игра с цифрами — проявление более общей стратегии, которую можно обозначить как «создание имиджа приверженца твердых фактов». Эта стратегия играет роль не только в аргументации непопулярных решений, но практически в любом политическом взаимодействии, сигнализируя о прав-

дивости и точности, а следовательно, о компетентности говорящего и достоверности исходящей от него информации. Истинность фактов сама по себе большого значения не имеет: политическая цель — внушать доверие. То же самое, впрочем, относится и к значительной части медиадискурса.

Хотя мы и не имели возможности уделить должное внимание всем структурам, приемам и стратегиям, применяемым в речах Аснара перед парламентом по вопросу об Ираке, мы увидели наиболее общие приемы и стратегии, используемые политиками для оправдания непопулярных решений перед оппозицией, СМИ, населением. Действительно, неожиданных ходов и решений в этих выступлениях очень немного, большинство стратегий можно считать классикой политических выступлений, уже рассмотренных в соответствующей литературе по дискурс-анализу — например, в работах Т. ван Дейка. К таким стратегиям относятся стратегия положительной самопрезентации и отрицательной презентации другой стороны, а также целый ряд риторических и логических (квазилогиче-

ских?) уловок, таких, как использование статистики или чисел, консенсус, интернационализм, обращение к авторитетам, сравнения и примеры, оправдывающие ту или иную политику. Лингвополитический анализ, аналогичный предложенному, вносит определенный вклад в изучение структур и функций выступления в политическом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

Chomsky N. *Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance*. — N. Y.: Metropolitan Books, 2003.

Gazdar G. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. — N. Y.: Academic Press, 1979.

Levinson S. C. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. — Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Dijk, van T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society*. 1993. № 4(2). P. 249—283.

Dijk, van T. A. *Ideología y discurso*. — Barcelona: Ariel, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 32.019.51:81'27

ББК С524.224.5

ГСНТИ 11.15.89; 16.21.27

Код ВАК 23.00.00; 10.02.19

А. Е. Бочкарев, М. А. Осминина
Нижний Новгород, Россия

А. Е. Bochkarev, M. A. Osminina
Nizhny Novgorod, Russia

«ПОВЕСТКА ДНЯ»

AGENDA-SETTING PROCESS

AS A MECHANISM OF INFLUENCE:

КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ:

COTE D'IVOIRE'S PRESIDENTIAL ELECTIONS

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В КОТ-Д'ИВУАРЕ

Аннотация. Рассматриваются основные концепты, использовавшиеся западными СМИ при освещении ситуации в период президентских выборов 2010 г. в Кот-д'Ивуаре с точки зрения процесса установления повестки дня. Указывается, что изменение концептов происходит параллельно с изменением настроений в пред- и поствыборный периоды. Демонстрируется, каким образом используемые концепты влияют на восприятие участниками выборного процесса публикой.

Abstract. The article describes the main concepts used by the Western press and mass-media to report the 2010 presidential election situation in Côte d'Ivoire in the context of agenda-setting process. The authors point that the changing of the concepts takes place in parallel to the changing of the general mood in the pre- and post-electoral period. The concepts related to the main polls adversaries are analyzed. It is revealed in what manner the concepts in use influence the elections participants' perception by the public.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар; Западная Африка; политическая коммуникация; пресса; массмедиа; процесс установления повестки дня; концепт; выборы; Лоран Гбагбо; Алассан Уаттара.

Key words: Côte d'Ivoire; Western Africa; political communication; press; Mass Media; agenda-setting process; concept; elections; Laurent Gbagbo; Alassane Ouattara.

Сведения об авторе: Бочкарев Андрей Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французской филологии.

About the author: Bochkarev Andrei Evgenievich, Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor of the Chair of French Philology.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Place of employment: Nizhny Novgorod Dobrolubov State Linguistic University.

Контактная информация: 603005, Нижний Новгород — 5, а/я 72.

e-mail: abotchkarev@sinn.ru.

Сведения об авторе: Осминина Мария Александровна, преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, факультет международных отношений.

About the author: Osminina Maria Alexandrovna, Foreign Languages and Culturology Chair Lecturer, Faculty of International Relations.

Место работы: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Place of employment: Nizhny Novgorod Lobachevski State National Research University.

Контактная информация: 603950, г. Нижний Новгород, Ульянова, 2, к. 14.

e-mail: omaria@mail.ru.

В статье изучается речевое поведение коммуникантов в период проведения президентских выборов 2010 г. в Кот-д'Ивуаре как отражение сложной политической ситуации в стране.

му — распространяемые посредством прессы, телевидения, радио и Интернета тексты журналистов.

Актуальность исследования видится в необходимости проанализировать языковое поведение коммуникантов в контексте предстоящих в текущем году выборов в ряде стран африканского континента. По некоторым прогнозам, моделью для этих выборов могут стать президентские выборы в Кот-д'Ивуаре. Принципиально важно поэтому проследить, как коррелируют в сложившейся ситуации общественное мнение и языковое поведение агентов СМИ.

Для характеристики политической обстановки в стране следует отметить, что два раунда президентских выборов сводились к соревнованию двух кандидатов: действующего президента Лорана Гбагбо и кандидата от оппозиции Алассана Уаттара. Лоран Гбагбо представляет позицию коренных ивуарийцев-христиан, заинтересованных в сохранении собственной идентичности посредством ограничения прав незаконных иммигрантов, в усилении политической, экономической и др. независимости от бывшего колонизатора — Франции вместе с действующей в согласии с ней частью мирового сообщества, представленного ООН, ЕС, США, ЭКОВАСом и др. Алассан Уаттара представляет интересы исповедующих ислам иммигрантов и потомков иммигрантов-повстанцев и поддерживается Францией и ООН. Несмотря на то, что согласно Конституции Кот-д'Ивуара избранным президентом является Лоран Гбагбо, ООН, ЕС,

Материалом исследования послужили англоязычная пресса и массмедиа во время выборов, а также в предвыборный и поствыборный периоды. Анализом затрагивались различные типы политического дискурса, в том числе институциональный и медийный [см. Будаев, Чудинов 2006]. К первому типу относятся тексты политиков (публичные выступления и интервью политических лидеров и т. д.), ко второ-

США, ЭКОВАС и другие страны и организации отказываются признавать его победу на выборах, объявляя избранным президентом Аласана Уаттара. Поэтому на сегодняшний день в общественном сознании сформировалось мнение, что в Кот-д'Ивуаре два президента.

С целью представить сложившуюся ситуацию как безвыходную и тем самым склонить общественное мнение в пользу вмешательства извне журналисты широко используют в качестве самого подходящего концепт *standoff* ('тупик'). Ср. заголовки статей: **Standoff Set Up With 2 Ivory Coast Presidents** (The New York Times); **Standoff in Ivory Coast Leads to Fears of Violence** (The New York Times); **Côte d'Ivoire's Predictable Post-Election Impasse** (Worlds Politics Review) — **Тупиковая ситуация с двумя президентами Кот-д'Ивуара; Безвыходное положение в Кот-д'Ивуаре ведет к страху перед насилием; Предсказуемый поствыборный тупик в Кот-д'Ивуаре**. Концепт раскрывается через такие действия президента Гбагбо, как объявление комендантского часа под предлогом предотвращения беспорядков, закрытие границ, приостановление вещания французских телевизионных каналов [3]. Ср.: **Côte d'Ivoire in lockdown as leaders reject vote results** (Mail & Guardian) и **Côte d'Ivoire: Army Shuts Borders amid Worry That Gbagbo Won't Quit Post** (Radio France Internationale) — **Кот-д'Ивуар в строгой изоляции из-за опровержения результатов выборов и Кот-д'Ивуар: армия закрывает границы из-за беспокорства о том, что Гбагбо не уйдет с поста**. А поскольку инициатором медийного и пространственного «тупика» признается президент Гбагбо, в сознании читателя формируется мнение, что повинным в политическом тупике является не кто иной, как Президент.

Концепт *standoff* ('тупик') сочетается по принципу дополнительности с концептом *impossibility* — 'невозможность (договориться)' в отношении мирового сообщества или концептом *implacability* — 'непримиримость' в отношении Гбагбо: **Côte d'Ivoire: Constitutional Council Rejects Ouattara's Win** (RFI); **Côte d'Ivoire: Fear, Mayhem as Officials Reverse Poll Results** (UN Integrated Regional Information Networks); **Côte d'Ivoire: Constitutional Council Overturns Poll Result, Declares Gbagbo Winner** (allAfrica.com) — **Кот-д'Ивуар: Конституционный совет отказывает Уаттара в победе; Кот-д'Ивуар: страх и беспорядок после полного изменения результатов голосования; Кот-д'Ивуар: Конституционный совет опровергает результаты выборов и объявляет Гбагбо победителем**. Невозможность выйти из «тупика», куда «загнал» страну Гбагбо, оценивается при этом посредством метафорических выражений *oath* ('присяга') и *Danse Macabre* ('Пляска смерти'): **2 Oaths of Office Taken in Ivory Coast** (The New York Times); **Côte d'Ivoire Elections: Avoiding a "Danse Macabre"** (World

Politics Review) — **Две должностные присяги в Кот-д'Ивуаре; Выборы в Кот-д'Ивуаре: избегаая „Пляски смерти“**.

Чтобы понять, как складывающаяся в стране политическая обстановка соотносится с освещением в СМИ, по мнению У. Липпманна, необходимо представить процесс установления «повестки дня» (*agenda-setting process*), т. е. то, какие вопросы высвечиваются в политической коммуникации и какие замалчиваются [Будаев, Чудинов 2006].

Второй раунд выборов состоялся 28 ноября 2010 г. Подсчет голосов был доверен Независимой избирательной комиссии (НИК), состоявшей в основном из членов оппозиции. На подсчет голосов НИК были даны три дня. По Конституции Кот-д'Ивуара, до оглашения результаты голосования должны быть утверждены Конституционным советом. НИК не соблюла оговоренный трехдневный срок подсчета голосов, а на четвертый день один из ее представителей был доставлен в резиденцию Аласана Уаттара, где находились сам Уаттар и представители международного сообщества, и публично объявил о результатах голосования, не дожидаясь их утверждения Конституционным советом. По словам представителя НИК, Аласан Уаттара вышел победителем. Обнаружив подделку в результатах голосования, Конституционный совет, состоящий в большинстве своем из сторонников действующего президента, отменил результаты выборов в семи округах, в которых Уаттара набрал наибольшее количество голосов, и объявил Гбагбо победителем.

В западной прессе и массмедиа подробно освещаются факты, формирующие общественное мнение в пользу Аласана Уаттара, тогда как информация о правительстве Гбагбо дается фрагментарно, в основном его меры подаются как действия, противоречащие выбору ивуарийцев или загоняющие страну в кризис.

Как показывает анализ, во время предвыборной кампании основной задачей англоязычной прессы и массмедиа было убедить читателя в необходимости честных и прозрачных выборов, упредить опасность непризнания результатов голосования. В этом контексте журналистами широко применялся концепт *peace* — 'мир', выражавший возлагаемые на будущего президента надежды на выведение страны из кризиса. Отсюда словосочетания *positive and calm political climate* — 'благоприятный и спокойный политический климат', *spirit of compromise and consensus* — 'дух сотрудничества и консенсуса', *encourage* — 'вдохновлять', *bode well* — 'способствовать', *peace process* — 'мирный процесс', *the process of ending the crisis* — 'процесс окончания кризиса', *bring peace back* — 'вернуть мир' в речи цитируемых в прессе официальных лиц мирового сообщества. Ср.: **Positive and calm political... climate... and the spirit of compromise and consensus... are encouraging and bode well for**

the elections — **‘Благоприятный и спокойный политический ... климат и ... дух сотрудничества и консенсуса вдохновляют и способствуют проведению выборов’** — из реплики Генерального секретаря ООН Бан Ки-муна [1]; *They called on the Ivorian political class to do everything possible to preserve the peace process* — ‘Они призвали правящие круги Кот-д’Ивуара сделать все, чтобы способствовать мирному процессу’ — из заявления лидеров ЭКОВАСа после переговоров за закрытыми дверями в Нигерии [5]; *Discussions... have allowed Ivorian political actors to agree to advance the process of ending the crisis above all to bring peace back to our country* — ‘Переговоры позволили политическим деятелям Кот-д’Ивуара договориться о продвижении процесса окончания кризиса, чтобы вернуть мир в нашу страну’ — из реплики Гийома Соро [12].

После второго раунда выборов, когда президентскую присягу принимают одновременно два политика и в стране начинаются беспорядки, становится ясно, что осуществление надежд на восстановление мира отложено на более поздний срок. В качестве основного концепта «повестки дня» в этот период избирается концепт *legitimacy* — ‘легитимность’. Его связывают с объявленным НИК президентом Уаттара в выражениях типа *credible observers* — ‘заслуживающие доверия обозреватели’, *free and fair election* — ‘свободные и прозрачные выборы’, *no grounds to change the final results* — ‘отсутствие оснований для изменений окончательных результатов’, *no party should be allowed to obstruct* — ‘не разрешено препятствовать’ и т. п.

Пресса, упоминая, что НИК нарушила трехдневный срок подсчета голосов, а Уаттара и сопровождавшие его официальные лица обошли основной пункт избирательного кодекса, не предоставив Конституционному совету подписать результаты голосования, тем не менее признает их действительными по причине их одобрения НИК: *According to the country’s electoral code, Fitzgerald said, the provisional results must be sent to the country’s Constitutional Court to be ratified. “But, clearly, since everyone has said — all credible observers, including the United Nations — that the election was free and fair, we believe that the Constitutional Court will have no grounds to change the final results”* — ‘По словам Фицджеральда, согласно избирательному кодексу страны, чтобы быть ратифицированными, предварительные результаты должны быть посланы Конституционному совету. „Но ясно видно, потому как все сказали — все заслуживающие доверия обозреватели, включая ООН, — что выборы были свободные и прозрачные, мы считаем, что у Конституционного совета не будет оснований изменить окончательные результаты“ [4]. Концепт *legitimacy* фигурирует также и в реплике представителя Белого дома Марка Хаммера: **Credible, accredited elec-**

toral observers have characterized the balloting as free and fair, and no party should be allowed to obstruct further the electoral process — **‘Аккредитованные и заслуживающие доверия наблюдатели охарактеризовали выборы как свободные и прозрачные, и никакой стороне не должно быть разрешено препятствовать избирательному процессу’** [16].

«Повестка дня» задается и тем существенным обстоятельством, что упор в прессе и массмедиа делается на доклад Европейского Союза, тогда как о докладе Африканского Союза умалчивается. Хотя в докладе ЕС и говорится о нарушениях во время проведения выборов, эти нарушения квалифицируются как незначительные и приемлемые для признания результатов голосования. Между тем в связи с серьезными нарушениями на Севере страны доклад АС не исключает возможность пересмотра результатов голосования: *The mission noted with regret, serious acts of violence, namely loss of human lives, infringement of physical integrity, intimidation, and abduction attempts and damage to the electoral material. So many facts that should be object to a careful assessment from the competent institutions, so as to determine their impact on the ballots* — ‘Миссия с сожалением заметила серьезные проявления насилия, а именно: потеря человеческих жизней, нарушение физической неприкосновенности, попытки запугивания и похищения силой и порча материала для проведения выборов. Это факты, которые должны быть подвергнуты внимательному изучению со стороны компетентных институтов, чтобы определить их влияние на результаты голосования’ [14].

Поскольку решение Конституционного совета представляется как опровержение результатов голосования, концепту *legitimacy* — ‘легитимность’ противопоставляется концепт *dictatorship* — ‘диктаторство’, как если бы Гбагбо, отвергая объявленные НИК результаты голосования, не уважал выбор ивуарийцев. Ср.: *The Constitutional Council has rejected an announcement naming presidential candidate Alassane Ouattara as the winner of Côte d’Ivoire’s elections. Earlier, the electoral commission had declared Ouattara the winner of the election with 54 per cent of the vote* — ‘Конституционный совет опроверг заявление, в котором кандидат в президенты Алаассан Уаттара бы назван победителем в выборах в Кот-д’Ивуаре’ [2]. В данном контексте с помощью словоупотребления *has rejected* — ‘опроверг’ создается впечатление, будто Гбагбо и в самом деле диктатор; к тому же в тексте умалчивается, что по избирательному кодексу единственным органом, имеющим право утверждать результаты голосования, является не НИК, а Конституционный совет.

Если Гбагбо в англоязычных СМИ ассоциируется с концептом *dictatorship* — ‘диктаторство’, то Уаттара — с концептом *equality* — ‘равенство’, выражаемого словами и словосоче-

таниями *brother* — 'брат', *bring together* — 'объединить', *peace* — 'мир', *forgiveness* — 'прощение', *reconciliation* — 'примирение', *union* — 'союз', *welcome* — 'пригласить'. Ср.: Ouattara called on his "**brother**" Gbagbo to accept the result, promising to form a unity government and "**bring together the nation in the values of peace, forgiveness, reconciliation and union**" — 'Уаттара призвал своего „брата“ Гбагбо принять результаты, обещая создать новое правительство и „объединить нацию, в основе которой будут положены ценности мира, прощения, примирения и союза“' [6]; *If Laurent Gbagbo agrees to leave power quietly, the ministers from his party would be welcome in the government we plan to lead*, Guillaume Soro, Ivory Coast's premier ... told — 'Если Лоран Гбагбо согласится спокойно покинуть власть, министры из его партии **будут приглашены** в правительство, которое мы планируем возглавить', — сказал... премьер-министр Кот-д'Ивуара Гийом Соро' [9].

В большинстве статей Гбагбо представляются, таким образом, диктатором, а его соперника, Уаттара, — гарантом демократии, равенства и процветания.

В поствыборный период концепт *peace* заменяется концептом *war* — 'война', выражаемым словами *fire* — 'огонь', *beat* — 'избивать', *kill* — 'убивать', *tensions* — 'напряжение', *violence* — 'насилие', *death* — 'смерть', *injure* — 'ранить', употребляемыми по отношению к правительству Гбагбо. Ср.: *Security forces loyal to President Laurent Gbagbo of Ivory Coast opened fire on demonstrators ... beating and killing marchers who had planned to disrupt state television* — 'Силы безопасности Кот-д'Ивуара, принадлежащие Лорану Гбагбо, открыли **огонь** по демонстрантам, **избивая и убивая** участников выступления, запланировавших разрушить государственное телевидение' [13]; *The US embassy's consular section in Abidjan ... added that tensions were high following "sporadic demonstrations, violence and deaths"* — 'Консульское подразделение посольства США в Абиджане добавило, что **напряженность** была высокой из-за единичных демонстраций, **насилия и смертей**' [15]; *Navi Pillay said in a statement that "in the past three days there has been more than 50 people killed, and over 200 injured"* — 'Нави Пиллэй сказал в заявлении, что „в прошедшие два дня более 50 человек были **убиты** и более 200 **ранены**“' [11].

С точки зрения устанавливаемой «повестки дня» примечательно, что обвинения в беспорядках адресуются в первую очередь сторонникам Гбагбо, тогда как сторонники Уаттара упоминаются в этой связи вскользь, или о них вообще ничего не говорится. В результате такого освещения событий у западного читателя складывается впечатление, что Кот-д'Ивуар находится на пороге гражданской войны, что в случае признания Гбагбо стране грозит катастро-

фа. Избавить страну от диктаторства способно, по мнению мирового сообщества, только правительство Уаттара после ухода Гбагбо с поста президента. Концепт *step down* — 'уход (с поста)' репрезентируется при этом в выражениях типа *stepped up pressure* — 'усилить давление', *leave* — 'покинуть', *oust* — 'прогнать', *exit* — 'уйти'. Ср.: *The international community has stepped up pressure on Gbagbo to leave* — 'Международное сообщество усилило **давление** на Гбагбо, чтоб он **покинул пост** президента' [10]; *A top opposition figure called... for the international community to use force to oust Laurent Gbagbo from the presidency* — 'Глава оппозиции призвал... международное сообщество использовать силу, чтобы **прогнать** Гбагбо с поста президента' [8]; *Gbagbo has also ignored efforts by the United States government to get him to accept a "dignified exit" from power* — 'Гбагбо проигнорировал также усилия правительства Соединенных Штатов помочь ему „**достойно уйти**“ из власти' [7].

Таким образом, используемые англоязычными СМИ концепты *dictatorship* — 'диктаторство' и *war* — 'война' призваны убедить читательскую аудиторию в необходимости ухода Гбагбо с поста президента, тогда как концепты *legitimacy* — 'легитимность', *peace* — 'мир' и *equality* — 'равенство' служат, напротив, аргументом в пользу прихода к власти Уаттара. По средством концепта *standoff* — 'тупик' утверждается, будто единственной силой, способной вывести страну из сложившегося тупикового положения, является мировое сообщество. В качестве «повестки дня» данные концепты формируют соответствующее общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов; УрГПУ. — Екатеринбург: УрГПУ, 2006.

ИСТОЧНИКИ

[1]. Côte d'Ivoire: Calm political, security climate bodes well for polls, SG says // allAfrica.com. URL: <http://allafrica.com/stories/201010290081.html> (дата обращения: 24.01. 2011).

[2]. Côte d'Ivoire's Constitutional Council rejects Ouattara win results // RFI. URL: <http://www.english.rfi.fr/africa/20101202-cote-divoires-constitutional-council-rejects-ouattara-win> (дата обращения: 24.01. 2011).

[3]. Côte d'Ivoire: Michel Galy dénonce le manque du pluralisme des médias // Ivorian. URL: <http://update.ivorian.net/home/InterviewMichelGaly.html> (дата обращения: 24.01. 2011).

[4]. Victory of Alassane Ouattara in Côte d'Ivoire should stand, says U. S. official // America.gov. URL: <http://www.america.gov/st/democracyhenglish/2010/December/20101202151739selrahc0.724972.html#> (дата обращения: 24.01. 2011).

[5]. ECOWAS leaders exhort Nigerien Parties to demonstrate flexibility in resolving political crisis // ECOWAS. URL: <http://news.ecowas.int/presseshow.php?nb=020&lang=en&annee=2010> (дата обращения: 24.01. 2011).

[6]. Ivory Coast in lockdown as leaders reject vote results // MG. URL: <http://www.mg.co.za/article/2010-12-03-cte-divoire-in-lockdown-as-leaders-reject-vote-results> (дата обращения: 24.01. 2011).

[7]. Ivory Coast: Laurent Gbagbo clings to power // Globalpost.. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/africa/110103/ivory-coast-gbagbo-crisis#> (дата обращения: 24.01. 2011).

[8]. Ivory Coast opposition wants President Gbagbo ousted by force [Электронный ресурс] // CS Monitor. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Latest-News-Wires/2010/1222/Ivory-Coast-opposition-wants-President-Gbagbo-ousted-by-force> (дата обращения: 24.01. 2011).

[9]. Ivory Coast's Ouattara offers jobs to Gbagbo cabinet // Reuters. URL: <http://uk.reuters.com/article/idUKTRE6B249620101206> (дата обращения: 24.01. 2011).

[10]. Laurent Gbagbo and allies facing EU sanctions // Timeslive. URL: <http://www.timeslive.co.za/africa/article823215.ece/Laurent-Gbagbo-and-allies-facing-EU-sanctions> (дата обращения: 24.01. 2011).

[11]. More than 50 killed during Ivory Coast violence // The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/cotedivoir>

[e/8213012/More-than-50-killed-during-Ivory-Coast-violence.html](http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/cotedivoir/e/8213012/More-than-50-killed-during-Ivory-Coast-violence.html) (дата обращения: 24.01. 2011).

[12]. New government expected after successful mediation // RFI.com. URL: <http://www.english.rfi.fr/africa/20100223-new-government-expected-after-successful-mediation> (дата обращения: 24.01. 2011).

[13]. Security Forces Open Fire on Protesters in Ivory Coast // NY Times. URL: http://www.nytimes.com/2010/12/17/world/africa/17ivory.html?_r=1&ref=world (дата обращения: 24.01. 2011).

[14]. Statement of the African Union observer mission on the presidential election in Côte d'Ivoire n November 28, 2010 made by his Excellency Joseph Koffigoh head of mission // Ivorian.net. URL: http://www.ivorian.net/Communiqués/Rapport_du_Chef_de_la_mission_des_observateurs_de_l_UA.pdf (дата обращения: 24.01. 2011).

[15]. US pulls embassy staff amid Ivory Coast unrest // Timeslive. URL: <http://www.timeslive.co.za/africa/article819472.ece/US-pulls-embassy-staff-amid-Ivory-Coast-unrest> (дата обращения: 24.01. 2011).

[16]. White House Statement on Election in Cote d'Ivoire. Statement by NSC Spokesman Mike Hammer on the elections in Cote d'Ivoire. The White House Office of the Press Secretary: 2 декабря 2010.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев

Е. Г. Брунова
Тюмень, Россия

Е. G. Brunova
Tyumen, Russia

**МИФОПОЭТИКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ
И КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

**MYTHOPOETICS
IN COMMUNIST PROPAGANDA:
LINGUOCULTURAL
AND COGNITIVE ANALYSIS**

Аннотация. *Анализируются мифопоэтические элементы в коммунистической пропаганде советской эпохи: вера в миф, стереотипные метафоры и лингвокультурный бинарный код, основанный на противопоставлении «Своих» и «Чужих».*

Abstract. *The paper deals with the analysis of mythopoetic elements in the Communist propaganda of the Soviet period: the belief in the myth, stereotyped metaphors and the binary code based on the contrast Kin vs. Alien.*

Ключевые слова: миф; поэтика; советский дискурс; социализм; капитализм; коммунистическая пропаганда; метафора; бинарный код; когнитивный анализ; вождь; враг; свой; чужой.

Key words: myth; poetics; Soviet discourse; socialism; capitalism; Communist propaganda; metaphor; binary code; cognitive analysis; leader; enemy; kin; alien.

Сведения об авторе: Брунова Елена Георгиевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков.

About the author: Elena Georgievna Brunova, Doctor of Philology, Head of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г.Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
e-mail: egbrunova@mail.ru.

Целью нашего исследования является лингвокультурный и когнитивный анализ мифопоэтических элементов коммунистической пропаганды. Традиционно мифопоэтическое мышление связывают с древним обществом, донаучной эпохой, а не с реалиями новейшей истории. Мы склонны полагать, что элементы мифопоэтического мышления, характерные для древних обществ, не исчезают безвозвратно, а продолжают существовать в языковой картине мира. Кроме того, сегодня, когда минуло 20 лет после окончания советской эпохи, мы можем попытаться взглянуть на ее дискурс извне, в историческом контексте.

Изучая дискурс советской эпохи (1917—1991 гг.), мы обнаруживаем мифопоэтические элементы не только в сфере наивной картины мира, но и в сфере официальной идеологии. Хотя такие элементы можно найти практически в любой идеологии, их влияние на формирование языковой картины мира может существенно различаться [Arnold 1937; Kertzer 1988; Богданов 2001]. Что касается коммунистической идеологии, то некоторые исследователи культуры называют ее «сотворением мифа» [Булдаков 1997: 296], «лжерелигией» [Панченко 1996: 166], «продолжением мифа о Золотом Веке» [Элиаде 1996: 25].

Следует упомянуть и о размытости самого термина *миф*, который может трактоваться не только как «древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы», но и как «недостовверный рассказ, выдумка; вымысел» [Ожегов, Шведова 1996: 351]. М. Элиаде, указывая на частое смешение значений слова *миф*, настаивает на необходимости для

ученого рассматривать миф «не в обычном значении слова как „сказку“, „вымысел“, „фантазию“, а так, как его понимали в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначал, как раз наоборот, „подлинное реальное событие“ и, что еще важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания» [Элиаде 1995: 10].

Примечательно, что в русском языке у слова *миф* именно в советский период появились отрицательные коннотации. Подобно тому, как *религию* называли «опиумом для народа», так и *мифом* часто называли выдумки и беспочвенные фантазии. Единственным исключением было употребление этого слова по отношению к античному периоду, напр.: *мифы и легенды Древней Греции*. Применительно к дохристианской Руси избегали употреблять слово *миф*, ограничиваясь такими терминами, как *былина*, *сказания* и т. п. Исследования в области мифологии также не поощрялись вплоть до 1970—1980-х гг. (см. об изменении в отношении советской власти к мифологическим изысканиям: [Богданов 2009]).

Основные особенности мифопоэтического мышления были выявлены на основе изучения культуры древних обществ и соответствующих текстов, обычаев и ритуалов. В данной статье мы рассмотрим три из них:

• **Вера в миф.** М. И. Стеблин-Каменский называл миф повествованием, «которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» [Стеблин-Каменский 1976: 5; см. также Элиаде 1996: 26]. Когда вера в истинность мифа утрачивается, картина мира рушится. Для сторонне-

го наблюдателя миф представляется выдуманной. Противоречие в понимании мифа является проявлением фактора наблюдателя, или, если использовать термин Б. А. Успенского, категории точки зрения [Успенский 2000].

• **Образность мышления.** Мифопоэтическая картина мира строится на метафорах и ритуальных действиях, однако эти метафоры и ритуалы принципиально отличаются от авторской (художественной) метафоры и театрального действия, поскольку в их основе лежит вера, допускающая абсолютное слияние с образом, а не эстетические соображения. Так, Э. Кассирер пишет: «У истоков мифологических действий ... — мимическое действие, которое никак не обладает лишь „эстетическим“, театральным смыслом. Танцор, появляющийся в маске бога или демона, не просто подражает богу или демону, а принимает их натуру, превращается в них и сливается с ними» [Кассирер 2001: 247].

• **Бинарный код, обеспечивающий целостность.** Устойчивость и целостность мифопоэтической картины мира обеспечивается строгой системой бинарных оппозиций: *Священное vs. Мирское, Центр vs. Периферия, Верх vs. Низ, Свой vs. Чужой, Чет vs. Нечет* и т. д. [Гуревич 1972; Топорова 1994; Брунова 2007].

Несмотря на то что марксизм позиционировал себя как научное направление, вопрос веры в нем занимал не последнее место. Символом веры звучит тезис диалектического материализма: *Материя первична, сознание вторично*. Сила марксизма объясняется с позиции веры: *Учение Маркса всесильно, потому что оно верно*.

В основе ожесточенной борьбы с религией, проводимой в советскую эпоху, лежало не что иное, как установление новой веры. Подобно тому как христианские храмы строились на месте языческих капищ, на месте разрушенных храмов возводились новые святилища, ср. идею строительства Дворца Советов на месте взорванного храма Христа Спасителя.

Вместо религиозных праздников народу предлагались новые «красные дни календаря», вместо Рождества Христова советские люди стали праздновать Новый год, вместо религиозных обрядов крещения, венчания и отпевания создавались новые ритуалы, связанные с рождением (октябрины, звезды и т. п.), вступлением в брак (комсомольские свадьбы и т. п.) и смертью (оркестр, играющий марши, красная звезда на могиле вместо креста).

Канонизация вождей выражалась в ряде ритуалов, напоминающих религиозные таинства. Видных деятелей ВКПб/КПСС хоронили у Кремлевской стены, как в прежние времена самых достойных прихожан хоронили около христианских храмов. После смерти тело В. И. Ленина (а на некоторое время — и И. В. Сталина) было помещено в Мавзолей, куда приходили миллионы людей, чтобы поклониться вождю. Перед Мавзолеем несколько раз в год прохо-

дили парады и демонстрации, при этом действующие лидеры стояли на трибуне самого Мавзолея, а демонстранты несли портреты вождей, как верующие во время крестного хода несут образа и хоругви.

Создание мифа о революционном вожде проходило на фоне «разоблачения» религии, массового вскрытия мощей святых. Б. Маршадье справедливо связывает эти два процесса: «советская власть на протяжении своей истории быстро поняла, какую пользу она может извлечь из народной религиозности, если только ей удастся изгнать из нее христианство» [Маршадье 2004: 571]. Становление «новой веры» происходило в условиях неизбежного двоеверия, когда христианские символы и формы соседствовали с коммунистическими. В красном углу крестьянской избы рядом с иконой мог появиться портрет коммунистического вождя. Впоследствии на заводах, в колхозах и воинских частях появляются Красные уголки и Ленинские комнаты, где уже ничего не остается от христианской символики, однако сходство между словосочетаниями *красный угол* и *Красный уголок* вряд ли можно считать совпадением, ср.: «*Красный угол* — в избе, передний, старший, где иконы и стол. <...> Красный угол обычно обращен к юго-востоку; солнце утром входит в избу передними, красными окнами» [Даль 2002: 771]; «*Красный уголок* — помещение для политической и культурно-просветительной работы, соответствующим способом оборудованное» [Толковый словарь 2001: 577]. Возникнув первоначально в казармах частей Красной армии в 1921 г., Красный уголок представлял собой один из свободных углов спальни с портретами вождей революции, фотографиями и лозунгами. Под портретами могли быть столики для игр, написания писем и чтения. Затем Политуправление РККА ввело Красные уголки как отдельные комнаты во всех частях для проведения повседневной политико-воспитательной работы. В 1924 г. армейские Красные уголки были переименованы в Ленинские комнаты.

В семантическом плане слово *красный* в сочетании *красный уголок* ассоциируется не только со значением «почетный, старший», но и с Красным Знаменем, символом революции. Любопытно появление уменьшительного суффикса в слове *уголок*. Это, видимо, является указанием на необширность казармы 1920-х гг., к тому же позволяет отмежеваться от *красного угла* крестьянской избы.

В советском изобразительном искусстве, особенно 1920—1930-х гг., использовались традиции, восходящие к иконописи; ср., напр., некоторые панно, выставленные в Музее истории религии (Санкт-Петербург), выполненные в технике палеха. На одном из них изображена праздничная демонстрация. В центре — лик В. И. Ленина на Красном Знамени и лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Во-

круг — радостные люди в национальных одеждах, улыбающиеся дети в школьной форме. На заднем плане — Московский Кремль и небо, озаренное салютом. Подобная «православная» традиция встречается и в поэзии, прежде всего в произведениях представителей Пролеткульта: *Вулканился радостью сердце коллективное, // Огненными зорями пылают полотна ярко-алы, // Озаряя зреющий путь всемирного восстанья... // Под арками — кружево человеческих сцеплений... // Над ними реет Святая Пролетарская Троица: // Отец — бессмертный Маркс, сын — великий Ленин // И дух — Коммуна, в знаменах узорится...* (И. Садофьев. Именины пролетарской революции).

Концепция Пролеткульта подвергалась жесткой критике со стороны советского руководства, которое обвиняло его приверженцев в противоречии между буржуазной формой и коммунистическим содержанием. По нашему мнению, само существование подобного течения есть не что иное, как естественное проявление двоеверия.

Революция в произведениях советских поэтов нередко сравнивается с Рождеством и Крещением, ср.: *Не святой уже — другой, земной Владимир // крестит нас железом и огнем декретов...* (В. Маяковский. Киев).

Советский дискурс содержит немало лозунгов, задача которых заключалась в укреплении веры в марксистскую идеологию, например лозунги об актуальности ленинского учения и клятвы в верности этому учению: *Ленин умер, но дело его живет! Заветам Ленина верны! Ленин с нами!* Последний лозунг является не чем иным, как перифразом известной христианской формулы *С нами — Бог!*

Подобные представления весьма трудно объяснить с материалистических позиций, которые декларировались официальной идеологией. Борясь с религией как «пережитком прошлого», коммунистическая идеология, разумеется, не признавала собственной мифологичности. С. Ю. Неклюдов по этому поводу пишет: «Атеистическая по форме и устремлениям советская идеология может быть истолкована как религиозно-мифологическая. Она имеет собственную „священную историю“, свои „кануны“ в виде „революционных событий 1905 года“ (действия, дублирующие „главное“ свершение и предваряющие его), своих предтеч (революционные демократы XIX века), своих демиургов и пророков, подвижников и мучеников, свои ритуалы, и обрядовый календарь» [Неклюдов 2000: 30].

Когнитивная теория рассматривает метафорический перенос значения как языковое отображение аналоговых возможностей человеческого мышления [Чудинов 2001]. Коммунистическая пропаганда оперировала определенным набором стереотипных метафор, например, слово *капитализм* сопровождалось такими пейоративными эпитетами, как *загниваю-*

щий, умирающий, дряхлеющий, в основе которых лежит сравнение капитализма со стареющим организмом, исчерпавшим свой жизненный ресурс. Социализм, напротив, представлялся *развитым*, его *строили*, его сторонников называли *прогрессивным человечеством*, *растущими силами мира* и т. д. Подобные метафоры столь же далеки от авторских метафор, что и метафоры древних мифопоэтических текстов, и столь же схожи с последними: они несут не эстетическую, а когнитивную нагрузку, маркируют *Своих* и *Чужих*.

Квинтэссенцией *Своих* представляется метафорический образ коммунистического вождя. Этот образ, реализованный в советском поэтическом дискурсе, носит поистине всеобъемлющий характер: вождь сравнивается не только с божеством, но и с представителями животного мира, с веществами и орудиями. В «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович отмечают метафоры коммунистического вождя [Павлович 1999: 63—64]. Ниже предлагается наша классификация метафор вождя в советском дискурсе, основанная на примерах Н. В. Павлович и на собственных данных.

Таблица 1

Образ коммунистического вождя в советском дискурсе

Вождь — человек	Ленин — рулевой / пилот
	Дедушка Ленин
	Сталин — отец народов
	Сталин — учитель
	Сталин — зодчий
Вождь — божество	Сталин — машинист локомотива
	Маркс, Ленин, Коммуна — Святая Троица
	Ленин — вечно живой
Вождь — животное	Сталин — это Ленин сегодня
	Ленин — красный олень
Вождь — птица	Ленин — орел
	Сталин — орел
Вождь — рыба	Ленин — осетр
Вождь — свет	Ленин — солнце
	Каутский — полоска зари
Вождь — орудие	Ленин — аккумулятор / рентген / линза
	железный чекист / коммунист / Феликс
Вождь — вещь	кремниевый коммунист
	Ленин — сердце России / печень Руси

Мы можем наблюдать рождение мифа о вечной жизни вождя: *Залили горем. Свезли в мавзолей // частицу Ленина — тело. // Но тленью не взять — ни земле, ни золе — // Первейшее в Ленине — дело. // Смерть, косу положи! Приговор лжив. // С таким небесам не блажить. // Ленин — жил. Ленин — жив. Ленин — будет жить.* (В. Маяковский. Комсо-

мольская); **Ленин и теперь живет всех живых.** // *Наше знание — сила и оружие.* (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин).

В строках В. Маяковского, написанных сразу после смерти вождя, мы видим живую, мощную метафору, в которой звучит горечь потери человека, естественная психологическая реакция отрицания в состоянии горя. Позже эти строки стали лозунгами, человек превратился в миф, а метафора сделалась застывшей, мертвой. В данном состоянии эту метафору можно встретить в поэтических произведениях, ср.: *Судьбы народов, мечты поколений // Провидел он взором орлиным своим. // Бессмертный, как жизнь, вечно жить будет Ленин // В делах мудрой партии, созданной им.* // (Ю. Каменецкий. Песня о Ленине); **Ленин всегда живой, // Ленин всегда с тобой!** — // *В горе, надежде и радости. // Ленин в твоей весне, // В каждом счастливом дне, // Ленин в тебе и во мне!* (Л. Ошанин. Ленин всегда с тобой). Мифологизированный образ В. И. Ленина стал олицетвора́ть жизнь вообще, жизнь как наивысшую человеческую ценность. Этот образ, демонстрирующий параллель с мифом о переселении душ, предполагает, что душа вождя (или уже божества?) должна вселиться не только в нового вождя (ср. лозунг *Сталин — это Ленин сегодня*), но и в каждого советского человека.

Что касается *Чужих*, то образ врага в коммунистической пропаганде был подробно исследован Д. Вайсом. В его работах [Вайс 2008а, 2008б, 2009] выявляется ряд метафор, обозначающих врага. Ниже предлагается наша классификация метафор врага в советской пропаганде, составленная на примерах Д. Вайса и на собственных данных.

Таблица 2
Образ врага в советском дискурсе

Враг — человек (преступник)	империализм — грабитель / шантажист / разбойник / махинатор
	правительство США — душитель народа
	правительство Чан Кай-ши — шпионы и убийцы в рясах
	правительство США — создатель банд
	правительства капстран — танцоры атомного канкана
Враг — человек (психически больной)	империализм — подверженный бредовым идеям
	правительство США — истерик / разжигатель военного психоза
Враг — неживой объект	контрреволюция — грязь
	фашист — нечисть
	капитализм — гниющая плоть
Враг — паразит	капитализм — паразит
	пережитки капитализма — сорняки / плесень
	поп — паук-кровосос

Враг — паразит	богач — клоп
	буржуазия — жирные мухи
	американская агентура — лес, который надо выкорчевать
Враг — дикое животное	фашист — зверь / стервятник/ людоед / крыса
	капиталист — акула / волк
	Гейббельс — обезьяна
	США — кровожадный хищник
	капитализм — голодная лиса
	Уолл-Стрит — заокеанский осьминог
Враг — домашнее животное	империалист — свинья
	фашист — свинья / мокрая курица
	Гитлер — кобыла
	капитализм — старый конь
	антисоветчик — поганый пес
	капиталист — цепной пес
	фашист — боевой пес
	послевоенная Германия — гончая собака
	Энвер Ходжа — неблагодарный пес
Враг — выдуманное существо	контрреволюция — гидра

Лингвокультурный бинарный код был впервые исследован на материале доисторических обществ, в которых любое природное или социальное явление идентифицировалось как *Священное* или *Мирское* [Eliade 1979]. Язык коммунистической пропаганды имеет много общего с этим древним кодом, поскольку наделяет священными характеристиками все *Свое* и демонизирует все *Чужое*. Необходимо уточнить, что в древних языках под *Своим* подразумевался родственник, свой по крови, свободный человек, а под *Чужим* — раб или враг, т. е. потенциальный раб [Бенвенист 1995: 219]. *Свой* в советском дискурсе означает не *общий по крови*, а *общий по принадлежности к общественному классу*, что напоминает военную систему идентификации *Свой / Чужой*. Бинарность лингвокультурного кода коммунистической пропаганды позволила некоторым исследователям выдвинуть концепцию *идеологической диглоссии* [Ворожбитова 2000], *двойного языка* [Серио 2008], *советского новояза* [Сарнов 2002]; ср. также польск. *powo towa*, серб. *novogovor*.

Рассмотрим данный феномен более подробно на примере контекстного анализа пропагандистского издания Я. Темкина и Е. Черняка «Разбойничий путь американских агрессоров», объемом 215 с. [Темкин, Черняк 1952]. Выбор источника объясняется тем, что на 1950-е гг. приходится разгар холодной войны, обострение отношений между СССР и США, поэтому образы «своих» и «чужих» представлены в данной работе достаточно ярко.

Задачей нашего анализа является определение сочетаемости слов *социализм, комму-*

низм, советский, капитализм, империализм, а также их производных. Результаты анализа мы обобщим в виде таблицы, в которой указывает-

ся исследуемое слово и его определения или определяемые им слова, т. е. слова, находящиеся в ближайшем с ним контексте.

Таблица 3

Контекстный анализ слов социализм, коммунизм, советский, капитализм, империализм и их производных

Исследуемое слово	Кол-во маркеров	Лингвокультурный маркер (определение / определяемое слово)
Свои	28	
социализм	0	
социалистический	16	<i>Родина, революция, хозяйство, Отечество, партия, сознание, ценности, система, содружество, общежитие, демократия, права, реализм, тип (личности), экономика, завоевание</i>
коммунизм	0	
коммунистический	4	<i>партия, лидер, манифест, строительство</i>
советский	7	<i>люди, предложение, гражданин, патриот, патриотизм, воин, граница</i>
антиимпериалистический	4	<i>движение, демонстрация, тенденция, война</i>
антикапиталистический	1	<i>настроение</i>
Чужие	112	
капитализм	2	<i>гибнущий, монополистический</i>
капиталистический	10	<i>окружение, противоречие, рабство, машина (манипулирования), цитадель, предпринимательство, бизнес, Запад, отношение, образ (жизни)</i>
империализм	3	<i>кровавый, бешеный, американский</i>
империалистический	42	<i>хищник, война, нападение, реакция, агент, агентура, колонизатор, буржуазия, идеолог, реакция, противоречие, политика, экспансия, конкурент, план, блок, гнет, поджигатель (войны), агрессор, правящие круги, соперник, пропаганда, клан, диверсант, атака, Запад, интервенция, служба, руководство, акция, орган (войны), влияние, господство, вдохновитель (гонки вооружений), профессионал (психологической войны), вертушка, союз (военный), ценник (оплаты за предательство), военщина, солдатня, машина (военная), союзник</i>
американский	11	<i>захватчик, легенда, империалист, агрессор, империя, правящие круги, фальсификатор истории, лжец, доллар, война, континент</i>
антисоветский	42	<i>поход, политика, пропаганда, кампания, курс, война, плацдарм, блок, мышление, установка, информация, сборище, программа, настроение, орган (СМИ), радиовойна, линия, направленность, акция, домысел, выпад, намек, предположение, комментарий, статья, подделка, тема, боевик (фильм), лента (фильм), стряпня, миф, легенда, тенденция, материал, толк, воздействие, ложь, организация, мифотворчество, концепция, истерия, риторика</i>
антикоммунистический	2	<i>истерия, пропаганда</i>

Из результатов анализа были изъяты слова, используемые по отношению как к своим, так и к чужим: *держава, страна, государство, центр, система, строй, общество, мир, Вооруженные Силы, развитие, народ, армия, правительство, лагерь, сила*.

В результате контекстного анализа выявлено количественное несоответствие: на 28 лексем для маркирования *Своих* приходится 112 лексем для маркирования *Чужих*, причем для слов *социализм* и *коммунизм* определений не зафиксировано. Вряд ли такую разницу (почти в 4 раза) можно объяснить только темой источника (внешняя и внутренняя политика США). Обращает на себя внимание, что лексемы, маркирующие *Своих*, относятся к стилистически нейтральной лексике, тогда как среди маркеров *Чужих* встречается пейоративная лексика, иногда переходящая в инвективу (*военщина, солдатня, стряпня, сборище* и т. п.), а также лексика с отрицательными коннотациями

(*фальсификатор, агрессор, ложь, истерия* и т. п.).

Учитывая сакрализацию *Своих* в советском дискурсе, мы вправе ожидать не нейтральной, а возвышенной стилистики ближайшего контекста. Однако нужно принимать во внимание, что нейтральный контекст, а также отсутствие эпитетов (нулевые эпитеты) могут маркировать ценности, считающиеся истиной *per se*, например *социализм* и *коммунизм*, в то время как реалии *Чужих* непременно нуждаются в оценке, ср. *загнивающий капитализм*.

Представим фрагмент бинарного кода коммунистической пропаганды в виде таблицы (см. табл. 4).

Стремясь дать общее представление о бинарной природе коммунистической пропаганды, мы, разумеется, не претендуем на полноту указанного перечня. При желании его можно продолжить. Более важно, на наш взгляд, то, что любое явление, любой поступок так или иначе

соотносились с этой классификацией, а сама она носила системный характер и являлась основой множества мифологем.

Таблица 4
Бинарный код коммунистической пропаганды

Свой	Чужой
Социализм	Капитализм
Мы	Они
Восток	Запад
Новый мир	Старый мир
Свет	Тьма
Будущее	Прошлое
Рост, развитие	Гниение, смерть
Прогресс, авангард	Реакция
Созидатель, строитель	Разрушитель
Мир	Война
Равноправие	Бесправие
Труд	Безработица
Благополучие	Нищета
Человек человеку друг, товарищ и брат	Человек человеку волк

Мифологемы могли строиться на противопоставлении любых разнополюсных концептов, в том числе приведенных в табл. 4, напр.: *Советскому Союзу, ведущей силе лагеря социализма, демократии и прогресса, ныне противостоят США — оплот капитализма, центр притяжения сил международной реакции и агрессии* [Там же: 142]. *В старом мире — рабство. В новом мире — братство* [Надпись на плакате].

Метод контраста между *Своим* и *Чужим* часто использовался в советских плакатах, напр: *У них — бесправие, безработица, нищета // У нас — равноправие, свобода, благополучие* [Мокиенко, Никитина 2005: 45]; *Мы мирная страна, // Нам не нужна война. // Они хотят войны — // Они обречены* [Они без маски 1952: 81].

Другое направление конструирования мифологем заключалось в уравнивании однополюсных концептов, в том числе приведенных в столбцах табл. 4, ср.: *Социализм и мир неотделимы друг от друга* [Темкин, Черняк 1952: 210].

Нельзя не упомянуть и еще об одном уникальном явлении, характерном для советского дискурса: для номинации некоторых однотипных социально-политических феноменов используются разные лексемы, в зависимости от того, о ком идет речь — о своих или о чужих. Невозможно представить, например, словосочетание **наш советский шпион* — только *наш советский разведчик*. Некоторые примеры двойных номинаций приведены в таблице 5.

На закате советской эпохи эффективность коммунистической пропаганды начала стремительно снижаться. Умирание мифа о коммунистическом вожде началось тогда, когда над ним

начали иронизировать, хотя редееющие верующие еще воспринимали такую иронию как кощунство. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. *мавзолеем* стали называть место, куда всегда стоит очередь, например винный магазин [Мокиенко, Никитина 1995: 227], а название *Ленин с нами* получила очень широкая кровать [Там же: 218]. Бинарный код коммунистической пропаганды высмеивался в анекдотах, что свидетельствует об утрате веры и разрушении привычных стереотипов: *Сослуживцы расспрашивают человека, вернувшегося из поездки в капстрану: — Как там капитализм? Загнивает? — Да, но какой аромат!* (Анекдот).

Таблица 5
Примеры двойных номинаций в коммунистической пропаганде

Свой	Чужой
армия	военщина / солдатня / милитаристы
военачальник	вояка
революция	переворот/ путч
правительство	клика / верхушка
классовая борьба	полицейский террор
разведчик	шпион
союзник	прихвостень / марионетка
борец за свободу	бандит

Как показало наше исследование, вера в миф — неотъемлемая характеристика мифологического мышления, а противоречие в понимании мифа — проявление категории точки зрения, которая вполне может быть применена к мифу как тексту. Для общества, объединенного соответствующей традицией, миф воспринимается как реальность, а для стороннего наблюдателя представляется выдумкой и фантазией.

Метафоры, используемые коммунистической пропагандой, применяются для прямого познания объектов, в отличие от художественных тропов, которые используются для выражения авторского отношения к миру. У пропагандистских метафор главной функцией является когнитивная (идентификация *Своих* и *Чужих*), а не эстетическая.

Мифопоэтика коммунистической пропаганды базируется на двух образах-антагонистах: образе коммунистического вождя, квинтэссенции *Своих*, и образе врага, квинтэссенции *Чужих*. Образ коммунистического вождя носит всеобъемлющий характер, вождь сравнивается не только с божеством, но и с представителями животного мира, с веществами и орудиями, подобно тому, как в древних мифах божество олицетворяло Вселенную. Враги маркируются образами мусора, падали и грязи либо образами опасных представителей животного мира, т. е. угроз со стороны природного окружения. Маркирование образами преступника или психически больного человека связано с типичными

опасностями, исходящими от социума. По сути, коммунистическая пропаганда обращалась к древнейшим архетипам человеческого сознания.

Образы-антагонисты обеспечивали идентификацию *Своих* и *Чужих* и порождали бинарный код коммунистической пропаганды, который носил системный характер и, в свою очередь, служил источником множества мифологем.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс-Универс, 1995.

Богданов К. А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. — СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Брунова Е. Г. Представления о своей земле в английском языке и культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2007. № 15 (93). С. 33—41.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М.: Росспэн, 1997.

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25). С. 19—35.

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы (часть 2) // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 39—47.

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 16—22.

Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Воронеж, 2000. Вып. 2 : Язык и социальная среда. С. 21—42.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. : Мифологическое мышление. — М. ; СПб.: Университетская книга, 2001.

Маршадье Б. Вскрытие мощей в первые годы советской власти // Страницы: Богословие. Культура. Образование. — М., 2004. Т. 9. Вып. 4.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — М.: АСТ, 2005.

Надпись на плакате 1922 г. URL: <http://digitalgallery.nypl.org/nypldigital/id?416694> (дата обращения: 20.04.2011).

Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. — М.: АИРО-XX, 2000.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1996.

Они без маски / стихи С. Михалкова ; рис. Б. Абрамова. — М.: Гос. изд-во культурно-просветит. лит., 1952.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале рус. худож. лит. XVIII—XX вв. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1.

Панченко А. М., Панченко А. А. Осьмое чудо света // Полярность в культуре : альманах «Канун». СПб., 1996. Вып. 2.

Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. — М.: Материк, 2002.

Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160—168.

Стеблин-Каменский М. И. Миф. — Л.: Наука, 1976.

Темкин Я., Черняк А. Разбойничий путь американских агрессоров. — М.: Воениздат, 1952.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Вече. 2001. Т. 1.

Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. — М.: Эдиториал УРСС, 1994.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2001.

Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: Инвест-ППП, 1995.

Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. — Киев: Валкер, 1996.

Arnold T. The Folklore of Capitalism. — New Haven: Yale University press, 1937.

Eliade M. Le sacré et le profane. — Paris: Gallimard, 1979.

Kertzer D. Ritual, Politics, and Power. — New Haven: Yale University press, 1988.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

С. В. Иванова
Уфа, Россия

S. V. Ivanova
Ufa, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНОЕ
КОДИРОВАНИЕ: ДЕТОНИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ**

**POLITICAL DISCOURSE AND CULTURAL
CODING: DETONATION
OF CULTURAL CODES**

(на материале политического дискурса США)

(on the basis of US political discourse)

Аннотация. На материале политического дискурса рассматривается проблема культурного кодирования. Роль культурных кодов в политическом дискурсе велика, поскольку на их базе продуцент текста многократно кодирует сообщение. Культурные коды работают по принципу детонирования: раскрытие одного кода ведет к усилению воздействия других кодов, задействованных в тексте. Совокупность культурных кодов в тексте способствует более яркой передаче концептуальной информации, что и составляет суть принципа детонирования.

Abstract. The article highlights the problem of cultural coding in political discourse. The role of cultural codes is quite significant as they form the basis for the coding activities of the producer of the text. The cultural codes follow the detonation principle: decoding one of the codes employed enhances the effect of other codes within the text. That is the basis of the detonation principle which “blasts” the conceptual information rendered.

Ключевые слова: политический дискурс; культурный код; коды культуры; принцип детонирования; оппозиция «свой — чужой».

Key words: political discourse; cultural codes; code of culture; detonation principle; “us — them” opposition.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и перевода.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Intercultural Communication and Translation.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Place of employment: Bashkir State University.

Контактная информация: 450074, Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
e-mail: ivasv@rambler.ru.

Активно разрабатываемая в современных лингвокультурологических исследованиях проблематика культурного кодирования — таксономии, прочтения и интерпретации культурных кодов — представляет немалый интерес для политической лингвистики. Цель данной статьи — раскрыть заложенный в тексте современного политического дискурса принцип детонирования культурных кодов. Принцип детонирования культурных кодов заключается в многократном усилении воздействия от передаваемого концептуального содержания текста за счет взаимодействия культурных кодов внутри одного текстового целого. Материалом исследования служит американский политический дискурс. Объект исследования составляют вербальные знаки, отсылающие к различным культурным кодам, предмет исследования — культурная кодификация информации в рамках политической коммуникации.

Прежде всего необходимо обратиться к определению культурного кода и его сущности. В широком смысле под кодом подразумевается система знаков, которая устанавливает как репертуар противопоставленных друг другу символов, так и соответствие между означающим и означаемым [Эко 2004: 47, 57]. С одной стороны, код упорядочивает и ограничивает комбинационные возможности задействованных элементов [Эко 2004: 56]: так, кодирование исход-

ного содержания в знаковой, символической форме ведет к обогащению его совокупным социальным опытом, к упорядочиванию исходного содержания, его организации в формах, выработанных общественной практикой [Петров 2002: 125—126]. С другой стороны, сам код также характеризуется определенной энтропией [Эко 2004: 59], что естественным образом приводит к неоднозначности его прочтения. В целом код можно уподобить механизму порождения, модели, которая является «результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко 2004: 83].

Как известно, одной из общепризнанных знаковых систем является культура. Соответственно, о ней говорят как о сущности знаковой природы и исследуют в семиологической плоскости. Знаки для воплощения своих смыслов культура заимствует из природы, из артефактов, из окружающего и внутреннего мира человека [Гудков, Ковшова 2007: 7—9]. Организованные определенным образом, эти знаки образуют сущности более высокого порядка, получившие в рамках тартуско-московской семиотической школы название вторичных моделирующих систем. Именно таким образом в культуре организуются и иерархически упорядочиваются культурные коды — вторичные знаковые системы, использующие разные матери-

альные и формальные средства для кодирования содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума. Все это позволяет согласиться с Д. Б. Гудковым и М. Л. Ковшовой в том, что культурный код — это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках [Гудков, Ковшова 2007: 7—9].

Чрезвычайно важной представляется мысль Р. Барта о характере соотношенности знаков культуры с общим культурным фоном, который он называет «книгой жизни», «книгой культуры», фоном «жизни как культуры» (У. Эко называет это кругозором получателя информационного сообщения [Эко 2004: 95]. Соответственно, код — это система ожиданий [Эко 2004: 96]). Р. Барт отмечает, что культурные коды «суть не что иное, как цитации — извлечения из какой-либо области знания или человеческой мудрости» [Барт 2001: 45]. (Необходимо напомнить, что Р. Барт выделял пять кодов, которые подлежат прочтению при анализе произведения как такового и соответствующего ему Текста, понимаемого как совокупность культурных смыслов. В интерпретации Р. Барта существуют герменевтический, проайретический, или нарративный, референциальный, или культурный, символический и коннотативный, или семный, коды [Барт 2001: 44].) Р. Барт предупреждает: то, что он называет кодом, есть «не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код — это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает — вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы (как раз и подлежащие анализу) сами суть не что иное, как текстовые выходы <...>; все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершенно, пережито; код и есть след этого уже» [Барт 2001: 45]. Представляется, что такой подход к определению понятия «код культуры» несомненно может играть роль инсайта для исследователя, работающего как в области лингвокультурологии, так и в области политической лингвистики. В такой интерпретации код культуры смыкается с явлениями интертекстуальности, гипертекста, стереотипов и архетипов. С одной стороны, это, конечно, размывает границы данного понятия, а с другой — свидетельствует о сложной гетерогенной природе изучаемого явления. Однако именно постструктуралистская традиция позволяет полностью раскрыть интерпретационный потенциал данной сущности в том, что касается декодирования культурных смыслов, составляющих несколько уровней смысловой структуры текста.

Особенностью текстовых сообщений является то, что они содержат в себе коды различных уровней. В результате можно говорить о нескольких «сореальностях» (Бензе, цит. по

[Эко 2004: 104]), участвующих в создании содержания текстового сообщения. Культурные коды представляют собой «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре» [СЗЛ: 194].

Лингвисты подчеркивают матричную природу кодирования. Так, Р. Барт уподобляет коды ячейки сети, забрасывая которую в текст, можно вскрывать информацию разных уровней кодирования [Барт 2001: 20]. В рамках данной логики вполне понятным становится определение культурных кодов В. В. Красных: «...код культуры есть „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 297]. Таким образом, код культуры вмещает информацию о ценностях лингвокультурного сообщества, основных концептуальных системах внутри общего кода культуры, которые соответствуют мыслительным категориям, а также о структуризации данных категорий, об их положении по отношению друг к другу и к окружающей действительности в целом.

Из вышесказанного ясно, что как количество культурных кодов, так и основополагающие критерии их выделения могут сильно варьироваться. Так, О. А. Леонтович описывает внутренний код (язык мысли) и внешний. В качестве внешних кодов исследователь выделяет вербальные знаки [Леонтович 2007: 38], а также, вслед за И. В. Арнольд, такие экстралингвистические коды [Арнольд 1983: 25], как паралингвистические средства: жестикация, мимика, пантомимика (язык тела), проксемика (физическая дистанция), социальная дистанция, одежда, такесика (прикосновения) [Леонтович 2007: 38].

Большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [Красных 2003: 298]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова предлагают другую классификацию культурных кодов, выделяя вербальный, акциональный и реальный коды культуры. Отдавая приоритет вербальному, исследователи сосредоточивают свое внимание на реальном коде культуры, который, по их мнению, включает в себя природно-ландшафтный (лес, море, горы, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубашка, нитка, карман и т. д.), а также зооморфный, в какой-то степени соматический и ряд других кодов [Гудков, Ковшова 2007: 28—29]. Представляется, что данные подходы, обобщающие результаты культурного кодирования и выводящие информацию о них во внешний для исследователя план, дополняют друг друга. Вместе с тем обращает на себя внимание, что они предложенные классификации выполнены в разных системах координат. Культурное кодирование в

концепции В. В. Красных базируется на социально значимых и освоенных сферах существования человеческого духа, в то время как система вербального, акционального и реального кодов культуры предполагает наличие глобальных сфер проявления кодирования, т. е. кодирующих систем, элементы которых сами служат единицами кодирования.

С учетом различных точек зрения на культурное кодирование, можно согласиться с мнением проф. З. З. Чанышевой, предлагающей обобщающее определение кода культуры как (1) внутренне связанной системы носителей культурно-ценностной информации и установок, которая (2) формируется в пределах языков культуры в результате культурного соглашения и (3) выражает глубинное смысловое поле культуры [Иванова, Чанышева 2010: 282]. Относительно большого разнообразия культурных кодов и отсутствия их конечного перечня провидческим оказалось мнение Ю. М. Лотмана, спрогнозировавшего такое положение вещей: в работах по проблематике культурного кодирования и функционирования культурной семиосферы он указывал, что «во всякую живую культуру „встроен“ механизм умножения ее языков» [Лотман 1999: 164].

К особенностям текстовых сообщений относится способность содержать в себе коды различных уровней. Таким образом, можно говорить о нескольких «сореальностях» (Бензе, цит. по: [Эко 2004: 104]), участвующих в создании содержания текстового сообщения. Действительно, многоуровневая кодификация позволяет вместить в текст сообщения разнородную информацию. В результате отправитель сообщения не только описывает политическое событие, но и выражает концептуально важную для него информацию и опосредованно дает собственную оценку происходящему.

Одним из наглядных примеров многоцелевого взаимодействия нескольких культурных кодов в рамках одного текстового сообщения может служить статья «Chinese Tiger ate US Dove for lunch» (издание «New York Post»; [URL: <http://www.nypost.com> (дата обращения: 25.01.2011)]). Автор статьи представляет переговоры лидеров двух стран — Китая и США — как аллегорическую борьбу двух животных: президент КНР представлен в образе тигра, символа силы и быстроты (Tiger Leader), а президент США — в образе голубя, символа миролюбия, покорности и чистоты (Dove Leader). Как свидетельствует название статьи, автор обращается к потенциалу метафоризации, основанной на «сближении человеческого мира с животным» [КРР 2003: 228], лежащим в основе зооморфного кода. Таким образом, автор надевает маски на участников коммуникативного акта в соответствии с имиджем, который они сами для себя выбрали. Так, американский лидер выступает в образе всеобщего миротворца — Dove. Что касается президента КНР, то, скорее всего, автор

вводит сравнение с *Tiger* по аналогии с термином «азиатские тигры» (четверка азиатских стран, характеризующихся мощным и агрессивным экономическим поведением на мировом рынке), заочно причисляя бурно развивающийся Китай к упомянутой группе стран. Таким образом, *Dove* и *Tiger* — это прежде всего политические и, кроме того, коммуникативно-ролевые маски участников переговоров.

Постоянное упоминание этих масок диктует необходимость обратиться к семиотической теории карнавала, изложенной М. С. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья». Источником для исследования М. М. Бахтина явились праздники карнавального типа, восходящие к традициям средневековой Европы. «Народно-площадная смеховая сторона» этих праздников позволяла разделить мир на «серьезный», мир «официальных — церковных и феодально-государственных — культовых форм и церемониалов» и «второй мир и вторую жизнь» [Бахтин 1990: 13]. Особые праздники, носившие названия «праздник дураков» и «праздник осла» — народно-площадные представления церковных праздников с участием великанов, карликов, уродов, «ученых» зверей, шутов, которые пародировали те или иные моменты серьезного церемониала, — «давали совершенно иной, подчеркнуто неофициальный, внецерковный и внегосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений; они как бы строили по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь, которым все средневековые люди были причастны, в которых они в определенные сроки жили» [Бахтин 1990:13].

Для организованной на начале смеха карнавальной культуры характерно создание своего рода «второго мира» и «второй жизни» [Бахтин 1990: 10], где все не похоже на действительность. Например, то, что является важным и серьезным в действительности, в этом мире представляется смешным, воспринимается и постигается в смеховой ипостаси. Поскольку в центре концепции карнавализации находится «идея об „инверсии двоичных противопоставлений“, то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций» [Руднев 1997], можно заключить, что карнавальное мировосприятие характеризуется амбивалентностью, двоичностью культурных образов (смыслов), что предполагает полюсное противопоставление (*верх — низ, смешное — серьезное, приличное — неприличное* и т. п.). Объединение противоположных модусов служит снижению признаваемых в данное время и в данном обществе ценностей.

Смысл концепции карнавализации М. М. Бахтина состоит в том, что понятие средневекового карнавала — архаической традиции, связанной в европейской культуре со стихией всеобновляющего смеха — может быть применено ко всем явлениям культуры Нового времени, в том числе и к литературным произведениям [Бахтин

1963: 143]. Весьма ценным является замечание автора о том, что даже в эпоху современности, когда многие жанры имеют лишь отдаленную связь со средневековыми традициями, они «сохраняют в себе карнавальную закваску (бродило), резко выделяющую их из других жанров» [Бахтин 1963: 143]. Таким образом, карнавальное мироощущение и гротескная образность воплощаются в настоящее время в произведениях смехового жанра, а также в текстах других жанров при отображении смеховой ситуации. (О карнавализации в связи с традиционным для английской культуры прецедентным жанром лирика более подробно см.: [Артемова 2004].)

Такие редуцированные формы карнавального смеха, как, например, ирония, наилучшим образом «отражают амбивалентную природу карнавальных образов, которые объединяют в себе оба полюса смены и кризиса: благословение и проклятие, хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, глупость и мудрость» [Бахтин 1963]. Эту мысль подтверждает само определение термина «ирония»: стилистический прием, «посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости)» [Гальперин 1958]. Таким образом, стилистическая «суть» иронии заключается в переносе значения по противоположности. Отличительный признак этого приема — «двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый» [Русова 2004: 97]. Функция иронии как стилистического средства, направленного на усиление эмоционального воздействия на читателя и создание комического эффекта, — не что иное как редуцированная форма карнавализованного мироощущения, которая не позволяет мысли автора «остановиться и застыть в односторонней серьезности» [Бахтин 1963]. Эта функция иронии широко используется в медиадискурсе.

Избранные для описания политического события метафорические наименования полностью «раскручиваются» автором, и поведение героев — политических лидеров двух держав — получает описание в рамках избранной зооморфной символики. Так, поведение Dove Leader во время переговоров полностью соответствует взятой на себя американским президентом роли политического голубя (умеренного политического деятеля, выступающего за решение международных проблем мирным путем (голубь — один из символов мира). Ср. Hawks — 'ястребы' [ABBYY Lingvo x3]): президент Обама *likes to do a lot of bowing and scraping, He is crowing about \$45 billion in US exports he got China to agree to, he really busted Hu's chops over his country's unfettered piracy of everything from designer handbags to software to sophisticated electronic gadgetry that American companies have plowed billions upon*

billion of dollars of research and development... Однако в закодированной форме автор статьи апеллирует к читателю и передает ему негативное отношение к избранной президентом США маске. Лексическая семантика единиц, служащих для описания «голубиных» действий (*bowing and scraping, crowing*), которые не могут вызывать симпатии и заслуживать положительной оценки в свете того, что их выполняет президент США, свидетельствует, что избранный Обамой образ никак не совмещается с образом руководителя сильнейшей державы.

Кроме того, на фоне зооморфного кода совершенно очевидно столкновение речеведческих культурных кодов, свойственных двум разным культурам. Данный код обслуживает коммуникативную систему, фундаментом которой являются общепринятые в соответствующем лингвокультурном сообществе нормы выражения коммуникативных потребностей участников. Представляется, что это один из базовых кодов для функционирования человека в социуме, поскольку он регламентирует коммуникативное поведение *homo loquens*. Речеведческий код позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы ЛКС, а также предопределяет восприятие говорящего партнерами по коммуникации [Иванова 2009: 122].

Так, для представителя азиатской культуры свойственно уходить от прямых конкретных ответов, поддерживать так называемый «дух дружбы», несмотря на жесткость ситуации, у них не принято улыбаться «просто так» (*Hu Jintao likes to do a lot of not smiling*), что совершенно неприемлемо с точки зрения американского речеведческого кода. Помимо этого, как правило, китайцы делают уступки лишь под конец переговоров, так как дипломатические встречи в их понимании служат только для сбора информации [Льюис 1999: 379—381]. Соответственно, только в конце беседы, чтобы спасти переговоры, президент Китая идет на уступки, впрочем, очень сомнительные с точки зрения автора (*Then came Hu's big concession to Obama — perfectly illustrating his country's regard for intellectual property. Hu promised he would try to get his own government agencies to quit using pirated software. You call this a concession? No, that is called complete bamboozlement*).

Для представителя американского лингвокультурного сообщества важным является достижение конкретных результатов. Американцы, как правило, стремятся обсудить не только общие подходы, но и детали, связанные с реализацией договоренностей, ценят открытость и быстро переходя к сути разговора, часто теряют терпение, если не встречают аналогичной реакции у собеседника [Льюис 1999: 237—243]. Так, в самом начале статьи автор обрисовывает действия президента США, при этом стили-

стика фраз подчеркивает нарастающее нетерпение Dove Leader: *He speaks endlessly; he likes to do a lot of bowing; he is still talking; He is crowing,* — и только когда Obama ... *wagged his finger in Hu's face over China's human-rights record,* Tiger Leader идет на существенную уступку: *surprised many — and surely caused the Dove Leader's heart to flutter — by admitting that his country could do more in the area of human rights.* И даже это, значительное с точки зрения носителя азиатской культуры признание автор называет *a baby step in the right direction.* Интересно даже не столько речевое поведение президента США, сколько интерпретация автором статьи речевого взаимодействия героев, скрывающихся за выбранными ими масками. Интерпретация ролевого поведения президента США представляет собой иллюстрацию известной мысли о том, что многие американцы считают свою страну самой преуспевающей экономической и демократической системой, а американские нормы — единственно верными [Льюис 1999: 239]. Именно это обстоятельство обуславливает ироническое отношение автора статьи к поведению своего лидера: на ярмарке политических амбиций не пристало Америке играть роль миролюбивого и покорного Голубя.

Взаимодействие нескольких культурных кодов служит декодированию отношения автора как к своим героям, так и к более широкому бытийному политическому контексту. Ирония, возникающая в результате актуализации метафоры, свидетельствует о больших сомнениях автора относительно перспектив такого рода политического диалога. Кроме того, в результате декодирования речеповеденческого кода становится очевидным тот факт, что лидеры двух держав диаметрально противоположны: они находятся на противоположных концах шкалы «Свой — Чужой». Невыполнение норм речеповеденческого кода мгновенно сигнализирует о том, что высший руководитель Китая на самом деле чужой для американского лингвокультурного сообщества. Более того, по всей видимости, и *свой* президент, Барак Обама, не примыкает к классу *своих* с точки зрения автора статьи: вся метафорика статьи, негативно характеризующая 44-го президента США, направлена на дискредитацию его позиции. По сути, в метафорической модели, которую следует понимать как некую дискурсивную практику («дискурсивные практики», вслед за М. Фуко, рассматриваются как некоторые «языкоподобные, т. е. похожие на язык своей структурирующей способностью, механизмы познания и культуры» [Третьякова 2004: 301]), как развернутую на пространстве всей статьи метафорику, связанную с надетыми на персонажей масками, оказываются «упакованными» несколько культурных кодов: карнавальные маски, Голубь в христианской традиции и в политической традиции США, зооморфный код как таковой, кодирование оппозиции «Свой — Чужой», ирони-

ческое «перевертывание» объектов описания. При декодировании информации статьи данная метафорическая модель «взрывается», детонируя, т. е. вовлекая в свое информационное поле содержание нескольких культурных кодов. Как следствие, происходит усиление заложенной в основу текста и предназначенной автором для «прочтения» содержательно-концептуальной информации.

Несомненный интерес для анализируемой проблематики представляет еще один пример, взятый из американского политического дискурса. Речь идет о выступлении президента Обамы перед студентами ВШЭ во время визита в Москву в июле 2009 г. (см. текст: [URL: <http://apnews.myway.com/article/20090707/D999J9Q80.html> (дата обращения: 07.07.2009)]). Концептуальная информация, заложенная в тексте данного выступления, свидетельствует о том, что президент Обама, являясь стойким приверженцем идеи перезагрузки отношений между РФ и США, тем не менее имеет свою собственную повестку дня, которую считает своим долгом последовательно проводить в жизнь. В этом ключе построено все выступление 44-го президента. Его речь является ярким примером того, что политическая коммуникация, призванная оказывать «прямое или косвенное влияние на распределение власти», «не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира» [Чудинова 2007: 6, 7]. Весьма примечательно в этом плане использование в самом начале выступления известной цитаты А. С. Пушкина, сводящейся к тому, что вдохновение в геометрии так же необходимо, как и в поэзии: *Here at NES, you have inherited this great cultural legacy, but your focus on economics is no less fundamental to the future of humanity. As Pushkin said, "Inspiration is needed in geometry just as much as poetry." And today, I want particularly to speak to those of you preparing to graduate. You're poised to be leaders in academia and industry; in finance and government.* Легко заметить, что ситуация говорения (президент США обращается к будущим экономистам) никак не связана с цитируемым высказыванием. Оно является ярким маркером задействованного культурного кода, использованием прецедентного феномена. Хотелось бы напомнить, что одной из ингерентных функций прецедентных феноменов является парольная. Она служит признанию говорящего своим или чужим [Иванова 2006]. Намеренное усиление произведенного апелляцией к Пушкину, который еще В. Г. Белинским был провозглашен «нашим всем», воздействия происходит, когда президент прибегает еще к одной цитации, воспроизводя высказывание одного из студентов ВШЭ: *Back in 1993, shortly after this school opened, one NES student summed up the difficulty of change when he told a reporter, and I quote him: "The real world*

is not so rational as on paper." *The real world is not so rational as on paper.* Дословно повторяя процитированное высказывание и уже не выделяя его как прямую речь, говорящий присваивает его себе, делает частью своей концептосферы, вводит в свой круг и тем самым смыкается с кругом аудитории. В результате происходит переконфигурация «своих» и «чужих»: противоположные позиции смыкаются, идеологические окопы (*ideological trenches*) больше не нужны, ведь говорящий апеллирует к культурному коду слушающих, произнося знакомые и ставшие знаковыми прецедентные высказывания, называя прецедентные имена, «присваивая» концептуально важные контексты. Этим приемом, в соединении с задействованными метафорами (*the ideological trenches of the last century, the darkest hours of the Cold War, reached the brink of nuclear catastrophe*), несмотря на их очевидную стертость, автор достигает своей цели — устранения существующего и ставшего традиционным в миропонимании слушающей аудитории деления на «своих» и «чужих». Однако этим ресурс прецедентности не исчерпывается: еще одним метким попаданием президент объединяет аудиторию и себя, включая всех в один лагерь защитников демократии и прогресса напоминанием, что руководители стран, которые представляют говорящий и слушающие, участвовали в переделе карты Европы после Второй мировой войны. Поставленные рядом имена Сталина и Рузвельта исторически объединяют говорящего и слушающих как «своих», поскольку они были объединены одним делом, были участниками одного лагеря: *There was a time when Roosevelt, Churchill and Stalin could shape the world in one meeting.* Иными словами, много десятилетий назад обе страны заняли неблагоприятную с точки зрения современного демократического процесса позицию, которой нет места в настоящем: *Those days are over. The world is more complex today. Billions of people have found their voice, and seek their own measure of prosperity and self-determination in every corner of the planet.* Америка поняла необходимость перемен и призывает к этим переменам Россию: «Делай, как я», — вот стратегия, которую реализует президент, пытаясь изменить политические ориентиры коллективного адресата. И наконец, оратор еще раз апеллирует к прецедентному для российской аудитории богатому ассоциациями обозначению — «царь» (что характерно, конкретный правитель не указывается, царскую фамилия обобщена родовым средством номинации): *But think of the change that has unfolded with the passing of time. One hundred years ago, a czar ruled Russia, and Europe was a place of empire. When I was born, segregation was still the law of the land in parts of America, and my father's Kenya was still a colony. When you were born, a school like this would have been impossible, and the Internet was only known to a privileged few.*

Культурный код, связанный с прецедентными именами, эффективно используется продуцентом текста, так как каждый из прецедентных феноменов служит емким средством номинации и обладает несомненным ценностным потенциалом.

Еще одним культурным знаком, который свидетельствует об апелляции к другому культурному коду, является рекуррентно использованная лексема *change*, ставшая брендовым для Барака Обамы именем. Идея перемен — это то, с чем пришел Обама, чем он взорвал Америку в 2008 г. Соответственно лексема *change* в его устах указывает на культурный код, связанный с историческим переворотом в американской политической парадигме. На этот раз Б. Обама опять сослался на тот факт, что он, чернокожий гражданин, занимает высший пост в политической иерархии великой державы: *If our democracy did not advance those rights, then I, as a person of African ancestry, wouldn't be able to address you as an American citizen, much less a President. Because at the time of our founding, I had no rights — people who looked like me. But it is because of that process that I can now stand before you as President of the United States.*

Ссылаясь на прецедентные для данного лингвокультурного сообщества явления (имена, высказывания, ситуации), президент Обама демонстрирует, что он владеет культурным кодом аудитории. Вместе с тем своей задачей, как это явствует из интерпретационного анализа лексико-семантических средств и концептуальной информации текста, он видит превращение противников (*former adversaries*) в соратников в борьбе за прогрессивные идеалы человечества: *I believe that the Russian people share our goals, and will benefit from success — and we need to partner together; the future belongs to young people with an education and the imagination to create. <...> look to the future that can be built if we partner on behalf of the aspirations we hold in common. Together, we can build a world where people are protected, prosperity is enlarged, and our power truly serves progress.* Таким образом, задействованные оратором прецедентные феномены, метафорика (несмотря на то что она в данном случае имеет в основном стертый характер) и рекуррентная лексика (*change*) служат передаче основной концептуальной информации: в силу происходящих перемен изменяется и позиционирование сторон в качестве «своих» и «чужих». И хотя не все политические силы по обе стороны Атлантического океана разделяют такую точку зрения (*Yet unfortunately, there is sometimes a sense that old assumptions must prevail, old ways of thinking; a conception of power that is rooted in the past rather than in the future. There is the 20th century view that the United States and Russia are destined to be antagonists, and that a strong Russia or a strong America can only assert themselves in opposition to one another. And there is a 19th century view*

that we are destined to vie for spheres of influence, and that great powers must forge competing blocs to balance one another), Обама в конечном итоге включает аудиторию в круг «своих»: *Over the past two decades, we've witnessed markets grow, wealth spread and technology used to build — not destroy. We've seen old hatreds pass, illusions of differences between people lift and fade away; we've seen the human destiny in the hands of more and more human beings who can shape their own destinies. Now, we must see that the period of transition which you have lived through ushers in a new era in which nations live in peace, and people realize their aspirations for dignity, security, and a better life for their children. That is America's interest, and I believe that it is Russia's interest as well.*

Вскрытие одного за другим задействованных культурных кодов приводит к усилению воздействующего эффекта, что позволяет говорящему надеяться на успех выступления. Таким образом, современный политический дискурс характеризуется использованием разнородных, разноразрядных культурных кодов. Каждый из них имеет свою структуру, предполагающую определенные отношения между означающим и означаемым. Соответственно политический дискурс функционирует как сложная многоуровневая разноразрядная семиотическая система. В результате при декодировании сообщения срабатывает принцип детонирования концептуальной информации текста, предназначенной для прочтения: каждый из задействованных культурных кодов в рамках текстового целого, отвечая за передачу своей доли информации, многократно увеличивает силу воздействия текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Интерпретация английского художественного текста. — СПб., 1983.
- Артемова О. Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра ЛИМЕРИК (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2004.
- Барт Р. S/Z. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1990.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. — М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. — М.: Гнозис, 2007.
- Иванова С. В. Аппарат лингвокультурологического исследования как показатель междисциплинарности научной парадигмы // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке : материалы междунар. науч.-практ. конф. (23—24 мая 2009 г.) / отв. ред. Г. Д. Чеснокова ; ЛГУ им. А. С. Пушкина. — СПб., 2009. С. 120—123.
- Иванова С. В. О паролной функции прецедентных феноменов // Языковые и речевые единицы в разных языках : сб. науч. ст. / РИО БашГУ. — Уфа, 2006. С. 71—81.
- Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения / С. В. Иванова, З. З. Чанышева ; РИЦ БашГУ. — Уфа, 2010.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.
- Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта ; Наука, 2003.
- Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. — М.: Гнозис, 2007.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе (от столкновения к взаимопониманию). — М.: Дело, 1999.
- Петров И. Г. Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры. — М.: Наука, 2002. С. 112—130.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1997. URL: http://rudnevslovar.narod.ru/i2_k1.htm#kar (дата обращения: 20.01.2011).
- Русова Н. Ю. От аллегории до ямба : терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. — М.: Флинта ; Наука, 2004.
- СЗЛ = Современное зарубежное литературоведение : энцикл. справ. (Страны западной Европы и США): концепции, школы, термины. — М.: Интрада, 1999.
- Третьякова Т. П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование : сб. ст. / под ред. С. И. Дудника. — СПб.: Санкт-петербург. филос. о-во, 2004. С. 299—320.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд. — М.: Флинта ; Наука, 2007.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Symposium, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

**КАТЕГОРИИ
НАРОДНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ
В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МЫСЛИ**

(эскиз)

**CATEGORIES
OF NATIONALITY AND IDENTITY
IN RUSSIAN AND POLISH THOUGHT**

(sketch)

Аннотация. Рассматривается концепция народности и русского национального духа от философии XIX в. до современного словоупотребления. Предлагается четко разграничивать в речевой практике тавтологические с этимологической точки зрения наименования «русский» и «россиянин».

Ключевые слова: национальный вопрос; русскость; народность; почвенничество; европейский романтизм.

Abstract. The idea of nationality and Russian national spirit from the philosophy of the XIX century until present-day usage is revealed. The author suggests distinguishing in speech between tautological from the etymological point of view words «Russkij» and «Rossiyanin».

Key words: question of nationality, «russkost'», nationality, «pochvennichestvo», European romanticism.

Сведения об авторе: Анджей де Лазари, заведующий кафедрой Центральной и Восточной Европы, Институт международных отношений.

Место работы: Лодзинский университет.

Контактная информация: ul. Narutowicza 65, 90-131, Łódź.
e-mail: alazari@toya.net.pl.

About the author: Andrzej de Lazari, Head of the Chair of Central and Eastern Europe, Institute of Intercultural relations.

Place of employment: University of Lodz.

Версия доклада, прочитанного на конференции «PHILOSOPHIE DE L'HISTOIRE DES XIXe ET XXe SIÈCLES POLOGNE — RUSSIE — EUROPE», Université Nancy 2, 15—16 ноября 2010 г.

«Национальный вопрос для многих народов есть вопрос об их существовании. В России такого вопроса быть не может. Тысячелетнюю историческую работу создалась Россия, как единая, независимая и великая держава. Это есть дело сделанное, никакому вопросу не подлежащее. Но чем прочнее существует Россия, тем настоятельнее является вопрос: для чего и во имя чего она существует? Дело не идет о материальном факте, а об идеальной цели. Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о **достойном существовании**» [Соловьев 1891: V].

Казалось, что эта мысль Владимира Соловьева должна была бы раз и навсегда направить русское мировоззрение на скептическую трактовку *этничности* категорий *народа* и *народности*. Россия ведь была и является страной многоэтничной, многокультурной, и нет в ней возможности осуществить ни уваровского «триединства» *православия, самодержавия, народности*, ни другого концепта всеединения, основанного на какой-нибудь коллективистической категории (например, «многонационального народа» из российской конституции или «российской нации», задуманной в последнее время группой интеллектуалов Кремля [см. Российская нация]).

Важнейшей ценностью современного цивилизованного мира стал конкретный человек-гражданин со всеми своими пороками, достоинствами, болячками и коварством, а важнейшим институтом, регулирующим межчеловеческие отношения, стало **право**. Не важен цвет твоей кожи, твоя национальность, общественная при-

надлежность, сексуальная ориентация, имущество, вероисповедание — существенно лишь то, поступаешь ли ты согласно праву, установленному общностью, к которой принадлежишь. Факт несколько парадоксальный, но в Евросоюзе демократическое право заменило Церковь в осуществлении человеческой мечты — Соборности. Вместо того, чтобы искать единого Бога, мы нашли единое право. Благодаря ему в Европе создается рациональная действительность, в которой полифония культур не только возможна — она становится насущной необходимостью, соответствующей основополагающим принципам. «Инаковость», *обобряющая право*, стала ценностью на уровне «нашеести», ее уважают, ценят, иногда даже излишне и неуместно.

Исходя из таких «гражданских», «европейских» предпосылок, я горжусь определением «народа» в преамбуле польской Конституции: «мы, **Польский Народ — все граждане** Речи Посполитой», т. е. каждый из нас отдельно, независимо от этничности, вероисповедования и общественного статуса. И я критически отношусь к формулировке преамбулы российской Конституции «Мы, **многонациональный народ** Российской Федерации», в которой место гражданина занял «многонациональный народ» — субъект, у которого по определению не может быть правоспособности.

Другое дело, что в нашей Конституции еще более удовлетворяло бы меня выражение «**мы — все граждане** Речи Посполитой». Категорию «народа» принес нам романтизм, и она для юридического права малопригодна. Думаю, что многонациональные жители США, начиная

преамбулу своей Конституции словами “We, the people of the United States”, ни о каком «народе» не думали. Создатели этой Конституции (1787 г.) были мыслителями Просвещения, и ценностью для них являлся «гражданин» (в духе Французской революции, хотя не один из них был владельцем рабов), а не романтический этнический «народ», о котором тогда еще не задумывались, так как он определился в культурах Европы в качестве «субъекта» спустя несколько десятков лет [см. de Lazari 2009].

Что такое народность? ^[1] «Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, „образованные“, уж и не русский народ?» — спрашивал Федор Достоевский, определяя направление своего журнала «Время» в 1861 г. [Достоевский XIX: 14].

Понять эти слова человеку из другой эпохи и другой культуры — задача непростая, да и мало кто из современных русских россиян, думаю, успешно справится с ней. Правда, в словаре Владимира Даля, вышедшем, когда эти слова только прозвучали, появилась *народность* (истолкованная как «совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого»), наряду со словами *простонародность* и *национальность* (последнее объясненное как синоним *народности*). Однако эти толкования совершенно не передают во всей полноте особенности употребления данных понятий в русской мысли того и тем более нынешнего времени. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что организаторы симпозиума достоевсковедов, который состоялся в августе текущего года в Неаполе, заявляя среди других тему «Достоевский и поэтика *народности*», на английском языке передали ее как «Dostoevsky and the Poetics of *narodnost'*», не рискуя подобрать эквивалент слову *народность* в англоязычных культурах.

Категорию *народности* принес русской мысли, конечно, западный романтизм. Представление о *народе* как об исторической, а не только политической общности нашло выражение в «Идеях к философии истории» (1784—1791) Иоганна Гердера. Немецкий философ первым подошел к народу как к коллективному «организму». Отвергнув просвещенческую идею единообразия законов, управляющих жизнью и прогрессом, он обратил внимание на разнообразие жизненных проявлений и, не отказываясь от категории человечества, узаконил в качестве ее составной части категорию народа и его «духа» [Szacki 1981]. Когда впоследствии Иоганн Фихте в «Речах к немецкой нации» (1808) увидел в национальном сообществе основную движущую силу истории и одновременно выдвинул концепцию «избранного народа», который на данном историческом этапе лучше других реализует универсальные ценности, путь к новой категории, каковой для романтизма стала

народность, а затем и для споров, какой народ лучше выражает смысл истории, был открыт.

Принято считать, что в истории русской мысли термин *народность* первый раз появился в письме Петра Вяземского к Александру Тургеневу из Варшавы от 22 ноября 1819 г. [Зельдович, Лившиц 1964: 111]. В Польше в то время термин *narodowość* был уже широко распространен, хотя интерпретировался неоднородно [см. Zieliński 1969: 18; Walicki 2009: 228—262]. Вяземский отдавал себе отчет и в многозначности соответствующего русского понятия. В 1824 г. он писал, что слово *народный* соответствует французским словам *populaire* и *national*: выражение *народные песни* переводится как *chanson populaire*, а народный дух — как *esprit nationa* [см. Jakóbiec 1963: 14].

Употребляя современный польский язык, Вяземский мог бы сказать так: слово *народный* **соответствует польским словам *ludowy* и *narodowy***: выражение *народные песни* переводится как *pieśni ludowe*, а народный дух — как *duch narodowy*.

Наличие в польском языке разных слов способствует выявлению смысловых различий между соответствующими категориями, а в русском, если намеренно не противопоставить словам *народ*, *народный*, *народность* слов *простонародье*, *простонародный*, *простонародность* или *нация*, *национальный*, *национальность*, часто сложно понять, о чем идет речь.

Стоит, однако, отметить, что, согласно исследованию Франтишка Пепловского, в польской публицистике периода Просвещения и романтизма понятие *ludowość* почти не проявлялось. Единственный случай употребления этого понятия Пепловски нашел у Эдварда Дембовского, в его «Нескольких мыслях на взгляд о развитии истории и общественной жизни поляков» («Kilka myśli we względzie rozwijania się dziejów i życia społecznego Polaków», 1843). Это, конечно, не может свидетельствовать о присутствии категории *ludowość* в тогдашней польской мысли [Pełowski 1961: 125, 164]. Можно ли в таком случае предполагать, чтобы русская мысль, как считают многие польские русисты, уже в 20-е гг. XIX в. занималась «вопросом *ludowości*» [см., напр., Mucha 1981: 97]?

В начале XIX в. понятия *народ* и *нация* в России были тождественны, что вовсе не означает отождествления нации с *простонародьем*. Рискну предположить, что в русском общественном сознании тех лет понятия *народа* в значении *простонародья* еще не было: существовал единый русский народ/нация, тесно связанный с русским государством. *Простонародье* еще не стало историософской категорией, *простой народ* не мог быть выразителем *народного духа*.

Подход к народу и народности как государственно-культурным категориям наиболее отчетливо выражен в «Истории государства российского» (1816—1824) Николая Карамзина. Вершиной же этого подхода можно считать

теорию «официальной народности» 1832 г., выражавшуюся в триединой формуле: *православие, самодержавие, народность*. Министр просвещения, Сергей Уваров, понимал под *народностью* однородное национальное государство, которое он хотел отождествить со всеми подданными русского царя. Нельзя не согласиться с Мечиславом Шерером, писавшим: «Правящие круги — видя цену сплоченности, которую дает государству национальное единство, и опасность разобщенности, которая грозит многонациональному государству, раздираемому в разные стороны, — использовали все средства, включая самые жестокие и коварные, чтобы духовно нивелировать своих подданных. Методы этой денационализации нам хорошо известны. Члены государства должны были любой ценой принадлежать к одной национальности: если они изначально к ней не относились, их механически (а значит, безуспешно) в нее втискивали: *cuius regio, illius natio...*» [Szerer 1922: 77—78].

Прав и современный российский историк, который связывает появление уваровской формулы с польским восстанием 1830—1831 гг. и с донесениями царских чиновников о влиянии католической церкви и польской культуры на национальное сознание жителей «Западного края» [Казаков 1989: 5—41]. На открытии в 1837 г. в Киеве университета Св. Владимира (созданного взамен ликвидированного польского Виленского университета), Уваров заявил, что задача этого учебного заведения состоит в том, чтобы «распространять русское образование и русскую народность в ополяченном крае Западной России». Формула Уварова должна была способствовать полной русификации всех жителей империи и была своеобразной «гражданской» модификацией известного военного девиза *За веру, царя и отечество*.

В 1843 г. в отчете о своей десятилетней государственной деятельности Уваров писал: «Слово *народность* возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за смелое утверждение, что министерство считало Россию возмужалою и достойною идти не позади, а по крайней мере рядом с прочими европейскими национальностями». Далее, говоря об ассимиляции и русификации крестьян в «Западной России», он призывал к тому, чтобы «развить русскую национальность, на истинных ее началах, и тем поставить ее центром государственного быта» [Казаков 1989: 28; ср.: Гулыга 1995: 43—69].

Но это — официальная версия. Для русских мыслителей 1820—1830-х гг. главной проблемой было определение «народной самобытности», что выразилось прежде всего в дискуссии о *народности* литературы. Пушкин, пытаясь объяснить, что в его понимании значит *народность*, писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований,

есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Казаков 1989: 39—40].

Только на рубеже тридцатых и сороковых годов в кругу славянофилов появляется укоренившееся в сознании русской интеллигенции представление о *простом народе* как носителе русской культуры и *народности*. Идея состояла в том, что русское крестьянство лучше всего выражает «русский дух», в отличие от «нерусской», европеизированной, «оторванной от почвы» интеллигенции, которая, утратив *народность*, не может выражать ничего русского. Таким образом, слово *народность* в интерпретации славянофилов приобрело новое значение. Для них русская интеллигенция перестала быть русским народом, право носить такое звание сохранил только *простой народ*. *Простой народ* становится в данной концепции самостоятельной историософской категорией. Константин Аксаков даже ставит знак равенства между понятиями *народ* и *простой народ*: «простой народ точно, есть ПРОСТО НАРОД, или народ собственно» [Аксаков 1857].

Достоевский, Аполлон Григорьев и другие мыслители почвеннического толка в шестидесятые годы выступили против такого отождествления *народности* и *простонародности* (фольклорности). Александр Милюков, отстаивая *народный характер* творчества Пушкина, доказывал, что *народность* поэта не заключается в его популярности у народных масс [Милюков 1860: 11]. В это же время Достоевский поставил упомянутый вопрос: «Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, „образованные“, уж и не русский народ?» [Достоевский X: 14]. В конце же столетия последний почвенник XIX в., Николай Страхов, уверял: «...начало *народности* имеет силу главным образом, как поправка и *дополнение идеи государства* <...>, что наилучший порядок тот, когда *пределы государства совпадают с пределами отдельного народа*» [Страхов 1897: 188]. Получается, что Страхов в определенном смысле вернулся к «официальной народности»; это также предвещает идею *российской нации*, провозглашаемую сегодня некоторыми российскими идеологами.

Во второй половине XIX в. ссылки на народность все чаще рассматривались русской мыслью как символ консерватизма и реакционности. И это вполне понятно: к этим категориям апеллировали прежде всего защитники великодержавности. В эпоху романтизма борьба за народность воспринималась как борьба за независимую, самобытную культуру, и националистический элемент редко выдвигался на передний план. Совершенно иначе дело обстояло в эпоху, когда западный позитивизм отодвинул национальный вопрос на дальний план. В Рос-

сии, располагавшей независимой государственностью, акцентирование *народности* все чаще стало приобретать черты национализма и шовинизма. Кроме почвенников (во главе с Федором Достоевским), *народность* прославляли панслависты (во главе с Николаем Данилевским), а также другие мыслители-русофилы (во главе с Иваном Аксаковым), в мировоззрении которых еще сильны были *элементы романтизма*. Отвергали же *народность* те мыслители, во взглядах которых все более явно проявлялись черты позитивизма. Для Максима Антоновича и других так называемых революционных демократов *народность* является ничего не значащей абстрактной фразой [см. Антонович 1984]. По мнению Николая Чернышевского, «толковать о народности едва ли не значит попусту тратить слова...» [Русские писатели о литературном труде: 265].

В конце века с экуменических позиций ценность рассматриваемой категории оспаривал Владимир Соловьев. Признавая значение *народности* в эпоху романтизма, применительно ко второй половине XIX в. он оценивал эту категорию однозначно негативно, поскольку, по его мнению, она ведет к распространению национального эгоизма — болезни чрезвычайно опасной для высшей в его понимании ценности — человечества [Соловьев 1891: 115]. Такая позиция Соловьева была следствием категорического неприятия им панславистской концепции Николая Данилевского, сформулированной в работе «Россия и Европа».

Из вышесказанного ясно, что категория *народности* в XIX в. отождествлялась в основном с *национальностью*, а более конкретно — просто с *русскостью* (ни в коем случае не с *российскостью* в современных представлениях).

Сегодняшние литературоведение и эстетика в принципе обходят категорию *народности* стороной. В западных и в польских словарях литературных терминов такое понятие отсутствует. Тоталитарные концепции, требующие от содержания и формы произведений искусства соответствия «духу расы» или «духу национальной культуры», скомпрометированы в истории столь радикально, что любые новые попытки сделать искусство зависимым от *народности* наталкиваются в современных гуманитарных науках на решительный отпор. Искусство давно перешагнуло границы государств и народов и, надо надеяться, больше никогда не замкнется в этих границах.

Интересно, что в борющемся с национализмом коммунистическом СССР, в котором *классовость* должна была заменить *народность*, последняя все же поддерживалась идеологией и эстетикой (высшим проявлением *народности* якобы стала *партийность*) [см. Лазари 1993]. В сегодняшней России *народность* в основном «ушла в деревню» и стала синонимом *фольклорности*. В идеологии же и так называемой культу-

рологии ее место заняла категория *идентичности*. И, по-моему, как раз эту *этнокультурную идентичность* имели в виду Достоевский с Григорьевым, когда говорили о *народности*; думаю, сегодня они, как недавно Солженицын, были бы обеспокоены фактом, что *русскость* все больше растворяется в *российскости*.

Русскость и российскость. Отец украинца, мать корейка. Кто ты? — Сибиряк.

У поляков гораздо меньше проблем с «идентичностью», чем у россиян. Мы не спорим о флаге, гербе, гимне. Польские ученики в первом классе учат стихотворение: *Kto Ty jesteś? — Polak mały. // Jaki znak Twój? — Orzeł Biały. // Gdzie Ty mieszkasz? — Między swymi. // W jakim kraju? — W Polskiej Ziemi. // Czym ta ziemia? — Mą Ojczyzną. // Czym zdobyta? — Krwią i blizną. // Czy ją kochasz? — Kocham szczerze. // A w co wierzysz? — W Polskę [W Boga] wierzę.* (Władysław Bełza, 1847—1913. *Katechizm dziecka polskiego — Катехизис польского ребенка*).

Когда я спросил у своих русских коллег, есть ли у них такое «объединяющее» идентифицирующее произведение, ответ был неутешительный: «Ни в коем случае! Никаких стихотворений. Анджей, ты должен понять: у нас нет России как национального государства. У нас империя, и мы хотим, чтобы Россия такой была. В московских классах за партами сидит не более 40 % великороссов, остальные — это евреи, украинцы, татары, казахи, грузины, азербайджанцы и проч. НЕУДОБНО нам иметь такие стихи» (подробнее на эту тему см.: [de Lazari 2006]).

Другой мой корреспондент подсказал мне слова песни, которые, однако, можно отнести к каждой родине, не только к «русской/российской»: *С чего начинается Родина? // С картинки в твоем букваре, // С хороших и верных товарищей, // Живущих в соседнем дворе.*

Несколько «конкретнее» более раннее советское стихотворение: *Кремлевские звезды над нами горят, // Повсюду доходит их свет. // Хорошая Родина есть у ребят, // И лучше той Родины нет! <...> Наша Родина — Советский Союз* (Сергей Михалков).

Есть и более современное стихотворение Владимира Фирсова, впрочем, малоизвестное и однозначно «неполиткорректное» с точки зрения сегодняшней политической действительности: *Россия! Не искать иного слова! // Иной судьбы на целом свете нет. // Ты вся сплошное поле Куликово // На протяжении многих сотен лет. // Россия! Зараждалось это слово // В звучании разбуженных мечей, // В холстах голубоглазого Рублева // И в тишине предгрозовых ночей. // На поле боя вызревали розы, // На пепелищах пели топоры. // Мы все прощали, // Мы — великороссы.* (выделено мной — А. де Л.).

В России всегда существовали противоречивые взгляды на «идентичность»: официальное православие и старообрядцы, русские, со-

ветские, евразийцы и россияне, «многонациональный народ» и «российская нация»...

В Интернете я нахожу заметку Дмитрия Трещанина, озаглавленную «Россияне не хотят быть русскими», о том, что «подготовка к очередной всероссийской переписи началась со скандала. В Интернете набирает обороты пропагандистская кампания, суть которой — создание *внутри русского народа новых этносов и субэтносов*. Первыми за самоопределение высказались сибиряки — такую национальность в соответствующей графе переписного листа могут указать несколько миллионов человек» [Трещанин].

«Кто мы?», «Кто я?» — вот основные, все еще не решенные вопросы, стоящие перед жителями многоэтничной России. В Конституции идеальной была бы формулировка «Мы — граждане Российской Федерации», но пока это невозможно, так как слишком сильна в сознании россиян романтическая категория «народа/нации» и слишком слабо правовое сознание отдельной личности, конкретного «я — гражданина», который, наряду с прочим, осознавал бы себя русским, чеченским, калмыцким и т. д. россиянином.

Пока, к сожалению, сочетание «русский россиянин» странно звучит в России, и обоснованными кажутся опасения Солженицына: «Да быть ли нам русскими?». Двенадцать лет назад он забеспокоился: «Мы дожили до того, что словоупотребление „русский“ как бы — под моральным запретом, оно уже кажется дерзким вызовом: а что мы хотим этим „выразить“? от кого „отгородиться“? а как же, мол, остальные нации? Но остальные нации держатся за свои наименования увереннее нас. Сегодня — и особенно официально — пытаются внедрять термин „россияне“. Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая необходимому прилагательному „российский“. Однако слова этого не услышишь ни в каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно. Ни один не-русский гражданин России на вопрос „кто ты?“ не назовет себя „россиянином“, а с определенностью: я — татарин, я — калмык, я — чуваш, либо „я — русский“, если душой верно чувствует себя таковым. И в остатке — расплывчатое „россияне“ достаётся нам в удел разве что для официальных холодных обращений да взамен полного наименования гражданства. Но никогда нам не определиться и не понять самих себя, если примем негласный запрет называть себя „русскими“ («Россия в обвале», 1998).

Компромисс все-таки возможен, и я уверен, что через поколения два Россия настолько «европеизируется», что личность и гражданственность станут основными категориями правового сознания русских и всех других россиян, и ни один русский не постесняется сказать о себе: «Я русский россиянин».

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К. С. Москва, 8 июня // Молва. 1857. № 9. С. 97—98. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_0050.shtml.

Антонович М. А. О почве (Не в агрономическом смысле, а в духе «Времени») // Шестидесятники. — М., 1984. С. 35—53.

Гулыга А. Русская идея и ее творцы. — М., 1995.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л., 1972—1990.

Зельдович М., Лившиц Л. Русская литература XIX века. Хрестоматия критических материалов. — М., 1964.

Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. — М., 1989. С. 5—41.

Лазари А. Категория народности в советской идеологии и эстетике // А. Лазари. Наполеон или Чичиков? Из истории русского национализма. — СПб., 1993. С. 20—24.

Милюков А. П. Крестовый поход наших передовых журналов на Пушкина // Светоч. 1860. № 8.

Российская нация. URL: <http://www.rosnation.ru/>.

Русские писатели о литературном труде. — Л., 1956. Т. 2. С. 265

Соловьев В. С. Национальный вопрос в России : в 2т. — СПб., 1891 (первое издание — 1888 г.). Т. 1. С. V.

Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. — Киев, 1897. Т. 2. С. 188.

Трещанин Д. Россияне не хотят быть русскими. Из великороссов выписываются «сибиряки», «залесцы», «ингерманландцы» и «дальневосточники». URL: <http://svpressa.ru/society/article/31063/>.

Andrzej de Lazari. Polskie i rosyjskie „zaprogramowanie kulturowe” (szkic problemu) // Polacy i Rosjanie — przewycięzanie uprzedzeń. — Łódź, 2006. С. 149—155.

de Lazari A. ...świadomi współpracy ze wszystkimi krajami dla dobra Rodziny Ludzkiej, // Preambuła Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej // Trybunał Konstytucyjny. — Warszawa, 2009. С. 85—90.

Jakóbiec M. U źródeł ludowości romantycznej niektórych literatur słowiańskich // Pamiętnik Słowiański. 1963. Т. 13.

Mucha B. Studia nad życiem literackim w Rosji (lata 1801—1825). — Kraków, 1981.

Pełowski F. Słownictwo i frazeologia polskiej publicystyki okresu Oświecenia i romantyzmu. — Warszawa, 1961. С. 125, 164.

Szacki J. Historia myśli socjologicznej. — Warszawa, 1981. Т. 1. С. 142—146.

Szerer M. Idea narodowa w socjologii i polityce. — Kraków, 1922.

Walicki A. Kultura i myśl polska. Prace wybrane. Naród, nacjonalizm, patriotyzm. — Kraków, 2009. Т. 1.

Zieliński A. Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815—1831. — Wrocław, 1969.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. Здесь я использую фрагменты моей книги в переводе М. В. Лескинен и Н. М. Филатовой: *А. де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. — М., 2004.

Е. А. Покровская, Е. В. Кудинова
Ростов-на-Дону, Россия

E. A. Pokrovskaya, E. V. Kudinova
Rostov-on-Don, Russia

**ИНСТРУКЦИОННО-ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ
НАДПИСИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**REGULATION AND INTERDICT
LETTERINGS AS A TOOL
OF IDEOLOGICAL INFLUENCE**

(на материале русского и итальянского языков)

(in Russian and Italian languages)

Аннотация. *Инструкционно-запретительные надписи — это публичные объявления, регулирующие поведение людей в общественных местах. Они являются одним из инструментов идеологического воздействия, тем более мощным, что воздействие это является неосознанным и многократным. В рамках настоящей статьи авторы осуществляют сопоставительный анализ русских и итальянских инструкционно-запретительных надписей, которые, будучи близкими по содержанию, отличаются по форме, обладают национальной спецификой и могут немало рассказать о характере народа, их создающего.*

Abstract. *Regulation and interdict letterings are public announcements which govern people behaviour in public places. They are one of the tools of ideological influence. They are more powerful because their influence is unconscious and repeated. In this article the authors perform comparative analysis of Russian and Italian regulation and interdict letterings which being similar in content differ in a form, have national specifics and can tell about a character of the nation which creates them.*

Ключевые слова: *инструкционно-запретительные надписи; механизмы идеологического воздействия; политический дискурс.*

Key words: *regulation and interdict letterings; mechanism of ideological influence; political discourse.*

Сведения об авторе: *Покровская Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, факультет филологии и журналистики.*

About the author: *Pokrovskaya Elena Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language, Faculty of Philology and Journalism.*

Place of employment: Southern Federal University.

Место работы: Южный федеральный университет.

Контактная информация: *344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.*

e-mail: orlet16@virgilio.it.

Сведения об авторе: *Кудинова Екатерина Владимировна, бакалавр филологии, магистрант кафедры русского языка, факультет филологии и журналистики.*

About the author: *Kudinova Ekaterina Vldimirovna, Bachelor of Arts, Competitor for Masters Degree in the Russian Language, Faculty of Philology and Journalism, Chair of the Russian Language.*

Place of employment: Southern Federal University.

Контактная информация: *344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.*

e-mail: melany18@mail.ru.

Инструкционно-запретительные надписи — широко распространенное явление, с которым мы постоянно сталкиваемся в повседневной жизни. Это публичные объявления, цель которых — регулировать поведение людей в общественных местах: они запрещают посетителям музеев трогать руками произведения искусства, напоминают уважаемой публике о необходимости выключить мобильные телефоны на время спектакля, сообщают покупателям о том, что они находятся под видеонаблюдением, и предлагают по этому поводу улыбнуться, призывают пассажиров общественного транспорта «быть взаимно вежливыми...» и т. д. Однако помимо этой чисто практической функциональной цели они имеют и другую, не столь заметную на первый взгляд. Инструкционно-запретительные надписи вольно или невольно служат одним из средств идеологического воздействия (хотя и не столь эффективным и очевидным, как пламенные речи, произносимые политическими лидерами на митингах, или агитационные плакаты). Средством тем более мощным, что мы этого не

замечаем, с детства привыкаем видеть их вокруг, не обращаем на них внимания и даже не подозреваем о том, что они (наряду со сказками, которые нам рассказывают бабушки, с книгами, которые мы читаем, с фильмами, которые мы с восхищением смотрим и т. д.) определяют нашу картину мира и систему ценностей. Они влияют на наше восприятие мира исподволь, но весьма значительно, поскольку данное воздействие, во-первых, является неосознанным для адресата, а во-вторых, многократным (ведь такие надписи постоянно перед нашими глазами: в магазинах, банках, кафе, спортзалах). Инструкционно-запретительные надписи кажутся на первый взгляд незначительными и не заслуживающими внимания, чисто функциональными объявлениями, однако, проанализировав их, понимаем, что они могут немало рассказать о характере народа, их создающего, и восприятии им мира.

Русские и итальянские инструкционно-запретительные надписи являются близкими по содержанию, что неудивительно, ведь правила

поведения в обществе являются схожими во всех цивилизованных странах: итальянцы не меньше русских не любят мусор на улицах, курение и громкие разговоры по телефону в общественных местах, вторжение посторонних в предназначенные для сотрудников помещения и т. д. Иногда запреты в двух странах дословно дублируют друг друга (например: «E' vietato introdurre I cani» — «Вход с собаками запрещен»). Однако в большинстве случаев инструкционно-запретительные надписи, являясь идентичными — или практически одинаковыми — по содержанию, весьма значительно отличаются по форме. Язык предоставляет бесконечные возможности для варьирования, и одни и те же запреты и инструкции можно выражать разными способами, что становится очевидным при сравнении конкретных объявлений.

Так, например, типичному для всех русских музеев объявлению «Руками не трогать» соответствует куда более пространный итальянский вариант «Per favore non toccate le sculture. Le superficie possono essere deneggiate anche dalle mani pulite» («Пожалуйста, не трогайте скульптуры. Поверхность может быть повреждена даже чистыми руками»). Сразу же привлекает внимание слово «пожалуйста», с которого начинается итальянское объявление. Отметим также, что итальянцы, формулируя запрет, одновременно и аргументируют его. Примечательны и грамматические формы, использованные в данных инструкционно-запретительных надписях: в итальянском объявлении глагол употребляется в форме повелительного наклонения (*non toccate*), в то время как в русском видим запретительный инфинитив — безличную форму, выражающую запрет в самой категорической и безапелляционной манере. Если мы зададимся вопросом, чем «Встаньте!» (или даже «Встань!») отличается от «Встать!», а «Дай!» (и тем более «Дайте!») — от «Дать», то поймем, что второй вариант является более строгим, не терпит возражений, в то время как при первом остается потенциальная возможность возразить и не послушаться. К такому выводу на интуитивном уровне приходят даже не обладающие филологическим образованием носители языка. Филологи объясняют это тем, что повелительное наклонение, несмотря на то что выражает побуждение к действию, все-таки является личной формой глагола, а следовательно, предполагает некую реакцию со стороны адресанта или по крайней мере допускает его существование, в то время как инструкция в форме безличного инфинитива не предполагает диалога и какой-либо реакции. В этом состоит разница между императивом и запретительным инфинитивом, и в этом разница между «Non toccata» и «Не трогать».

Рассмотрим еще один пример. На двери русского магазина читаем: «Дамы и господа! Просьба в магазин в купальных костюмах не заходить. Имейте совесть!» Примечательно,

что начинается объявление с подчеркнуто куртуазного обращения «дамы и господа» (которым пользуются шикарно одетые светские люди на роскошных вечеринках и которое пока еще мало ассоциируют с собой простые россияне, отдыхающие летом в городе Геленджике и покупающие шоколадки в этом маленьком продуктовом магазинчике), а заканчивается просторечным и повышено экспрессивным восклицанием: «Имейте совесть!» Совсем другое объявление, тоже касающееся формы одежды, видим на двери итальянской церкви: «La Cattedrale piu' che la porta ti apre il cuore. Rispettala con il silenzio e con il tuo abbigliamento. Grazie» («Храм гораздо шире, нежели дверь, распахивает перед тобой свое сердце. Прояви свое уважение к нему молчанием и надлежащей одеждой. Спасибо»). В основе данного объявления лежит метафорическое сравнение (дверь — сердце), которое настраивает входящего в святую обитель на соответствующий лад. А в конце адресата благодарят.

В аэропорту города Римини нами было обнаружено объявление на итальянском языке, дублированное по-русски, что связано с большим количеством русских туристов, пользующихся данным аэропортом. Однако фразу «Уважаемые пассажиры! Не пересекать красную линию» никак нельзя считать эквивалентом итальянского варианта «Per motivi di riservatezza si prega di rispettare la linea gialla» («По соображениям охраны личного пространства просят уважать красную линию»). Адекватно перевести данное объявление очень не просто, поскольку в нем употреблено слово «riservatezza», не имеющее аналога в нашем языке. Его можно перевести описательно, с помощью словосочетания (личное пространство, индивидуальное пространство), или же использовать иноязычное заимствованное слово «конфиденциальность», или же провести параллели с английским словом «privacy», которому посвящено множество лингвокультурологических исследований. Однако русскому человеку с его соборностью, коллективизмом, любовью к общению и разговорам по душам трудно понять, что же это такое и почему кому-то может быть неприятно, если ему заглядывают через плечо, чтобы прочитать, откуда он прилетел или куда направляется. Привлекает внимание тот факт, что в данном объявлении используется глагол «rispettare» («уважать») применительно к существительному «линия».

И русское, и итальянское общество (как и любое цивилизованное общество) негативно относится к мусору на улицах, однако по-разному призывает своих членов поддерживать чистоту. Всем нашим соотечественникам, безусловно, не раз встречалось объявление «Не сорить», где используется безличный запретительный инфинитив — безличная грамматическая форма, служащая для выражения запрета в самой строгой, безапелляционной манере

(она же используется в командах для собак: «Сидеть!»). В Италии в сходной ситуации употребляется повелительное наклонение: «Tieni Venezia pulita» («Содержи Венецию в чистоте»), которое является личной формой (а следовательно, адресату оставляется возможность — хотя бы теоретическая — взбунтоваться, возразить, не выполнить приказ). С той же грамматической формой сталкиваемся и в объявлении: «La stazione e' anche la tua. Aiutaci a mantenerla pulita» («Вокзал принадлежит и тебе тоже. Помоги нам содержать его в чистоте»). Примечательно, что как в первом, так и во втором итальянском объявлении употребляется форма повелительного наклонения 2 лица единственного числа («ты»), однако нам представляется, что ее коннотативная окраска сильно отличается от той, которая присутствует в русском объявлении с аналогичной грамматической формой: «Въехал в район — не мусори». Создается впечатление, что итальянское «ты» призвано сократить коммуникативную дистанцию между адресатом и адресантом, сделать общение более неформальным, интимизировать его, в то время как русское «тыканье» воспринимается как оскорбительное, унижительное. Читателя итальянского объявления как будто приглашают вступить в общество людей, которым небезразличны судьба города и чистота вокзала, стать частью группы, не считать себя кем-то отдельным, кого не касается все то, что происходит вокруг, принять участие в общем деле поддержания порядка. Совсем иначе звучит русское объявление «На прилегающей территории ВЕТ CITY — не мусорить», по прочтении которого возникает вопрос: «А не рядом с вашим магазином — можно?»

Хорошо известное всем нашим соотечественникам объявление «Вход с собаками воспрещен» имеет практически дословное итальянское соответствие «E' vietato introdurre I cani», однако помимо этого — очень официального — варианта встречаются и другие, менее формальные — нарисованные собаки, которые «говорят»: «Io non posso entrare» («Я не могу войти»), «Noi aspettiamo fuori» («Мы ожидаем снаружи»), «Noi rimaniamo fuori» («Мы остаемся снаружи»).

С собаками связано и другое популярное русское объявление, украшающее заборы множества частных домов на просторах нашей родины: «Осторожно! Злая собака». Собаки есть и в Италии, однако в словах «Attenti al cane» («Обратите внимание на собаку») нет угрозы, желания запугать прохожего.

При сопоставлении объявления «Берегись автомобиля» с итальянским вариантом — «Macchine in movimento» («Машины в движении») — замечаем, что во втором нет приказа или инструкции — адресату лишь предоставляется некая информация, но выбор остается за ним, никто не имеет права приказывать ему.

Подобные выводы делаем и при сравнении объявления «Не влезай! Убьет!» с итальянским

«Alta tensione» («Высокое напряжение»), где нет никакого запрещения и приказа, а лишь сообщается о некоем факте действительности — личность же остается вольна сама принимать решение и действовать тем или иным образом. По мысли итальянцев, никто не имеет права навязывать вам что-то и насильно врывать в вашу жизнь.

Вполне ожидаемо, что глагол «vietare» — одна из самых употребительных лексем в итальянских инструкционно-запретительных надписях, подобно глаголу «запрещать» — в русских. Однако данные слова, являясь близкими по значению, не могут быть признаны полными аналогами. Итальянский глагол «vietare» имеет синоним «proibire», который употребляется в случаях, когда речь идет о ненарушимом запрете, почти табу (например: «Ai musulmani e' proibita la carne suina» — «Мусульманам запрещена свинина»). Этот глагол достаточно редко употребляется в речи и не встречается в инструкционно-запретительных надписях.

Отличается также восприятие русскими и итальянцами грамматической формы повелительного наклонения, которое в русском языке используется в самых разнообразных контекстах: с помощью императива можно и отдавать приказания солдатам, и умолять о спасении, и униженно просить о чем-то, в то время как для итальянца данная грамматическая форма ассоциируется прежде всего с военным приказом. Используя итальянский язык не рекомендуют использовать императивы, когда они хотят о чем-то попросить (для этого гораздо лучше подходит условное наклонение — *modo condizionale*). Разговаривая, носители итальянского языка сравнительно редко употребляют императивы. Избегают их и в инструкционно-запретительных надписях (за исключением тех случаев, когда речь идет о риске для жизни: «Non toccate I fili. Pericolo di morte» — «Не трогайте провода. Опасно для жизни»). Носители итальянского языка избегают категоричных, беспелляционных приказов, предпочитая другие, более мягкие формы. Так, например, крайне употребительной в итальянских инструкционно-запретительных надписях является грамматическая форма *si-passivante*, соответствующая русским неопределенно-личным предложениям («Si prega di portare I documenti n originale e fotocopia» — «Просят предоставлять документы в оригинале и ксерокопии», «Si ricorda che e' obbligatorio portare con se i seguenti documenti <...>» — «Напоминают, что обязательно предоставление следующих документов <...>»).

Статистические данные позволяют утверждать, что в русских инструкционно-запретительных надписях доминирующая позиция принадлежит запретительному инфинитиву. В итальянском языке подобная грамматическая форма просто невозможна, поскольку инфини-

тив в сочетании с запретительной частицей «non» («не») используется и, соответственно, воспринимается носителями языка как отрицательная форма повелительного наклонения (становясь, таким образом, личной формой). Поясним на примере: по-итальянски «Parlare» — «Говорить», «Parla!» — «Говори!», а «Non parlare» — «Не разговаривай». Или же: «Rispondere» — «Отвечать», «Rispondi!» — «Отвечай!», «Non rispondere!» — «Не отвечай!». Таким образом, запретительного инфинитива в итальянском языке нет, а в классической фразе «Non fumare», переводящейся дословно как «Не курить», носители итальянского языка видят форму повелительного наклонения («Не кури»). В итальянской языковой картине мира не находится места для безличной запретительной формы, при употреблении которой адресат не принимается во внимание и не предполагается никакой реакции с его стороны. Итальянская культура составляет часть европейской, для которой традиционным является пристальное внимание к свободе и правам личности. Европейцы ни на что не променяют право самостоятельно принимать решения и не приемлют приказы «сверху». В отношении русских, напротив, можно говорить наличии в их сознании представления о существовании высшей руководящей инстанции, которая имеет право раздавать «ценные указания» и определять действия конкретного человека в той или иной ситуации (причем в крайне категоричной и безапелляционной манере — с помощью запретительного инфинитива) и инструкциям которой он следует. Нам представляется, что готовность подчиниться властным органам, которые, хотя и ограничивают свободу человека, тем не менее упорядочивают, структурируют жизнь и избавляют его от ответственности за ошибки, является одной из особенностей русской ментальности, в то время как европеец, напротив, ни на что не променяет свое право самому делать выбор и решать, как поступить в той или иной ситуации, даже если это решение окажется ошибочным, неверным. Еще в эпоху античности в рамках европейской культуры сложилось представление о ценности личности как творца, самостоятельно формирующего не только собственную жизнь, но и мир вокруг себя. Русские люди, напротив, воспринимают власть как нечто внешнее по отношению к себе, на что не в состоянии повлиять каждый отдельный человек (показательно, что становление русской государственности началось с призвания иноземцев-варягов, а сами русские не могли или не хотели установить порядок в собственных землях; вспомним также, что Н. А. Бердяев сравнивал Россию с невестой, вечно ожидающей жениха, который придет и преобразит ее жизнь). Русские всегда мыслили себя как совокупность людей, а европейцы — отдельными индивидуальностями, каждая из которых способна повлиять на судьбу общества (в этом — истоки великой

европейской мечты о демократии).

Однако исключительно подчиненной позицией и фаталистическим приятием указаний «свыше» не исчерпываются отношения русских людей со властными органами. Н. Бердяев отмечал в русских сосуществование «жуткой покорности», сервилитета и безграничной свободы. Он писал о страннической сущности русских людей, их непрерывном и напряженном духовном поиске, в котором они обретают безграничную, беспредельную свободу, по сравнению с которой ничтожными кажутся чисто земные ограничения гражданских прав (которые, тем не менее, являются бесконечно значимыми для европейцев). «Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И поэтому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви — к вражде и ненависти. <...> Добыть себе относительную общественную свободу русским трудно не потому только, что в русской природе есть пассивность и подавленность, но и потому, что русский дух жаждет абсолютной Божественной свободы. <...> Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны. <...> Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной» [Бердяев 2007: 38—39]. Таким образом, мы можем говорить о разных пониманиях свободы в двух культурах: если для европейца важна свобода гражданская, юридическая (ее скорее можно назвать независимостью), то русские люди стремятся к свободе духа. Первая связана с настоящим и ориентируется на материальный мир, а вторая — с будущим и тяготеет к миру трансцендентальному, идеальному.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают обращения на «ты» и на «вы» в инструкционно-запретительных надписях. В русской культуре обращение на «вы» является показателем уважения, а «тыканье», напротив, воспринимается как пренебрежение и оскорбляет человека. Не случайно в современных русских инструкционно-запретительных надписях (особенно тех, которые размещаются в предприятных сферы услуг, — в ресторанах, магазинах, банках) отмечаем тенденцию писать «Вы» с большой буквы. Составители таких объявлений, заинтересованные в клиентах, не прочь польстить адресату, и таким образом пытаются подчеркнуть свое уважение к нему, хотя подобное написание местоимения противоречит

нормам русского языка: допускается написание местоимения второго лица с прописной буквы только по отношению к одному конкретному человеку, который известен пишущему, но никак не применительно к неопределенному множеству людей, каковым является адресат инструкционно-запретительных надписей. Объявления, содержащие обращение на «ты», напротив, воспринимаются русскими людьми как грубые и неуважительные, ассоциируются с военными приказами («Водитель! Въехал в район — не мусори»; «Стой! Предъяви пропуск»; «Не влезай — убьет»). Итальянцы гораздо проще и быстрее русских переходят на «ты» при реальном общении (так, например, подобное обращение не является невозможным между студентом и преподавателем, в то время как в нашей культуре, где до недавнего времени на «Вы» обращались даже к родителям, это представляется диким), а в инструкционно-запретительных надписях прибегают к данной форме, чтобы сделать общение более неформальным, дружеским, сократить коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом, а не выказывать пренебрежение («Usa la tessera sanitaria per prenotare I servizi agli sportelli. Così ci aiuterai a servirti meglio» — «Используй страховой полис, чтобы заказывать услуги. Так ты сможешь нам лучше обслуживать тебя»; «Tieni Venezia pulita» — «Содержи Венецию в чистоте»; «La stazione e' anche la tua. Aiutaci a mantenerla pulita» — «Вокзал принадлежит и тебе тоже. Помоги нам содержать его в чистоте»).

В постсоветскую эпоху русские инструкционно-запретительные надписи претерпели известные изменения. С момента развала Советского Союза радикальным образом изменилась наша жизнь, наш взгляд на мир, наши ценности и приоритеты, наш менталитет, что и обусловило новшества в области инструкционно-запретительных надписей. Наиболее поверхностным и бросающимся в глаза фактом является повышенная куртуазность современных инструкционно-запретительных сообщений. В наибольшей мере это касается тех объявлений, которые функционируют в предприятиях сферы услуг — в ресторанах, магазинах, банках, спортзалах и т. д. Это неудивительно, ведь с развитием рыночной экономики, частного предпринимательства, конкуренции адресант стал заинтересован в адресате (клиенте). Такая позиция обусловила появление многих выражений: «Дамы и господа» (часто — «Глубокоуважаемые дамы и господа»), «обращаем ваше внимание», «по причине», «спасибо» и т. п., которыми пестрят кафе и театры. Однажды нам встретилась надпись «Машины не парковать», под которой было дописано: «Уважаемые граждане!» — как будто автор сначала написал требование, а потом подумал и решил сделать свое объявление более вежливым. В последние годы в магазинах появились льстиво-любезные надписи вроде «Наш люби-

мый клиент» или «Вы отлично смотрите» на зеркалах. Подобные сообщения трудно (чтобы не сказать — невозможно) себе представить в советских общественных местах. Все более многочисленными становятся инструкционно-запретительные надписи, которые можно назвать фатическими, контактоустанавливающими («Мы открылись»; «Мы вам рады»).

Менее очевидной, однако гораздо более важной чертой современных инструкционно-запретительных надписей является желание их составителей быть непохожими на других, оригинальными, необычными. Наше внимание привлекло объявление, прозвучавшее перед началом спектакля в одном из московских театров: сначала раздались трели мобильного телефона, а потом укоряющий голос сказал уважаемым зрителям, что, как они сами понимают, невозможно работать в подобной обстановке, и попросил отключить звонки на время спектакля. В Южном федеральном университете рядом с надписью «Не курить» — реликтом советской эпохи — читаем и объявление совсем иного плана: «Уважаемые студенты! Прекрасная половина факультета! Убедительная просьба не бросайте окурки в раковину! Найдите им более подходящее место! А лучше — бросайте курить! Ибо минздрав уже устал предупреждать!», — где мы видим и подчеркнута вежливое (а также льстящее тщеславию прекрасных дам) обращение, и императив вместо категоричного инфинитива из советской поры, и языковую игру (глагол «бросать» употреблен в прямом значении — «ронять» и переносном — «прекращать»), и обращение к прецедентному высказыванию, известному носителям языка («Минздрав предупреждает: куренье — это яд»). На дверях ресторана «Тело» вместо стандартного «Открыто» видим: «Тело доступно». На смену вывеске «Работаем круглосуточно» приходит «Офис 24 часа для удобства наших клиентов». Подобные явления, с нашей точки зрения, свидетельствуют о растущем в русских людях стремлении к самовыражению: авторы таких объявлений больше не желают сливаться с толпой и быть как все, отказываются от готовых формул, клише, не боятся быть оригинальными, непохожими на других, стремятся выделиться на общем фоне. Все менее актуальна мысль, что «я в русском языке и русском сознании — последняя буква алфавита», все чаще «человек звучит гордо». Это проявляется и в использовании в инструкционно-запретительных надписях глагола в форме первого лица единственного числа («Авто прощу не парковать» вместо привычных и безличных «Парковка запрещена» или «Въезд не закрывать»). Подтверждают данную тенденцию и шуточные объявления в общественном транспорте, ставшие столь популярными в последние годы («Купи себе холодильник и хлопай дверью», «Водитель не осьминог — всем сдачу дать не может», «Просьба бананы и прочее

есть вместе с кожурой» и т. д.). В такого рода инструкционно-запретительных надписях мы, как правило, сталкиваемся с языковой игрой, которая создает комический эффект. Он может достигаться за счет намеренного искажения нормы языка: в объявлении «Остановок „здесь“ и „туда“ не существует» мы сталкиваемся с просторечными формами. Другой способ — прием обманутого ожидания, когда в объявлении обыгрываются привычные клише, взятые из традиционных инструкционно-запретительных надписей («Книга жалоб и предложений в соседней маршрутке»). Богатую почву для создания комического эффекта дает полисемия («Не говорите водителю, куда ему ехать, и он не будет говорить, куда вам идти», «Берегите дверь — это ваш единственный выход»). В объявлении «Зайцев не везем. Дед Мозай едет дальше» языковая игра базируется на многозначности слова «заяц» и апелляции к прецедентному тексту, хорошо известному носителям русской культуры (поэме Н. А. Некрасова). Но особенно широко используется в таких смеховых объявлениях неожиданная мотивация («Хочешь жить? Не отвлекай водителя!», «Прижимаясь ближе к соседу, вы дарите надежду людям на остановке»). В целом можно говорить о разрушении в этих призывах привычного представления о социальной роли пассажира и связанной с ним системе поведения. Великий русский филолог М. М. Бахтин говорил о позитивном значении здорового карнавального смеха, который противостоит диктату, идеологии, монологу и навязыванию какой-либо точки зрения. Поэтому такие растущая популярность таких объявлений свидетельствует о важных изменениях в менталитете русских людей: на смену диктату приходит смеховая, игровая культура и, соответственно, раскрепощение людей.

В заключение скажем еще раз, что русские и итальянские инструкционно-запретительные надписи, часто совпадая по содержанию и цели, сильно отличаются по форме. Неслучайным является тот факт, что итальянцы, как и все европейцы, с трепетом относящиеся к свободе личности и ее правам и дорожке всего ценящие ее независимость, избегают строгих и категоричных приказов, предпочитают сообщать, а не запрещать, делают упор на безличные формы, в то время как русские, еще не окончательно расставшиеся с советским тоталитарным прошлым, привыкли видеть вокруг запретительные инфинитивы (или хотя бы выражения вроде «строго запрещено», «категорически воспрещается», которые, хотя потенциально имеют аналоги в итальянском языке, в зарубежных

объявлениях не встречаются). Однако язык, как и жизнь общества, никогда не стоит на месте и непрестанно развивается. Совершенно ясно, что русские инструкционно-запретительные надписи последних лет сильно отличаются как по форме, так и по содержанию от того, что мы видели вокруг себя в советскую эпоху. Нам представляется, что это свидетельствует о важных изменениях, которые происходят в последние десятилетия в нашем обществе, государстве, картине мира. Из Советского Союза с запретительными инфинитивами мы ушли. Куда придем — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1990.
- Бердяев Н. Судьба России. М.: Эксмо, 2007.
- Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001.
- Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки славянской культуры, 1999.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. — М.: Лабиринт, 2008.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23—31.
- Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. — М.: Гнозис, 2007.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ ; Восток-Запад, 2007.
- Рылов Ю. Аспекты языковой картины мира. Итальянский и русский языки. — М.: Гнозис, 2007.
- Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. — М.: Альфа-М ; Инфра-М, 2004.
- Седов К. Ф. Дискурс и личность. — М.: Лабиринт, 2004.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М.: Аспект-пресс, 2007.
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. — М.: Слово, 2008.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. П. Седых

Белгород, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ
НИКОЛЯ САРКОЗИ

Аннотация. На материале речевых манифестаций французского президента Николя Саркози рассматривается языковая личность политика. Дискурс политика исследуется на основе интерпретационного анализа лексического корпуса, фразеологии, неологизмов, вторичных антропонимов. Языковые данные вербализуют типичные для рассматриваемой личности стратегии и тактики речевого воздействия.

Ключевые слова: языковая личность; институциональный дискурс; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение.

Сведения об авторе: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, доцент, факультет РГФ.

Место работы: Белгородский государственный университет (БелГУ).

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Николя Саркози — противоречивый персонаж политической элиты Французской Республики. Его можно считать одним из наиболее ярких представителей национальных политиков «новой волны». Сын венгерского эмигранта, занимавший влиятельные должности в правительстве (министр внутренних дел, обладатель главного портфеля в министерстве финансов), действующий президент Французской Республики, Николя Саркози вызывает двойственные чувства не только у французов. Начало его президентского правления связано со скандалом, основной манерой правления Саркози выступает личное вмешательство почти во все сферы общественно-социальной и промышленной деятельности, наконец, он первый из президентов Франции, кто употребляет сниженный лексикон в своих речевых актах.

Рассмотрим речевые манифестации языковой личности Николя Саркози. Начнем с временных параметров, лексики и синтаксиса президентского дискурса: *C'est pour cette Europe qui agit, qui décide, qui croit en elle-même, que nos pays s'engagent. La Présidence suédoise de l'Union marquera, j'en suis certain, une nouvelle étape importante dans la construction de cette Europe. Elle pourra compter sur le soutien de la France. — Именно ради Европы, которая действует, которая решает, которая верит в себя, наши страны берут на себя обязательства. Председательство Швеции в ЕС, я уверен, новая веха в строительстве такой Европы. Она сможет рассчитывать на поддержку Франции [Vendredi 3 juillet 2009]; C'est ensemble que nous lutterons efficacement contre*

COMMUNICATIVE PORTRAIT
OF NICOLAS SARKOZY

Abstract. The paper deals with linguistic identity of politician on the materials of statements of French President Nicolas Sarkozy. Political discourse is studied through interpretive analysis of vocabulary, neologisms, and anthroponyms. Linguistic informations verbalize typical strategies and tactics of verbal action of this personality.

Key words: linguistic identity; institutional discourse; the strategy and tactics of speech influence; communicative behavior.

About the author: Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Associate Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Place of employment: Belgorod State University (BSU).

ces deux fléaux qui nous menacent tous: l'extrémisme et le terrorisme. — Вместе мы будем эффективно бороться против этих двух зол, которые угрожают всем нам: экстремизм и терроризм [Discours de Mr Nicolas Sarkozy au parlement marocain à Rabat 23.10.2007]; C'est ensemble que nous devons aider les peuples du Moyen-Orient à trouver le chemin de la paix et de la sécurité. Aux dirigeants israéliens et palestiniens, je veux dire : n'hésitez pas, prenez tous les risques au service de la paix et prenez-les maintenant! — Вместе мы должны помочь народам Ближнего Востока найти путь к миру и безопасности. Израильские и палестинские лидеры, я хочу сказать: возьмите на себя риск служить миру и сделайте это сейчас! [Washington (États-Unis) — Mercredi 7 novembre 2007].

Как видим, дискурс Николя Саркози в большинстве своем обращен в будущее, которое манифестируется при помощи соответствующих рекуррентных форм глагольных времен, лексических и синтаксических конструкций.

В текстах Саркози встречаются следующие **анафорические конструкции:**

Scandaleuse, parce qu'elle sape les fondements même de la transmission du savoir et compromet l'avenir des enfants. Scandaleuse parce qu'elle s'attaque aux plus fragiles de nos jeunes concitoyens. — Возмутительно, потому что подрывает самые основы обучения и ставит под угрозу будущее детей. Возмутительно, потому что угрожает самым молодым нашим согражданам) [Palais de l'Élysée. Mercredi 5 mai 2010].

Je pense à tous les Présidents de la V-e République qui m'ont précédé. **Je pense** au Général De Gaulle qui sauva deux fois la République. <...> **Je pense** à Georges Pompidou et à Valéry Giscard d'Estaing qui, chacun à leur manière, firent tant pour que la France entrât de plain-pied dans la modernité. **Je pense** à François Mitterrand, qui sut préserver les institutions et incarner l'alternance politique. <...> **Je pense** à Jacques Chirac, qui pendant douze ans a œuvré pour la paix et fait rayonner dans le monde les valeurs universelles de la France. **Je pense** au rôle qui a été le sien pour faire prendre conscience à tous les hommes de l'imminence du désastre écologique et de la responsabilité de chacun d'entre eux envers les générations à venir. <...> **Je pense** avec émotion à cette attente, à cette espérance, à ce besoin de croire à un avenir meilleur qui se sont exprimés si fortement durant la campagne qui vient de s'achever. **Je pense** avec gravité au mandat que le peuple français m'a confié et à cette exigence si forte qu'il porte en lui et que je n'ai pas le droit de décevoir. — **Я думаю** о всех президентах Пятой республики, моих предшественниках. **Я думаю** о генерале де Голле, который дважды спас Республику. <...> **Я думаю** о Жорже Помпиду и Валери Жискар д'Эстене, которые, каждый по-своему, столько сделали для того, чтобы Франция беспрепятственно стала мощной современной державой. **Я думаю** о Франсуа Миттеране, который сумел сохранить республиканские институты и воплотить политическую ответственность. <...> **Я думаю** о Жаке Шираке, который в течение двенадцати лет работал на благо мира и способствовал всемирному распространению универсальных ценностей Франции. **Я думаю** о его роли в деле осознания неизбежности предстоящей экологической катастрофы и ответственности каждого перед грядущими поколениями. <...> **Я** с волнением **думаю** об этом ожидании, этой надежде, о необходимости верить в лучшее будущее, которые заявили о себе во время только что закончившейся кампании. **Я** со всей серьезностью **думаю** о мандате, который мне доверил французский народ, которого я не в праве разочаровывать [Palais de l'Elysée. Mercredi 16 mai 2007].

Exigence de rassembler les Français parce que la France n'est forte que lorsqu'elle est unie et qu'aujourd'hui elle a besoin d'être forte pour relever les défis auxquels elle est confrontée. **Exigence de respecter** la parole donnée et de tenir les engagements parce que jamais la confiance n'a été aussi ébranlée, aussi fragile. **Exigence morale** parce que jamais la crise des valeurs n'a été aussi profonde, parce que jamais le besoin de retrouver des repères n'a été aussi fort. **Exigence de réhabiliter** les valeurs du travail, de l'effort, du mérite, du respect, parce que ces valeurs sont le fondement de la dignité de la personne humaine et la condition du progrès social. <...> **Exigence de**

tolérance et d'ouverture parce que jamais l'intolérance et le sectarisme n'ont été aussi destructeurs, parce que jamais il n'a été aussi nécessaire que toutes les femmes et tous les hommes de bonne volonté mettent en commun leurs talents, leurs intelligences, leurs idées pour imaginer l'avenir. **Exigence de changement** parce que jamais l'immobilisme n'a été aussi dangereux pour la France que dans ce monde en pleine mutation où chacun s'efforce de changer plus vite que les autres, où tout retard peut être fatal et devient vite irrattrapable. **Exigence de sécurité** et de protection parce qu'il n'a jamais été aussi nécessaire de lutter contre la peur de l'avenir et contre ce sentiment de vulnérabilité qui découragent l'initiative et la prise de risque. <...> **Exigence d'ordre et d'autorité** parce nous avons trop cédé au désordre et à la violence, qui sont d'abord préjudiciables aux plus vulnérables et aux plus humbles. **Exigence de résultat** parce que les Français en ont assez que dans leur vie quotidienne rien ne s'améliore jamais, parce que les Français en ont assez que leur vie soit toujours plus lourde, toujours plus dure, parce que les Français en ont assez des sacrifices qu'on leur impose sans aucun résultat. **Exigence de justice** parce que depuis bien longtemps autant de Français n'ont pas éprouvé un sentiment aussi fort d'injustice, ni le sentiment que les sacrifices n'étaient pas équitablement répartis, ni que les droits n'étaient pas égaux pour tous. **Exigence de rompre** avec les comportements du passé, les habitudes de pensée et le conformisme intellectuel parce que jamais les problèmes à résoudre n'ont été aussi inédits. — **Потребность в сплочении** французского народа, поскольку Франция является сильной только тогда, когда она едина, и теперь она должна быть сильной для <решения> стоящих перед ней задач. **Потребность держать** свое слово и выполнять обязательства, поскольку доверие никогда <прежде> не было таким уязвимым, таким хрупким. **Потребность в морали**, поскольку никогда кризис ценностей не был так глубок, потому что сегодня как никогда ощущается необходимость в обретении ориентиров. **Потребность в восстановлении** ценности труда, усилий, заслуг и уважения, потому что эти понятия являются основой достоинства человеческого существования и социального прогресса. <...> **Потребность в толерантности** и открытости, поскольку никогда ранее нетерпимость и фанатизм не были настолько разрушительными, потому что сегодня как никогда необходимо для всех людей доброй воли объединить свои таланты и умения, свои идеи для строительства будущего. **Потребность в переменных**, поскольку никогда инертность не была так опасна для Франции, как в этом меняющемся мире, где каждый стремится измениться быстрее, чем другие, где любая задержка может быть фатальной и быстро становится необратимой. **Потребность в**

безопасности и защите, поскольку никогда ранее так остро не стояла проблема неверия в завтрашний день, и необходимость преодоления ощущения уязвимости, — всего того, что препятствует инициативе и риску. <...> **Потребность в порядке и власти**, потому что мы были слишком терпимы к беспорядку и насилию, которые в основном затрагивают наиболее уязвимые и неимущие слои населения. **Потребность в результатах**, поскольку французам уже надоело, что повседневная жизнь никогда не улучшается, поскольку французы устали от своей жизни, которая становится все тяжелее и тяжелее, поскольку французы достаточно приносили безрезультатные жертвы. **Потребность в справедливости**, поскольку в течение длительного времени многие французы ощущали так много несправедливости в том, что касается распределения пожертвований и равенства прав для всех. **Потребность покончить с прошлым**, привычками мышления и интеллектуальным конформизмом, поскольку никогда ранее эти проблемы не проявлялись так явно [Palais de l'Élysée, mercredi 16 mai 2007].

Приведенные выше анафорические конструкции отмечаются в речи практически почти всех президентов Французской Республики, но у Николя Саркози этот прием относится к излюбленным способам воздействия на аудиторию. Ритуальное повторение идентичных речений манифестирует повышенную плотность семиозиса коммуникации, символическую нагруженность речи, и как следствие, ведет к десемантизации высказывания. Это тем более остро чувствуют французы, так как их национальный язык «избегает» повторов любого типа, будь то однокоренные слова или однотипные синтаксические конструкции.

ИНТЕРРОГАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.

Quand j'entends certains protester contre un prétendu «fichage», au nom de la «liberté», je me demande de quel côté sont-ils? La liberté consiste-t-elle à se désintéresser du devenir de mineurs en grande précarité qui, entre 16 et 18 ans, ne vont pas à l'école, ne sont pas en apprentissage, n'ont pas de formation et ont des parents dépassés? C'est cela la liberté que je dois garantir? — Когда я слышу, как некоторые протестуют против так называемой регистрации во имя «свободы», я задаюсь вопросом, на чьей стороне эти люди? Можно ли трактовать свободу как безразличие к судьбе незащищенных и неустроенных несовершеннолетних в возрасте 16-18 лет, которые не посещают школу, не учатся, не обучены и родители которых загнаны в тупик? Именно такую свободу я должен гарантировать? [Palais de l'Élysée. Mercredi 5 mai 2010]; Mais ces admirables chercheurs et ces points forts — j'ose le dire — ne sont-ils pas l'arbre qui cache la forêt? Ne servent-ils pas parfois d'alibi aux conservateurs de tous poils, que l'on trouve à droite en nombre certain et à gauche en nombres

innombrables? — Но эти замечательные исследователи и эти сильные стороны — осмелюсь сказать — не деревья ли они, которые скрывают лес? Не они иногда служат оправданием для консерваторов всех мастей, часть которых мы находим в лагере правых и бесчисленное количество — в лагере левых? [Discours à l'occasion du lancement de la réflexion pour une stratégie nationale de recherche et d'innovation, Palais de l'Élysée. Jeudi 22 janvier 2009].

Mais comment ne pas être stupéfait par la réaction que cette décision a suscitée dans certains milieux médiatiques et politiques de notre propre pays? Réactions excessives, parfois caricaturales, à l'égard du peuple suisse, dont la démocratie, plus ancienne que la nôtre, a ses règles et ses traditions, qui sont celles d'une démocratie directe où le peuple a l'habitude de prendre la parole et de décider par lui-même? <...> Pourquoi en Suisse, pays qui a une longue tradition d'ouverture, d'hospitalité, de tolérance, un tel rejet peut-il s'exprimer avec tant de force? Et que répondrait le peuple français à la même question? — Но как же не изумиться реакции некоторых средств массовой информации и политических кругов нашей страны? Реакция была чрезмерной, иногда гротескной, <направленной> против швейцарского народа, демократия которого старше, чем наша, имеет свои правила и традиции, отражающие тип прямой демократии, когда люди имеют обыкновение говорить и решать все вопросы сами. <...> Почему в Швейцарии, которая имеет давние традиции открытости, гостеприимства, терпимости, такое отторжение может быть выражено с такой силой? А как бы отреагировал французский народ на тот же вопрос? [Tribune du Président Sarkozy publiée par le journal Le Monde. 09.12.2009].

Вопросительные высказывания также можно отнести к высокочастотным структурам дискурса президента. Как правило, это риторические вопросы, которыми изобилуют речи Николя Саркози. Риторический вопрос ставится президентом не для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто, неизвестное говорящему. Как известно, функция риторического вопроса — привлечь внимание, усилить впечатление, повисить эмоциональный формат коммуникации. Саркози как бы подсказывает слушателю нужный ответ, вовлекая тем самым реципиента в рассуждение или переживание, делая его более активным, создавая иллюзию поиска и нахождения самостоятельного вывода.

Отличительной чертой дискурса является и употребление местоимений **je / nous (я / мы)**: **J'annonce une petite révolution dans notre Éducation nationale: le chef d'établissement aura le droit de procéder lui-même au recrutement des professeurs, sélectionnés sur profil, sur la base du volontariat! — Я объявляю маленькую революцию в нашей национальной системе образова-**

ния: отныне руководитель образовательного учреждения имеет право сам нанимать учителей, отобранных по результатам тестирования на добровольной основе! [Palais de l'Élysée. Mercredi 5 mai 2010]; **Je vous réaffirme ma reconnaissance, la gratitude des Français. Je souhaite à chacun de vous, comme à vos familles, l'accomplissement de vos projets professionnels et, bien sûr, personnels. Je vous souhaite également de poursuivre votre action au service de notre pays, avec une égale détermination, avec le même enthousiasme, car sans enthousiasme on ne fait rien, avec la même fierté, cette fierté que j'éprouve à commander des femmes et des hommes tels que vous. — Я снова подтверждаю вам** свою благодарность, признательность французам. **Я желаю каждому из вас** и вашим семьям исполнения **ваших** профессиональных и, конечно, личных планов. **Я также желаю вам** продолжать **вашу** работу на службе **нашей** страны с не меньшей решимостью, с таким же энтузиазмом, потому что без энтузиазма ничего возвышенного не делается. Именно подобную гордость **я испытываю**, когда руковожу такими людьми, как вы) [Vannes (Morbihan). Vendredi 8 janvier 2010]; **Je n'oublie pas non plus l'ensemble du personnel civil de la défense sans lequel nos armées ne pourraient pas fonctionner. Vous transmettre mes vœux pour cette nouvelle année, Mesdames et Messieurs, ce n'est pas seulement un rite, c'est chercher à retrouver ensemble le sens de notre engagement, ce large dessein que, souvent, nous ne voyons plus assez derrière la fragmentation des tâches et le fil des jours. Cette continuité qui façonne, année après année, la puissance de notre pays, vous en êtes l'illustration, vous en êtes porteurs. — Я не забыл** всех сотрудников гражданской обороны, без которых наши вооруженные силы не могли бы функционировать. Передать **вам мои** наилучшие пожелания в новом году, дамы и господа, это не просто обряд, это стремление вновь вместе обрести наше чувство ответственности. Это общая цель, которую **мы** часто **не замечаем** за каждодневными мелкими заботами. **Вы** — носители и активные участники осуществления этой преемственности в формировании мощи нашей страны [Vannes (Morbihan). Vendredi 8 janvier 2010].

Психолингвисты и психоаналитики знают, что частотность употребления местоимения «я» и его производных говорит о степени эгоизма (самовлюбленности) носителя дискурса. Любопытно, что Николя Саркози использует в речи даже меньше местоимений «je — я», чем, например, его предшественники — Франсуа Миттеран и Жак Ширак. Результаты лексикометрических исследований отражают следующее соотношение местоименного узуса французских президентов от первого лица: де Голль — 8 местоимений «je — я» на 1000 слов, Помпиду — 13/1000, Жискара — 15/1000, Митте-

ран — 24/1000, Ширак — 18/1000, Саркози — 17/1000 [http://blog.veronis.fr/2009/01/sarko-moi-je-encore.html]. Как видим, «рекордсменом самовлюбленности» выступает Франсуа Миттеран. Однако на самом деле ситуация сложнее. Что касается ныне действующего президента Французской Республики, спецификой его речи является соотношение местоимений «je — я» / «nous — мы» / «vous — вы», а также частотность использования волитивных глаголов, в частности глагола «vouloir — хотеть». Широко известны случаи чрезмерного употребления президентом высказывания «*Je veux être le Président de la France qui... = Я хочу быть Президентом Франции, который ...*» в период президентской кампании. Отмечается подобное «вездусущее» использование формулы «je veux — я хочу» и в последующих речевых манифестациях Саркози.

НЕОЛОГИЗМЫ, ПАРАЛОГИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (*les précieuses Sarkonneries* — букв. «жеманные саркоглупости») [см. http://kamizole.blog.lemonde.fr/2010/08/22/les-sarkonneries], **ОШИБКИ, ЛЯПЫ, СЛОВА-ПАРАЗИТЫ**. Приведем примеры подобных явлений.

De la réforme, je vous en mets combien? (Nicolas Sarkozy galvanise ses troupes à l'heure du mi-mandat): „*Les réformes, je les ferai toutes. Toutes, tu m'entends! Est ce que vous avez bien entendu? Non, mais!*“ — Реформ, сколько вам положит? Реформы, я их все сделаю. Все, ты меня слышишь! Вы меня хорошо услышали? Ну и дела! (nov. 12, 2009); *Nicolas Sarkozy commente allègrement la mort prochaine du monde rural: „Proposer des solutions quand tout le monde sera mort, ce n'est pas une solution, c'est un faire-part. Les agriculteurs n'ont plus qu'à vérifier dans leurs boîtes aux lettres...“* — Н. С. комментирует ближайшую смерть сельского хозяйства: «Предлагать решения, когда все умрут, это не решение, это уведомление. Фермерам стоит только проверить свои почтовые ящики...» (oct. 28, 2009); „*Tes positions sur le parti m'agacent*“ — «Твои предложения по партии меня раздражают» (avr. 30, 2008); 26 juillet 2007 à Dakar : „*Le drame de l'Afrique, c'est que l'homme africain n'est pas assez entré dans l'histoire*“ — «Драма Африки в том, что африканский человек недостаточно прочно вошел в историю»; 6 novembre 2007: „*Toi, si tu as quelque chose à dire, tu n'as qu'à venir ici!*“ (au Guilvinec, à un marin qui l'insulte) — «Ты, если у тебя есть что сказать, подойди поближе!» (в городе Гильвинек в Бретани, моряку, который оскорбительно высказался); 24 février 2008: „*Casse-toi alors, pauvre con!*“ (à un visiteur du salon de l'agriculture qui l'insulte) — «Пошел ты, м...к» (посетителю сельхозвыставки в ответ на оскорбление); 13 mai 2008: „*Je pense que ce n'est pas foutu. Il n'y a pas de fatalité. Je dois montrer l'exemple en allant chercher le point de croissance.*“ — Я думаю, что еще не **капут**.

Не все так фатально. Я должен показать пример, найдя точку роста [http://news.fr.msn.com]; *L'électroencéphalogramme de la Chiraquie est plat. Ce n'est plus l'Hôtel de Ville, c'est l'anti-chambre de la morgue. Chirac est mort, il ne manque plus que les trois dernières pelletées de terre* (Sarkozy et Chirac en 94). — Электроэнцефалограмма страны Ширакии нукудышная. Это не мэрия Парижа, это предбанник морга. Ширак мертв, надо лишь бросить три последние лопаты земли [http://petites-phrases.com/category/sarkozy].

On commence par les *infirmières* parce qu'ils sont les plus nombreux. — Начнем с санитарок, потому что их больше (слово «санитарки» женского рода, а употреблено местоимение мужского рода) [Rambouillet, le 13 mars]. Le 25 mai 2009, dans l'avion qui l'emmène vers les Emirats, Nicolas Sarkozy dit sa passion pour les „*Rougon-Macquart*“ de Zola ... qu'il prononce „*Roujon-Macquart*“. Information du Parisien, reprise par Le Post et le Nouvel Obs. — 25 мая 2009 года в самолете по пути в ОАЭ Николя Саркози говорит о своей страсти к творчеству Золя, и вместо «*Рузон-Маккары*» произносит «*Ру-жон-Маккары*» [http://www.lexpress.fr/actualite/politique/].

В речи президента отмечаются **слова-паразиты**: *ch'sais pas, ch'uis, m'enfin, y a, hein* (≈ ну и чего), *pas vrai* (≈ не может быть). Приведенная лексика труднопереводима и относится к сниженному фонетическому и синтаксическому (усеченному) регистру французского языка.

О речевом портрете Николя Саркози косвенно свидетельствуют применяемые по отношению к президенту **вторичные антропони-мы**: *Sarko* (самое распространенное прозвище-аббревиатура); *Sarkozizi, Sacrézizi* (букв. 'Саркопиписка', 'Чертушка-кобель' — намек на увлечение женщинами); *Sarkoléon* (прозрачная параллель с *Napoléon*); *Le petit Nicolas* (намек на рост президента, а также аллюзия на известного персонажа одноименного произведения Рене Госинни и Семпе); *Nono le Bigorneau* (разговорное значение слова «bigorneau» —

олух, дурак); *Sarko I-er* (Сарко Первый), *Notre super Président* (Наш суперпрезидент), *SuperSarko* (Супер-Сарко), *Notre omniprésident* (букв. 'Наш вездепрезидентствующий').

Как видим, вторичные наименования отражают следующие свойства президента: любвеобильность, властолюбие, физические качества, интеллектуальные способности, «звездную болезнь». К лингвистическим явлениям можно отнести игру на фонетических особенностях имени Саркози, а также ироничное обыгрывание особенностей его темперамента.

Таким образом, коммуникативный портрет Николя Саркози, отраженный в речевых манифестациях, обнаруживает нетрадиционный для французского политика набор риторических приемов, лексико-синтаксических конструкций. Доминантным способом взаимодействия с аудиторией выступает «агрессивный» формат коммуникации, что проявляется в использовании в речи сниженной лексики, анафорических повторов, риторических вопросов. Харизма амбициозного Николя Саркози должна пройти испытание временем, но в любом случае внимательные и изобретательные в языковом отношении французы еще неоднократно преподнесут миру специфические образцы политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1.

Нахимова Е. А. Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3.

Садуов Р. Т. Автобиография как стержневая компонента политического дискурса Барака Обамы // Политическая лингвистика. 2010. № 3.

Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. № 2.

Présidence de la République // Élysée.fr. URL: http://www.elysee.fr/president/les-actualites/discours (дата обращения: 19.11.2010).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 7.049.2

ББК Ш400.08

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

М. Ю. Федосюк
Москва, РоссияM. Yu. Fedosyuk
Moscow, RussiaПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОМИЧЕСКОМ
В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ(на материале карикатур
периода Первой мировой войны)THE CONCEPTION OF COMIC ELEMENTS
IN WARTIME(on the material of cartoons
of the period of World War I)

Аннотация. Демонстрируется, что многие произведения сатиры и юмора, созданные в военное время, впоследствии утрачивают свой комический эффект. Выявлены причины этого явления: в периоды войн и других экстремальных ситуаций происходят резкие изменения в представлениях людей о том, какие несоответствия норме являются, во-первых, типичными, а во-вторых, опасными.

Ключевые слова: комическое; карикатуры; Первая мировая война; утрата комизма.

Сведения об авторе: Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, факультет иностранных языков и регионоведения.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 31/1.
e-mail: fedosyuk@tochka.ru.

Abstract. The article deals with the reasons why many works of satire and humor created during wartime subsequently lose their comic effect. It is shown that these reasons are the sharp changes of the opinion which situations are typical and non-dangerous which are characteristic for extreme periods of human life.

Key words: comic; cartoon; World War I; loss of comic elements.

About the author: Mikhail Yurievich Fedosyuk, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

Основная задача данной статьи — определить причины, по которым политические сатира и юмор по истечении определенного времени могут полностью или почти полностью утрачивать свой комизм. Источником материала послужил выпущенный в годы Первой мировой войны альбом [Гримасы войны 1916], содержащий почерпнутые из российских и зарубежных периодических изданий плакаты, карикатуры и лубочные картинки на военные темы. Составители альбома использовали материалы из периодики России, Франции, Великобритании, Италии, США и целого ряда других стран, не исключая при этом и воевавших с Россией Германию и Австро-Венгрии (германские и австрийские карикатуры представлены в разделе «Карикатуры наших врагов»). К сожалению, в подавляющем большинстве случаев конкретные источники каждой из карикатур в альбоме не указаны. Важно отметить, что даже беглое знакомство с рассматриваемым изданием не может не вызвать у современного читателя изумления, связанного с тем, что в наши дни почти все материалы альбома очень трудно воспринимать как комические. Ниже мы попытаемся определить, почему это так.

Несмотря на наличие большого числа современных исследований, посвященных проблеме комического [Бахтин 1990; Бергсон 1992; Дземидок 1974; Пропп 1999; Сычев 2003], все они в конечном счете базируются на классическом определении Аристотеля, в соответствии с которым «смешное — это некоторая ошибка и безобразия, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Аристотель 1957:

53]. Осмысливая эту дефиницию, можно утверждать, что комический эффект обычно вызывают такие ситуации или изображения таких ситуаций, которые, во-первых, представляют собой очевидные *отклонения от нормы*, во-вторых, являются достаточно *актуальными*, способными встретиться в жизни (иначе их нельзя было бы квалифицировать как «ошибки») и, в-третьих, ни для кого *не опасны*. Если, к примеру, клоун, выйдя на цирковую арену, споткнется о ковер и нелепо на нем растянется, это, безусловно, повлечет за собой смех зрителей. Причина комизма данной ситуации состоит в том, что, во-первых, она явно не соответствует представлениям о должном поведении человека, во-вторых, в подобной ситуации в принципе может оказаться любой человек и, в-третьих, она не представляет никакой серьезной опасности. Если же, появившись на арене, клоун неожиданно сделает сложное сальто, то это едва ли произведет комический эффект. Дело в том, что сальто вошедшего в помещение человека, в отличие от падения, представляет собой такое отклонение от нормы, которое совершенно нетипично и неактуально. Наконец, если, выйдя на арену, клоун споткнется и упадет так, что в кровь разобьет себе лицо и при этом не сможет подняться без посторонней помощи, это будет воспринято как опасное «недолжное» и у большинства нормальных людей никакого ощущения комизма не вызовет.

Если рассматривать категорию комического в аспекте истории, придется признать: оценки того, что является нормой, а что — отклонением от нормы, в любом человеческом обществе

достаточно стабильны. Представления об актуальном и об опасном с течением времени, напротив, могут меняться. Особенно серьезные трансформации эти представления претерпевают в периоды войн и других социальных бедствий. Именно поэтому комизм любых произведений, созданных в подобные периоды, как правило, представляет собой явление переходящее. Для того чтобы проиллюстрировать сказанное, обратимся к материалам альбома и проанализируем основные тематические группы помещенных в нем рисунков.

1. Прежде всего, значительное место в издании занимают карикатуры на лидеров государств, враждебных России и другим странам Антанты. Отметим, что, несмотря на наличие у большинства подобных карикатур названий и подрисовочных подписей, их претензии на комизм в наименьшей степени связаны с языком. Так, на карикатурном портрете лысеющего германского кайзера Вильгельма II его зачесанные назад волосы изображены в виде поспешно отступающих германских войск. Подпись под рисунком гласит: «Фронт очищается. Время лучшей союзник». Австрийский император Франц-Иосиф нарисован в виде копилки. Карикатура названа «Копилка поражений». Раздвоенная седая борода морского министра Германии Альфреда фон Тирпица побудила карикатуристов изобразить его в виде пивной кружки с двумя потоками вытекающей из нее пены. Карикатура названа «Маня ненависти» и имеет подпись «Пьна. — Да накажет Бог Англию!» (рис. 1). В наши дни комизм этих и подобных им карикатур в значительной степени утрачен по той причине, что реальная, «должная» внешность вышеупомянутых политических деятелей большинству современных людей незнакома (ср. рис. 1 и 2 — карикатуру и портрет), а сами они, естественно, не вызывают той ненависти, которую россияне испытывали к ним в годы войны. Таким образом, по истечении времени карикатурные изображения лидеров Германии и Австро-Венгрии перестали восприниматься как *актуальное* недолжное.

Рис. 1

Рис. 2

2. Постоянно следя за ходом военных действий, люди хорошо представляли себе географические карты. По этой причине в годы Первой мировой войны на комический эффект

неизменно претендовали всевозможные метафорические трансформации этих карт. На одних картах Россия по давно существующей традиции [ср. Жаковска 2011] изображалась в виде медведя (рис. 3), на других — в виде русского мужика, на третьих, достаточно нетрадиционно, в виде мощного асфальтового катка (рис. 4). Для наших современников «должное» изображение географической карты начала XX в., равно как и тогдашние отношения между государствами, обусловившие тот или иной вариант графической метафоризации этих стран, утратили свою актуальность. Поэтому карикатурные географические карты начала XX в. теперь не воспринимаются как *актуальное* недолжное и, таким образом, утратили комизм.

Рис. 3

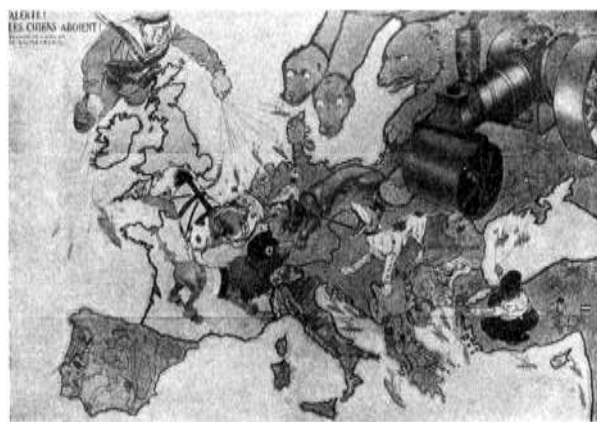

Рис. 4

3. В большом числе карикатур источником комизма является обусловленная войной открытая (и потому «недолжная») демонстрация эротической стороны жизни человека. Вот несколько примеров. На рисунке, озаглавленном «Маленькая патриотка», девочка, сидящая на коленях у своей матери в переполненном трамвае, обращается к стоящему рядом офицеру: «О, пожалуйста, сядьте на мое место». Почти тот же сюжет повторяет и карикатура под названием «Въский аргументъ», на которой приводится следующий диалог: «**Старшая сестра.** — Марія, какъ ты смѣешь! Сойди сейчасъ же с колънь маіора Снортера. **Марія.** — Не сойду!

Сегодня я заняла это мѣсто раньше» (рис. 5). Почему эти карикатуры теперь не кажутся нам смешными? Дело, очевидно, в том, что повышенное внимание женщин к военным, бывшее характерной особенностью военного времени, не представляется теперь чем-то *актуальным*.

Рис. 5

4. Актуальными для периода Первой мировой войны, но едва ли способными вызвать улыбку в наши дни были и более откровенные сюжеты эротического содержания. Вот два текста, служившие подписями под карикатурами: «Отпуск. — Капитанъ говорить мнѣ:

„Вы проситесь в отпускъ? По какой причинѣ?“ — Чтобы повидаться съ женой и переговорить о будущихъ защитникахъ государства. Онъ засмѣялся, и завтра я ѣду»; «— О, капитанъ, оставьте мнѣ что нибудь на память. — Не желаете ли маленькаго мальчика, мадамъ?». Причина утраты этими карикатурами комизма все та же: в мирное время изображенные на них достаточно примитивные ситуации не воспринимаются как *актуальные*.

5. Характерное для военного времени повышенное внимание к сексуальной стороне жизни человека, сочетаясь с ненавистью к врагам, породило и карикатуры, подобные следующим.

(1) Элегантная спальня. Симпатичная горничная помогает одеваться стройной полуобнаженной даме. Под рисунком написано: «Бѣлье парижанки — маленькая поэма».

(2) Комната, в которой находятся дети (один из них сидит на горшке, другой что-то жадно ест). Бесформенная горничная с трудом затягивает корсет на женщине необъятных размеров. Под рисунком подпись: «Бѣлье германки — злой фельетонъ».

Другой пример. На фоне постели стоит полуголая красавица, а рядом с ней — явно неспособный ни на какие действия немецкий офицер. Подпись под карикатурой гласит: «**Она.** — Ты послѣ Парижа ужасно переутормился».

Понятно, что комизм этих и подобных им карикатур базировался лишь на существовавшей во время войны яркой ненависти к немцам. В мирное время изображенные ситуации утратили свою *актуальность*, а соответственно и комизм.

6. Неизменным во все времена источником юмора, рассчитанного на весьма неприязнательных адресатов, является посещение человеком туалета. Неудивительно, что эта и тема не осталась вне внимания карикатуристов. Вот один из рисунков. Перед дверью с надписью WC стоит, корчась от нетерпения, немецкий офицер. Под карикатурой подпись: «— О, я никогда не войду въ помѣщение, носящее английское названіе». На другой карикатуре изображена колыбель с плачущим ребенком. Подпись гласит: «**У нѣмцевъ. Дитя.** — Мама, я хочу К. К. **Мать.** — Вотъ и разбери, чего онъ хочетъ, хлѣба или чего-нибудь другаго». Очевидно, что комизм подобных карикатур базировался исключительно на существовавшей в годы войны ненависти к врагу, и потому они полностью утратили *актуальность*.

7. Еще одним важным источником юмора в годы войны служили сходства и различия между прежней, мирной жизнью и жизнью в условиях войны. При этом многие черты военной жизни комически изображались как ее преимущества перед жизнью довоенной. Эта разновидность юмора, как правило, представлена языковыми шутками, на первый план выходят надписи, а не изобразительный ряд карикатур. В анализируемом альбоме имеется, например, серия рисунков с такими подписями: «До войны вы влачили безрадостное существованіе». «На войнѣ вы капраль и вашъ прежній патронъ у васъ подъ началомъ». «Поваръ при вашей части служилъ до войны въ большомъ ресторанѣ». «В вашемъ взводѣ служить Х., знаменитый оперный теноръ». «Каждое утро вы читаете газету, выпущенную специально для васъ, гдѣ пишутъ г. Пуанкаре и сотрудничаютъ академики». «Если вамъ в глазъ попала соринка, вы спѣшите посоветоваться съ профессоромъ, призваннымъ маіоромъ в вашъ полкъ». «Аристократки-дамы проводятъ дни за шитьемъ кальсонъ для васъ». «Удивительно ли, что послѣ всего этого вамъ будетъ трудно разстаться съ траншеями».

Аналогична этим и следующая карикатура, имеющая подписи: «1. Какъ встрѣчался сэръ Гольдморъ и его младшій конторщикъ до войны. 2. ...и какъ встрѣчаются теперь» (рис. 6).

Рис. 6

Наряду с комическим обыгрыванием отличий военной жизни от мирной, о чем только что шла речь, продуктивным юмористическим приемом выступал противоположный — обнаружение в новых реалиях военного времени мнимых черт сходства с привычными и неопасными особенностями мирной жизни. Так, на одной из карикатур, озаглавленной «Удушливые газы», показано, как из немецких окопов в сторону окопов противника летит множество солдатских сапог. Подпись под карикатурой гласит: «Официальное сообщение. Нѣмцы продолжают атаковать, пуская въ дѣло удушливые газы. Нѣкоторые части амуниции содержать ихъ в большом количествѣ».

А вот другая карикатура на тему удушливых газов: несколько играющих в войну мальчиков, заткнув носы, с неодобрением смотрят на одного из своих приятелей. Под карикатурой подпись: «Каждому свое. — О скверный мальчишка! Онъ выпускаетъ удушливые газы, какъ нѣмецъ. Съ завтрашняго дня ты будешь у насъ изображать кронпринца» (рис. 7).

Рис. 7

«Онъ играетъ в подводную лодку. Вонъ, видите его перископъ!».

Комический эффект этих и подобных им карикатур базируется на изображении актуальных для военного времени тягот и опасностей как чего-то недолжного, однако якобы неопасного. Все они эксплуатируют естественный механизм психологической самозащиты людей, оказавшихся в неизбежной экстремальной ситуации. Очевидно, однако, что в условиях мирного времени люди неспособны считать отравляющие газы столь же неопасными, сколь и дурной запах солдатских сапог, а сидение под градом пуль в окопах воспринимать как занятие приятное по той причине, что еду солдатам готовит бывший повар большого ресторана, а майор является профессором медицины. Иными словами, в мирное время подобные карикатуры в значительной степени утрачивают комизм, поскольку изображаемые в них события перестают восприниматься как *неопасные*.

8. К только что описанным примыкают и многие другие карикатуры, претендующие на комическое изображение неприятных, а часто и чрезвычайно опасных особенностей жизни в военное время. Так, целый ряд карикатур по-

священ типичному для периодов экономических кризисов явлению — исчезновению из оборота разменной монеты. Под одной из таких карикатур стоит подпись: «— Маркизь! Васъ встрѣчаешь такъ же рѣдко, какъ и монету в 50 сантимовъ». Текст, напечатанный под другим рисунком, таков: «Молитва хозяйки. — О Боже! Возврати намъ монеты въ 1 франкъ и въ 10 су».

А вот попытка обнаружить комизм и в совершенно трагической ситуации: из рваной пробоины в потолке комнаты свисает голый мужчина; подпись под карикатурой гласит: «— Позвольте представиться, сударыня, и прошу прощенья. Но я принималъ ванну въ то время, когда на насъ напалъ аэропланъ» (рис. 8). Причины утраты комизма подобных карикатур те же, что и в рассмотренных выше случаях: нашим современникам трудно воспринимать изображенные на них ситуации как *неопасные*.

Рис. 8

рассмотренных выше случаях: нашим современникам трудно воспринимать изображенные на них ситуации как *неопасные*.

9. Комический эффект вызывали изображения любых бедствий противника, в том числе и те невзгоды, которые выпадали на долю мирного населения. Эту тему затрагивают, например, следующие карикатуры. На рисунке изображены немецкая домохозяйка и входящий к ней на кухню человек в мундире. Под карикатурой подпись: «— Кайзеръ требуетъ ваши кастрюли. — Пожалуйста, все равно въ нихъ нечего варить». Другая карикатура показывает разговор двух пожилых женщин. Рядом с одной из них стоит очень маленький мальчик со столь же маленькой винтовкой. Подпись гласит: «Послѣдній. — Онъ завтра уѣзжаетъ. Малышъ одного призыва со своимъ дѣдомъ, впадшимъ въ младенчество» (рис. 9).

Ненависть к противнику заставляла во время войны воспринимать любые бедствия вра-

Рис. 9

жеской страны как неопасное недолжное. Разумеется, теперь отсутствие, пусть даже у чужого, гражданского населения продуктов так же, как и призыв на фронт малолеток и стариков, не может восприниматься как *неопасное* недолжное, вследствие чего карикатуры рассмотренного типа утратили комический эффект.

10. Странное впечатление производит в наши дни карикатура следующего содержания.

На первом из рисунков некий человек во фраке и с палочкой в руке стоит на фоне мирного пейзажа. На втором рисунке все пространство этого пейзажа заполнено руинами. Под рисунками подписи: (1) «Злой фокусникъ. — Милостивые государи и милостивыя государыни! Передъ вами Бельгія...» (2) «...но, одинъ взмахъ моей палочки, и ея нѣтъ» (рис. 10). Как видим, карикатурист попытался увидеть комическое в бедствиях не врагов Антанты, а одной из тех стран, которые подверглись нападению Германии. Это еще раз подтверждает высказанную мысль о том, что в военное время многие трагические события искаженно воспринимаются современниками как *неопасное* недолжное. Естественно, только что приведенная карикатура в наши дни полностью утратила комизм.

Рис. 10

Следует упомянуть и еще одно важное обстоятельство, объясняющее, почему в годы Первой мировой войны имел распространение столь неприятный юмор. Очевидно, все дело в повышенной потребности в комическом, которую людям свойственно испытывать в экстремальных ситуациях.

Подведем итоги всему сказанному. Как было показано, комический эффект способны вызывать любые изображения актуальных и неопасных отклонений от нормы. При этом если общие представления о том, что является отклонением от нормы, достаточно постоянны, то оценки событий как актуальных и неопасных в военное время, когда в экстремальной обстановке люди испытывают повышенную потребность в комическом, существенным образом меняются. Именно это объясняет, почему многие из произведений сатиры и юмора, созданные в военное время, впоследствии полностью или почти полностью утрачивают комический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1957.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990.

Бергсон А. Смех. — М.: Искусство, 1992.

Гримасы войны: 1914—1915 г. : плакаты, карикатуры, лубки. 2-е изд. / сост. Ф. И. Шольтэ. — Петроград: Биохромъ, 1916.

Дземидок Б. О комическом. — М.: Прогресс, 1974.

Жаковска М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв. // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 15—19.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. — М.: Лабиринт, 1999.

Сычев А. А. Природа смеха, или Философия комического. — М.: Изд-во МГУ, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Г. М. Шипицына

Белгород, Россия

С. А. Свистельникова

Старый Оскол, Россия

G. M. Shipitsina

Belgorod, Russia

S. A. Svistelnikova

Stary Oskol, Russia

**МЕТАФОРЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ДВИЖЕНИЯ
В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Рассматриваются концептуальные метафоры строительства и движения как выразители стратегической цели коммунистической партии. Для периода КПСС это мифообразная задача построения царства коммунизма, для периода КИРФ — задача возвращения утраченных позиций и власти. Приводится анализ языковых особенностей метафорического выражения этих целей партии.

Ключевые слова: концептуальная метафора; образ строительства; образ движения; цели компартии; царство коммунизма; оппозиционная газета.

Сведения об авторе: Шипицына Галина Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания.

Место работы: Белгородский государственный университет.

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85.

e-mail: Shipitsina@bsu.edu.ru.

Сведения об авторе: Свистельникова Светлана Александровна, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета.

Место работы: Воронежский государственный университет: Старооскольский филиал. Преподаватель кафедры журналистики.

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85.

e-mail: swesha1@yandex.ru.

**METAPHORS OF CONSTRUCTION AND
MOVEMENT IN THE COMMUNIST DISCOURSE**

Abstract. The article deals with conceptual metaphors of development and movement as mouthpieces of strategic goals of the Communist Party. For the CPSU it was a mythical task of Communism land construction, for the CPRF — returning lost positions and power. Language characteristics of metaphorical expression of these goals are examined in the article.

Key words: conceptual metaphor; the image of construction; the image of movement; the Communist Party goals; Communism land; the opposition newspaper.

About the author: Shipitsina Galina Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Teaching Methods.

Place of employment: Belgorod State University.

About the author: Svistelnikova Svetlana Aleksandrovna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, Belgorod State University.

Place of employment: Voronezh State University, Stary Oskol Branch: Lecturer of the Chair of Journalism.

Исследование динамики современной метафоры СМИ занимает ведущее место в российской и зарубежной политической лингвистике, так как с помощью метафор выражается дух времени, оттеняются наиболее актуальные проблемы в жизни социума. По словам известного исследователя политической метафоры А. П. Чудинова, если еще недавно метафора рассматривалась в лингвистике как средство «украшения» ораторской речи, то «сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом» [Чудинов 2008: 86]. Признание метафоры не просто тропом, а элементом, обобщающим результат духовной деятельности человека, привнесло системность в описание метафоры как когнитивного механизма категоризации действительности в ярких образах. Сами процессы человеческого мышления во многом метафоричны, поскольку «концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит взаимодействие двух структур зна-

ний. Сущность когнитивного потенциала метафоры составляет процесс однонаправленной метафорической проекции, в результате которого элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень. Это продиктовано целью представить сферу-мишень более наглядно или же выразить оценочно-модальные установки и оценки говорящего. Так метафора становится мыслительно-ментальной операцией.

Исследователями российской политической метафоры (прежде всего проф. А. П. Чудиновым и его учениками) выявлены основные тенденции в ее развитии, обусловленные состоянием российской действительности, и сделан вывод о современном периоде как периоде относительного затишья и стабилизации политической метафоры на основном пространстве информационного поля. Эта стабилизация выражается в нейтрализации агрессии, проявляющейся в неярких метафорических образах публичной речи представителей лидирующих политических сил. Однако это вовсе не означает, что метафоры с высоким потенциалом воздействия на адресата речи остались в прошлом. Активность ярких метафор критической

тональности сохраняется в публичной речи, направленной против идеологических противников, в том числе в речи представителей власти, если того требуют ее содержательная стратегия и прагматика, и безусловно в речи представителей оппозиции, воспринимающей и оценивающей с помощью отрицательных метафорических образов деятельность властных структур [Чудинов 2010: 248—254].

Предметом нашей статьи является рассмотрение периферийной зоны функционирования политической метафоры, в которой сохраняются яркие негативные образы, оценивающие российскую действительность. Анализ такого языкового материала необходим для охвата большего количества дискурсивных вариантов современного русского языка и расширения лингвистических параметров его описания. Наблюдения за функционированием языка в периферийных зонах общественной коммуникации способствуют более точному определению динамических процессов, затрагивающих состав языковых средств национального языка, в частности метафор, что важно для теоретического обогащения современной русистики при описании языковой динамики на фоне социокультурных и идеологических перемен в обществе.

Основным исследовательским материалом для нас послужила белгородская региональная газета КПРФ «Слово коммуниста» (далее — Ск), оппозиционная по отношению к современной власти и другим политическим силам, не принимающим коммунистические ценности, активно, в агрессивной форме пропагандирующая идеалы и цели КПРФ. Материалы газеты «Слово коммуниста» создаются в экспрессивной тональности с эксплицированием гиперболизированной негативной оценки современной российской действительности. Интерпретационная составляющая газетных материалов значительно преобладает над информационной. Преобладает ностальгическая ориентация читателя на воспоминания о прошлом с восхвалением социалистического образа жизни и его идеалов. При этом создатели газетных материалов позиционируют себя как часть так называемого простого народа России, используя следующие выражения: *мы, униженный, обманутый, обворованный, ограбленный народ России*. Прагматика газеты воплощает стилеобразующие черты пропагандистской публицистики (оценочность, агитационность, лозунговая декларативность), выполняющей функцию воздействия на ум и чувства читателей.

Концептуально-мировоззренческие сущности и символы советской эпохи, периодов ВКП(б) — КПСС, остаются значимым и неотъемлемым компонентом идеологического сознания в корпоративной культуре современных коммунистов, а номинации этих сущностей и символов используются в текстах анализируемой газеты в смыслообразующей и прагмати-

ческой функциях. Это обуславливает уникальность гипертекста газеты, сохраняющей в активном употреблении «язык совдепии» (советизмы, штампы и речевые клише, символические номинации и т. п. средства партийных документов и прецедентных текстов периода СССР), тогда как в центральной коммуникативной зоне функционирования современного русского языка все эти средства воспринимаются как архаичные.

Рассмотрим концептуальные метафоры газеты «Слово коммуниста» с темой созидания объекта и движения по направлению к этому объекту. Данная тематическая группа метафор связана с основами идеологической платформы любой партии: подобные метафоры отражают стратегические цели и тактики их достижения. Цели и средства метафорически выражаются с использованием соответствующих идеологии объектов: указывается, что планируется разрушить и что предполагается построить взамен, а также то, как приблизиться к нужному объекту для решения поставленных задач. У коммунистов стратегические цели сформулированы уже в международном пролетарском гимне «Интернационал»: *Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим: / Кто был никем, тот станет всем*.

Тема созидания традиционно составляла концептуальную сердцевину программы коммунистической партии, поскольку отражала главную цель послереволюционных преобразований в СССР. Как известно, эта цель заключалась в строительстве социализма, а затем и коммунизма сначала в отдельно взятой стране — СССР, а затем в мировом масштабе:

Программа партии — это наша святыня, это путеводная звезда в строительстве коммунизма (Мат-лы 22 съезда КПСС). *Освоенные целины — великий подвиг нашего героического народа в строительстве коммунизма, он будет жить в веках* (Мат-лы 22 съезда КПСС). *Благо народное — в построении лучшего в мире общества, в построении коммунизма* (Литер. газ. 1967. № 22). *В Советском Союзе под руководством партии Ленина построено развитое социалистическое общество* (Л. И. Брежнев). *Программа построения коммунизма в СССР исходит из предначертаний Маркса, Энгельса, Ленина о строительстве социализма и коммунизма* (История КПСС). *Путь борьбы за построение коммунистического общества был научно обоснован великими учителями рабочего класса — Марксом, Энгельсом, Лениным* (Мат-лы 22 съезда КПСС). *Идея постройки опирается на нашу 70-летнюю историю, на прочный фундамент построенного в Советской стране принципиально нового социального здания* (Правда. 1987. № 307). *В рядах строителей коммунизма под единым ленинским стягом плечом к плечу идут люди разных*

поколений. И те, кто закладывал первые камни в фундамент социалистического здания, и те, кто с оружием в руках бесстрашно защищал завоевания социализма, и те, кто из руин и пепла поднимал наши города и села... (Правда. 1970. № 112). **Величайшее здание социализма, воздвигнутое в нашей стране, — это достойная награда за усилия и подвиги советских людей** (История КПСС). **Таким образом, можно считать, что вопрос о построении социализма в одной стране и его полной и окончательной победе решен всемирно-историческим ходом общественно-го развития** (Правда. 1959. № 28).

Завышенная самооценка при характеристике результатов своей деятельности являлась нормой для советского политического дискурса. Публицистика советского периода отличалась выражением социального оптимизма, чувства великой гордости и радости, удовлетворения и восхищения действительностью, озаренной прекрасной картиной безоблачного будущего, обеспеченного строительством коммунизма: *Словно ясное солнце, XX съезд Коммунистической партии озарил широкие перспективы строительства коммунистического общества* (Молодой колхозник. 1956. № 5).

Скрупулезный лингвистический анализ вербализованной в документах компартии и ее лозунгах идеи строительства социализма и коммунизма наводит на вопросы в духе известной, ставшей прецедентной фразы из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» *Да был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было...* Верили ли сами вожди и идеологи компартии высокого ранга в возможность построения коммунизма, при котором *от каждого по способностям и каждому по потребностям*? Ответить на этот вопрос непросто.

При описании того, что предполагалось создать, в текстах советского периода часто употреблялось словосочетание *царство коммунизма*. Приведем самые типичные примеры, настолько символические и значимые, что именно они были взяты в качестве иллюстраций авторитетными словарями:

Страна выйдет на широкую и светлую дорогу, ведущую в царство коммунизма (пример из ЯС). *Только в царстве социализма может быть установлен полный мир* (Слова И. В. Сталина. Пример из МАС-2 и ТСУ).

С точки зрения особенностей коммунистического дискурса метафора, уходящая корнями в русский фольклор, — *дорога, ведущая в царство коммунизма*, — вызывает немалый интерес. Обратимся к словарям как хранилищам идеологических ценностей различных эпох.

Словарные дефиниции слова *царство* в МАС-2 и ТСУ совпадают: «Царство <...> — 3 (перен.). Место, область, сфера, где господствуют те или иные явления, начала. *Только в царстве социализма может быть установлен полный мир*. Сталин» (МАС-2, ТСУ). Дефиниция

проиллюстрирована примером глобальной значимости: во-первых, оказывается, сам «гениальный вождь всех стран и народов» товарищ Сталин царством считал даже социализм (в прочих партийных материалах речь всегда шла о *царстве коммунизма*). Во-вторых, строили коммунисты царство, т. е. заново создавали то, что уничтожили в ходе революции. Впрочем, слово *царство* в русской текстовой традиции нагружено символическими смыслами, идущими из сказок, его семантика многообразна. Из определения видно, что интересующая нас единица употребляется в переносном значении и условно обозначает «место, область или сферу» существования чего-либо. В нашем контексте этим «чем-либо» является не только коммунизм, но и социализм, при котором товарищ Сталин обещал установление мира, откладывающееся в данный момент из-за борьбы с «внутренними врагами».

Слово *коммунизм* частотно употребляется не только в метафорическом контексте с темой строительства, но и с темой пути-дороги, что приводит к логическому несоответствию: можно подумать, что коммунизм не нужно строить, до него лишь следует добраться — дойти или доехать, найдя нужную дорогу: *Страна выйдет на широкую и светлую дорогу, ведущую в царство коммунизма* (ЯС). В литературе советского времени воспевалась идея движения к коммунизму, к которому идут, едут на каком-либо транспорте. Своеобразным символом этой идеи была популярная в советское время песня о паровозе, на котором въедут в коммунизм: *Наш паровоз вперед лети, / В коммуне остановка. / Иного нет у нас пути, / В руках у нас винтовка...* Неслучайно в вербализованном отражении концепта движения **вожди** описываются когнитивными метафорами управления: Ленин — *штурман*, Сталин — *великий машинист локомотива истории*. Мотив движения-пути здесь выражается именами существительными: *штурман* — «специалист по вождению надводных, подводных кораблей и летательных аппаратов. *Штурман дальнего плавания*» (МАС-2). *Машинист* — «железнодорожник, управляющий локомотивом, водитель поезда» (МАС-2). В данных словах ведущими семантиками являются следующие: в первом случае — «специалист по вождению», во втором — «управляющий» и «водитель». Благодаря этим семантикам смысловая составляющая вербализаторов — *штурман* и *машинист* — приобретает в контекстах «нужный» для советской идеологии смысл: вожди являлись не просто руководителями страны, они были *специалистами по управлению и «вождению»* страной, и никто в мире не мог делать это дело лучше, чем они.

Наряду с образами управителей транспортом, водителей и других подобных им организаторов и регуляторов движения в документах компартии постоянно употреблялись метафоры с мотивами поиска путей к коммунизму и дви-

жения к заветной цели, причем представлялось, что коммунисты стоят во главе планетарного движения, прокладывают путь. Однако ни один из контекстов не содержит конкретное указание на то, где находится это место — коммунизм, — если не считать многократно повторяемое словосочетание *светлое будущее*, символизирующее конечный пункт движения и цели строительства. Следовательно, идея выйти на «*дорогу, ведущую в царство коммунизма*» была заведомо мифической, утопичной, так как никто из руководителей Страны Советов точно не знал, где это царство находится и когда же страна войдет в него. Эта ситуация отчасти напоминает русские народные сказки с их типичным зачином: *В некотором царстве, в некотором государстве жил-был...*

Современные коммунисты — сторонники КПРФ, как свидетельствуют материалы газеты «Слово коммуниста», не так часто обращаются к теме строительства. Метафорические образы строительства эксплуатируются в трех функциях: 1) для высокой оценки достижений советского периода в контекстах о прошлом: *Именно в годы сталинских пятилеток закладывались основы экономического могущества СССР. Тогда же был заложен фундамент общества нового типа, которое доказало свое превосходство над фашизмом в годы Великой Отечественной войны* (Ск. 2009. № 50); 2) для положительной оценки деятельности современных коммунистов в архаичных декларативных формулировках: *Новый секретарь Старооскольского райкома КПРФ Виктор Кочанов продолжал продвигать в читательские массы принципы коммунистического строительства* (Ск. 2007. № 37); 3) для критики действий идеологических противников с использованием более современных и элитарных номинаций из тематической группы «строительство»: *А так как правду жизни „медведям“ обнародовать противопоказано, то по-прежнему будет продолжаться нахрапистое восхваление „достижений“ единоклассников, припудривание и приукрашивание прелестей капитализации России. А то, что скрывается за фасадом власти, разделанным под евроремонт, мы так и не узнаем* (Ск. 2007. № 45).

Малочисленность примеров с образами строительства свидетельствует о снижении актуальности метафорической модели построения *светлого будущего и коммунизма*, характерной для политического дискурса советского времени. Однако КПРФ еще пытается поддерживать память о замечательном прошлом, ностальгически вспоминая образ *коммунистического строительства*. Ведущим же типом метафоры оказываются метафоры противоположной тематики — образы всеобщего разрушения, крушения и гибели построенного советским народом, в частности разрушения несущих конструкций прежней иерархической постройки:

Страна рушится, народ страдает. Правда, не все страдают, но таких меньше (Ск. 2005. № 35). *Тошно и больно становится, когда наблюдаешь раболепие и пресмыкание некоторых в прошлом советских людей перед теми, кто сегодня торжествует на развалинах советской власти* (Ск. 2004. № 25). *Такого масштабного демонтажа экономики и социальной сферы, нарушения национальной безопасности и нравственных устоев не знала ни одна страна мира. Россия стоит перед угрозой потери государственности* (Ск. 2010. № 5). *Самое существенное из сделанного за время перестройки — демонтаж сверхдержавы* (Век XX. 1990. № 6). Слово *демонтаж* в данных контекстах употреблено в переносном значении, активизировавшемся в последние годы: «Уничтожение или коренное преобразование чего-либо (общественных структур, системы управления государством и так далее) [ТСЯИ].

Использование в политическом дискурсе метафорической модели разрушения свидетельствует о «резком изменении прежней социальной системы, отказе от традиционных ценностей» [Чудинов 2005: 263]. На страницах изучаемого нами оппозиционного издания применение данной метафорической модели подчеркивает несогласие коммунистов с существующим режимом и его действиями, итогом которых явилось, по мнению КПРФ, разрушение страны. Представители КПРФ, желая внушить народу мысль о необходимости активных действий, как правило, включают в тексты соответствующие реалии из сферы строительства или внушают мысль об опасности, используя тематические конструкции с семантикой разрушения. Материалы показывают, что «строителями» «конструкций» коммунисты считают себя. «Разрушителями» же они называют современную власть, включая «*президента, чиновников самого высокого ранга*».

Таким образом, метафоры строительства и разрушения представляют собой один из способов осмысления коммунистами происходящей действительности, выражения оценки тех или иных ее сторон. Подчеркнем, что подобный субъективный взгляд на происходящие в стране события полно раскрывает мировоззрение и составляющие концептосферы авторов и редакторов оппозиционной газеты «Слово коммуниста». Метафора в дискурсе газеты служит для выражения идеологической оценки сложившейся в начале XXI века российской действительности.

В целом использование метафор строительства в коммунистическом дискурсе прошлого и настоящего характеризуется существенными различиями. Если коммунисты Советского Союза метафорами с образами строительства призывали идти вперед, *в царство коммунизма*, то коммунисты современной России этими метафорами выражают свое жела-

ние вернуться назад, в эпоху поиска и строительства такого царства. Для коммунистов периода СССР важно *догнать и перегнать передовые капиталистические страны, построить коммунистическое здание, проложить человечеству путь в светлое будущее*. Сторонникам же современной КПРФ необходимо в первую очередь вернуть себе утраченную власть, для чего следует *вести борьбу против эксплуататоров труда и угнетателей духа российского народа; направить энергию масс на смену политического и экономического курса, на социалистическое возрождение; усиленно бороться и разоблачать классовую суть врагов КПРФ — „Единой России“, „ЛДПР“, „Справедливой России“ и других буржуазных партий*.

Во времена существования ВКП(б) — КПСС цели партии были достаточно абстрактными, но выражались языковыми средствами, имеющими положительную коннотацию, с использованием патетического стиля, сверкающего радостью и счастьем. Цели же КПРФ скорее конкретные, они сводятся к возвращению утраченной некогда власти. Эти идеологические устремления выражаются тоже декларативно, но тексты насыщены негативными эмоциями, напоминают по форме советские лозунги и безадресные заклинания в пустоту. Они оформляются глагольными формами с обобщенно-личным значением, инфинитивом, модальными словами и другими языковыми средствами, не называющими ни исполнителя действия, ни адресата речи:

Отказ России от капиталистического пути. Дашь социализм — и точка (Ск. 2004. № 25). *Необходимо решительное изгнание из России всего иностранного, антироссийского, антигосударственного. Долой дикий рынок, иностранных инвесторов и все иностранное* (Ск. 2004. № 25). *Исходить из ленинских принципов оценки людей по их политическим, деловым и нравственным качествам. Надо добиваться единства слова и дела* (Ск. 2008. № 48).

Широко используются глагольные формы повелительного наклонения с частицей *пусть*, которые в контексте имплицитно не столько призывы к активным действиям по преобразованию действительности, сколько модальность мечтательной желаемости:

Пусть возродится Советская социалистическая Россия, где человек человеку не

волк, а друг, товарищ и брат. Пусть настает нормальная жизнь, воспитанная в советских песнях (Ск. 2004. № 25).

Яркой особенностью политического дискурса региональной газеты «Слово коммуниста» является языковое оформление информационных материалов особым стилем, который можно назвать стилем архаичной народности. Унаследовала газета от минувшей эпохи существования компартии в СССР и стилистическую манеру воспевания коммунистических атрибутов, символов, вождей партии, а также постоянную критику в адрес всех, кто не согласен с мнением компартии. Преемственность проявляется также в том, что текстам газеты «Слово коммуниста» свойственна лозунговость и декларативность. Это свидетельствует о жизнестойкости очень популярного в советское время жанра трибунных речей и обусловлено тем, что большая часть читательской аудитории анализируемого издания — люди пенсионного возраста. В связи с этим авторы газетных материалов выбирают такие языковые средства, которые для людей преклонного возраста, по мнению редакции газеты, являются привычными и желаемыми.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004.

Чудинов А. П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 1.

СЛОВАРИ

МАС-2 = Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981—1984

ТСУ = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940

ТСЯИ = Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

ЯС = Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27:316. 343.65

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 22.00.06; 10.02.01

Е. Г. Балобанова

Екатеринбург, Россия

**АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СРЕДНИЙ КЛАСС»
В ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА
ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ**

Аннотация. На примере текстов посланий президента Федеральному собранию РФ анализируется образ среднего класса и представления по данной проблеме, формируемые в пространстве политического дискурса. Также выявляются сходства и отличия между трактовками термина «средний класс» с позиции научного и политического сообществ.

Ключевые слова: средний класс; политический дискурс; послания Президента Федеральному собранию РФ.

Сведения об авторе: Балобанова Елена Германовна, ассистент кафедры теоретической и прикладной социологии, Институт фундаментального социально-гуманитарного образования.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 75, к. 510.
e-mail: lenabalobanova@yandex.ru.

E. G. Balobanova

Ekaterinburg, Russia

**ANALYSIS OF THE CONCEPT «MIDDLE CLASS»
IN THE PRESIDENT'S MESSAGES TO THE
FEDERAL ASSEMBLY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article gives results of the analysis of the President's messages to the Federal Assembly of RF. It describes the image of the middle class and its problems which are formed in the political discourse. The author of the article tries to show similarities and differences in the interpretation of the term «middle class» from the point of view of scientists and politicians.

Key words: middle class; political discourse; the President's messages to the Federal Assembly of RF.

About the author: Balobanova Elena Germanovna, Assistant Lecturer of the Chair of Theoretical and Applied Sociology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В социологической литературе представлены разнообразные трактовки термина «средний класс», что обусловлено различиями в методологических подходах, целях и задачах исследования. Дискуссии по поводу среднего класса, необходимости его появления в структуре российского общества возникают и в пространстве политического дискурса. Статья посвящена анализу понимания современными политиками (в частности тремя последними президентами РФ) термина «средний класс».

Поскольку исследовательское поле достаточно широко, для анализа мы выбрали тексты посланий Президента Федеральному собранию РФ за 1994—2010 гг. Послания представляют собой письменный (и одновременно устный) текст, в котором излагается позиция президента по основным направлениям внутренней и внешней политики на текущий год и ближайшую перспективу, озвучиваются важные государственные решения, указываются приоритеты. Таким образом, в тексте послания представлено максимальное количество тем (проблем), актуальных для того или иного периода.

Всего проанализировано 17 текстов посланий (6 — Б. Н. Ельцина, 8 — В. В. Путина, 3 — Д. А. Медведева). Используемый метод — традиционный анализ документов, под которым мы понимаем интерпретацию содержания документа, выделение смысловых блоков, идей, утверждений в соответствии с целями анализа [Рабочая

книга 1976: 318; Ядов 2003: 210—214]. Перечень вопросов (индикаторов) для анализа посланий:

1. Основные темы (проблемы), отраженные в послании.

2. Понимание термина «средний класс» политическим руководством страны, выделение его специфических черт.

3. Характеристика социально-профессиональных групп, входящих в состав среднего класса.

4. Проблематика высказываний по поводу представителей среднего класса.

5. Характер высказываний, посвященных среднему классу (заявление о проблеме; предложение путей для ее решения; указание разобратиться в ситуации и представить план действий; представление результатов, подведение итогов проводимых мероприятий; оценка мероприятий, хода их реализации, итогов).

Средний класс является комплексным образованием, имеющим внутреннюю социально-групповую структуру, отдельные элементы которой различаются по происхождению и социальному статусу. Однако, несмотря на все различия, существуют такие признаки, которые составляют его основу, суть. Это прежде всего наличие занятости, обладающей такими характеристиками, как профессия, высококвалифицированный труд, соответствующий уровень образования. Таким образом, средний класс включает в себя представителей научно-технической и гуманитарной интеллигенции (лица

свободных профессий, профессура, представители науки, искусства, специалисты в области информационных технологий, преподаватели школ, вузов и т. д.), административно-управленческий аппарат госслужб и предприятий, а также представителей мелкого и среднего бизнеса города и села [Социологический словарь 1998; Модернизация 2008].

Анализ текстов посланий президента Федеральному собранию показал, что одним из приоритетов в деятельности главы государства является формирование средних слоев общества. Это заявление отражено в посланиях каждого президента России. Обоснование необходимости формирования средних слоев мы находим в текстах посланий Б. Н. Ельцина (1995, 1996, 1998 гг.), В. В. Путина (2007 г.) и Д. А. Медведева (в 2008 и 2009 гг.). В частности, подчеркивается, что средний класс — это «оплот социальной и политической стабильности общества», в котором продолжает усиливаться расслоение граждан по доходу и материальному обеспечению [Послание 1995], «масштабный и устойчивый средний класс — это основа гражданского общества и стабильности конституционного строя; задачи подъема страны и формирования среднего класса теснейшим образом взаимосвязаны», «именно он в состоянии стать опорой и двигателем подъема российской экономики» [Послание 1998]. Также в текстах посланий Д. А. Медведева от 2009 и 2010 г. мы выделили черты «идеального» представителя среднего класса (имеется в виду идеал, к которому, по мнению Д. А. Медведева, необходимо стремиться в будущем), которые во многом схожи с характеристиками западного среднего класса. Это талантливый, критически мыслящий, проявляющий гражданскую активность, интеллектуально свободный, ответственный гражданин, который «ценит общественную стабильность и уважает закон, может брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке, городе, понимает, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии» [Послание 2009]. Частью общенациональной культуры, по мнению президента, должны стать личный успех, инициатива и ее поощрение, общественные дискуссии на качественно новом уровне, нетерпимость к коррупции. В то же время эта идея является и призывом, обращением к гражданам страны: «...измениться должны мы сами! Необходимо преодолеть широко распространенные представления о том, что все существующие проблемы должно решить государство или кто-то еще, но только не каждый из нас на своем месте» [Послание 2009].

Появление и формирование средних слоев общества политические лидеры страны связывают с целым рядом факторов. *Во-первых*, это предоставление равных шансов на успех в экономической жизни, что позволит сформировать массовый слой экономически активных и мате-

риально обеспеченных людей. *Во-вторых*, развитие инициативы граждан: их готовность быть самостоятельными и независимыми в занятиях профессиональной и общественно-политической деятельностью позволит гражданам брать больше ответственности за результаты своего труда на себя. Эти качества наиболее полно проявляются в предпринимательской деятельности, в сфере малого и среднего бизнеса, за счет которых и планируется развитие и рост средних слоев. *В-третьих*, малый и средний бизнес, с которым ассоциируется термин «средний класс» (например, Б. Н. Ельцин в послании 1998 г. указывает, что это «сравнительно новая для нас часть среднего класса — слой малого и среднего предпринимательства; либерализация экономики и приватизация государственной собственности предопределили его появление в России», а В. В. Путин в послании 2007 г. говорит «о необходимости формирования среднего класса за счет роста малого и среднего бизнеса»), нуждается в государственной поддержке. В частности, это должно проявляться в «бюджетной, налоговой политике, в развертывании инфраструктуры переквалификации трудоспособных граждан, в создании системы непрерывного образования» [Послание 1998], во внедрении в производство инновационных технологий [Послание 2008], в смягчении отрицательных последствий проводимых реформ для мелких и средних предпринимателей [Послание 2010]. *В-четвертых*, необходим гражданский финансовый контроль за деятельностью государства, т. е. граждане должны знать, на что расходуются средства налогоплательщиков. Только когда они начнут осознавать себя «содержателями» государства (термин, используемый Б. Н. Ельциным в послании 1998 г.), имеющими не только юридическое, но и моральное право требовать полного отчета о расходовании государственных средств, только тогда появится возможность формирования сильного гражданского общества и среднего класса.

Таким образом, формирование средних слоев российского общества руководители страны связывают с проводимыми ими с 1992 г. реформами в экономической, политической сфере, в образовании. На это, в частности, указывает Б. Н. Ельцин, отрицая какие-либо положительные результаты перестройки М. С. Горбачева, обвиняя последнего в том, что меры, которые были предприняты им и его командой, оказались запоздалыми и лишь усугубили тяжелую экономическую и политическую ситуацию в стране. Поэтому вторая волна реформ — с начала 1990-х гг. — хотя и имела определенные негативные последствия, все же позволила, по мнению Б. Н. Ельцина, вывести страну из кризиса и дала возможность экономике нормально развиваться.

Мы отметили, что представления политического руководства страны о среднем классе во многом совпадают с научными определениями

известных и авторитетных социологов, экономистов и политологов. И та, и другая сторона подчеркивают, что представители средних слоев являются самостоятельными и независимыми, являются «противниками любого радикализма, поскольку ориентированы на достаток, высокий уровень образования, разнообразный спектр культурных потребностей» [Послание 1998]. Совпадают мнения руководителей страны и экспертов и о причинах появления в структуре российского общества средних слоев. Являясь одним из важнейших элементов демократического общества, средний класс, с обеих точек зрения, формируется в результате проводимых в стране реформ, которые привели не только к изменениям в структуре российской экономики и в политической сфере, но и к изменениям ценностных ориентаций россиян. На первый план выходят ценности личного успеха, свободы выбора, активности в достижении цели, ответственности за свое дело, конкурентоспособности, т. е. ценности, присущие средним слоям западных обществ.

Однако, рассуждая о необходимости роста средних слоев, российские политики не упоминают другие социально-профессиональные группы, входящие в состав среднего класса: это не только предприниматели малого и среднего бизнеса, но и научно-техническая, гуманитарная интеллигенция (в том числе учителя школ,

преподаватели вузов, врачи и т. д.), административно-управленческий аппарат госслужб и предприятий. Объяснить эту ситуацию можно следующим образом. Одним из положительных результатов реформ можно считать появление многочисленных малых и средних предприятий, представляющих широкий спектр товаров и услуг. Эти предприятия дали «рабочие места и заработки 25 миллионам российских граждан, являющиеся источником стабильных налоговых поступлений в федеральный и местный бюджеты» [Послание 1996]. О таких результатах не стыдно доложить перед собравшейся аудиторией. И совершенно иная картина наблюдается с такими группами, как учителя, врачи, деятели науки, искусства, культуры, которые, по словам самих руководителей государства, в результате тех же реформ оказались в нищенском положении, являются социально незащищенными и попадают скорее в категорию «наиболее бедных». Очевидно, выгоднее умолчать о том, что данная часть среднего класса за годы реформ оказалась на самом «дне» российского общества, в том числе вследствие непродуманной государственной социальной политики.

Исходя из определения среднего класса, которое мы используем в исследовании, выделим социально-профессиональные группы, о которых идет речь в посланиях каждого главы государства (см. табл.).

Таблица.

Уровень внимания к представителям среднего класса в посланиях Президента РФ

Группы среднего класса	Количество упоминаний в посланиях президента		
	Б. Н. Ельцина (1994—1999)	В. В. Путина (2000—2007)	Д. А. Медведева (2008—2010)
Предприниматели (малый и средний бизнес)	35	38	9
Административно-управленческий аппарат госслужб и предприятий: государственные служащие, работники образования в сфере управления, менеджеры на предприятиях	12	–	–
Административно-управленческий аппарат госслужб и предприятий: государственные служащие, работники образования в сфере управления, в т. ч. директора школ	–	4	–
Научно-педагогические и исследовательские кадры вузов, школ (в частности, преподаватели, профессора вузов, учителя школ)	9	3	–
Директора школ (т. е. работники образования в сфере управления)	–	–	1
Менеджеры на предприятиях	–	–	1
Педагоги детских домов	–	–	1
Учителя школ	–	–	7
Преподаватели вузов (научно-педагогические и исследовательские кадры вуза)	–	–	2
Научно-техническая интеллигенция: ученые или научные работники	5	–	–
Научно-техническая интеллигенция: ученые или научные работники, научная элита	–	4	–
Научно-техническая интеллигенция: ученые или научные работники, научная элита, в том числе молодые ученые, инженеры, конструкторы, программисты	–	–	6
Средний класс в целом	6	1	5

Группы среднего класса	Количество упоминаний в посланиях президента		
	Б. Н. Ельцина (1994—1999)	В. В. Путина (2000—2007)	Д. А. Медведева (2008—2010)
Творческая интеллигенция: литераторы, художники, музейные, архивные и библиотечные работники, мастера искусства, в том числе особо выдающиеся мастера культуры и искусства	3	–	–
Творческая интеллигенция: работники культуры, искусства, литераторы	–	2	–
Частные адвокаты и нотариусы	3	–	–
Врачи	2	1	–
Врачи, в т.ч. медперсонал детских поликлиник	–	–	2
Фермеры	2	1	–
Журналисты	2	1	–
Высококвалифицированные специалисты в военной сфере (армии, флоте)	–	–	1
Итого	79	55	35

Наибольшее внимание в посланиях уделено предпринимателям, занимающимся малым и средним бизнесом, в том числе на селе (т. е. фермерам). Более 50 % всех заявлений о среднем классе В. В. Путина и Д. А. Медведева было посвящено данной группе. Выделим тематику проблем, которые упоминали все руководители страны, говоря о малом и среднем бизнесе.

1. Условия для развития предпринимательства: необходимость разработки и принятия правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность. Финансовая стабильность, оживление производства, соблюдение прав предпринимателей, развитая финансово-кредитная и инвестиционная инфраструктура, грамотные специалисты, снижение налогового бремени как способ вывести доходы из «тени», стабильная налоговая система, внедрение новых эффективных технологий в производство. Публично доступная информация о работе государственных органов и развитие фермерских хозяйств в деревнях. Смягчение негативных последствий проводимых мероприятий для малого бизнеса (предложения из посланий Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева).

2. Препятствия для развития малого и среднего бизнеса: бюрократия и коррупция (в том числе со стороны надзорных органов и инспекций на местном уровне), рост криминализации предпринимательства. Отсутствие помощи со стороны региональной и местной власти (заявления в посланиях всех президентов).

3. Подведение итогов реформ, их результаты: в 1990 г. был принят ряд законов, регулирующих отношения собственности, земельные отношения, предпринимательскую деятельность, приватизацию, банковскую сферу, гарантирующих свободу СМИ. В 1994 г. появилась Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства. Также в 1994 г. подготовлены законопроекты, направленные на развитие фермерства. Отмечены положительные результаты национального проекта в об-

ласти АПК, благодаря которому предпринимательство более активно стало развиваться и в деревне. По мнению Б. Н. Ельцина и В. В. Путина, малый и средний бизнес пока очень слабо влияют на политическую жизнь страны (результаты реформ, их оценка, подведение итогов представлены в посланиях Б. Н. Ельцина и В. В. Путина).

4. Социальная ответственность бизнеса: необходимость участия предпринимателей, общественных объединений и органов власти всех уровней в решении экологических и социально-экономических проблем, в поддержке ветеранов — участников Великой Отечественной войны; формирование институтов социального партнерства между государством, предпринимателями и профсоюзами. Участие в подготовке необходимых экономике страны специалистов, использование для этих целей образовательных кредитов (заявления о существующих проблемах, а также предложение путей их решения прозвучали в посланиях Б. Н. Ельцина и В. В. Путина).

5. О ценностях и приоритетах государства в отношении малого и среднего бизнеса: ценность свободы и социальной ответственности предпринимательской деятельности, незыблемость частной собственности, принятие мер против недобросовестных предпринимателей, в том числе недопустимость использования труда нелегальных трудовых мигрантов, контроль за исполнением законов. Поддержка малого и среднего бизнеса со стороны государства после вступления страны в ВТО. Участие предпринимателей в проектах по внедрению новейших медицинских, энергетических, информационных технологий, телекоммуникационных систем (данные заявления, предложения и указания разобраться в ситуации были озвучены каждым главой государства).

Вторая группа, оказавшаяся в фокусе внимания политиков — административно-управленческий аппарат госслужб и предприятий (государственные служащие; работники образо-

вания в сфере управления, в том числе директора школ; менеджеры на предприятиях). Значительное внимание к данной группе объясняется тем, что реформирование и модернизация российской экономики потребовали привлечения новых высококвалифицированных специалистов в области управления, способных четко исполнять закон, добросовестных, ответственных молодых людей, готовых работать в новых экономических и политических условиях, без которых немыслима эффективная работа современного государственного аппарата, невозможен экономический рост. Глубокое реформирование системы образования невозможно без динамичной переподготовки и повышения квалификации работников образования, особенно в сфере управления, в связи с этим в посланиях были обозначены и проблемы, которые необходимо решать в ближайшее время, а именно:

1. Необходимость регулирования законодательства в отношении деятельности госслужащих, в частности принятие Кодекса государственной службы, в котором должны быть определены и прописаны механизмы контроля за деятельностью государственных служащих, процедуры привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности за недобросовестную работу, за неисполнение решений и т. д. Создание действенного антикоррупционного механизма и жесткого контроля за его применением, доступность, открытость информации о деятельности государственных органов для всех граждан страны (предложения и указания разобраны в ситуации, внести соответствующие изменения были изложены в посланиях Б. Н. Ельцина и Д. А. Медведева).

2. Продолжение работы по подготовке и повышению квалификации управленческих кадров: в сфере образования — проведение аттестации, совершенствование процедуры аттестации работников образования и управления системой образования в целом, внедрение новых управленческих технологий; в сфере государственного управления — создание современной инфраструктуры подготовки, повышения квалификации и оценки труда государственных служащих, основная задача которой — появление высокопрофессиональных, конкурентоспособных специалистов в сфере управления (данные предложения высказывали Б. Н. Ельцин, Д. А. Медведев и В. В. Путин).

3. Злоупотребление служебными полномочиями со стороны управленческих кадров, в частности использование административного ресурса в целях сведения счетов с отдельными предпринимателями, а в школах — существование нелегального рынка платных образовательных услуг, который покрывают директора школ (на эту проблему обратили внимание Д. А. Медведев и В. В. Путин).

Представители научно-технической интеллигенции (ученые или научные работники, на-

учная элита) оказались на третьем месте по объему внимания к проблемам средних слоев российского общества. Наука, как и сфера образования, культура оказались в крайне сложном положении в результате непродуманной государством экономической политики. Об униженности низких зарплатах, необходимости привлекать в науку молодежь путем создания благоприятных условий для работы ученых заявляли и Б. Н. Ельцин (в 1994, 1995 и 1998 гг.), и В. В. Путин (в 2001, 2002 и 2005 гг.), и Д. А. Медведев (2009—2010 гг.). Так, Б. Н. Ельцин предлагал создать адекватную современным условиям правовую базу научной сферы, которая должна закрепить правовой статус научного работника, научной организации, временного научного коллектива, независимого объединения научных работников, РАН, реформировать структуру научного сообщества в целом. «Наши ученые получают высококлассные результаты, ими создается немало образцов новой конкурентоспособной на мировом рынке продукции, остающихся, как и в прежние годы, зачастую невостребованными нашей промышленностью. Их исследования и проекты надо поддержать на законодательном уровне», — подчеркивает Б. Н. Ельцин [Послание 1995]. Со временем ситуация не изменилась, и уже в очередном послании В. В. Путин заявляет о необходимости разработки и внедрения «достоинных и долгосрочных проектов для российских ученых в экономику нашей страны и в тех сегментах мирового рынка, которые действительно могут занять отечественные производители» [Послание 2002].

В посланиях Д. А. Медведева ключевым словом является «модернизация», которую, по мнению Президента, невозможно осуществить без высококвалифицированных кадров — авторитетных российских и зарубежных ученых, разработчиков новейших технологий, ведущих инженеров, конструкторов, программистов: «...благополучие России в относительно недалеком будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий, от способности государства и общества находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей...» [Послание 2009]. Президент подчеркивает, что только системная модернизация и технологическое обновление всей производственной сферы позволит России выжить в современных условиях. Д. А. Медведев четко определяет сферы модернизации. Это внедрение новейших медицинских, энергетических, информационных, ядерных, военных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, модернизация государственного сектора. Поэтому основной задачей государства является создание комфортных условий для осуществления в России исследований и разработок мирового уровня. Данная задача была реализована в 2010 г. — в России запущен проект «Сколково», который должен

стать «мощным центром исследований и разработок... сфокусирован на поддержку всех приоритетных направлений модернизации... по примеру „силиконовой долины“» [Послание 2009, 2010]. Впервые глава государства рассматривает научно-техническую интеллигенцию не как «нуждающуюся, бедную и униженную», а как мощную силу, интеллектуальную составляющую модернизации.

Гуманитарная интеллигенция расположилась на четвертом месте. В этой группе мы объединили представителей творческой интеллигенции — литераторов, художников, мастеров искусства, в том числе особо выдающихся мастеров культуры и искусства, музейных, архивных и библиотечных работников, — а также учителей школ, врачей, научно-педагогические и исследовательские кадры вузов. Помимо отрицательных последствий проводимых в стране реформ (включая резкое ухудшение социально-экономического положения, задержки с выплатой зарплаты и рост социальной напряженности, что отразилось на престиже профессии учителя, врача и др., коммерциализация культуры, образования, которая развращает работников данной сферы) руководители государства выделяют и определенные позитивные моменты. В частности, Б. Н. Ельцин отмечает, что государство сохранило сеть театров, музеев, киностудий, библиотек, камерных и симфонических оркестров. Наряду с этим «образовалось значительное число негосударственных кино- и видеостудий, художественных галерей, симфонических оркестров, издательств, продюсерских фирм и агентств, школ искусств. Положительную роль сыграла и система государственных пенсий для особо выдающихся мастеров культуры и искусства и стипендий Президента РФ, назначаемых деятелям литературы и искусства специально на время создания того или иного произведения» [Послание 1995].

Реформы в сфере образования, по мнению Б. Н. Ельцина, дали новые возможности для собственного профессионального роста многим школьным педагогам и преподавателям вузов, так как у учителей в школах появилась возможность в дополнение к регулярному предмету вести собственный курс по лично разработанной программе, а программы в вузах теперь свободны от цензуры, идеологии и догм прошлого. Д. А. Медведев предлагает расширить самостоятельность школ как в определении индивидуальных образовательных программ, так и в расходовании финансовых средств, в обмен на открытость информации о результатах работы [Послание 2009], разработать «систему моральных и материальных стимулов для сохранения в школах лучших педагогов и постоянного повышения их квалификации» [Послание 2008], создать возможности для их «стажировки в лучших школах и вузах страны» [Послание 2010], привлекать в школы новое поколение учителей, причем не обязательно

только с педагогическим образованием. Еще одно предложение президента — законодательно закрепить равенство государственных и частных общеобразовательных учреждений и предоставить семьям более широкие возможности выбора школы, а ученикам — «доступ к урокам лучших преподавателей с использованием технологий дистанционного и дополнительного образования» [Послание 2009].

В послании 2010 г. проблема детства была обозначена как ключевая. «Воспитание будущих поколений самым тесным, если не сказать решающим, образом связано с модернизацией системы образования», поэтому вопросам образования было уделено значительное внимание [Послание 2010]. Подведены итоги мероприятий, намеченных в предыдущем послании: обновлен стандарт начальной школы, подготовлены стандарты для среднего и старшего звена. В Год учителя «у нас появились квалификационные требования к педагогам, порядок их регулярной аттестации и профессиональной переподготовки» [Послание 2010]. Д. А. Медведев еще раз подчеркнул, что современный учитель должен стремиться «раскрыть способности каждого ребенка, максимально подготовить его к выбору профессии», а также постоянно самосовершенствоваться, учиться, овладевать современными информационными программами и высокотехнологичными продуктами: «недопустимо, когда в школе ученики понимают современные коммуникации лучше, чем учителя» [Послание 2010].

В то же время вызывают удивление другие предложения президента относительно модернизации системы педагогического образования. В частности идея, озвученная в послании 2009 г., о преобразовании педагогических вузов в крупные базовые центры подготовки учителей или в факультеты классических университетов. Система образования в течение последних 15-20 лет находится в процессе «непрекращающейся» модернизации: мы вошли в Болонский процесс, ломая свою систему подготовки специалистов, мы проводили эксперименты с ЕГЭ, с количеством лет обучения в школе (отмена 4-го класса, 12-летнее обучение) и т. д. Однако результаты этих экспериментов не отслеживаются, нет оценок того, насколько эффективно то или иное нововведение, имеется ли в нем необходимость, надо ли вообще менять всю систему. В итоге педагогическое сообщество опять оказалось в ситуации неопределенности и ожидания худшего, что явно не прибавило оптимизма в 2010 г., объявленном президентом Годом учителя.

Воспитание детей — задача не только системы образования, а также отечественной культуры и общества в целом. И здесь Д. А. Медведев обращается к представителям творческой интеллигенции (кинорежиссерам, актерам, художникам, писателям), говоря о необходимости создания новых качественных фильмов,

литературы, которые были бы интересны современным детям: «Давайте вспомним, какое влияние на развитие целых поколений оказывала, к примеру, захватывающая научная фантастика, которая увлекала ребят и звала совершать собственные открытия» [Послание 2010]. Призыв быть ответственными за воспитание будущего поколения адресован именно творческой интеллигенции.

Интерес представляют еще две группы, которые мы отнесли к представителям средних слоев — это журналисты, адвокаты и нотариусы. Появление в стране независимых СМИ напрямую связано с проводимыми в начале 1990-х гг. реформами. То, какую роль отводят российские политики средствам массовой информации в становлении гражданского общества, развитии демократических институтов, можно понять, обратившись к посланиям Б. Н. Ельцина и В. В. Путина. Эти президенты достаточно подробно излагают свою позицию, полагая, что «СМИ первыми при поддержке всего общества осуществили прорыв в борьбе с государственной цензурой за свободу слова устного и печатного» [Послание 1995] и что «без действительно свободных СМИ российской демократии просто не выжить, а гражданского общества не создать» [Послание 2000]. Оба президента подчеркивают, что, отстаивая право на свободу, российские журналисты часто рисковали собственной карьерой, а порой и жизнью. Многие из них погибли. Поэтому очень важно создать в России «правовые и экономические условия для цивилизованного информационного бизнеса» [Послание 2000], чтобы гарантировать журналистам реальную, а не показную свободу, обеспечить полный доступ ко всей общественно значимой информации, оградить их от «какого-либо давления, а тем более оскорблений и физических расправ» [Послание 1995]. В то же время экономическая неэффективность значительной части СМИ делает их зависимыми от коммерческих и политических интересов хозяев и спонсоров, что сказывается на качестве предоставляемой информации. На телеканалах и в радиозэфире распространяются «недобросовестная реклама, насилие, пошлость и непристойность» [Послание 1995]. Но все это только констатация фактов, обозначение проблемы и эмоциональные оценки. В текстах посланий не содержится какой-либо информации о том, каким образом необходимо изменить ситуацию, чтобы избавиться от обозначенных недостатков.

Наконец, последняя группа, которую мы выделили в текстах посланий и включили в состав средних слоев, — это частные адвокаты и нотариусы, которые являются высококвалифицированными специалистами, имеющими соответствующий уровень образования, и оказывают платные юридические услуги населению страны. О деятельности нотариусов и адвокатов шла речь только в посланиях Б. Н. Ельцина в 1995, 1996 и 1998 гг. Как отмечает первый

президент России, «создавая условия для эффективного роста, мы не можем рассчитывать только на экономические регуляторы. Без установления четкой правовой базы негосударственных механизмов правовой помощи и защиты участников экономического оборота усилия будут потрачены впустую» [Послание 1998]. То есть наряду с созданием благоприятных экономических условий для всех участников рынка нужны и грамотные специалисты, способные оказать им юридическую помощь (так как любая деятельность регулируется законом, в нюансах которого не каждый сможет разобраться). В послании 1998 г. Ельцин дает указание разобраться в сложившейся ситуации, в частности разработать и принять ряд законов, решающих вопросы правового статуса профессиональных объединений нотариусов и адвокатов, кадрового пополнения этих профессиональных корпораций, меры государственного контроля. Также Б. Н. Ельцин поручает как можно быстрее внести изменения и дополнения в Основы законодательства о нотариате, принять закон об адвокатуре.

Наряду с этим Б. Н. Ельцин подчеркивает, что необходимо развивать «сеть общедоступного правового консультирования населения. Здесь есть возможность для плодотворного сотрудничества органов власти с адвокатским сообществом» [Послание 1996]. Одновременно с позитивной оценкой деятельности частных адвокатских агентств и нотариата отмечается, что не должны нарушаться права человека на получение юридической помощи. Таким образом, успеху осуществляемых в стране реформ сопутствует, по мнению Б. Н. Ельцина, не только создание благоприятных экономических и политических условий, но и четко отрегулированное правовое поле, правовая грамотность граждан, качественные юридические услуги и их доступность для всех категорий населения.

Проанализировав президентские послания Федеральному собранию РФ, мы пришли к следующим выводам.

Наблюдаются явные сходства в понимании термина «средний класс» политическим руководством страны и экспертами в области социальных наук. В то же время имеются существенные различия в определении социально-профессионального состава средних слоев российского общества. С точки зрения политиков средний класс — это в первую очередь представители малого и среднего бизнеса, в том числе предприниматели на селе (фермеры). При этом подчеркивается, что данная группа является важной составной частью российского среднего класса, т. е. существуют и другие его представители. Попытка найти в текстах посланий другие *части* среднего класса оказалась безуспешной, так как в большинстве случаев были зафиксированы лишь абстрактные описания набора качеств, присущих этому слою, без указания на то, кому эти качества принадлежат. Очевидно, российская поли-

тическая элита не имеет четкого представления о том, что такое «средний класс», хотя активно использует данное понятие в пространстве политического дискурса.

В отношении представителей науки, системы образования и здравоохранения власти придерживаются мнения, что данные группы имеют низкое материальное обеспечение, находятся в униженном положении, социально незащищены, давая понять, что данная категория граждан находится ниже уровня среднего класса. В то же время выделенные выше характеристики среднего класса имеют отношение к гораздо более широким слоям населения. Именно поэтому социологи включают в состав среднего класса не только представителей малого и среднего бизнеса города и села, но и научно-техническую, гуманитарную интеллигенцию (в том числе лиц свободных профессий, профессуру, представителей науки, искусства, специалистов в области информационных технологий, преподавателей школ, вузов и представителей похожих профессии), административно-управленческий аппарат госслужб и предприятий. Впрочем, в отечественной социологии вопрос о составе средних слоев до сих пор остается открытым.

Из поля зрения как социологов, так и политиков выпадают такие группы, как работники прокуратуры, милиции и специальных служб, военные, судьи. Перечисленные профессиональные группы относятся к служащим государственного сектора и, тем не менее, в большинстве социологических исследований названные категории не относятся к среднему классу. Политическое руководство страны рассматривает эту группу отдельно от других (подчеркивая значимость возложенных обязанностей, опасность выполняемой работы, указывая на проблемы с материальным и иным обеспечением, говоря о коррупции в органах и морально-психологических качествах личного состава, о необходимости реформирования органов правопорядка, в частности при обсуждении закона о полиции и закона о следственном комитете) [Послание 2010], вне контекста проблематики формирования средних слоев.

Сходятся политики и ученые и во взглядах на функции, которые должен выполнять средний слой в российском обществе. И та, и другая сторона рассматривает средний класс как оплот социальной и политической стабильности общества, как основу гражданского общества и стабильности конституционного строя, опору и двигатель подъема российской экономики, а условием выполнения этой функции признается массовость: численность среднего класса в структуре российского общества должна быть не ниже 50 %. Поэтому одной из главных своих задач политическое руководство страны считает формирование условий, при которых данный класс смог бы численно вырасти. В то же время подчеркивается, что, хотя численность средних

слоев еще мала, именно проводимые государством реформы способствовали его появлению в структуре российского общества (на что особо указывают Б. Н. Ельцин и В. В. Путин). С этим обстоятельством склонна согласиться и значительная часть российских социологов.

Актуальность проблематики среднего класса для российский политиков сохраняется на протяжении всего исследуемого периода. Наибольшее внимание со стороны политического руководства страны наблюдается в 1995, 1998, 2002 и 2009 г. Проблематика сообщений в содержательном аспекте выглядит следующим образом: в начале 1990-х гг. анализируется общая ситуация в стране, дается оценка состояния всех сфер общественной жизни — экономической, культурной, социальной и политической; в середине 1990-х гг. в посланиях делается упор на необходимость развития законодательной базы, которая позволит регулировать отношения действующих субъектов на рынке. В посланиях 2000-х гг. высказано немало идей о том, каким должно быть будущее России, подводятся итоги реформ 1990-х г. и определяются приоритетные направления в деятельности государства.

ЛИТЕРАТУРА

Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. — М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 97—98.

Послание Президента России Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действенности государственной власти в России». 1995. URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1995.htm> (дата обращения: 17.06.2009).

Послание Президента России Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 1996 г. URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1996.htm> (дата обращения: 17.06.2009).

Послание Президента России Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Общими силами — к подъему России». 1998 г. URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1998.htm> (дата обращения: 14.06.2009).

Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ: «Какую Россию мы строим». 2000 г. URL: <http://www.intelros.org/lib/putin/2000.htm> (дата обращения: 15.06.2009).

Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ: «России нужно быть сильной и конкурентоспособной». 2002 г. URL: <http://www.intelros.org/lib/putin/2002.htm> (дата обращения: 16.06.2009).

Послание Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2008. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения: 13.06.2009).

Послание Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2009 г. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html> (дата обращения: 18.11.2009).

Послание Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2010 г. URL:

<http://www.rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html> (дата обращения: 03.12.2010).

Рабочая книга социолога / [чл.-кор. АН СССР М. Н. Руткевич, д-р филос. наук Г. В. Осипов и С. Ф. Фролов и др.]; редколлегия: Г. В. Осипов (отв. ред.) и др.]; АН СССР, Ин-т социол. исследований. — М.: Наука, 1976. С. 318—320.

Социологический энциклопедический словарь.

На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор — координатор — академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательская группа ИНФРА * М — НОРМА, 1998. — 488 с.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 6-е изд. — М.: ИКЦ «Академ-книга»; «Добросвет», 2003. С. 210—214.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба

М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

**«РУССКАЯ МАТРЕШКА»
ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ:
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОБРАЗЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ
ОБ «АВГУСТОВСКОЙ» ВОЙНЕ**

Аннотация. Прослеживается динамика отображения российско-грузинского вооруженного конфликта августа 2008 г. в политических карикатурах западных СМИ 2008—2010 гг. Анализируются используемые прецедентные феномены (имена политиков, деятелей культуры, персонажи сказок, басен, исторические эпохи и т. д.), раскрывается их прагматическое значение.

Ключевые слова: политическая карикатура; прецедентный образ; информационная война; концептуальная метафора; русский медведь; «августовская» война.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: shinkari@mail.ru.

M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

**RUSSIAN MATRYOSHKA
THROUGH THE EYES OF EUROPEANS:
PRECEDENT IMAGES
IN POLITICAL CARICATURE
ON «AUGUST» WAR**

Abstract. The article presents dynamics of representation of Russia-Georgia armed conflict in August 2008 found in political caricatures published by the Western Mass media of 2008—2010. Precedent phenomena (names of politicians, art personalities, fairy-tales and fables characters, historical epochs, etc.) are analyzed, their pragmatic meaning is described.

Key words: political caricature; precedent image; information war; conceptual metaphor; Russian bear; «August» war.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В современные учебники истории уже вошла так называемая августовская война — вооруженный конфликт в Южной Осетии, военное противостояние в августе 2008 г. между Грузией с одной стороны и Россией вместе с непризнанными республиками Южная Осетия и Абхазия с другой. Однако настоящая война против России началась задолго до военной агрессии Грузии. Скандал с перехваченной на границе якобы российской ракетой, сбитый якобы российский беспилотник, задержание российских миротворцев с якобы запрещенным грузом — все это была заблаговременная и тщательно организованная информационно-психологическая подготовка: «Происходило формирование негативного образа России как агрессора. На такую удобренную почву потом упали информационные зерна с обвинениями России в нападении на Грузию» [Гриняев].

Эта информационная война для России стала настоящей третьей мировой войной. Истинным и опасным врагом выступила не просто «маленькая» Грузия, а все мировое сообщество: на Россию были направлены орудия средств массовой информации и Америки, и Европы, и Азии, и Африки. По мнению С. Гриняева, Россия по сути впервые столкнулась с полномасштабной информационной агрессией со стороны стран Запада, объединен-

ных в военно-политическом блоке НАТО под руководством США, «...и Россия проиграла эту войну. Впервые за всю постсоветскую историю авторитет России упал более чем в 90 % стран мира [Цыганок].

Важнейшим фактом, по мнению экспертов (А. Барановский, С. Гриняев, А. Цыганок и др.), «без которого просто невозможно правильно оценить происходящее, является то, что организованные против России информационные операции проводятся в полном соответствии с концепцией так называемой информационной войны третьего поколения, специалисты называют ее также „войной на эффектах“» [Гриняев]. Сущность означенной войны формулируется следующим образом: «Наиболее яркое и доступное определение информационной войне третьего поколения дал российский премьер В. Путин, сказав, что западным специалистам удается умело выдавать черное за белое, а белое — за черное» [Цыганок]. Именно в этом и состоит суть информационных операций третьего поколения, объясняет С. Гриняев, автор классификации информационных войн: кто за наиболее короткое время способен просчитать эффекты более высоких порядков, тот и захватывает информационное превосходство. И совершенно неважно, «а был ли мальчик». Есть только реальный факт столкновения, а уж

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Ворошилова М. Б., 2011

дальше СМИ «разберутся», кого наказать, а кого пожалеть.

Действительно, в ходе освещения пятидневной войны СМИ на Западе допускали прямые подлоги, не гнушались фальсификаций. Любые попытки рассказать о событиях с точки зрения России и Южной Осетии пресекались. Достаточно вспомнить нашумевшее интервью двух осетинок на канале «Fox», где им просто не дали говорить, как только стало ясно, что они будут благодарить Россию за свое спасение [www.globalaffairs.ru]. Мир смотрел на конфликт глазами Тбилиси. Западные СМИ снова и снова распространяли жуткие репортажи о «российской агрессии» против маленькой беззащитной Грузии, кирпичик за кирпичиком создавали устрашающий образ России как гегемона и захватчика.

Особое место в этой информационной войне было отведено неформальным средствам коммуникации: политические карикатуры о страшном русском медведе, раздирающем маленькую Грузию, заполонили Интернет. В данном исследовании мы не случайно обратились именно к политической карикатуре как ведущему орудию информационных войн: ее неформальный статус позволяет автору высказать собственное мнение, не завуалированное политической корректностью, в эмоционально ярких формах, доступных и действенных.

Настоящая работа посвящена анализу образа ранее дружественных стран России и Грузии в зарубежной неформальной политической коммуникации. Нами было рассмотрено 100 политических карикатур на тему «Россия и Грузия», опубликованных на зарубежных и российских сайтах в период с 2008 по 2009 г., отобранных методом случайной выборки. Результаты анализа выделенных концептуальных метафор, положенных в основу данных образов, мы представили в статье «Неформальные орудия „третьей мировой войны XXI века“: Россия и Грузия в западной политической карикатуре» [Ворошилова 2010]. Мы отметили, что наиболее частотными являются зооморфные и милитарные метафоры: русский слон наводит тяжелые орудия на маленькую Грузию —собачку, сидящую на коротком поводке США.

На настоящем этапе мы предлагаем исследование прецедентных образов, используемых в политической карикатуре об «августовской» войне.

Самый распространенный метод ведения неформальной информационной войны — обыгрывание традиционной политической символики, известных политических образов, позволяющее создать узнаваемый, а значит понятный образ, уже наделенный определенными смыслами, как правило, негативными.

Наиболее частотными в анализируемом дискурсе стали прецедентные имена политических лидеров, призванные обозначить основные действующие лица: *Буш — Путин —*

Саакашвили. Нередко для обозначения конфликтующих сторон используются и традиционные политические национальные символы, такие как *Дядюшка Сэм* и *русская матрешка*. Появление третьей стороны в политической карикатуре об «августовской» войне России и Грузии обоснованно: США вновь и вновь выступает в образе подстрекателя, и это не открытие карикатуристов.

В редких случаях на политической арене карикатуры появляется и четвертое действующее лицо — Евросоюз, выступающий либо в роли судьи, либо в роли перепуганной девочки, напуганной страны, которую Россия держит на коротком «топливном» поводке.

Таким образом, данная группа прецедентных образов призвана обозначить основные действующие лица конфликта и описать роль каждой страны. Действительно, война России и Грузии выходит за рамки «соседского дележа», она значительно шире и серьезнее.

Вторую по частотности использования в анализируемом дискурсе составляет милитарная группа прецедентных образов. Как отмечают исследователи, действия России сравниваются с вводом советских войск в Афганистан, Венгрию и Чехословакию [Рябов 2010: 154] и даже с действиями немецких войск во время Второй мировой войны: неслучайно Владимир Владимирович Путин в образе командира танка чаще всего предстает в немецкой форме. Обращение к исторической памяти европейцев — один из самых действенных элементов воздействия, тем более что проблемтика Второй мировой войны до сих пор одна из самых острых и болезненных для современной Европы.

Но самой «страшной» для европейцев, а значит самой действенной, стала метафора, основанная на прецедентном имени Сталина. Тоталитаризм — это не только средство оценки действий российского правительства как захватнических, но и средство запугивания европейцев. К сожалению, мы должны отметить, что частотное обращение к советскому прошлому в последнее время стало характерно для европейской политической коммуникации, в том числе неформальной. Образ русской матрешки получил новое содержание: *Медведев — Путин — Сталин*. Именно в этом контексте обос-

нованно и введение в анализируемый дискурс прецедентного имени А. Солженицына, ставшего для всего мира символом борьбы с тоталитаризмом, борьбы за свободу, так называемой русской совестью. Слова, вложенные автором в уста В. В. Путина: «Теперь, когда Солженицын перестал на нас ворчать, мы можем снова стать самими собой», — вновь отсылают нас к советскому прошлому, так пугающему современному Западу.

Итак, третью группу по степени частотности составили советские прецедентные образы, призванные, с одной стороны, создать пугающую, зловещую атмосферу, населенную призраками холодной войны (так, на одной из карикатур изображен медведь, раскапывающий могилу, на которой установлен надгробный камень с надписью «холодная война»), с другой — вынести приговор современной России — наследнице тоталитаризма, владычице энергетических богатств, держащей в страхе весь мир.

Следующая группа прецедентных образов была актуализирована современными мировыми событиями: в то время, как в Осетии разворачивались военные действия, весь мир наблюдал на спортивных баталиях в Китае. С одной стороны, олимпийские образы позволили в очередной раз актуализировать мотив противостояния: самый частотный в данной группе прецедентный образ — борьба на ринге маленькой Грузии и огромного русского медведя, не всегда соблюдающего правила и владеющего особым русским стилем борьбы; в образе судьи, как правило, выступает Евросоюз. С другой — именно олимпийские образы вновь поднимают вопрос: а кто же победитель? Неслучайно ни в одной из описанных карикатур нет ответа. Ни западные, ни российские авторы не готовы дать ответ на этот сложный и неоднозначный вопрос (может быть, потому что в войне не бывает победителя?!).

Менее частотную группу прецедентных образов в анализируемых политических карикатурах составили культурные аллюзии, среди которых можно выделить обращение к сказочным мотивам о русском медведе и к нравоучительному потенциалу русской басни.

Наиболее актуальным как в русской, так и в зарубежной карикатуре стал сюжет басни И. Крылова «Слон и моська». Впервые данный прецедентный сюжет был зафиксирован в испанской карикатуре, где моська предстала в образе муравья, что в очередной раз подчеркивало беззащитность маленькой Грузии перед огромным слоненком со страшными клыками. Позже эта концептуальная метафора получила развитие в мировой карикатуре в целом, причем она приобрела новое содержание: Грузия чаще всего маленький беспородный пес, прикормленный США или сидящий на коротком американском поводке. Образ России лишился агрессивного-прагматического потенциала: слон

спокоен, да и клыков у него больше нет. Таким образом, именно обращение к образу, не отягощенному стереотипами, позволило акцентировать основные проблемы, основные сомнения, будоражащие общественность. Неравноценность соперников, явное преимущество России стало основной темой для развития рецепции настоящего конфликта в неформальной политической коммуникации: абсолютно во всех рассмотренных примерах образ России гиперболизирован, проводится мысль, что «маленькая» Georgia была обречена на поражение в войне с таким соперником, а значит, финал был вполне предсказуем, что лишает эту страшную «маленькую» война смысла. «Старший» должен быть умнее и решать вопросы не силой, а разумом — вот главный вывод, который прочитывается в анализируемом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилова М. Б. Неформальные орудия «третьей мировой войны XXI века»: Россия и Грузия в западной политической карикатуре // Современные информационно-психологические войны в политическом пространстве России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15—16 сент. 2010 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010.

Ворошилова М. Б. Слон и Моська: метафорический образ России и Грузии в зарубежной политической карикатуре (2008—2009) // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—16 сент. 2010 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2010а. С. 42—43.

Гриняев Сергей Информационная война на Кавказе, или Как из черного делали белое. URL: <http://www.infwar.ru/article.php?num=80>.

Жаковска М. Россия-медведь в немецкой карикатуре XIX и XX в. // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—16 сент. 2010) / Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2010. — С. 57—59.

Красильникова Н. А. «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1.

Красильникова Н. А. «В плену русского медведя», или Современная Россия в метафорах Британских и Американских СМИ // Политический дискурс в России — кадры решают все : Материалы постоянно действующего семинара. — М., 2009. С. 38—39.

Предварительные итоги российской миротворческой операции в зоне грузино-осетинского конфликта. URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/10343.html>.

Рябов О. В. Медвежья метафора России как оружие холодной войны // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—16 сент. 2010) / Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. А. П. Чудинов — Екатеринбург, 2010. С. 154—156.

Рябов О., Лазари А. Миша и Медведь. Медвежья метафора России в дискурсе о грузино-

российском конфликте. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/09/m158721.htm>.

Цыганок Анатолий. Информационная война против России: как это было. URL: <http://www.narodsobor.ru/default.asp?trID=448&artID=6112>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Ю. Гливинска-Котыня
Лодзь, Польша

J. Gliwinska-Kotynia
Lodz, Poland

**ФАМИЛИИ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИКОВ —
НЕИЩЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК
НЕОЛОГИЗМОВ**

**SURNAMES OF POLISH POLITICIANS AS
AN INEXHAUSTIBLE SOURCE OF NEOLOGISMS**

Аннотация. Анализируются неологизмы, образованные от фамилий польских политиков. Определяются ситуации, в которых формируются такого рода неологизмы, и характеризуется их значение. Данный пласт лексики постоянно обновляется ввиду изменений, происходящих на польской политической сцене.

Abstract. The present essay attempts at analyzing selected neologisms derived from the surnames of Polish politicians. The aim of the essay is to offer an overview of particular situations in which such neologisms arise as well as to explore the implications they carry. Undoubtedly, this is an area of lexis which is continuously expanding along with the changing political scene in Poland.

Ключевые слова: неологизмы; политическая риторика; политический дискурс; политическая коммуникация.

Key words: neologisms; political rhetoric; political discourse; political communication.

Сведения об авторе: Гливинска-Котыня Юлия, магистр, аспирант кафедры языкознания, Институт русистики, филологический факультет.

About the author: Julia Gliwinska-Kotynia, Master, Post-graduate Student, Institute of Russian Philology, Department of Linguistics.

Место работы: Лодзинский университет.

Place of employment: University of Lodz.

Контактная информация: Polska, Łódź, ul. Narutowicza, 65.
e-mail: julia.kotynia@gmail.com.

В польском политическом дискурсе, так же как и в других странах, происходят постоянные изменения, связанные со стремлением политиков выделиться на фоне конкурентов яркостью, а порою и колкостью высказываний. В общении с представителями СМИ, а также в дебатах друг с другом политики стараются предстать перед избирателями в наилучшем свете не столько за счет знаний, сколько благодаря умению искусно обращаться с языком в различных ситуациях. Для того чтобы удивить публику, привлечь к себе ее внимание, политики прибегают к различным языковым фигурам и тропам. Одним из наиболее популярных средств является метафора, придающая речи экспрессию. Однако нередко политики становятся авторами различных неологизмов, обеспечивая себе тем самым одну из влиятельных позиций в политическом пантеоне: чем ярче политик, тем выше его авторитет среди народа. Целью данной статьи является изучение значения и роли политических неологизмов в польском политическом дискурсе, а также создание классификации рассматриваемого лексического пласта.

Прежде чем перейти к анализу избранных неологизмов, мы хотели бы дать определение понятию неологизма и представить общую классификацию новообразований. Согласно распространенному определению, «неологизм (от греч. *neos* — 'новый' и *logos* — 'слово') — это новое слово или выражение, а также новое значение старого слова» [Форма слов.ru]. Несомненно, главная функция таких новообразований — называть неизвестные до сих пор понятия, предметы либо явления. В политике, особенно в период экономических, политических, общественных преобразований, которые в

Польше в той или иной степени все еще продолжаются, неологизмы играют одну из ведущих ролей в политическом дискурсе.

Выделяются следующие виды неологизмов: языковые, лексические, семантические и авторские (индивидуально-стилистические). Языковые неологизмы служат прежде всего обозначению нового предмета, явления и т. п. До тех пор пока носители языка будут ощущать новизну и свежесть данного новообразования, оно будет сохранять за собой признаки неологизма. Лексические неологизмы образуются по существующим в языке моделям, например: *полупоросменка*, *венероход*, — или заимствуются из других языков: *макияж*, *метро*, *панно* и др. Семантические неологизмы появляются путем наделения слов новым, дополнительным значением, например: *зебра* — 1) *животное*; 2) *пешеходный переход*. Авторские неологизмы характерны прежде всего для писателей, которые стремятся к более художественному, образному выражению своих мыслей. Данные неологизмы тесно связаны с контекстом высказывания [Котелова 1990]. Представляется, что неологизмы, созданные политиками, следует причислить к индивидуально-стилистическим, ведь цель каждого политика как раз поразить противника и слушателей красочностью и живостью своих суждений. Такую возможность, безусловно, представляют неологизмы, характеризующиеся свежестью и некоей непредсказуемостью.

В данной статье мы рассмотрим лишь те неологизмы, которые были образованы от фамилий польских политических и публичных деятелей. Иллюстративный материал был почерпнут прежде всего из научной разработки Р. Зимного и П. Новака «Словарь польского по-

литического языка после 1989 года» [Zimny, Nowak 2009], а также из интернет-форумов.

Выбранные неологизмы мы разделили на пять групп, руководствуясь их семантическими свойствам.

1) неологизмы, обозначающие действие, деятельность политиков: *glempić się* (глемпиться), *józiolenie* (юзёление), *tuskolenie* (тусколение), *kotogozuć* (коморожить);

2) неологизмы, касающиеся идеологии и политических взглядов отдельного политика или политической партии: *kaczyzm* (качизм), *lepperyzm* (лепперизм), *walęszizm* (валенцизм);

3) неологизмы, указывающие на местоположение, местонахождение, местопребывание: *kaczystan* (качистан), *tusklandia* (тускландия), *ziobrostan* (зёб्रोстан);

4) неологизмы, обозначающие реформы или их результат: *krzakłówka* (кшаклювка), *kuroniówka* (куронювка);

5) неологизмы, относящиеся к сторонникам определенного политического курса: *balceroid* (балцероид), *kaczyści* (качищчи), *tuskoidy* (тускоиды).

В первой группе неологизмов представлено два глагола и два существительных. Инфинитив *glempić się* (глемпиться) произошел от фамилии главного епископа польской церкви — примаса Józefa Glempa (Юзефа Глемпа). Авторы «Словаря польского политического языка после 1989 года» не дают однозначного толкования данной лексемы и в зависимости от контекста предлагают три варианта интерпретации: «Глемпиться: 1) быть неспособным к принятию решения, быть консерватором и традиционалистом; 2) просить милостыню, постоянно говорить о деньгах; 3) высказываться вяло, без эмоций, безрезультатно» (здесь и далее перевод наш. — Ю. Г.-К.) [Zimny, Nowak 2009]. Представленные интерпретации кардинальным образом отличаются друг от друга, однако можно выделить у них общий знаменатель. Все три значения содержат, несомненно, отрицательную коннотацию. Это свидетельствует о том, что данный священник своим поведением вызывает у польского населения неодобрение. Глагол *глемпиться* ассоциируется с неэффективными, апатичными действиями или вообще с отсутствием желания что-либо предпринимать.

Второй глагол, *kotogozuć* (коморожить), образован от фамилии действующего польского президента Bronisława Komorowskiego (Бронислава Коморовского). Данное выражение функционирует только среди участников интернет-форумов, т. е. существует в виртуальном измерении. Представителями политических кругов данная лексема, ввиду грубой и даже вульгарной окраски, в официальных выступлениях не употребляется. Глагол *коморожить* связан с манерой говорить, жестами и прежде всего с определенными высказываниями президента, в которых обнаруживаются нормативно-языковые, фактические или логические

ошибки. К примеру, находясь в охваченных наводнением населенных пунктах Польши, президент обратился к их жителям следующим образом: *W zeszłym roku powódź, w tym roku powódź, więc pewnie ludzie są już oswojeni, obyć z żywiołem* (В прошлом году наводнение, в текущем году наводнение, люди уже, наверное, привыкли к этому стихийному бедствию). Другое высказывание президента, касающиеся паводков, было сформулировано лаконично, двусмысленно и одновременно обидно для пострадавших: *Miałem przyjemność wizytowania terenów powodziowych* (Я был рад наносить визит в места, пострадавшие от наводнения). Представляется, что указанные ошибки президента были результатом его спонтанной реакции на происходившее и огромных эмоций, охвативших политика во время встреч с пострадавшими. Следует отметить, что Коморовский совсем недавно был избран президентом и ему предстоит еще многому научиться, прежде всего самопрезентации в общении — не только с народом, но и с государственными и иностранными политическими деятелями, — чтобы в дальнейшем не ставить себя и своего собеседника в затруднительное положение.

Лексема *józiolenie* (юзёление) образована от имени польского политика, члена партии SLD (СЛД, Союз левых демократов) — Józefa Oleksego (Юзефа Олексы). Словообразовательной основой послужила уменьшительная форма имени Józef — Józio (Юзеф — Юзё). Такая форма безусловно ассоциируется с чем-то несерьезным, что соответствует замыслу автора анализируемого неологизма. Впервые его озвучил Leszek Miller (Лешек Миллер — член партии СЛД) в ответ на компрометирующие членов СЛД высказывания Олексы. Используя данное выражение, Миллер «дал понять» полякам, что слова Олексы нельзя воспринимать всерьез, так как в них больше вымысла, чем правды [Zimny, Nowak 2009]. Миллер следующим образом прокомментировал слова Олексы: *Jeśli słyszę takie opinie, to mam wrażenie, iż biorą one się stąd, iż niektórzy ludzie lewicy albo mają zbyt bogatą wyobraźnię, albo nie mają jej w ogóle, i nie trzymają się realiów. To jest typowe dla Józefa Oleksego józiolenie* [Gazeta.pl] (Когда я слышу такие мнения, то у меня создается впечатление, что они берутся в результате того, что некоторые люди левых или обладают сильно развитым воображением, или вообще оно у них отсутствует, и они не придерживаются реальности. Это типичное для Юзефа Олексы юзёление). Из слов Миллера следует, что поведение Олексы напоминает хныканье обиженного ребенка, у которого забрали любимую игрушку. Неологизм *юзёление* по звучанию и способу образования напоминает разговорное существительное *biadolenie* (бядоление), которое имеет следующие значения: жаловаться, ныть, плакаться, сетовать, изливать обиды, хныкать и т. д. Таким обра-

зом, именно аналогия между лексемами *юзёление* и *бядоление* и выражает запланированное Миллером осмеяние высказываний и поведения Олексы.

Выражение *tuskolenie* (*тусколение*) образовано от фамилии действующего польского премьера Donalda Tuska (Дональда Туска). Автором данного неологизма является член партии PiS (ПИС, Право и справедливость) Kazimierz Moskał (Казимеж Москаль). Оценивая отчет (*exposé*) премьера, Москаль сказал следующее: *Panie Marszałku! Panie Premierze! Wysoka Izbo! Exposé Pana Premiera to wspaniałe wystąpienie w opinii koalicji, natomiast, fatalne w opinii opozycji, dla mnie zaś to było takie tuskolenie, więcej obietnic, a mniej konkretów* [Gover.pl] (*Господин Маршал! Господин Премьер! Уважаемые члены Высшей Палаты! Exposé господина Премьера — это отличное выступление в оценке коалиции, по мнению оппозиции фатальное, а для меня это было такое тусколение, больше обещаний, меньше конкретной информации*).

Из вышесказанного следует, что Туск своим избирателям обещает то, что они хотят услышать и, к сожалению, быстро об этом забывает, так как за обещаниями не следуют конкретные действия. Ему это удается благодаря выдающимся ораторским способностям. Речь премьера разнообразна, богата, красочна, к каждому классу слушателей у политика особый подход, что и помогает ему поддерживать высокие рейтинги популярности.

Вторая группа неологизмов образована путем прибавления суффикса *-izm/-yzm* (*-ызм/-изм*). Следует отметить, что такое словообразование характерно для научных терминов, обозначающих идеологию или политическую формацию, напр.: *тоталитаризм, марксизм, ленинизм, коммунизм, фашизм, сталинизм* и др. Анализируемые нами неологизмы образованы по схожей схеме: «фамилия политического деятеля + суффикс *-ызм/-изм*». Такая аналогия особенно прослеживается у лексемы *kaczuzm* (*качизм*). В одном из высказываний депутата SLD (СЛД) Joanny Senyszyn (Иоанны Сенышын) слово *качизм* приобретает отрицательную коннотацию, так как данное явление метафорически, очень экспрессивно приравнено к коммунизму. Иоанна Сенышын выразилась таким образом: *Widmo krąży po Polsce — widmo kaczuzytu. [...] [Gov.pl] (Призрак бродит по Польше — призрак качизма [...])*. Данная формулировка несомненно напоминает первое предложение из «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса: *Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма*. Сравнение мировоззрения и действий близнецов Качинских с идеологическими основами коммунизма служит тому, чтобы избиратели отрицательно, с опаской относились к людям, которые своим поведением напоминают действия коммунистов, память о правлении которых в Польше вызывает крайне негативные эмоции.

Неологизм *lepperyzm* (*лепперизм*) образован от фамилии депутата Samoobrony (Самообороны) Andrzeja Leppera (Анджея Леппера) и связано с его популистскими наклонностями. Именно при помощи популистских лозунгов политик пытается повлиять на польское общество, ссылаясь на национальные стереотипы, а также чрезмерно критикуя действующее правительство. Леппер строит свою риторику на акцентировании экономических, социальных интересов простых людей и выступает защитником всех обиженных (например, фермеров). Это выражено в следующем фрагменте: *To lepperyzm, czyli pseudologiczna próba wytłumaczenia każdej decyzji. Kto nie wierzy, niech sobie przypomni, co ostatnio mówił były wicepremier [...]: „Unia Europejska tak, warunki nie”* [Zimny, Nowak 2009] (*Это лепперизм, то есть псевдологическая попытка объяснения каждого решения. Кто не верит, пусть вспомнит, что недавно говорил бывший вице-премьер [...]: „Европейский союз — да, условия — нет”*). Другой ясный пример: *Lepperyzm w wydaniu jego twórcy można sprowadzić do dwóch, systematycznie powtarzanych haseł: „Balcerowicz musi odejść” i „Rządzący są złodziejami”* [Там же] (*Лепперизм в исполнении его автора можно свести к двум систематически повторяемым лозунгам: „Балцеровичу нужно уйти” и „Правящие — воры”*). Несмотря на социально привлекательные идеи Леппера, ему не удалось завоевать значительное доверие и поддержку поляков, и его партия на нынешней политической сцене совершенно незаметна.

Авторы указанного словаря неологизму *wałęsizm* (*валенсизм*), образованному от фамилии бывшего президента Польши Lecha Wałęsy (Леха Валенсы), приписывают два значения, одно из которых уже потеряло свою свежесть, а второе остается популярным, сохраняя оригинальность. Согласно первому значению *валенсизм* не что иное, как идеология, доктрина Валенсы, согласно которой он собирался править. Многие политологи считают, что Валенса не сумел воспользоваться существовавшими в его время возможностями для строительства государства с сильной президентской властью, и поэтому оценивают его правление как бесхарактерное [Там же]. Большую популярность Валенса завоевал, однако, оригинальными спонтанными и красочными высказываниями, которые впоследствии стали называть *валенсизмами* и *валенсаликами*; многие из них вошли во фразеологию польского языка. Например: *Jestem za, a nawet przeciw (Я за, а даже против)*. *Plusy dodatnie i ujemne (Есть плюсовые и минусовые)*. *Odpowiedz wprost (Отвечу уклончиво, прямо)* [naukowy.pl]. Валенса у каждого поляка ассоциируется со специфической риторикой, а его афоризмы очень быстро «ушли в народ».

В третьей группе неологизмов два обладающие отрицательной характеристикой — *kaczystan*

(*качисман*) и *ziobrostan* (*зёбросман*), — а *tusklandia* (*тускландия*) — позитивной с неявным негативным подтекстом.

Качисман (от *Качинский*) и *зёбросман* (от *Зёбро* — фамилия бывшего министра юстиции) образованы по аналогичной схеме: «фамилия + суффикс *-stan* (*-стан*)». Суффикс *-стан* несет в себе пейоративное значение, так как ассоциируется со странами Средней Азии: Афганистаном, Узбекистаном, Таджикистаном и др., а именно с уровнем жизни в этих странах и прежде всего политическим режимом. Следовательно, правление братьев Качинских (в первую очередь Ярослава, премьер-министра) оценивается политической элитой и народом отрицательно, приравнивается к варварским, порою бесчеловечным действиям. Особенно часто данные выражения используются на различных форумах, а не в официальном дискурсе, например: *Parlament Europejski potępił w rezolucji Kaczystan za szerzenie nietolerancji, homofonii, antysemityzmu i ksenofobii* [Zimny, Nowak 2009] (*Европейский Парламент осудил в резолюции Качисман за распространение нетолерантности, гомофобии, антисемитизма и ксенофобии*). Другая запись, с форума TVN 24 (ТВН 24): *W Państwie prawa lider partiii czyta akta prokuratury to bezprawie. No chyba, że to Ziobrostan* [Tvn24.pl] (*В правовом государстве лидер партии читает акты прокуратуры — это беспредел. Но, наверное, это Зёбросман*).

Tusklandia (*тускландия*), в свою очередь, благодаря английскому корню *-land* ассоциируется с Западом, с цивилизованным миром, демократией и достойной жизнью. Авторы цитированного словаря замечают, однако, что неологизм *тускландия* мог быть образован по образцу слова *nibylandia* (*нибыландия*) [Zimny, Nowak 2009], в котором частица *нибы* означает *будто, как будто, дескать*, т. е. что-то фиктивное, мнимое и несуществующее. Безусловно, данный неологизм переключается по семантике с выражением *тусколение* (пустые обещания). Из вышесказанного следует, что лексема *тускландия* содержит прежде всего отрицательную коннотацию, хотя словообразовательный формант *-ланд* должен, казалось бы, вызывать положительные ассоциации.

Подводя итог, следует отметить, что все рассмотренные неологизмы данной группы являются характеристиками Польши, причем отнюдь не положительными, осмеивающими правящие партии, в данном случае PiS (ПИС) и PO (ПО).

Неологизмы *krzaklówka* (*кшаклювка*) и *kuroniówka* (*куронювка*) образованы от фамилий авторов политических и социальных реформ или инициатив. *Кшаклювка* указывает на председателя *Solidarności Mariana Krzaklewskiego* (Солидарности Марьяна Кшаклевского), а *куронювка* — на министра труда и социального обеспечения *Jacka Kuronia* (Яцка Куроня). Кшаклевский выдвинул идею выставить счета за

электроэнергию с учетом заработка каждой семьи. Образовавшуюся разницу должно было покрыть государство, и такой тип оплаты по имени автора идеи назвали *кшаклювкой*. Так как постулат политика не получил поддержку и не был реализован, неологизм *кшаклювка* не прижился и не употребляется. Совершенно другая картина предстает в случае с неологизмом *куронювка*. Данная лексема не только вошла в обиход, но и поменяла первоначальный смысл. Основное, первичное значение таково: *куронювка* — гороховый суп (*grochówka*), который Куронь лично раздавал безработным, бездомным людям на улицах Варшавы. Именно по аналогии со словом *grochówka* и был образован неологизм *куронювка*. Со временем *куронювкой* начали называть пособие для безработных, и данная лексема функционирует прежде всего в таком значении [Там же].

Последняя анализируемая нами группа неологизмов относится к сторонникам конкретного политика или политической партии. Лексемы *tuskoidy* (*тускоиды*) и *balceroidy* (*балцероиды*) [Balcerowicz, Балцерович — министр финансов] образованы путем присоединения суффикса *-oid* (*-оид*). Нельзя не заметить сходства данных неологизмов со словом *андройд* (*робот*). Получается, что сторонники как Туска, так и Балцеровича действуют машинально, неосмысленно, подражая своим прототипам: Туску и Балцеровичу. Естественно, такая характеристика является отрицательной.

Еще более негативную окраску содержит неологизм *kaczyści* (*качищчи/качисты*), относящийся к сторонникам братьев Качинских (их партии ПИС). Он вызывает ассоциации с такими словами, как *нацисты, фашисты, коммунисты*. В обществе сторонники Качинских считаются людьми, которые слепо следуют за своим вождем — Ярославом Качинским.

Итак, из наших наблюдений следует, что сторонники всех трех политиков вызывают отрицательные реакции у остальных поляков. Считается, что такие люди всего лишь марионетки в руках своих кумиров и не в состоянии рационально, объективно рассуждать.

В заключение мы постараемся резюмировать изложенные выше результаты анализа. Приведенные нами примеры неологизмов показывают, что они являются следствием постоянных изменений, происходящих на польской политической сцене. Можно также утверждать, что такие новообразования образуются прежде всего от фамилий, имен политиков, которые отличаются характерной риторикой, поведением. Стоит заметить, что неологизмы касаются прежде всего правящей и оппозиционной партий, которые конкурируют друг с другом также на языковом уровне. Необходимо подчеркнуть, что все рассмотренные неологизмы имеют отрицательную коннотацию и служат прежде всего критике политических противников. Думается, анализируемое явление можно

наблюдать не только в Польше, но и в ряде других стран. К примеру, в России функционируют такие неологизмы, как *путинизация*, *путинократия*, *путинизмы*, *хрущевки*, *брежневки*, *медведевки* и т. д., в США — *бушизмы*, *обамизм* и т. д., в Великобритании — *блериизм* и др. Из вышесказанного вытекает, что рассматриваемый нами пласт лексики находится в постоянном движении: исчезают устаревшие слова, на смену им приходят слова, отвечающие новым политическим реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Котелова Н. З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/331b.html> (дата обращения: 26.01.2011).
- Формаслов.ру. URL: <http://formaslov.ru/> неологизм (дата обращения: 26.01.2011).
- Gazeta.pl. Oleksy: Szmajdziński nie powinien kandydować. Miller: to „józiolenie” // Gazeta.pl. Wiadomości. URL: http://wiadomosci.gazeta.pl/Wiadomosci/1,80708,7692257,Oleksy_Szmajdzinski_nie_powinien_kandydowac_Miller_.html (дата обращения: 26.01.2011).
- Gov.pl. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata4.nsf/5c30b337b5bc240ec125746d0030d0fc/0f55d74920f7fb25c12574790041f021?OpenDocument> (дата обращения: 26.01.2011).
- Gover.pl. URL: <http://www.gover.pl/k6/wystapienia/szczegoly/posel/moskal-kazimierz/wystapienie/6249> (дата обращения: 26.01.2011).
- Naukowy.pl. <http://www.naukowy.pl/encyklopedia/Wa%C5%82%C4%99sizm> (дата обращения: 26.01.2011).
- Tvn24.pl. URL: <http://www.tvn24.pl/1,251,8,42741701,116192516,4763291,0,forum.html> (дата обращения: 26.01.2011).
- Zimny R., Nowak P. Słownik polszczyzny politycznej po 1989 roku. — Warszawa, 2009.

Статью рекомендует к публикации проф. А. де Лазари

С. А. Громыко
Вологда, Россия

S. A. Gromyko
Vologda, Russia

**ЯЗЫК РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА:
СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**LANGUAGE OF RUSSIAN PARLIAMENT:
COMING INTO BEING OF RUSSIAN
PARLIAMENTARY COMMUNICATION IN THE
BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Аннотация. Рассматриваются особенности отечественной парламентской коммуникации начала XX в. (на примере I и II Государственной думы). Парламентский дискурс трактуется как институциональный. В аспекте их дискуссионной составляющей анализируются речи депутатов Государственной думы. В качестве специфических черт парламентской коммуникации начала XX в. указываются сословные дискурсные формации, митинговость, ключевая роль речевой агрессии, нацеленность депутатов на скрупулезное формулирование политической повестки дня и, как следствие, доминирование публичного обсуждения власти над публичным ее осуществлением.

Abstract. The article discusses peculiarities of the Russian parliamentary communication of the beginning of the XX th century (on the example of I and II State Duma). Parliamentary discourse is considered to be institutional. In the aspect of its debatable constitutive part the speeches by deputies of the State Duma are analyzed. As the specific features of the parliamentary discourse the author singles out class debatable formations, meetingness, key role of the verbal aggression, aiming at formulating clearly the agenda by the deputies, and consequently, prevailing of public discussion of power on its public execution.

Ключевые слова: политическая коммуникация; парламентская речь; парламентская риторика; дискуссия; митинг.

Key words: political communication; parliamentary speech; parliamentary rhetoric; discussion; meeting.

Сведения об авторе: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

About the author: Gromyko Sergey Alexandrovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Вологодский государственный педагогический университет.

Place of employment: Vologda State Pedagogical University.

Контактная информация: 160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6.
e-mail: ling2007@yandex.ru.

Парламентская речь представляет собой важнейшую составляющую политической коммуникации современного общества. Поскольку под парламентом в самом общем смысле понимают «высший выборный законодательный орган, осуществляющий представительство основных социальных и политически активных групп населения» [Политология 1993: 240], наличие реально функционирующего парламента является одним из основных требований, предъявляемых к современному демократическому государству. Парламент призван осуществлять политический диалог, во-первых, между государством и обществом через систему народных представителей, во-вторых, между различными стратами общества (политическими, имущественными, сословными и т. п.) через депутатов, представляющих интересы данных слоев. Таким образом, можно предположить, что степень развития парламентской коммуникации (конкретнее — риторики парламентского монолога, правил и норм ведения дискуссии в парламенте, способов поиска компромиссного решения проблем) непосредственно связана с уровнем развития политического диалога в обществе.

Предметом исследования в данной статье является специфика политической коммуника-

ции в российских парламентах начала XX в. (в первую очередь в I и II Государственной думе 1906 и 1907 г. соответственно). Под политической коммуникацией мы понимаем «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 6]. Так как с 1906 г. Государственная дума являлась политическим институтом, в котором важнейшие для страны и общества решения обсуждались и принимались публично, целесообразно исследовать именно публичную парламентскую коммуникацию, оставив за скобками аппаратно-бюрократическую коммуникацию, которая, безусловно, оказывала определенное влияние на публичное принятие политических решений в Думе. В процессе анализа речевой деятельности в парламенте мы придерживаемся узкого подхода к политической коммуникации, согласно которому политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом»

[Баранов 1997]. При таком подходе в область политического дискурса включаются лишь те речевые образования, которые были произведены в рамках профессиональных отношений между политиками, а именно в ситуациях официального публичного политического общения. Также мы исходим из того, что политический дискурс является институциональным. Институциональный дискурс — такой дискурс, который предполагает наличие специфических институтов его производства и распространения [Серио1999: 29]. При этом под институтами чаще всего понимают «не только такие наиболее типичные структуры, каковыми являются армия или Церковь, но и любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата, это могут быть типы содержания того, что можно и должно говорить, а также обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции» [Серио1999: 29]. Различного рода ограничения, накладываемые институтами на общение, выражаются в типичных хронотопах, символических действиях, трафаретных жанрах и речевых клише. Ведущая роль в институциональном дискурсе трафаретов и масок — принципиальное отличие институционального дискурса от персонального [Карасик 2002].

Современная публичная политическая деятельность не может осуществляться без опоры на выработанные ранее традиции, правила, рамки политической речи. Речевое поведение современных российских политиков сложно адекватно оценить без соотнесения его со сложившейся в России традицией публичного политического речевого общения. Без такого сопоставления то или иное публичное речевое действие политика не может быть истолковано как новаторское либо продолжающее традицию, имеющее деструктивную либо конструктивную направленность, стремящееся воздействовать на адресата в допустимых рамках либо манипулировать сознанием и волей адресата, в целом приемлемое либо недопустимое в традициях русской политической речи. Необходимость учитывать традиции политической речи требует более серьезной и обширной историко-филологической базы, чем та, которая существует сегодня в политической лингвистике. Представляется, что исследования, направленные на историю отечественной политической коммуникации, помогут понять особенности современного российского политического дискурса. Проводиться эти исследования должны в первую очередь в русле политической лингвистики и политической риторики — двух актуальных и взаимосвязанных дисциплин.

Нельзя не согласиться с мнением В. И. Аннушкина, заметившего, что, «к сожалению, история русского политического красноречия до сих пор не написана» [Аннушкин 2006: 237]. Данное высказывание, пожалуй, в наибольшей

мере применимо к изучению русской парламентской речи: если публичные выступления отдельных выдающихся политических ораторов начала XX в., советской эпохи, рубежа XX—XXI вв. стали в последнее время объектом пристального внимания ученых, то современной парламентской речи в аспекте ее преемственности по отношению к сложившимся традициям отечественного парламентского красноречия посвящено лишь несколько работ [Баранов, Казакевич1991; Культура парламентской речи 1994]. Для более объективной и всесторонней оценки состояния современной парламентской речи и путей ее дальнейшего развития необходимы исторические исследования в данной области, прежде всего изучение особенностей речи в дореволюционных российских парламентах. Между тем история русского парламентского красноречия излагается в лучшем случае в небольших по объему главах некоторых учебных пособий по риторике [Грановская 2004; Михальская 1996].

Думская дискуссия 1906 г. ознаменовала собой рождение новой для России отрасли светского красноречия — парламентской риторики. Более того, многие специалисты в области истории риторики связывают с I Государственной думой возникновение [Аннушкин 2006] либо интенсивное развитие [Грановская 2004; Михальская 1996; Чистякова 2006] в России не только парламентского красноречия, но и устной публичной политической речи в целом. До 1906 г. в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Депутатам I Государственной думы пришлось разрешать противоречие между необходимостью участия в дискуссии и отсутствием умений и опыта ведения публичной политической дискуссии.

Установлено, что в начале XX в. устная публичная речь разных стилей и жанров получает исключительное право быть основным видом словесной культуры: расширяются ее виды и функции, возрастает аудитория [Чистякова 2006; Шейгал 2004]. Это было связано с тем, что в конце XIX — начале XX в. требования российского общества к речи достаточно сильно изменились по сравнению с предыдущими этапами развития русской риторики. Демократизация институтов власти разного уровня, начатая либеральными реформами 1860—1870-х гг. (реформа земского самоуправления, городского самоуправления, судебная реформа), резко увеличила роль публичного общения, причем в самых различных сферах жизни человека. В публичную деятельность вовлекалось все больше людей из разных сословий. Умение ясно и убедительно высказывать свою точку зрения стало необходимым не только представителям высших слоев российского общества, но и мещанам, разночинцам, а поз-

же — рабочим и крестьянам. В начале XX в. в отечественной риторике наблюдается повышенный интерес к воздействующей функции речи, который отразился в риторических руководствах того времени [Громыко2005]. В 1906 г. впервые в истории России был сформирован политический институт, в котором равные возможности выражения своих позиций были предоставлены и дворянам, культура слова которых воспитывалась лучшими произведениями отечественной словесности, и рабочим, речь которых оттачивалась в производственном общении, отчасти на митингах, и представителям духовенства с их познаниями и умениями в области духовной риторики, и крестьянам, которые, казалось бы, в искусстве красноречия должны были уступать остальным депутатам. Представителям разных сословий и политических партий было необходимо наладить такое речевое взаимодействие, на основе которого мог бы состояться эффективный политический диалог.

Одна из главных черт думской коммуникации начала XX в. — **наличие сословных дискурсных формаций, их взаимопроникновение и взаимообогащение**. Парламент как инструмент идеологического, политического, социального компромисса подразумевает наличие групп с несовпадающими точками зрения на пути решения наиболее актуальных на данный момент для общества проблем. Как правило, каждая из этих групп вырабатывает свой «стиль» участия в официальной парламентской дискуссии, который кажется агентам, входящим в данную группу, наиболее приемлемым и эффективным для развертывания дискурса в нужном направлении. Таким образом, политическая и социальная борьба в парламенте обусловливает и борьбу речевых средств, используемых депутатами. Используя словосочетание «дискурсная формация», мы опираемся на М. Пешё, но с одним важным уточнением. Дискурсные формации определяют не только то, что может быть и должно быть сказано [Пешё1999], но и то, как это может быть и должно быть сказано с определенной позиции в данных обстоятельствах с учетом наличествующего опыта коммуникации в подобных обстоятельствах. Таким образом, главенствующую роль в объединении высказываний в одну дискурсную формацию играет не только общность идеологических позиций в широком смысле (политических, социальных или каких-либо других), не только общность темы и обстоятельств коммуникации, но и общность речевых средств, постепенно вырабатываемых речевой практикой данной группы и регулярно используемых в коммуникации.

В современном парламенте дискурсные формации выделяются чаще всего на основании идеологических, политических оппозиций. Члены «правых» и «левых» партий свои различия стремятся выразить в том числе и в языке:

при подготовке публичного выступления или даже в процессе спонтанной речи подбирается определенная лексика, фразеология, стилистика, структура всего выступления в целом. В 1906—1907 гг. в российском парламенте язык политических взглядов (не монологический, а дискуссионный, ориентированный на непосредственный официальный спор с оппонентами) еще только формировался, поэтому основные различия в способах и формах убеждения и ведения парламентского диалога носили сословный характер. В I и II Государственной думе четко выделяются крестьянская, духовная и элитарная дискурсные формации. Уровень устойчивости данных формаций постоянно снижался по причине их взаимопроникновения, и уже к III Государственной думе можно говорить о том, что постепенно на смену сословным дискурсным формациям приходят собственно политические, так как начинают выделяться черты дискуссионной речи, характерные для кадетов, членов консервативно-охранительных партий, членов партий социалистического толка. Однако сословная дискурсная формация в русском парламенте до конца себя не изжила, ее черты явственно проступают и в IV Государственной думе.

На примере духовной дискурсной формации в I Государственной думе 1906 г. можно выделить ядро коммуникативных средств депутатов-священнослужителей и периферию. В работе первого российского парламента участвовало 14 священнослужителей разных конфессий: православные священники, муллы, ксендзы, лютеранские пасторы. Все эти депутаты получили духовное образование и на протяжении длительного времени служили в своих приходах. Речь священнослужителей в Думе имеет как целый ряд общих черт, так и специфические признаки, обусловленные индивидуальным пастырским опытом, а также конфессиональными особенностями публичного выступления. Примечательно, что депутаты-священники были чуть ли не самой активной сословной группой в Думе, так как в прениях приняли участие практически все. Основу дискурсной формации духовенства составляли речи христианских священников. Все эти депутаты в качестве отправной точки для построения высказываний использовали православную проповедь: кто-то как средство примирения противоположных точек зрения, а кто-то «от противного», как способ убеждения в своей правоте, а иногда и неприкрытого эмоционального давления на аудиторию.

В поиске новых моделей дискуссионных высказываний в парламенте некоторые православные священники приходили к модификации проповеди. Например, священник Гума из Бессарабской губернии в своих речах предпочитал сохранять основные черты религиозно-проповеднического стиля. В первую очередь это проявлялось на уровне структуры выступления:

– особое этикетное приветствие, близкое к религиозному, но несколько модифицированное: *Господа, отцы и братья!* [Государственная Дума, 2: 1839];

– редуцированная вступительная часть: информационное сообщение + рассказ о церковном событии: *Здесь в Думе слышатся радость и печаль, и мир, и брань; сюда, на наше обсуждение, жизнь преподносится, как перед зеркалом, открыто, со всем тем, какой она была и остается. По белостокскому погрому скажу библейским выражением: „Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, ибо их нет“* [Государственная Дума, 2: 1839];

– объяснение: *Рахиль — не одни евреи, а мать великой семьи народов — России. Наши сограждане погибают от восстания друг на друга, оттого что мстят друг другу...* [Государственная Дума, 2: 1839];

– поучение, которое включает в себя лексику морально-этической оценки и деонтическую модальность: *Конечно, мне тяжело винить себя, а других еще тяжелее. Между тем известно, что всякое царство, где граждане идут друг против друга, разделившееся в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. Сколько погибло таким образом царств, городов, кружков, обществ и семейств... Обновлению и свободе, за которыми идут движение и живучая борьба, нужны разумность, доброта, общность интересов, уравновешенность, дальновидность, чуткость, патриотизм, выносливость ударов, объективность* [Государственная Дума, 2: 1839];

– наставление, основывающееся на различных формах побуждения: *Умоляю всех сограждан, да внимлют голосу мольбы, не единственно моей, но по крайней мере большинства, не играть впредь жизнью и смертью и на чужое не посягать... Как корабельщики на море, заметив в своем корабле образовавшуюся трещину или пробоину, спешат заделать ее, чтобы спасти судно и себя, так и мы воспрянем... не дадим погибнуть кораблю отечества с полуторастами миллионами жизней...* [Государственная Дума, 2: 1839];

– предостережение: *...если, не шагнув нравственно вперед, мы по-прежнему варварски и зверски будем друг друга угрызать и съедать, то побережемся, чтобы рано или поздно вместо мирного обновления и освобождения мы не были, как некоторые в Белостоке, истреблены друг другом* [Государственная Дума, 2: 1840];

– призыв: *Перед опасностью встанем все по призыванию и мере сил каждый на своем месте и сделаем свое дело, друг другу не мешая и друг другу помогая* [Государственная Дума, 2: 1839].

Таким образом, композиция выступления в целом соответствует типичной схеме пропове-

ди, выделенной исследователями религиозно-проповеднического стиля [Розанова 2003]. На уровне лексики в речах священника Гумы привлекает внимание большое количество церковнославянизмов, особенно тематической группы «грех»: *...от страдальческих лиц людей умилит* свои сердца, чтобы из них не исходили, как Спаситель говорит, *злые помыслы, убийства, кражи, грабежи, прелюбодеяния, любоддеяния, лжесвидетельства, хуления* [Государственная Дума, 2: 1839]. Высока частотность употребления союза *ибо*. Сниженная лексика не представлена вообще, за исключением слова *скот*, появление которого в смысловом контексте «божье творение» следует также признать закономерным для религиозно-проповеднического стиля: *Оглянемся, пожалеем себя, ведь мы милуем и скотов; увидим, что все мы от первого до последнего прежде всего люди и каждый, главное, человек* [Государственная Дума, 2: 1839]. В текстах представлены морфологические архаизмы: *Умоляю всех сограждан, да внимлют* голосу мольбы... [Государственная Дума, 2: 1839]. Обилие стилистически маркированных синтаксических конструкций придает речи возвышенность. Особое внимание привлекают серии распространенных риторических вопросов, которые выводят диалогические отношения в выступлении на автокоммуникативный уровень, характерный для православной проповеди XIX в. [Ипатов 2004]: *Кому завидовать в такое время? Есть ли не задыхающиеся в общей тяжелой атмосфере? Не бессилён ли тогда и суд, не освещающий скрытого во мраке и не обнаруживающий намерений сердечных, который уже погибших не спасет, от ран нанесенных не избавит, если виновных и откроет и накажет, то прочих от несчастий не обезопасит. А власть или армия — разве они одни всему виною, а не мы и наши предки? С осложнением обязанностей не в крайнем ли они затруднении защищать и защищаться?* [Государственная Дума, 2: 1839].

Речи священника Гумы содержат ряд коммуникативных особенностей, роднящих их с православными проповедями. В первую очередь необходимо сказать об установке на «отстранение говорящего от произносимого текста» [Ипатов 2004], которое подчеркивает, что оратор воспринимает себя не как автора выдвигаемых идей, а исключительно как передатчика воли и мысли Бога. Это, в частности, выражается значимым отсутствием местоимения первого лица единственного числа и использованием инклюзивного «мы», т. е. идентификацией себя с аудиторией: *Оглянемся, пожалеем себя, ведь мы милуем и скотов; увидим, что все мы от первого до последнего прежде всего люди и каждый, главное, человек* [Государственная Дума, 2: 1839]. Особый уровень религиозной коммуникации в проповеди создают библейские образы и символы. В анализируе-

мых речах они также присутствуют: *Рахиль, царство, город, корабль, море*. Последний символ, по наблюдению С. Н. Ипатовой, характерен для проповедей многих крупных православных священников XIX в., в частности для святителя Игнатия (Бренчанинова) [Ипатов 2004].

Нарушают жанр проповеди в данном случае лишь тема речи (белостокский погром), которая должна отталкиваться от церковного события, и общественно-политическая лексика и фразеология: *государственность, общественность, расшатанность властей, патриотизм, партизанская война*.

В выступлениях другого представителя православного духовенства — священника Воздвиженского — отдельные элементы религиозно-проповеднического стиля сочетаются с большим количеством разговорных и стилистически сниженных элементов. В речах присутствует возвышенная лексика и фразеология: *день и ночь, церковь Божия, храм Божий, воздать должное. Вы, господа народные представители, и не можете представить, с какой радостью и веселием встретит вас многомиллионная крестьянская семья и воздаст вам должное за ваши хлопоты и страдания* [Государственная Дума, 2: 876]. Обращает на себя внимание и стилистически маркированный синтаксис, основанный на инверсии: *надобность неотложная, слезы горькие, на свадьбе крестьянской*. Эти приемы, видимо, должны напоминать слушателям, что перед ними выступает духовное лицо: *Тяжело и очень тяжело просить деньги в то время, когда видишь пред собою слезы горькие семьи, лишившейся своего кормильца... Или при радостных крестьянских событиях, например, на свадьбе крестьянской, когда прихожане закладывают все свое достояние, продают весь свой труд чуть не даром...* [Государственная Дума, 2: 877]

В то же время нельзя не заметить обилие лексики и фразеологии бытовой сферы употребления: *куча детей, свинья, поросята, корова, теленок, житье-бытье*. Удивляет не только наличие такой лексики в публичной речи священнослужителя, но и ее продуктивность: доходит до того, что эта лексика образует диминутивы (*скотинка, молочко, худенькая коровка, деньжонки, просючок*): *Бывает и так, что крестьянин кормит свое излюбленное животное — просука или теленка — лучше себя и малолетних детей молочком при одной худенькой коровке. Спрашиваешь: почему? В ответ получишь: откуда взять деньжонки, поневоле будешь кормить так просючка или теленка лучше себя, чтобы продать и получить немного деньжонки, ведь у себя нет ни обуви и ни одежды, у детей тоже* [Государственная Дума, 2: 876]. Как видно из приведенного примера, оратор свободно вводит в свое выступление и диалектизмы (*просук — ряз., моск., пенз., сарат. поросенок, ка-*

бан или боров, а также свинья до первого опороса [СРНГ, 32: 258]), что само по себе немислимо в православной проповеди. Присутствие в высказывании разговорных и даже просторечных выражений призвано, скорее всего, показать аудитории близость оратора к народу и убедить тем самым слушателей в правоте излагаемой позиции: *За переходом земли к крестьянам они за неимением денег будут поставлены в самое затруднительное положение: скорее всего, к ним явятся ходатаи или просто кулаки, готовые во всякое время дать нуждающимся денег под будущий урожай хлеба, а как дать? Рубль за рубль проценту* [Государственная Дума, 2: 876].

Речи Воздвиженского не имеют строгой традиционной структуры рассуждения на духовную тему, не тяготеют ни к хрии, ни к проповеди. По композиции выступления больше напоминают свободное спонтанное изложение мыслей по какому-либо вопросу, соединенных метатекстовыми маркерами. Например, одна часть может быть присоединена к другой при помощи фразы *На этом, народные представители, я хотел закончить свою речь, но в заключение напомню вам, что...* [Государственная Дума, 2: 877]. От проповеди в выступлениях Воздвиженского осталась традиционная концовка-пожелание: *Оправдаем же доверие к нам 140-миллионного населения. Дай Бог исполнить нам это святое дело!* [Государственная Дума, 2: 877].

По всей видимости, подобное смешение высокого, церковного с низким, бытовым даже в пределах одной речи не вызывало у депутатов удивления. Рождалась новая сфера речевого общения, и такие выступления расценивались, скорее всего, как попытки найти новый жанр в пространстве между старым, давно известным и новым, пока еще мало знакомым.

Одним из самых активных православных священнослужителей в думской дискуссии был священник Афанасьев. Его речи в парламенте пользовались огромным успехом у депутатов: стенограммы заседаний фиксируют, что выступления Афанасьева постоянно прерываются аплодисментами, а в заключение почти всех его речей аудитория устраивает оратору овацию. Секрет популярности речей Афанасьева — в невозможном ранее сплаве опыта православной проповеди с митинговой речью. Важно заметить, что **митинговость** в начале XX в. была неотъемлемой чертой отечественной парламентской коммуникации. Вполне возможно, что тяга к митинговым моделям коммуникации является устойчивой чертой русского парламентского дискурса вообще. Для подтверждения данной гипотезы еще предстоит проанализировать современную российскую парламентскую речь, однако уже сейчас можно утверждать, что митинг как образец речевого поведения был одним из источников русского парламентского красноречия.

Как следует из биографии этого депутата, священник из области Войска Донского Клавдий Иванович Афанасьев не ограничивал свою деятельность в приходе исключительно духовными делами, но был еще и ярким общественным деятелем: вел народные чтения, открывал народные библиотеки и читальни. После революции 1905 г. его действия стали еще более решительными. Известно, что Афанасьев устраивал митинги, на которых произносил речи об освободительном движении в России, а также обличал казаков. Вследствие этого священник подвергся преследованиям со стороны светских и духовных властей [Государственная Дума первого призыва: 24]. Казалось бы, невозможно в пределах одного выступления соединить абсолютно противоположные жанровые образования — проповедь и речь на митинге. Однако Афанасьев сделал такое соединение основой чертой своего идиостиля.

В качестве фундаментального признака уличного митинга, организующего текстовое пространство митинговой речи и пронизывающего как вербальный, так и акциональный его коды, исследователями выделяется семиотическая оппозиция «свой / чужой» [Китайгородская, Розанова 2003: 196]. В речах Афанасьева данная оппозиция проявляется регулярно: под «своим» в первую очередь понимается Государственная дума, «чужое» же, как и принято в митинговой речи, обрисовано более четко и включает в себя членов правительства и депутатов правых партий: *Почему эти продолжатели политики Дурново в настоящее время продолжают казнить, казнить без всякого милосердия? Или, может быть, презрев все законы человеческие и божеские, они ввергли страну в вакханалию, в ужасы убийства и смертных казней? Теперь что же приходится сказать им?* [Государственная Дума, 2: 907]. В данном высказывании семиотическая оппозиция реализуется при помощи указательного местоимения *эти*, а также местоимения *они* в функции первичной номинации для недифференцированного, обобщенного обозначения врага. Такое употребление данного местоимения с нивелированием анафорической функции является типичным для митинга [Китайгородская, Розанова 2003: 212]. Интересно то, что в речи этого священника данная семантическая оппозиция, по всей видимости, выросла из проповеднической оппозиции «божественное / дьявольское». По крайней мере, такое предположение можно сделать на основе сохранившихся связей между этими дихотомиями: *Для меня, как служителя Бога, Бога свободы, любви и милосердия, для меня, говорю я, совершенно непонятен тот ответ, который сейчас прочитал нам главный военный прокурор... Мы живем теперь во времена Того, Кто сказал: „Поднявший меч от меча и погибнет“, мы живем во времена, когда сказано: „Несть больше любви, когда кто душу положит за други*

своя“. Я спрашиваю, разве в это время применимы те „точные основания“ военных законов, о которых возглашал главный военный прокурор? [Государственная Дума, 2: 906]. *Бог когда-то заклеил печатью проклятия первого братоубийцу Каина; скоро разразится гнев Божий и над этими насильниками правды и свободы (бурные аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 907].

Конситуативная обусловленность высказывания, характерная для митинга [Китайгородская, Розанова 2003: 212], пересекается с евангельскими реминисценциями и порождает столкновение в рамках одного развернутого высказывания двух нравственных и темпоральных измерений: измерения «вечного и неоспоримого», которое эксплицируется цитатой из Библии, и измерения современного политического с реальными действующими лицами: *Что же касается этих патриотических манифестаций, то я предоставляю право разобраться в них тем, у кого есть глаза, но теперь пока они не видят, у кого есть уши, но теперь пока не слышат! Во имя ведь этого патриотизма нас затянули в русско-японскую войну, и к чему она привела? Она привела к Цусиме, Мукдену, несмываемому позору (аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 1318]. Общественно-политическая лексика и фразеология — *революционеры, патриотизм* и даже агрессивно-уничжительное *патриотическое кликушество* (функциональное в Думе слов *патриот, патриотизм* подробно исследовала Л. М. Грановская) — соседствует с церковнославянскими цитатами из Священного Писания. Естественно, оратор находится на позиции «неоспоримого, вечного», «божественного», что позволяет не просто отождествиться со «своим», но и продемонстрировать аудитории неоспоримость приводимых доводов. Так цитата из Евангелия становится важным светским аргументом к авторитету.

Инклюзивное «мы», которое характерно для проповеди и которое в этой функции использовали некоторые ораторы-священники, Афанасьев употребляет по-другому: у него «мы» — это крестьяне, казаки и депутаты. Такое «мы» актуально только для противопоставления с «они». Проповедническое отстранение от текста получает новый смысл: оратор теперь передатчик не воли Бога, а воли сословия, политической партии и целой страны: *Первый раз страна в лице народных представителей выразила недоверие г.г. министрам. Во второй раз она советовала министрам уйти в отставку. Что же сказать им в третий раз?* [Государственная Дума, 2: 907].

Яркие приметы митинговой речи — инвективность и персонифицированный характер негативной оценки [Китайгородская, Розанова 2003: 235] — сильнее всего проявляются именно в речах Афанасьева. Это тем более интересно, что ораторы-дворяне и даже крестьяне

позволяли себе такое в I Думе гораздо реже. Основное орудие речевой агрессии — сарказм. Вместе с тем на синтаксическом уровне целый каскад анафор и риторических вопросов нагнетает пафос негодования: *В то время, как в Севастополе разгорелось освободительное движение, в то время, как в Севастополе в конце этого движения был казнен легендарный боец за свободу Шмидт (бурные аплодисменты), то один из министров, ушедших с этих скамей, разослал нам, священникам, циркуляр, чтобы мы не смели молиться об этом легендарном борце за свободу (аплодисменты). Теперь я спрашиваю, почему этот молитвенник земли русской, Дурново, почему он просмотрел тот краеугольный камень конституции, о котором говорил нам епископ Ропп, — о заповеди „Не убий“? [Государственная Дума, 2: 906 — 907].* Важно заметить, что сарказм часто достигался за счет иронического употребления именно церковнославянской лексики. Например, главный военный прокурор **возглашал** о точных основаниях военных законов.

Необходимо отметить еще один важный признак митинговой речи, который характерен и для выступлений Афанасьева, — большая доля воспроизводимого текста [Китайгородская, Розанова 2003: 235]. В первую очередь имеется в виду построение высказывания вокруг ряда значимых цитат из текстов «своих» и «чужих». Любимая рассматриваемым оратором кольцевая композиция текста в сильных позициях — вступления и заключения — очень часто содержит фрагменты высказываний членов правительства: *Если резюмировать все сказанное им <главным военным прокурором>, то ответ его сводится к следующему: **смертные казни были проведены на точном основании военных приговоров. Но что же это за „точное основание“** незаконного закона? ...Я спрашиваю, разве в это время применимы те **„точные основания“** военных законов, о которых возглашал главный военный прокурор?... Страна взволнована ужасами, произволом и насилием, она уже стала полужоном к своим насильникам, и если они будут продолжать свою политику и станут к ней лицом к лицу, то я думаю, что им не устоять на своих **„точных основаниях“** (бурные аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 906—907].

Проанализированный материал свидетельствует о том, что священнослужители в Думе по-разному адаптировали свой опыт духовного красноречия к светскому полемическому красноречию. Речь православных священников в первом русском парламенте неоднородна. Намечены минимум три пути развития дискуссионной речи священника, причем отправной точкой для всех послужила проповедь:

1) модификация проповеди как жанра, связанная с изменением ее тематики и употреблением общественно-политической лексики (ядро духовной дискурсной формации);

2) сочетание отдельных элементов религиозно-проповеднического стиля, прежде всего лексики и фразеологии, с разговорным стилем и сниженной лексикой, использование речевых приемов проповеди в качестве аргументов к этосу для создания образа оратора как человека, близкого к народу (центральная зона духовной дискурсной формации);

3) соединение отдельных элементов религиозно-проповеднического стиля с митинговой речью, использование речевых приемов проповеди в качестве аргументов к пафосу для эмоционального воздействия на аудиторию (периферия духовной дискурсной формации).

С увеличением дискуссионного опыта парламентариев структура поля духовной дискурсной формации менялась: уже во II Думе намечается смещение ядра в периферийную зону и выход на первый план элементов центра и периферии по причине их яркости, живости, эмоциональности и дискуссионного потенциала.

Похожие процессы наблюдались и в выступлениях депутатов-крестьян. Ядро крестьянской дискурсной формации поначалу составляли речи крестьян «от сохи», не участвовавших ранее в политической борьбе. Такие крестьянские выступления характеризуются высоким уровнем спонтанности, нарушением логики изложения, эллиптичностью, наличием сниженной просторечной лексики и специфических образов. Этот речевой лубок чаще всего был крайне неэффективным с точки зрения воздействия на аудиторию, а иногда и просто демонстрировал некомпетентность депутата, его неумение и нежелание отойти от бытового взгляда на проблемы. Неудивительно, что некоторых ораторов-крестьян Дума поднимала на смех. Например, смехом и аплодисментами была встречена речь крестьянина Кругликова в прениях по вопросу о наделении женщин равными гражданскими правами с мужчинами: *...Если же и бабам равные права дать, что же тогда выйдет? Чем же мужики должны заниматься тогда? Баб, стало быть, на сходку посылать? И в поле, стало быть, их посылать? И в солдаты отдавать? А мужикам дома быть? Если так, что и в солдаты их брать, тогда можно права дать, а если на то только права давать, чтобы им старшинами и на сходках бывать, то крестьяне не согласны права бабам дать... Господь сотворил Адама, а Еву ему помощницей, но не на равных правах. И потом еще апостол Павел сказал: „Да убоится жена своего мужа“ (смех, аплодисменты). А нас, крестьян, заставляют бабам равные права дать?! [Государственная Дума, 1: 218].*

Однако постепенно доминировать в парламентской коммуникации стали депутаты, которые были крестьянами лишь по происхождению, а в действительности занимались марксистской пропагандой. Речь этих депутатов помимо митинговой направленности содержали еще и особый «крестьянский колорит», который

представлял собой манипулирование образами земли-матери, нищего, угнетенного крестьянина, сытого помещика, живущего крестьянским трудом. При этом речевая агрессия только возрастала, заменяя собой рациональные аргументы в пользу той или иной точки зрения, необходимые для продуктивной парламентской дискуссии. Упомянутые крестьянские образы постоянно использовал в своих речах Дмитрий Илларионович Назаренко, крестьянин, окончивший двухклассное училище и большую часть своей жизни прослуживший лесничим. Несмотря на низкий уровень образования, Назаренко вел политическую пропаганду среди крестьян, за что и был арестован. В его выступлениях образ земли-матери является не органичной метафорой, отражающей картину мира оратора, а своего рода наложением на речь извне, так как данный образ служит исключительно средством речевой агрессии. *Назаренко: Если вы будете рассуждать о том, как крестьяне смотрят на землю, то я вам скажу, что как для детей необходима грудь матери, так для нас, крестьян, — земля. С этой точки зрения мы только и рассуждаем о земле. Вы, вероятно, знаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков... (Аплодисменты) Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которая нас кормит, — землю (Аплодисменты)* [Государственная Дума, 1: 141]. Отличительной чертой выступлений депутатов, избранных от крестьянской курии, но не занимавшихся земледелием, является постоянное акцентирование внимания аудитории на собственном крестьянском происхождении и на защите интересов крестьянства.

Еще одна важная черта парламентской коммуникации начала XX в. — **ведущая роль речевой агрессии в развитии дискуссии**. Речевая агрессия в политическом общении — это «речевые акты и коммуникативные ходы, направленные на причинение ущерба политическому противнику» [Шейгал 2004: 230]. Речевая агрессия, в отличие от других средств отрицательной оценки, направлена на «понижение социального (политического) статуса объекта» [Шейгал 2004: 230—231]. Вербальная агрессия в I Государственной думе была генетически связана с митингами и революцией 1905 г. Большинство депутатов Думы были свидетелями, а ряд народных представителей — и непосредственными участниками крупнейших в истории России митингов, прошедших в 1905 г в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Дума унаследовала митинговый пафос — особую реализацию гражданского пафоса, суть которой заключается в последовательном коллективном нагнетании эмоций, отодвигающих на второй план информационную составляющую речевого общения.

В Государственной думе 1906 г. вербальная агрессия была структурированным явлением, которое не возникало спонтанно и не исчезало бесследно. В масштабах всей дискуссии при помощи речевой агрессии поддерживался единый модальный (эмоциональный) план думского текста. Например, одно из сложных полемических целых на тему исполнения в России смертных приговоров за политические преступления состояло из тринадцати выступлений депутатов. Толчком к возникновению речевой агрессии послужил доклад военного министра, содержащий достаточно резкий отрицательный ответ на запрос Государственной думы о необходимости приостановления смертных казней. Сразу по окончании выступления докладчик демонстративно покинул Таврический дворец, что привело к усилению депутатского гнева. Первое же высказывание после доклада министра содержит отрицательную оценку услышанного. При этом возмущение оратора передается вопросительными синтаксическими конструкциями. *Кузьмин-Караваев: В сущности, что мы выслушали? Разве мы выслушали ответ на запрос? Государственная Дума спрашивала военного министра, какие приняты им меры для того, чтобы было приостановлено исполнение смертной казни. А в ответ что мы услышали?... Он <военный министр> только показал свою деятельность... я не смею назвать, какое отношение к Государственной Думе... (Долго несмолкающие аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 902—903]. В последней фразе используется прием умолчания, который был очень распространен в I Думе, однако для оценки правительства употреблялся чаще всего на стадии зарождения коллективной речевой агрессии в полемике.

Эмоциональную кульминацию дискуссии составляют несколько следующих подряд депутатских речей. В одной из них максимальная степень речевой агрессии достигается путем снижения косвенности инвективы (обращение непосредственно к объекту агрессии) и использованием ярлыка-обвинения. *Недоносков: Я думаю, что все, что мы слышали, дает нам право сказать: — убийцы! дайте же нам работать. Перестаньте лить кровь, уйдите в отставку! (Аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 912]. В следующем выступлении агональность речи основывается на эффектном приеме эвфемизированной угрозы физической расправы. *Бабенко: Я должен сказать: пусть уйдут наши министры... пусть уйдут, иначе наших министров может постигнуть та же участь, которая постигла офицеров на „Князе Потемкине Таврическом“* [Государственная дума, 2: 912]. Данные примеры свидетельствуют, что речевая агрессия в I Государственной думе была коллективной и представляла собой не отдельные вспышки брани, а динамичную систему, развивавшуюся по принципу нарастания снежного кома: от наименее агрессивных вы-

ступлений в начале дискуссии к наивысшей степени агрессии в высказываниях, составляющих кульминацию полемики целого.

Эмоциональность думских выступлений начала XX в. связана с еще одной интересной деталью. С первого же заседания первого российского парламента проявилось **стремление** депутатов не столько к обсуждению конкретных законов, сколько к **формулированию политической повестки дня**. Для Думы был актуален не политический дискурс как таковой, а дискурс о дискурсе. По-видимому, это было связано с несколькими причинами. Во-первых, Дума имела не законодательный, а законосовещательный статус и парламентарии были ограничены в своей правовой инициативе. Во-вторых, депутатам было важно правильно сформулировать проблему, расставить акценты, договориться о терминах, тем более что до созыва парламента делать это разнонаправленным политическим силам публично и глядя друг другу в глаза было невозможно. Поэтому целые заседания были посвящены эмоциональному, дискуссионному оттачиванию формулировок.

На первом же заседании Государственной думы рассматривался вопрос о включении в ответный адрес на Тронную речь требования об амнистии политических заключенных. Открывал дискуссию Ф. М. Родичев, для которого амнистия — это «желание и мольба народа», и пока еще есть возможность высказать эту мольбу народа именно в форме пожелания. Кроме того, амнистия — это еще и всепрощение, которое может быть даровано щедрой рукой, «акт высшей политической мудрости». Амнистия, всепрощение — лучшее наказание для политических преступников, которыми руководило «...не низменное своекорыстие, а увлечение» [Государственная Дума, 1: 51—52]. От этого выступления отталкивается следующая речь, в которой амнистия понимается не как всепрощение, а как акт справедливости. *Аникин: Вы слышали здесь блестящую речь. Вы слышали призыв к милосердию, я не буду так говорить, я не буду говорить о милосердии, я буду говорить о справедливости. Здесь говорили о том, что нужно простить заблудших, а я скажу — нужно освободить невинных. Может быть, там и есть заблудшие... (Аплодисменты), но там невинных больше...* [Государственная Дума, 1: 52]. Следовательно, необходимость амнистии должна быть высказана не в форме пожелания, а в форме требования. Следующее выступление связано с обеими предшествующими речами. *Аладьин: Господа народные представители! Я не буду говорить вам ни о прощении, ни о справедливости. Я обращаюсь не к вам, я знаю, что среди вас не найдется ни одного, который осмелился бы подумать о том, что мы не должны дать так называемой амнистии* [Государственная Дума, 1: 53]. Для Аладьина амнистия — не прощение и не справедливость, а «последний случай, по-

следняя возможность понять нас <крестьянство и весь народ> и примирить» [Государственная Дума, 1: 53].

Четвертая речь также отталкивается от трех предыдущих. В скрепе явственно прослеживается негативная оценка оратором предыдущих выступавших. *Ершов: Господа народные представители! Я обращаюсь к вам как депутат от рабочих. Я не обладаю тем красноречием, которым иногда пользуются для того, чтобы завоевать симпатии...* [Государственная Дума, 1: 53]. Ершов в своей речи акцентирует внимание депутатов на том, что амнистия, помимо всего прочего, должна быть немедленной. В следующем выступлении оратор подчеркивает, что необходимость амнистии должна быть высказана в ответном адресе исключительно в форме требования. *Жилкин: Я стыжусь обращаться к вам с такой просьбой и требованием, с каким обращались все предыдущие ораторы. Я никак не могу допустить, чтобы громадное подавляющее большинство единогласно не потребовало бы амнистии!* [Государственная Дума, 1: 54].

Подобное формулирование в Государственной думе почти всегда носило тавтологический характер: депутаты повторяли точку зрения друг друга, переформулировали ее, приводили одни и те же аргументы, но дискуссию не прекращали. При чтении стенограмм складывается ощущение нерационального использования депутатами времени и возможностей. Скорее всего, депутаты нередко просто наслаждались возможностью публично высказаться о проблемах государства и власти. Чаще всего эти высказывания носили негативный по отношению к правительству характер. За 72 дня работы Первой Государственной думой был принят 391 запрос о незаконных действиях правительства, а одобрено всего лишь 2 законопроекта. Публичное обсуждение власти в сознании депутатов было выше и полезнее, чем публичное осуществление власти.

В этом плане интересны результаты наблюдения за функционированием в I Думе ключевого слова «власть». Относительно новым является наличие в сознании ораторов разделения властей на *верховную* (Император), *исполнительную* (Совет министров) и *законодательную* (Дума). При этом депутаты требовали изменения существующей иерархии властей в связи с появлением Думы: *исполнительная власть да покорится власти законодательной*. Однако чаще всего слово *власть* произносилось именно по отношению к исполнительной власти, т. е. к министрам. Сами депутаты предпочитали называть себя не *представителями власти* (это словосочетание обозначало министров), а *представителями народа*, соответственно *власть* мыслилась как нечто далекое от Думы. Об этом свидетельствуют обороты типа *там, у власти*. *Власть* имела свои орудия, основными из которых были преступления и по-

громые. Понятно, что при таком понимании *власти* депутаты в своих речах стремились от нее дистанцироваться. Схожая ситуация была со словом *правительство*, которое в строго юридическом смысле обозначало как Совет министров, так и Думу. Однако в парламентской дискуссии это слово изначально закрепилось только в значении «Совет министров», так как депутаты не желали называть свой орган власти правительством. Отсюда именование типа *продажное правительство, преступное правительство*.

Интересные явления можно наблюдать и в области синтаксиса высказываний депутатов: обилие риторических вопросов, их использование в особой функции катализатора дискуссии [Громыко 2010а], использование бинарных синтаксических конструкций, побудительных высказываний [Громыко 2010б] создают особый эмоциональный фон дискуссии. В целом же можно сказать, что российская парламентская коммуникация начала XX в. дает представление об истоках русской парламентской речи, механизмах ее формирования, основных тенденциях развития и устойчивых моделях речевого общения, повторяющихся из парламента в парламент. В качестве специфических черт парламентской коммуникации в начале XX в. следует назвать наличие сословных дискурсных формаций, митинговость, ключевую роль речевой агрессии, доминирование публичного обсуждения власти над публичным ее осуществлением.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннушкин В. И. Риторика. Вводный курс. — М.: Флинта ; Наука, 2006.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.
- Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6. С. 108.
- Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты / под ред. В. Д. Карповича. — М.: Фонд «Правовая культура», 1995. Т. 1.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Заседания 19—38. — СПб., 1906. Т. 2.
- Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. — М., 1906.
- Грановская Л. М. Риторика. — М.: Азбуковник, 2004.
- Громыко С. А. «Величайшее орудие воздействия на людей»: о риторическом руководстве Н. Абрамова «Искусство излагать свои мысли» // Русская речь. 2005. № 5. — С. 89—94.
- Громыко С. А. Зачем политику риторический вопрос? (особенности парламентской дискуссии начала XX века) // Русская речь. 2010а. № 4. С. 76—80.
- Громыко С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года / С. А. Громыко ; ВГПУ. — Вологда, 2010б.
- Ипатова С. Н. Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (на материале творчества святителя Игнатия) : автореф. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2004.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Гнозис, 2002.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003. С. 151—240.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое — чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. № 1. — М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995.
- Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993.
- Культура парламентской речи / под ред. Л. К. Граудиной. — М.: Наука, 1994.
- Михальская А. К. Основы риторики. — М., 1996.
- Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серию ; пер. с фр. — М.: Прогресс, 1999. — С. 302—336.
- Политология : энцикл. слов. / под ред. А. И. Аверьянова. — М., 1993.
- Розанова Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003. — С. 341—363.
- Серию П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серию. — М.: Прогресс, 1999. — С. 29.
- Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта ; Наука, 2006.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- СРНГ = Словарь русских народных говоров. — СПб.: Наука, 1998. Вып. 32.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. В. Судаков

УДК 323:81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 11.15.23; 16.21.27

Код ВАК 23.00.02; 10.02.01

Ю. П. Денисов
Омск, РоссияYu. P. Denisov
Omsk, Russia

**ОБРАЗ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
ОППОЗИЦИИ НАЧАЛА 2000-ГО ГОДА
(на основе анализа газет «Советская Россия»,
«Правда», «Завтра»)**

Аннотация. Анализируется репрезентация образа Б. Н. Ельцина в дискурсе национально-патриотической оппозиции после добровольного прекращения им исполнения обязанностей президента Российской Федерации. Автор исследует взаимосвязь между образами Б. Н. Ельцина и В. В. Путина. На базе анализа газет «Советская Россия», «Правда», «Завтра» раскрываются некоторые механизмы формирования негативного образа политика в российском массовом сознании. Исследование проводится в рамках критического дискурс-анализа.

Ключевые слова: образ Б. Н. Ельцина; политический дискурс; российский президент; репрезентация власти; медиатекст.

Сведения об авторе: Денисов Юрий Петрович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук Омской государственной медицинской академии, старший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории и историографии.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, Омск, проспект Мира, 55-а.
e-mail: yurden1984@yandex.ru.

**IMAGE OF B. N. YELTSIN IN THE DISCOURSE
OF THE RUSSIAN NATIONAL-PATRIOTIC
OPPOSITION AT THE BEGINNING
OF 2000**

**(on the basis of the analysis of newspapers
“Sovietskaya Rossiya”, “Pravda”, “Zavtra”)**

Abstract. The article analyzes representation of the image of B. N. Yeltsin in a discourse of national-patriotic opposition after his voluntary discharge from the duties of president of the Russian Federation. The author investigates interrelation between images B. N. Yeltsin and V. V. Putin. On the basis of the analysis of newspapers “Sovietskaya Rossiya”, “Pravda”, “Zavtra” some mechanisms of formation of a negative image of the politician in the Russian mass consciousness are revealed. Research is conducted within the frameworks of critical discourse-analysis.

Key words: image of B. N. Yeltsin; political discourse; the Russian president; representation of the power; the media text.

About the author: Denisov Yuri Petrovich, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Philosophy, Social-humanitarian and Economic Sciences, Omsk State Medical Academy; Senior Research Assistant of the Chair of Modern National History and a Historiography.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

В постиндустриальном обществе любая власть, как и борющиеся за обладание ею акторы политического поля, вынуждена проводить символическую политику. Построение идеальных образов и их внедрение в массовое сознание, осуществляемые в основном посредством массмедиа, часто оказывают детерминирующее воздействие на политические процессы.

Политик в ряде случаев воспринимается как «наиболее яркий, выпуклый продукт» своей эпохи [Деменский 2004: 15]. В связи с этим в пространстве политологических, политико-лингвистических, политико-психологических исследований особенно рельефно высвечиваются когнитивные возможности для анализа процесса репрезентации различными политическими силами образа лидера национального масштаба, в частности образа президента.

Политический психолог В. А. Зорин отмечает, что каждое из президентств в России «отличается от других весьма выпукло». В частности, по его мнению, президентское лидерство Б. Н. Ельцина в рамках «модели агитатора»

характеризовалось прежде всего личностным измерением, т. е. высокой степенью зависимости осуществляемых мер от персональных интенций лидера. В. В. Путин на посту президента акцентировал межличностные взаимодействия как ключевой аспект своего стиля [Зорин 2010: 80—84]. В связи с этим можно говорить о том, что уход Б. Н. Ельцина с президентского поста 31 декабря 1999 г. и назначение исполняющим обязанности Президента Российской Федерации В. В. Путина означали смену двух моделей политического лидерства, а учитывая высокую степень персонификации российской политики, — и двух эпох в политической истории России.

Осмысление данной ситуации влечет за собой потребность в анализе образа Б. Н. Ельцина в российском политическом дискурсе начала 2000 г. При этом целесообразным представляется в качестве ядра методологической и методической базы данного исследования использовать критический дискурс-анализ. Именно он характеризуется вниманием к социальным про-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

© Денисов Ю. П., 2011

блемам, рассмотрением властных отношений как дискурсивных, а дискурса — как формы социального действия. В основе этого метода лежат следующие положения: существует связь между текстом и обществом; дискурс конституирует общество и культуру; дискурс выполняет идеологическую работу; дискурс историчен. Дискурс-анализ в рамках данной традиции носит интерпретативный, объяснительный характер [Dijk 2001: 353].

Проблемы репрезентации образа Б. Н. Ельцина в момент его ухода с поста Президента РФ в официальном политическом дискурсе нами уже были рассмотрены несколько ранее [Денисов 2009]. Вместе с тем одной из наиболее влиятельных политических сил в российском политическом пространстве 2000-х гг. является национально-патриотическая оппозиция. А. А. Галкин, исследуя процессы, происходившие в общественном сознании россиян, заключает, что к концу 1990-х гг. вокруг национал-патриотических сил сгруппировались массовые слои населения. При этом избиратели национал-патриотической ориентации с крайним недоверием относились к институтам власти и политическим силам, отождествляемым с радикал-либералами, с личностью Б. Н. Ельцина и с его окружением [Галкин 2000: 7].

Наибольшим влиянием из политических сил, имеющих оппозиционную национально-патриотическую окраску, в постсоветской России обладает коммунистическая оппозиция. Если экстремистские организации откровенно националистического толка в 2000-е гг. не могли преодолеть 5%-ный барьер голосов избирателей, необходимый для образования самостоятельного представительства в Государственной думе [Сидоров 2004], то Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и ее лидер Г. А. Зюганов в данный период стабильно занимали вторые места в рейтингах социологических опросов.

Исследователи отмечают: «В немалой степени политический имидж складывается в СМИ с целью его дальнейшего внесения в массовое сознание» [Башкатова 2010: 97]. Безусловно, телевидение обладает огромным влиянием на массовое сознание граждан Российской Федерации. Однако особое воздействие на сознание и подсознание реципиента оказывает «печатное слово». Именно газета, по мнению российского политолога А. М. Цуладзе, обладает убеждающей силой «документа»: «Газету можно читать в любое удобное время, практически в любом месте (на работе, дома, в транспорте и т. д.). Можно выписать что-то интересное, сделать вырезки, собрать подшивки. Все это делает чтение газет более интимным занятием, чем просмотр ТВ» [Цуладзе 2003: 265—267]. При этом, как сформулировал немецкий исследователь прессы Ю. Вильке, отличительными чертами газеты являются публичность (Publizität), актуальность (Aktualität), универсальность

(Universalität), периодичность (Periodizität) [Wilke 2002: 460].

Целью данной статьи является исследование образа Б. Н. Ельцина, репрезентируемого в газетном дискурсе, на материалах трех массовых газетных изданий, имеющих национально-патриотическую окраску. Официальные печатные органы КПРФ («Советская Россия» и «Правда») стабильно расходятся по стране высокими тиражами. Официальный тираж газеты «Советская Россия» составляет 300 000 экземпляров. Тираж первого в 2000 г. выпуска газеты «Правда» составил 63 300 экземпляров. Однако оппозиционные национально-патриотические силы представляют на российском газетном рынке не только издания, официально идентифицирующие себя с коммунистической партией. Старейшим постсоветским изданием национально-патриотической окраски является еженедельная газета «Завтра», выходящая с 1993 г. Официально ее общий тираж в 2000-х гг. составляет 100 000 экземпляров.

Как и во всем спектре российского информационного пространства, в средствах массовой информации, придерживающихся прокоммунистической ориентации, уход Б. Н. Ельцина со своего поста привел к актуализации его образа. Данная тема, в частности, заняла практически всю первую полосу первого номера «Советской газеты». Важную роль в репрезентации образа Б. Н. Ельцина данным газетным изданием играет обращение к зрительным органам реципиента. Визуальное воздействие на сознание и подсознание читателя оказывается при помощи иллюстраций (фотографий и карикатуры) и шрифтовых выделений газетных заголовков.

На первой странице первого выпуска «Советской газеты» размещено несколько иллюстраций. Значительное пространство верхней части страницы занимает фотография с изображением Кремля и Васильевского собора на фоне фейерверков. Над ней крупным шрифтом напечатано: «Новый год на рубеже тысячелетий». Под фотографическим изображением фейерверка мы видим название статьи, главным действующим лицом которой выступает Б. Н. Ельцин: «Прощальная слеза на ядерный чемоданчик». Непосредственно текст статьи предваряется еще одной фотографией. Это фотографический портрет, на котором запечатлен Б. Н. Ельцин, смахивающий левой рукой слезу во время своего «прощального» выступления. Справа от фотопортрета находится карикатура Ю. Смирнова, на которой Б. Н. Ельцин и В. В. Путин изображены в обнимку на велосипеде, мчащемся по наклонной плоскости под названием «демократия». Под фотографией, изображающей Б. Н. Ельцина, опубликована «обрезанная» фотография человека, на которой изображены только ноги, нижняя часть туловища и рука, держащая чемоданчик. Эта фотография размещена по отношению к фотографии с изображением Б. Н. Ельцина так, что

вместе они образуют прямой угол. В образующее прямой угол пространство включен текст, который начинается словами: «Человечество перешагнуло мистическую черту, и ничего сверхъестественного не случилось. Если не считать некоторых искусно организованных политиками исключений» [Прощальная 2000].

Упоминание «мистической черты» и иллюстрация с изображением новогоднего фейерверка, знаменующего начало 2000 г., в контексте таких визуальных символов, как «ядерный чемоданчик», «слеза правителя», «велосипед, катящийся по наклонной плоскости», способствуют формированию модуса «устрашения». Образ Б. Н. Ельцина оказывается в сопряжении с репрезентируемыми в газетном дискурсе «предапокалиптическими страхами», связанными с наступлением нового тысячелетия. В качестве источника грядущей катастрофы выступает политический акт Б. Н. Ельцина.

Эта корреляция прослеживается и в других изданиях. В частности, главный редактор газеты «Завтра» и известный российский писатель, публицист и политик А. А. Проханов в статье, посвященной отставке Президента РФ, опубликованной 4 января 2000 г., писал о «восхождении» «Звезды Зверя, кому имя „Медведь“». В последнем абзаце автор, подчеркнув, что «наивность, святая простота и доверчивость русских вскормили Горбачева и Ельцина», отмечает: «Эту наивность бессовестно используют телевизионные маги и чернокнижники, уводя Россию из истории, направляя ее в темные лабиринты и тупики...» [Проханов. Ельцин... 2000].

Журналистка газеты «Правда» В. Н. Никифорова, рассуждая о последствиях политической деятельности Б. Н. Ельцина, использует тактику обличения. Она приводит ряд аргументов, доказывающих виновность Б. Н. Ельцина в наличии серьезных проблем в развитии российской индустрии. При этом она отмечает: «Б. Ельцин за десять лет угробил половину производственного потенциала огромной державы». Это утверждение о деятельности Б. Н. Ельцина на посту Президента Российской Федерации является первой частью предложения. После запятой предложение завершается словами: «...а довершить дело видно завещал своему преемнику В. Путину» [Никифорова 2000]. Само построение предложения подчеркивает, что В. В. Путин является прямым «продолжателем дела» Б. Н. Ельцина, который в новом тысячелетии «угробит производственный потенциал» полностью.

О прямой связи в дискурсе национально-патриотической оппозиции «предапокалиптических настроений» с репрезентацией образа Б. Н. Ельцина свидетельствует оценка итогов его политической деятельности. Она преподносится главным образом как деструктивная. Ее результаты выглядят как разрушение государства, после которого может наступить лишь конец. «Деструкция» выражается в речевых кли-

ше, активизирующих в текстах тактику обвинения: «уничтожение нашего Отечества» [Попов. Служил... 2000], «развал мировой индустриальной державы» [Телеграмма 2000], «разрушенное почти до основания народное хозяйство» [Молчанов 2000], «кошмар десятилетнего развала страны» [Баткин 2000], «период губительного „реформаторства“» [Дугин 2000], «резкое ослабление» [Азгальдов 2000], «беспрецедентная катастрофа» [Никифорова 2000], «реальные последствия бесчеловечного эксперимента», «беспрецедентный в истории тупик» [Овинников 2000] и т. д.

Г. А. Зюганов в беседе с главным редактором газеты «Советская Россия» В. В. Чикиным и главным редактором газеты «Завтра» А. А. Прохановым сравнил «ельцинизм» с «огромной нейтронной бомбой, взорванной американцами над просторами Советского Союза, с неисчислимыми жертвами и тратами». Результатом наступившего апокалипсиса, «итогом ельцинизма» в трактовке Г. А. Зюганова явилась «изнуренная, наполненная преступностью, нищетой и хаосом страна, потерявшая за годы ельцинского правления 8 миллионов своего населения» [Под хоругви. 2000].

Часто тактики обвинения и тактики обличения вектора политической деятельности Б. Н. Ельцина на президентском посту, как и ее итогов, в дискурсе национально-патриотических изданий конкретизируются. Б. Н. Ельцину приписывается вина за разрушение страны и «раскрываются» его «неблаговидные» действия в политике, приведшие к деструктивным процессам. В статье К. Молчанова Б. Н. Ельцину «предъявляется обвинение» за то, что он оставил страну «в состоянии незавершенной Кавказской войны»; «с разрушенным почти до основания народным хозяйством»; «в тотальной зависимости от доллара и иностранных кредитов»; «с самым низким за всю послевоенную историю уровнем жизни населения»; «самым высоким уровнем коррупции и преступности»; «без всякой национальной идеи»; «без ясной программы на будущее»; «без политического согласия в обществе» [Молчанов 2000]. Одновременно с этим на страницах газеты «Советская Россия» конструируются представления о разрушении Б. Н. Ельциным Советской империи и создании им в период своего президентства жесткой диктатуры в стране: «...уничтожил Советский Союз, Советскую власть, экономическую и военную мощь главного геополитического и идеологического соперника США» [Николаев 2000]; «охотно принял роль буржуазного диктатора» [Великодный 2000]; «расстрелял залпами танковых орудий высшую законодательную власть и защитников Верховного Совета» [Попов. Служил. 2000] и т. д. Один из текстов, в сценарии которых ключевая роль отведена Б. Н. Ельцину, заканчивается словами: «Человек, призванный своей профессией строителя созидать, войдет в историю как величайший Разру-

шитель всех времен и народов» [Мурат 2000]. Существительное «Разрушитель» неслучайно напечатано в газетном тексте с заглавной буквы. Такое написание, с одной стороны, подчеркивает исключительность отрицательной роли политической деятельности Б. Н. Ельцина в истории России. С другой стороны, оно прочно связывает в сознании реципиента образ Б. Н. Ельцина со всеми деструктивными процессами конца прошлого столетия. Слово «Разрушитель» фактически превращается в имя собственное, которым обозначается ушедший в отставку глава государства.

Разрушение Советского Союза, вооруженное подавление легитимной оппозиции, развязывание войны на Кавказе, ухудшение социального положения населения России артикулируются и в характеристиках политической деятельности Б. Н. Ельцина, представленных в газете «Правда». Об этом свидетельствует наличие в текстах определенных речевых штампов: «удалось разрушить коммунизм» [Никифорова 2000], «расстрелял Верховный Совет», «развязал войну в Чечне», «упразднил бесплатное образование и лечение» [Платова 2000] и др. Е. Копышев называет Б. Н. Ельцина «разрушителем СССР», «убийцей защитников Советской власти в 1993 году», «организатором чеченской войны», «основным виновником в разрушении армии и геноциде народа» [Копышев 2000]. Вместе с тем на страницах газеты ярко подчеркивается «ничтожность» вклада Б. Н. Ельцина в историческое развитие России. Например, В. Никифорова пишет: «Весь отчет о плодах своего царствования удалось вместить в несколько слов: „Получилось не все, что задумывалось“» [Никифорова 2000].

Не менее экспрессивные оценочные характеристики политической деятельности Б. Н. Ельцина даются и продуцентами текстов, публикуемых в газете «Завтра». А. А. Проханов, как и его коллеги и единомышленники из двух других анализируемых изданий, в связи с досрочной отставкой Президента РФ вспоминает о том, как «погибал Советский Союз», «истреблялся Черноморский флот», «горел под пушками Парламент», «погибал под бомбами Грозный». Он пишет о том, что Б. Н. Ельцин «погубил свою Родину-мать, казнил свой народ, который в каждый год ельцинского ига уменьшался на миллион человек» [Проханов 2000].

Другой постоянный автор газеты «Завтра» В. Бушин репрезентирует представления о политической деятельности Б. Н. Ельцина, обыгрывая произнесенные им же во время «прощального» выступления слова. Формирование образа Б. Н. Ельцина в данном тексте обусловлено использованием продуцентом тактики оскорбления и стратегии «игры на понижение». Он включает в текст высказывания уходящего президента, снабжая каждое из них комментариями, несущими эксплицитную отрицательную окраску. Комментируя высказывание Б. Н. Ель-

цина о том, что «главное дело своей жизни он сделал», В. Бушин пишет: «Да, главное дело жизни он сделал — развалил страну и отбросил на задворки мировой истории» [Бушин. Прощание. 2000].

Другой постоянный автор газеты «Завтра», Н. М. Анисин, акцентирует внимание читателя на том, что деструктивный характер политической деятельности Б. Н. Ельцина «неслучаен». Он полагает, что произведенные им назначения на высшие посты в правительстве людей, не имевших опыта государственного управления, были сделаны злонамеренно: «Их задачей было — создать в стране искусственный хаос и введением неконтролируемых цен и халявной приватизацией сказать спекулятивной буржуазии: обогащайся, как сумеешь, хватай, все, что сможешь, но поддерживай власть» [Анисин. Государственники. 2000].

Глаголы «разрушил», «погубил», «уничтожил» предполагают наличие в тексте активного действия. Однако наряду с характеристиками, обозначающими активную деструкцию, в конструировании представлений о политической деятельности Б. Н. Ельцина как составные части его образа в дискурсе коммунистической оппозиции немалое место занимают и характеристики, означающие его несамостоятельность. Последняя связывается в первую очередь с «пагубным влиянием Запада». Зависимость политики Б. Н. Ельцина от интересов западных государств акцентируется посредством таких семантических микроструктур, как «выполнил главное, чего они от него ожидали» [Николаев 2000], «навязанный России из США политический курс» [Великодный 2000], «великую услугу западным воротилам оказал» [Никифорова 2000], «жил указаниями „мирового правительства“» [Степаненко 2000], «возврат к политике новых финансовых заимствований у МВФ и Запада» [Табло 2000], «никакого своего социально-экономического курса не было» [Бушин. Прощание. 2000] и т. д.

Пагубное влияние на Б. Н. Ельцина в представлениях, репрезентируемых в национально-патриотическом дискурсе, оказывали не только внешние силы, но и его ближайшее окружение, которое в текстах часто маркируется словом «семья». Весьма характерными являются такие выражения, как «семейная рокировка», «исходить из интересов „семьи“» [Мурат 2000], «взяли верх прямые наследники» [Овинников 2000], «ненасытная „семья-банда“, ограбившая страну» [Бушин. Прощание. 2000] и т. д.

Деятельность Б. Н. Ельцина, отражающая интересы «Запада» и «семьи», истолковывается как «предательство». В ряде текстов «предательство» становится центральной категорией в описании политической деятельности Б. Н. Ельцина, одновременно маркирующей его «прозападными», «демократическими» политическими взглядами. Это выражается в гиперболизированных речевых конструкциях: совершил величай-

шее предательство» [Владов 2000], «главное дело подлой жизни предателя страны» [Бушин. Прощание. 2000], «побег от ответственности за содеянное в части разрушения великой державы» [Бухонов 2000] и т. д.

Именно с влиянием «темных» сил в дискурсе национально-патриотической оппозиции часто связывается решение Б. Н. Ельцина о досрочной отставке и о передаче выполнения президентских функций В. В. Путину. В «Советской газете» оно называется «семейной рокировкой». Именно это образное выражение выносится в напечатанный жирным шрифтом заголовок статьи А. Мурата [Мурат 2000].

Еще более рельефно «зловещая роль семьи» в процессе передачи властных полномочий Б. Н. Ельциным В. В. Путину высвечивается в газетном пространстве «Советской России» посредством включения в него «заимствований» из дискурса демократической оппозиции. 3 февраля 2000 г. на страницах газеты была опубликована статья Е. Попова, посвященная главным образом пересказу сюжета выпуска телепередачи «Куклы», вышедшего 30 января 2000 г. на телевизионном канале НТВ. В данном выпуске отставка Б. Н. Ельцина и приход В. В. Путина к власти обыгрывались с использованием сюжета сказочной повести Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер». Сценарий статьи, как и телепередачи, фактически строится на базе повествовательной канвы сказки. При этом автор статьи акцентирует внимание читателя на том, что «в роли незадачливой мамы оборотня Цахеса предстал Борис Николаевич Ельцин», а роль феи фон Розеншен, подарившей «крохотному оборотню» три волшебных волоска, «отведена Борису Абрамовичу Березовскому, летающему над колыбелькой с Путиным и неутешным его „родителем“ Ельциным на стрекозиных крыльях» [Попов. Рейтинг. 2000].

Имплицитная интертекстуальная связь с данным сюжетом немецкой романтической литературы прослеживается и в статье И. Вишневого, вышедшей в сорок седьмом номере газеты «Правда». Статья начинается так: «Человеку, не слишком искушенному в политике, может и вправду показаться, что в России — все по-новому» [Вишневский 2000]. Уже словосочетание «может и вправду показаться» создает ощущение ирреальности произошедшей смены власти. Появление в России новой власти представляется лишь как некая видимость, мираж, химера, обман, которому может поддаться лишь «неискушенный человек». При этом образ читателя, верящего в подлинность ухода Б. Н. Ельцина и прихода новой власти, стремительно эволюционирует на протяжении всего текста, приобретая на каждой стадии все более негативный оттенок: «не слишком искушенный человек» → «восторженный обыватель» → «обыватель в розовых очках» → «филистер». Именно «филистеры» (от нем. «der

Philister»), обыватели, бюргеры неспособны увидеть истинный облик «крошки Цахеса» и постичь тайну происхождения его власти. Одновременно слово «филистер» несет на себе и более отрицательную семантическую нагрузку. Исторически им обозначался библейский филистимлянин, т. е. враг, иноплеменник, некто негативный [Телетова 1991: 206].

Эволюция образа читателя, принимающего на веру смену власти в России, происходит по мере того, как в рассказываемой истории возникают эпизоды, подтверждающие сохранение у «последышей ельцинизма» (А. С. Волошина, А. Б. Чубайса и др.) возможности отрицательно влиять на российскую политику. Конструируемую в тексте политическую картину мира дополняют выстраиваемые автором цепочки из прецедентных имен. Продюцент текста концентрирует внимание реципиента на том, что «Касьянов — ставленник группировки Абрамович — Березовский — Волошин — Мамут, которую еще недавно называли „семьей“». В другой цепочке, состоящей из имен собственных, называется фамилия «преемника» Б. Н. Ельцина: «Ленинград для современного политика — это значит Чубайс, Собчак, Путин» [Вишневский 2000]. Упоминание фамилии «преемника» Б. Н. Ельцина третьим в списке персонифицированных символов «политического Ленинграда» создает у реципиента ощущение его «вторичности», зависимости от двух предыдущих «персонажей», а следовательно, и несамостоятельности принятого Б. Н. Ельциным на рубеже столетий решения.

Экспликация такой черты, как «несамостоятельность», в представлениях о сложении Б. Н. Ельциным президентских полномочий происходит в первом в 2000 г. январском номере газеты «Завтра». Один из опубликованных на первой полосе текстов начинается словами: «Отречение Ельцина от власти явилось результатом тщательно спланированного и глубоко законспирированного заговора». В центре «заговора», по мнению авторов, «находились Чубайс и представители крупнейшего финансового конгломерата мира „Голдмен энд Зак“, подконтрольного еврейскому религиозному капиталу» [Табло 2000].

Включение в структуру образа Б. Н. Ельцина представлений о зависимости его политической деятельности от «злой воли темных» сил, которые либо напрямую называются агентами «еврейского религиозного капитала», либо персонифицируются в фигурах А. Б. Чубайса, Б. А. Березовского, А. С. Волошина, Р. А. Абрамовича, А. Л. Мамута и др., а также от манипуляций западной политической элиты, генетически связано с социокультурным контекстом. В частности, такого рода явления обусловлены присущим российскому обществу партикулярным делением на «своих» и «чужих», а следовательно, высоким уровнем ксенофобии. Социолог Л. Д. Гудков отмечает начавшийся с

1999 г. рост числа респондентов, в той или иной мере одобряющих идею «Россия для русских» (1999 г. — 43 %; 2000 г. — 49 %; 2001 г. — 58 %) [Гудков 2005]. По данным фонда «Общественное мнение», в 2001 г. 16 % россиян считали, что в фашизме как в системе взглядов есть некоторые положительные идеи [Фашизм 2001]. Ориентация на данную часть электропального поля, как видится, диктовала потребность леворадикальной оппозиции в сопряжении образа своего основного оппонента с образом «чужих», инородных сил.

Во многом с представлениями о влиянии «злых сил» на политическую деятельность Б. Н. Ельцина в дискурсе национально-патриотической оппозиции 2000 г. связано «отрицание» его ухода, создание ощущения эфемерности данного политического события. Отставка Б. Н. Ельцина и последовавшее за ней его «память» в Иерусалим предстают как «разыгранный кремлевской камарильей спектакль» [Сафрончук 2000], «пиарское представление» [Владов 2000], реализация «проекта „Путин“» [Проект 2000]. Заголовок статьи В. Сафрончука, описывающей в первом номере «Советской газеты» отставку Б. Н. Ельцина, гласит: «Ельцин ушел, чтобы остаться» [Сафрончук 2000]. В газете «Правда» эффект эфемерности ухода Б. Н. Ельцина из политической жизни создается тем, что слово «уход» рифмуется со словосочетанием «хитрый ход» [Никифорова 2000]. Сам смысл произнесенной Б. Н. Ельциным «прощальной речи» нивелируется в статье В. Никифоровой: «Слова Б. Ельцина „Я... ухожу“, сказанные в полудневном обращении к россиянам, поначалу воспринимались как неловкая шутка» [Никифорова 2000]. Картина «шуточного балагана», «театра абсурда» разворачивается и в тексте А. А. Проханова под названием «Борис Ельцин не подавал в отставку». В нем Б. Н. Ельцин изображается в виде гротескного царя, «съезжающего большим обозом из Кремля»: «Сам Ельцин сидел в нарядной карете, кидал в окно конфетти, раздавал ребятишкам леденцы, елочные хлопушки и шарики. Попросил у Триумфальной арки прощения. Встречному Лужкову подарил свой локон на память, чтобы носил в медальоне» [Проханов. Борис. 2000]. Акт передачи власти в современном российском государстве сатирически описывается А. А. Прохановым как перенесенный в XXI в. средневековый церемониал. Однако войдя в президентский кабинет, В. В. Путин в рассказываемой А. А. Прохановым фантазмагорической истории видит там «Ельцина, борющегося по „вертушке“ с Шираком» [Проханов. Борис. 2000].

Таким образом, акт передачи власти репрезентируется национально-патриотической периодикой как акт лицедейства. В репрезентируемой в дискурсе национально-патриотической оппозиции картине мира Б. Н. Ельцин, передавая свои полномочия В. В. Путину, не отказывается от власти, а глумится над своим на-

родом. Неслучайно член Союза писателей СССР В. Дашкевич, рассказывая в газете «Правда» об «очередной олигархической акции» — вручении премии «Триумф», — отмечает: «Запомнилось, что среди награжденных — известный комик и Б. Ельцин. Пара символическая, не в обиду комику будет сказано» [Дашкевич 2000]. Другой член Союза писателей, журналист и публицист Н. М. Анисин пишет в своей изданной в 2003 г. книге: «... Наверное, чтобы пустить народу пыль в глаза — Путин якобы меняет осточертевшую всем политику Ельцина» [Анисин 2003: 17]. Фразеологизм «пустить пыль в глаза» и частица «якобы» подчеркивают обманчивость смены политического курса.

В целом ряде газетных публикаций 2000 г. В. В. Путин предстает как политическая «реинкарнация» Б. Н. Ельцина. Отождествление их образов выражается в формуле: «Путин — это второй Ельцин» [Копышев 2000]. При этом сопряжение образа В. В. Путина и образа Б. Н. Ельцина осуществляется на фоне описания социально-экономических проблем, с которыми ассоциируется «эпоха Ельцина». В статье специального корреспондента «Правды» М. Левченко на формирование связи между образом Б. Н. Ельцина и образом В. В. Путина влияет используемая им тактика «минус»-анализа стратегии «игры на понижение». Проведя «разбор» сложившейся в России социально-экономической ситуации, он заключает, что «об экономическом чуде с приходом нового „Ельцина“ (читай: Путина) говорить просто нельзя» [Левченко 2000]. На той же странице приводятся данные по базовым экономическим показателям республики Мордовия, подтверждающие катастрофическое снижение производства практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства республики в период президентства Б. Н. Ельцина.

Однако сопряжение образа В. В. Путина с образом Б. Н. Ельцина в дискурсе национально-патриотической оппозиции отнюдь не всегда означает их полное отождествление. Например, житель мордовского поселка Ромоданово В. В. Тягушев, олицетворяющий собой «глас народа», пишет: «Я уверен, что Путин всегo-навсего Ельцин, но значительно хитрее, проворнее, со скрытым характером разведчика» [Тягушев 2000].

Образ В. В. Путина «привязывается» к образу Б. Н. Ельцина и продуцентами текстов, публикуемых в газете «Завтра». Например, Н. М. Анисин отмечает: «Запад верит, что нынешний и. о. президента продолжит прежний курс Ельцина — Чубайса» [Анисин. Подсечка. 2000].

В тексте под названием «Сквозь маску и. о.», опубликованном на первой полосе третьего номера газеты «Завтра», на репрезентацию образа Б. Н. Ельцина оказывает влияние тактика обличения стратегии «игры на понижение».

Статья начинается с утверждения, «обличающего» исполняющего обязанности Президента РФ: «Владимир Путин сегодня — это красивая лакированная маска, за блеском которой ее создатели тщательно скрывают истинное содержание» [Андреев 2000]. «Убеждая» реципиента в верности данного утверждения, продуцент «отсылает» его к опубликованным на пятой странице статьям В. Бушина и Л. Никишина. В каждой из них, по сути, содержится подтверждение того, что негативные процессы, протекавшие в различных сферах российской действительности в период президентства Б. Н. Ельцина, находят продолжение в период президентства В. В. Путина.

В. С. Бушин, в частности, заостряет внимание читателя на том факте, что Б. Н. Ельцин продолжает тратить государственные финансовые средства на личные нужды: «С какой стати отставной инвалид Ельцин со свитой, по зарубежным данным до 180 гавриков, прокатился в Святую землю за народный счет?» [Бушин. Культурки. 2000] Анализируя речь В. В. Путина, произнесенную по случаю празднования в Кремле Рождества Христова, В. С. Бушин обращает внимание на то, что исполняющий обязанности президента начал свое выступление, вспомнив «первого президента России Бориса Николаевича Ельцина». «Реагируя» на произнесенные потом В. В. Путиным слова о том, что «в новое тысячелетие Россия вступает обновленным государством», автор публикации задает риторический вопрос: «Какое обновление, когда экономика упала до уровня первого года первой пятилетки?» [Бушин. Культурки. 2000]

Л. Никишиным используется тактика безличного обвинения стратегии «игры на понижение». Он рассказывает о хищениях из Гохрана РФ и вывозе за рубеж алмазов, происходивших в период президентства Б. Н. Ельцина. О личном участии Б. Н. Ельцина в хищениях или покровительстве похитителям в тексте речи не идет. Однако, сообщая о «сомнительном» назначении «на должность очередного начальника Гохрана РФ» В. В. Рудакова, публицист высказывает предположение, что «именно эти шаги ельцинского преемника и раскрывают его сущность». Текст заканчивается вопросительным знаком, который символизирует обращение к читателю [Никишин 2000].

Данные тексты, опубликованные в газете «Завтра» 18 января 2000 г., дополняют друг друга и, по сути, объединены общим сюжетом — рассказом о возрождении Б. Н. Ельцина и его эпохи в новом правителе — В. В. Путине. На суперструктурном уровне данная история находит свое продолжение в шестом номере газеты «Завтра». На второй странице данного номера опубликовано 8 текстов. В семи из них упоминается фамилия первого президента РФ. В данных текстах активно реализуется стратегия «игры на понижение», направленная против

В. В. Путина. Автор уже упомянутой выше статьи «Срывая маску» называет исполняющего обязанности Президента РФ «ельцинистом». Он подчеркивает, что «на повестке дня уже не эффектные путинские цитаты и жесты или пространные к ним комментарии, а холодный и четкий анализ его реальных дел и поступков» [Андреев 2000]. Остальные шесть текстов, написанных разными авторами, посвящены различным проявлениям в российской действительности 2000 г. «эпохи Ельцина». В статье А. Сергеева речь идет о предстоящей ратификации В. В. Путиным «подписанного Ельциным в 1993 году» договора СНВ-2 о ядерном разоружении, которая расценивается автором как «капитуляция» Российской Федерации [Сергеев 2000]. А. Лысков, размышляя о Земельном кодексе, предполагает, что «российские земли, раздаренные Ельциным и завоеванные вроде бы во второй чеченской войне самим Путиным, будут продаваться им в масштабах, не сравнимых с „завоеваниями“» [Лысков 2000]. А. Брежнев прогнозирует проведение В. В. Путиным новой «шокотерапии», в результате которой «правление Путина затмит размахом грабежа даже годы Ельцина» [Брежнев 2000]. Образы В. В. Путина и Б. Н. Ельцина находятся в неразрывном сопряжении, обоюдно усиливая негативную окраску, и в публикациях Н. Конькова [Коньков 2000] и А. Синцова [Синцов 2000].

Кульминации данная интертекстуальная сюжетная линия достигает в статье Д. Тукмакова «Путинизм = ельцинизм». Автор «делает вывод» о том, что «Путин — это никакой не другой президент. Это все тот же Ельцин, только со взрывами в Москве и Волгодонске. Слово врачи омолодили сгнившее тело старика, перелив ему юную кровь, и тот стал теперь бодрым, снова охочим до власти и. о.» [Тукмаков 2000].

Данные тексты свидетельствуют о том, что объявление Б. Н. Ельциным 31 декабря 1999 г. о своей досрочной отставке в дискурсе национально-патриотических сил, в отличие от официального дискурса и дискурса демократической оппозиции, не означало автоматически превращение его образа в образ прошлого. В. Я. Пропп, рассматривая обряды посвящения, отмечал, что они тесно связаны с представлением о пребывании в царстве мертвых. «Посвящаемый переживает смерть и, наоборот, смерть есть своего рода посвящение». По мнению ученого, «этим объясняется, что позднее, когда посвящение уже давно забыто, нисхождение в царство смерти, катабазис, есть условие героизации» [Пропп 1986: 344]. В дискурсе российской национально-патриотической оппозиции отрицание факта политической смерти Б. Н. Ельцина означает отрицание возможности героизации его образа.

Вместе с тем в дискурсе национально-патриотической оппозиции репрезентируются представления о неспособности Б. Н. Ельци-

ным эффективно исполнять функции, накладываемые институтом президентства. Причины невыполнения Б. Н. Ельциным своих функций связываются с его личными качествами (гедонизм, пьянство) и физиологическими параметрами (телесная немощь, болезнь). В. Бушин, подвергая резкой критике «последнее» обращение Б. Н. Ельцина, интериоризирует в текст одновременно все эти качества: «Да где ж это ты, родимый, тужился-то — в Барвихе? в Горках? в Шуйской Чупе? в Сочи? в бане с Коржаковым? на корте с Тарпищевым? за бутылкой с другом Кодем? Ведь 90 процентов своего президентского срока ты провел с этими людьми, за такими натужными занятиями. Вот потому теперь и не остается ничего другого, как развести руками и промямлить: „Не получилось...“» [Бушин. Прощание. 2000].

Фактическая неспособность Б. Н. Ельциным исполнять функции главы государства объясняется его физическим и психическим состоянием. На первой странице первого номера «Советской России» приводится фрагмент беседы ведущего передачи «В последний час» русской службы Лондонского радио с известным политологом и обозревателем С. Дизлом. В ней политолог фактически связывает наступление периода стагнации в России с авторитарным характером и состоянием здоровья Б. Н. Ельцина: «Никто не хотел принимать никаких решений, потому что первое, что делал Ельцин, когда возвращался из больницы, он увольнял сотрудников» [Би-би-си 2000]. Заканчивается текст словами политолога: «Все ждали, когда не будет Ельцина!..» [Би-би-си 2000]. Восклицательный знак, сочетающийся с многоточием, указывает на необходимость продолжения истории. Она продолжается в опубликованном в том же номере тексте А. Фролова, в котором отставка главы российского государства объясняется тем, что «режим поспешил избавиться от превратившегося в обузу Ельцина» [Фролов 2000].

Однако прекращение Б. Н. Ельциным исполнения президентских функций, согласно репрезентируемым в дискурсе национально-патриотических сил представлениям, не ведет к улучшению ситуации в стране. В статье А. Фролова оно означает лишь разворачивание «семьи» «нового плана „Барбаросса“» [Фролов 2000]. В тексте Ж. Касьяненко Б. Н. Ельцин назван «больным и непредсказуемым человеком» [Касьяненко 2000]. Однако приход к власти «энергичного, молодого и хорошо управляемого олигархической верхушкой и. о. президента» приводит лишь к укреплению «курса на разрушение и поругание страны» [Касьяненко 2000]. Аналогичная тенденция прослеживается и на страницах газеты «Правда». Первый секретарь Камчатского обкома КПРФ М. Машковцев отмечает неспособность Б. Н. Ельцина управлять государством и называет В. В. Путина его «преемником». Таким образом, активизируется

тактика прогнозирования стратегии театральнойности. Автор, рассматривая возможные перспективы политического развития России после прихода к власти нового президента, предполагает, что «вероятен поворот к полуфашистской диктатуре... лет на 30, потому что он, в отличие от Ельцина, довольно молод, здоров» [Машковцев 2000]. «Прескриптивные» компоненты в образах двух президентов в ходе использования тактики прогнозирования артикулирует и В. Видьманов. Назвав В. В. Путина «преемником Ельцина», он заявляет: «И вряд ли принесет выход из нищеты и В. Путин» [Видьманов 2000].

Таким образом, в дискурсе национально-патриотической оппозиции сам факт получения власти из рук Б. Н. Ельцина означает невозможность нормального выполнения функций президента РФ. В марте 2000 г. А. А. Проханов писал: «Ельцинизм заразен, как сифилис, и передается по наследству. Путин не осудил ни одного из злодеяний Ельцина, и никто не удивится, если у него вдруг начнет проваливаться нос» [Проханов. Выборы. 2000].

В представлениях, репрезентируемых на страницах анализируемых нами газет, «преемник», подобно генетическим отклонениям, получает от Б. Н. Ельцина по наследству неспособность улучшить ситуацию в стране. Этот врожденный порок может лишь прогрессировать, губительно сказываясь на развитии всей страны. Такая репрезентация акта передачи власти вызвана тем, что Б. Н. Ельцин выступает персонифицированным символом эпохи 1990-х гг., ознаменовавшейся значительными социально-экономическими, социально-политическими, социально-культурными и социально-психологическими катаклизмами. Добровольная передача им властных полномочий премьер-министру, сопровождающаяся его «посвящением инсигниями», происходящая в момент наступления 2000 г., трактуется в дискурсе национально-патриотической оппозиции как переход «эпохи Ельцина» в новое тысячелетие. Не случайно Г. А. Зюганов в своем «Обращении к народу» заявил: «Спасаясь от ответственности, Ельцин ушел, но его „эпоха“ еще не завершилась» [За Россию 2000]. Б. Н. Ельцин «лицетворял собой систему» [Мачкув 2000: 56]. Именно с этой системой боролись коммунисты и другие национально-патриотические силы. Легитимированный официальными средствами массовой информации акт передачи власти воспринимается ими как сохранение «враждебной» системы.

С этим связаны представления об институте президентства, репрезентируемые в текстах, в которых фигурирует Б. Н. Ельцин. Для дискурса национально-патриотической оппозиции, как и для дискурса демократических сил, характерно написание слова «президент» со строчной буквы. Нехарактерное для текстов национально-патриотической оппозиции написание

должности главы Российской Федерации с заглавной буквы используется в процессе активизации тактики иронизирования стратегии театральности. Пересказывая телевизионный сюжет о поездке Б. Н. Ельцина в Израиль, журналист газеты «Правда» П. Владов отмечает: «...Во всех подробностях нам показали виффлемские похождения „первого Президента России“, как с некоторых пор именуется Ельцин» [Владов 2000]. Негативное отношение к российскому институту президентства передается продуцентом посредством употребления слова «похождения» в одном предложении с напечатанным с заглавной буквы словом «Президент». Оно, как и указание на то, что именно Б. Н. Ельцин «именует» себя «первым Президентом России», призвано подчеркнуть несоответствие наименования данного института реальной российской политической практике.

С акцентированием комического в дискурсе национально-патриотических сил связано и наличие в газетном пространстве анализируемых изданий карикатур. На седьмой странице десятого номера «Советской газеты» размещена карикатура Ю. Смирнова — «икона» Б. Н. Ельцина. На рисунке голова экс-президента увенчана нимбом, на котором крупными черными буквами сделана надпись: «КОРРУПЦИЯ·ИНФЛЯЦИЯ·ОБМАН». Справа от «лика» Б. Н. Ельцина в «столбик» тем же шрифтом записаны слова «ЛОЖЬ», «РАЗРУХА», «ТЕРРОР», «ГЕНОЦИД», слева — «ГОЛОД», «НИЩЕТА», «РАБСТВО», «ВОЙНЫ». Под «ликом» Б. Н. Ельцина подпись: «Икона гроба народного». Ниже изображен белый гроб с надписью: «Права человека». Инициалы первого экс-президента «Е. Б. Н.» изображены на «иконе» без точек. Первые буквы фамилии, имени и отчества экс-президента образуют собой крест, виднеющийся из-за его головы, и одновременно вызывают ассоциации с корнем, лежащим в этимологической основе значительной части русской ненормативной лексики. На заднем плане изображен «пейзаж из черных могильных крестов», а вместо ангелов на «иконе» «летают» черти с крыльями, свинными рылами и ушами, рогами и хвостами. Карикатура «иллюстрирует» текст Н. Алексеева, В. Аникиеева, Н. Ефремова и др. (всего подписались 9 авторов) из Орла под названием «Кому же мстил Ельцин?», содержащий критику показанного 31 декабря 1999 г. и 1 января 2000 г. телеканалом НТВ двухсерийного фильма «Президент всея Руси» [Алексеев 2000]. На той же странице размещен текст, написанный преподавателем из Иваново М. Канаевым, — «Голубые мутанты», — о распространении гомосексуализма в России, который создает соответствующий контекст для «иконы» с изображением Б. Н. Ельцина.

В газете «Правда» в результате активизации тактики обвинения с именем первого президента РФ связываются многочисленные беды, постигшие Россию. Например, Г. Платова в

статье «Они хотят продавать русскую землю» вводит в оборот выражение «кавказская война имени Ельцина» [Платова 2000]. А автор другого опубликованного на страницах газеты текста, А. Б. Лишин из Мурманска, пишет: «...Ведь всем известны прямые виновники не только гибели „Курска“, но и чеченской трагедии, да и всех прочих неурядиц: Ельцин, Черномырдин, Грачев» [Лишин 2000].

Нередко в характеристиках личных и профессионально-деловых качеств Б. Н. Ельцина используются микроструктуры, носящие ярко выраженную экспрессивную окраску, что свидетельствует о применении продуцентами текстов тактики оскорбления стратегии «игры на понижение». Активизация данной тактики сопровождается использованием инвективной лексики. В частности, в одной из публикаций газеты «Правда» автор называет Б. Н. Ельцина «циником и демагогом», «абсолютным злом» [Копышев 2000]. В статье главного редактора газеты «Завтра» А. А. Проханова «Ельцин погрузился как гнилой топляк», состоящей из 484 слов, содержится 16 существительных, относящихся к инвективной лексике, девять из них употреблены применительно к Б. Н. Ельцину («уродство истории, ее вывих и опухоль», «извращение человечества» и т. д. [Проханов. Ельцин. 2000]). В несколько иные оттенки окрашена инвективная лексика, используемая в текстах В. С. Бушина. Она носит более ироничный характер и направлена на конструирование модуса «глумления» («отставной инвалид», «ханыга», «субчик» и т. д.) В. С. Бушин фактически отказывает Б. Н. Ельцину в гендерной принадлежности и гиперболизирует его возрастные параметры, называя «образиной», «старой профурсеткой» [Бушин. Прощание. 2000].

Интенсивное применение инвективной лексики в процессе формирования образа экс-президента, как и навешивание на Б. Н. Ельцина ярлыка «виновника всех бед», в дискурсе национально-патриотических сил связано с апелляцией к наиболее «элементарным», и вместе с тем распространенным в российском социуме стереотипам. Ю. А. Левада писал: «Простота, примитивность содержания стереотипов общественного мнения — непременное условие их общезначимости и устойчивости. Наполнение стереотипов (например, показатели доверия — недоверия к определенным деятелям) может изменяться, но сами рамки стереотипов сохраняются» [Левада 2000]. По этой причине описанные выше приемы формирования образа политика обладают значительной степенью эффективности.

Вместе с тем значительную роль в формировании образа Б. Н. Ельцина играют исторические параллели. Образ Б. Н. Ельцина, в частности, оказывается в корреляции с образами таких «великих злодеев», как Герострат [Мурат 2000], Лжедмитрий [Бондаренко 2000], А. Гитлер [Фефелов 2000]. Проводятся в дискурсе

национально-патриотических сил и параллели с современниками Б. Н. Ельцина: Чон Ду Хваном, Н. Чаушеску [Тукмаков 2000]. А в посвященной политической ситуации на Балканах статье, вышедшей в первом номере «Советской России», скончавшийся в 1999 г. хорватский президент Ф. Туджман, являвшийся, по мнению автора, «марионеткой» Запада, назван «балканским Ельциным» [Попов. Сбор. 2000]. В статье собственного корреспондента газеты «Правда» в Вене И. Мельникова о коррупционном скандале в Германии специально делается упор на то, что «махинация, запятнавшая Коля, отбрасывает тень на восток, в сторону Кремля, с которым расстался в эти дни закадычный канцлерский друг Борис». В середину статьи встроена вставка, напечатанная крупными буквами: «Скоро ли „друг Борис“ разделит судьбу германского экс-канцлера» [Мельников 2000].

Сопряжение фигуры Б. Н. Ельцина с фигурами столь разных политических деятелей отражает амбивалентность его образа в дискурсе национально-патриотической оппозиции 2000 г. С одной стороны, он выглядит как великий злодей, воплощение вселенского зла. С другой — предстает в роли бездушной «марионетки» в руках темных сил. Такого рода амбивалентность соответствует репрезентации образа экс-президента как образа врага. Конструкт врага имеет двухполюсное строение: «на одном полюсе жестокость, грубость и безжалостность; на противоположном — дегуманизированный и слабый враг» [Цепцов 2007: 264]. Однако амбивалентность не ведет к «осветлению» образа Б. Н. Ельцина.

В дискурсе национально-патриотической оппозиции на протяжении рассматриваемого периода на репрезентацию образа Б. Н. Ельцина влияет стратегия «игры на понижение». В результате актуализации целого набора тактик в образе «уходящего президента» на первый план выдвигаются представления о его политической деятельности, тесно сопряженные с представлениями о его личных качествах. Важной особенностью дискурса национально-патриотических сил является то, что образ Б. Н. Ельцина формируется как образ врага, сохраняющего негативное влияние на политический процесс.

Формирование негативного образа напрямую соотносится с восприятием именно такого образа значительной частью российского общества. Это подтверждается данными целого ряда социологических опросов населения Российской Федерации и исследований исторической памяти россиян [Тощенко 2000; Бойков 2003; Кертман 2007]. В то же время рейтинги В. В. Путина, как уже было отмечено выше, на протяжении 2000-х гг. остаются стабильно высокими. В свете этого репрезентация образа Б. Н. Ельцина как образа врага в условиях значительной роли в массовом сознании оппозиции «мы — они» служит для сплочения вокруг

национально-патриотических сил значительной части общества. При этом упомянутые данные социологических исследований свидетельствуют о доминировании в российском массовом сознании образа Б. Н. Ельцина, репрезентируемого национально-патриотическими силами.

На такое положение дел влияют негативные последствия «эпохи Б. Н. Ельцина», дававшие о себе знать в 2000 г., зафиксированные в целом ряде исследований [Zehn 2002; Хлебников 2000: 54; Пихоя 2005: 485]. Одним из экономических факторов, повлиявших на негативное восприятие Б. Н. Ельцина как значительной частью населения, так и традиционно ориентирующимися на слабо социально защищенные слои населения национально-патриотическими политическими силами, имеющими в условиях российских реалий традиционно «левую» окраску, явился интенсивный рост цен на продукты питания. В 1991 г. цена 1 килограмма ржаного хлеба составляла 0,7 рубля, в 1992 г. она составила 23,9 рубля, в 1993 г. — 212 рублей, в 1994 г. — 789 рублей, в 1995 г. — 2 583 рубля. Как показывает анализ данных, опубликованных в 1996 г. в статистическом сборнике «Цены в России», аналогичная ситуация сложилась и с ценами на другие продовольственные товары, составляющие основу рациона среднестатистического гражданина Российской Федерации (цельное молоко, растительное и животное масло, различные виды мяса и т. д.) [Цены 1996: 124]. В период президентства Б. Н. Ельцина отчетливо наметился демографический спад, который не был остановлен и в XXI столетии. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, опубликованным на ее официальном сайте [www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/lssWWW.exe/Stg/d01/05-01.htm], в 1993 г. общая численность населения Российской Федерации составляла 148,6, в 1996 г. — 148,3, в 2001 г. — 146,3, на 1 января 2002 г. — 145,6 млн человек.

Вместе с тем необходимо отметить, что на процесс формирования отрицательного образа Б. Н. Ельцина в дискурсе леворадикальной публицистики оказали влияние и другие, субъективные факторы. В частности, на позиции ряда леворадикальных публицистов не могло не сказаться временное закрытие Б. Н. Ельциным коммунистических изданий в 1991 и 1993 гг.

В целом мы можем заключить, что образ Б. Н. Ельцина в дискурсе национально-патриотической оппозиции конструируется как образ врага. Актуализация данного образа в 2000 г. на первый план выдвигает представления о последних его политической деятельности, которые, с точки зрения представителей национально-патриотических сил, пагубно сказались практически на всех сферах жизни постсоветского социума. Образ Б. Н. Ельцина рисуется представителями национально-патриотических сил исключительно в темных красках.

ЛИТЕРАТУРА

Башкатова Ю. А. Метафорический образ внешности политика в российском дискурсе СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 32. С. 97—100.

Бойков В. Э. Историческая память российского населения: состояние и проблемы формирования URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/17662270/> (дата обращения: 30.01.2011).

Галкин А. А. Сдвиги в общественном сознании сквозь призму электорального поведения: российский вариант // Власть. 2000. № 8. С. 3—14.

Гудков Л. Д. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня. URL: <http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-civil/nacio/1135705378.html> (дата обращения: 12.01.2011).

Деменский С. Ю., Васнева О. И. Метафора в имидже политического деятеля // Политический дискурс в России — 7. Образы без лиц : материалы постоянно действующего семинара. — М., 2004. С. 15—20.

Денисов Ю. П. Образ Б. Н. Ельцина в российском официальном дискурсе начала 2000-го года: «уходящий Президент» (на основе анализа «Российской газеты») // Социум и власть. 2009. № 3. С. 48—54.

Зорин В. А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. 2010. № 4. С. 77—90.

Кертман Г. Л. Роль Б. Ельцина в истории России URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/eltzin_/d071822 (дата обращения: 12.01.2011).

Левада Ю. А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. URL: <http://www.levada.ru/levadaocherki.html> (дата обращения: 12.01.2011).

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. — М.: Русь-Олимп ; Астрель, 2007.

Пропп В. Я. Исторические корни Волшебной Сказки / Пропп В. Я. ; ЛГУ. — Л., 1986. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/17.php (дата обращения: 12.01.2011).

Сидоров А. В. Экстремистские партии в избирательном процессе России // Государственное управление. Электронный вестник. 2004. № 3. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2004/sidorov.pdf> (дата обращения: 20.01.11).

Телетова Н. К. «Душой филистер геттингенский» // Пушкин : исследования и материалы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. Т. 14. С. 205—213.

Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. — М., 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HMEM.HTM> (дата обращения: 20.01.2011).

Фашизм и современность. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd011629> (дата обращения: 20.01.2011).

Фролов А. Блицкриг-2000 // Советская Россия. 2000. 5 янв.

Хлебников И. Н. Эпоха Ельцина: итоги и уроки // Власть. 2000. № 7. С. 53—57.

Цены в России. Статистический сборник. — М.: Госкомстат России, 1996.

Цепцов В. А. «Образ врага» в сознании россиян: дискурсивно-когнитивная модель // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. — М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 259—285.

Цуладзе А. Политическая мифология. — М.: Эксмо. 2003.

Численность населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-01.htm (дата обращения: 23.12.2010).

Dijk, T. van. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. — Oxford, 2001. P. 352—371. URL: <http://www.discourses.org/download/articles/> (дата обращения: 12.01.2011).

Wilke Jü. Pressegeschichte // Das Fischer Lexikon: Publizistik Massenkommunikation. — Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. S. 460—492.

Zehn Jahre russische Reformen aus dem Blickwinkel der Bevölkerung / Russisches Unabhängiges Institut für Soziale und Nationale Probleme... — Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, Internat. Politik-Analyse, 2002. URL: <http://www.fes.de/international/publikationen/russland.php> (дата обращения: 23.01.2011).

ИСТОЧНИКИ

Азгальдов Г. Доживет ли Россия до десятого года // Завтра. 2000. 25 янв.

Алексеев Н., Аникеев В., Ефремов Н. Кому же мстил Ельцин? // Советская Россия. 2000. 27 янв.

Андреев Е. Без маски // Завтра. 2000. 8 фев.

Андреев Е. Сквозь маску и. о. // Завтра. 2000. 18 янв.

Анисин Н. Государственники // Завтра. 2000. 4 янв.

Анисин Н. Подсечка дзюдоисту // Завтра. 2000. 1 фев.

Анисин Н. М. После Ельцина. Картинки путинской поры. — М.: Мангров, 2003.

Баткин В. Отравленные годы // Завтра. 2000. 18 янв.

Би-би-си о первом указе В. Путина: индальгенция всей «семье» // Советская Россия. 2000. 5 янв.

Бондаренко В. Народ вседержитель // Завтра. 2000. 4 янв.

Брежнев А. Шокотерапия-2 // Завтра. 2000. 8 фев.

Бухонов К. Где Ваш черный пояс, президент? // Советская Россия. 2000. 30 дек.

Бушин В. Культурки не хватает // Завтра. 2000. 18 янв.

Бушин В. Прощание с чучелом // Завтра. 2000. 11 янв.

Фефелов А. Мистер «X» // Завтра. 2000. 18 янв.

Великодный Л. Последнее шоу // Советская Россия. 2000. 6 янв.

Видьманов В. И встанет Родина с колен // Правда. 2000. 14 янв.

Вишневский И. Кто под чадрой «новой власти»? // Правда. 2000. 26 апр.

Владов П. Встреча с Богом еще впереди // Правда. 2000. 18 янв.

Дашкевич В. Василь Быков под бабочкой // Правда. 2000. 13 янв.

Дугин А. Евразийская платформа // Завтра. 2000. 18 янв.

За Россию! За Родину! За народ! // Правда. 2000. 10 фев.

Касьяненко Ж. За право народа! // Советская Россия. 2000. 18 янв.

Коньков Н. Следите за руками // Завтра. 2000. 8 фев.

Копышев Е. Кто в мешке? // Правда. 2000. 28 янв.

Левченко М. Суверенитет по-мордовски // Правда. 2000. 14 июня.

Лишин А. Б. Пора бы к делу перейти // Правда. 2000. 19 сент.

Лысков А. Земля с молотка // Завтра. 2000. 8 фев.

Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма // Полис. 2000. № 4. С. 56.

Машковцев М. Кто наш противник // Правда. 2000. 14—17 янв.

Мельников И. «Черное наследство» тянет на дно Гельмута Коля // Правда. 2000. 13 янв.

Молчанов К. Сделка // Советская Россия. 2000. 6 янв.

Мурат А. Семейная рокировка // Советская Россия. 2000. 13 янв.

Никифорова В. В какой полдень исчезнут тени // Правда. 2000. 6 янв.

Никишин Л. Поднимет ли Козленок Бычкова на рога // Завтра. 2000. 18 янв.

Николаев Л. Преждевременные роды // Советская Россия. 2000. 5 янв.

Овинников Р. Россию загоняют в тупик // Правда. 2000. 14 янв.

Платова Г. Они хотят продавать русскую землю // Правда. 2000. 18 янв.

Под хоругви победы! (Беседа главных редакторов газет «Советская Россия» Валентина Чикина и «Завтра» Александра Проханова с лидером народно-патриотического движения «За Победу!» Геннадием Зюгановым) // Завтра. 2000. 11 янв.

Попов Е. Рейтинг «крошки Цахеса» // Советская Россия. 2000. 3 фев.

Попов Е. Сабор пойдет влево! // Советская Россия. 2000. 27 янв.

Попов Е. Служил лишь суете... // Советская Россия. 2000. 6 янв.

Проект «Путин» // Завтра. 2000. 18 янв.

Проханов А. Борис Ельцин не подавал в отставку // Завтра. 2000. 11 янв.

Проханов А. Выборы на гробах // Завтра. 2000. 14 мар.

Проханов А. А. Ельцин погрузился, как гнилой топляк // Завтра. 2000. 4 янв.

Прощальная слеза на ядерный чемоданчик // Советская Россия. 2000. 5 янв.

Сафрончук В. Ельцин ушел, чтобы остаться // Советская Россия. 2000. 5 янв.

Сергеев А. Капитуляция // Завтра. 2000. 8 фев.

Синцов А. Что украли, не вернут // Завтра. 2000. 8 фев.

Степаненко О. Со штампом «Сделано в США» // Правда. 2000. 6 янв.

Табло // Завтра. 2000. 4 янв.

Телеграмма // Советская Россия. 2000. 6 янв.

Тукмаков Д. Путинизм = ельцинизм // Завтра. 2000. 8 фев.

Тягушев В. В. Пора раскусить // Советская Россия. 2000. 13 янв.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

А. И. Иванова
Севилья, Испания

A. I. Ivanova
Seville, Spain

**«МЫ И РОССИЯ СЕГОДНЯ»:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТВИТТЕР-ПЛАТФОРМЫ
ПРЕЗИДЕНТА ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА**

**“WE AND RUSSIA TODAY”:
LINGUISTIC ANALYSIS
OF DMITRY MEDVEDEV’S
TWITTER ACCOUNT**

Аннотация. Анализируется использование Твиттера президентом Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Медведевым — первым русским политическим лидером, который ввел новые технологии в процесс управления государством. Материалом для исследования послужили сообщения (или твиты) английской версии Твиттера Медведева — MedvedevRussia_E. Исследование концентрируется на его языковом компоненте, обрабатываемом методами корпусной лингвистики: составление и анализ списка слов, выявление лексической плотности корпуса, анализ конкордансов ключевого слова. Твиттер Д. А. Медведева ограничивается только политической темой и, таким образом, является продолжением профессиональной деятельности.

Abstract. This paper deals with the analysis of Twitter use by Russian President Dmitry Medvedev, the first Russian leader who introduced new technologies into his governing. The corpus for the study was compiled during the period June-January 2010/2011 and consists of 321 messages (or tweets) posted on an English version of Medvedev's Twitter MedvedevRussia_E. The study concentrates on language component that is measured using Corpus Linguistic techniques such as compilation and analysis of word list, lexical density of the corpus and collocates of the keyword. Basing on these findings, we conclude that Dmitry Medvedev's Twitter is restricted to political topic only, and, thus, serves as an additional promotion to his professional activities.

Ключевые слова: Твиттер; Д. А. Медведев; корпусная лингвистика; политический язык онлайн.

Key words: Twitter; Dmitry Medvedev; Corpus Linguistics; political language online.

Сведения об авторе: Иванова Анна Игоревна, аспирант филологического факультета (кафедра английского языка).

About the author: Anna Igorevna Ivanova, Postgraduate Student of the Philological Faculty, Chair of the English Language.

Место работы: Университет Севильи.

Place of employment: University of Seville.

Контактная информация: C/Asunción 3, 6 Izq 41011 Sevilla, España.
e-mail: ivanova.re@gmail.com.

1. ВВЕДЕНИЕ. Твиттер (от англ. «Twitter») — популярная социальная сеть, запущенная в марте 2006 г. В настоящее время он насчитывает около 106 миллионов зарегистрированных пользователей (согласно WebsiteMonitoringBlog, URL: <http://www.website-monitoring.com/blog/2010/05/04/twitter-facts-and-figures-history-statistics/>, дата обращения: 1.10.2010), 183 тысячи из которых приходится на долю России (<http://socialmediatoday.com/index.php?q=SMC/180043> (дата обращения: 1.10.2010)). Твиттер позволяет вести микроблоги путем размещения сообщений, или твитов, каждый из которых не может содержать более 140 символов. Согласно Дому Саголле, «это ограничение создает рынок идей, которые могут быть выражены в коротком формате слов, символов и гипертекстовых ссылок» [Sagolla 2009]. Всемирная популярность Твиттера привела к почти непрерывному росту его пользователей не только среди обычного населения: многие актеры, публичные люди, включая политических деятелей, также используют Твиттер как способ заявить о себе в Интернете. Таким образом, Твиттер является эффективной платформой для общения и «сторонники Твиттера рассматривают его как потенциальное решение многих проблем обмена информацией» [Golbecketal 2010: 1612].

Как новый вид коммуникации, Твиттер привлёк внимание и прессы [Fildes 2010; CainMiller

2010], и ученых, чьи последние исследования посвящены вопросам коллаборационной составляющей Твиттера [Honeycutt, Herring 2009], его использования в образовательных целях [Grosbeck, Hollotescu 2008], его роли в неформальном рабочем общении [Zhao, Rosson 2009] и т. д. В своей работе об использовании Твиттера членами Конгресса США Голбек и группа ученых выяснили, что «... члены Конгресса используют Твиттер в первую очередь для распространения информации о себе и своей повседневной деятельности через ссылки на новостные порталы и посты в блогах» [Golbecketal 2010: 1612]. Другими словами, они используют Твиттер в качестве средства самопиара и/или дополнительной рекламы в Интернете. Однако, несмотря на текстовый характер твиттер-платформы, сравнительно мало работ было посвящено его языковому компоненту. Процесс обмена информацией в Твиттере происходит через визуальный канал, в котором текст выступает основным компонентом. Характерной чертой, которая выделяет текст Твиттера из всех других онлайн-текстов, является его ограничение в 140 символов. Вот почему нам представляется интересным выявить лингвистические параметры языка, используемого президентом в столь лимитированном пространстве.

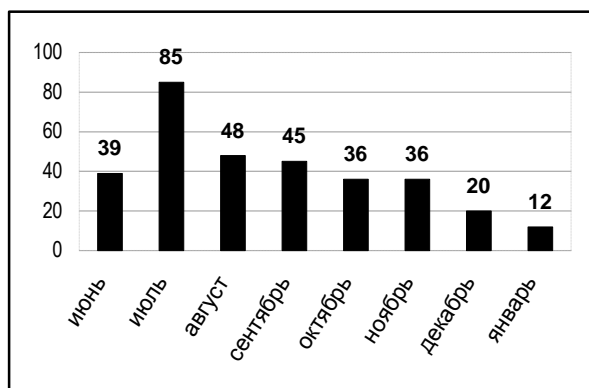
Таким образом, в этой статье мы намерены выйти за рамки контекстуального и социолин-

гвистического анализа использования Твиттера; скорее, мы сконцентрируемся на его языковом компоненте и послании обществу, передаваемому через него. Далее на основе полученной информации мы попытаемся определить основную цель использования Твиттера политическими деятелями, а именно российским президентом Дмитрием Медведевым. Для этого мы собрали корпус твитов, размещенных в английской версии твиттер-платформы президента (MedvedevRussia_E), являющих собой пример использования новых технологий русскими политическими лидерами. Перейдем непосредственно к анализу.

2. ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ @MEDVEDEVRUSSIA_E

2.1. Общий обзор @MedvedevRussia_E

Корпус исследуемых текстов был собран с официального твиттер-аккаунта Дмитрия Медведева — @MedvedevRussia_E — в течение первых восьми месяцев его использования президентом, т. е. в период с июля по январь 2010/11 гг. Твиты публикуются в обратном хронологическом порядке, начиная с самых свежих и заканчивая самыми первыми. Общее количество сообщений, собранных в течение указанного срока, составляет 321 (в среднем 40 твитов в месяц). Однако диаграмма демонстрирует снижение использования Твиттера президентом после июля 2010 года, так что к январю 2011 разница в количестве сообщений по сравнению с самым плодотворным месяцем — июлем — составила 73.

Диаг. 1. Частота использования Твиттера президентом Д. А. Медведевым в период с июня по январь 2010/2011 гг.

Голбек и др. [Golbeckatal.2010] выявили, что 72 % всех твитов, опубликованных членами Конгресса США, включают ссылки на внешние веб-сайты. Это неудивительно, если учитывать основную функцию Твиттера — обмен информацией. Однако в нашем случае лишь 27 % твитов президента содержат ссылки на внешние веб-порталы, более того, 61 % из них — это фотографии. Как уже упоминалось, твит не может содержать более 140 символов, включая ссылки, которые, как легко догадаться, приводят к уменьшению текстового компонента. Наши результаты показывают, что среднее число символов в сообщении равно 116 (в диапазоне

от 16 до 140; мода = 140; стандартное отклонение = 24,86), т. е. для Д. А. Медведева характерна почти максимальная степень использования символов. При сопоставлении количества твитов, содержащих внешние ссылки, со средним числом используемых символов на каждый твит мы видим явное доминирование языкового компонента над ссылками, которые не несут никакой смысловой нагрузки. Это означает, что Твиттер используется в большей степени как платформа для «разговора», чем для перенаправления пользователя на личный сайт президента или любой другой новостной портал. Для изучения основных тем, затрагиваемых президентом в его Твиттере, необходимо произвести описательный лексический анализ корпуса.

2.2 Лексические характеристики @MedvedevRussia_E

Первым шагом лексического анализа «@MedvedevRussia_E» стала компиляция списка слов корпуса с помощью свободно доступного программного обеспечения SimpleConcordanceProgram 4.09 (SCP). В таблице 1 представлены основные результаты для общего списка слов корпуса, где «тип» — это лексическая единица, представленная в словаре, а «маркер» — число употребления этой единицы во всем корпусе. «Типы» и «маркеры» являются статистическими единицами для измерения длины корпуса в SCP 4.09. Численное соотношение «типы/маркеры», варьируемое от 1 до 0, указывает на вокабулярное разнообразие и сложность корпуса. Чем богаче корпус в лексическом плане, тем ближе показатель соотношения к 1, и наоборот.

Таблица 1. Основной лексический анализ корпуса

Общий вокабуляр корпуса	1794 типа
Итоговый выход	5772 маркера
Типы/маркеры	0,32

Как видно таблицы 1, соотношение «типы/маркеры» является относительно низким, что означает концентрацию онлайн-дискурса президента на одной теме без ее дальнейшего развития на протяжении всего корпуса. Высокий индекс «читаемости» текста (Ганнинг Фог=16.8) указывает на то, что потенциальные читатели Твиттера президента должны иметь высшее образование. Этот результат исключает возможность простого повседневного онлайн-разговора президента с относительно простой языковой составляющей; скорее тема должна быть более «технической». Вот почему следующим этапом анализа мы проводим детальное изучение списка слов корпуса, который призван помочь определить «техническую» тему Твиттера Д. А. Медведева более конкретно.

Принимая во внимание относительно небольшой размер корпуса, мы утверждаем, что наиболее значимые контент-слова войдут в первую сотню списка, составленного в порядке

убывания частоты употребления в корпусе. В таблице 2 представлены десять самых употребляемых слов, причем *we* (63), *Russia* (30) и *today* (29) занимают первые места. Тот факт, что личное местоимение *we* является самым популярным в нашем списке, указывает на инклюзивный характер дискурса Д. А. Медведева в Твиттере. Исходя из данных таблицы 2, мы также видим, что данная платформа посвящена политической стороне действий президента в рамках возможного лозунга “We and Russia today” («Мы и Россия сегодня»).

Таблица 2. Самые частотные десять слов Твиттера Д. А. Медведева

Слово	Частота употребления
We	63
Russia	30
Today	29
New	22
Law	20
People	19
Meeting	17
Police	17
Condolences	15
Good	15

Список слов таблицы 2 свидетельствует, что язык нашего корпуса ограничен политической темой, чем и объясняется высокий показатель индекса «читаемости». Получив указанный результат, мы решили выяснить, какие именно слова используются президентом вместе с самым популярным, *we*. Для этого был построен конкорданс, показавший, что самыми распространенными словами, употребляющимися с *we* на отрезке 4:4, являются следующие: *have* (15), *need* (9), *discussed* (6), *agreed* (4), *issues* (4), *summit* (4), *working* (4), *energy* (3), *global* (3), *Russia* (3). Первые четыре слова (*have*, *need*, *discussed*, *agreed*) явно указывают на профессиональную деятельность президента, причем *we* в сочетании с *have* и *need*, вероятно, включает самого президента, его кабинет и Россию (в том числе русских людей), в то время как *we* в контексте с *discussed* и *agreed* относится только к президенту и его кабинету. Остальная часть слов также отражает профессиональную сторону жизни президента.

Таким образом, десять самых популярных слов корпуса, а также контексты слова *we* указывают на сильную политическую ориентацию Твиттера Д. А. Медведева. Это может показаться самоочевидным, однако, имея перед глазами пример других публичных фигур, ведущих Твиттер (напр., Эштон Катчер (Ashton Kutcher) — американский актер, пользователь Твиттера номер один в мире по данным на 1.12.2010), мы утверждаем, что лексический компонент их твиттер-платформ не ограничивается лишь профессиональной жизнью, наоборот, включает в себя больше личной информации, что является способом саморекла-

мы и привлечения поклонников. Наше исследование дает диаметрально противоположный результат, поскольку, как было показано, российский президент ведет свой Твиттер исключительно в профессиональных целях, информируя публику лишь о своих политических действиях.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Настоящая работа входит в серию политических исследований с акцентом на языковом компоненте президентской речи онлайн. После официального визита в США в июне 2010 г. Д. А. Медведев зарегистрировал свой профайл в этой социальной сети, став таким образом первым российским президентом, который использовал новые технологии во время своего правления.

Тщательный анализ корпуса выявил практически максимальное использование доступных символов на каждый твит, что указывает на продуктивное использование президентом сети Твиттер. Тем не менее общая статистика за указанный выше период свидетельствует о значительном уменьшении числа размещенных сообщений. Причина этого неясна, хотя, скорее всего, такой тип онлайн-поведения не свойствен публичным лицам: обычно они стараются сохранять стабильный ритм использования Твиттера.

Самые частотные десять слов корпуса, наряду со словами, употребляемыми вместе с личным местоимением *we*, указывают на четкую политическую направленность Твиттера президента, посвященного одной теме, без последующего введения нового предмета обсуждения. Низкая лексическая плотность корпуса подтвердила его статичный и монотематический характер, сконцентрированность в основном на профессиональной стороне жизни Д. А. Медведева. Индекс Ганнинг Фог (16,8) классифицировал наш корпус как текст с повышенными требованиями к будущим читателям, а именно необходимость высшего образования. Таким образом, Твиттер президента имеет ограничения на двух уровнях: внутреннем (лексический состав) и внешнем (восприятие аудитории). Другими словами, языковой компонент «@MedvedevRussia_E» предопределяет определенную аудиторию текста, т. е. будущих читателей Твиттера президента. Исходя из этого, мы делаем вывод, что твиттер-платформа российского президента на самом деле не предназначена для широкой публики данной социальной платформы и/или Интернета в целом, как это может показаться на первый взгляд и как, очевидно, было изначально запланировано. Скорее рассматриваемая твиттер-платформа адресована ограниченному кругу лиц, что обуславливает обсуждаемую тему и высокий показатель индекса «читаемости». Таким образом, в рамках политической коммуникации Твиттер определяется как мощный рекламный онлайн-инструмент (за счет широкого распространения глобальной Сети), который служит как дополни-

тельный источник информации о действиях президента и его кабинета.

Для уточнения этих выводов мы предполагаем продолжить исследование использования Твиттера политическими лидерами, делая акцент на языковом компоненте, преследуя также цель выделить и описать текст Твиттера как самостоятельный вид онлайн-текста.

ЛИТЕРАТУРА

Cain Miller C. Twitter Unveils Plans to Draw Money from Ads. URL: http://www.nytimes.com/2010/04/13/technology/internet/13twitter.html?_r=1&partner=rss&emc=rss (дата обращения: 10.02.2011).

Fildes J. Twitter scrambles to block worms. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/technology-11382469> (дата обращения: 10.02.2011).

Golbeck J., Grimes, J. M., Rogers A. Twitter Use by the U. S. Congress // Journal of the American Socie-

ty for Information Science and Technology. 2010. Vol. 61. № 8. P. 1612—1621.

Grossek G., Holotescu C. Can we use Twitter for educational activities? // Proceedings of the 4th International Scientific Conference eLSE “eLearning and Software for Education” (Bucharest, April 17—18, 2008).

Honeycutt C., Herring S. Beyond microblogging: Conversation and collaboration via Twitter // Proceedings of the 42nd Hawaii International Conference on System Science (Waikoloa, January, 5—8. 2009). — Washington DC, 2009 — P. 1—10.

Sagolla D. URL: <http://www.140characters.com/> (дата обращения: 05.09.2010).

Zhao D., Rosson M. B. How and Why People Twitter: The Role that Micro-blogging Plays in Informal Communication at Work // Proceedings of the ACM 2009 international conference on Supporting group work ACM. — New York, NY, USA, 2009 — P. 243—252.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев

А. Ю. Каспарова
Москва, Россия

A. Y. Kasparova
Moscow, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «СПОРТ»
КАК ИСТОЧНИК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**METAPHORICAL CONCEPT «SPORT»
AS A SOURCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается концептуально-метафорическая область «Спорт», обуславливающая употребление многочисленных фразеологических единиц (ФЕ) в политическом дискурсе. Исследуются текстовые концепты и политические ситуации, в описании которых участвуют ФЕ, коррелирующие с концептуальной метафорой «Политика — это спорт».

Abstract. The article deals with the conceptual metaphorical domain «Sport» that triggers the use of a number of phraseological units in the political discourse. The author looks at text concepts and various political situations that are described through phraseological units linked to the conceptual metaphor «Politics is Sport».

Ключевые слова: политический дискурс; масс-медиа; концептуальная метафора; фразеологическая единица; текстовый концепт.

Key words: political discourse; mass-media; conceptual metaphor; phraseological unit; textual concept.

Сведения об авторе: Каспарова Анна Юрьевна, аспирант кафедры лексикологии английского языка, преподаватель кафедры английского языка факультета заочного обучения.

About the author: Kasparova Anna Yurievna, Post-graduate Student of the Chair of English Lexicology; Lecturer of the Chair of the English Language of the Correspondence Faculty.

Место работы: Московский государственный лингвистический университет.

Place of employment: Moscow State Linguistic University.

Контактная информация: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38.
e-mail: annemslu@yandex.ru.

Переход к когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания оказал существенное влияние на изменение тематики и методики изучения фразеологических единиц (ФЕ). Фразеология перестала считаться не более чем средством отображения той или иной ситуации в «красивой», образной форме: многочисленные лингвистические исследования показывают, что ФЕ, являясь, по терминологии В. Н. Телия, информационными «свертками», «микротекстами» или «текстами в тексте» [Телия 1996: 8], обладают высоким потенциалом смыслоформирования и оценочности.

В центре внимания оказался и вопрос о том, чем обусловлено появление ФЕ в том или ином контексте и каковы принципы выбора фразеологии в разных типах дискурса. Когнитивный подход доказал свою плодотворность, поэтому в рамках когнитивных методов исследования необходимо углубление понимания прагматических аспектов ФЕ в речепорождении и речевосприятии, дальнейший анализ концептуальных оснований ФЕ. По словам Е. С. Кубряковой, необходимо уделять большее внимание тем структурам знания, которые имплицитно служат ФЕ, и тем концептам, выражению которых они служат [Кубрякова 2009: 16].

Фразеологические средства играют важную роль в реализации основных функций и прагматических установок политического дискурса (ПД). Для английского языка характерно широкое использование фразеологизмов в опосредованном средствами массовой информации ПД, что вызвано лаконичностью ФЕ и наличием

в их смысловой структуре оценочной и эмотивной модальности, а также их способностью, подобно концептуальной метафоре, разворачиваться в тексте и экономить пространство, которое в данном виде дискурса жестко ограничено. Все вышесказанное позволяет предположить, что ФЕ выполняют в тексте специфическую, прагматическую функцию и соотносятся с метафорическими концептами (МК), которые формируют концептуальную структуру, лежащую в основе текста.

Нами было проанализировано более полутысячи статей на политическую тематику из так называемой качественной британской и американской прессы с целью выявления связи между функционирующими в них МК и коррелирующими с ними фразеологизмами. Как показало проведенное исследование, «Спорт» является четвертой по частотности (после концептуальных метафор (КМ) «Политика — это движение», «Политика — это путешествие» и «Политика — это война») областью, обуславливающей появление в ПД многочисленных фразеологизмов. В основе последних лежит спортивно-игровая концептуальная метафора.

В современном ПД высок удельный вес спортивно-игровых метафор: чтобы добиться права принятия политических решений или одержать победу на выборах в условиях жесткой конкуренции, политики-«спортсмены» могут участвовать в одиночных спортивных состязаниях или объединяться в команды; следовать жестко установленным в спорте правилам или же нарушать их — за это их могут дисквалифици-

цировать и лишить права участия в дальнейших соревнованиях; участники разрабатывают план и стратегию игры, которые помогут им занять лидирующие позиции и одержать победу. По словам Е. И. Шейгал, «в политическом дискурсе находят отражение все основные элементы спортивного и игрового состязания: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, правовые нормы (регламент и правила), стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз (выигрыш)» [Шейгал 2004: 32].

КМ «Политика — это спорт» сложно назвать однородной и, как показывают примеры ее реализаций через фразеологические и лексические единицы, она имеет зоны пересечения с другими концептуально-метафорическими представлениями, напр. «Политика — это война», «Политика — это движение», «Политика — это театр».

Безусловно, КМ «Политика — это спорт» в любых проявлениях базируется на игровом принципе человеческой деятельности, или на КМ «Политика — это игра». Й. Хейзинга, исследуя онтологию феномена игры и ее универсальную роль в человеческой цивилизации с философско-культурных позиций, приходит к выводу, что понятие игры распространяется на любое состязание [Хейзинга 1997: 62—63]. Исследователь отмечает, что, несмотря на постепенное отмирание игровых элементов в культуре, политическая жизнь всегда была полна игровых элементов, и что атмосфера и нравы парламентской жизни в Англии всегда были вполне спортивными, а двухпартийная система в США имеет характер противостояния двух спортивных команд [Там же: 195—197]. Вывод исследователя, что в высших формах игровая функция может быть сведена к двум аспектам: игра — это борьба за *что-то* или показ этого *что-то* [Там же: 32], важен для изучения ПД, поскольку одной из его основополагающих характеристик является театральность, или зрелищность, что подтверждается и специалистами, анализирующими российский политический дискурс (А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал).

Функционирующие в ПД фразеологизмы, в основе которых лежит спортивная метафора, могут участвовать в описании различных политических процессов. По нашим наблюдениям, выборы и предвыборная деятельность наиболее часто описываются через спортивную метафору. Н. Г. Шехтман тоже отмечает, что выборы являются основным направлением метафорической экспансии спортивных концептов в политическую сферу [Шехтман 2004]. Нередко продуценты ПД обращаются к спортивной метафоре, когда речь идет о политических дискуссиях и методах их ведения, а также законодательной деятельности, политическом статусе, вопросах внешней политики.

Как показывает проанализированный материал, 27,8 % употребленных в ПД ФЕ коррелируют с КМ «Политика — это бокс», 23,7 % — с

КМ «Политика — это скачки»; 9,8 % — с КМ «Политика — это бейсбол». Поскольку другие виды спорта (напр., баскетбол (*full court press*), теннис (*the ball is in the court*), гольф (*on a par with sb, par for the course, up to par*), крикет (*to be in a sticky wicket*), футбол (*political football*), легкая атлетика (*to jump the gun, to toe the line, to pass over the baton, to set the bar too high*), стрельба по мишеням (*be wide of the mark, to hit the mark, to miss the mark*) и др.) представлены незначительным количеством ФЕ, мы не выделяем их в отдельные группы, а относим к блоку «Разные виды спорта», который представлен 13,4 % ФЕ.

25 % зафиксированных в проанализированных текстах фразеологизмов относится к общей спортивной тематике. К ним мы относим ФЕ, в основе которых лежит метафора спорта как такового (напр., *level playing field, straight out of the left field, to argue the toss, to be in play, an own goal* и др.). Самыми частотными компонентами подобных фразеологизмов, отмеченных в рассматриваемом материале, являются элементы «game» (*at this stage of the game, to be still in the game, to play the game, to stay in the game*) и «ball» (*to drop the ball, to keep the eye on the ball, to get the ball rolling, to carry the ball, a (whole) new ball game*). Использование таких ФЕ в ПД демонстрирует, что политические процессы часто представляются как командные виды спорта и осмысливаются через образ игры с мячом: *There is no reason related to Europe to vote for the Conservatives as they will find out in 2014 unless they buck their ideas up. Once Brown and Labour have been dispatched, it's a whole new ball-game* (Spectator, 10 Apr. 2010); *While President Obama is not directly represented in the talks, the White House has been kept informed and is encouraging the Senate effort as a way to get the ball rolling on health legislation* (NYT, 19 Feb 2009); *That was nothing less than a strategic bungle by Netanyahu's government, Obama administration officials believe. "They need to keep their eyes on the ball over the next 12 months or so", the senior administration official told me* (Newsweek, 22 Mar 2010).

Компонент *ball* может обозначать право принятия политических решений или инициативу, которая, подобно мячу, может быть утрачена в процессе политической игры, например: *It's a great idea, save for a fatal flaw. As a sop to Republicans, Senator Dodd's plan lodges the agency in the very organization that dropped the ball in America's consumer finance crisis: the Federal Reserve* (NYT, 16 Mar 2010).

Счет, являющийся неотъемлемым атрибутом командных спортивных игр, может отражаться во фразеологическом образе ФЕ, функционирующих в ПД (*to score points, to run up the score, to settle the score, to know the score, to break the ties*). Как правило, такие ФЕ участвуют в реализации текстового концепта «соперничество»: *Never mind. In Westminster's theatre of*

*sound bites, all that matters is **scoring points** against the other lot* (DT, 15 Jan 2009); *Should Republicans **run up the score** in November, Sarah Palin will deserve a lot of credit she will never get* (WP, 17 Sep 2010).

Как отмечалось выше, из всех видов спорта **бокс** (согласно Британской энциклопедии, современный бокс, который часто называется «английский бокс», зародился в Англии в начале XVIII в., а появление бокса как спортивного единоборства относится еще к 688 г. до н. э.) оказывается самой плодородной почвой для появления фразеологизмов в англоязычном ПД. Это можно объяснить тем, что бокс со своей бескомпромиссностью, накалом эмоций хорошо подходит для описания политической деятельности в медийном политическом дискурсе. Образные ФЕ, относящиеся к сфере бокса, способны вызывать у реципиента текста яркие ассоциативные связи, а следовательно, фиксировать его внимание на тех фактах политической действительности, которые продуценту дискурса необходимо выдвинуть на первый план, будь то для эмоционального описания или для высказывания своей критической позиции по отношению к какой-либо ситуации.

Е. И. Шейгал отмечает, что именно момент агональности, или состязательности, сближает политический дискурс со спортивно-игровым [Шейгал 2004: 32]. Это подтверждается тем, что в текстах ПД, которые в большинстве своем относятся к предвыборной борьбе, КМ «Политика — это война» и КМ «Политика — это бокс» часто реализуются совместно, в тесном переплетении друг с другом. Например, в статье «To win the election, the Tories must learn to fight dirty» (Spectator, 17 Feb. 2010) противопоставляются консерваторы, ведущие честную игру, и лейбористы, которые, по мнению автора, слишком агрессивно настроены и нарушают правила политической борьбы, что осуждается и считается недостойным. В тексте статьи наблюдается большое количество лексических единиц и две ФЕ, относящиеся к сфере войны: *Labour attack team...election-fighting machine... insurgents fighting an army...a conventional fight... aggressive machine... an attack machine... fighting rough... aggression mismatch...to go on the attack... waiting for one's enemy... attack dogs...battle of bold politics*.

Отметим, что концепт честной/нечестной игры, лежащий в основе смыслового содержания рассматриваемого текста, трансформируется в МК «Политика — это бокс», который обусловливает появление в тексте лексических единиц и фразеологизмов, связанных непосредственно с этим видом спорта: *...while David Cameron is fighting according to Queensberry rules and being repeatedly **punched below the belt***. Таким образом, ФЕ «to punch below the belt» выражает критическую позицию автора и участвует в реализации основной идеи текста. По нашим наблюдениям, данный фразеоло-

гизм, характеризующий запрещенный удар в боксе, достаточно часто используется в текстах ПД для описания политиков или партий, которые прибегают к недостойным для политического диалога тактикам и агрессивным действиям. Так, в статье «Labour is the natural party of opposition» (DT, 29 May 2010) лейбористы снова предстают в невыгодном свете, чему способствуют лексические единицы и ФЕ, отражающие запрещенные приемы и тактики в боксе: *«...you just keep swinging — wildly, inaccurately, unscrupulously: rabbit punches, **blows below the belt**, illegal holds, staggering around the ring blindly oblivious to the bell»*, тогда как консерваторы противопоставляются им и представляются в положительном свете.

Идея ожесточенности политической борьбы во время предвыборной гонки или политических дискуссий часто реализуется в тексте за счет других фразеологизмов, нередко с окказиональными преобразованиями, несущих в своей внутренней форме отсылку к запрещенным в современном боксе приемам ведения боя без боксерских перчаток — *to take off the gloves, the gloves are off, with bare knuckles: For here, in this most bucolic of North Yorkshire seats, with its honeystone villages and rolling hills, **the gloves are well and truly off** and the new order looks and feels remarkably similar to the visceral politics of old* (DT, 17 May 2010); *He <David Cameron> said the government could “expect a **bare knuckle fight** with us over the next few weeks and months about saving district general hospitals as a key part of the local NHS”* (Guardian, 20 Aug. 2007).

Такие связанные с боксом ФЕ, как *a punching bag* (A punching bag (or punch bag) is a person who gets a lot of unfair criticism [CID]), *to take it on the chin* (Fig. to stand up to something adverse, such as criticism [MDAI]), часто фигурируют в текстах, в смысловой структуре которых присутствует концепт «критика»: *Barton, on Capitol Hill last month, could become a Democratic **punching bag*** (Newsweek, 23 Jun 2010); *Headline: Cameron Direct: The Tory leader **takes it on the chin*** (DT, 23 Mar 2010).

Как мы отмечали, КМ «Политика — это бокс» чаще всего употребляется при описании предвыборных поединков между политиками. С помощью образных ФЕ в текстах ПД может передаваться информация о выдвижении политиком своей кандидатуры на какой-либо пост (1а, б) и готовности отчаянно бороться за победу в ожесточенных схватках с другими кандидатами (2). Наиболее распространенной среди таких ФЕ является «to throw one's hat in the ring», которая может подвергаться окказиональным преобразованиям замены компонента (1б): (1а) *More importantly, even if brother David lost the 2015 election and Ed then **threw his hat into the ring**, a victory would mean a wait of another five years... If I was him, I would have **thrown my hat into the ring**, too, and if I was a member of the Labour Party I'd vote for him* (DT, 15 May 2010);

(16) *Most whites have long wanted to vote for a black president — Colin Powell would have won handily 12 years ago if he had **thrown his helmet into the ring*** (DT, 17 Jan 2009); *Alan Johnson has put **his hat in the ring** for the shadow cabinet nominations* (DT, 28 Sep 2010); (2) *If McCain wants **to come out swinging tonight**, fine. Aggression will certainly satiate the die-hard Republicans who've started waving "**Take Off [the] Kid Gloves or You'll Lose**" signs at his rallies* (Newsweek, 15 Oct. 2008; в данном случае наблюдается прием добавления компонента "kid", источником которого служит ФЕ "treat/handle smb/smth with kid gloves"); *Rather than relying on these dubious opportunities, Mr Brown instead could **come out fighting** — by voluntarily submitting himself to a leadership contest, as John Major did in 1995* (Economist, 18 Sep. 2008).

Идея политического противостояния во время предвыборной кампании также может выражаться с помощью ФЕ *to go head to head, to go toe to toe, sparring partner*, фоновая категоризация (по терминологии А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского) которых относится к сфере бокса: *The Labour leadership hopefuls will **go head-to-head** today in the first of the contest's hustings* (DT, 7 Jun. 2010); *Going **toe to toe** with his brother Ed has put some welcome fire into David Miliband's campaign, argues Matthew d'Ancona* (DT, 28 Aug. 2010); *Mr Obama should work with them. He may find a useful ally in his old **sparring partner**, John McCain* (Economist, 18 Dec. 2008).

Как в боксе необходима быстрая реакция, чтобы уходить от ударов противника и наносить ответные, так и в политике важна способность правильно и быстро реагировать, защищаясь от вербальных атак оппонентов. Умение или неумение политических акторов проявлять гибкость, вовремя справляться с трудностями и критикой, прибегать к тактикам для достижения целей отражены в семантике ФЕ *to beat somebody to the punch, a sucker punch, to roll with punches, a glass jaw, to box clever, to pull one's punches* и др.: *Did Hillary Duck **a Sucker Punch**?* (Newsweek, 9 Oct 2007); *Like Ronald Reagan, she has clear convictions, the determination to carry them out against a large, usually unmovable object — state government, and the optimistic, sunny personality needed **to roll with the punches**. Is she the next Reagan? Maybe so* (American Spectator, 14 Sep. 2009); *The **glass jaw** that Hillary Clinton and John McCain thought they saw turned out to be an illusion. ... April 28 was only last week, but it feels like six months ago. That was the day Obama got hit by **a one-two punch*** («Taking the punch», Newsweek, 7 May 2008); *There are no quick routes to popularity as there has been twice now for the Conservative leadership. But instead of **boxing clever** they dig deeper into the trap* (Independent, 8 Apr. 2010).

Неудача, провал, поражение являются универсальными концептами, реализующимся в разных типах дискурса, и для них в ПД активно

используется образная фразеология. С помощью ФЕ, участвующих в актуализации МК «Политика — это бокс», как правило, передается идея поражения на выборах или отставания в рейтингах и общественных опросах, а также неспособность политиков нанести противнику сокрушительный удар в предвыборных дебатах или провести какой-либо законопроект: *In Garden Grove, a 79-year-old incumbent who was in the lead two days after the election has fallen 1,201 votes behind newcomer Dina Nguyen. In Mission Viejo, an incumbent who seemed **to be down for the count** has rallied in the last few days to take a tenuous lead* (Los Angeles Times, 15 Nov. 2006); *Headline: Just one poll puts Gordon **on the ropes*** (DT, 25 Feb. 2007); *David Cameron was noticeably more relaxed, although he failed to deliver the key **knockout blow** against Clegg that he needs at some point if he is to secure an overall majority at the election* (Guardian, 23 Apr. 2010); *Two days after the passage of financial reform, Senate Majority Leader Harry Reid **threw in the towel** on energy legislation* (WP, 5 Aug. 2010).

Нередко концептуально-метафорическая область «Политика — это бокс» появляется в тексте при описании соперничества не только между политиками, но и между государствами. В связи с этим следует упомянуть еще одну ФЕ, «to punch above one's weight», которая в большинстве случаев в рассмотренном материале употребляется для описания внешнеполитических отношений. Данная ФЕ коррелирует с такими лексическими единицами из сферы бокса, как *lightweight, middleweight* и *heavyweight*. Известно, что боксеры должны принадлежать к одной весовой категории, чтобы участвовать в боксерском поединке. Во внутренней форме ФЕ «to punch above one's weight» заложена ситуация, когда боксер из меньшей весовой категории вступает в поединок с боксером из большей весовой категории. Как правило, в контексте этот фразеологизм заряжен положительной оценочностью и характеризует страну, которая, «подтягиваясь» на уровень более продвинутых в каком-либо отношении стран, начинает приобретать больший вес на мировой арене: *He <Cameron> said Britain would still **punch "above its weight** in the world" but needed to be "more thoughtful, more strategic and more co-ordinated in the way we advance our interests and protect our national security"* (Guardian, 19 Oct. 2010); *Its European partners have spoken up a bit; but the lesson for Gordon Brown especially may be that if Britain is **to punch above its weight** — and resist the punches that come back — it needs to show less cold shoulder and more collegial respect to the countries who really are its friends* (Economist, 24 Jan. 2008).

Выборы в политических дискурсах разных стран нередко описываются через метафорические образы соревнований на скорость. Как отмечает А. П. Чудинов, политические выборы в российском ПД особенно часто осмысливают-

ся в образах таких соревнований на скорость и преодоление определенной дистанции, как гонка, забег, марафон, спринт [Чудинов 2004: 140], однако КМ «*Политика — это скачки*» не является продуктивной для российского ПД. Например, в «Словаре русских политических метафор» фиксируется лишь одна языковая единица («фаворит»), которая участвует в реализации КМ «Политика — это скачки» [Баранов, Караулов 1991: 79].

КМ «Политика — это скачки» широко распространена в британском политическом дискурсе и чаще всего реализуется при описании политической ситуации «Выборы». Как показал проанализированный материал, фразеологизмы, отражающие КМ «Политика — это скачки», функционируют исключительно в тех газетных и журнальных статьях, в которых речь идет о предвыборной деятельности политиков и внутрипартийных или национальных выборах. При концептуально-метафорическом переносе предвыборная деятельность представляется как соревнование в скорости через образы скачек и забегов, а кандидаты уподобляются бегущим лошадям, стремящимся первыми пересечь финишную черту.

Необходимо отметить, что в британском политическом дискурсе КМ «Выборы — это скачки» более частотна по сравнению с американским ПД. Для американского ПД более характерны метафоры других соревнований на скорость (напр., марафон, забег), а также метафоры командных спортивных игр, отражающие одну из национальных американских ценностей — дух товарищества. Эта особенность может быть связана не только с различием избирательных кампаний в разных странах, но и с национально-культурным фактором, ведь конные скачки и конный спорт всегда пользовались наибольшей популярностью среди британцев.

Известно, что фразеологический фонд является наиболее продуктивным средством вербализации культурной информации. По словам В. Н. Телия, «...фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9]. Мажоритарная избирательная система в Великобритании именуется FPTP (first past the post) по аналогии с конными скачками, в которых побеждает та лошадь, которая пришла первой, вне зависимости от того, на сколько долей секунды она опередила других. Как и некоторые другие утратившие оценочный потенциал ФЕ (напр., *a running mate*, *a dark horse*, *a one-horse race*, *a two-horse race*, *to be in the running*, *to be out of the running* и др.), представляющие выборы и предвыборную деятельность как конные скачки, языковая единица *first past the post* носит в современном английском языке терминологический характер (наряду с такими широко употребляемыми в ПД лексическими единицами, как *to run for office*, *to*

win a race, *an also-ran*, *a front-runner*, *a favourite*, *to be in the final straight* и др).

Начало предвыборных кампаний или решение политиков выдвигать свою кандидатуру на выборах может описываться в ПД с помощью таких ФЕ, как *off and running*, *out of the gate*: *Headline: Party leaders off and running in race for No 10* (Independent, 6 Apr. 2010); *But Balls is far too factional and divisive a figure to win. He might come out of the gate with an impressive amount of support but that would be it* (Spectator, 16 Jan. 2010).

Через ФЕ, отражающие КМ «Политика — это скачки», как правило, акцентируется идея соперничества между кандидатами, борющимися за победу. С использованием фразеологизмов, связанных с тем, что может наблюдаться на беговой дорожке, описываются различные ситуации: кандидаты могут выбиваться вперед и захватывать лидирующие позиции или, демонстрируя прилагаемые усилия, идти с небольшим отрывом, «ноздря в ноздрю», так, что исход выборов остается неизвестен до конца предвыборных кампаний: *Headline: Ed Miliband is ahead of the pack while pundits are stuck in Gridlock Gulch* (Guardian, 3 Oct. 2010); *Headline: Cameron struggles to make the running* (Independent, 1 Mar. 2010); *Taken overall, the polls amounted to almost a dead heat, but Brown failed to top any of them despite a markedly improved performance* (Guardian, 23 Apr. 2010); *But Labour was taken to a photo finish in Edinburgh South where, after two recounts, it managed to win by a nose from the Lib Dems* (Times, 7 May 2010); *But the piled ballot papers seem to show a close-run thing, and ... it's Labour who are running Lucas neck-and-neck, with the Conservatives seemingly some way back* (Guardian, 6 May 2010).

Другие ФЕ, которые употребляются для активизации КМ «Политика — это скачки», могут быть связаны с выражением таких концептов, как «поддержка» (а) и «преимущество» (б): (а) *People who funded the Conservative Party are clearly alarmed; they think now they backed the wrong horse* (Independent, 24 Apr. 2010); (б) *Although national Democrats have clearly played favorites in the race, they insist that Burr is vulnerable, regardless of who wins* (WP, 14 Jun. 2010); *Yet the liberal Californian appears to have the inside track on becoming minority leader, as several members have vowed to support her* (WT, 7 Nov. 2010).

Частотное использование ФЕ для реализации КМ «Политика — это скачки» в сильных позициях статьи (заголовков, подзаголовков, первый или последний абзац) и конфигурации (напр., рамочные конструкции), которые подобные фразеологизмы способны образовывать в газетном/журнальном тексте, лишней раз свидетельствуют не только о конвенциональности данной КМ, но и о том, что в глазах продуцента дискурса ФЕ имеют преимущество перед другими лексическими единицами благодаря своей

образности, эмоциональной компоненте и емкости.

В проанализированных текстах 9,8 % всех ФЕ, относящихся к спорту, приходится на **бейсбол** (напр., *to get to first base, a catbird seat, to play a straight bat, to play in big leagues, to play ball* и др.). По нашим наблюдениям, в американском ПД такие ФЕ более частотны по сравнению с британским, так как бейсбол значительно популярнее в США по сравнению с Великобританией.

Фразеологизмы, в основании которых лежат разные виды спорта, могут по-разному участвовать в вербальном воплощении идей успеха и поражения в ПД — если через ФЕ со сферой-источником «бокс» чаще всего реализуется концепт «поражение» (*to be on the ropes, to throw in the towel, a knockout blow* и т. д.), то ФЕ со сферой-источником «бейсбол», как правило, появляются в текстах, в семантике которых фигурирует концепт «успех»: *What's odd is that Obama was seen as needing a home run. This is where the Democratic malaise comes in* (WP, 17 Jun. 2010); *Kerry stumbled over the question of whether God is on America's side. But Edwards hit it out of the park with his anecdote about Abraham Lincoln saying America is on God's side* (NYT, 29 Feb. 2004); *But Boston Scientific also needs to hope that a rare event does not become magnified," he said. "It has to be pretty much batting a thousand for a time," he said* (NYT, 27 Jul. 2006).

Текстовые концепты «трудности» и «проблемы» нередко выражаются через образ задачи «трудных» мячей в бейсболе: *...if the governor then decides to play hardball, the Senate will return to Republican control with Dick Cheney casting the tie-breaking vote* (Economist, 19 Dec. 2006); *President Obama should throw a curveball with his next nominee to the Supreme Court* (Newsweek, 19 Apr. 2010).

Проанализированный материал показал, что КМ «Политика — это спорт» является чрезвычайно продуктивной для англоязычного ПД и служит источником многочисленных коррелирующих с ней ФЕ. В ходе исследования было

выявлено, что ФЕ, фоновая категоризация которых относится к различным видам спорта, участвуют в осмыслении различных аспектов политической деятельности каждая по-своему, их выбор продуцентом ПД оказывается не случайным. С помощью фразеологизмов, связанных со спортивной метафорой, как правило, реализуются такие текстовые концепты, как «соперничество», «лидерство», «успех», «поражение», «проблемы» и «критика».

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю. — М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.

Кубрякова Е. С. О новых задачах современной фразеологии // Изучение разноструктурных языковых знаков: проблемы и перспективы. — М., 2009. — С. 13—18. — (Тр. МГЛУ. Вып. 572).

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Хейзинга Й. Homo ludens : статьи по истории культуры. — М.: Прогресс, 1997.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Уральский гуманитарный институт. — Екатеринбург, 2004.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Шехтман Н. Г. Метафорическая модель выборы — это спортивное состязание в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. об-ва. — Екатеринбург, 2004. — Т. 12. — С. 157—170.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

CID = Cambridge Idioms Dictionary. — Cambridge University Press, 2008.

MDAI = McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. — McGraw-Hill, 2006.

DT = The Daily Telegraph.

WP = The Washington Post.

WT = The Washington Times.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Г. Беляевская

С. Я. Колтышева
Челябинск, Россия

S. Y. Koltysheva
Chelyabinsk, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
«ШОУ-БИЗНЕС — ЭТО МОНАРХИЯ»
В РОССИЙСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

**THE METAPHORICAL MODEL
“ENTERTAINMENT IS A MONARCHY”
IN RUSSIAN MASS-MEDIA DISCOURSE**

Аннотация. Метафорический образ в шоу-бизнесе апеллирует к стереотипам и ассоциациям. Монархическая метафора оказалась популярной и востребованной в российском массмедийном пространстве вследствие жесткой конкуренции за лидирующее положение в этой сфере между основными соперниками (Киркоровым и Басковым). Данная статья посвящена когнитивному анализу метафорической монархической модели в российском массмедийном дискурсе, осмыслению популярности монархической метафоры и ее специфики в российском шоу-дискурсе.

Abstract. The metaphorical image of Entertainment is full of stereotypes and associations. The monarchal metaphor turned to be popular, demanded in Russian mass media space because of tough competition for the leading position between the main rivals (Kirkorov and Baskov) in this sphere. This article deals with the cognitive analysis of metaphorical monarchal model in Russian mass media discourse, the analysis of monarchal metaphor popularity, its peculiarities in Russian entertainment discourse.

Ключевые слова: монархия; концепт; метафорическая модель; концептуальная метафора; шоу-дискурс.

Key words: monarchy; concept; metaphorical model; concept metaphor; entertainment discourse.

Сведения об авторе: Колтышева Светлана Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка.

About the author: Koltysheva Svetlana Yakovlevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Business Foreign Language.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129.
e-mail: legend74@mail.ru.

Россия — страна с глубокими корнями самодержавия, монархии. Исторически сложилось так, что царь для русского народа — это отец, батюшка, защитник, «помазанник божий», абсолютный авторитет. Великий русский историк Н. М. Карамзин писал: «Самодержавие — палладиум России», — имея в виду храм, колыбель или хранилище Святых Даров. Один из первых русских революционеров-демократов, А. И. Герцен, назвал монархию «проклятием» своей родины, сравнив с библейским чудовищем Левиафаном, захватывающим все больше и больше земель [Елисеева 2010: 3]. Мы поддерживаем мысль А. П. Чудинова о том, что «...русскому народу на протяжении многих веков была свойственна вера в сильного правителя» [Чудинов 2003: 224]. У русского народа сложилась особая система ценностей и стереотипов, которая играет решающую роль в актуализации метафорических моделей как в политическом дискурсе, так и в шоу-дискурсе. Образ монархии противоречив и сложен. Именно в период расцвета абсолютной монархии Россия стала империей с мощным флотом и армией, сильной экономикой.

Несмотря на 70 лет социализма, переход страны к президентской республике глубинные, вековые монархические образы не только хранятся в сознании русского народа, но и часто эксплуатируются представителями СМИ при характеристике политических, экономических и культурных событий и фигур. Так же многогранен и сложен метафорический образ монархии в российском шоу-дискурсе. При развертыва-

нии монархической модели шоу-бизнеса наблюдается фрагментарность метафорического структурирования, о которой говорят в своих работах Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2008: 89]. При характеристике представителей шоу-бизнеса из сферы-источника в сферу-мишень заимствуются такие черты монархов, как высокий статус, авторитет, властолюбие, самодовольство, высокие амбиции, но не благородность происхождения, не принадлежность к королевскому роду по крови. Проведем подробный анализ метафорической модели «Шоу-бизнес — это монархия».

Данная модель относится к числу наиболее продуктивных, детально структурированных, частотных (12,5 % в российском дискурсе) и востребованных в шоу-дискурсе. Структуру анализируемой модели образуют следующие фреймы: «Королевства», «Короли, королевский двор и подданные королевства», «Жизнь королевства» и «Исторические фигуры монархов».

1. Фрейм «Королевства»

Метафорически разные сферы, ниши шоу-бизнеса представляют различные королевства, управляемые королями. У каждого короля есть собственное королевство. Данный фрейм занимает третье место по частотности (23,8 %), продуктивности в настоящей модели. Его структуру образует слот «Разные королевства».

Слот 1.1. Разные королевства

Шоу-бизнес — это гиперкоролевство, в состав которого входят подкоролевства, представляющие отдельные ниши, ипостаси шоу-бизнеса. В каждой нише есть свой лидер, ко-

роль. Сколько королей — столько и отдельных королевств.

Как в итоге вы решили эту дилемму: не может же, быть в одном поп-королевстве двух поп-королей! [А. Гаспарян. mk.ru. 16.12.2010]. Однако Яна, как говорят, отвергла унизительный торг, заявив поп-королю, что у него у самого в поп-королевстве не все ладно, а посему будущий жирный европиар и есть самый заслуженный гонорар за проект [А. Гаспарян. mk.ru. 16.12.2010].

В представленных выше примерах автор использует стилистические неологизмы *поп-королевство, поп-короли*, вызывая иронию у читателя. Такая сфера шоу-бизнеса, как популярная музыка, фигурально изображена поп-королевством, ведущие певцы — поп-королями. Фраза «...не может же, быть в одном поп-королевстве двух поп-королей!» говорит о жесткой конкуренции за лидирующие позиции в шоу-бизнесе, о том, что эта ниша занята.

К слову сказать, получить короля российской эстрады удалось и каналу „Россия-1“. Филипп участвует в новогоднем мюзикле „Морозко“ [А. Гаспарян. mk.ru. 16.12.2010]. Российская эстрада метафорически мыслится как королевство во главе с королем — Ф. Киркоровым. Высказывание обладает положительной коннотацией.

Ее называют королевой оперетты? Да она была просто королевой. Во всем. Друзья и близкие Татьяны Ивановны последние трогательные слова в ее адрес завершали одним: „Нам жаль нынешнее поколение, которое Шмыгу уже не застанет: это грандиозное явление, эталон красоты и вкуса“ [www.mk.ru. 05.02.2011]. Метафорическим королевством «Оперетта» правит королева, Татьяна Шмыга, которая десятилетия занимала лидирующую позицию в этой сфере, была вне конкуренции. Высказывание обладает положительной коннотацией.

...В прошлом году на „3Д-Фесте“ они чуть было не арестовали „короля гламура“ на пару с Зазой за нецензурные рулады, разлетавшиеся со сцены по всей округе [www.mk.ru. 03.07.2008]. Откровенные высказывания *„короля гламура“ (С. Зверева) о коллегах по шоу-бизнесу и подробный „разбор полетов“ в новом выпуске „Музыкальных пристрастий“* [www.rian.ru. 30.04.2010]. Королевством гламура единолично правит Сергей Зверев. Большинство авторов СМИ отдают ему этот титул за деятельность в индустрии красоты и моды, а также за экстравагантную внешность. Он диктует стиль, тенденции в моде, шоу-бизнесе не только своей профессиональной деятельностью, но и внешним видом, поведением.

Королевство ремейков: кто с кем, где и что перепоеет [А. Гаспарян. mk.ru. 16.12.2010]. Актуальным стало в российском шоу-бизнесе королевство ремейков (новая музыкальная обработка и исполнение уже существующих хи-

тов) в связи с дефицитом нового музыкального материала. Коннотативный фон высказывания пронизан иронией и негативным отношением автора к существующему явлению.

Король эпатажа (Б. Моисеев) с подкупающей открытостью рассказал Артуру Гаспаряну не только о личной жизни, сценическом образе, но и о творческих планах [www.rian.ru. 02.09.2010]. В шоу-бизнесе много неординарных, экстравагантных фигур, но самой эпатажной, шокирующей фигурой является Борис Моисеев, которому автор дает титул «короля эпатажа»: явление эпатажа в шоу-бизнесе метафорически представляется королевством.

Петросян создал собственное королевство кривых зеркал [http://netz.ru/video/tvripz/32944-russkie-sensacii-chyornyi-yumor-2010-satrip.html. 04.07.2010]. Адресант апеллирует к хорошо известному прецедентному феномену (ситуации) — сказке В. Губарева «Королевство кривых зеркал», намекая на название авторского шоу Е. Петросяна и закулисные интриги, происходящие вокруг шоу, в коллективе его артистов и среди конкурентов. Коннотативный фон фразы характеризуется отрицательным вектором.

Закулисная правда империи смеха [http://netz.ru/video/tvripz/32944-russkie-sensacii-chyornyi-yumor-2010-satrip.html. 04.07.2010]. Эстрада юмора фигурально именуется «Империей смеха». Выражение *закулисная правда* свидетельствует о скрытости, непрозрачности, фальши этой сферы шоу-бизнеса. В данном примере наблюдается пересечение метафор, относящихся к разным сферам-источникам метафорической экспансии в сферу-мишень «Шоу-бизнес». Это сферы «Театр» и «Государство».

Метафоры, составляющие данный фрейм, актуализируют концепт *королевство*, эксплуатируя следующие структурные признаки: пространственные (пространство, ниша), социальные (власть, авторитет), физические (сила), эмоциональные (восхищение, эмпатия, антипатия, ирония) и концепт *король*, в структуре которого аккумулируются следующие черты: социальные (власть, авторитет), физические (сила), эмоциональные (восхищение, эмпатия, антипатия, ирония). Представленные во фрейме 1 метафорические высказывания обладают разнополярными коннотациями.

2. Фрейм «Короли, королевский двор и подданные королевства»

Самые популярные артисты отечественного шоу-бизнеса метафорически изображены в роли королей, королев, императриц. Их ближайшее окружение представлено в роли королевского двора. Зрители, поклонники, коллеги по сцене репрезентированы авторами СМИ в качестве подданных королевства. Анализируемый фрейм является самым частотным (46,7 %) и продуктивным в рассматриваемой модели. Структуру данного фрейма образуют следующие слоты: «Члены королевской се-

ми», «Королевский двор», «Подданные королевства» и «Атрибуты королевской власти».

Слот 2.1. Члены королевской семьи

Авторы российских СМИ активно используют образ королей, королев, царей, императриц для характеристики ведущих представителей поп-индустрии. Члены их семей, в свою очередь, метафорически представляются членами королевских семей.

Алла Борисовна — снова Хозяйка, но не Судьбы, а шоу-бизнеса. Она его общепризнанная царица, королева, муза... Это ее территория, ее империя. При ней все атрибуты власти и личного верховенства. Может быть, самый забавный из них — личный железнодорожный вагон, в котором она разъезжает по стране. Лексемы *царица, королева, хозяйка*, относящиеся к героине текста, вербально признают ее власть, авторитет, лидирующие позиции в отечественном шоу-бизнесе. Адресант контекстуально закрепляет за А. Пугачевой власть и собственность (шоу-бизнес), используя фразы *это ее территория, при ней все атрибуты власти и личного верховенства*.

„К тому же я чаще общаюсь с поп-королевой“, — продолжал рассуждать о своем новом статусе поп-короля г-н Басков, что вызвало у некоторых несмышленных журналистов смущенный вопрос: „С которой из них? С Пугачевой или Ротару?“ **Поп-Николай Первый на секунду опешил, а потом громко рассмеялся: „С обеими! Га-га-га! Вот такое у нас королевство — деревенька маленькая, а поп-королей до х...!“** [www.mk.ru. 01.02.2009]. Высказывание проникнуто иронией, сарказмом за счет использования стилистических неологизмов *поп-королева* и *поп-король*. Автор создает симбиоз неологизма и аллюзивного антропонима в метафоре *Поп-Николай Первый* (адресация к Николаю Первому), при характеристике певца Николая Баскова вербально подвергая его критике за самоуверенность, напыщенность, самолюбование.

В этом свете было бы интересно узнать ваше мнение о Юрие Шевчуке, сцепившемся как-то с царем эстрады Филиппом Киркоровым [О. Кушанашвили. <http://showbiz.mail.ru/interviews/9447>. 20.08.2008]. *В Швеции есть король, в Дании, в Испании был, в Англии — королева. Они оба (Ф. Киркоров и Н. Басков) — царьки* [А. Цикало. kr.ru. 04.01.2011]. Приведенные выше высказывания обладают русским национальным колоритом, создающим лексемами *царь, царьки*. Эвфемизм *царьки* делает фразу ироничной, демонстрирует фальшь, игру во власть, острую конкуренцию между Н. Басковым и Ф. Киркоровым.

После неудачного четвертого брака Императрица призналась, что она замужем за сценой [www.mk.ru. 17.01.2011]. Адресант апеллирует к аллюзивному антропониму «Императрица» (Екатерина II), проводя параллели между

исторической фигурой — Императрицей Екатериной Второй — и Ириной Аллегровой за счет одного из самых известных ее хитов. Высказывание обладает положительной коннотацией в сочетании с иронией.

Алла на дне рождения у Кристины в этом году огорошила своим тостом, суть которого сводилась к тому, что Кристина — пока принцесса и обязательно станет королевой, но чуть позже, потому что „пока я королева“ [МК. № 297, 29.12.2006]. Дочь королевы российской эстрады, Аллы Пугачевой, Кристина Орбакайте метафорически предстает принцессой, которая в будущем станет королевой.

А если вспомнить еще эльфийскую королеву из первого полуфинала шведку Малену Эрнман, да присовокупить сюда нашу Анастасию Приходько, которая утюжит белый наряд, готовясь к финалу, выйдет самый настоящий парад голосящих на все лады невест, поддерживаемый попсовым заповом белоснежного принца из Греции Сакуса Руваса [mk.ru. 15.05.2009]. Однообразность, тривиальность сценических образов на Евровидении-2009 автор изображает в виде парада невест и белоснежного принца. Лексема *невесты* и атрибут *белоснежный* указывают на однообразие одежды артистов, ее цвет (белый).

Наследный принц нашей эстрады (М. Галкин) выбирает ПМЖ с говорящим названием поселок „Грязь“ [www.mk.ru. 17.04.2009]. Метафорически М.Галкин репрезентирован принцем отечественной эстрады, потенциальным наследником авторитета, положения, занимаемого его покровительницей и гражданской женой, А. Пугачевой. Фраза обладает положительной коннотацией в сочетании с иронией.

Метафоры слота 2.1 актуализируют концепты *король* и *царь*, в структуре которых кумулируются социальные (власть, авторитет) и эмоциональные (восхищение, эмпатия, антипатия, ирония) признаки.

Слот 2.2. Королевский двор

Рядом с королевскими особами и членами их семьи всегда находится ближайшее окружение: придворные, художники, слуги, шуты. Подобное наблюдается и в отечественной музидустрии: у влиятельных особ всегда есть ближайшее окружение, ищущее защиты и покровительства своих господ. За счет метафорическому деления фигур шоу-бизнеса на королевских персон и придворных, слуг, шутов в этой сфере деятельности устанавливается четкая иерархия.

Все эти „пока“, „чуть позже“, „приглашаю на закат“ теперь страшно занимают всех, кто пристально следит за хрониками поп-двора Аллы Великой [МК. № 297, 29.12.2006]. Адресант иронически использует неологизм *поп-двор* и лексему *хроники*. Атрибут *великая* обладает следующими прагматическими смыслами: влиятельная, сильная, обладающая большим авторитетом и популярностью.

Алла, конечно, царица. Но какая? Византийская? Эти интриги ее „мадридского двора“ — она ими и управляет и купается в них? [МК. № 297, 29.12.2006]. Лексема *царица* и атрибут *византийская* профилируют национальный признак (русский, византийский) у концепта *царица*. Автор высказывания апеллирует к хорошо известной прецедентной ситуации (интриги/тайны Мадридского двора), вызывая знакомые ассоциации у реципиента.

С тех пор поп-баронесса самозабвенно волочила на хрупких плечах тяжкий крест патронессы угловато-провинциального, как казалось многим, поп-воробья. Чирикает, и ладно [www.mk.ru. 26.02.2011]. В данном примере наблюдается использование стилистического неологизма *поп-баронесса*, характеризующего известного продюсера Екатерину фон Гечмен-Вальдек. Метафорой *поп-баронесса* автор не только подчеркивает ее позиции в российском шоу-бизнесе, но и намекает на ее сословную принадлежность, титул.

Дабы замять скользкий разговор, Басков двинулся было облобызать свою новую „фрейлину“ — пышногрудую Анну Семенович, которая и пела, и танцевала, и вела вечер [www.mk.ru. 01.02.2009]. А. Семенович метафорически предстает в роли фрейлины, особы из королевского двора, в то же время контекст наводит на мысль, что Н. Басков — это королевская особа, король шоу-бизнеса.

„Рождественские встречи“ Примадонны 90-х годов вспомнил и игриво обшутил официальный шут поп-двора Андрей Данилко в образе Верки Сердючки... [МК. № 285, 15.12. 2006]. Конечно, он (М. Галкин) по-своему „шут у трона королевы“, о чем она пела когда-то в „Арлекино“. Причем шут богатый [www.km.ru. 18.11.2010]. В самом низу иерархической лестницы находятся шуты и слуги. В приведенных примерах роль людей низкого положения, шутов отводится А. Данилко и М. Галкину. Во втором высказывании автор контекстуально подчеркивает, что этот шут — фигура привилегированная, приближенная к королевской особе (А. Пугачевой), употребляя метафору *шут у трона королевы*. Выражение *шут богатый* содержит смысловую оппозицию: с одной стороны, М. Галкин — шут, с другой — его положение шута является завидным, престижным, он богат.

Церемониймейстером, разумеется, назначен действующий фаворит императрицы Максим Галкин [www.mk.ru. 17.04.2009]. М. Галкин метафорически репрезентирован в разных ипостасях шоу-бизнеса: то он шут, то — церемониймейстер, то — действующий фаворит императрицы. Такая вариативность ролей свидетельствует о неординарности данного деятеля, о разнополярном отношении к нему представителей СМИ, зрителей, коллег.

Придворный художник шоу-тусовок, Никас Сафронов известен своей любовью к обнаженной женской натуре [МК № 37 (480),

20.09.2006]. Метафора *придворный художник* подчеркивает принадлежность героя высказывания к определенному социальному слою в сфере шоу-бизнеса. Шоу-тусовки фигурально уподобляются придворным балам.

Высказывания, составляющие данный слот, характеризуются разновекторными коннотациями, иронией, сарказмом. Авторы часто обращаются к гиперболам и литотам, чтобы вербально обозначить статус фигур шоу-бизнеса.

Слот 2.3. Подданные королевства

Помимо королевских особ и королевского двора в королевстве есть рядовые жители. Зрители, поклонники, представители шоу-бизнеса метафорически репрезентированы в роли подданных королевства. Они не так ярко выделяются, их роль не столь заметна.

Филиппу ничего уже не оставалось, как, наконец, занять место и продолжить со всей остальной поп-королевской ратью с принцами и регентами греться в лучах лучезарного светила... [www.mk.ru. 02.07.2011]. Ближайшее окружение Ф. Киркорова метафорически изображено в качестве поп-королевской рати, принцев, регентов. Сам Ф. Киркоров контекстуально наделяется титулом короля через атрибут *королевская* (рать). Роль лучезарного светила отведена Н. Баскову, вечному конкуренту Ф. Киркорова. Метафора *лучезарное светило* имплицитно известное прецедентное имя «Король-солнце» (Людовик XIV, король Франции), вызывая яркие, возвышенные ассоциации в сознании читателя.

После Кремля, где Алла прощалась с народом наедине, в день ее рождения, 15 апреля, к трону царицы потянутся уже вереницы подданных ее поющего королевства, чтобы устроить для именинницы большой праздничный концерт „С днем рождения, Алла“ в Лужниках [www.mk.ru. 17.04.2009]. Зрители, поклонники, коллеги А. Пугачевой репрезентированы в роли ее подданных, сама героиня высказывания предстает королевой «поющего королевства». Контекст обладает положительной коннотацией в сочетании с иронией.

В отличие от кремлевского „интима“, когда г-жа Пугачева прощалась с обожающим народом наедине, сегодня в гигантский Дворец спорта с поздравлениями прибудет развеселым табором звездное дворянство ее музыкального королевства — пляшущее и поющее [www.mk.ru. 17.04.2009].

Коллеги А. Пугачевой по цеху изображены *развеселым табором, звездным дворянством*. Лексемой *дворянство* автор подчеркивает сословность, иерархичность отечественного шоу-бизнеса.

Слот 2.4. Атрибуты королевской власти

Авторы СМИ часто наделяют иллюзорными атрибутами власти признанных королей и королев шоу-бизнеса.

И как это выпукло сейчас проявилось! Ведь милое дело — помочь бедняге свалиться с

закачавшегося под ним поп-трона и добить с криками „ату, его, ату!“? [mk.ru. 17.12.2010]. Выражение *закачавшийся под ним поп-трон* свидетельствует о шатком, неуверенном положении Ф. Киркорова в шоу-бизнесе. Метафора *помочь бедняге свалиться с закачавшегося под ним поп-трона* говорит об острой конкуренции и интригах против Ф. Киркорова. Несмотря на иронию, сарказм, которыми пронизано высказывание, автор сопереживает, сочувствует герою, используя лексику *бедняга*.

Итак, у нас два короля (Ф. Киркоров и Н. Басков), а трон один [А. Малахов. 04.01.2011]. Оппозиция *два короля — трон один* указывает на острую конкуренцию, борьбу Ф. Киркорова и Н. Баскова за лидирующую позицию в российском шоу-бизнесе, которая метафорически представляется королевским тронем.

Заканчивая серию публикаций о почти обезглавленном поп-короле, которому пришлось аж полторы недели робко держать корону в руках, даже не помышляя водрузить ее на без пяти минут обриту голову, хочется напомнить Киркорову: кто такие женщины и с чем их едят [mk.ru. 17.12.2010]. — *Трон поп-короля закачался, но не рухнул, да?* [mk.ru. 17.12.2010]. В представленных примерах выражения *почти обезглавленный поп-король, робко держать корону в руках и трон поп-короля закачался* свидетельствуют о тяжелом, шатком, униженном положении Ф. Киркорова в шоу-бизнесе, о потере им былой лидирующей позиции, метафорически представленной в виде короны и трона. Фразы обладают коннотациями с отрицательным вектором в сочетании с иронией.

Я думаю, что это — какая-то игра, они (Ф. Киркоров и Н. Басков) — хорошие актеры. И короны у них картонные, и мантии плюшевые [Валерия. 04.01.2011]. Выражения *короны у них картонные и мантии плюшевые* говорят о некоем лицедействе, фарсе, игре во власть Ф. Киркоровым и Н. Басковым.

Видимо, предвосхищая государственное признание заслуг „золотого соловья“ нашей эстрады, мы на премии „МК“ ZD Awards 2008, когда вручали артисту вполне заслуженную награду в номинации „Шоу года“, заодно и короновали его. Водрузили, стало быть, на голову корону, а на плечи — мантию поп-короля [www.mk.ru. 01.02.2009]. Церемония вручения музыкальной награды Н. Баскову метафорически превратилась в церемонию коронации, а награды за лучшее шоу года стали атрибутами королевской власти — короной и мантией.

Символы королевской власти — корона, мантия, трон — концептуально характеризуют ведущие позиции в шоу-бизнесе, потеря этих атрибутов ассоциируется с потерей главенствующего положения.

3. Фрейм «Жизнь королевства»

События и интриги, происходящие в шоу-бизнесе, концептуально ассоциируются с жиз-

нью королевства. Рассматриваемый фрейм является одним из самых частотных (29,5 %) и продуктивных в монархической модели шоу-бизнеса. Структура данного фрейма формируется за счет следующих слотов: «Жизнь и правление королей» и «Дворцовые интриги».

Слот. 3.1. Жизнь и правление королей

Управление, влияние на шоу-бизнес, зрительный зал метафорически отождествляется с правлением, царствованием королей, признание заслуг в сфере шоу-бизнеса, утверждение преемника — с коронацией.

Алла, впрочем, не стала усугублять рецидив общественницы, назаседавшей в Общественной палате, и быстро вернулась к своим традиционным обязанностям — женщины, которая поет о каверзах любви, и Примадонны, которая царствует на сцене [www.mk.ru. 17.04.2009]. Метафора *царствует на сцене* имеет следующий прагматический смысл: владеет, управляет зрительным залом. Фраза обладает положительной коннотацией.

Алла готовит коронацию [МК. № 297, 29.12.2006]. Официальное признание права своей дочери, К. Орбакайте, стать наследницей и преемницей главенствующего положения А. Пугачевой в шоу-бизнесе метафорически изображается как подготовка к коронации.

Коронация Баскова [www.mk.ru. 01.02.2009]. Признание достижений Н. Баскова в музыкальной индустрии и награждение музыкальной премией ZD Awards — 2008 метафорически превратилось в коронацию.

Басков с радостью принял награду, спел новую самохвальную песню „Натуральный блондин, на всю страну я такой один!“ и произнес „тронную“ речь, из которой следовало, что он смиренно принимает „королевский“ титул из рук ведущего „ЗД“ Артура Гаспаряна, поскольку прежний поп-король у нас был „самозванный“, а теперь — „законно провозглашенный“... [www.mk.ru. 01.02.2009]. Торжественная благодарственная речь Н. Баскова метафорически репрезентирована как тронная речь. Высказывание пронизано иронией, сарказмом за счет использования автором прецедентного имени *натуральный блондин* (фраза из песни Н. Баскова), выражения *королевский титул*, атрибутов-антонимов *самозванный* — *законно провозглашенный*.

Царская свадьба Анны Ковальчук [Теленеделя. № 1 (561), 10.01.2011]. Богатая, роскошная освещаемая СМИ свадьба актрисы А. Ковальчук фигурально представлена как царская свадьба.

В аэропорту „Пулково“ случился форменный королевский саммит: поп-король, бывший в Северную столицу парой часов ранее, лично встречал королеву мировой оперы в VIP-секторе [www.mk.ru. 07.06.2010]. Встреча двух звезд, популярных не только в России, но и за рубежом, в аэропорту ассоциируется с королевским саммитом. Ф. Киркоров

предстает в роли поп-короля, А. Нетребко — в роли королевы мировой оперы. Фраза имеет положительный коннотативный фон в сочетании с иронией.

Слот 3.2. Дворцовые интриги

Интриги в отечественном шоу-бизнесе, смена лидирующих позиций, потеря зрительской любви, популярности метафорически характеризуются как дворцовые интриги, причем роль дворца отводится шоу-бизнесу.

На церемонии ZD Awards 2008 произошел дворцовый переворот [www.mk.ru. 01.02.2009]. Смена лидеров на отечественной сцене, признание заслуг Н. Баскова и награждение его премией ZD Awards — 2008, игнорирование заслуг Ф. Киркорова представлено как дворцовый переворот.

Тот азарт, животный восторг, с которым на всех углах орали и кричали, требовали свержения... [МК. № 25554, 27.01.2011]. Требование устранить, вытеснить Ф. Киркорова с главных концертных площадок, из телеэфиров, топ-рейтингов концептуально представлено в виде свержения правящего короля.

Он (Ф. Киркоров) пришел к ней (А. Пугачевой) стройным мальчиком с сияющими глазами, а ушел свергнутым королем [МК. № 294, 26.12.2005]. Расставание, развод с А. Пугачевой для Ф. Киркорова стал свержением, потерей прежнего положения в шоу-бизнесе. Журналисты метафорически ассоциируют его со свергнутым королем.

На „Корабле судьбы“ Басков вернул трон поп-короля Киркорову [www.mk.ru. 02.07.2011]. Метафорически возвращением трона поп-королю, Ф. Киркорову, воспринимается речь Н. Баскова на шоу «Корабль судьбы», в которой он признал за Ф. Киркоровым титул поп-короля, его статус в шоу-бизнесе.

4. Фрейм «Исторические фигуры монархов»

Реальные персонажи шоу-бизнеса концептуально отождествляются с реально существовавшими королевскими особами. Подобные корреляции позволяют авторам произвести метафорическое высвечивание или затемнение определенных качеств шоу-фигур. В составе анализируемой модели на данный фрейм приходится 2,85 % примеров; фрейм представлен слотом «Монархи в мировой истории».

Слот 4.1. Монархи в мировой истории

Апелляция представителей СМИ к реальным историческим персонажам — монархам — вполне оправдана: она вызывает яркие и значимые ассоциации у читателя. Каждый монарх совершал добрые и жестокие, негативные поступки, вызывая к себе разнополярное отношение, так же как и поведение шоу-фигур вызывает противоречивые оценки.

Этаким Наполеончиком прошагал Коля Басков по сцене, собирая овалы за заезженную шарманку [www.mk.ru. 10.08.2007]. Обращаясь к известному прецедентному имени (На-

полеон), автор профилирует следующие черты певца: внешние характеристики (маленький рост, полная фигура), большие амбиции, властолюбие, самодовольство. Используя эвфемизм *Наполеончик*, адресант с иронией вербально подчеркивает иллюзорность, мелко-масштабность героя высказывания по сравнению с Наполеоном.

В глазах русской публики Дима (Билан), просто, Александр Македонский, завоевавший пол мира... [www.mk.ru. 11.07.2010]. Адресация к известному прецедентному имени выводит на первый план следующие характеристики героя высказывания: лидирующая позиция в шоу-бизнесе, армии поклонников, победа на конкурсе «Евровидение-2008», которая ассоциируется с завоеванием половины мира.

...Слог пугачевской поэзии сильно разбередил публике душу, когда Царица Всея Попсы представила в этом году новое свое сочинение на музыку Игоря Крутого „Приглашение на закат“ [А. Гаспарян // МК. № 297, 29.12.2006]. Шоу-бизнес — это государство в государстве, и его подданным нужна «сильная рука» властителя или властительницы, заступника, справедливого судьи, царя-батюшки, царицы-матушки. В отечественном шоу-бизнесе эту роль великолепно исполняет А. Б. Пугачева. Автор апеллирует к прецедентному имени и прецедентной ситуации (Екатерина II в истории российского государства), подчеркивая высокий статус и авторитет героини текста. Используемая стилистическая фигура — сравнение — несомненно придает эмоционально-экспрессивную окраску высказыванию и вызывает хорошо известные носителям русского языка ассоциации.

Особенности развития настоящей модели в российском дискурсе тесно связаны с особенностями российского менталитета, культуры, вербализуемыми в русском языке. Как отмечают исследователи, «язык — зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2008: 14]. По мнению многих лингвистов, в разные периоды развития общества существует «мода» на определенные метафоры: «Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных метафор. Периоды метафорических „бурь“ сменяются метафорическими „затишьями“, после которых начинается „извержение“ новых метафорических „вулканов“. В рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные метафорические модели» [Будаев, Чудинов 2008: 9]. Актуализация тех или иных метафор имеет причинно-следственные связи. Такие выводы эмпирически подтверждаются настоящим исследованием. В период с декабря 2010 г. по март 2011г. монархическая метафора была особенно актуальна, пребывала на «пике попу-

лярности» в российском шоу-дискурсе в связи с событиями, произошедшими в конце декабря 2010 г.: скандал М. Яблоковой, помощницы главного режиссера, с Ф. Киркоровым, избивание Ф. Киркоровым М. Яблоковой, досудебные разбирательства между ними, освещение данных событий в прессе и на телевидении. Эти события обострили состязание между Н. Басковым и Ф. Киркоровым, а также другими артистами, за «трон российского шоу-бизнеса».

В большинстве представленных высказываний авторы СМИ активно эксплуатируют гиперболизацию, вербально возвеличивая или высмеивая влиятельных представителей шоу-бизнеса. В то же время посредством другой стилистической фигуры, литоты, авторы намеренно понижают статус определенных арти-

стов. Высказывания, входящие в метафорическую модель «Шоу-бизнес — это монархия», обладают разнополярными коннотациями в сочетании с иронией.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008.

Елисеева О. И. Российская монархия : моногр. — М.: Астрель, 2010.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : моногр.— М.: ЛКИ, 2008.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. для вузов. — М.: Слово, 2008.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

И. В. Коноваленко
Омск, Россия

I. V. Konovalenko
Omsk, Russia

**«СЛУЖАЩИЙ/ЧИНОВНИК/ДЕПУТАТ»
В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА
РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА**

**“EMPLOYEE/FUNCTIONARY/DEPUTY”
IN A RUSSIAN CITIZEN
NAÏVE PICTURE OF THE WORLD**

Аннотация. Рассматривается образ современного представителя власти в наивной картине мира российского гражданина. Охарактеризованы образы служащего, чиновника, депутата. Представлены данные ассоциативного эксперимента, респондентами которого стали как служащие, так и граждане, не являющиеся служащими.

Abstract. The article deals with the image of a modern representative of power in a Russian citizen naïve picture of the world. The images of an employee, a functionary, a deputy are characterized. The data of the associative experiment are given, the respondents of which were both employees and non-employee citizens.

Ключевые слова: депутат; представитель власти; служащий; чиновник; наивная картина мира.

Key words: deputy; a representative of power; employee; functionary; the naïve picture of the world.

Сведения об авторе: Коноваленко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.

About the author: Konovalenko Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of German Philology.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: The Dostoevsky Omsk State University.

Контактная информация: 644077, Омск, проспект Мира, 55-а.
e-mail: irkonovalenko@yandex.ru.

В рамках антропоцентрической парадигмы, как известно, связь «язык — человек» может рассматриваться в двух аспектах: во-первых, как представление самого человека в языке, который им создан и которым он пользуется, во-вторых, как видение человеком мира, осмысление, интерпретация мира — при таком подходе исследуется языковая картина мира.

В отечественной науке проблематику картины мира впервые затронули философы [Брутян 1973; Павиленис 1983]. Лингвистическая разработка этого понятия началась в связи с тезаурусным изучением лексики и с определением принципов составления идеографических словарей. Классическим стало следующее определение картины мира: «совокупность знания о мире» [Колшанский 1990: 108], так же традиционно восприятие картины мира как «глобального целостного образа мира, который является результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора...1988: 11]. О. Г. Почепцов подчеркивает, что наивная картина мира — «стихийно-складывающиеся, закрепленные в обыденной практике представления о внешнем мире» [Почепцов 1990: 117].

В данной статье нас интересует, как гражданин России (имеющий российское гражданство) «видит» современного представителя власти — служащего/чиновника/депутата, — какие ассоциации возникают у него на словестимулы «чиновник», «служащий», «депутат». Наша задача — сравнить, какими представляют образы этих категорий населения сами служащие и простые граждане.

На наш взгляд, такого рода исследования востребованы в современных социальных и политических условиях не только в социологии,

политологии, но и в лингвистике. Они выявляют «очаги напряжения» в отношениях между гражданами и государством. Только с учетом различий в восприятии представителей власти у служащих и у «простых граждан» (не являющихся служащими) можно повлиять на эффективность коммуникации в сфере общения «гражданин — государство», скорректировав поведение участников, сделав его более приемлемым с точки зрения обеих сторон.

В качестве метода исследования был выбран свободный ассоциативный эксперимент. Респондентами стали служащие г. Омска (50 человек, проходящие курсы повышения квалификации при Омском государственном университете) и слушатели Народного факультета Омского государственного университета (50 человек факультета, специально созданного для людей пенсионного возраста — 60-70 лет). Каждому респонденту дали листок с девятью словами-стимулами: *власть, толерантность, народ, гражданин, служащий, чиновник, интолерантность, депутат, государство*. К каждому из них в течение двух минут необходимо было написать первую приходящую в голову ассоциацию.

Сначала дадим определения наименованиям людей по роду деятельности, используемым в работе, — *служащий, чиновник, депутат*. Все три слова, с нашей точки зрения, относятся к представителям власти.

1. Служащий. Законодательство РФ выделяет две категории служащих: муниципальные и государственные [Федеральный закон РФ № 79-ФЗ]. Подчеркнем, что в нашем исследовании мы не разделяли служащих на государственных и муниципальных, употребляя термин «служа-

ций» в широком смысле — для обозначения физического лица, служащего по контракту в исполнительных органах власти. Юридический словарь [Большой юридический словарь онлайн] приводит следующую дефиницию: «работник нефизического и умственного труда, получающий заработную плату, т. е. фиксированный заработок». В толковом словаре дается такое определение: «лицо, работающее по найму в различных учреждениях» [Ожегов, Шведова 2006].

2. Чиновник, согласно толковому словарю, «1. государственный служащий, имеющий чин, звание; 2. (перен.) тот, кто ведет свою работу с холодным равнодушием, бюрократически». Мы употребляем данный термин в прямом значении, как синонимичный служащему. В юридическом словаре статьи на слово «чиновник» нет.

3. Депутат — это «выборный представитель в органах власти» [Современный словарь иностранных слов 2001]; «лицо, избранное в законодательный или иной представительный орган государства или местного самоуправления, представитель (в этом органе) определенной части населения — избирателей своего округа или всей нации, работающий на профессиональной или непрофессиональной основе, т. е. не порывая с основной деятельностью» [Большой юридический словарь онлайн]. По закону, депутат не входит в категорию служащих [Федеральный закон РФ. № 58 Ф-3]. Мы включаем это слово в синонимический ряд «представитель власти» вместе с такими, как *служащий, чиновник*.

Представим полученные реакции на стимулы *чиновник, служащий, депутат*, комментируя репрезентируемую откликами картину мира.

1. Служащий. Для *слушателей Народного факультета* Омского государственного университета это чиновник (18 реакций), наемник (3), кабинет (2), клерк (2), чинуша (2), экономист (2), аппаратчик, бардак, бюрократ, вор, галстук, зависящий, законодатель, исполнитель, наемный рабочий, нахлебник, неграмотный, ответственность, ответственный работник, подневольный, прислуживатель, приспособленец, слепой, служака, хапуга. Один человек отказался отвечать.

Как видим, шире представлены парадигматические ассоциации (т. е. ассоциации именно-го типа, как и слово-стимул). Синтагматические ассоциации представлены адъективным типом (впрочем, все приведенные слова могут субстантивироваться): *неграмотный, подневольный, слепой*. Значительно количество ассоциатов оценочного типа. Необходимо отметить двойственность оценки служащего. С одной стороны, это «служака», т. е. опытный, усердный служащий, «экономист», «ответственный работник», «законодатель», с другой — «вор», «хапуга» (от просторечного глагола «хапать» — брать, красть, присваивать неблагоприятным способом), «чинуша» (презр. — тот, кто ведет

свою работу с равнодушием), «приспособленец» (презр. — тот, кто приспособливается к обстоятельствам, маскируя свои взгляды), «бюрократ» (неодобр. — тот, кто пренебрегает делом ради соблюдения формальностей), «нахлебник» (живущий на чужие средства).

При основной нейтральной ассоциации — «чиновник», — при единичных словах с положительной оценкой в данной группе респондентов преобладает негативная оценка слова-стимула.

У респондентов-служащих стимул «служащий» вызывает следующие ассоциаты: работник (15), работа (5), костюм (5), я (4), ответственность (4), офис (3), чиновник (3), человек (2), обслуживающая власть, работающий на государство, опрятный, запрограммированность, трудяга, пчелка, работник-муравей, низкооплачиваемый труд, безденежье. Отказов отвечать не было.

Здесь мы видим другой образ служащего — работника, — причем акцент сделан на качестве работы: при большой загруженности, «запрограммированности», служащий выступает трудягой, пчелкой, работником-муравьем. Есть еще один примечательный момент: данный вид труда, как показывают ассоциации, с точки зрения служащих плохо оплачивается («безденежье», «низкооплачиваемый труд»). В ассоциатах на данный стимул доминантой, на наш взгляд, является сема «труд», отсутствует отрицательная оценка, ведущая в реакцию у группы респондентов Народного факультета.

2. Чиновник. В группе *слушателей Народного факультета* отмечены следующие ассоциации: бюрократ (4), взяточник (2), волокитчик (2), исполнитель (2), коррупция (2), служащий (2), совесть (2), управленец (2), безграмотный, бумагомарака, власть, волокита, врач человека, вор, гневливый голос, глухой, равнодушный, карьерист, кипа бумаг, клерк, клоп, начальник, портфель, рвач, с долгом и совестью, стул, сумка, человек на службе, чинуша. Один человек отказался отвечать. Преобладают парадигматические ассоциации, в синтагматических наблюдается адъективный тип (например, *глухой, равнодушный, безграмотный*). Доминантой данной группы является ассоциат «бюрократ». Мы можем проследить некоторую ассоциативную эволюцию данного стимула, сравнив наши данные с материалом русского ассоциативного словаря [Караулов 2002]. При сходстве (доминантой также является «бюрократ», наблюдается немногочисленное сходство единичных реакций — «портфель», «кипа бумаг», «бумагомарака») есть ассоциаты, которые отражают наше время. Это достаточно «модные» слова «коррупция», «управленец». Как и в предыдущей группе слов-реакций, наблюдается двойственность оценок образа представителя власти — чиновника.

В группе служащих реакции на слово «чиновник» были следующими: служащий (6), бю-

рократ (5), исполнитель (5), лень (4), мэрия (3), костюм (3), бумаги (2), плохой служащий (2), дармоед, заседание, карьера, клерк, отрицательный работник, полудармоед, рапорт, служебный транспорт, спесь, Чичиков. Отказов отвечать не было. Можно отметить меньшее количество по сравнению с предыдущей группой респондентов ассоциатов с отрицательной оценкой, а также определенный «сдвиг» семы: отсутствует сема «деньги, полученные нечестным путем» («взятка», «коррупция», «вор», «хапать»), зато есть сема «лень»: «лень», «дармоед», «полудармоед» (дармоед (разг.) — бездельник), а также «спесь» (спесь — надменность, высокомерие).

3. ДЕПУТАТ. У слушателей Народного факультета слово-стимул «депутат» вызвало следующие реакции: слуга народа (7), слуга (4), представитель народа (4), власть (3), избирательная кампания (3), чиновник (3), доверенное лицо (2), кормушка (2), нахлебник (2), ангел, болтун, важность, выдвигенец, выскочка, для себя, законник, закрытая дверь, захребетник, и нашим и вашим, коррупционер, люди дела, надежда, начальники, ответственность, порядочность, представитель, связи, человек власти. Один человек отказался отвечать. Доминантой в этой группе стали ассоциаты «слуга народа», «представитель народа», «слуга». Не были представлены ассоциации, которые в «Русском ассоциативном словаре» приведены как ядерные и частотные: «Дума», «Государственная дума», «Советы». С этим словарем имеются лишь единичные совпадения («власть», «болтун» и «нахлебник»). Депутат для слушателя Народного факультета — это представитель, доверенное лицо народа, человек дела, имеющий связи и власть, выдвигающийся в результате избирательной кампании. Наряду с этим присутствуют семы «жить за чужой счет»: «захребетник» (устар.; туеядец, живущий за чужой счет), «нахлебник», — а также сема «делать, совершать что-либо незаконным способом»: «кормушка» (разг. неодобр.; место, где можно, пользуясь бесконтрольностью, приобрести что-либо для себя незаконными способами), «коррупционер».

В группе служащих представлены следующие ассоциаты к слову «депутат»: Государственная дума (10), представитель народа (5), Дума (3), защищенный чиновник (2), голосование (2), безделье, дресс-код, заграница, закон, избранный голосованием, народ, неприкасаемость, оторванный от реальности, прозаседавший, разговор, слуга народа, шум. Отказов отвечать не было. Как видно, на передний план выходят ассоциации, вызванные профессиональным опытом служащего, знанием законов: «Дума», «государственная Дума», не «представитель народа», а «избранный голосованием». Значительное количество повторов ассоциаций и отсутствие явных противоречий между единичными реакциями по сравнению с результа-

тами, полученными в группе слушателей Народного факультета, на наш взгляд, обусловлено лучшим знакомством респондентов с обязанностями и деятельностью депутатов, с законами.

Подведем итоги.

1. На стимул «служащий» в группе слушателей Народного факультета при наличии ядерной нейтральной ассоциации «чиновник» и единичных слов с положительной оценкой чаще наблюдается реакция в виде слов-стимулов с негативной оценкой: тот, кто живет на чужие средства, присваивает что-либо неблагоприятным способом, пренебрегает делом ради соблюдения формальностей. Ассоциации служащих на данный стимул рисуют другой образ: образ работника-пчелки, трудяги, муравья.

2. У группы слушателей Народного факультета преобладают оценочные ассоциаты на слово «чиновник», связанные с семой «деньги, полученные нечестным путем». В ассоциатах служащих наблюдаются иные семы: «лень», «спесь».

3. В группе респондентов Народного факультета на слово «депутат» преобладают ассоциации с семой «жить за чужой счет», «делать, совершать что-либо незаконным способом». В группе служащих на первый план выступают ассоциации, демонстрирующие профессиональный опыт служащего.

Выявление образов представителей власти: чиновника, депутата, служащего, — лишь один из этапов исследования по проблеме толерантного/интолерантного общения в сфере «гражданин — государство». Ассоциации респондентов вербализуются в реальных ситуациях общения, о чем свидетельствуют интервью, проводившиеся нами со служащими. Например, отвечая на один из вопросов интервью — «Какие речевые клише, на Ваш взгляд, демонстрируют проявление непонимания, выраженного в агрессивной форме, в ситуации общения „гражданин — служащий“», — служащие приводили следующие ответы граждан: «Знаем, что толку не будет, вы здесь жируете»; «вас содержат»; «вам этого не понять, вы в такой ситуации не живете»; «вы в космосе, оторваны от нас» и др.

На наш взгляд, именно анализ ассоциаций позволяет отчетливо представить образ, существующий в наивной картине мира человека, и объяснить его повседневное коммуникативное поведение, часто интолерантного характера. Подобные исследования не просто выявляют «очаги напряжения» в ситуации общения «власти и гражданина», а помогают провести пропедевтическую работу по предупреждению интолерантности, что практически очень важно.

ЛИТЕРАТУРА

Большой юридический словарь онлайн. URL: <http://law-enc.net> (дата обращения: 27.01.2011)

Брутян Г. А. Язык и картина мира // Филол. науки. 1973. № 1. С. 45—69.

Караулов Ю. Н. [и др.]. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. — М.: Астрель ; АСТ, 2002. Т. 1 : От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: ИТИ Технологии, 2006.

Павиленис Р. И. Проблемы смысла: логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983.

Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 110—122.

Роль человеческого фактора в языке и языковое мышление. — М.: Наука, 1988.

Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 2001.

Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» № 58-ФЗ : принят ГД ФС РФ 27.05.2003.

Федеральный закон РФ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ : принят 27.07.2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. Б. Никитина

М. В. Костюнина
Сургут, Россия

M. V. Kostyunina
Surgut, Russia

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РИТОРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ
В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ
Б. ОБАМЫ И ДЖ. МАККЕЙНА**

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF RHETORIC ARGUMENTATION
IN ELECTION DISCOURSE
OF B. OBAMA AND J. MCCAIN**

Аннотация. Проводится анализ структур агитационных речей двух кандидатов предвыборной кампании США с целью выявления способов вербализации риторической аргументации. Обсуждаются и сопоставляются эффективные средства убеждающего дискурса, также описывается стратегия дискредитации как способ эмоционального воздействия на электорат.

Abstract. The article analyzes the structure of campaign speeches of the two presidential campaign candidates to identify the ways of verbalizing rhetorical argumentation. It examines and compares effective means of persuasive discourse, and describes discredit strategy as a way of emotional influence on the electorate.

Ключевые слова: аргументация; риторическая аргументация; предвыборный дискурс; анафора; параллелизм.

Key words: argumentation; rhetorical argumentation; election discourse; metaphor.

Сведения об авторе: Костюнина Марина Викторовна, преподаватель, кафедра иностранных языков №1, факультет лингвистики.

About the author: Kostyunina Marina Viktorovna, Lecturer of the Chair of Foreign Languages №1, Faculty of Linguistics.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Place of employment: Surgut State University.

Контактная информация: 628412, Тюменская обл., ХМАО—Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
e-mail: parfeni-mv@mail.ru.

Одной из составляющих любой предвыборной кампании выступает риторика кандидатов на искомый пост. Всякая избирательная кампания характеризуется высокой степенью влияния, убеждения, нередко носит агрессивный и критичный характер [Кумахова 2009: 219]. Практическим инструментом политиков выступают различные средства убеждающего воздействия.

Стремясь убедить слушающих в справедливости своего мнения, истинности своей позиции, говорящий не всегда ориентируется только на логику, концентрирует внимание исключительно на аргументативной и доказательной стороне высказывания. Политический деятель также пытается вызвать интерес к собственной позиции, привлечь внимание слушающих яркостью, эмоциональной окрашенностью речи. В политической коммуникации логика и аргументированность нередко уступают по влиянию эмоциям «конструируемым и провоцируемым» [Почепцов 2000]. Палитра экспрессивных языковых средств богата — от утонченных авторских метафор до сниженной лексики и нарушений языковой нормы.

Предвыборный дискурс как сложное коммуникативное образование относится к разным типам дискурса (институциональному — политическому и неинституциональному — ритуальному и риторическому), вследствие чего является «гибридным» жанром и отличается особым набором разноплановых характеристик.

Институциональные признаки предвыборного дискурса включают целевые установки,

статусно-ролевые характеристики участников общения, темпоральные характеристики, коммуникативные стратегии и тактики, тематические определители.

Ритуальные признаки предвыборного дискурса обусловлены специфическими локальными, темпоральными, предметно-символическими и лингвистическими параметрами, образующими лингвосемиотическое пространство предвыборного события.

Риторические признаки предвыборного дискурса (обращение к пафосу, логосу, этосу) связаны с манипулятивными, аргументативными, этическими и эмотивными особенностями предвыборного выступления как политического текста, созданного для оказания воздействия на электорат.

В языковом плане текст предвыборного выступления отличается особым набором разноуровневых стилистических средств и приемов: фонетических, лексических, синтаксических, — которые создают риторические структуры и способствуют формированию речевого имиджа кандидата и оказанию коммуникативного воздействия на избирателей.

Исследователи сходятся во мнении, что аргументация — это сложная и многогранная интеллектуальная деятельность, включенная практически во все сферы жизни человека и апеллирующая к самым различным группам слушателей. Аргументация всегда связана с потребностью адресанта в убеждении адресата в необходимости принять выдвигаемый тезис [Евстегнеева 2009: 156—160; Третьякова 2004:

299—320]. Под риторической аргументацией понимают вербальную социальную рассудочную деятельность, направленную на убеждение аудитории в приемлемости (неприемлемости) какого-либо мнения при помощи ряда утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения этого мнения. В настоящее время аргументация изучается отдельной наукой — теорией аргументации, но вместе с тем представляет интерес и для лингвистического исследования. Причина этого заключается в том, что аргументация не существует сама по себе и всегда разворачивается в рамках той или иной формы языкового общения. При этом она реализуется в виде аргументативного дискурса. Риторическая аргументация присутствует во всех видах коммуникации, но наиболее яркое выражение находит в публичной речи. Под публичной речью в данной статье мы понимаем устное монологическое, в той или иной степени подготовленное выступление, следующее определенным коммуникативно-речевым, стилистическим и композиционным нормам, произносимое перед группой слушателей с целью передачи им информации и воздействия на них для достижения говорящим желаемого результата. Термин «публичная речь» покрывает тексты самых разных стилей и жанров: речи на встречах, съездах, конгрессах, митингах, предвыборные речи, публичные и академические лекции, ритуальные речи, религиозные проповеди, юридические монологи прокуроров, адвокатов, судей и т. д. «Аргументация, — подчеркивает Х. Перельман, — всегда адресуется лицом, называемым оратором, ...к аудитории слушателей или читателей. Последний ставит своей целью получить или усилить согласие аудитории с некоторым тезисом, который он надеется подкрепить. Новая риторика, подобно старой, стремится также склонить или убедить слушателей, чтобы получить их согласие, которое может быть сначала теоретическим, хотя оно может выражаться в предрасположенности к действию, или же практическим, провоцирующим либо непосредственное действие, либо решение или обязательство действовать» [Perelman 1978: 10—11].

Аргументация как способ убеждающего воздействия является неотъемлемой частью логики и риторики. В логической парадигме исследований аргументация есть процедура формально-математического доказательства, а ее отличительные черты проявляются в строгой рациональности и логичности (и полном отсутствии эмоциональности), монологичности и некоммуникативности суждения, стремлении проponentа продемонстрировать лишь процесс установления истины [Мигунов 2004: 198—200]. Мы рассматриваем риторическую аргументацию как вербальную деятельность субъекта аргументации, направленную не на логическое доказательство, а в первую очередь на эмоциональное убеждение аудитории в приемле-

мости/неприемлемости какого-либо мнения/суждения субъекта аргументации, для чего используется ряд утверждений (аргументов), предназначенных для оправдания или опровержения этого мнения/суждения. Особую эмоциональность риторической аргументации придают пафосная лексика и многочисленные лингвистические приемы разных уровней. Так, например, исследователи политической метафоры, в том числе Э. В. Будаев и Т. Белт, считают, что метафора как способ мышления с одной стороны представляет собой инструмент самой аргументации. В то же время метафора, созданная на основе социальных ценностей, непременно разделяемых большей частью аудитории, обладает огромным эмоциональным воздействием потенциалом, а представители целевой аудитории, для которой предназначена подобная метафора, оказываются под ее сильным воздействием [Белт 2007: 18—25; Будаев 2008: 29—36]. Наличие фактического и статистического материала, конкретных данных, содержащих числовые показатели, в риторической аргументации будет свидетельствовать о ее рациональной природе.

Структура логической и риторической аргументации включает в себя: тезис — суждение, мнение кандидата по какому-либо вопросу; аргументы — положения, которые кандидат использует для обоснования выдвигаемого им тезиса (например, для обоснования приводимых им компрометирующих сведений об оппоненте); вывод — заключение, к которому кандидат подводит своих потенциальных избирателей.

Обратимся к обращениям Джона Маккейна — кандидата на пост президента США от Республиканской партии, — которые изобилуют подобного рода структурами риторической аргументации. Рассмотрим одну из его речей. Показательны тезисы, направленные против оппонента по предвыборной гонке: *You will hear from my opponent's campaign in every speech, every interview, every press release that I'm running for President Bush's third term. Why does Senator Obama believe it's so important to repeat that idea over and over again?* — второй тезис по структуре представляет риторический вопрос, на который сам же Маккейн и отвечает в последующих аргументах: *Because he knows it's very difficult to get Americans to believe something they know is false. So he tries to drum it into your minds by constantly repeating it rather than debate honestly the very different directions he and I would take the country.* Таким образом, Маккейн подводит избирателей к выводу, что его конкурент не располагает иными методами борьбы, и единственным способом его политического сопротивления является неоднократное повторение избирателям одной и той же мысли (*repeat that idea over and over again*). Следующий тезис — *But the American people didn't get to know me yesterday, as they are just getting to*

know Senator Obama — представляет намеренное принижение политического опыта соперника. Чтобы доказать избирателям свою значимость в политике США, Маккейн использует ряд подтверждающих этот факт аргументов: *They know I have a long record of bipartisan problem solving. They have seen me put our country before any President — before any party — before any special interest — before my own interest* [8]. Как мы видим, претендент убеждает аудиторию в том, что интересы страны, ее граждан, в данный момент — избирателей имеют для него первостепенное значение. Усилению эффекта, достигнутого аргументами, служит вывод — *But I am her servant first, last and always*, — в котором используется метафоричный образ раба (“slave”), призванный вызвать эмоциональный отклик аудитории, и олицетворение Америки (местоимение “her”) — таким образом демонстрируется, что страна для выступающего живой организм, за нормальную жизнедеятельность которого он борется.

Особенностью представленной аргументации является употребление лингвистического приема повтора, который обладает функцией убеждающего воздействия и часто используется в предвыборной риторике кандидатов на пост президента [Афанасенко 2006].

Барак Обама — кандидат на пост президента от Демократической партии — также постоянно прибегает к повторам. С помощью дублирования ключевых понятий происходит задержка, концентрация внимания на наиболее важном с точки зрения адресанта, на основной мысли сообщения. В анализируемых выступлениях повторы представлены следующими стилистическими приемами: анафора, характерная для начала выступления, и эпифора — соответственно в конце речи. Приведем примеры анафоры: ***We’re up against the conventional thinking ... We’re up against decades of bitter partisanship that cause politicians to demonize their opponents... We’re up against the idea that it’s acceptable to say anything and do anything to win an election ... And this election is our chance to give the American people a reason to believe again*** [3, 4, 5]. В данном случае аудитории раскрываются конкретные проблемы, и тут же приводится их решение, что позволяет поддерживать положительный настрой у слушателей.

В следующих примерах эпифора представляет собой тоекратный повтор фразы в конце абзацев: *So don’t tell us change isn’t possible; So don’t tell us change can’t happen; Don’t tell me we can’t change* [3, 4, 5]. Риторическая фигура подкреплена градацией модальности, и конечная фраза представляет собой более жесткую конструкцию, начинающуюся с прямого отрицания. Следует отметить правильные комбинации анафоры и эпифоры, имеющие сильный убедительный эффект — анафора: ***1) It’s a dream shared in big cities and small towns; across races, regions and religions — ... That is the American***

Dream. It’s the dream of the father... It’s the dream of the woman ... It’s the dream of the senior ... It’s the dream of the teacher ... [1, 2]; 2) It’s the answer told by lines that stretched around schools ... It’s the answer spoken by young and old ... It’s the answer... [3, 4, 5]; и эпифора: *Yes we can* — фраза-лозунг, завершающая многие речи Б. Обамы. Рефрен *Yes we can*, заимствованный из церковных проповедей, быстрее встретит отклик со стороны аудитории и будет иметь больший эффект, чем классическая риторика.

Джеймс Дэвидсон, доцент кафедры древней истории Уорикского университета, справедливо указывает на то, что проповедь уходит корнями во времена Древней Греции: «Традиции классического ораторского искусства занимали центральное место в древней церкви, когда риторика была одной из наиболее важных частей образования. Через проповеди церковь захватила риторические традиции древних. Америка сохранила эти традиции, особенно в черной церкви» [The new Cicero: 13].

Следует отметить, что ораторское искусство Обамы соответствует тройственному идеалу, предложенному Аристотелем, который утверждал, что хорошая риторика должна состоять из пафоса, логики и этоса, т. е. из эмоции, аргумента и характера [Хаззагеров: 2002]. Рассмотрим это на примере следующего фрагмента: ***I am the son of a black man from Kenya and a white woman from Kansas. I was raised with the help of a white grandfather who survived a Depression to serve in Patton’s army during World War II and a white grandmother who worked on a bomber assembly line at Fort Leavenworth while he was overseas. I’ve gone to some of the best schools in America and lived in one of the world’s poorest nations*** [3, 4, 5]. Здесь *I am the son of a black man from Kenya and a white woman from Kansas* — аргумент, а *a white grandfather who survived a Depression to serve in Patton’s army during World War II and a white grandmother who worked on a bomber assembly line at Fort Leavenworth while he was overseas* — эмоции и характер. Кандидату от демократов удастся передать мысль, что он не только может возродить американскую мечту, но что он сам является ее воплощением.

Свои аргументы Б. Обама выстраивает на основе совещательной риторики, в рамках которой довольно часто используются такие стилистические фигуры, как параллелизм и антитеза. По сути они являются структурными и лексическими повторами, копирующими предыдущие части текста в позиции анафоры. Параллелизм представляет собой структурное сходство между предложениями, которые выражают равные идеи равными терминами, например: *...embracing the burdens of our past without becoming victims of our past* [3, 4, 5]. Таким образом, параллелизм может быть использован для создания напряженности, выражая

чувство равновесия. Б. Обама многократно обращается к параллелизму, что влияет на лирические, ритмические качества речи и создает звуковой образ его риторики.

Эффект параллелизма увеличивается в сочетании с антитезой, которая ставит контрастные идеи в прямой оппозиции друг к другу. Антитеза направлена на установление и определение противоположных ценностей, убеждений и систем. Выступление Б. Обамы после выдвижения на пост президента от Демократической партии открывается серией противоположных положений, в которых перечисляются основные ценности кампании кандидата: *In the face of war, you believe there can be peace. In the face of despair, you believe there can be hope. In the face of a politics that's shut you out, that's told you to settle, that's divided us for too long, you believe we can be one people, reaching for what's possible, building that more perfect union* [3, 4, 5]. Каждый пункт этого выступления включает в себя параллельную конструкцию с противопоставлением тезиса (например, *In the face of war*) антитезису (*you believe there can be peace*). Третье предложение процитированного отрывка состоит из трех тезисов с параллельно идущими тремя антитезисами что создает языковой баланс как аргументации, так и ритмического рисунка параграфа. Показательно, что приведенная цитата имеет определенное сходство с молитвой святого Франциска, построенной при помощи антитезисов и параллелизма: *Where there is hatred, let me sow love <...> Where there is despair, hope* [11]. Это свидетельствует об опоре на религиозные тексты.

Обама использует аллитерацию для усиления воздействия своих аргументов, например: *We were promised **compassion and conservatism** but we got **Katrina** and wiretaps and not by polls but by principle; not by calculation but by conviction* [12, 13, 14]. Аллитерация (перекликающиеся слова выделены) делает акцент на контрастных темах и закрепляет сообщение в сознании аудитории. Приведем еще примеры: *while Washington is consumed with the same drama and division and distraction, another family puts up a For Sale sign in the front yard* [12, 13, 14]; *We were promised a fiscal conservative. Instead we got the most fiscally irresponsible administration in history* [12, 13, 14]. В данных случаях аллитерационный эффект напоминает шипение змеи и выражает неодобрение.

Теория аргументации возникла в результате кризиса традиции аподиктического картезианского разума. «Наш метод, — пишет Х. Перельман, — радикально отличается от способа социальных, политических и философских рассуждений по модели, заимствованной из дедуктивных и экспериментальных наук». Разрыв «новой риторики» с картезианской традицией, господствовавшей три столетия в западной философии, означает также «возобновление античной риторики и греческой диалектики», ис-

кусства убеждать, вести дискуссию и умения разрешать сложные проблемы. Х. Перельман исполнен желанием возродить эту «славную вековую традицию» [цит. по: Реале, Антисери]. Для решения поставленной Х. Перельманом задачи необходим анализ структуры, функций и границ убеждающего дискурса. Такой анализ показывает, что область убеждения не совпадает ни с чисто рациональным, ни с иррациональным. Вычленив различные структуры аргументации, Х. Перельман обратил внимание на широкий спектр возможных дискурсов и техник обоснования в гуманитарных науках, политических диспутах, речах адвокатов и судебных заключениях. Рассудочную аргументацию отличает от рациональной обращение к аудитории. Как отмечает Х. Перельман, аудитория адвоката, священника, политика, журналиста всегда конкретно ограничена, поэтому оратор должен думать о тех, кого он собирается убедить. Речь, произнесенная перед жителями Южной Каролины [1], соответственно несет в себе набор посылок, общих для оратора и слушателей. Рассмотрим следующий пример, в котором выдвигается тезис: *the kind of change we seek will not come easy* [1], — и следующий за ним аргумент, начинающийся с союза «из-за»: *because... fierce competitors, worthy of respect (жестоких конкурентов, достойных уважения); we have to remember that **this is a contest for the Democratic nomination** (мы должны помнить, что это борьба за демократическое выдвижение кандидата); to end the **disastrous policies** of the current administration (закончим губительную политику нынешней власти)* [1]. Приведенный аргумент носит положительный характер, говорит о преобразовании сложившейся общественно-политической ситуации, общей для оратора и аудитории, однако использование военных метафор и лексики с негативной коннотацией раскрывает скрытую интенцию автора — достичь цели любыми способами. Далее выдвигаются аргументы за выступающего кандидата в президенты. Тезис: *But there are real differences between the candidates* [1] (*но существуют реальные различия между кандидатами*); аргумент с анафорой и повторами внутри предложений: ***We are looking for more than just a change of party in the White House. We're looking to fundamentally change the status quo in Washington — a status quo that extends beyond any particular party. And right now, that status quo is fighting back*** [1]. Данный аргумент приводится в защиту позиции тех, кто обозначен местоимением «мы». Завершается аргумент с использованием негативной лексики, что еще больше убеждает аудиторию в правильности предлагаемых оратором действий: *...with the same old tactics that divide and distract us from solving the problems people face...* [1]. Далее Б. Обама убеждает слушателей, что предлагаемый им тезис *we are up against* (*мы стоим перед задачей; мы встретились с*

трудностями) основывается на достаточно разумных и обоснованных аргументах: *...the undue influence of lobbyists is part of the problem; your ability to lead as President comes from longevity in Washington or proximity to the White House; decades of bitter partisanship that cause politicians to demonize their opponents instead of coming together to make college affordable or energy cleaner; it's the kind of partisanship where you're not even allowed to say that a Republican had an idea — even if it's one you never agreed with* [1]. За убеждающей аргументацией следует логический вывод — призыв, выраженный анафорой: *...this election is our chance to say that we're not going to let them stand in our way anymore; this election is our chance to give the American people a reason to believe again* [1].

Субъективные и психологические моменты перельмановской концепции «новой риторики» связаны с необходимостью учитывать реакцию аудитории, ее согласие с выдвигаемыми тезисами и в первую очередь с теми доводами, которые приводятся для их обоснования и подтверждения. Показательно, что Б. Обама часто приводит частные бытовые примеры, затрагивает проблемы обычных людей, таких же, как и большинство присутствующих: *The mother who can't get Medicaid to cover all the needs of her sick child; The teacher who works another shift at Dunkin Donuts after school just to make ends meet; The Maytag worker who is now competing with his own teenager for a \$7-an-hour job at Wal-Mart because the factory he gave his life to shut its doors; The woman who told me that she hasn't been able to breathe since the day her nephew left for Iraq, or the soldier who doesn't know his child because he's on his third or fourth tour of duty* [1, 2, 3]. Все приведенные тезисы подкрепляются аргументами, убеждающими слушателей в том, что все перечисленные трудности может решить человек, стоящий перед ними. Аргументация начинается повторяющейся фразой: *they (she, he) need us (мы нужны им, они нуждаются в нас)*, — которая предлагает рациональные, но не демонстративные доказательства. Безусловно, приводимые примеры являются жизненно важными фактами для слушателей. Автор показывает реальную пользу для аудитории от своих предложений, в мельчайших деталях демонстрирует, что слушатели смогут получить: *...to pass a health care plan that cuts costs and makes health care available and affordable for every single American; to reform our education system so that she gets better pay, and more support; to come together and put an end to a war that should've never been authorized and never been waged* [1, 2, 3].

Судя по реакции аудитории (это видно из видеоматериалов), Б. Обама убедил ее, что именно такая точка зрения истинна, что именно его видение проблем и общества адекватно реальности и что в рамках именно так понятой действительности возможно решить имеющие-

ся проблемы, причем решить наилучшим для аудитории образом. Претендент отождествил предложенные им на рассмотрение проблемы с проблемами аудитории и добился того, что она действительно восприняла их как свои собственные. Чтобы слушатели ушли не просто убежденными, но готовыми к действию в будущем, т. е. проголосовали так, как необходимо кандидату в президенты, в заключительной части речи содержится повторяющийся призыв к действию: *Yes. We. Can (Да. Мы. Можем.)*. Здесь очень эффективно использована парцелляция конечного предложения с градацией лексики, которая усиливает эмоциональный эффект, производимый убеждающей аргументацией: *...that out of many, we are one; that while we breathe, we hope; and where we are met with cynicism, and doubt, and those who tell us that we can't, we will respond with that timeless creed that sums up the spirit of a people in three simple words: Yes. We. Can* [1, 2, 3].

Таким образом, повтор — одно из наиболее эффективных средств усиления речевого воздействия, причем наиболее действенным является не повтор «в чистом виде», а частичный повтор: с варьированием формы и содержания, дополненный другими риторическими и стилистическими средствами. Как видно из представленного выше исследования, фигуры повтора в выступлениях Б. Обамы довольно разнообразны и частотны, что несомненно придает его риторике художественность и убедительность.

Помимо повтора как средства убеждения и эмоционального воздействия на электорат, весьма колоритным средством риторической аргументацией является стратегия дискредитации оппонента, имеющая целью вывести противника из равновесия оскорблениями, ложью, клеветой, задеть его чувства, заставить защищаться и тем самым лишить возможности высказать свою позицию. По нашим данным, основная тактика дискредитации в речи политиков — обвинение.

Примером может служить публичная речь кандидата на пост президента США Дж. Маккейна «A leader we can believe in»: *No matter who wins this election, the direction of this country is going to change dramatically. But the choice is between the right change and the wrong change; between going forward and going backward* [10]. В данном фрагменте кандидат на пост главы государства не называет конкретных имен, соответственно в начале высказывания интенцию обвинения завуалирована, но следующее предложение, хотя и косвенно, навязывает избирателям его точку зрения. Лозунгом предвыборной кампании Обамы была фраза *Change we can believe in*. В приведенном высказывании Маккейна слово «change» является весьма частотным. Если Обама использовал лозунг для создания положительного образа кандидата американской мечты, лозунг в его

устах выражал идею объединения наций в стране, то Маккейн перефразировал данный призыв и поместил его в заглавие речи: **A leader we can believe in**. Таким образом, на первый план выдвигается не идея объединения, а идея лидера, который поведет за собой народ. Далее в той же речи Дж. Маккейн наводит избирателей на мысль, что и до этих выборов в стране случались перемены, но далеко не самые лучшие: **The irony is that Americans have been experiencing a lot of change in their lives attributable to these historic events, and some of those changes have distressed many American families — job loss, failing schools, prohibitively expensive health care, pensions at risk, entitlement programs approaching bankruptcy, rising gas and food prices, to name a few. But your government often acts as if it is completely unaware of the changes and hardships in your lives. And when government does take notice, often it only makes matters worse. For too long, we have let history outrun our government's ability to keep up with it** [10].

Тактика обвинения реализуется Маккейном в употреблении номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательными компонентами значения. Налицо манипулирование выбором избирателей, создание негативной концептосферы описываемой ситуации: **The wrong change looks not to the future but to the past for solutions that have failed us before and will surely fail us again. I have a few years on my opponent, so I am surprised that a young man has bought in to (согласен) so many failed ideas. Like others before him, he seems to think government is the answer to every problem; that government should take our resources and make our decisions for us. That type of change doesn't trust Americans to know what is right or what is in their own best interests. It's the attitude of politicians who are sure of themselves but have little faith in the wisdom, decency and common sense of free people. That attitude created the unresponsive bureaucracies of big government in the first place. And that's not change we can believe in** [10]. И опять Маккейн выстраивает критику программы соперника, обращаясь к часто употребляемому Обамой слову "change".

Помимо тактики обвинения оппонента, для убеждения избирателей в понимании их нужд Маккейн использует сопоставительные конструкции: **Senator Clinton and Senator Obama want to increase the size of the federal government. — I intend to reduce it. Senator Clinton and Senator Obama will raise your taxes. — I intend to cut them** [9]. В следующих примерах из речи Маккейна употребляются дейктические знаки *эти, они, там* и фамилии в нарицательном значении и множественном числе, выражающие чуждость, недоверие к оппоненту, приобретающие в политическом контексте уничижительную оценку: **They will offer a big government solution to health care insurance coverage. — I intend to**

address the problem with free market solutions... They will appoint to the federal bench judges... — I intend to nominate judges who have proven themselves worthy of our trust... [9]. Начиная диалог с проблемы, о которой уже и так думают избиратели, Маккейн говорит очевидное, фокусируя внимание на своих предложениях, прямо противоположных предложениям оппонента.

Обама также использует подобные конструкции для критики действий своих политических противников: **Unlike John McCain, I will stop giving tax breaks to corporations that ship jobs overseas, and I will start giving them to companies that create good jobs right here in America.** В этой же речи Обама еще более отрицательно отзываясь о политике своего главного соперника Джона Маккейна, используя резко негативную конструкцию, начинающуюся с отрицания, считающегося неприемлемым в официальных обращениях: **Now, I don't believe that Senator McCain doesn't care what's going on in the lives of Americans; I just think he doesn't know. // And today, as my call for a time frame to remove our troops from Iraq has been echoed by the Iraqi government and even the Bush Administration, even after we learned that Iraq has a \$ 79 billion surplus while we're wallowing in deficits, John McCain stands alone in his stubborn refusal to end a misguided war** [15]. Позиция Маккейна по отношению к войне характеризуется словосочетанием *stubborn refusal* (упрямый отказ), а также эпитетом *misguided* (ошибочный). В дальнейшем Обама употребляет такие выражения, как *bad strategy* (плохая стратегия), имея в виду политику Буша и Маккейна: **John McCain wants to follow George Bush with more tough talk and bad strategy, that is his choice — but it is not the change we need** [6].

На уровне языкового воплощения тактика обвинения реализуется прежде всего номинациями с резко отрицательной окраской, оценочными эпитетами с отрицательным компонентом значения, выражающими мнение Обамы, которое он хотел бы донести до потенциальных избирателей. Однако, как известно, в предвыборном дискурсе часто используются и косвенные приемы воздействия. В качестве таковых в политическом дискурсе чаще всего выступают метафоры, сравнения, аллюзии, эвфемизмы и другие средства косвенной оценки, которые используются для реализации базовых стратегий политического дискурса: запугивания, соперничества и борьбы за власть, навязывания определенного мнения, оказания давления на соперников, манипулирования народом, оправдания агрессивных военных действий и др. [Токарь: 2008].

Сила речевого воздействия тактики обвинения в контексте аргументации увеличивается, когда речевые маркеры этой тактики проявляются не только на лексическом, но также на синтаксическом и текстовом уровне. Вот пример из речи Дж. Маккейна о необходимости пе-

ресмотра военных сил США: *We are fighting a war in two countries / and we're in a global struggle with violent extremists who despise us / our values and modernity itself // If we are to succeed/ we must rethink and rebuild the structure and mission of our military // the capabilities of our intelligence and law enforcement agencies // the purposes of our alliances // the reach and scope of our diplomacy // the capacity of all branches of government to defend us // We need to marshal all elements of American power // our military / economy / investment / trade and technology // We need to strengthen our alliances and build support in other nations // We must preserve our moral credibility / and remember that our security and the global progress of our ideals are inextricably linked* [16].

Ключевыми в этом тексте являются слова с ярко выраженной негативной оценкой: *война, борьба, усиление*. Рассматриваемый пример эксплицирует известную и любимую американскую идеологему «справедливой войны». Неизбежность и необходимость войны преподносится как данность, как политика страны на прошлое, настоящее и будущее. *Должны пересмотреть, реконструировать, упорядочить все элементы власти Америки, мы должны защищать нашу внутреннюю надежность, наша безопасность и глобальный прогресс ... неразрывно связаны* — с помощью таких конструкций война возводится в ранг неизменных законов мироздания, политика предлагает объединить, усилить все отрасли страны и направить на защиту, осуществляемую военными действиями. Мирное существование не рассматривается в речи как альтернатива войне. Умолчание одного из вариантов альтернативы является логической подменой. В этот семантический ряд входят и лексема «вызов», словосочетание «разграничительные линии», приобретающие в контексте отрицательную оценку.

О. С. Иссерс отмечает, что при использовании тактики оскорбления коммуникативная задача состоит в унижении и осмеянии партнера [Иссерс: 1999]. Чаще всего тактика оскорбления встречается в рамках стратегии нападения на теледебатах, когда конфликтные агрессоры прибегают к обсуждению личности, намерений оппонента, оценке его поступков и действий, даже к брани.

Дискредитация противника с помощью тактики обвинения широко представлена в анализируемом политическом дискурсе. Следует согласиться с О. С. Иссерс в том, что тактика оскорбления имеет несколько иной характер и преимущественно используется журналистами, о чем свидетельствуют и материалы нашего исследования, хотя мы и выявили завуалированные приемы, относящиеся к стратегии дискредитации, в публично произносимых политиками речах.

В результате проведенного на материале американского предвыборного дискурса канди-

датов в президенты исследования установлено, что в обращениях к избирательской аудитории политики преимущественно используют риторическую аргументацию, и в меньшей степени — рациональную (логическую). Также можно сделать вывод, что риторическая аргументация имеет широкий диапазон инструментов воздействующего, побуждающего и убеждающего характера. Дискурсы Б. Обамы и Дж. Маккейна представляют собой грамотно организованную аргументацию, содержащую различные приемы и стратегии, направленные на борьбу за голоса избирателей.

Таким образом, анализируемый материал подтверждает, что в предвыборной речи реализуется аргументация, противопоставляемая рациональной. Следует отметить, что выделенный тип аргументации характеризуется стилистическими приемами — риторическими, экстралингвистическими, — которые широко задействованы в речах представителя Республиканской партии, в то время как речи, произнесенные Б. Обамой, создают стилистический образ, что, по нашему мнению, и послужило причиной его победы на президентских выборах.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасенко Е. В. Роль семантического повтора в реализации стратегий политической коммуникации // Вестник СГТУ. 2006. № 4. Вып. 1.
- Белт Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 18—25.
- Будаев Э. В. Военная метафорика в дискурсе СМИ // Acta Linguistica : электронный научный журнал. 2008. № 1. Vol. 2. С. 29—36. URL: <http://www.actalinguistica.com>.
- Евстегнеева Н. А., Паршина О. Н. Обучение тактикам аргументации (на материале политических текстов) // Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве: материалы 13 междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. И. Аннушкина. — М., 2009. С. 156—160.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Омск. гос. ун-т. — Омск, 1999.
- Кумахова З. М. Президентская кампания, политическая корректность и «негативная кампания» (о языке президентской кампании в современном американском политическом климате) // Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве : материалы 13 междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. И. Аннушкина. — М., 2009. С. 219—223.
- Мигунов А. И. Теория аргументации как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации // Коммуникация и образование : сб. науч. ст. — СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2004. С. 198—215.
- Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии 20 века. — М.: Рефлбук Ваклер, 2000.
- Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших

дней. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Reale_ZapFil/Modern/_33.php.

Токарь Э. К. Средства косвенной оценки в политическом дискурсе конца XX — начала XXI вв. (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2008.

Третьякова Т. П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование : сб. науч. ст. — СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2004. С. 299—320.

Хазарегов Г. Г. Политическая риторика. — М.: Никколо-Медиа, 2002.

Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities. — Dordrecht, 1978.

ИСТОЧНИКИ

[1]. Barack Obama's South Carolina Victory Speech. 26.01.2008. URL: <http://www.realclearpolitics.com>.

[2]. Barack Obama's Potomac Primary Speech. 12.02.2008. URL: <http://www.realclearpolitics.com>.

[3]. Barack Obama. Changes come to America. 4.11.2008. URL: <http://4flaga.ru/158-obama.html>.

[4]. Barack Obama's Speech Announcing 2008 Run for the White House. 10.02.2007. URL: <http://4flaga.ru/158-obama.html>.

[5]. Barack Obama. "A more perfect union". 18.03.2008. URL: <http://4flaga.ru/158-obama.html>.

[6]. Barack Obama Acceptance Speech; August 28, 2008. URL: http://uspolitics.about.com/od/speeches/a/obama_accept.htm.

[7]. Charlotte Higgins. The New Cicero. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/nov/26/barack-obama-usal>.

[8]. John McCain's election speeches. URL: <http://www.johnmccain.com>.

[9]. John McCain's CPAC Speech. February 07, 2008. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2008/02/john_mccains_cpac_speech.html.

[10]. John McCain. "A Leader We Can Believe In"; June 3, 2008. URL: http://www.cfr.org/publication/16413/mccains_speech_on_a_leader_we_can_believe_in.html.

[11]. Prayer of Saint Francis. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_of_Saint_Francis.

[12]. Remarks of Senator Barack Obama: A Change We Can Believe In. 3.11.2007. URL: <http://www.barackobama.com>.

[13]. Remarks of Senator Barack Obama: Super Tuesday. 5.02.2008. URL: <http://www.barackobama.com>.

[14]. Remarks of Senator Barack Obama: Change That Works for You. 9.07.2008. URL: <http://www.barackobama.com>.

[15]. Remarks of Senator Barack Obama: The American Promise. August 28, 2008. URL: http://www.barackobama.com/2008/08/28/remarks_of_senator_barack_obam_108.php.

[16]. Remarks as prepared for delivery: Senator McCain's announcement speech. April 25, 2007. URL: <http://www.4president.org/speeches/2008/johnmccain2008announcement.htm>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев

Н. А. Красильникова
Новоуральск, Россия

N. A. Krasilnikova
Novouralsk, Russia

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ
КОНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

**PUBLIC OPINION AS THE SUBJECT
OF COGNITIVE-DISCURSIVE
STUDIES IN THE SPHERE
OF POLITICAL LINGUISTICS**

Аннотация. Политическая лингвистика привлекает к себе внимание многих исследователей, в том числе представителей когнитивно-дискурсивного подхода в языкознании. В рамках этого подхода активно изучается метафорическая репрезентация участников политической коммуникации — стран, политических институтов, деятелей; при этом исследователи рассматривают политический и медийный дискурсы, создаваемые политиками, журналистами, спичрайтерами и т. д. Еще один участник политической коммуникации пока остается за пределами когнитивно-дискурсивного анализа: это общество, его реакция на происходящие события, его отношение к той или иной стране, партии, органу власти, политику. Выражение общественного мнения мы находим в комментариях после статей, в чатах, блогах, ток-шоу, опросах и прочих интерактивных формах коммуникации. Рассматриваются основные теоретические позиции дискурса общественного мнения.

Abstract. Political linguistics attracts attention of many researchers, including exponents of cognitive approach to discourse analysis in linguistics. Within the framework of this approach metaphorical representation of agents of political communication, namely of countries, political institutions, politicians is absorbedly studied. At this, political and media discourses created by politicians, journalists, reporters, speech-writers, etc. is put to analysis. We believe that one more agent of political communication is still beyond the scope of discourse research. That is people, society and its reaction to current events, some country, party, authority, or politician. Public opinion is often represented in comments to some articles in mass media, in chats, blogs, talk shows, surveys and other interactive kinds of communication. In this paper we consider main theoretical issues of public opinion discourse.

Ключевые слова: дискурс общественного мнения; общественность; модель коммуникации; бытовой/институциональный и медийный политический дискурсы; Интернет; Россия; концептуальная метафора.

Key words: public opinion discourse; publicity; communication model; common/institutional and media discourses; Internet; Russia; conceptual metaphor.

Сведения об авторе: Красильникова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, директор филиала УрГПУ в г. Новоуральске, заведующий кафедрой общепрофессиональных дисциплин.

About the author: Krasilnikova Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Director of Novouralsk Affiliate of the Ural State Pedagogical University, Head of the Chair of Professional Subjects.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 624130, г. Новоуральск, ул. Победы, 18, к. 307.
e-mail: n_krasilnikova@mail.ru.

*Общественное мнение
есть неорганический способ познания того,
чего народ хочет и мнит.
Г. В. Гегель*

Политическая коммуникация уже не одно десятилетие является предметом повышенного научного интереса. Явление это неслучайно. За многие годы от сугубо практической необходимости изучения норм общения с идейными врагами, формирования мировоззрения противостояния и борьбы за светлое будущее интерес к области политической коммуникации вырос до всесторонних когнитивно-дискурсивных исследований объектов, субъектов, взаимоотношений, идиостилей, реакций и механизмов воздействия на сознание адресата политической коммуникации с точки зрения современной

фундаментальной и прикладной науки.

В частности, на пике развития и популярности в сфере гуманитарного знания сегодня находится политическая лингвистика. Зарождение этого научного направления происходит еще в античной риторике, становление — во времена Первой мировой войны (У. Липпманн, П. Лазарсфельд, Г. Лассвелл, Дж. Оруэлл, В. Клемперер), ренессанс — в годы холодной войны, когда лингвисты фокусируются на формах тоталитаризма, антидемократизма, национализма (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер). К этому времени относятся и первые работы по анализу

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Красильникова Н. А., 2011

дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко), авторы которых считали, что изучению следует подвергать не отдельные тексты, а множество текстов с учетом всевозможных лингвистических и паралингвистических факторов, в том числе позиции автора. Отметим, что уже в 60-80-е гг. прошлого столетия представители французской школы рекомендовали сопоставлять содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме) [Будаев, Чудинов 2008: 19].

На рубеже XX — XXI вв. наблюдается расцвет политической лингвистики: расширяются ее географические границы, увеличивается сфера научных интересов, выкристаллизовываются новые грани исследования, в которых преломляются новые аспекты взаимодействия языка, власти и общества. Политическая лингвистика превращается в автономное научное направление со своей методологией, авторитетами и научными школами.

Все лингвистические исследования политической коммуникации в зависимости от формы рассматриваемого объекта разделяются на три группы: языковые, текстовые и дискурсивные. Самым емким и актуальным сегодня в рамках когнитивной парадигмы знания является понятие «дискурс». Распространение данного понятия на другие, смежные с лингвистикой области знания, такие как психология, культурология, социология, привело к его разностороннему рассмотрению и соответственно к отсутствию единства в толковании. Как афористично подметил В. И. Карасик, «само понятие „дискурс“ стало шире понятия „язык“» [Карасик 2002: 227].

В данном исследовании под *дискурсом* мы понимаем: в широком смысле — форму использования языка в реальном времени, отражающую определенный тип социальной активности человека [Кубрякова 2004: 525]; в узком смысле — связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания [ЛЭС 1990].

Многолики и предлагаемые учеными подходы к классификации видов дискурса. По **социолингвистическому** критерию выделяются следующие виды дискурса: **политический** (Р. Андерсон, Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, Н. Н. Ключко, Н. А. Купина, Э. Лассан, А. Мусолфф, П. Серию, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.), **педагогический** (Н. А. Антонова, Т. В. Ежова, В. И. Карасик, О. А. Каратанова, Н. А. Комина, А. П. Липаев, Б. В. Щербинина и др.), **рекламный** (Е. Е. Аникин, М. Ю. Илюшкина, О. С. Исерс, В. Б. Кашкин, Е. В. Куликова, Т. П. Романова, Е. В. Степанова, С. Ю. Тюрина и др.), **административный** (Н. А. Баландина,

Е. С. Кара-Мурза, М. Н. Панова и др.), **юридический** (Е. А. Кожемякин, Л. В. Колесникова, О. В. Косоногова, Л. М. Лейкина, Л. Е. Попова, Н. В. Овчинникова, Н. А. Сараева, Е. В. Шевченко и др.), **военный** (В. М. Амиров, И. В. Жуков, Т. С. Юсупова, И. Ф. Янушкевич и др.), **религиозный или религиозно-мистический** (Е. В. Бобырева, И. В. Богачевская, И. В. Бугаева, А. С. Жулинская, В. И. Карасик, Н. И. Ковалова, К. А. Кузьмина, И. М. Пиевская, А. А. Чернобров и др.), **медицинский** (Л. М. Алексеева, М. И. Барсукова, И. С. Гаврилина, С. Л. Мишланова, В. Ф. Новодранова и др.), **деловой** (В. С. Григорьева, М. К. Любимова, В. А. Пономаренко, Н. М. Потапова, Т. А. Ширяева, А. В. Эзенкина и др.), **спортивный** (А. Б. Зильберт, Л. А. Комлева, В. Р. Мангутова, Э. Г. Никитина, О. А. Панкратова, К. В. Снятков и др.), **научный** (Е. А. Бочарникова, О. О. Варнавская, Е. В. Михайлова, Н. А. Мишанкина, Н. Л. Моргун и др.), **художественный** (Н. В. Кулибина, О. Г. Ревзина, В. П. Руднев, Джон Р. Серль, В. И. Тюпа, Е. В. Шустрова и др.) и **медийный/дискурс СМИ** (Т. Г. Добросклонская, М. Р. Желтухина, А. А. Кибрик, М. В. Лесной, А. А. Михайлова, Н. Г. Нестерова, Е. А. Рудая, В. И. Сапунов, Л. Н. Синельникова, Е. И. Шейгал и др.). Этим типам дискурса посвящено достаточно большое количество работ, в их русле продолжаются исследования.

Кроме того, В. И. Карасик предлагает **тематический** (*о чем идет речь*) и **прагмалингвистический** (*как говорят*) подходы к классификации дискурсов [Карасик 2009: 277]. В рамках первого все больший интерес привлекает к себе **экологический** дискурс (Е. В. Иванова, Н. А. Красильникова, А. Н. Левушин, А. В. Поморцева и др.), выделяется на фоне других работ когнитивно-дискурсивное исследование **дискурса ядерной энергетики** (Л. К. Никифорова), актуализируются **террористический, расистский и ксенофобический** и другие тематические разновидности дискурса. С позиций **прагмалингвистического** подхода выделяют **комический, ритуальный, изотерический** и различные дискурсы жанровых образований.

Дискуссионным понятием остается «институциональный дискурс». Одни исследователи относят все перечисленные тематические разновидности к институциональному дискурсу, определяя его как «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума», и противопоставляют его бытовому общению [Карасик 2006]. Другие ученые иначе подходят к решению этого вопроса. Например, в самом политическом дискурсе разграничиваются **институциональный политический** дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью по-

литических лидеров и др.) и *массмедийный (медийный) политический дискурс*, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета.

Внутренние документы, создаваемые для сотрудников государственного аппарата и общественных организаций, относятся к периферии политического дискурса, по ту сторону которой находятся *тексты, созданные «рядовыми гражданами», принимающими участие в политической коммуникации*. К таким текстам относятся письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, разного рода надписи (в том числе на стенах), анекдоты, бытовые разговоры на политические темы и пр. Согласно исследователям, подобные тексты находятся в сфере пересечения политического и бытового дискурсов [Будаев, Чудинов 2008: 34].

Несмотря на разницу подходов к рассмотрению институционального дискурса, ученые сходятся на том, что границы между разновидностями дискурса не всегда отчетливы, могут пересекаться или проецироваться друг на друга. Руководствуясь этим положением, *предположим, что (институциональный) политический дискурс проецируется на дискурс СМИ, формируя массмедийный политический дискурс*. СМИ представляют собой «канал», через который направляется «голос» власти, модифицирующийся в соответствии с определенной идеологической платформой конкретного издания, и через который он достигает целевого потребителя — массовую аудиторию [Рудая 2010: 8]. В медиадискурсе изучаются идиостили политических деятелей и партий, способы воздействия на адресата обращений политиков и журналистов, имидж политических лидеров, партий, стран и т. д.

Однако до сих пор остается в тени еще один важный субъект политической коммуникации. Обратимся к модели коммуникативного акта, разработанной в 1948 г. американским политологом Г. Лассуэллом, согласно которой коммуникация представлена как однонаправленный, линейный процесс: *кто* сообщает — *что* — по *какому каналу* — *кому* — с *каким эффектом* [Lasswell 1948]. Названные Г. Лассуэллом компоненты признаны обязательными, хотя впоследствии эта модель была усовершенствована за счет введения «обратной связи» как обязательного вида отношений между компонентами. В результате изменилось и понимание самого процесса коммуникации: он предстал в виде замкнутой цепи, в которой все компоненты взаимосвязаны.

«Массовое общество» теснейшим образом связано с наличием массовой демократии, всеобщим избирательным правом, с представлением, что любой человек в равной степени в состоянии воздействовать на власть [Хевеши

2001]. В современном мире не вызывает сомнения, что массовая коммуникация в условиях демократического общества предполагает обратную связь, при этом, чем демократичнее и развитее государство, тем больший резонанс в обществе вызывают те или иные социальные вопросы в целом и политическая коммуникация в частности, что становится очевидным в опросах, комментариях к статьям, блогах, чатах и бытовом общении на политические темы.

Не зря уровень политической коммуникации философы видят как то измерение, в котором и есть «начало» политики (К.-О. Апель, Хабермас). Этот уровень на языке политической теории получил название «гражданского общества». Если с гражданским обществом связывается в первую очередь комплекс гражданских институтов, то К.-О. Апель сужает его до более абстрактного понятия «общественности». **Общественность**, или публичность (Öffentlichkeit, английский перевод — public sphere, publicity), — та часть реального коммуникативного сообщества, в которой реализуются политические дискурсы, легитимирующие общественные институты [Назарчук 2002]. В таком употреблении понятие общественности обретает значение «возможности дискурса», т. е. общественность, общественная сфера рассматривается как условие возможности разрешения социальных конфликтов и проблем.

Если следовать Г. В. Гегелю (1770—1831), общественность с полным правом можно истолковать как сферу, опосредующую отношения между частным и государственным. В ней происходит трансценденция частной сферы, формирование общественного мнения и союзов, социальная интеграция и социализация. В общественности как источнике легитимации всех социальных норм происходит опосредование морали, права и политики [История политических и правовых учений].

Учитывая вышесказанное, считаем обоснованным продолжить коммуникативную цепочку политической коммуникации *политические лица/институты* — *СМИ* важнейшим ее звеном, на которое производится эффект в институциональном и медийном политическом дискурсе, и которое обеспечивает обратную связь, а именно *общественностью*. Логичное окончание этой коммуникативной цепи обеспечит эффект, произведенный на адресата, который выражается в *общественном мнении*.

Платон (428 или 427—348 или 347 гг. до н. э.) считал, что мнение — это чувственное познание, низший вид знания, включающего познавательный элемент. По теории «формальной логики» Аристотеля (384—322 гг. до н. э.), мнение составляется о тех явлениях и предметах, которые обладают неопределенностью, и является в качестве первичного суждения для получения научного знания [Философская энциклопедия он-лайн]. Согласно теории Гегеля, общественное мнение — это единство противополож-

ностей (истины и заблуждений), неорганический способ обнаружения того, чего народ хочет и что он думает, это состояние общественного сознания, проявляющееся в совокупности оценочных суждений о событиях и фактах социальной действительности, проблемах государственной и общественной жизни различных групп и слоев населения [Гегель 1990: 459]. Общественное мнение — совокупность многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу, затрагивающему группу людей.

Однако общественное мнение не строго философское абстрактное понятие, данный феномен пристально изучается в своем практическом преломлении в психологии, маркетинге, политике и связях с общественностью. Среди особенностей общественного мнения выделяют:

- тенденцию преувеличивать значение происходящего;
- тенденцию к быстрому изменению;
- формирование с учетом всех реалий политической, экономической и социальной обстановки в стране;
- подверженность влиянию через конкретные группы или отдельные сегменты целевых аудиторий, так как не существует единой и унифицированной широкой аудитории общественности;
- склонность к изменению за счет происходящих конкретных событий, а не только за счет отдельных суждений и выступлений;
- соответствие непосредственным интересам целевой аудитории [Котлер 2010].

Политический медийный дискурс оказывает влияние на общественное мнение, формирует или корректирует его согласно или в противовес мнению политиков или журналистов. Таким образом, провоцируется ответная реакция общественности — адресата посланий политических агентов, и эта реакция устремляется обратно либо в СМИ в виде комментариев к статьям, отзывов в блогах, ссылок на чаты, писем в редакцию, либо непосредственно в виде обращений к политическим деятелям и партиям.

Полученную нами коммуникативную цепь можно преобразовать во взаимосвязанный треугольник субъектов политической коммуникации: **политический агент (институт) — СМИ — общество (общественное мнение)**. Добавим, что эту схему можно усложнить, например за счет блока зарубежного общественного мнения (ОМ 2), на которое политический дискурс рассматриваемой страны, включая ее общественное мнение (ОМ 1), в условиях глобальной интеграции в сети Интернет оказывает существенное влияние. Соответственно складывается **внутренний и внешний дискурс общественного мнения**.

Проблемой обратной связи в массовой коммуникации уже углубленно занимается социопсихология, для которой важно выяснение психологических условий, способствующих из-

менению общественного сознания, понимание связи между социально значимой реакцией получателя информации и собственно психической структурой его сознания (В. И. Дерюгин, А. У. Хараши и др.). Однако конитивно-дискурсивный анализ дискурса общественного мнения не менее интересен и с лингвистической точки зрения.

Цель данной статьи — заявить дискурс общественного мнения (ДОМ) как отдельную разновидность дискурса в срезе политической коммуникации, определить его место среди других дискурсов и выявить его основные параметры и характеристики.

Рассмотрим соответствие ДОМ трем основным характеристиками дискурса по М. Стаббсу [Stubbs 1983: 1]: 1) в формальном аспекте ДОМ — единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном аспекте ДОМ безусловно связан с использованием языка в социальном контексте, 3) наконец, ДОМ интерактивен, поскольку не только возникает в ответ на институциональный и медийный дискурсы, но и формирует сеть коммуникативных связей внутри себя.

Итак, *дискурс общественного мнения (ДОМ) — это форма использования языка в процессе формирования и выражения общественного мнения в реальном времени в совокупности содержания высказывания с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов*. Общественное в рамках ДОМ представляет собой оценочную интерпретацию общественно-политического явления, события и его участников, обмен мнениями и участие в решении значимых проблем общества и государства, влияние на представления или стереотипы коммуникантов и формирование или уточнение их языковой картины мира. ДОМ — уникальное дискурсивное образование, вобравшее в себя черты институционального, медийного и бытового дискурсов, поскольку возникает как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный, а по природе своей складывается в рамках бытового личностного общения.

Особенность бытового дискурса заключается в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, использовать особый сокращенный код общения, поскольку люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего [Карасик 2002: 215]. Именно оценочная модальность, на наш взгляд, и представляет особый интерес для когнитивной лингвистики в дискурсе общественного мнения, поскольку она выражается через такие концептуально маркированные явления, как метафоры, метонимия, эпитеты, аллюзии, каламбуры, параномазия, прецедентные феномены, которые используются для представления знаний и

демонстрируют черты национального менталитета, доверие или недоверие власти и СМИ, позицию личности в дихотомии «Свои — Чужие», поддержку или оппозицию в важных социальных вопросах и даже информационных войнах. Более того, концептуальные лингвистические единицы, идеи, имплантированные в мышление людей посредством печатного слова, как писал известный поэт и публицист Джон Мильтон (1608—1674 г.), «столь же живучи и плодovitы, как баснословные зубы дракона, ...будучи рассеяны повсюду, они могут воспринять в виде вооруженных людей» [Мильтон 2001]. Тем более важным представляется исследование общественного мнения с позиций когнитивно-дискурсивного анализа.

Таким образом, ДОМ находится на пересечении статусно ориентированного и личностно ориентированного дискурсов. Как же происходит это пересечение? По каким каналам осуществляется связь между ДОМ и медийным или институциональным дискурсами? Какие средства коммуникации используются для этого?

Дискурс общественного мнения реализует подачу информации на двух уровнях:

– личностно ориентированный уровень (бытовой дискурс) подразумевает устный или письменный обмен информацией при личном общении, по телефону, посредством компьютеризированных средств быстрого обмена сообщениями, по электронной почте, через дискуссии в форумах, сообщения на электронной доске объявлений, аудио- и видеопереговоры в режиме онлайн (например, через программы MailAgent или Skype) и т. д.;

– статусно ориентированный уровень опосредуется печатными и электронными, устными и письменными обращениями к политическим деятелям и партиям (институциональный дискурс), комментариями к статьям в электронных изданиях, звонками в студию телевизионных передач, письмами в редакцию электронных и печатных СМИ, сообщениями в блогах, социальных сетях и т. д. (медийный дискурс).

В конце XX в. в нашу жизнь ворвался Интернет, и функционирование языка во «Всемирной паутине» стало новой актуальной темой лингвистических исследований наряду с устойчивыми исследованиями в области искусственного интеллекта и машинного перевода [Атабекова 2002: 8—15].

Интернет представляется как определенная структура, которая пронизывает все многомерное социальное пространство и является совершенно новым местом пересечения самых различных социальных полей. Компьютерные и телекоммуникационные технологии проникают в науку, культуру, образование, экономику и политику. Интернет становится формой организации совместной информационно-познавательной и коммуникативной деятельности людей, выступая носителем нравственных ценностей [Филиппова 2000: 11].

Т. В. Филиппова определяет социальную роль Интернета следующими постулатами:

- Интернет позволяет устанавливать горизонтальные связи в общении между людьми;
- Интернет не навязывает информацию, но предлагает к добровольному восприятию;
- Интернет позволяет любому человеку стать участником информационного процесса;
- высказанные через Интернет мнения становятся доступными и достижимыми для восприятия другим человеком. В Интернете информация не погибает;
- Интернет создает локальные сообщества людей как альтернативу серой безликой толпе. Они самоорганизуются и самоуправляются, изменяя при этом структуру общества;
- В Интернете человек всегда оставляет выбор за собой, его никто не вправе отнять [Там же].

Добавим к этому, что социальная роль Интернета активизируется и психологическими факторами, среди которых отмечаются следующие:

• Богатые возможности **самопрезентации** пользователя Сети, в некоторых случаях позволяющие создать и вести жизнь, отличающуюся от реальной.

• **Анонимность** общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет. То есть особенности коммуникации в Интернете позволяют человеку конструировать свою идентичность по собственному выбору [Жичкина 2004].

• Виртуальная самопрезентация может внести вклад в **становление** определенного содержания **социальной идентичности** не только за счет принадлежности к определенному виртуальному сообществу, но и за счет противопоставления себя этому сообществу, намеренно девиантного, конфликтного поведения. Примером такого поведения является описанное Дж. Донат явление, известное как «trolling» — послание в конференцию провокационных сообщений. Пользователя, посылающего подобные сообщения, называют «troll», что переводится двумя способами — как «тролль» и как способ рыбной ловли, который заключается в забрасывании приманки и протаскивании ее по дну в ожидании, что рыба на нее клюнет. Пользователь, подозреваемый в «троллинге», вызывает агрессию других, и, как правило, его вскоре отключают от пользования данной телеконференцией [Donath 1997].

• Полная **свобода слова и конфиденциальность**, отсутствие страха наказания или дискредитации по какому-либо формальному признаку (пол, национальность, социальные меньшинства, цвет кожи, внешние данные и т. д.), обеспечиваемые анонимностью или псевдоанонимностью пользователя Сети.

• Возможность необоснованного **«выплеска» отрицательной энергии и агрессии**, что мо-

жет привести к засилию ругательств и оскорблений в процессе коммуникации, так называемому явлению флейминга (flaming), которое возникает по причине отсутствия ответственности за сказанное в Интернете. Молнии оскорблений, вспыхивающие на фоне обсуждений вопросов политики, спорта, религии, философии могут напоминать ожесточенные войны (flaming wars) [Johnson 2009: 660—672]. Интересно, что часто оскорбления возникают на почве неправильного написания или использования слов, хотя таких случаев в Сети достаточно много и не всегда это ошибки, а, как правило, лингвистическое балагурство, вербальное выражение креативности собеседника.

• **Невозможность невербального проявления эмоций**, использования жестов, мимики и проч. Частично такое положение дел компенсируется различными графическими обозначениями эмоциональных состояний, так называемыми смайлами, и специальными сетевыми акронимами. Например, IMHO — in my humble opinion (по моему скромному мнению), PMFJI — pardon me for jumping in (извините, что заскочил в ваш разговор) и др., которые используются в сетевом общении во избежание грубой реакции.

Таким образом, Интернет формирует новую сферу информационного взаимодействия, приводит к возникновению новых видов общественных отношений. Коммуникация в Интернете содержит элементы обратной связи и создает беспрецедентные возможности для живого, открытого и всестороннего общения людей, разделенных огромными расстояниями. Вследствие функционирования Интернета формируется массовая, постоянно растущая общность людей, объединенных общими интересами, устремлениями, социокультурными ориентациями, несмотря на этнические, социально-политические и иные различия. Интернет тем самым выполняет интегративную функцию.

В настоящее время Интернет практически полностью заменил печатные СМИ. В связи с этим возрастает интерес к онлайн-коммуникации и все больше ученых изучает воздействие электронных СМИ на человека. Специалисты приходят к выводу, что Интернет способствует повышению гражданской вовлеченности и стимулирует политическое участие благодаря высокой скорости и простоте поиска интересующей информации и простору для дискуссий на актуальные социальные и политические темы [Dhavan et al. 2007: 676—703].

Компьютерно-опосредованную коммуникацию (Computer-Mediated Communication, CMC), или коммуникацию в электронной среде, сегодня определяют как новую подобласть теории и практики коммуникации, в которой исследуется использование людьми электронных (компьютерных) сообщений для понимания в разнообразных средах, контекстах и культурах. Причем изучение электронных сообщений служит прак-

тическим целям эффективного использования компьютерных и коммуникационных технологий и *развития этики* этого вида коммуникации в различных областях человеческой деятельности [Розина 2002: 5—7].

В настоящее время многие печатные издания дублируются интернет-версиями. Хотя в основном в них сохраняется стиль оригинального печатного издания — привычная рубрикация, логотип, — нетрудно обнаружить некоторые инновации. Интернет предоставляет определенные преимущества: доступность в любой точке земного шара, соответствие индивидуальным запросам читателя (легкость печати, скорость доступа к интересующим рубрикам, статьям и т. д.). Инновационные коммуникативные возможности выводят отношения «автор — читатель» на качественно новый уровень. Если традиционные печатные издания предполагают одностороннюю, отдаленную во времени и пространстве связь с потребителем текста, то интернет-газеты позволяют осуществлять обратную связь посредством электронной почты. Это дает шанс отправить автору статьи отзыв на его материал или разместить на странице собственный комментарий в ответ на авторский. Таким образом создаются условия для активной интеракции между автором и читателем, что, несомненно, способствует осуществлению манипулятивных интенций адресанта сообщения [Рудая 2010: 9].

Все перечисленные свойства, функции и характеристики интернет-коммуникации позволяют нам выделить ее как отдельную сферу реализации дискурса общественного мнения. Представляется, что наибольший объем материала для когнитивного анализа дискурса общественного мнения мы также найдем в сфере коммуникации в электронной среде, преимущественно в комментариях к статьям СМИ и сообщениям/интервью политических деятелей и партий, а также в блогах, форумах и чатах на политические темы. Повседневные диалоги в блогах проясняют позиции разных участников, содействуют развитию рефлексии, формируют убеждения, а при надлежащей организации дискуссий способствуют коллективной постановке проблем и поиску их решения [Анненков 2006: 33—37].

Добавим, что когнитивно-дискурсивное исследование предполагает рассмотрение экстралингвистических факторов дискурса, поэтому наряду с вышеобозначенными философскими, социальными, психологическими особенностями ДОМ считаем необходимым также уделять внимание лингвокультурологическим аспектам коммуникации — этике общения, мировоззрению, табуированным темам и т. д. Так, жители США, например, свято верят в то, что именно их страна одержала победу над фашизмом, что «стучать» — это хорошо и правильно; англичане убеждены, что старое всегда лучше нового; русские уверены, что легально заработать

большие деньги нельзя, и проч. Представители каждой страны по-своему рисуют картину мира в зависимости от воспитания, образования, национального менталитета, стереотипов, традиций и обычаев страны проживания, государственной идеологии и политических убеждений. Лингвокультурологический аспект дискурса общественного мнения представляет собой отдельный объект исследования.

Многоаспектное рассмотрение вопроса определяет необходимость применения разнообразных **методов исследования**, основными из которых являются когнитивно-дискурсивный и сопоставительный анализ, осуществляемые с учетом лингвокультурной парадигмы и национальных особенностей носителей соответствующих языков и культур. Кроме этого, для решения поставленных задач необходимо использовать описание, моделирование, систематизацию и интерпретацию речевого материала, метод дедукции, позволяющий на основании интерпретации выявленных частных языковых фактов сделать обобщенные выводы, а также элементы контекстуального анализа и метода количественной обработки.

В 2008 г. мы начали когнитивное исследование дискурса комментариев общественности (public discourse), который сложился на сайтах СМИ Великобритании в ответ на российско-грузинский конфликт (РГК) [Красильникова 2008, 2009, 2010]. Нас заинтересовало то, как мировое сообщество воспринимает Грузию с ее президентом, Россию с ее президентом, как представляет себе сложившуюся ситуацию в оппозициях *тиран — жертва, свои — чужие, друзья — враги, плохие — хорошие* и т. д. В ходе данного исследования мы выявили метафорические модели, наиболее распространенные в высказываниях людей, комментирующих статьи электронных СМИ по поводу РГК. Концептуальные метафоры, отобранные посредством сплошной выборки, позволяют заглянуть в сознание адресата и составить представление о его картине мира, отношении к вопросу и сторонам конфликта.

В условиях информационной войны концептуальные метафоры не только отражение мнения каждого человека, но и средство формирования общественного мнения. Люди оставляют комментарии после статьи, значит, их задевает тема или видение автора. При этом читатели готовы высказывать и отстаивать свое мнение, они свободны в выражениях и могут анонимно написать все, что думают. Самые активные «комментаторы» оспаривают не только точку зрения автора статьи, но и мнение авторов других комментариев, что иногда приводит к развитию аргументированных и пространственных споров.

Мы проанализировали 470 концептуальных метафор. Интересно отметить, что большинство метафор посвящено характеристике президента Грузии и российского государства, количественно менее представлен концептуальный

образ Грузии и ее граждан и экс-президента России В. В. Путина, на третьем месте по числу метафор оказались США и Дж. Буш, реже всего упоминаются НАТО и Осетия.

Исследование показало, что Россия в дискурсе общественности чаще представляется в роли агрессора, безжалостного обидчика, который держит в своих руках сильную власть, обусловленную масштабами, ресурсами, политическими и криминальными связями. Россия — это эмоциональный, непредсказуемый и непонятный человек, страдающий паранойей, пьянством и алчностью. Традиционным стал образ медведя, концептуализирующий Россию как мощное животное, которое разбудили и которое теперь злится, рычит и готово напасть. В то же время представители мирового сообщества все больше удивляются, зачем злить сильного русского медведя, если можно с ним просто подружиться.

Оригинальными в данном дискурсе выглядят исторические концептуальные метафоры, опирающиеся на прецедентные имена и события. Россия видится сквозь призму времен холодной войны или ассоциируется с фашистской Германией.

По-прежнему частотна в представлении России криминальная метафора. Страна воспринимается как «тюрьма наций», из которой пытаются бежать, но беглецов непременно силой возвратят в камеры. Кроме того, жители мира по-прежнему обвиняют Россию в коррупции, лжи, пропаганде, политических аферах, ведении нечестной игры.

Положительный образ России создается посредством актуализации метафорической модели **«Россия — сильный защитник»**. Она объединяет вокруг себя сторонников России, оправдывающих ее действия, и дистанцирует противников.

Приходится констатировать преобладание в образе России пейоративных концептуальных метафор: страну либо упрекают за советское прошлое, либо обвиняют в раздувании военных конфликтов с целью подчинения территорий, либо боятся ей сопротивляться по политическим или экономическим причинам. Мелиоративные метафоры, одобряющие Россию и характеризующие ее в позитивном ключе, пока остаются в меньшинстве. Согласно проведенному исследованию, выводы об исходе информационной войны очевидны и неутешительны.

Только исследуя дискурс общественного мнения с позиций когнитивного анализа, мы сможем составить представление о том, что думает общество о странах-соперниках или странах-союзниках, верит ли политическим партиям, насколько эффективны оказываются те или иные политические послания, речевые стратегии и тактики политических деятелей. Неслучайно в критических ситуациях информационных войн разворачивается борьба именно за общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков В. В. Блоги как среда для непрерывного образования взрослых: опыт сообщества СТОИК // Образовательная среда сегодня и завтра: материалы 3 Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27—30.09.2006) / ред. В. И. Солдаткин. — М.: Рособразование, 2006. — С. 33—37.
- Атабекова А. А. Интернет как сфера функционирования естественного языка (лингвистические аспекты) // Проблемы и перспективы подготовки иностранных граждан в вузах России на рубеже третьего тысячелетия: материалы междунар. науч.-практ. конф / ЛГПУ. — Липецк, 2000.
- Атабекова А. А. Употребление языка в процессе сообщения знаний на пространстве Web-страницы / Теория коммуникации и прикладная коммуникация: сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Н. Розиной. — Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. — (Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1).
- Будаев А. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М., 1990. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/48.php.
- Гнатюк О. Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл (1902—1978) // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. / СПбГПУ. — СПб., 2004. С. 11—20.
- Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. — М.: Дашков и Ко, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/Gichk_SocPsih.php.
- История политических и правовых учений. 2010. URL: <http://www.ulti.kiev.ua/content/>.
- Карасик В. И. О категориях дискурса / ВПГУ, 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
- Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009.
- Котлер Ф. Общественное мнение. 06.14.2010. URL: <http://www.bci-marketing.aha.ru/content/obshchestvennoe-mnenie>.
- Красильникова Н. А. Жертва или злодей? Метафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30).
- Красильникова Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика 2008. Вып. 3 (26).
- Красильникова Н. А. Советский Союз, фашистская Германия или Россия XXI века? (образ России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33).
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- Мильтон Дж. Архопагитика // История печати: антология. — М., 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/28.htm>.
- Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. Тенденции и проблемы глобализации в свете социально-этической концепции К.-О. Апеля. — М., 2002. URL: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/24499/24530/>.
- Розина И. Н. Теория и практика компьютерно-опосредованной коммуникации в России: состояние и перспективы // Теория коммуникации и прикладная коммуникация / под общ. ред. И. Н. Розиной. — Ростов Н/Д: ИУБИП, 2002. С. 5—7. — (Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1).
- Рудая Е. А. Функциональная семантика английских имен прилагательных в тексте англоязычного политического комментария (на материале современной американской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010.
- Филиппова Т. В. Интерактивная коммуникация в эмпирической социологии: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — М., 2000.
- Философская энциклопедия он-лайн. URL: <http://dic.academic.ru/>.
- Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: ист.-филос. очерк. — М., 2001. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Hevesh/index.php.
- Dhavan V. S. et al. Campaign Ads, Online Messaging, and Participation: Extending the Communication Mediation Model // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. Issue 4 (Dec.). — P. 676—703.
- Donath J. S. Identity and deception in the Virtual community. 1997. URL: <http://smg.media.mit.edu/people/judith/Identity/IdentityDeception.html>.
- Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / Bryson J. (ed.); The Communication of Ideas. N. Y.: The Free Press, 1948.
- Johnson N. A. Anger and flaming in computer-mediated negotiations among strangers // Decision Support Systems. 2009. № 46. P. 660—672.
- Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford: Blackwell, 1983.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

П. В. Кропотухина
Екатеринбург, Россия

P. V. Kropotukhina
Ekaterinburg, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
«ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО РАСТЕНИЕ»
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ
РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

**METAPHORICAL MODEL
«DEMOCRACY IS A PLANT»
IN POLITICAL DISCOURSES
OF RUSSIA AND GREAT BRITAIN**

Аннотация. Рассматриваются особенности применения растительных и растениеводческих концептуальных метафор для описания демократических процессов на примере политических дискурсах России и Великобритании.

Abstract. The paper investigates the specifics of applying phyto- and plant growing metaphors to the description of democratic processes in Russian and British political discourses.

Ключевые слова: фитометафоры; растениеводческие метафоры; политический дискурс; сопоставительный анализ.

Key words: phytometaphors; plant growing metaphors; political discourse; comparative analysis.

Сведения об авторе: Кропотухина Полина Владимировна, ассистент кафедры иностранных языков.

About the author: Kropotukhina Polina Vladimirovna, Post-Graduate Student, Assistant Lecturer of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 481.
e-mail: pauline8@mail.ru.

Фитонимы являются традиционным объектом лингвистических исследований. Интерес к изучению фитонимов обусловлен тем, что моделирование явлений окружающего мира в образах растений связано с одной из ранних форм мышления. Фитоморфные образы занимают важное место в культуре. У них есть своя устоявшаяся область символики — плодородие, быстрый рост, величественный покой. Растения, места их произрастания, идея природного плодородия, цикличности жизни и изоморфизма растений человеку используются в процессе концептуализации с древнейших времен. Несмотря на многообразие задач, решаемых исследователями фитонимов, можно сказать, что их работы объединяет одна идея: «...вегетативный (растительный, фитонимический, фитоморфный) код является одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов» [Пименова 2004: 31].

Фитонимные метафорические модели продолжают привлекать внимание лингвистов. Значительное распространение получили исследования фитоморфных метафор в различных видах дискурса, в частности в политическом. Первые примеры анализа фитоморфной метафоры в рамках теории концептуальной метафоры были приведены ее основателями — Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Исследователи выделили и рассмотрели метафорические модели «**Общественные организации — это растения**» и «**Люди — это растения**». Метафоры из сферы-источника «**Растения**» естественным образом и довольно часто применяются к разнообразным абстрактным системам, поэтому объектом исследования З. Кёвечеша стала метафорическая модель «**Комплексные**

абстрактные системы — это растения» [Kövecses 2002]. О. В. Дехнич также считает, что «структуру любого учреждения и организации, даже власти в целом можно представить в виде метафоры дерева, указывая на иерархию подчинения и разделения функций и обязанностей» [Дехнич 2005: 128]. В список базисных метафорических моделей данный исследователь включает модель «**Люди — это деревья**». Метафорическая модель «**Эмоции — это растения**» в английском и китайском языках была рассмотрена О. Есеновой (2006), В. Д. Лай и К. Аренс (2003). По данным диссертационного исследования Т. С. Вершининой, метафорическая модель «**Современная российская действительность — это мир растений**» была характерной для политического дискурса России в 1995—2001 гг. [Вершинина 2002].

Исследования фитонимов в художественном тексте, в работах философов и мыслителей широко представлены в отечественном и зарубежном языкознании. По мнению О. Н. Чарыковой, в поэтическом дискурсе фитонимы выполняют следующие функции: локальной индикации (дают пространственные ориентиры), темпоральной индикации (указывают на время года), индикации эмоционального состояния лирического субъекта, этнографической индикации (обладают в сознании народа определенной символикой), культурной индикации (связаны с феноменами общечеловеческой или национальной культуры) [Чарыкова 2010]. На наш взгляд, данная классификация применима и к политическому дискурсу.

В ходе сопоставительного изучения концептуальных фитометафор в политических дискурсах России и Великобритании мы отметили, что

широкое использование данных метафор при обсуждении демократических процессов в различных государствах свидетельствует о сформировавшейся в русском и британском сознании метафорической модели «**Демократия — это растение**».

Демократические процессы могут описываться с помощью метафор, обозначающих этапы жизненного цикла растений. Для того чтобы начать здоровый рост, растению необходимо пустить корни, дать ростки, поэтому старания каких-либо политических явлений упрочить свое положение можно сравнить с начальным этапом жизни растения. Такие метафоры указывают на проявления новой жизни, борьбы вновь появившихся, еще хрупких растений за выживание. Схожими смыслами в дискурсах двух стран обладают метафоры *всходы, ростки, укоренение демократии*, описывающие зарождение необходимых для здоровой демократической системы явлений. Ср.: *I believe democracy can take root in all societies. — Я верю, что демократия может укорениться в любом обществе* (D. Miliband's speech, 12.02.2008). Результат — демократическое устройство государства — позволяет говорить, что присущие ему институты и ценности (*многопартийная система, парламент, а также стремление к свободе и справедливости, партийные принципы*) укореняются в национальном сознании граждан. В этом смысле британские и русские метафоры обнаруживают много общего. Ср.: *For many years the new organisation struggled to take root in the British political system. — В течение многих лет эта новая организация боролась за то, чтобы пустить корни в британской политической системе* (Labour Party Manifesto, 2005); *Сегодня можно с уверенностью говорить о прочном укоренении парламента как института самоорганизации нашего общества* (Б. Грызлов // НзГ. 28.05.2007). Однако особенностью русского политического дискурса является то, что данные метафоры могут использоваться для выражения невозможности появления демократии. Ср.: *Демократия с евролицом у нас почему-то не процветает* (В. Костиков // АуФ. 2010. № 35).

Способность к цветению — свидетельство того, что растение способно давать плоды, соответственно в метафорическом плане цветение предвещает некие положительные результаты политической деятельности. Наиболее продуктивными и общими для двух дискурсов сферами-мишенями концептуальных метафор цветения становятся *народ/nation, общество/society, демократия/democracy, свобода/freedom, liberty, страна/country*. В британском политическом дискурсе метафоры, обозначающие цветение, более продуктивны. Сферой-мишенью данных метафор часто становились всплески народной активности в Грузии, на Украине и в других постсоветских государствах в период «цветных революций». Кон-

тексты, содержащие такие метафоры, демонстрируют одобрительную оценку данных политических событий. Ср.: *Rose revolution blooms for new Georgian leader. — Революция роз цветет для нового грузинского лидера* (D. McLaughlin // DM. 26.01.2004); *Fragile democratic flowering in Ukraine. — Хрупкий цветок демократии на Украине* (R. Lustig // BBC News. 20.09.2005). Отмечается значительное различие в восприятии данных событий русскими и британскими журналистами. То, что в британских публикациях называется «цветением демократии», «демократической революцией», в русских материалах описывается как «назревание кризиса, протестных настроений, оппозиционных выступлений». Сферой-мишенью концептуальной метафоры *цветети* может являться и британская демократия. В данном случае подчеркивается ее источник: *дебаты в парламенте, конкретные дела политиков в каждом регионе страны*. Ср.: *British democracy has thrived on controversy. — Британская демократия процветает за счет дебатов* (P. Kellner // DT. 19.05.2009); *Democracy thrives on reality checks; from Notting Hill to Liverpool. — Демократия процветает благодаря проверке в реальных условиях от Ноттинг-Хилла до Ливерпуля* (Independent. 26.09.2010).

Неопытность, непродуктивность политиков и партийной системы страны в целом в русском политическом дискурсе может описываться с помощью метафор, связанных с созреванием растений. Незрелостью в понимании авторов российских публикаций характеризуются *гражданское общество, российский рынок, политическая система, партийная система, не созрела и сама Россия для демократии*. Вызывает сомнение и характер российской демократии: *В России зреет настоящая демократия?* (Newsland.ru. 08.05.2010).

Концептуальные метафоры, обозначающие увядание растений, нередко описывают снижение гражданской активности, отход от демократических ценностей в странах, где недавно наблюдался подъем этих явлений. Ср.: *Georgia's Rose revolution wilts. — Грузинская революция роз вянет* (S. Walker // Independent. 10.04.2009); *Lebanon's Cedar revolution withers. — Ливанская кедровая революция увядает* (R. McCarthy // Guardian. 22.10.2005). В этой функции русские политические метафоры используются аналогичным образом. Ср.: *„Революция роз“ увяла на морозе* (А. Габуев // Коммерсант. 30.11.2003). Продуктивность данных метафор в современных политических дискурсах обеих стран обеспечил ряд важных мировых событий, в частности «демократические революции» на постсоветском пространстве и в некоторых других государствах.

Для описания жизнестойкости, состоятельности различных политических объединений и отдельных политиков используются концептуальные метафоры, обозначающие способность

растений к размножению, росту и плодоношению. Несостоятельность или проблемы развития описываются как болезнь, патология растения. Осмысление проблем демократии с помощью таких метафор свойственно русскому политическому дискурсу. Данные примеры подчеркивают неустойчивый характер демократической системы в указанных государствах. Ср.: *Болезни роста демократии в СНГ: патология или норма?* (Б. Грызлов // НзГ. 28.05.2007).

Плод, как следствие успешно пройденного цикла жизни, — это символ результатов и целей деятельности. Как показывают рассмотренные примеры, многие подобные русские и британские концептуальные метафоры относятся к проблемам осмысления преимуществ демократии: *full fruits of democracy*, *fruit of a democratic revolution*, *fruits of sound politics* (обильные **плоды демократии**, **плод демократической революции**, **плоды разумной политики**); **плоды парламентаризма**, **плоды ельцинской демократии**, **плоды проекта политических партий** и т. д. В метафорической картине мира, посадив дерево демократии, мы ждем плодов реформ, выборов, демократических институтов, национальной экономической стратегии. Как подчеркивают примеры из прессы двух стран, в силу различных препятствий на политическом поле, результатов труда приходится долго ждать. Ср.: *He вкусив пока сладкие плоды парламентаризма, мы уже вовсю ощущаем горечь разочарования в нем* (В. Федоров // РГ. 2006. № 88). Случается и так, что полученные плоды не радуют своим качеством и количеством. Результаты различных реформ, миграционной политики, проводимой правительством Соединенного Королевства, становятся причиной разочарования многих британцев, что отражается в соответствующих метафорах. Ср.: *...If these are the fruits of democracy, then isn't it time we looked at our democratic systems? — Если это плоды демократии, тогда не пора ли нам внимательно посмотреть на наши демократические системы?* (S. Heffer // DT. 05.05.2009).

Концептуальные метафоры, связанные с морфологией растений, свидетельствуют об устойчивых ассоциативных связях (розы и шипы) и соответствующих им способах представления современной грузинской политики в дискурсах обеих стран. Используя в своих статьях образ колючего растения, журналисты стремятся предупредить о возможных неприятностях и опасностях какого-либо политического мероприятия, события; при этом чаще всего используется символический контраст роз и шипов. Проанализированные нами примеры употребления концептуальной метафоры *шип* в политических дискурсах двух стран позволили выявить ее наиболее распространенную сферу-мишень — «оппозиционные силы Грузии». Ср.: *The thorns in Georgia's rose — Шипы в грузинской розе* (S. Tisdall // Guardian. 10.05.2005); *Все*

революционные розы колючи, но колючее грузинской, наверное, нет (А. Сабов // РГ. 2004. № 3440, 27.03). Описанный факт говорит о том, что конвенциональные метафоры в политической речи могут «оживляться» и приобретать черты межкультурных в результате актуальных событий мировой политики. В контекстах, посвященных современной Грузии, концептуальная метафора *шип* приобретает идеологическое значение. По мнению авторов политических публикаций России и Великобритании, это государство характеризуется особым типом политического устройства — «демократией с шипами». С помощью данной концептуальной метафоры описывается сложный характер взаимоотношений грузинской власти и оппозиции, Грузии и России.

Концептуальные метафоры, называющие другие части растений, также применяются для осмысления демократических процессов. В британской прессе метафора *seeds* может использоваться для описания истоков какого-либо явления, например, *seeds of Ukrainian democracy* (*семена украинской демократии*). Образ *фигового листка*, пришедший из изобразительного искусства, в политических текстах обеих стран подразумевает лицемерное прикрытие каких-либо постыдных фактов. Однако по отношению к демократии данная метафора применяется только в русском политическом дискурсе: *Опыт показывает, что под контролем тоталитарной власти может вырасти только демократический фиговый листок* (www.futurisrael.org/Authors/Borovsky_Dem.htm).

Помимо рассмотренных, в русском политическом дискурсе для описания демократии эпизодически используются концептуальные метафоры, обозначающие виды растений. Ср.: *Апельсин демократии* (Newsland.ru. 25.07.2008); *Писатель Виктор Ерофеев: Грибы демократии растут медленно* (Новые Известия. 17.04.2007). Эти метафоры указывают на специфику происхождения и особенности роста демократии.

По нашим наблюдениям, при обсуждении демократии в политических дискурсах двух стран повышенной продуктивностью отличаются растениеводческие и земледельческие концептуальные метафоры. Согласно таким метафорам, политические реалии двух стран предстают в виде *культурных растений*. Для их успешного роста нужно выполнить много различных действий, диктуемых стадиями цикла жизни растения. На подготовительном этапе необходимо обработать почву и посадить требуемую культуру, затем регулярно поливать и пропалывать, собрать урожай и поместить в хранилище, подготовить для применения в пищу. Все это невозможно без соответствующих специалистов и земледельческих орудий.

Концептуализация политической действительности в терминах растениеводства и земледелия свидетельствует о преобладании в

национальном сознании идеи активного участия, а иногда и вмешательства в ход политических процессов. Так, типичный образ, используемый и журналистами и политиками обеих стран, — это пробивающиеся *ростки демократии*, вызванные к жизни западным миром в различных государствах Востока, Африки и бывшем СССР. В соответствии с выбранным сценарием, эти ростки необходимо оберегать, питать и обеспечить их дальнейшее распространение. Кроме того, земледельческие и растениеводческие метафоры применяются к политическим идеям, мероприятиям, которые можно *насаждать* или *искоренять*, *пожинать их плоды*.

Концептуальные метафоры *насаждать* и *внедрять*, связанные с высадкой растений в почву, характеризуются негативными смыслами в российском политическом дискурсе. Они обозначают «внушение определенного образа мыслей, поведения». Сферой-мишенью метафоры *насаждать* может быть «демократия», когда речь идет о попытках со стороны каких-либо сил установить демократический строй в странах, не вполне готовых к этому.

Растениеводческие метафоры, описывающие деятельность, направленную на развитие демократии, особенно распространены в русском политическом дискурсе. При этом используются в основном обобщающие глаголы *растить* или *взрачивать*, *выращивать*. Сферами-мишенями данных метафор являются поколение новых (демократических) политиков, патристически настроенный электорат, Россия и т. д. Определенное количество метафор встречается в контекстах, посвященных осмыслению демократического устройства России. В рассуждениях о политических процессах в России демократия предстает как прихотливое растение, нуждающееся в постоянной заботе. Ср.: *Выскажу крамольную мысль: деньги на выращивание демократии и нового поколения демократов должна найти власть* (В. Костиков // АиФ. 2006. № 10); *Демократию надо выращивать. Если не революцией, то снова — гласностью и образованием, расширением зон, доступных для критики* (С. Митрофанов // Русский Журнал. 27.07.2010); *Демократию надо выращивать, как дерево* (www.er-duma.ru/pubs/17795). Концептуальные метафоры в таких контекстах еще раз подчеркивают, что для поддержания выбранного пути развития государства требуется много сил и труда: постоянное внимание со стороны власти, материальные ресурсы, образование и воспитание кадров, свобода слова и т. д. «Взрачивание» демократии предполагает также терпение и планомерность.

Английский глагол *to nurture*, обозначающий заботы по выращиванию или вскармливанию, может употребляться не только по отношению к растениям. Но в связи с регулярностью в британской прессе контекстов, в которых *демократия* предстает в образе растения, подобные

примеры употребления данного глагола рассматривались как часть растениеводческой метафоры. Ср.: *In the intervening eight years the United States has stayed actively engaged on the ground, working with Britain and the rest of the international community patiently and persistently to keep the peace, to repair the devastation of war, and to nurture democracy...* — *В эти восемь переходных лет Соединенные Штаты по-прежнему активно работали в регионе вместе с Британией и другими представителями международного сообщества, терпеливо и постоянно поддерживали мир, восстанавливали разрушения и возвращали демократию...* (D. Cameron's speech, 29.11.2007). Главным отличием русских и британских метафор, описывающих «выращивание» демократии, является то, что первые большей частью относятся к российской действительности, а вторые используются при описании демократических процессов в каких-либо других государствах. Существенной особенностью употребления британских метафор *to cultivate*, *to nurture democracy* является нацеленность в первую очередь на политическое устройство недемократических государств. По мнению авторов британских политических текстов, именно в таких государствах демократия нуждается в постоянной помощи и внимании.

Типичный для русского дискурса политики фитонимный образ демократии получает развитие и в метафорах, описывающих удаление растений. Представляется важным, что тревожное ощущение по поводу развития демократических процессов в России способны передавать не только криминальные или морбидные метафоры. В данном случае демократия предстает в виде молодого деревца. Ср.: *„Печально, что депутаты областной думы, зная демократические традиции Свердловской области, рубят демократию в нашем регионе на корню“*, — заявила „АиФ-Урал“ председатель Свердловского „Яблока“ Мария Дронова (М. Лузин // АиФ Урал. 2005. № 51). Некоторые метафоры русского дискурса называют и другие способы искоренения демократии, в этих случаях демократия представлена в виде ростков. Ср.: *Минтимер Шаймиев заморозил ростки народной активности. В Татарстане не осталось гражданских активистов* (Я. Гордеев // НзГ. 01.06.2010); *Рейдеры в политике уничтожают ростки гражданского общества* (Каспаров.ru. 29.08.2007). Применения подобных метафор по отношению к британской демократии в политическом дискурсе Великобритании не отмечалось.

Некоторые растениеводческие метафоры русского дискурса относятся к политическим деятелям, осуществляющим работу по развитию демократии: *Казахстан: „сеятели демократии“* (А. Грозин // АПН. 29.11.2005).

Таким образом, в формировании метафорической модели «Демократия — это расте-

ние» в дискурсах обеих стран участвуют концептуальные метафоры, обозначающие разнообразные аспекты мира растений: особенности жизненного цикла, части, виды растений, специфику выращивания и ухода за ними. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что и русские, и британские метафоры используются для описания развития положительных, долгожданных явлений в политике и экономике страны. При этом одними из важнейших сфер-мишеней таких метафор в дискурсах двух стран становятся «демократия», «демократические принципы», «демократические институты». В британском политическом дискурсе с помощью концептуальных метафор цветения акцентируются положительные моменты активизации демократических процессов в Великобритании и других странах мира. Большинство русских фитометафор показывает, что согласно картине действительности, созданной в российском политическом дискурсе, демократия в России и других странах на постсоветском пространстве еще только растет. Кто-то пытается ее уничтожить, у нее могут развиваться болезни, она может цвести, созревать, но пока не дает плодов. Поэтому главной задачей российской политической элиты и всего общества является выражение демократии.

Среди отличий описания демократии посредством фитометафор в политических дискурсах двух стран отмечается и то, что в русском политическом дискурсе метафорическая модель «**Демократия — это растение**» большей частью применяется для акцентирования проблем развития демократии в собственной стране. Сферой-мишенью британских концептуальных метафор, относящихся к данной модели, являются в основном «страны с автори-

тарными, недемократическими режимами». Определенное количество британских метафор призвано подчеркнуть, что демократическая система многих стран носит зачаточный или незрелый характер, основной целью более развитых государств должна быть поддержка и культивирование демократических институтов в таких странах.

ЛИТЕРАТУРА

Вершинина Т. С. Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. С. 106—128.

Дехнич О. В. Концептуальная метафора *People are trees* в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004.

Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. — Кемерово, 2004. — С. 28—42.

Чарыкова О. Н. Функции фитонимов в современном поэтическом дискурсе // Реальность, язык и сознание : междунар. межвуз. сб. науч. тр. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Державина, 2010. С. 325—329.

Ahrens K., Tzuyin Lai V. Mappings from the Source Domain of Plant in Mandarin Chinese. 2000. URL:

<http://dspace.wul.waseda.ac.jp/dspace/bitstream/2065/12192/1/PACLIC15-203-210.pdf> (дата обращения: 15.03.2007).

Esenova O. Plant Metaphors for the Expression of Emotions in the English Language. 2006. URL: <http://search.live.com/results.aspx?q=plant+metaphor&filt=all&first=11&FORM=PERE> (дата обращения: 15.03.2007).

Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. — N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 98—101.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

О. Н. Морозова
Пушкин, Россия

O. N. Morozova
Pushkin, Russia

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ САЙТОВ

FEATURES OF LINGUISTIC CONTENT OF MODERN BRITISH POLITICAL PERSONAL WEBSITES

Аннотация. Анализируются основные компоненты политических персональных сайтов британских политиков — действующих членов парламента Великобритании, особенности языковой репрезентации и композиционного построения.

Abstract. The paper analyzes the main components of the political personal websites of British politicians, current members of the British Parliament, especially their language representation and composition.

Ключевые слова: политическая интернет-реклама; политический персональный сайт; лингвистический контент; языковые средства воздействия.

Key words: political Internet/On-line advertising; political personal site; linguistic content; linguistic means to influence.

Сведения об авторе: Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

About the author: Morozova Olga Nikolayevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Place of employment: Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin".

Контактная информация: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10.
e-mail: mail.olofrost@gmail.com.

По мнению А. Е. Войскунского, «Интернет превратился в своеобразную лабораторию испытаний над естественным языком: там язык растягивают, сжимают, перемешивают, разбавляют и проделывают множество других чудных (с ударением на первый слог) и чудных (с ударением на второй слог) операций», что несомненно отражается на появлении как измененных языковых форм, так и совершенно новых. Отмеченная тенденция, подчеркивает далее автор, «накладывает обязанность изучать актуально идущие процессы языкового развития, обучать им и пытаться прогнозировать тенденции развития» [Войскунский 2001].

Как показал анализ британских персональных сайтов, их лингвистический компонент, так называемый контент, включает в себя два основных элемента: первый — это непосредственно текстовое содержание самого сайта, второй — информационные ресурсы, представленные на сайте. Особенностью второго компонента является то, что информация может быть представлена как в письменном виде, так и аудио- и видеофайлами, т. е. в устной форме. Компьютерная среда никак не влияет на языковую репрезентацию информационных источников, они полностью соотносятся с языковыми формами и жанрами любой традиционной среды (газета, публичная речь, отчет, устав и др.). Что касается первого компонента, то влияние интернет-среды не вызывает сомнения. Этот процесс отмечается многими учеными, как лингвистами, так и представителями других отраслей науки.

В целом стиль персональных политических сайтов можно определить как близкий к публи-

цистическому. Он характеризуется: 1) лаконичностью изложения, экономией языка; 2) отбором языковых средств с целью добиться доходчивости изложения; 3) употреблением общественно-политической лексики и фразеологии, заимствованной из других стилей; 4) использованием речевых стереотипов, клише; 5) жанровым разнообразием и разнообразием языковых средств, многозначностью, эмоционально-экспрессивной лексикой; 6) смысловой и информативной насыщенностью; 7) демонстративностью.

Ключевыми элементами сайта являются шапка-заголовок, визуальные средства, рубрики, основной текст/тексты, подзаголовки, вставки и рамки, девизы, слоганы, логотипы, автографы, различные знаки и символы.

Многие считают шапку-заголовок самым важным элементом сайта. Термин «заголовок» относится к словам, которые стоят в самом начале страницы сайта, т. е. к таким, которые будут прочитаны первыми и располагаются так, чтобы привлечь наибольшее внимание. Поэтому заголовок обычно набирается более крупным шрифтом, чем остальная часть страницы. Для политических персональных сайтов характерным является то, что шапка-заголовок состоит из нескольких элементов: имени политика, его фотографии, подзаголовка, слогана, фонового рисунка, символики партийной или государственной принадлежности политика. Заголовок выполняет три функции:

- привлекает внимание;
- представляет владельца сайта;
- идентифицирует его политическую принадлежность.

Шапки-заголовки в политической рекламе носят информативный характер, позиционируя владельца сайта, представляя его имя, образ и направление деятельности. Заголовок сайта — это имя его владельца, которое имеет четкое, понятное графическое изображение.

На большинстве сайтов отмечено использование подзаголовков, которые набирают более мелким шрифтом, чем заголовки, но почти всегда более крупно, чем основной текст. Подзаголовки могут быть выделены жирным шрифтом или контрастным цветом. Назначение подзаголовка — передать ключевое политическое побуждение. Чаще всего подзаголовок представлен в виде девиза-слогана, который становится своего рода «боевым девизом» политика. В самом деле, английское “slogan” (девиз) восходит к галльскому слову, буквально означающему ‘боевой клич’. Девиз преследует две основные цели: обеспечивает последовательность в проведении рекламных кампаний и дает возможность коротко изложить ключевую позицию или идею, которая должна ассоциироваться с конкретным политическим деятелем и идентифицировать его в коротком и запоминающемся утверждении; кроме того, девиз может выражать корпоративную политическую установку. Эффективный лозунг должен быть кратким, простым, запоминающимся, легко воспроизводимым, помогающим дифференцировать политического деятеля на фоне конкурентов [Бове, Аренс 1995].

Содержание сайта выстраивается психологически комфортно и включает в себя как текстовые, так и графические, изобразительные, аудио-, видеокomпоненты. Используется сильный прагматический стиль речи. Степень социальной дистанции между владельцем и посетителями сайта нивелируется. Во-первых, вниманию гостей представляются фотографии из личного архива лидера, касающиеся всех сторон жизни, как связанных с политической деятельностью (работа, встречи, заседания, визиты), с критическими жизненными ситуациями, так и с личной жизнью (досуг, семья, отдых). Фотоальбом постоянно обновляется, демонстрируются новые коммуникативные роли политика, что формирует у пользователей ощущение сопричастности. Во-вторых, текст-приветствие, открывающее главную страницу, представляет владельца сайта как сильную языковую личность, владеющую коммуникативной инициативой. Кроме того, на сайте имеется косвенная информация (биография, новости, информация о выборах), организация которой является сильным личностным продуманным ходом. Дискурс политической интернет-рекламы предполагает эмоциональное воздействие на собеседника за счет актуализации общественно и лично значимых отношений — солидарности, гражданственности и т. д. [Компанцева 2004].

Важнейшее свойство Интернета — интерактивность, возможность незамедлительной об-

ратной связи — широко используется политическими лидерами и представлено разнообразными формами.

Политические сайты демонстрируют демократическую стратегию коммуникации: в них осмыслению подвергаются отдельные политические ситуации; выражена позитивная ориентированность на собеседника, в том числе на политических противников; нежелательные темы коммуникации не запрещаются, а вытесняются другой информацией. Отмечается, что создатели сайтов «изобретательны и мобильны в применении контактоустанавливающих средств, учитывают желания собеседников, проявляют коммуникативную гибкость, эмпатию, улавливают множественность смыслов, формируют впечатления и мнения посетителей на уровне подтекста. Язык, дискурсивная представленность сайтов — средство политической идентификации лидеров, поэтому политики уделяют значительное внимание когнитивно-прагматической оформленности интернет-дискурсов: характеру аргументов, речевым структурам демагогии, представленности другого, оценкам личностей как союзников, так и противников. Коммуникативно привлекательный лидер, способный на осознанный риск и открытое общение, мог бы завоевать симпатии пользователей. Политики пытаются отыскать новые способы думать и действовать, т. е. сочетать прагматику и когниции нового времени» [Компанцева 2004].

Политический дискурс характеризуется четкой прагматической направленностью, которая выражается в задаче формирования общественного мнения путем воспроизведения и оценки событий, явлений и процессов социальной жизни. Современные политологи определяют политику как особый сложный вид деятельности и имеющий отношение к искусству исполнения, а не созидания. Современная политология признает невозможным рассмотрение политических структур и процессов в отрыве от рассмотрения обслуживающего их языка. Известное изречение «слово есть дело» справедливо именно для политиков.

В целом под политическим языком понимают особую знаковую систему какого-либо национального языка, предназначенную для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Языковые особенности современных британских политических персональных сайтов во многом определяются массовостью рекламы как источника информации, ее ориентированностью на среднестатистического потребителя, что предполагает общедоступность и простоту изложения материала. Требование демокра-

тичности языка обуславливает использование в рекламном тексте значительного числа разговорных слов. Рекламный текст должен быть коротким, что обусловлено требованием целостности единовременного его восприятия, но при этом должен заинтересовывать реципиента и подталкивать его к определенным действиям. Отсюда максимальная сжатость изложения, что отражается на синтаксической структуре сообщений в сочетании с яркой выразительностью и образностью, создаваемыми в основном лексическими средствами [см. Филимонов 2009: 15].

Предшественником данного электронного жанра является политическая предвыборная листовка, назначение которой — представить кандидата в депутаты избирателям. Это доказывает тот факт, что некоторые персональные страницы представлены именно в виде листовки: они представляют собой одну страницу электронного текста с фотографией и краткой информацией о политическом деятеле. Стиль — официальный, с некоторыми элементами разговорности (Hello and welcome to my website. If you need to contact me or require any information I can help with, please get in touch), в основном направленной на создание впечатления прямого контакта за счет реализации апеллятивной функции — прямой адресованности информации.

Приведем пример:

John Randall MP

Member of Parliament for Uxbridge & South Ruislip, including Cowley, Hillingdon, Ruislip Gardens, Ruislip Manor, south Eastcote and Yiewsley in the London Borough of Hillingdon.

Hello and welcome to my website. If you need to contact me or require any information I can help with, please get in touch:

Address: John Randall MP House of Commons London

SW1A 0AA

Telephone: 020 7219 6885

Fax: 01895 904914

Email: randallj@parliament.uk [Please enable JavaScript to see email address.]

Advice surgeries: I hold regular advice surgeries for people to raise problems and issues that affect them. Should you need my help or want to discuss a matter of concern, please come along.

Advice surgeries are held at the Civic Centre, High Street, Uxbridge, on Friday evenings from 5pm to 6.30pm, on the following dates:

Friday, July 2nd, 2010

Friday, July 16th, 2010

Friday, September 3rd, 2010

Friday, September 10th, 2010

Friday, September 24th, 2010

Friday, October 8th, 2010

Friday, October 22nd, 2010

Friday, November 5th, 2010

Friday, November 19th, 2010

Friday, December 3rd, 2010

Friday, December 17th, 2010

(<http://www.johnrandallmp.com/>)

Если распечатать этот текст, получится хорошая для рассылки или раздачи на улице агитационно-информационная листовка. Справедливости ради следует сказать, что таких сайтов очень мало. Интернет-коммуникация предоставляет широкие возможности для более эффективного использования интернет-пространства и электронного канала связи в политических целях, что, несомненно, влияет на использование языковых средств.

Употребляемую в текстах сайтов лексику можно разделить на следующие группы:

- обиходная лексика;
- политическая терминология;
- электронные вкрапления;
- сокращения и акронимы.

Сокращения также подразделяются на ряды: *общеупотребительные* (Thu 4th Mar 2010; Q&A — questions and answers, teens), *политические*, часто сопровождающиеся расшифровкой (CBE MP; PPS — Parliamentary Private Secretary; National Lib Dems; DECC — the Department of Energy and Climate Change) и *электронные* (FAQ, e-newsletters). Стремление к рационализации языка и экономии языковых усилий в условиях электронного дискурса ведет к использованию этих языковых средств.

По отбору лексики и нормативности синтаксиса электронный политический текст сближается с письменным текстом, однако прагматическая коммуникативная установка сообщения обуславливает наличие элементов разговорной речи. Интересны с этой точки зрения тексты, адресованные конкретной аудитории. Парламентарий на своем сайте в разделе “Teens” обращается к подросткам:

We know that you're too busy fighting off your biological urges and being l33t hax0rs to Get Involved, but politics is cool, m'kay? Nobody ever seems to do anything for The Kids! All the decisions are made by suits, man. That's so lame!!! We know you think of yourselves as responsible citizens, but what you wanna do is turn that thought into an action, dudes.

Get involved — to the extreme!

The BBC politics for kids/teens site is, like, totally wacked! Ditto for the Parliament education site, which even has a section for younger yooof. Fanta-stick!

YoungGov is totally the business for having your say, and there are even wicked Youth Parliament sites for the UK, Scotland and Europe.

(Hey, chill with the anti-Europe vibes already! You totally won't be able to wear the word 'fcuk' on your shirt anymore if we break our connection with France, y'dig? ROFFLE!)

So, cut it with the bling bling and do something for the community, man. Join in and take action with any of the groovy sites we've listed, or just drop Tom a line for a quiet rap by the electronic e-mail. Tom's well-up on the Interwebnet, and he won't harsh your buzz or dis you down the line.

(<http://www.tom-watson.co.uk/teens/>)

В данном примере скорее следует говорить о небольшом вкраплении политической терминологии: текст полностью построен на использовании молодежного сленга с большим количеством сокращений, неправильно написанных слов, сниженной разговорной лексики. С точки зрения синтаксиса отмечаются очень короткие простые предложения с некоторыми опущениями и инвертированным порядком слов — это также примета разговорного стиля. Эмоциональность данного обращения выражается в большом количестве вопросительных, восклицательных и побудительных предложений. Автор явно демонстрирует популистские приемы, желает показать себя понимающим другом подросткового сообщества и завоевать его доверие.

Отличие от письменной речи в политической интернет-коммуникации просматривается и в других текстах, представленных на сайтах. Им свойственны простота и лаконичность, более короткие фразы, преобладание простых и неполных предложений, такие элементы разговорной речи, как разного рода сокращения, вводные речения и предложения вставки и т. п. Доходчивость и понятность являются важными характеристиками этого типа дискурса, для достижения которых, по мнению Э.-О. Герке, продуценту (коммуниканту) необходимо выбрать верный стиль, сделать семантическую структуру текста максимально пластичной для читателя и достичь максимальной когерентности [Gerke 1995: 164]. Иными словами, коммуникант должен выбрать соответствующие лексические и грамматические средства (временные формы глагола, порядок слов и пр.), соблюсти принцип языковой экономии, проверить текст на наличие терминов и понятий, требующих определения, построить переходы между частями текста с помощью введения в текст причинно-следственных связей и пропозиций [Саенко 2004: 351].

Выбор языковых средств диктуется и содержанием. Например, в разделе «Биография» данные о политическом деятеле могут быть представлены не только небольшим эссе, но и в виде CV (curriculum vitae) с полным соблюдением требования делового стиля. Следует отметить, что это характерно для информативных сайтов, на них практически отсутствуют какие-либо интерактивные инструменты, за исключением электронной почты. Они не персонифицированы, материал излагается от третьего лица или с использованием неопределенно-личных конструкций:

Helen will be holding surgeries at Warrington Town Hall on the following dates...

If you live in Warrington North and want to get in touch with Helen, then ...
(<http://www.epolitix.com/mpwebsites/mpwebsitepage/mpsite/helen-jones/mppage/is-helen-my-mp/>).

Важной отличительной чертой политического дискурса является направленность на диалогизацию высказывания, что обусловлено «не-

посредственностью» контакта с адресатом. Это выражается в употреблении различных апелляционных конструкций, в том числе вопросно-ответной формы, вопросов, заданных аудитории, и др. Соотношение элементов письменной и устной речи в политическом дискурсе может меняться в зависимости от конкретных экстралингвистических факторов.

Большое значение для восприятия текста на экране имеет расположение смысловых единиц текста. До сих пор в психологии чтения считалось, что начало и конец печатного материала понимаются и запоминаются лучше. Однако исследования показали, что окончание текста запоминается хуже остального материала [Осипова 1983: 23]. В связи с этим наиболее важная и зрительно выделенная информация представлена именно в верхней части электронной страницы. Это тем более важно для электронной страницы, так как пользователи часто не прокручивают ее до конца и читают лишь ее верхнюю часть. В этой части размещается в основном меню сайта и приветственный (Welcome) или благодарственный (ThankYou!) тексты. Обязательно в этой части наличие фотографии депутата, иногда к ней добавляется видеоподкаст, что делает текст-обращение еще более личностным и увеличивает его эмфатику.

Приветственные тексты совмещают в себе две функции — информативную и фатическую. Первая сводится к представлению и сообщению о назначении; иногда в текст включаются и навигационные ссылки по сайту:

Hello and welcome to my website which I hope you find both useful and informative. I am proud to be the MP for Sutton and Cheam and have been representing this constituency since 1997. On this site you can keep up to date with my work in my constituency and in Parliament. You can also find information on how to contact me.

PaulBurstow MP.

В приведенном тексте заявлено тематическое направление сайта, фатичность реализуется за счет апеллятивных средств (приветствие — *Hello and welcome*, а также использование личных местоимений *I — you*, создающих впечатление прямого обращения к каждому адресату).

Приведем еще пример:

Welcome to my website

It is an honour and a privilege to have been re-elected as the Labour Member of Parliament for Wakefield on 6th May 2010.

I hope this website can provide useful information about the job I have done as your MP since 2005.

From this website you can find out about my recent campaigns and activities in both Wakefield and Westminster. You can also find out how to contact me at my office in Wakefield city centre and a full list of my surgery dates and times.

Want to visit the House of Commons? I'm always happy to organise gallery tickets and tours

for local groups or constituents. Contact me if you'd like to come and see your MP in action.

I hope that you will return to this website regularly to keep up to date with my activities.

(<http://www.marycreagh.co.uk/>)

Этот текст-приветствие отличается лишь тем, что внутри него содержатся ссылки, которые, собственно, составляют часть меню сайта, на наиболее важную и востребованную адресатом информацию.

Основное назначение благодарственных текстов — реализация фатической функции, создание дружеской, доверительной атмосферы общения. Такие тексты выделяется и графически, курсивным начертанием: это подчеркивает, что сообщение написано лично. В конце текста помещается подпись политика. Благодарности представляют собой обращения от первого лица в разговорном стиле с большим количеством эмоционально маркированной лексики. Например:

I was very pleased indeed to be returned as the Member of Parliament for Tewkesbury at the recent General Election. It has been my pleasure and privilege to have served the area since 1997 and I look forward to doing so for this Parliamentary term.

The boundaries of the seat changed this time. I lost Leckhampton, Up Hatherley and Warden Hill to Cheltenham, but gained Longlevens from Gloucester and Swindon Village Ward from Cheltenham. These changes were as a result of decisions taken by the Boundary Commission.

I should like to take this opportunity of thanking everyone who turned out to vote for me. Equally, I would say that I shall do my best to represent the interests of everyone in the constituency, regardless of how they voted or if they didn't vote at all. That is the role of a Member of Parliament.

With that in mind, please do not hesitate to contact me if you feel I can help you with an issue or even if you just would like to let me have your views on anything. I shall be pleased to hear from you.

(<http://www.laurence-robertsonmp.com/>).

Информационно данный текст не является значимым. Официально-вежливый стиль с использованием изысканных форм благодарности (*I should like to take this opportunity of thanking everyone*), стилистически маркированных языковых единиц — эмфатических конструкций (*I was very pleased indeed*), многократно повторяемых слов *pleased, pleasure* и др. — все это ярко демонстрирует желание автора завоевать симпатии избирателей, создать приятное впечатление для дальнейшего успешного сотрудничества.

Некоторые тексты совмещают в себе и благодарность, и приветствие.

I would like to thank all the residents of the constituency who voted to re-elect me as their Member of Parliament. I am very grateful to have the opportunity to serve you again.

On this website you will find details of many of the issues and campaigns I am involved in locally, and the best way of contacting me.

I am here to serve all of you no matter how you voted, so please do get in touch with me if you think I can help.

Email Ed: vaizeye@parliament.uk

(<http://www.vaizey.com/text.aspx?id=1>)

Первый и третий абзацы написаны высоким официальным стилем, формальностью которого несколько сглаживается использованием короткого имени Ed, свойственного дружескому общению и распространенному при оформлении контактных ссылок в интернет-коммуникации. Второй абзац заявляет тематику сайта.

Значимы для интернет-коммуникации и шрифтовые выделения (подчеркивания, курсивные или жирные написания, заглавные буквы). Однако при их употреблении следует соблюдать баланс, излишняя увлеченность этими средствами может привести к негативным последствиям. Подобное использование шрифта не только разнообразит текстовую презентацию, оно может загромождать страницу и затруднять восприятие текста. Кроме того, некоторые шрифты в «нетикете» имеют определенную семантическую нагрузку: например, прописные буквы означают крик или грубость в чатах и на форумах. Эти факторы могут привести к непониманию в процессе интернет-коммуникации и снизить эффективность воздействия сообщений на часть аудитории. Напротив, использование рисунков, эмодзи, пиктограмм и фотографий, включенных в семантическую структуру текста, чаще всего облегчает восприятие текстового массива и производит положительный эффект. Означенные элементы помогают быстро ориентироваться по сайту и находить необходимые инструменты для работы с ним.

Как отмечают исследователи, «лингвистический дизайн определяется технологиями Интернета и потребностями коммуникации и, как следствие, отражает, с одной стороны, особенности контекста коммуникации в сети Интернет, с другой — типологически релевантные характеристики языка, социолингвистические традиции и особенности общения в конкретной кодифицированной ситуации общения» [Атабекова 2002]. На пространстве веб-страницы осуществляется концептуализация знаний: пользователь извлекает из текста некоторую совокупность знаний и перерабатывает их. Иными словами, протекают процессы понимания и вербализации, причем категория знания является ключевой, объединяющей эти два процесса [см. Городецкий 1989: 26—27].

Выбор стиля изложения, языковых средств, композиционного построения текста на политическом персональном сайте диктуется как особенностями целевой аудитории (речевые стереотипы, менталитет, уровень образования, преобладающие типы восприятия), так и инди-

видуальными предпочтениями владельца сайта. Спектр языковых возможностей и речевых методик воздействия на аудиторию в политической интернет-коммуникации чрезвычайно широк. Умелое использование языковых ресурсов, грамотное и творческое сочетание стилистических приемов способны обеспечить ей подлинный успех и эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

Атабекова А. А. Лингвистический дизайн WEB-страниц: проблемы «коммуникативных неудач» // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах (Communication Across Differences). Коммуникация-2002 : материалы междунар. науч.-практ. конф. 2002. Ч. 1. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/a/atabekova.shtml (дата обращения: 16.04.2009).

Бове К. Л., Аренс У. Ф. Современная реклама. 1995. URL: http://polbu.ru/arens_advert/ (дата обращения: 25.09.2010).

Войсунский А. Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий : интернет-конференция / НР-Портал; Сообщество профессионалов; МГУ. 2001. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/razvitierechevogo-obshcheniya-kak-rezultat-primeneniya-interneta>

(дата обращения: 15.09.2010).

Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике: пер. с англ. / сост., ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1989. Вып. 24 : компьютерная лингвистика.

Компанцева Л. Ф. Дискурс-анализ украинского политического интернета (гендерный аспект) // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. 2004. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/k/kompantseva.shtml (дата обращения: 25.09.2010).

Осипова Г. Ф. Работа руководителя с документами. — М.: Экономика, 1983.

Саенко А. Н. Содержательно-стилистические особенности информационных текстов в Интернете // Науч. зап. Луган. национального пед. ун-та. — Луганск: Альма-матер, 2004. Вып. 5. Т. 1. Сер. «Филологические науки». С. 350—360.

Филимонов А. Е. Риторические особенности текста политической рекламы (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.

Gerke E.-O. Meinen — Verstehen — Verständigung. Zu den Verstehenskonzepten von H. Paul Grice, Jürgen Habermas, Hans Hörmann und Friedrich D. E. Schleiermacher // Deutsche Sprache. 1995. Jahrgang 23.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. И. А. Стернин

Е. А. Нахимова

Екатеринбург, Россия

E. A. Nakhimova

Ekaterinburg, Russia

**ИДЕОЛОГЕМА СТАЛИН В СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Предложено когнитивное толкование термина «идеологема». Рассмотрены закономерности использования идеологема «Сталин» в современной российской массовой коммуникации, выделена специфика представления образа Сталина в дискурсе коммунистических, национально-патриотических, центристских и либеральных СМИ.

Ключевые слова: Сталин; идеологема; концепт; массовая коммуникация; метафора.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

**IDEOLOGEM «STALIN»
IN CONTEMPORARY MASS MEDIA**

Abstract. The article presents a cognitive definition of the term «ideologem». Regularity of usage of the ideologem «Stalin» in contemporary Mass Media is described. The author singles out specific character of representation of the image of Stalin in the discourse of Communist, National-patriotic and Liberal Mass Media.

Key words: Stalin; ideologem; concept; mass communication; metaphor.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Термин *идеологема*, который М.М. Бахтин использовал для обозначения объективно существующих форм идеологии [Бахтин 1975; 1994 и др.], в последние годы активно употребляется в философии, социологии, культурологии, лингвистике и иных гуманитарных науках. Лингвистический статус идеологема обосновала Н. А. Купина, определившая *идеологема*, во-первых, как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [Купина 1995: 43], а во-вторых — как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183].

Особенно активно термин *идеологема* используется при изучении «советского новояза» и тоталитарного дискурса советской эпохи [Купина 1995; Земская 1996; Мирошниченко 1996; Нахимова 2003; Гусейнов 2004; Торохова 2006; Одесский, Фельдман 2008]. Так, Е. А. Земская пишет, что тоталитарный язык представлял своего рода систему *идеологем* и служил средством формирования идеологизированного сознания «советского человека» [Земская 1996: 23]. По словам Г. Ч. Гусейнова, идеологема отсылает «участников коммуникации к сфере должного правильного мышления и безупречного поведения» и предостерегает их от недозволенных поступков и неверных мыслей [Гусейнов 2004]. Впоследствии было доказано, что в постсоветскую эпоху сформировались новые идеологема, по лингвистической сути сближающиеся с идеологема предшествующих эпох [Кузьмина 2007: 192—193; Чудинов 2007: 92]. Это показывает, что рассматриваемое явление характерно не только для тоталитарного, но и для демократического дискурса.

На современном этапе развития науки различаются два ведущих направления в трактовке идеологем. Первое из них может быть названо лингвистическим, второе — когнитивным (лингвокогнитивным). В рамках лингвистического направления целесообразно разграничивать также узкий (лексикологический) и широкий (семиотический) подходы.

При лексикологическом подходе *идеологема* понимается как слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91], имеющее «в своем значении идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92]. В концепции А. П. Чудинова выделяются два вида идеологем. К первому относятся слова (словосочетания), смысл которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов»; особенно часто различия «связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов 2007: 92]. Второй тип идеологем — это наименования (часто составные, включающие в себя два-три компонента), которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов», тогда как их политические противники для характеристики тех же реалий предпочитают использовать иные обозначения [Чудинов 2007: 93].

Значительно более широкий подход обнаруживается в монографии «Д. С. П. Советские идеологема в русском дискурсе 1990-х» [Гусейнов 2004], в которой рассматриваются идеологема-буквы («еръ», б, н, е), идеологема — падежные окончания (*измена Родины* и *измена Родине*; *Федеративная Республика Германии* и *Федеративная Республика Германия*), идеологема-имена, идеологема-цитаты (в частности,

трансформированные высказывания Сталина). К числу идеологем Г. Ч. Гусейнов относит и русский (кириллический) алфавит при его использовании неславянскими народами, географические карты, портреты. Таким образом, в качестве идеологемы выступает любой феномен, так или иначе акцентирующий принадлежность к советской идеологии. Еще более широкий подход обнаруживается в концепции Н. И. Клушиной, которая считает, что идеологема — это «единица коммуникативной стилистики», «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [Клушина 2008: 38—39].

Можно предположить, что между лексикологическим и общелингвистическим подходами нет кардинальных противоречий, поскольку слово служит ведущим средством репрезентации идеологемы в тексте, но эту функцию могут выполнять и иные единицы. По словам Н. И. Клушиной, объективация идеологемы осуществляется преимущественно вербальными средствами, поскольку идеологема — «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [Клушина 2008: 38].

Когнитивная трактовка идеологемы обнаруживается в обобщающей статье Е. Г. Малышевой, которая определяет ее как «единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающиеся в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

В настоящем исследовании идеологема рассматривается как ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием. При когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию.

Важное место среди идеологем занимают имена собственных, в том числе рассматривавшиеся нами имена политических лидеров России — великих князей, царей, императоров, а также иных высших руководителей государства [см. Нахимова 2008а, 2008б, 2009а, 2009б, 2010].

Подобные идеологемы привлекали внимание и других специалистов. Так, в концепции Н. И. Клушиной важное место занимают «личностные идеологемы», концептуализирующие

руководителя государства и других политических лидеров — героев и антигероев своего времени. Эти идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных высказываний, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «генеральный конструктор» (о Хрущеве), «верный ленинец» (о Брежнев), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине) и т. п.» [Клушина 2008 : 40]. Личностные концепты отдельных политических деятелей детально рассматривает Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004].

В исследовании Е. Г. Малышевой выделяются как особая разновидность идеологемы-архетипы, к числу которых отнесены *Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай II*. Для нас важно и то, что Е. Г. Малышева дифференцирует идеологемы с положительным аксиологическим модусом (родина, флаг, отечество), идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом (террор, фашизм) и идеологемы со смешанным аксиологическим модусом (патриотизм, президент, воля, демократия, народ) [Малышева 2009: 37]. Показательно, что аксиологический модус некоторой идеологемой может значительно изменяться [Шейгал, 2004; Гаврилова 2005].

Как было продемонстрировано в наших предшествующих публикациях, к числу важных характеристик использования имен отечественных политических лидеров в современной массовой коммуникации действительно относится оценочность (аксиологичность). Если в современных СМИ упоминают князя Владимира, Ивана Калиту, Ивана Грозного, Бориса Годунова, Петра Великого или иных руководителей государства, то в тексте обычно присутствует их положительная или отрицательная оценка. Показательно, что позитивный или негативный характер оценки некоторых государственных деятелей чрезвычайно стабилен. Например, как демонстрирует наше специальное исследование, абсолютное большинство авторов позитивно оценивает деятельность и личные качества Александра Невского. Различия проявляются только в том, что одни журналисты отмечают его патриотизм, защиту национальных интересов Руси, другие — героизм, воинскую доблесть и талант полководца, третьи — религиозность, борьбу против католицизма и защиту православия, четвертые — мудрость, смирение, дипломатические способности [Нахимова 2010]. Не менее единодушны наши современники в негативной оценке личных качеств и поступков А. Ф. Керенского, который руководил российским правительством в 1917 г. По отношению к нему различия проявляются в том, что одни авторы порицают его за попустительство большевикам, а другие — за недостаточно решительную борьбу с ними [Нахимова 2008б].

Совершенно иначе обстоит дело с оценкой деятельности и личностных качеств И. В. Сталина — Генерального секретаря Коммунистической партии и Председателя Совета Министров (Совнаркома) СССР. Соответствующее имя собственное уже после XX съезда КПСС функционировало в Советском Союзе как идеологема, т. е. слово, использование и восприятие которого в значительной мере зависит от политических взглядов автора, однако особенно заметной идеологическая составляющая этого концепта оказывается в публикациях постсоветской эпохи.

В современных условиях позитивная оценка личности И. В. Сталина обнаруживается исключительно в дискурсе коммунистов и леворадикальных националистов, которые постоянно акцентируют его руководящую роль в Великой Отечественной войне, в индустриализации страны и подъеме ее сельского хозяйства, в построении общества, для которого не были характерны чрезмерные социальные различия. Ср.:

Сталин — наше все. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры... Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик, рассматривающий государство, как доверенную ему историей... геополитическую систему, нуждающуюся в совершенствовании до уровня государства идеального, где счастье государства равно счастью людей... Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи (В. Третьяков // Завтра. 4.01.2000). Песни из динамиков про красное знамя и что родина на бой зовет. Лозунги „Руки прочь от льгот ветеранов!“, „Россия в ЗУрабстве“ „Нам не нужен Путин Вова, нам бы Сталина живого!“. Это — митинг коммунистов. По милицейским сводкам, он собрал около 3 тысяч человек (С. Нехамкин // Известия. 14.02.2005).

Рассматриваемая идеологема часто используется в коннотативном значении, выступая символом сильного, талантливого, жесткого и в то же время справедливого руководителя. Это особенно характерно для газеты «Завтра». Ср.:

Русское сердце бьется в тайной надежде — вот он, выстраданный лидер России, новый Иосиф Сталин, до времени скрывающийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет Божий (А. Проханов // Завтра. 23.11.2001). Если Путин встанет на стул, подымет на мыски и очень постарается, то, быть может, сумеет завязать шнурки на ботинках Сталина. Можно ли сравнить Путина и Сталина? Муху и Галлактику? Писк комара и грохот尼亚гары? Смешок Шендеровича и поэму Данте? (А. Проханов // Завтра. 12.03.2002). Сталин очень

близок всем в „этой стране“. По факту в России — все сталинисты. Проклинающая и ненавидящая Сталина политическая, бюрократическая, финансовая и культурная элита нынешней России — вся вышла из сталинской шинели, потому что системы производства, обороны, науки и образования — все это было сконструировано, смоделировано, заложено при Сталине. Сталинские эмоции, методы мышления, стиль и магия поведения пронизывают управленческую культуру, будучи основой любой власти в России — вчера, сегодня и завтра. Да, Сталин вернулся (А. Феллов // Завтра. 22.12.2004).

Весьма характерен тот ряд политических лидеров, в который левые радикалы помещают Сталина. В их понимании Сталина можно включить в число выдающихся деятелей российской истории, людей, которые, по существу, определили историческую судьбу России и которыми справедливо гордятся наши соотечественники. Ср.:

Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. Будет Сталиным и Сергием Радонежским. Петром Первым и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым. Он уже среди нас. Ищите его по сиянию вокруг головы (А. Проханов // Завтра. 09.03.2003). Россию ждет прорыв в будущее. Подобный прорыву Петра Великого, Александра Третьего и Иосифа Сталина. В ожидании прорыва все западные страны с опаской смотрят на нас, как бы его притормозить, как бы его не допустить. А у нас чуть ли не каждую неделю некие знаковые события (В. Бондаренко // Завтра. 18.06.2007). Мобилизация народа неизбежна.

Показательно, что в коммунистической и националистической прессе практически отсутствуют негативные оценки личности и деятельности И. В. Сталина, а также использование соответствующего прецедентного имени для символического обозначения террора.

Для СМИ либеральной и центристской направленности характерна критическая оценка рассматриваемого политического лидера. Соответствующая идеологема может использоваться как в денотативном, так и в коннотативном смысле. При коннотативном употреблении идеологемы в названных СМИ Сталин превращается в символ тоталитаризма, всеобщего контроля, жестоких необоснованных репрессий, направленных против собственного народа. Ср.:

„Сталин-2“. Тоже идеяка, весьма популярная у наших мыслителей. „Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут“ (Сталин, 1931 год). Мы держим дистанцию: сегодня мы отстали от передовых стран по величине ВВП на душу населения примерно на те же 50 лет! Рецепт „пробежки по-сталински“ хоро-

шо известен: отнять, зажать в кулак и ша-рахнуть этим кулаком в спину! (Л. Радзиховский // Российская газета. 13.01.2004).

Современные журналисты все чаще размышляют о том, что только «новый Сталин» смог бы навести порядок в нашей стране и заставить зарубежных политических лидеров считаться с ее глобальными интересами. Ср.:

Когда, к примеру, популярный телеведущий вдруг в унисон, с интервалом в несколько минут, на первом телеканале соскакивают с темы национализма на тему сталинизма и пугают мир и Россию скорой реставрацией сталинизма, „приходом нового Сталина“, то все становится ясно. Борьба с национализмом и „угрозой фашизма“, пущенная на самотек, отданная на откуп борцам с „русскими амбициями“, может стать орудием подрыва стабильности и окончательного разрушения России (А. Ципко // Российская газета. 29.03.2006). Но, чтобы избежать воровства, этого чиновника-специалиста кто-то должен насмерть запугать, иначе не получится. То есть для того, чтобы система работала, изначально необходим **новый Сталин**, который все видит, все знает, все может (А. Будберг // Московский комсомолец. 23.05.2003).

Показательно, что президент Д. А. Медведев и председатель правительства В. В. Путин в последние годы официально подтвердили свое негативное отношение к политическим репрессиям, за которые И. В. Сталин несет политическую ответственность. Это касается и расстрела польских военнопленных в Катыни.

Итак, рассмотренные материалы свидетельствуют, что в современной массовой коммуникации имя собственное *Сталин* используется именно как идеологема, т. е. как слово, особенности использования которого зависят от политических взглядов автора. Для левых и ультранационалистов Сталин — символ твердой власти, государственности и социальной справедливости. Для центристов и либералов Сталин — символ тоталитаризма и жестоких репрессий.

Показательно, что в качестве идеологем в современной прессе функционируют и имена других большевиков «первого призыва» — Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Ф. Э. Дзержинского, Л. Д. Троцкого и, конечно, В. И. Ленина. Однако аксиологический модус подобных идеологем часто изменяется. В современных текстах при характеристике большевистских лидеров вместо положительного (Дзержинский, Ленин, Киров) или отрицательного (Бухарин, Троцкий, Зиновьев) модусов, характерных для советской эпохи, нередко обнаруживается нейтральная оценка. Ср.:

Где теперь все **Троцкие и Бухарины** „Преображенской революции“ 1991 года? Где пламенные витии, сотрясавшие основы основ, водившие за собой многотысячные толпы? А этот скромный и неприметный „орговик“ —

державник с железной хваткой вдруг вырос над нами во всем своем величии — и тяжело больной вождь № 1, уже не **Ленин**, но **Ельцин** отдал будущему „отцу народов“ сначала пост-премьера (читай, генсека), а затем и собственное место (А. Проханов // Завтра. 18.01.2000). Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, „личным врагом диктатора“. Вот Борис Абрамович и **применяет шинель Льва Троцкого** (В. Костиков // Аргументы и факты. 2001. № 36). Чубайс — это базовый элемент системы в стране. **Вроде Энгельса у коммунистов. Маркс у них — Гайдар. Энгельс — это Чубайс. Ленин — Горбачев. Ельцин — Сталин**. Если вытащить базовый элемент, система зашатается (А. Митрофанов // Комсомольская правда. 28.05.2005).

Особенно активно современные сторонники коммунистической идеологии, как и их предшественники, обращаются к личности и деятельности Ленина. Они по-прежнему относятся к нему к непререкаемому авторитету, постоянно ищут в его идеях и поступках прецеденты, которые помогут понять и решить современные проблемы. Ср.:

Ленин — гениальный социальный ученый и инженер. В политике и философии он был Пуанкаре, Бором, Резерфордом и Эйнштейном, вместе взятыми. Совершил множество открытий, позволивших запустить „цепную реакцию“ Русской Революции, построить „атомный реактор СССР“, толкавший вперед историю XX века. Остановка и разрушение этого реактора объясняются отсутствием в КПСС „**ленинцев**“ — ученых и проектантов „реактора нового поколения“. Чего не скажешь о коммунистическом Китае (А. Проханов // Известия. 21.01.2004).

Вместе с тем показательно, что даже самые убежденные коммунисты практически не упоминают в своих выступлениях Н.С. Хрущева и Л. И. Брежнева — преемников И. В. Сталина на посту руководителей КПСС. Имена «послесталинских» вождей в современных условиях не воспринимаются как идеологемы, способные использоваться в коннотативном смысле и выступать позитивными символами торжества коммунистических идей.

В публикациях современных российских либералов-западников и центристов-государственников Л. И. Брежнев предстает очередным символом тоталитаризма, официального лицемерия и нарушения демократических норм. Ср.:

Один вопрос его только смущает: пошто остальные кандидаты-маломерки свои кандидатуры не снимают? Зачем деньги тратят? Нервы, силы, бумагу, эфир зазря жгут? Но люди умственного склада прояснили Дормидонту: это они героически спасают президенту реноме! А реноме у президентов — наиглавнейшая вещь после рейтинга! Путин

же не **Брежнев** какой, чтоб стопроцентно побеждать, это недемократично (Д. Народный // Комсомольская правда. 05.02.2004).

Многие политики и журналисты вспоминают о том, что в последние годы своего правления Л. И. Брежнев очень постарел и уже не мог в полной мере исполнять свои обязанности. Поэтому еще один личностный компонент прецедентного онима *Брежнев* — стремление до глубокой старости оставаться во главе государства, что стало одной из главных причин застоя в развитии Советского Союза. К сожалению, похожие проблемы были и в последние годы президентства Б. Н. Ельцина. Весьма показательна следующая метафора:

Поздний Брежнев — почти как поздний Ельцин. Почему Брежнев не смог стать Путиным? (Л. Кафтан // Комсомольская правда. 12.11.2010).

Итак, представленный материал свидетельствует, что в современной массовой коммуникации прецедентное имя *Сталин* последовательно выступает как идеологема, имеющая различные смыслы для сторонников леворадикальных взглядов и политиков либеральной и центристской политической ориентации. В качестве идеологем по-прежнему используются и имена других коммунистических вождей — Дзержинского, Троцкого, Бухарина. Однако современные коммунисты практически не используют в символическом смысле имена наиболее известных «наследников Сталина» — Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, тогда как их политические противники не скрывают негативного отношения к советским вождям, руководившим нашей страной во второй половине прошлого века.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Слово в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975.

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. — М.: Алконост, 1994.

Гаврилова М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2005.

Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М., 2004.

Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. — М., 2005.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1.

Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Н. И. Клушина ; [отв. ред. М. Н. Володина] ; МГУ. — М., 2003.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периоди-

ческих изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.

Кузьмина Н. А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации : межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посв. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. — М., 2007.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь, 1995.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. — М., 2000. Вып. 1.

Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург, 2003. Вып. 11.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4.

Мирошниченко А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 1996.

Нахимова Е. А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2009а. № 1.

Нахимова Е. А. Новая жизнь старых слов // Русская речь. 2009б. № 2.

Нахимова Е. А. О лексикографическом представлении идеологем // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003.

Нахимова Е. А. Прецедентное поле *Смутное время* в современных отечественных СМИ // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Вопросы образования, науки и культуры. 2008а. № 2.

Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008б. № 1.

Нахимова Е. А. Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3.

Национальный корпус русского языка. URL: ruscorgo.ru.

Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Обозреватель-Observer : науч.-аналит. журн. 2004. № 8 (175).

Торохова М. В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946—1948 гг. : автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2007.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев

Е. Л. Сайко

Северск, Россия

E. L. Sajko

Seversk, Russia

**РОССИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ФРЕЙМЫ
И МЕХАНИЗМЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ**

**RUSSIA IN MEDIA DISCOURSE OF GERMANY:
CURRENT FRAMES
AND MECHANISMS OF THEIR FORMATION**

Аннотация. Рассмотрены некоторые механизмы формирования и активирования фреймов при освещении России в немецкой прессе, отмечается и анализируется применение устойчивых лексических клише прошлого для актуализации фреймов возобновившейся экспансии России как в политическом, так и в экономическом плане, а также исходящей от России угрозы.

Abstract. The article deals with some of the mechanisms of formation and activation of frames in the coverage of Russia in the German press, presented and analyzed by use of set lexical clichés of the past for updated frames of renewed Russian expansion in both the political and economic terms as well as the threat posed by Russia.

Ключевые слова: медиадискурс; фрейм; метафора; стереотипизация; Германия; коммуникативистика.

Key words: media discourse; frame; metaphor; stereotyping; Germany; communications studies.

Сведения об авторе: Сайко Евгения Леонидовна, аспирант кафедры теории и истории культуры, Институт искусств и культуры.

About the author: Sajko Evgeniya Leonidovna, Post-graduate Student of the Chair of Theory and History of Culture, Institute of Arts and Culture.

Место работы: Томский государственный университет.

Place of employment: Tomsk State University.

Контактная информация: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
e-mail: e.sayko@yandex.ru.

Современная коммуникативистика в рамках концепции «утверждения повестки» (Agenda-Setting) исходит из того, что СМИ выполняют тематизирующую функцию, задавая значимость определенных тем через частоту упоминания, форму подачи и размещение в верстке выпуска теле-, радионовостей или печатного издания. При этом СМИ в большей степени влияют «не на то, что люди думают, а о чем они думают» [Cohen 1963: 13]. Свое развитие теория «утверждения повестки» находит в концепции фрейминга при рассмотрении атрибутов освещаемых событий, на которых журналисты акцентируют внимание в ходе подачи информации. Посредством фрейминга (выборочного акцентирования определенных аспектов при коммуникации) некоторые аспекты действительности выдвигаются на передний план, другие же менее представлены или вовсе проигнорированы. Таким образом, тема помещается в определенный контекст, в связи с чем потенциальные мнения по рассматриваемому вопросу направляются в определенное русло, их спектр сужается, ограничивается [Kunczik, Zipfel 2005: 355].

Фрейм можно определить как рамку интерпретации, образец значения, схему. Эти когнитивные структуры, присутствующие в сознании журналистов, облегчают отбор и обработку информации. В зависимости от того, какие аспекты, ценности, экономические, культурные или исторические взаимосвязи названы и на каких расставлены акценты, меняется перспектива освещения явления в СМИ. При этом речь идет не о конкретных точках зрения на заданную тему, а об общей структуре выстраивания мнений.

Журналисты особо выделяют те нюансы, которые находятся в созвучии с ключевыми компонентами фрейма. Так фреймы указывают адресатам, «как думать о» (how to think about).

Формирование фреймов происходит различным образом, в том числе и через имплицитную стереотипизацию посредством метафорических образов. С помощью метафоры можно объяснить феномен, применяя в посвященном ему контексте структуры из другого, уже знакомого контекста, благодаря чему освещаемые явления получают объяснение или же приобретают новое значение. В этом смысле метафора характеризуется ясностью, понятностью и конкретностью образов, а также свободой экспериментов. При этом, как замечает Киппендорф, возникает соблазн рассматривать новую формулировку действительности как факты и воспринимать ее импликации как само собой разумеющееся [Kippendorf 1994: 81—85].

В данной статье рассмотрены некоторые механизмы формирования и активирования фреймов при освещении России в немецкой прессе. Ниже представлены результаты исследования метафорических формулировок, касающихся современной России, транслируемых, в том числе и в виде иллюстраций, в медиадискурсе Германии. Анализ охватывает три ведущих еженедельных общественно-политических журнала Германии: «Der Spiegel», «Focus» и «Stern». Для исследования были отобраны номера, вышедшие с января 2005 г. по июнь 2010 г., в которых российская тематика была заявлена на обложке. При этом следует отметить, что подавляющее большинство ма-

териалов «с обложки» пришлось на период президентства Владимира Путина.

На страницах исследуемых еженедельников речь прежде всего идет о происходящих в последние годы в России изменениях, а именно о возрождении России, о ее возвращении на мировую арену в качестве мировой державы. *Rückkehr zur Weltmacht, Putins Geld-Maschine* (F. 2007. № 8); *Die neue, alte Großmacht, Russlands Renaissance* (SP. 2006. № 28) — ‘Возвращение к мировой державе, денежная машина Путина; новая, старая держава; ренессанс России’ — так обозначена новая позиция России в мире. Главное действующее лицо подъема России — Владимир Путин, его называют *Architekt des neuen Russischen Staatsgebäudes* (SP. 2006. № 28) — ‘архитектором нового российского государства’, речь идет о *Putins Plan, Putins Anspruch, Putins Strategie* (F. 2007. № 8) — ‘плане Путина, стратегии и притязаниях Путина’. Материалы о России персонафицированы, фигура Путина отождествляется как со страной в целом, так и с правительством России в частности. При этом глава Кремля и его внутренняя политика оцениваются в целом негативно, что выражается в постоянных дебатах о смешении демократических и авторитарных аспектов внутривластной системы: *autoritäre Handschrift Putins* (SP. 2008. № 29) — ‘авторитарный почерк Путина’. Концентрация внимания на персоне Путина подкрепляется имперской метафорикой: *Zar, Imperium, östliches Riesenreich, das Putin-Reich, Energiezar* (SP. 2006. № 28), *Russenreich* (F. 2006. № 48).

При этом немецкие журналисты не только пишут о тенденциях развития России, но и задаются вопросом: «*Wie soll der Westen auf die Wiedergeburt der russischen Großmacht reagieren?*» (SP. 2008. № 29) — ‘Как должен Запад реагировать на возрождение российской державы?’. Дефиниция «Запад» уже указывает на сохранившуюся традиционную конфронтацию Россия — Запад: *Im Westen viel Neues. Russische Oligarchen investieren Milliarden auch in deutsche Unternehmen* (F. 2006. № 48) — ‘На Западе перемены. Российские олигархи инвестируют миллиарды и в немецкие предприятия’.

В 2006 году еженедельник «Фокус» (№ 46) выходит с темой номера *Die Russen sind da...und werfen mit Geld um sich — ‘Русские здесь...и разбрасываются деньгами’*. В заявленном материале речь идет об интересах богатых россиян в сфере недвижимости и немецких ноу-хау. Авторы задаются вопросом: *Warum sie uns lieben — und wir ihnen misstrauen — ‘Почему они нас любят, а мы им не доверяем’*. «Русские здесь», — констатирует еженедельник, на обложке которого изображен уверенный в себе одетый в деловой костюм и роскошную шубу медведь с многочисленными долларовыми купюрами и полными пакетами товаров западных марок: *3,5 Millionen Zuwanderer aus dem Russenreich leben in Deutschland. Den größten*

Lärm verursachten 33, die nicht hier leben. Sie besitzen 137 Milliarden Euro — das entspricht dem Jahresumsatz von VW und Bosch zusammen. Sie greifen nach den Kronjuwelen der deutschen Industrie... — ‘3,5 миллиона переселенцев из огромной империи живут в Германии. Впрочем, больше всего шума от тех 33-х, которые живут не здесь. В их распоряжении 137 миллиардов евро, что соответствует годовому обороту VW и Bosch вместе взятых. Они взяли за сокровища немецкой индустрии...’.

Наравне с этим названы и позитивные примеры, когда, к удивлению немецких партнеров, не оправдались худшие опасения: *Kein reiches Gehabe oder angeberische Selbstdarstellung. Stattdessen mit 4,8 Millionen Euro im Gepäck — und sichere Arbeitsplätze für 100 Angestellte — ‘Никакого кичливого поведения или хвастливой самопрезентации. Вместо этого с 4,8 миллионов евро в чемодане — и гарантированными рабочими местами для 100 сотрудников’*. Кроме того, представлены мнения экспертов, которые высказываются за преимущества сотрудничества с русскими по сравнению с американцами или азиатами. Тем не менее общая тенденция скорее отрицательна; складывается впечатление некой интервенции: *Wer von den Russen nicht profitiert, warnt vor ihnen — ‘Тот, кто от русских не извлекает выгоду, предостерегает от них’*. За исключением отдельных случаев экономического бума в некоторых городах, вызванного российскими инвестициями, «иноземное богатство пробуждает недоверие, негодование и страх» (F. 2006. № 46).

В 2007 г. «Шпигель» (№ 10) выходит с темой номера *Der Staat Gasprom. Putins Energie-Imperium — ‘Государство Газпром. Энергетическая империя Путина’*. Иллюстрация на обложке выполнена по образцу антисоветского предвыборного плаката Христианского демократического союза (CDU) 1953 г. Президент Путин изображен в шапке с красной звездой, грозно смотрящим из-за газопроводных труб. Так у потенциального читателя еще до прочтения материала формируется определенная картина: опасная Россия, на самом деле являющаяся старым Советским Союзом, хочет надавить на своих соседей с помощью нового оружия — газа и нефти [см. Kamp, Jahn 2007].

Основная часть формулировок, касающихся газового вопроса, содержит коннотативную семантику могущества, носящего угрожающий характер: *Gas-Macht, Weltmacht Gasprom, Moskauer Machtspiele* (SP. 2007. № 10); *Gasprom-Macht Denkmal, Monument der Macht* (F. 2006. № 48); *eisige Grüße aus Moskau, eiskaltes DUO, Energiegigant* (F. 2009. № 3). Говорится и об угрозе Западной Европе, исходящей от России: *Russland setzt sein Erdgas gegenüber den Nachbarn politisch ein und könnte auch Westeuropa den Hahn abdrehen* (SP. 2006. № 13) — ‘Россия в отношении своих соседей применяет природный газ политически и могла бы

так же и Западной Европе перекрыть кран'; ...ein Unternehmen, das ein Sechstel der weltweiten Erdgasreserven kontrolliert und mit einem Fingerschnipsen die Energiezufuhr nach Westeuropa unterbrechen, unsere Wohnungen erkalten lassen kann (SP. 2007. № 10) — '...предприятие, которое контролирует одну шестую мировых запасов газа, способное одним щелчком пальцев прервать поставку газа в Европу, может оставить наши жилища холодными'. С помощью личных местоимений «наши» и «мы» внушается мысль об угрозе для Германии: *Ängste vor Kälte. So abhängig sind wir vom Russland-Gas* (F. 2009. № 3) — 'Страху перед холодом. Так мы зависим от российской газа'. «Газпром» воспринимается как новое оружие России: *Gasprom ist Putins beste Waffe* (SP. 2007. № 10) — 'Газпром — это лучшее оружие Путина'. При этом государственный концерн очень часто упоминается в тесной связи с именем президента Путина: *Konzern des Zaren, Herzstück von Putins Politik* — 'концерн царя, сердце политики Путина'; встречается даже симбиозный вариант *Gasputin* (SP. 2007. № 10). Использование противопоставления «свои — чужие», применение военной метафоры, акцентирование, с одной стороны, могущества и непредсказуемости, а с другой — незащищенности, отсылает к образу врага и формирует фрейм угрозы.

Фрейм «угрозы с Востока» наиболее ярко проявился при освещении августовских событий 2008 г. «Шпигель» от 18.08. 2008 г. посвящает этому событию номер под заглавием *Der gefährliche Nachbar — Wladimir Putin und die Ohnmacht des Westens* — 'Опасный сосед. Владимир Путин и бессилие Запада', в котором вина возлагается на Россию. На обложке изображен смотрящий исподлобья Владимир Путин на фоне российских танков. В материале этого номера журналисты проводят исторические параллели, прежде всего с Чеченской войной, апеллируя также и к более ранним временам: *Der Angriff des großen Russland auf das kleine Georgien ist wie ein Rückfall ins 19. Jahrhundert, mitten im 21* (SP. 2008. № 33) — 'Нападение большой России на маленькую Грузию — словно возвращение в XIX век посреди XXI'.

Немецкая журналистка и публицист Гемма Пёрцген проанализировала, как освещались августовские события 2008 г. в ведущих изданиях Германии, в том числе в «Шпигель» [см. Pörgzen 2008]. По мнению Пёрцген, редакция еженедельника «Шпигель» убеждена, что фактор страха способствует хорошим продажам и успеху у читателей. Кроме того, она предположила, что ее коллеги не могли в полной мере понять, что на самом деле происходит в конфликтном регионе. Это связано как с дефицитом знаний и глубинного понимания ситуации в бывшей советской республике, так и с недостатками в работе с общественностью российской стороны во время (особенно в начале)

конфликта. Проводя параллели с Чеченской войной, «Шпигель» приписал всю вину Путину, описывая роль России с использованием образа врага. По мнению Пёрцген, таким образом была изначально задана определенная модель восприятия нового конфликта. При этом третий участник конфликта — Южная Осетия, непосредственная жертва, — практически не упоминается.

В связи с этим примечательно исследование немецких, украинских и русских СМИ, высказывавших предположения о возможности нового военного конфликта — между Россией и Украиной, из-за полуострова Крым [см. Rothe 2009]. Юдит Роте в своем исследовании «Крым после войны с Грузией — дойдет ли дело до оружия?» установила, что в выбранных ею источниках («Süddeutsche Zeitung», «Frankfurter allgemeine Zeitung», «Die Tageszeitung», «Die Zeit») представлено специфическое европейское восприятие проблемы «Крым после войны с Грузией», не вдающееся в подробный анализ внутривосточной ситуации на Украине. Роте замечает, что исторические аргументы в контексте проблемных российско-украинских отношений тематизируются мало, к примеру, факт «дарения» Крыма Украине упомянут лишь однажды — в материале FAZ [Rothe 2009: 17].

Тем не менее в общем контексте освещение августовских событий еженедельником «Шпигель» Гемма Пёрцген оценивает как взвешенное, достаточно сбалансированное. Это выражается, в частности, в том, что наряду с интервью с президентом Грузии Михаилом Саакашвили, содержащим критические вопросы, приведено другое интервью — с экс-канцлером ФРГ и другом России Герхардом Шрёдером. Кроме того, в последующих материалах «Шпигель» публикует целый ряд «впечатляющих журналистских расследований» [Pörgzen 2008: 84], которые даже перепечатывались российскими СМИ.

В еженедельнике «Фокус» тоже велись интенсивные дискуссии о роли России и ее притязаниях в этой войне. Журналисты при этом не спешили объявлять правых и виноватых, признавая, что в настоящий момент не представляется возможным дать ситуации верную оценку: *Denn was genau am Morgen des 8. August rund um die südossetische Hauptstadt Zchinwali geschah, ist im heftig tobenden Propagandakrieg schwer auszumachen* (F. 2008. № 34) — 'Что же именно произошло утром восьмого августа вокруг южноосетинской столицы, сложно установить в ожесточенно бушующей пропагандистской войне'. Однако «Фокус» также не упустил возможности обратиться к фрейму угрозы, задаваясь на обложке номера вопросом: *Kalter Krieg? Georgien: worum es den Russen geht?* (F. 2008. № 34) — 'Холодная война? Грузия: как это касается русских?'.

Таким образом, посредством имперской метафоры, оппозиции Россия/Запад, а также с помощью применения устойчивых лексических

клише, характерных для прошлого, актуализируется фрейм возобновившейся экспансии России как в политическом, так и в экономическом плане. Особенно явно данный фрейм прослеживается в материалах, посвященных конфликтным ситуациям, связанным с Россией — новогоднему газовому спору с Украиной рубежа 2006—2007 гг., военному конфликту в Южной Осетии в августе 2008 г.

Еженедельник «Штерн» в анализируемый период заявляет о России как о теме номера лишь единожды. В 2005 г. выходит журнал о российских туристах, отдыхающих на зарубежных побережьях, с заголовком *Die Russen kommen — Wie sie die Lieblingsstrände der Deutschen erobern — 'Русские идут: как они захватывают любимые пляжи немцев'*. Этот номер привлек большое внимание общественности и вызвал волну возмущения. Материал получил широкий резонанс в других немецких СМИ, а также стал причиной для обращения читателей с жалобами в Немецкий совет прессы (Deutscher Presserat). На десяти страницах с многочисленными и отнюдь не лестными для русских фотографиями описано, как российские отдыхающие ведут себя в турецких и египетских отелях системы «всё включено» и как протекает их совместное проживание с туристами из западных стран: *An der Stränden von der Türkei bis Ägypten tobte ein neuer Kampf der Kulturen: zwischen Dirk und Dimitrij, Natalie und Nicole. [...] Viele Deutsche fühlen sich von den Russen verdrängt. [...] Russische Urlauber schleppen 70 Jahre Sowjetunion im Gepäck mit — inklusive schlechter Manieren — 'На пляжных побережьях от Турции до Египта бушует война культур между Дирком и Дмитрием, Натальей и Николь. <...> Многие немцы чувствуют себя вытесненными русскими. <...> Русские отдыхающие привезли в своем багаже 70-летний советский опыт, включая и плохие манеры'*. В данном случае также использована метафорика войны, конструирующая образ врага («война культур», «русские идут»). Кроме того, последнее выражение, относящееся ко временам Второй мировой войны, апеллирует к массовому сознанию, привнося дополнительное смысловое содержание.

Применяя вышеописанные метафоры в отношении России, авторы нередко обращаются к коллективной памяти, пробуждая определенные ассоциации. Как отмечает Пёрксен, через метафоры авторы обращаются к прежнему опыту и таким образом вызывают определенные ассоциации, получают возможность представить абстрактные феномены наглядно. Применение метафоры позволяет редуцировать политические и идеологические противоречия до простой формулы, с тем чтобы интерпретировать явления и тенденции в виде популярных альтернатив [Pörksen 2000: 169—170].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в анализируемый период в немецком медиади-

курсе по отношению к России ярко выражена метафорика экспансии, мощи и непредсказуемости России, которая задает фрейм угрозы. Фактором страха журналисты оперируют при освещении самых разных тем, касающихся России, начиная с конфликтов РФ с соседними странами и заканчивая экономическими вопросами. Активирование фрейма угрозы исторически обусловлено драматическими событиями XX в. С этой точки зрения журналисты, так же как и другие граждане Германии, являются носителями определенных социокультурных установок, реализуемых ими осознанно или бессознательно. В связи с этим возникает опасность конструирования определенных схем восприятия. В результате редуция до некоторого круга тем и факторов, которые через частое повторение становятся «типичными», ведет к стереотипизации. При этом стереотипы, с одной стороны, обеспечивают относительную легкость обмена мнениями и точками зрения, а также позволяют описать всю многосложность окружающего мира. С другой стороны, упоминание и постоянное акцентирование конкретных, одних и тех же аспектов ведет к искажению общей картины и формированию определенных фреймов, что препятствует адекватной репрезентации реальности в ее полноте и многообразии в СМИ. Однако решение этой проблемы выходит за рамки концепций медиаскурса: проблема требует философско-методологического осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

- Askocenskij D. Der verschwundene Feind. Zur Genese der gegenseitigen Wahrnehmung im Massenbewusstsein der Bundesrepublik Deutschland und der Sowjetunion in der Zeit von 1985 bis 1991. — Bonn: Holos-Verl., 1997.
- Cohen B. C. The Press, the Public and Foreign Policy. — Princeton, 1963.
- Crudopf W. Russland-Stereotypen in der deutschen Medienberichterstattung. — Berlin: Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin, 2000.
- Daniliouk N. Fremdbilder in der Sprache: Konstruktion — Konnotation — Evolution. Das Russlandbild der Jahre 1961, 1989 und 2003 in ausgewählten deutschen Printmedien. — Berlin, 2006.
- Degtjarova V. Russlandbilder im deutschen Fernsehen 2001—2002. Studie zur Konstruktion Russlands bei öffentlich-rechtlichen und privatrechtlichen Sendern (ARD, NDR und RTL). — Hamburg, 2006.
- Esau E. Das postsowjetische Russlandbild in deutschen Printmedien. Eine qualitative Zeitungsanalyse. — Saarbrücken: Müller, 2007.
- Galperin J. Das Russlandbild in der deutschen Presse. — Berlin: Dimap kommunikations, 2007.
- Gavrilova S. Die Darstellung der UdSSR und Russlands in der Bild-Zeitung 1985—1999. Eine Untersuchung zu Kontinuität und Wandel deutscher Russlandbilder unter Berücksichtigung der Zeitungen Die Welt, Süddeutsche Zeitung und Frankfurter Rundschau. — Frankfurt am Main: Lang, 2005.

Kamp A., Jahn P. Unsere Russen, unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800 bis 2000. — Berlin: Links, 2007.

Kippendorf K. Der verschwundene Bote. Metaphern und Modelle der Kommunikation / Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft durchges. — Nachdr. — Opladen: Westdt. Verl., 1994.

Krone-Schmalz G. Was passiert in Russland? 4. Aufl. — München: Herbig, 2008.

Kunczik M., Zipfel A. Publizistik. Ein Studienhandbuch. 2., durchges. und aktualisierte Aufl. — Köln: Böhlau, 2005.

Lippmann W. Die öffentliche Meinung. Reprint [d. Ausg.] München, Rütten u. Loening, 1964. — Bochum: Brockmeyer, 1990.

Lutz M. Der Trend geht zum Generalisten und Feuerwehrmann. Ein Dossier zum Zustand der deutschen Auslandsberichterstattung. nr-Dossier. 2008. URL: <http://www.netzwerkrecherche.de/files/nr-dossier-02.pdf> (дата обращения: 7.7.2010).

Marx C. Das Bild der Sowjetunion im westdeutschen Fernsehen. Eine medienkritische Studie zum Reflex des politischen Wandels 1986/1987 in der Sowjetunion aus literatursoziologischer Sicht. — Frankfurt am Main: Lang, 1990.

Meissner M. Zeitungsgestaltung. Typografie, Satz und Druck, Layout und Umbruch. 2., erw. Aufl. — München: List, 1995.

Merten K. Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. durchges. Nachdr. — Opladen: Westdt. Verl., 1994.

Pörksen B. Die Konstruktion von Feindbildern. Zum Sprachgebrauch in neonazistischen Medien. — Wiesbaden: Westdt. Verl., 2000.

Pörzgen G. Deutungskonflikt: der Georgien-Krieg in deutschen Printmedien // Osteuropa. 2008. № 11. S. 79—95.

Pörzgen G. Aus den Augen — aus dem Sinn: Der Kaukasus in den Medien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2009. Heft 13. S. 40—46.

Rothe J. Die Krim nach dem Georgien-Krieg — Wird die Geschichte zu Waffe? Analyse deutscher, ukrainischer und Russischer Presseberichterstattung über die Krim nach dem Georgien-Krieg. Herausgegeben von Prof. Dr. Eberhard Sandschneider. — Berlin: DGAP analyse. 2009. Nr. 4.

Schmidt B. Die Macht der Bilder. Bildkommunikation — menschliche Fundamentalkommunikation. — Aachen: Shaker, 2002.

Seifert K. Die Konstruktion Russlands in der deutschen Auslandsberichterstattung 1985—1995. Studien zum Wandel der deutschen Wahrnehmung Russlands. — Berlin: Wvb, 2003.

Staab J. F. Nachrichtenwert-Theorie. Formale Struktur und empirischer Gehalt. — Freiburg: Alber, 1990.

Stöber R. Deutsche Pressegeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2., überarb. Aufl. — Konstanz: UVK-Verl.-Ges., 2005.

ИСТОЧНИКИ

Bönisch G., Wiegrefe K. Am Abgrund // Der Spiegel. 2008. № 25. S. 48—60.

Die Russen kommen! // Stern. 2005. № 33. S. 92—103.

Die Russen sind da. Glamour ohne Grenzen // Focus. 2006. № 48. S. 160—172.

Eißige Grüße aus Moskau // Focus. 2009. № 3. S. 120—123.

Follath E. Der neue Kalter Krieg // Der Spiegel. 2006. № 33. S. 70—74

Follath E., Schepp M. Der Konzern des Zaren // Der Spiegel. 2007. № 10. S. 120—137.

Follath E., Schepp M. Manhattan an der Moskwa // Der Spiegel. 2008. № 29. S. 106—119.

Mayr W., Neef C. Der neue, alte Großmacht // Der Spiegel. 2006. № 28 S. 84—97.

Neef C. Tagebuch einer Weltmacht // Der Spiegel. 2006. № 46 S. 122—144.

Partner oder Gegner? // Focus. 2008. № 36. S. 16—20.

Putins Kalter Krieg // Der Spiegel. 2008. № 34. S. 80—90.

Reitschuster B. Klare Warnung aus Moskau // Focus. 2008. № 34. S. 122—125.

Reitschuster B. Putins Geld-Maschine // Focus. 2007. № 8. S. 143—147.

Schaertl M. From Russia with Love // Focus. 2007. № 23. S. 120—123.

So liebt die Welt Teil 2: Russland. Sexuelle Revolution im Express-Tempo // Stern. 2005. № 31. S. 101—115.

Todesurteil aus Moskau // Der Spiegel. 2006. № 49. S. 124—136.

Wie Kaiser Wilhelm II. die russischen Revolutionäre um Lenin unterstützte // Der Spiegel. 2007. № 50. S. 34—49.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. А. И. Щербинин

УДК 811.111:81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. А. Семкин
Рязань, РоссияM. A. Siomkin
Ryazan, Russia**РОЛЬ КОНЦЕПТОВ В ФОРМИРОВАНИИ
СТЕРЕОТИПОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ****ROLE OF CONCEPTS IN CREATING
STEREOTYPES OF PUBLIC OPINION
(on the basis of the concept "aggression"
in English and American mass media)**

Аннотация. Анализируется концепт "aggression", обозначающий применение вооруженной силы одним суверенным государством против другого. Рассматриваются понятийные и образные признаки этого концепта, часто употреблявшегося в текстах англоязычных СМИ в период освещения грузино-осетинского военного конфликта. Затрагивается вопрос о роли данного концепта в процессе стереотипизации общественного мнения.

Ключевые слова: концепт; агрессия; грузино-осетинский конфликт; стереотип; массмедиа.

Сведения об авторе: Семкин Максим Александрович, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.

Контактная информация: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46.
e-mail: maxsiomkin@mail.ru.

Abstract. The paper touches upon the concept "aggression", frequently used in English and American mass-media during Georgia-Ossetia conflict in 2008. The role of concept in the process of making social stereotypes is analyzed.

Key words: concept; aggression; Russia-Georgia war; stereotype; mass-media.

About the author: Siomkin Maxim Alexandrovich, Post-graduate Student of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication.

Place of employment: Ryazan State University.

Изучение различных видов дискурса составляет одну из центральных задач современной лингвистики. В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть воздействие дискурса политического комментария на массовое сознание, осуществляемое через создание устойчивых стереотипов, формируемых с помощью системы концептов.

Термин «концепт» рассматривается в когнитивной научной парадигме с привлечением терминологии смежных наук, что оправдывает характеристику когнитивизма как «интегральной парадигмы знания» [Кубрякова 1995]. В рамках когнитивной лингвистики концепт понимается как ментальная репрезентация, которая определяет, как вещи связаны между собой, и группирует объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы [Бабушкин 1996]. Концепты формируют систему мнений и знаний человека о мире, отражают познавательный опыт носителя языка [Павилёнис 1993], используются им с целью регуляции поведения и эффективной ориентации в реальном мире.

Несмотря на то что мир состоит из бесчисленного множества уникальных в своем роде объектов и явлений, человеку свойственно их упрощать и классифицировать посредством концептов. Способность к образованию концептов является врожденной, а частью этой способности является знание правил образования концептуальных структур, развитие которых зависит от человеческого опыта [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1997]. Опыт, при-

обретаемый человеком в процессе освоения мира, способствует когнитивной обработке информации, существенную роль в которой играет концептуализация.

Концепты определяют повседневное «ментальное» существование человека, способствуя классификации явлений, их стереотипизации. Понятие «стереотип», относящееся в первую очередь к сфере психологии, будет рассмотрено нами в контексте соответствующей дисциплины. Это обусловлено тем, что когнитивные науки характеризуются взаимопроникновением.

Стереотип трактуется в психологии как «набор мнений и ожиданий, создаваемых на основе предубеждений, о том, как члены определенной социальной группы думают и действуют» [Wortman, Lofftus, Marshall 1988; перевод наш — М. С.]. Стереотипизация — следствие неизбежного стремления человека понять и упростить в сознании окружающий мир. Те, кто создают стереотипы, умело используют базовые свойства человеческого мышления, касающиеся способов осмысления и классификации потока информации, поступающей извне.

Сообщения СМИ в значительной степени полагаются на общедоступные знания и суждения (о гражданской войне, о голосовании, о революции). Подобного рода сценарии определяют социальные установки, поскольку включают мнения и суждения, основанные на оценке событий определенными социальными группами [Van Dijk 1997]. Многие стереотипы интенционально создаются в политических целях и

позволяют решать целый ряд задач. Например, негативный образ России, создаваемый в СМИ, позволяет западным странам переключить внимание общественности с внутренних проблем и скрыть неудачи собственной политики [Роль СМИ в формировании стереотипов 2010]. Итак, СМИ создают стереотипы и в значительной степени оперируют ими, что обусловлено необходимостью эффективно управлять общественным сознанием. СМИ проявляют свою диктаторскую функцию, навязывая вполне определенную, заданную некоей политической или олигархической группой точку зрения, выгодную ей. В ход идут все известные и доступные психологической науке управленческие воздействия, методы и приемы. Через сформированные стереотипы можно эффективно транслировать точку зрения власти.

Используя механизм публичного восприятия, массмедиа выступают своего рода «психологической монополией» информационной агрессии или информационной войны. Особенно ярко попытки подобного информационного и коммуникационного насилия проявляются во время пропагандистских кампаний. Пропаганда, реализуемая посредством прессы, строится на стереотипах. Постоянный повтор информации вкупе со стереотипными фразами эффективно воздействует на общественное мнение.

У. Липпманн, видный американский социолог, работавший советником у нескольких президентов, отмечал, что основным понятием, формирующим общественное мнение, является стереотип — код, резко упрощающий реальность. Его наличие облегчает общение, так как люди реагируют не столько на реальность, сколько на представление о реальности [Lippmann 1997].

Стереотипы играют важную роль при описании определенных ситуаций, в том числе военного противостояния. Одним из концептов, относящихся к понятийной сфере «война», является концепт “aggression”. Рассмотрим использование этого концепта в текстах англоязычных СМИ в период освещения грузино-осетинского военного конфликта.

Для анализа понятийных характеристик указанного концепта обратимся к словарным дефинициям. *Aggression* — “an angry feeling that makes you want to attack or defeat someone else” [Macmillan 2005]; “unprovoked hostility, often beginning a quarrel or war” [Hornby 1974]; “angry or threatening behavior, especially in which you attack someone” [Longman 2009]. Анализ приведенных определений дает возможность выделить следующие признаки в содержании данного концепта: 1) агрессивное, 2) ничем не спровоцированное поведение, 3) влекущее за собой атаку противника (способствующее началу войны).

Как отмечает Н. Н. Болдырев, концепт в силу устоявшихся традиций обладает компонентами, содержащими объективные и субъективные характеристики предметов, различающие-

ся по степени абстрактности. Абстрактные признаки концепта выражают специальные знания об объектах [Болдырев 2000], единые для конкретной общности людей. Для определения системного места концепта “aggression” в ряду единиц, обозначающих различные варианты применения силы в английской лингвокультуре, необходимо рассмотреть соответствующие слова в синонимических словарях и тезаурусах.

В словаре “The New American Roget’s College Thesaurus” [Morehead 2001] понятию “aggression” соответствуют следующие лексические единицы: “offense” («посягательство»), “attack” («атака»), “war” («война»), “invasion” («вторжение»), belligerence («воинственность»); подчеркивается военный характер агрессии. В словаре “Roget’s Superthesaurus” выделяется две группы лексем, относящихся к рассматриваемому концепту. Категория “assault” («нападение») включает в себя следующие понятия: “attack” («атака»), “offensive” («наступление»), “raid” («набег»), “invasion” («вторжение»), blitzkrieg («молниеносная война»). Группа “hostility” («враждебность») подразделяется на “offensiveness” («наступательный характер»), “violence” («насилие»), “belligerence” («воинственность»), “combativeness” («воинственность»), “pugnaciousness” («вздорный характер»), “fight” («бой») [McCutcheon 2003].

Как следует из приведенных данных, тематическое поле «применение силы» в английской лингвокультуре уточняется в следующих направлениях: 1) быстрое или размеренное, 2) в мелких размерах, 3) в крупных размерах, 4) посягательство на территорию другого государства, 5) с корыстными целями. Агрессия представляет собой незаконное применение силы в международной сфере. Если обиходное, бытовое насилие нацелено на причинение физического ущерба, то агрессия, в дополнение к этому, направлена на захват территории в мелких или крупных масштабах.

Сопроводительные контексты наполняют концепт конкретным содержанием. Обратившись к примерам употребления слова “aggression” в СМИ во время грузино-осетинского конфликта, можно установить следующие диагностирующие контексты для рассматриваемого концепта.

Суть агрессии состоит во вторжении войск одной страны на территорию другого государства с целью получения определенной выгоды: *The wider aims with which Russia is presumed to have entered Georgia have not yet been achieved however. <...> Russia’s ability to crush the minuscule Georgian army does not make it a superpower, and its aggression in the Caucasus need not mark the start of a new cold war* [How to Contain Russia].

Нарушение целостности страны-противника — одна из целей агрессии: *That is why it’s essential for the United States and the EU to respond now — by <...> expressing a strong com-*

mitment to Georgian **sovereignty**, and reminding Russia of the consequences of aggression [Young 2009].

Характерным для многих контекстов является противопоставление агрессии некоей целостности, свободе, миру, благополучию: *The U. S. has fostered and fought for the creation of a Europe that is **whole, free and at peace**. This stands as one of the greatest strategic achievements of the 20th century: the gradual transformation of a continent, once the scene of the most violent and destructive wars ever waged, into an oasis of **peace and prosperity** where borders are open and uncontested and aggression unthinkable* [Graham, Lieberman 2008].

Таким образом, концепт “aggression” контекстуально уточняется как «вторжение войск одной страны на территорию другого государства с целью получения определенной выгоды, нарушения целостности государства-противника»; агрессия понимается как вызов свободе, миру, процветанию страны.

Типичной для концепта “aggression” является сочетаемость с дескрипциями “systematic” («систематический»), “large-scale” («крупномасштабный»), “thoroughly planned” («тщательно спланированный»), “armed” («вооруженный»), “renewed” («возобновленный»), “unanswered” («безответный»), “naked” («неприкрытый»): *This war was a result of **systematic, large-scale, thoroughly planned** Russian aggression* [Latynina 2009]; *<Russian> acts of brutality <...> do have a name: **armed** aggression, ethnic cleansing <...>* [Saakashvili 2009]; *The Georgian military should <...> deter any **renewed** Russian aggression* [Graham, Lieberman 2008]; *Russian aggression must not go **unanswered*** [Milne 2008]; *This is how we will stand up to Russia’s **naked** aggression* [Brown 2008].

Частотными являются употребления рассматриваемого концепта с синонимами “invasion” («вторжение»), “onslaught” («бешеная атака», «нападение»), “campaign” («кампания»), “fighting” («борьба») и т. д.: *This unprovoked, long-time-ago-planned **invasion** and aggression must stop* [Russian Warplanes Target Georgia]; *Our past aid to the Georgian military... <lacked> the types of security aid that could have been used to blunt Russia’s conventional **onslaught** <...> It was a deliberate **campaign** to collapse the economy of Georgia* [Graham, Lieberman 2008]; *The latest **fighting** in South Ossetia <...> was largely engineered by the Russians* [Russia Resurgent].

Стереотипность восприятия заключается в соответствии между имеющимися в массовом сознании представлениями и вводимой информацией. Как известно, восприятие мира происходит в виде целостных образов, возникающих на основе личного чувственного опыта человека [Болдырев 2000]. Яркие образы, применяемые комментаторами, наглядно представляют и кодируют концепт «агрессия» в сознании человека: *Workmen are busy, hammering away at*

*the Gori apartment blocks **smashed by Russian rockets*** [Nervous Interval]; *More than 200,000 Georgians were driven out of Abkhazia in a **burst of ethnic cleansing**, and that Russia backed Abkhazia militarily* [Put out Even More Flags]; *With each uncontested Russian military move against Tbilisi, **the sovereignty of Georgia itself was being eroded*** [Valasek 2008].

Проанализированные примеры демонстрируют, что агрессия негативно характеризует актанта (деятеля, ее производящего) и вызывает сочувствие к объекту агрессии. Концепт “aggression” связывается с понятиями *strength/weakness; war* [Sommer, Weiss 2001] и актуализирует в сознании реципиента дихотомию «сильный/слабый». Примеры показывают, что Россия представляется как большая и сильная, в отличие от «крошечной» Грузии. Итак, «слабый» заслуживает жалости, а «сильный» — порицания. На первый план при этом выходят конструируемые и провоцируемые эмоции аудитории, рациональная компонента высказывания вытесняется: *Russia’s aggression is <...> a **threat to a tiny democracy on the edge of Europe*** [Graham, Lieberman 2008].

Связанные по смыслу концепты могут быть рассмотрены как иерархически организованная система, элементы которой связаны ассоциативно и формируют семантическую сеть [Красных 2003]. Ниже приведена схема, иллюстрирующая возможную ассоциативную сеть концепта “aggression”.

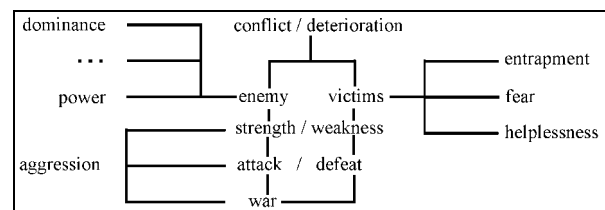

Схема. Ассоциативная сфера концепта “aggression”

Как видно из представленной схемы, объем концепта “aggression” постоянно увеличивается за счет новых концептуальных характеристик, различающихся по уровню обобщения, т. е. концепты обобщаются и структурируются. Это способствует значительному «свертыванию» информации и стереотипизации ее восприятия, что явным образом используют СМИ при освещении вооруженных конфликтов.

Подводя итог, можно сказать, что с помощью концепта “aggression” формируется стереотип о враждебности России. В дальнейшем данный стереотип может аккумулировать в себя другие концепты. Подобный стереотип легко активизируется в сознании человека и вырабатывает автоматизм восприятия политики страны, что предопределяет его высокую функциональность в пропагандистских целях.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 1996.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика (Курс лекций по английской филологии) / ТГУ. — Тамбов, 2000.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука в конце XX века / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 1995. С. 144—238.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ, 1997.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983.

Роль СМИ в формировании стереотипов // День победы над стереотипами : сб. информационных материалов. — Рязань, 2010.

Brown G. This is how we will stand up to Russia's naked aggression // The Observer. 2008. 31.08. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/aug/31/russia.georgia/print> (дата обращения: 02.09.2008).

Graham L., Lieberman J. Russia's Aggression Is a Challenge to World Order // The Wall Street Journal. 2008.26.08.

Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — Oxford University Press, 1974.

How to Contain Russia // The Economist. 2008.23.08.

Latynina J. Articles on August War — Russia and Georgia at War. URL: <http://russiangeorgianwar.blogspot.com/> (дата обращения: 23.10.2009).

Lippmann W. Public Opinion. — Free Press, 1997.
Longman Dictionary of American English. 2009.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. — A&C Black Publishers Ltd, 2005.

Milne S. The Truth about South Ossetia // The Guardian. 2008.31.10. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/oct/31/russia-georgia> (дата обращения: 02.10.2008).

Nervous Interval // The Economist. 2008.04.09.

Put out Even More Flags // The Economist. 2008.30.08.

Roget's Superthesaurus by Marc McCutcheon. — Writer's Digest Books, 2003.

Russia Resurgent // The Economist. 2008.16.08.

Russian Warplanes Target Georgia // CNN.com. 11.08.2008 URL: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/08/09/georgia.ossetia/index.html> (дата обращения: 11.08.2008).

Saakashvili M., President of Georgia 64th Session of the United Nations General Assembly New York, September 24, 2009 // Russia and Georgia at War. URL: <http://russiangeorgianwar.blogspot.com/> (дата обращения: 23.10.2009).

Sommer E., Weiss D. Metaphors Dictionary. — Detroit: Visible Ink Press, 2001.

The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form by Philip D. Morehead. — A Signet Book, 2001.

Valasek T. Can the West Prevent an All-out War between Russia and Georgia? // The Guardian. 2008.14.08.

Van Dijk T. Cognitive context models and discourse. In M. Stamenow (Ed.). Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness. (pp. 189-226). — Amsterdam: Benjamins, 1997.

Wortman C. B., Loftfus E. F., Marshall M. E. Psychology. Third Edition. Published by Alfred A. Knopf. — N. Y., 1988.

Young C. Russia Is Back on the Warpath // The Wall Street Journal. 2009.02.07.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. Е. Воронова

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

И. И. Скачкова
Волгоград, Россия

I. I. Skachkova
Volgograd, Russia

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПОЛИТИК В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

CLASSIFICATION OF LANGUAGE POLICIES IN AMERICAN SOCIOLINGUISTICS

Аннотация. Рассматривается классификация языковых политик, разработанная американскими социолингвистами. Особое внимание уделяется социологическим результатам проводимых языковых политик в гетерогенном с точки зрения языка и культуры государстве — США.

Abstract. The article discusses the classification of language policy, developed by American sociolinguists. Particular attention is paid to sociological result of the language policy in such a heterogeneous nation as the United States, in terms of language and culture.

Ключевые слова: языковая политика; двуязычное образование; языковые меньшинства; официальный язык.

Key words: language policy; bilingual education; linguistic minorities; official language.

Сведения об авторе: Скачкова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Skachkova Irina Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication.

Место работы: Волгоградская академия государственной службы.

Place of employment: Volgograd Academy of Public Administration.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.
e-mail: irinask.2007@mail.ru.

Целью нашего исследования является изучение механизмов функционирования доминирующего и миноритарных языков в полиэтническом и мультикультурном пространстве. Лежащая в основе исследования концепция сформировалась в ходе проводившегося социолингвистического изучения этнических языковых ситуаций в гетерогенных с точки зрения языка и культуры регионах мира. Изучение языкового планирования со всеми его терминологическими дериватами переживает в настоящее время очередной всплеск интереса со стороны общественных наук. Обозначенная тематика лежит в плоскости глобальной темы «Взаимодействие языка и общества». Статья посвящена кардинальной социолингвистической и этнолингвистической проблеме, что позволяет вскрыть общественный характер развития и функционирования языков, а также обосновать социальную мотивацию языковых ситуаций в условиях многоязычия.

В настоящий момент для выработки практических рекомендаций и гуманизации этносоциальных отношений необходимы обобщающие работы теоретического характера. Языковая политика, будучи неотъемлемой частью этнонациональной политики, находится в фокусе исследовательского интереса ученых Франции, Канады, Австралии, США, России, Великобритании. В современную эпоху не представляется возможным интенсифицировать исследования в области российской социолингвистики без скрупулезного анализа зарубежного опыта и выводов, к которым пришли западные социологи языка в процессе изучения языковых ситуаций, проблем дву- и многоязычия, тесно связанных с политическими, идеологическими и социально-культурными проблемами полиэтни-

ческих стран. В данной статье мы обратимся к классификации языковых политик с точки зрения официальности/неофициальности, намерений/последствий, разработанной американскими исследователями. Следует оговориться, что термины «языковая политика» и «языковое планирование» в данной работе используются как взаимозаменяемые.

Среди большого количества определений языкового планирования, существующих в работах американских исследователей, наиболее подходящим для целей нашего исследования является следующее: «языковое планирование относится к целенаправленным усилиям для влияния на поведение других лиц в отношении приобретения, структуры или функционального распределения их языковых кодов» [Cooper 1989:45]. Языковое планирование также рассматривается в качестве «инструмента лидеров, желающих изменить общество», который «направлен на „изменение“ с помощью рационально скоординированных действий государства» [Weinstein 1983: 37]. Языковое планирование часто изображается способом решения языковых проблем, однако история свидетельствует, что попытка планирования языка нередко сама является источником языковых проблем, особенно если планирование направлено на ограничение в языковых правах, сопровождающееся уменьшением социальных, образовательных, экономических и политических возможностей.

Национальные языки обычно подвергаются процессам стандартизации. Попытки стандартизировать, упорядочить и систематизировать языки называются корпусным планированием. Корпусное планирование может проводиться языковыми академиями, популярными писате-

лями и коммерческими издателями. Стандартизация американского варианта английского языка была достигнута в основном за счет усилий влиятельных коммерческих издателей, таких, как Ной Вебстер. Государство заинтересовано в стандартизации, нормализации национального языка, поскольку норма принуждает языковой коллектив использовать языковые средства строго определенным образом: «Единообразие, унификация языкового кода — это мощнейший государственный рычаг, с помощью которого гораздо проще манипулировать общественным сознанием, реализуя те или иные идеологические постулаты» [Наумов 2010: 18].

Американские исследователи называют несколько вероятных причин того, почему основатели США решили не утверждать английский в качестве официального языка: господство английского языка было очевидно, проведение официальной политики было ненужным; основатели уважали языковое разнообразие и права меньшинств; они не решались обидеть меньшинства, которые поддерживали революционное дело, и поэтому выбрали толерантный подход [Heath 1976, Kloss 1977/1998]. Какой бы ни была действительная точка зрения основателей, английский язык функционировал, как если бы он был официальным языком, на протяжении всей истории США, и его часто использовали в качестве официального для конкретных целей. Таким образом, английский в целом обладал статусом официального языка, и это функционально было более важным, чем его официальное определение [Heath 1976].

Национальные языки могут получить статус официальных в результате централизованного правительственного планирования или вследствие усилий стратегов языковой политики. Как уже было сказано, политика официального языка проводится для получения возможности влиять на языковое поведение с помощью официальных кодов.

Однако внимания заслуживают не только официальные языковые политики. Так, многие американские исследователи проводят различия между официальными/явными, имплицитными и скрытыми/подразумеваемыми политиками [Weinstein 1983; Wiley 2008]. Многие популярные политические дебаты сфокусированы на официальных или явных политиках. Тем не менее имплицитные нормы и ожидания, вовлеченные в институциональные практики, также влияют на языковое поведение, формируя и контролируя его. Национальные языки, такие, как американский английский, часто становятся официальными де-факто, без юридических документов, вследствие всеобщего идеологического настроения. Практически всегда в американской истории доминирование и статус английского языка как национального языка США основывались на идеологическом согласии, существовавшем в британских колониях до воз-

никновения США. В них английский язык приобрел свой статус и господство без централизованного государственного планирования. Во время колониального периода никто не призвал объявить английский язык официальным языком Соединенных Штатов, поскольку его доминирующее положение было достигнуто за счет неофициальных средств [Heath 1976]. В начале XXI в. некоторые исследователи выражают озабоченность как по поводу официального статуса английского языка, так и по поводу сохранения миноритарных языков. Однако американский ученый Терренс Вайли (Terrence G. Wiley) утверждает, что заявления об угрозе для господства и статуса английского языка являются более нелепыми, чем за два десятилетия до основания Республики, когда Франклин ставил эти вопросы на голосование [Wiley 2008: 321]. Согласно данным опроса американского общества, проведенного в 2007 г. среди 52,4 миллионов человек старше пяти лет, которые говорили дома не на английском языке, что составляет 19,7 % от общего числа жителей США, только 8,1 % не говорила по-английски. В целом около 92 % населения заявили, что владеют английским хотя бы в минимальном объеме [census.gov].

Многие имплицитные социальные и институциональные практики воспринимаются как политика, даже если они не имеют официального одобрения. Имплицитные, или скрытые/подразумеваемые политики могут быть замаскированы высокими целями, направленными на оказание помощи языковым меньшинствам в ассимиляции, даже если в реальности эти группы систематически третируются и лишены языковых прав [Skutnabb-Kangas and Phillipson 1994]. Языковые меньшинства всегда стремились осмыслить последствия пагубных языковых политик, независимо от того, были ли эти политики официальными, имплицитными, или скрытыми. Например, в 1880-е гг. дети американских индейцев были вынуждены посещать школы-интернаты, что преследовало конкретную цель: внедрение их в англоязычную доминирующую культуру и предоставление им минимальных навыков работы. В повседневной жизни школы «детям запрещалось говорить на своих родных языках, а тех, кто нарушал этот запрет, унижали, били, а их рты мыли щелочным мылом». В итоге дети и их родители поняли, что «должностные лица имели непоколебимое намерение использовать школу, чтобы разрушить их язык и культуру» [Norgren and Nanda 1988: 186; Weinberg 1995].

Некоторые официальные лица утверждали, что основной целью языковой политики является контроль в социальной, политической и экономической сферах [Leibowitz 1969]; языковыми меньшинствами это было понято, как карательная политика, часто проводимая завуалировано, под прикрытием соблюдения интересов языковых меньшинств. Независимо от того,

инициировано ли языковое планирование правительственными органами, является косвенным результатом деятельности языковых стратегов или общепринятой институциональной практикой, оно имеет как социальные, так и политические последствия [Leibowitz 1969, Wiley 2008].

Хотя федеральное правительство Соединенных Штатов никогда не признавало английский язык в качестве официального, он исторически использовался на протяжении большей части истории страны. Это язык судебных заседаний; он необходим для составления заявок на гранты; английский является языком обучения в школе; знание английского языка является требованием для многих рабочих мест. Владение английским языком является необходимым требованием для натурализации иммигрантов. Лейбовиц говорит о том, что правовые санкции федерального правительства обусловили дискриминацию в политической и экономической сферах [Leibowitz 1969]. Исторически сложилось так, что иммигранты и представители коренных народов Америки плохо знают английский язык, а из-за этого они не имели права голосовать. Контролирующая функция языковой политики часто широко поддерживается даже теми, кто пострадал от нее. Языковая политика и образовательный ценз, будучи широко распространены, становятся гегемонистскими [Collins 1991].

В своей классической «Американской традиции двуязычия» Клосс [Kloss 1998/1977] разработал схему для классификации различных типов официальной языковой политики или законов о языке. Поскольку определение языковой политики может быть расширено за счет включения официальных, имплицитных, или скрытых политик, основные категории системы Клосса можно модифицировать для более широкого применения, чтобы охватить категории неофициальной политики [Wiley 2008]. Ниже приведенная схема, составленная Клоссом, позволяет классифицировать различные типы политик с точки зрения их прямого назначения, а также их последствий. Акцент сделан на последствиях, потому что некоторые из них являются непреднамеренными.

1. Политики, ориентированные на распространение какого-либо языка, связаны с использованием правительственных/государственных ресурсов в рамках активного правительственного плана дальнейшего официального использования языка или языков. Английский язык в США получил большое распространение в результате институциональных практик, реализуемых при посредничестве английского языка. Правительственные печатные издания, принятые законы, юридические документы издаются на английском языке, на этом же языке проводятся все правительственные заседания.

2. Целесообразно ориентированные законы или политики являются более слабыми, чем

политики, ориентированные на распространение какого-либо языка, но они отличаются от первых своими целями. Они не ориентированы на увеличение количества функций миноритарных языков. Они позволяют правительству использовать миноритарные языки для облегчения доступа к образовательным услугам, политической жизни и для предоставления законных прав языковым меньшинствам (например, представителям языковых меньшинств дается переводчик в суде). Большая часть споров о двуязычном образовании в США была продиктована смешением понятий: спорящие стороны путали политику, ориентированную на распространение какого-либо языка, и целесообразно ориентированную политику. Например, сторонники движения «Только английский» выступали против финансирования раздела VII закона о переходном двуязычном образовании и против двуязычных бюллетеней, ориентируясь на языковую политику первого типа, хотя в данном случае правительство основывалось на целесообразно ориентированной политике (политике второго типа).

3. Толерантно-ориентированные политики характеризуются отсутствием значительного государственного вмешательства в языковую жизнь миноритарных групп. При таких политиках языковые меньшинства предоставлены сами себе, они должны сами изыскивать средства для сохранения своих исконных языков, поддержка и какие-либо ресурсы правительством не предоставляются.

Например, с конца 1600-х гг. до Первой мировой войны многие американцы толерантно относились к своим немецкоязычным согражданам, их желанию обучать собственных детей по двуязычным программам с использованием немецкого языка, существовало и лояльное отношение к немецкоязычной прессе [Kloss 1998/1977; Wiley 1998]. Иммигрантские общины, проживающие в разных районах страны и говорящие на миноритарных языках, сегодня часто полагаются на школы выходного дня, которые финансируются из собственных средств иммигрантской общины и средств частных лиц, служащие для сохранения или возрождения исконных языков. Однако даже в периоды языковой толерантности усилия по сохранению родных языков не имеют долгосрочного успеха, если языковые меньшинства имеют возможности для контакта с доминирующим обществом.

4. Ограничительные политики — это те политики, благодаря которым социальные, политические и экономические привилегии, права и возможности зависят от знания или использования доминирующего языка. Языковые ограничения обычно регламентируют общение на рабочем месте или в официальной сфере. Несмотря на существование толерантно ориентированных языковых политик в США [Kloss 1998/1977], со времен колониального периода отмечалось немало примеров рестрикциониз-

ма. Ограничительные политики были одной из главных особенностей территориальной языковой политики в период американской национальной экспансии [Macías 2000]. Исторические примеры ограничительной политики в отношении языков часто оправдывались тем, что они были во благо тех, на кого нацеливались.

Ограничительное движение «Только английский», затронувшее образование, и усилился по американизации иммигрантов относились именно к такому типу языковой политики. Еще одним примером ограничительной языковой политики является принятие в июне 1998 г. «Предложения 227» в штате Калифорния и «Предложения 203» в штате Аризона. Инициаторы принятия этих предложений стремились серьезно ограничить доступ к двуязычному образованию. Рестрикционизм был особенно характерен для времен Первой мировой войны, когда большинство штатов проводило ограничительные политики и поддерживало официальную политику «Только английский» [Kloss 1998/1977, Wiley 1998]. Несмотря на благородные намерения содействовать овладению английским языком, ограничительные школьные стратегии «Только английский» часто имели негативные последствия для изучения английского языка [Weinberg 1995; Wiley 2008].

5. Репрессивные языковые политики — это осознанные попытки искоренить языки меньшинств. Существует тонкая грань между ограничительными и репрессивными политиками. Ограничительная политика становится репрессивной, когда связана с декультурацией и языковым геноцидом. Ранним примером репрессивной языковой политики является запрещение поработенным африканцам использовать родной язык и последующее навязывания неграмотности и незнания обязательных кодов [Weinberg 1995].

После Гражданской войны власти США стали проводить более репрессивную политику в отношении индейцев, навязывая им английский язык и англосаксонские культурные ценности. Политика принудительной ассимиляции, целью которой было ускорение декультурации и усмирение, проводилась в 1880-е гг., когда Бюро по делам индейцев создало систему школ-интернатов, обучение в которых велось исключительно на английском языке [Crawford 1995; Weinberg 1995; Wiley 2008]. Обычаи индейцев должны были быть уничтожены. Декультурация коренных жителей Америки сопровождалась идеологической обработкой, призванной привить индейцам верность США. Для достижения этих целей и умаления авторитета их семей и племенных общин индейские дети забирались из семей в раннем возрасте [Weinberg 1995]. На Среднем Западе и в других регионах страны во время Первой мировой войны и в начале 1920-х проведение политики «Только английский» сопровождалось массовыми преследованиями немецкоговорящих американцев. Сообщалось о

многих случаях, когда толпы пороли священников, били их, вываливали в смоле и перьях за то, что они читали проповеди на немецком языке. Школы и церкви были разграблены, немецкие книги сожжены. Около 5000 немецкоязычных меннонитов бежало из страны в Канаду [Wiley 1998]. Ограничительный тип языковой политики и широкое распространение преследования немецкого населения за этническую идентичность имели мгновенный и долгосрочный эффект. Например, сравнение довоенной (1910 г.) и послевоенной (1920 г.) переписей населения США показывает значительное уменьшение количества людей, имеющих немецкое происхождение: около 2,3 миллиона человек в 1910 и менее, чем 1,7 миллиона, — в 1920 г. [Wiley 1998: 327].

Ученые, исследующие языковую политику, утверждают, что «язык — это власть, средство достижения любой цели, которую ставит перед собой государство» [Наумов 2010: 7]). А государство — персонифицированная часть языкового коллектива, которая отличается от всех прочих носителей языка наличием властных полномочий, направленных и на социум, и на язык. Реализация языковой политики государства непосредственно влияет на каждого представителя языкового коллектива и на формирование языкового сознания общества в целом. Таким образом, «язык является средством, с помощью которого государство воздействует на общество» [Наумов 2010: 9].

Мы описали классификацию языковых политик с точки зрения официальности/неофициальности, намерений/последствий, существующую в современной американской социолингвистике. Из вышесказанного ясно, что языковая политика, неважно какая — официальная, имплицитная или завуалированная — используется для контроля над социальным поведением членов общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Наумов В. В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. — М.: КомКнига, 2010.
- Collins J. Hegemonic Practice: Literacy and Standard Language in Public Education. // *Rewriting Literacy: Culture and the Discourse of the Other* / eds. Mitchell C., Weiler K. — N. Y.: Bergin and Garvey, 1991. P. 229—253.
- Census.gov. URL: www.census.gov/population/www/socdemo/language/appendix.html.
- Cooper R. L. Language Planning and Social Change. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Crawford J. Bilingual Education, History, Politics, Theory and Practice. 3rd ed. — Trenton, NJ, Crane, 1995.
- Heath S. B. Colonial Language Status Achievement: Mexico, Peru, and the United States // *Language and Sociology* / eds. Verdoodt A., Kjolseth. — Louvain: Peeters, 1976. P. 49—91.
- Kloss H. The American Bilingual Tradition. Washington DC and McHenry IL: Center for Applied Lin-

guistics and Delta System / Reprints of Kloss H. The American Bilingual Tradition. — Rowley MA: Newbury House, 1977. 1988.

Leibowitz A. H. English Literacy: Legal Sanction for Discrimination // Notre Dame Lawyer. 1969. № 25 (1). P. 7—69.

Macias R. F. Language Politics and the Historiography of Spanish in the United States // Language in Action: New Studies of Language in Society : essays in Honor of Roger W. Shuy / eds. Peyton J. K., Griffin P., Wolfram W. — Cresskill NJ: Hampton Press, 2000. P. 52—83.

Norgren J., Nanda S. American Cultural Pluralism and the Law. — N.Y.: Praeger, 1988.

Scutnabb-Kangas T., Phillipson R. Linguistic Human Rights: Overcoming Linguistic Discrimination. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 1—22.

Weinberg M. A Chance to Learn: a History of Race and Education in the United States. 2nd edition. — Long Beach: California State University, University Press, 1995.

Weinstein B. The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choices. — N. Y.: Longman, 1983.

Wiley T. G. The Imposition of World War I Era English-Only Policies and the Fate of German in North America. — In Ricento and Burnaby, eds., 1998. P. 211—241.

Wiley T. G. Language planning, language policy, and the English-Only Movement // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century. — N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 319—338.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. В. Жура

О. А. Солопова
Челябинск, Россия

O. A. Solopova
Chelyabinsk, Russia

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ:
РАЗРАБОТКА МЕТАМОДЕЛИ**

**COGNITIVE-DISCURSIVE PROGNOSIS:
ELABORATION OF METAMODEL**

Аннотация. На материале текстов СМИ анализируется гипотетический образ будущей России. Выделяются основные показатели, интересующие авторов, характеризуется степень детализации модели будущего.

Abstract. The article analyzes hypothetical image of Russia in future on the basis of Mass media texts. The main components, which are in the sphere of interest of the author are revealed, degree of detailing on the model of future is pointed out.

Ключевые слова: метамодель будущего; социология; тезаурус; показатель; политический прогноз; СМИ; когнитивно-дискурсивное прогнозирование.

Key words: metamodel of the future; sociology; thesaurus; index; political prognosis; Mass media; cognitive-discursive prognosis.

Сведения об авторе: Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, докторант.

About the author: Solopova Olga Alexandrovna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Place of employment: South Ural State University.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина 76.
e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

Настоящая статья нацелена на разработку метамодели будущего России в рамках когнитивно-дискурсивного прогнозирования, которое основано на построении и изучении моделей с целью получения новых знаний, на «одновременном использовании знаковой модели и функционально-декомпозиционного представления объекта прогнозирования» [Глуценко 2009: 51]. В рамках когнитивно-дискурсивного прогнозирования модель будущего не предполагает точный прогноз, поскольку исследователь анализирует лингвистическое воплощение грядущего, его когнитивно-дискурсивные характеристики. Такая модель не дает конкретного прогноза (в строгом и точном понимании этого термина), она скорее указывает, в каком направлении должен идти процесс реалистичных творческих размышлений о будущем. Преимуществом когнитивного подхода является возможность выявить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного исследования особенностей мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также позволяют строить предсказывающие модели в политологии [Базылев 2007: 19]. В нашем случае модель должна и может использоваться в качестве инструмента, позволяющего получить представление о возможных вариантах будущего развития общества, помогающего лучше понять движущие силы, его формирующие.

В мире прогнозов предметом нашего рассмотрения являются прогнозы политические, объектом которых являются в первую очередь политическая система и политический процесс. Соответственно политическое прогнозирование можно определить как разработку научно обоснованных суждений о вероятных состояниях всей политической системы или отдельных ее субъектов в будущем и о возможных путях и сроках их достижения [Симонов 2002: 93].

Основными субъектами, формирующими за рубежом образ России и ее вероятного политического будущего, являются освещающие российскую проблематику сотрудники средств массовой информации. Мир политики представляет собой мир политических артефактов, тогда как мир СМИ — мир субъективных представлений, влияющих на интерпретацию политических событий, позволяющий конструировать политическую реальность настоящего и контуры будущего.

В основе прогнозирования лежат три взаимодополняющих источника информации о будущем:

- оценка перспектив развития, будущего состояния прогнозируемого явления на основе опыта, чаще всего при помощи аналогии с достаточно хорошо известными сходными явлениями и процессами;
- условное продолжение в будущее (экстраполяция) тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны;
- модель будущего состояния того или иного явления, процесса, построенная сообразно

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Солопова О. А., 2011

ожидаемому или желаемому ряду условий, перспективы которых достаточно хорошо известны.

По проблемно-целевому критерию различаются два типа прогнозов: поисковые и нормативные. В фокусе нашего внимания — поисковые политические прогнозы, поскольку именно они публикуются в политологических журналах и периодической печати. Выявляя основные тенденции в современном политическом процессе, авторы прогнозов стремятся продолжить их в будущее, конструируя тем самым новые состояния политической системы. Поисковое прогнозирование сводится к «определению возможного или желаемого состояния объекта в будущем» [МЭРП 2007: 91]. Имеется в виду условное продолжение существующих тенденций развития изучаемого явления. При этом происходит абстрагирование от возможных решений, которые способны радикально изменить наблюдаемые тенденции. Такой прогноз дает ответ на вопрос, что вероятнее всего произойдет при условии сохранения существующих тенденций. Поисковые прогнозы в первую очередь выполняют диагностическую функцию поиска проблемных узлов, выявляя наличие или отсутствие проблемных ситуаций. Иногда такие прогнозы носят сценарный характер: в этом случае выделяется несколько доминирующих тенденций и показывается, как будут развиваться события в случае, если каждая из них в прогнозном периоде будет превалировать.

Процесс моделирования начинается с создания метамоделей, определяющей структуру системы. Такая модель может быть построена при наличии соответствующего инструментария, к которому мы отнесем источники информации о будущем, способы разработки прогнозов, последовательность операций прогнозирования. Специфическая функция метамоделей состоит в том, что она выполняет роль основы, ядра при анализе корпуса текстов, затрагивающих проблематику будущего развития нашей страны. Все остальные операции по составлению частных когнитивно-дискурсивных моделей являются по сути преобразованием ее параметров. Именно поэтому необходима тщательная разработка метамоделей: интерпретация недостаточно основательно разработанной системы исходных показателей сведет на нет когнитивно-дискурсивное прогнозирование как специфическое научное исследование.

Процесс построения метамоделей будущего, представленной как система показателей, включает в себя разработку концептуальной модели объекта и формирование тезауруса показателей. Показатель — это операциональная характеристика социально значимого явления или процесса, которая отражает его свойства, связи или отношения и является одновременно инструментом измерения последних [Бестужев-Лада 2002: 40]. Таким образом, объект представляется в виде некоторого ограниченного

числа основных измерений, описывающих его с большей или меньшей полнотой. Сложность построения метамоделей будущего состоит в том, что максимально полный перечень характеристик охватывает все без исключения аспекты вероятностного будущего и не может быть создан на практике. Поэтому, на наш взгляд, следует отобрать, с одной стороны, сравнительно немногочисленную, компактную совокупность параметров, с другой — обеспечить полноту репрезентации образа будущего за счет оперирования наиболее существенными характеристиками, создать тезаурус, характеризующийся относительной полнотой набора показателей.

В социологии «тезаурус — это перечень социальных показателей исследуемого объекта, отобранных в результате анализа содержания методических документов, полученных в процессе сбора социологической информации и систематизированных в соответствии с принятой классификационной схемой» [Бестужев-Лада 2002: 42]. В случае когнитивно-дискурсивной метамоделей тезаурус представляет собой перечень показателей исследуемого объекта — образа будущего, отобранных в результате анализа корпуса политических текстов, касающихся проблем будущего развития страны, и систематизированных в соответствии с принятой классификационной схемой. *Относительная* полнота набора показателей обусловлена тем, что речь идет об ограниченном количестве используемых показателей: за пределами системы остаются характеристики, существенные для понимания исследуемого объекта, но по тем или иным причинам не принимающиеся во внимание. Полученный тезаурус призван прежде всего отразить основные проблемы, связанные с исследуемым объектом. Таким образом, когнитивно-дискурсивная метамоделей концентрирует внимание на базовых, общих параметрах, факторах и обстоятельствах, определяющих развитие событий в будущем, она ориентирована на моделирование когнитивных структур самого общего уровня категоризации мира политики. Подчеркнем еще раз, что метамоделей в когнитивно-дискурсивном прогнозировании (как и любая другая модель в ином направлении исследований) — упрощенное подобие реального объекта изучения, отображающее лишь наиболее характерные, доминирующие составляющие, которые в подавляющей степени определяют основные свойства объекта. Изучение одних сторон будущего осуществляется ценой отказа от отражения других. Поэтому когнитивно-дискурсивная метамоделей будущего замещает оригинал — общество будущего — в строго ограниченном смысле. Тем не менее, на наш взгляд, ошибочно полагать, что степень адекватности модели прямо пропорциональна количеству ее параметров, так как излишняя громоздкость затрудняет процесс исследования.

Теоретической гипотезой, на которой базируется построение системы показателей, служит предположение, что существенная проблематика исследования образа будущего в политическом тексте и, следовательно, виды показателей по содержанию могут быть типологизированы согласно построенной исходной схеме. Методическая гипотеза может состоять в том, что количество показателей, используемых в современной социологии и политологии, достаточно ограничено и поддается учету, а это дает возможность сузить количество показателей в настоящем исследовании и ограничиться наиболее существенными параметрами, востребованными в текстах СМИ. Следовательно, когнитивно-дискурсивная метамоделю основывается на анализе ключевых факторов, формирующих потенциал развития государства согласно текстам СМИ.

Предлагается следующий алгоритм построения метамоделю:

1. Информационный анализ политических текстов, потенциально содержащих апелляции к образу будущего России. Материал настоящего исследования получен путем сплошной и репрезентативной выборки из политических текстов СМИ Великобритании и США. Источниковая база представлена англоязычной прессой — печатными и электронными публикациями таких изданий, как «London Evening Standard», «The Global Politician», «The New York Sun», «Foreign Affairs», «Harvard international review», «The Sun», «The Independent», «The American», «The American Conservative», «The Wall Street Journal», «The Washington Post», «The Time», «The American Spectator», «The Guardian», «The Heritage Foundation», «The National Review», «The Times» и др.

2. Составление предварительного перечня индикаторов (названий вероятных показателей) метамоделю.

3. Сведение предварительного перечня до пригодного для проведения дальнейшего исследования. Эффективным критерием отбора значимых показателей служит степень отражения ими наиболее актуальных проблем развития государства в будущем, наиболее важных целей для «будущей России», частотность обращения к данным показателям авторов политических текстов, посвященных интересующей нас проблематике. Предварительный перечень может насчитывать несколько десятков индикаторов, причем некоторые из них могут содержательно дублироваться. Поэтому прежде всего проводится содержательный анализ перечня с целью сужения количества индикаторов до приемлемого минимума. Это достигается объединением индикаторов-дублеров и однородных показателей в рамках показателя более общего характера либо, напротив, выделением конкретного фактора из индикатора общего уровня на основании частотных апелляций к нему в текстах СМИ.

В социологии и в политическом прогнозировании исходная модель считается адекватной цели и задачам исследования, если она сопрягается с моделью прогнозного фона, где под прогнозным фоном понимается «совокупность внешних факторов, способных оказать влияние на исследуемый объект/явление» [МЭРП 2007: 96], причем данные прогнозного фона выражаются в тех же показателях, что и характеристики исследуемого объекта. Применительно к данному исследованию и разработке когнитивно-дискурсивной метамоделю прогнозный фон представляет собой совокупность факторов, к которым апеллируют авторы поисковых прогнозов в политическом тексте СМИ, относящихся к настоящему нашей страны и влияющих на формирование вероятностной модели ее будущего состояния.

К стандартным аспектам прогнозного фона относят следующие [Бестужев-Лада 2002: 51—52]:

- научно-технический — ожидаемые изменения топливно-энергетического, материально-сырьевого, транспортно-коммуникативного, межотраслевого, продовольственного и других балансов; наиболее значительные нововведения в области электрификации, химизации, биологизации, космизации, механизации, автоматизации, компьютеризации общественного производства;

- демографический — наиболее существенные применительно к объекту исследования изменения демографического баланса: рождаемости, смертности, естественного и искусственного (в результате миграций) прироста или убыли населения;

- экономический — проблемы экономической ситуации в стране, данные эффективности общественного производства, баланса доходов-расходов населения и т. д.;

- социологический — внепрофильные данные по социальным потребностям и структурам организации и управления, тесно связанные с профильными;

- социально-культурный — нововведения в материально-технической или организационно-информационной базе учреждений образования и культуры, оказывающие существенное влияние на функционирование и развитие этих учреждений;

- внутривнутриполитический — нововведения государственно-правового, в частности законодательного, порядка, которые ограничивают определенными рамками социальное развитие общества по профильным показателям;

- международный — данные о процессах развития международных отношений, назревании военно-политических конфликтов, разрядки, разоружения, развития мировой торговли, контактов в сфере культуры.

Сообразно цели и задачам исследования, а также в соответствии с данными, полученными

в ходе анализа корпуса текстов, содержащих поисковый прогноз, остановимся на некоторых показателях метамодели. Поскольку когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует образ будущего в преломлении *политического текста* СМИ, в качестве основных параметров, от которых зависит завтрашний день мира политики, выступают внутренняя и внешняя политика. Внутренняя политика (внутриполитический аспект социологических и политологических исследований) охватывает основные направления деятельности государства, его структур и органов по регулированию взаимодействия людей внутри страны. Внешняя политика (международный аспект) есть деятельность государства на международной арене, регулирующая его отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, зарубежными партиями, иными общественными объединениями, международными организациями. Каждое государство, независимо от своего географического положения, политического режима, экономического и научного потенциала, является частью системы международных отношений. Эти отношения обусловлены как геополитическими, так и хозяйственно-экономическими, энергетическими, сырьевыми, технологическими, научными и иными факторами. Прогнозируя возможные изменения внешней политики государства, СМИ, как правило, учитывают социально-экономическую и политическую ситуацию, тенденции их развития, социально-психологический климат анализируемого объекта, что обусловлено диалектической взаимосвязью и взаимозависимостью политики внутренней и внешней.

Базовые параметры «внутренняя» и «внешняя политика», в свою очередь, можно разбить на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего).

Параметр «внутренняя политика» включает в себя следующие подпараметры:

- политико-экономическую ситуацию — общий индикатум, объединяющий в себе экономический и внутриполитический аспекты;

- народонаселение — индикатум, включающий демографический, территориальный и социально-культурный факторы;

- природные ресурсы, а именно топливно-энергетическую и материально-сырьевую составляющие научно-технического аспекта;

- вооруженные силы — подпараметр, выделенный на основании регулярного обращения к нему авторов поисковых прогнозов при создании вероятного будущего России.

Параметр «внешняя политика» был разбит нами на несколько частных подмножеств:

- отношения с США;
- отношения со странами Европы;
- отношения со странами ближнего зарубежья;
- отношения со странами Азии.

4. Собственно моделирование. В качестве метамодели предлагается матрица — «методология прогнозирования и ретроспективных моделей» [Мэтьюз 2003: 65], которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы (см. рис.).

На основе набора общих характеристик будущего можно путем различных сочетаний выработать его вероятностные характеристики, которые не существуют, но могут существовать. Главная стратегическая роль и ценность такой метамодели — служить основой для создания частных моделей, привязанных к текущему состоянию общественно-политической системы, особым условиям места и времени, специфике картины мира той или иной лингвокультуры.

Частные модели подразделяются на статические и динамические. Статические матрицы дают застывшую «фотографию» объекта исследования в каждый момент времени (определенный исторический период) и используются для сопоставительного исследования образов будущего в российском и британо-американском политическом дискурсе в синхронном срезе. Динамические матрицы, описывающие процессы изменения и развития объекта во времени, нацелены на изучение динамики образа будущего в рамках одной лингвокультуры в диахроническом аспекте.

Рис. Когнитивно-дискурсивная метамодель будущего

Описание каждой частной когнитивно-дискурсивной модели будущего, созданной для определенного хронологического среза в рамках той или иной лингвокультуры, должно включать следующие аспекты:

- статистическая обработка образных и иных стилистических средств, нацеленных на создание модели грядущего, зафиксированных в политических текстах указанного хронологического среза, их систематизация;

- соотношение параметров «внутренняя» и «внешняя политика». Выделение самых частотных подмножеств в рамках вышеуказанных параметров — факторов, наиболее востребованных в политических текстах при апелляции к образу будущего;

- установление доминантных концептов, образных и иных стилистических средств, задействованных в конструировании подпараметров, параметров и модели грядущего в целом;

- дискурсивная характеристика модели — концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, их взаимосвязь с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами, интенциями субъектов коммуникации и др.;

- характеристика прагматического потенциала когнитивно-дискурсивной модели — способности продуцировать образы «темного/светлого будущего».

Таким образом, когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует модели будущего, сконструированные на базе поисковых прогнозов авторов политических текстов средств массовой информации, используя инструментарий прогностики и когнитивной лингвистики. Когни-

тивно-дискурсивные модели — описание тех возможных миров, в которые может/могла вступить Россия в зависимости от развития и переплетения отдельных тенденций (прогнозного фона), превалирующих в настоящем того или иного исторического этапа развития страны. «Контур» будущего, очерченные политиками и СМИ, иллюстрируют лишь некоторые из вероятных путей развития событий, путей, не являющихся взаимоисключающими.

ЛИТЕРАТУРА

Базылев В. Н. Методы исследования языка российской общественно-политической мысли российского политического дискурса (традиции и новации) // Политический дискурс в России — 10: материалы 10 действ. всерос. семинара / под ред. В. Н. Базылева. — М.: Инф.-уч. центр Гос. ин-та рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2007. С. 19.

Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование: курс лекций. — М.: Педагогическое общество России, 2002.

Глушенко В. В., Глушенко И. И. Парадигма постиндустриальной прогностики: прогнозирование в управлении. — М.: ИП Глушенко В. В., 2009.

МРЭП = Малая российская энциклопедия прогностики / И. В. Бестужев-Лада (гл. ред.), А. И. Агеев и др. — М.: Институт экономической стратегий, 2007.

Мэтьюс Р., Агеев А., З. Большаков. Новая матрица, или Логика стратегического превосходства. — М.: Олма-пресс ; Институт экономических стратегий, 2003.

Симонов К. В. Политический анализ. — М.: Логос, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Е. Н. Топтыгина
Москва, Россия

E. N. Toptygina
Moscow, Russia

**О КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОМ
СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**ON CONSTRUCTIVE-SYNTACTICAL
EXPRESSION
OF SUBJECTIVE MODALITY
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Статья посвящена субъективной модальности как текстообразующей и стилиобразующей категории. Показана важность использования модальных средств в публицистическом дискурсе. Анализируются функционально-синтаксические способы экспликации субъективно-модальных значений публицистического текста.

Abstract. The article is concentrated on one of the aspects of modality — the subjective modality, its functions as a textual category. The role of subjective-modal textual modifiers in formation of modal field of mass media text is shown.

Ключевые слова: публицистический дискурс; вопросительное предложение; субъективная модальность; допущение; предположение; сомнение.

Key words: mass media discourse; subjective modality; interrogative sentence; admission; assumption; challenge.

Сведения об авторе: Топтыгина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка.

About the author: Toptygina Elena Nikolaevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Modern Russian Language, Moscow State Regional University.

Место работы: Московский государственный областной университет.

Place of employment: Moscow State Regional University.

Контактная информация: г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д.21а, к. 105.
e-mail: toptygina@gmail.com.

Современное понимание субъективной модальности как текстообразующей и стилиобразующей категории требует обращения к вопросу о функциональном статусе субъективно-модальных модификаторов, их роли в создании модального поля текста и дискурса. Понимая дискурс как особую форму реализации языка, «коммуникативное событие», которое предполагает определенную цель, пути ее достижения, участников и результат [Кубрякова 2004: 528], будем рассматривать субъективно-модальные модификаторы как специализированные средства экспликации авторской интенции, помогающие адресату «расшифровать» то, что, на первый взгляд, остается за текстом и может быть не выражено в языковой форме. Разнообразные подходы к исследованию дискурса объединяются стремлением изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения [Макаров 2003: 18]. В связи с этим важным оказывается разграничение понятий «текст» и «дискурс», так как первый представляет собой абстрактную грамматическую структуру, формальную конструкцию и относится к языковой системе, а второй есть актуальное речевое действие, анализ которого предполагает учет ментальных процессов и экстралингвистических факторов. Существенным является соотнесение дискурса с говорящим и слушающим, а также с коммуникативным намерением говорящего воздействовать на слушающего [Бенвенист 1974: 51].

Каждый тип дискурса имеет собственную модель и рассчитан на определенную аудито-

рию, адресата. В то же время следует говорить о диалогичности как об «интеракциональности» дискурса, так как он всегда является формой общения людей, интенционален в силу того, что для его характеристики важны и исполнители, и получатели информации, различные по полу, возрасту, социальному и профессиональному статусу и т. д. [Кубрякова 2004: 529]. Публицистический дискурс отличается подчеркнутой диалогичностью, т. е. учетом фактора адресата (реального или воображаемого), стремлением воздействовать на его позицию. Этой ориентации соответствуют определенные языковые средства: политическая коммуникация — это «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11]. Массовый характер адресата и оперативность средств информации, сочетание объективного и субъективного аспектов в освещении происходящих событий формирует понятие публицистичности как ярко выраженной авторской позиции. Для публицистического текста важным оказывается выбор таких языковых средств, в том числе субъективно-модальных, и такая их активизация, которые смогут объективировать коммуникативное намерение говорящего. Сказанное обуславливает такие специфические черты политического дискурса, как побудительность,

экспрессивность, новизна выражений, оценочность, полемичность, призывность, в основе которых лежит субъективное отношение автора речи к содержанию высказывания [Синепупова 2006: 11].

Адресант публицистического дискурса выступает активным и активизирующим началом диалога: от его информационной осведомленности, искусства убеждения и аргументации, нацеленности на адресата зависит реакция последнего, адекватное понимание им предмета речи, согласие или несогласие с точкой зрения автора. Наиболее яркий маркер диалогичности — вопросительное предложение, которое не только придает повествованию живой характер, но и выполняет функции, характерные для обычного диалога, т. е. требует вербального ответа, заключает информацию, не известную адресату речи. Так, собственно вопросительные предложения выступают частью приема коммуникации [Стернин 2008: 82], предполагающего вопрос и автокомментирование, при этом вопрос может быть направлен на выяснение ситуации в целом или какой-либо одной из ее сторон, например: *Гречка, которая входит в список, в некоторых регионах подскочила в цене в 2-3 раза. Почему же власть не вмешалась? Минэкономразвития заявило, что не видит причин для регулирования цен. А вот эксперты говорят, что воспользоваться механизмом регулирования цен чиновникам было бы сложно, даже имея они такое желание — вопросительная конструкция фиксирует внимание на истинных причинах описываемых событий, противопоставляя их мнимым. Сами фермеры настоятельно рекомендуют горожанам по возможности запастись на зиму как можно обстоятельнее, под полную завязку. Если некондиционный картофель в октябре-ноябре пойдет по 25 руб. за килограмм, то сколько он будет стоить в декабре-феврале? 100-150 рубчиков!* — вопросительное предложение заставляет читателя задуматься о неизбежном росте цен и в то же время сближается с риторическим высказыванием, так как выражает возмущение, негодование говорящего. *Как вы думаете, чего катастрофически не хватает в нашей жизни? Почему мы боимся выходить на улицу в темное время суток, боимся открыть дверь незнакомому человеку, почему растет количество железных дверей и уменьшается число счастливых браков? Нам не хватает любви. Любви к окружающим людям, природе, к своему времени, наконец — нанизывание вопросов побуждает читателя к размышлению, поиску решения сложных жизненных проблем.*

Альтернативные вопросы, предполагающие необходимость сделать в ответе выбор, подтверждение или отрицание, заостряют характер поставленной проблемы, обнаруживают движение авторской мысли, фиксируют внимание реципиента на коммуникативно значимом компо-

ненте высказывания, маркируемом вопросительной частицей *ли*: **Но можно ли ставить знак равенства между западной формой демократии эпохи модернити и демократией вообще? Если прав Чарльз Тили, определивший демократию как „взаимно обязывающий и безопасный диалог власти и общества“, то это не так —** вопросительная конструкция с *ли* заранее готовит, подталкивает читателя к отрицательному ответу. Подобные конструкции в публицистическом тексте типичны: в роли первого компонента выступает вопрос с *ли*, в роли второго — отрицательный ответ, например: *Часто бывает так, что мы начинаем изучать английский в школе, затем в институте... И каков результат? До владения английским, до общения на нем доходят лишь единицы. Так в продолжительности ли занятий дело? Думается, что нет* — использование названной схемы удовлетворяет требованиям публицистичности, так как воздействует на эмоционально-волевую сферу адресата речи, способствует принятию им точки зрения автора.

Употребление в публицистике вопросно-ответного комплекса не случайно: во-первых, оно связано с отсроченным характером коммуникации, дистантным характером диалога, во-вторых, прогнозирует и предвосхищает реакцию адресата, поддерживает его внимание. Такой прием способствует полемическому разветвлению темы, в процессе которого автор вместе с читателем пытается найти ответы на актуальные вопросы, выделить наиболее важную информацию. О таком поведении автора публицистического текста мы говорим как об экстравертированном: *Допустим, на этот раз удастся пятую часть служащих уволить... Станем ли мы лучше жить? По этому поводу есть сомнения. Кто и как считал, что полтора миллиона — это слишком много? Министр финансов. С точки зрения главы финведомства, все правильно.... А с точки зрения соответствия чиновников масштабам и численности функций, полезных обществу в целом и отдельным гражданам? Как ни ткнешься в присутственное место, чтобы получить нужную справку, так сразу становится ясно: там, где они нужны, чиновников не хватает...* — вопросительные конструкции маркируют ключевые моменты рассуждений, формируют логику изложения мысли. **А что такое английский выучить? Уметь читать со словарем? Это не знание. Читать, понимать на слух, писать? Мало-мало. Если вы не можете пообщаться с кем-то, кто обращается к вам на этом языке, вряд ли вы сами будете ощущать, что владеете английским** — вопросно-ответная форма изложения заостряет полемический характер воображаемого диалога.

Если автор ставит целью обозначить актуальную проблему и побудить реципиента к са-

мостоятельным размышлениям и выводам, автокомментарий (т. е. ответ на вопрос) может отсутствовать: *Никто не будет спорить, что сельское поселение Ершовское одно из самых спортивных в нашем районе. Здесь активно работают секции по гимнастике, футболу, лыжам, единоборствам, которые посещают сотни мальчишек и девчонок. Некоторые из них — чемпионы района и области. Ну а как быть остальным? И не только молодежи, а тем, кто постарше? В стране продолжается процесс сокращения сельских школ. Сообщения региональных новостей на этой неделе звучат как сводки с боев... Так, значит, все-таки ликвидация? А как же... жизнь на селе, за которую бьются оппоненты партии власти?* Несобственно-вопросительная форма создает в данном случае иллюзию непосредственного общения, имеет яркую субъективную направленность — фиксирует разочарование говорящего деятельностью властных структур, его грустные размышления, нежелание мириться с безысходностью окружающей действительности. Можно говорить о риторическом высказывании как о ярком средстве создания субъективности публицистического дискурса [Канафьева 2005: 81], которое вызывает соответствующую реакцию собеседника, создает яркий спектр субъективно-модальных значений, в частности следующих:

– ирония: *Многочисленные памятники учителю поставят в Липецке, Санкт-Петербурге и других городах. По сведениям местной прессы, памятники порадут неожиданными творческими решениями. Например, учитель будет выпускать из рук не голубей, а учеников... (видимо, с крылышками?);*

– скрытая неудовлетворенность: *Теперь сделали сайты для публичного ознакомления с будущими новыми героями. Так чего же этим вечно недовольным все-таки надо?;*

– удивление + недоверие: *Но проблема-то осталась. Кто только не пытался разработать удобный небольшой перевозчик! ... Американы вложили в разработку сверхзвукового аэротакси 2 млрд долларов — и все без толку. Неужели наши снова переплюнули всех и решили проблему?;*

– недоумение: *...когда сейчас мне, владельцу маленькой Mazda-2, пришлось приглашать ГИБДД для получения справки об ущербе, нанесенном мне неизвестным злоумышленником, милицейский старлей, оглядев царапины на лакированном бампере моей „малышки“, снисходительно поучал меня — «это не автомашина». Какая же автомашина нужна москвичу?;*

– предположение-размышление: *Без вести пропавший — это человек, исчезнувший внезапно, без видимых причин. Его местонахождение и судьба неизвестны. А утратившие связь — это родственники, супруги, отказавшиеся или не желающие поддерживать род-*

ственные или брачные отношения. Одно дело если причиной этого стали внутрисемейные обиды. А если человек психически болен? Или уехал, опасаясь давления криминальных структур?

Использование цепочечных вопросов усиливает диалогизацию, создает эмоциональную напряженность абзаца и текста в целом: *В общем, задумались участники спонтанного обсуждения, нужен ли конкурс вообще? Системе — да! А учителю? Тому, который оказался участником? Или тому, который никогда участвовать в нем не будет, потому что не знает, как туда попасть. Или тому, который придет потом посмотреть открытый урок „лучшего“, „победителя“, „лауреата“? Нужен ли он школе? Региону? Стране? Ученикам? Родителям? А судьи кто? Вот такое, собственно, обсуждение... —* вопросительная форма способствует экспликации модального значения сомнения в целесообразности совершения действия. *Честно говоря, с наружной стороны окна все выглядит гораздо проще. Ну, в самом деле, что сложного в том, чтобы принять эту пачку бумаг, выдать расписку и сказать, когда прийти за нужным документом? Чем там эти мальчики и девочки вообще занимаются?* — вопросительные предложения усиливают возмущение, недовольство субъекта речи. *Он [организм] сам себе доктор: улучшается кровообращение, нормализуется давление; головные боли и простудные заболевания не посещают так часто, как это было до занятий. А почему, собственно, так происходит? Это магия какая-то? Значит, чтобы повысить свой иммунитет и избавиться себя от депрессий к осенне-зимнему сезону, нужно просто вместе с витаминами принимать одно занятие по вокалу?* — вопросительный ряд эксплицирует модальное значение предположения-догадки. В ряде случаев риторическое высказывание задает модальную тональность заголовков, обычно выражающих позицию автора речи в отношении поставленной в тексте проблемы: заголовок — так называемая «сильная, привлекающая максимальное внимание читателя» позиция в тексте [Чудинов 2003: 125]. Приведем примеры: *А был ли контрафакт?* — сомнение; *Туалеты — для своих?* — недоумение; *Шире ассортимент — шире карман?* — сомнение-размышление, *Пение лечит!???* — удивление.

Созданию диалогичности, эмоциональной напряженности публицистического текста служит использование полемической формулы допустим...но, реализующей модальную семантику уступительного допущения. Употребляя данную синтаксическую формулу, говорящий сознательно делает уступку, соглашается с каким-либо мнением, вынужденно мирится с чем-либо, пусть даже нежелательным, неприемле-

мым для него, говорящего, с целью убедить собеседника в противоположном, в обратном, в том, в чем он сам основательно убежден: *Кстати, сами функции базовой школы тоже могут варьироваться. Допустим, рассказали на совещании, подвозить сюда детей можно не каждый день и не на каждое занятие. А только на лабораторные. А на месте со школьниками могут вести занятия „многопрофильные“ учителя. Хорошо бы! Вот только сами учителя почему-то возражают против такой многостаночности. Универсализм профессии учителя оборачивается для многих формальным знанием „по верхам“.* Часть, содержащая противопоставление, отражает истинные взгляды говорящего, его отношение к проблеме (не случайно использование усилительных частиц *вот только*, лексических единиц с отрицательной оценочностью — *многостаночность, по верхам*).

В упрощенном виде схема допущения-уступки выглядит так: «я соглашаюсь с воображаемым или реальным собеседником, понимаю и принимаю его точку зрения, но только затем, чтобы переубедить его, поколебать его убеждения, заставить размышлять». В роли экспликатора допущения-уступки может выступать вводный компонент *конечно*, усиливающий риторический эффект формулы. В рамках контекста данный персуазив теряет значение подчеркнутой уверенности и развивает модально-эмоциональную семантику:

– возмущения: *Конечно, позвать из-за рубежа специалистов можно, и послать на стажировку за рубеж талантливую молодежь тоже можно и нужно. Но „на повлю счастья и чинов“ в основном откликнутся и приедут люди авантюрного склада, кто не нашел себя в зарубежной жизни. А инженеры точно не поедут...;*

– осуждения: *В 2008 году в СИЗО умерли 276 человек, в 2009-м — 233. Конечно, в этом документе указано, что это произошло от различных заболеваний, но для общественности давно не является секретом, что многие даже не слишком тяжелые болезни имеют тенденцию обостряться после того, как гражданин подвергся в СИЗО интенсивным допросам;*

– сожаления: *Конечно, невозможно не порадоваться за Веру Звонареву, которая в этом сезоне едва не покорила два турнира Большого шлема подряд. Но как же обидно, что ни на Уимблдоне-2010, ни сейчас на US OPEN ей,*

видимо, в силу усталости, так и не удалось навязать борьбу в решающих матчах...

Подводя итог, отметим, что вопросительное предложение и полемическая формула *допустим... но* в роли текстовых маркеров диалогичности относятся к функционально-синтаксическими способам создания субъективной модальности публицистического дискурса. Выступая в единстве с контекстуальным окружением, они выполняют как конструктивную функцию, фиксируя внимание читателя на наиболее значимых отрезках текста, так и собственно модальную функцию, эксплицируя разнообразные субъективно-оценочные значения. Разумеется, реализация названных функций обусловлена коммуникативными целями автора речи: воздействовать на сознание и позицию читателя, поддерживать его внимание и интерес к теме, включать в воображаемый диалог.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.

Канафьева А. В. Вопросительно-риторическое предложение в системе функциональных типов русского предложения // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект / ВГПУ. — Владимир, 2005. — С. 80—82.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.

Синепупова О. С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГОУ. — М., 2006.

Стернин И. А. Практическая риторика. — М.: Академия, 2008.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / УрГПУ. — Екатеринбург, 2003.

ИСТОЧНИКИ

Аргументы и факты. 2010. № 35 (01—07.09).

Известия. 2010. № 167 (09.09).

Московский комсомолец. 2010. № 203 (15.09).

Независимая газета. 2010. № 8 (14.09).

Сокрытое сокровище : ежемес. христианская газета. 2010. № 21, нояб.

Я + город : молодежная газета. — Лыткарино. 2010. 27.12.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 808

ББК Ш7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

А. Б. Халатян
Ставрополь, Россия

A. B. Khalatyan
Stavropol, Russia

ПРЕДВЫБОРНЫЙ ДИСКУРС

ELECTION DISCOURSE

Аннотация. Дается характеристика предвыборному дискурсу — частной разновидности политического дискурса, обладающей собственной спецификой.

Abstract. The present paper is devoted to the research of election discourse as a specific variety of political discourse.

Ключевые слова: предвыборный дискурс; теоретическая модель; таксономия жанров; комплексный подход.

Key words: election discourse; theoretical model; genre taxonomy; complex approach.

Сведения об авторе: Халатян Анжела Борисовна, соискатель кафедры русского языка.

About the author: Khalatyan Anzhela Borisovna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Ставропольский государственный педагогический институт.

Place of employment: Stavropol State Pedagogical Institute.

Контактная информация: 355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а.
e-mail: angela.khalatyan@mail.ru.

Институт всеобщих выборов как инструмент легитимизации и стабилизации существующего политического режима является важнейшим элементом современной политической системы. Общенациональные выборы, на которых избирается президент страны, позволяют выявить расстановку политических сил в стране на определенном этапе ее исторического развития, определить степень доверия граждан к программным установкам партии, участвующей в избирательном процессе, выразить отношение избирателей к конкретным политическим деятелям, баллотирующимся на высший государственный пост. По оценке политологов, «для большинства населения основной, а зачастую и единственной формой участия в политике является участие в избирательном процессе» [Гаджиев 2009: 279]. Для политических партий и представляющих их политиков, в свою очередь, участие в президентской кампании есть не что иное, как показатель собственной конкурентоспособности, критерий эффективности профессиональной деятельности. В сложившейся общественно-политической ситуации на избирателей ложится ответственность принятия осознанного решения, предопределяющего курс развития страны на законодательно предусмотренный промежуток времени, ограниченный окончанием текущей и началом следующей избирательной кампании. В связи с этим партия, идущая к власти, должна убедить избирателей в необходимости отдать свой голос ее представителю как единственно достойному кандидату на высший политический пост страны. Очевидно, что успешное решение этой задачи зависит, при прочих равных условиях, от коммуникативной компетенции политиков, что и объясняет широкий интерес исследователей к предвыборному дискурсу.

Предвыборный дискурс как объект лингвистического изучения неоднократно привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных

исследователей [Corcoran 1979; Joslyn 1986; Pomper 2001; Wodak 2007; Бенуа 2006; Филинский 2003; Гайкова 2003; Андреев 2004; Стрельников 2005; Левшина 2005; Ворожцова 2007; Голубева 2009]. Обратимся к некоторым из работ, посвященных проблеме изучения предвыборной коммуникации, и рассмотрим, что понимают под «предвыборным дискурсом» в лингвистической литературе.

В. Л. Бенуа выделяет шесть исходных положений (или аксиом), на которых основана развиваемая ученым функциональная теория дискурса политической кампании применительно к избирательным кампаниям США:

1. Голосование — это акт сравнения.
2. Кандидаты должны выделяться среди оппонентов.
3. Сообщения политической кампании — важная движущая сила для различения кандидатов.
4. Восхваление, нападение и защита — методы создания предпочтительного образа кандидата.
5. Дискурс выборов разворачивается вокруг двух тем: политики и личности кандидатов.
6. Кандидат должен получить большинство голосов избирателей, участвующих в выборах [Бенуа 2006].

Очевидно, что перечисленные аксиомы применимы для исследования предвыборного дискурса любой страны, избравшей демократический путь развития, в том числе и России.

Н. Г. Левшина на основе сложившихся употреблений и трактовок термина *дискурс* определяет предвыборный дискурс как особую сферу коммуникации, привязанную ко времени и месту проведения предвыборной кампании и обслуживающую определенную социальную сферу — политические выборы. Предвыборный дискурс, по заключению исследователя, включает в себя речевую деятельность, имеющую место в процессе данной коммуникации, а так-

же ее продукты — совокупность текстов. Общей целью предвыборного дискурса Н. Г. Левшина называет обсуждение наиболее подходящего кандидата на тот или иной государственный пост, а целью каждого конкретного предвыборного поддискурса, продуцируемого кандидатом (кандидатами) и заинтересованными лицами, — «такое воздействие на избирателей, которое заставило бы их проголосовать за данного кандидата (кандидатов)» [Левшина 2005].

О. В. Гайкова, рассматривающая предвыборный дискурс как жанр институциональной (политической) коммуникации, отмечает, что предвыборный дискурс как сложное коммуникативное образование относится к разным типам дискурса: институциональному — политическому и неинституциональным — ритуальному и риторическому. «Жанр предвыборного дискурса рассматривается нами как гибридный жанр, сочетая в себе характеристики институциональной, риторической и ритуальной коммуникации. Предвыборный дискурс представляет собой речевой акт, которому присущи черты эмоционального настроя, призыва и побуждения к действию, а также убедительной позиции кандидата на пост президента. Предвыборный дискурс может пересекаться с такими риторическими жанрами, как информирующий, аргументирующий, агитационный, художественный и эпидейктический на основании общих целей. Кроме того, предвыборный дискурс представляет собой самостоятельный жанр, основой выделения которого является существование прототипного для предвыборного выступления жанра обращения, коммуникативной ситуации президентской избирательной кампании и определенных коммуникативных целей», — резюмирует автор [Гайкова 2003: 32].

Т. М. Голубева называет предвыборным дискурсом «деятельность, локализацией которой выступают время и пространство избирательной кампании, и возникающие в результате этой деятельности речевые произведения в единстве с экстралингвистическими факторами, актуализирующими социокультурный контекст коммуникации» [Голубева 2009: 10]. К основным характеристикам предвыборного дискурса исследователь относит стремление к апологизации (представлению в выигрышном свете своего кандидата или партии) и направленность на критику, проявляющуюся в дискредитации оппонента [Голубева 2009].

А. А. Филинский, посвятивший свое диссертационное исследование критическому анализу политического дискурса предвыборных кампаний 1999—2000 гг. в России, выделяет следующие коммуникативные особенности данного вида дискурса:

- институциональность как обязательный атрибут политической коммуникации;
- конвенциональность, реализуемая посредством определенных семантических форм — клише, идиомы, шаблоны;

- идеологичность как средство выражения идеологии;

- мифотворчество, необходимое для существования идеологий.

Основанием для выделения политического дискурса предвыборных кампаний как жанровой разновидности является, по мнению А. А. Филинского, онтологическое определение «борьба за власть», вытекающее, с одной стороны, из понимания политики как деятельности, направленной на завоевание власти, с другой — из определения дискурса как формы социального действия с регламентированным ценностями, социальными нормами, условностями и социальной практикой [Филинский 2003].

А. М. Стрельников, изучив когнитивный потенциал оценочных метафор, использованных в дискурсе президентских выборов 2004 г. в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, приходит к выводу, что политический дискурс в целом и дискурс президентских выборов в частности отличается агитационностью и, следовательно, оценочностью, которая является одним из основных стилиобразующих факторов агитационно-политических материалов, реализуемых путем отбора и классификации описываемых фактов и событий, слияния фактологической и концептуальной информации, использования специфических лингвистических средств оценивания и т. д. [Стрельников 2005].

Краткий обзор работ, посвященных анализу предвыборного дискурса, показывает, что, несмотря на исследованность его отдельных аспектов, теоретические основы изучения предвыборного дискурса еще не достаточно разработаны. Так, предлагаемые определения предвыборного дискурса являются, на наш взгляд, неполными, отражающими лишь отдельные его параметры. Кроме того, нет ясности по поводу статуса изучаемого феномена: рассматривая предвыборный дискурс как разновидность политического дискурса, исследователи предлагают дефиниции предвыборного дискурса как жанра политической коммуникации. В то же время в фокусе исследования предвыборного дискурса как жанра политической коммуникации оказываются лишь отдельные формы речевого поведения участников коммуникации. Расходятся аналитики и в вопросах определения цели дискурса: называются как интенции коммуникантов, связанные с борьбой за власть, так и обсуждение кандидатур, достойных высшего политического поста. В нашей работе мы попытаемся преодолеть эти противоречия и предложим определение предвыборного дискурса как разновидности политического, уточним тип дискурса, к которому следует, с нашей точки зрения, относить предвыборный дискурс, выделим функции и основные конститутивные параметры предвыборной коммуникации, опишем жанровую структуру исследуемого дискурса, обозначим подходы к его изучению. Оговоримся сразу, что в данной статье предвыборным

дискурсом или предвыборной коммуникацией мы будем называть дискурс президентских выборных кампаний, используя перечисленные термины как синонимичные.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА. При определении понятийного содержания термина мы исходим из понимания предвыборного дискурса как такой разновидности политического дискурса, которая является индикатором эффективности как деятельности партии, представляемой кандидатом на пост президента, так и успешности профессиональной деятельности самого политика. Очевидно, что при таком подходе структурные компоненты предвыборного дискурса должны предстать как идентичные структурным компонентам дискурса политического, но в то же время отмеченные собственной спецификой, что и является основанием для выделения предвыборного дискурса как самостоятельной дискурсивной разновидности. Для решения поставленной задачи попытаемся выстроить теоретическую модель организации предвыборного дискурса, основываясь на модели, предложенной Г. Н. Манаенко [Манаенко 2006], в частности рассмотрим в рамках интерпретативно-идеологического подхода, как представлены традиционно выделяемые структурные компоненты дискурса — «Среда», «Социальный субъект», «Содержание» и «Текст». Подчеркнем, что в нашем представлении именно интерпретативно-идеологический подход позволяет выявить специфику организации дискурса кампаний по выборам президента, т. к. именно в этом контексте все участники коммуникации выступают субъектами идеологии, разделяющими идеи, представления, взгляды и ценности, характеризующие и характерные для определенной политической партии, социальной группы и общества в целом, а успех коммуникации зависит от того, насколько соответствует информация, предлагаемая адресату, его системе идеалов и ценностей.

Компонент «Среда», или «Сцена действия», представлен предвыборной кампанией политиков, баллотирующихся на пост президента страны, воспринимаемой как общественно-политическое событие, отражающее социально-идеологические условия, свойственные государству на определенном этапе развития. Ключевая цель интересующего нас события — борьба за власть или же борьба за удержание власти, в зависимости от конкретных установок каждого отдельного политика — продуцента предвыборного дискурса. Следующая характеристика рассматриваемого компонента, обозначенная Г. Н. Манаенко как «обстановка», позволяет рассматривать предвыборный дискурс в связи с местом и временем проведения избирательной кампании. Очевидно, что предвыборный дискурс актуализируется на территории государства, на высший политический пост которого претендуют кандидаты — участники избирательной кампании. Темпоральные же

рамки реализации предвыборного дискурса, связанные с определением времени проведения избирательной кампании, подлежат, на наш взгляд, некоторому уточнению. Действительно, каждая избирательная кампания имеет документально зафиксированные даты начала и окончания, определяемые в соответствии с законодательством государства. Но в то же время участие в выборах — это своего рода показатель конкурентного преимущества партийной организации, являющегося результатом последовательной работы партии и каждого отдельного ее представителя. По мнению М. Р. Желтухиной, новая предвыборная кампания начинается сразу же после оглашения результатов голосования, в связи с чем «любой поступок, любое высказывание политического деятеля воспринимается избирателями как его предвыборная политика» [Желтухина 2003: 110]. На наш взгляд, широкое понимание избирательного процесса, предложенное исследователем, вполне обоснованно, так как электоральная база каждой партии складывается на основании оценки избирателями деятельности партии, предшествующей официальному объявлению о начале предвыборной кампании. Позволим себе все же заметить, что при таком понимании предвыборной политики границы предвыборного дискурса оказываются размытыми, что деактуализирует целесообразность его выделения. Поэтому мы придерживаемся узкого понимания предвыборного дискурса, непосредственно привязанного к месту и времени проведения избирательной кампании на пост президента страны.

Проведенное нами исследование показывает, что при классификации участников современного предвыборного дискурса следует учитывать коммуникативные роли, статусно-ролевые отношения и социальную активность. С учетом этого компонент предвыборного дискурса «Социальный субъект» представлен следующими участниками коммуникации:

- Субъект (адресант) предвыборного дискурса — совокупность политиков, допущенных к участию в избирательной кампании в качестве кандидатов на пост президента страны. Полисубъектность предвыборного дискурса, детерминированная самим принципом выборности, позволяет говорить о возможности различения в рамках одного и того же предвыборного дискурса отдельных поддискурсов, продуцируемых каждым кандидатом. В этом случае мы можем выделить поддискурс В. В. Жириновского, поддискурс Б. Х. Обамы и т. п.

- Прямой адресат — граждане страны, обладающие избирательным правом, на формирование волеизъявления которых направлены усилия кандидатов на высший государственный пост. Адресатом в предвыборном дискурсе мы будем называть избирателей без учета степени их участия в реализации различных жанров исследуемого дискурса; другими словами, прямым адресатом мы считаем как непосред-

венных, так и заочных участников предвыборной коммуникации.

• Объект коммуникации — в предвыборном дискурсе в этом качестве выступают, как правило, политические конкуренты адресантов, также баллотирующиеся на пост президента, подвергающиеся критике представители действующего на момент избирательной кампании государственного аппарата и т. п.

Сопоставив заявленную нами модель классификации участников предвыборной коммуникации с моделью политического дискурса О. Л. Михалевой [Михалева 2009], мы можем отметить существенные отличия в составе и характере участников предвыборного и политического дискурсов, проявляющиеся:

– в отсутствии пассивного наблюдателя в предвыборном дискурсе, в отличие от политического, где, по мнению О. Л. Михалевой, присутствует так называемый «Адресат-наблюдатель („народ“) — ... субъект политического действия, внимания которого добиваются политики, на чьи интересы ссылаются, чье мнение, как им кажется, представляют» [Михалева 2009: 37];

– в изменении коммуникативных ролей участников дискурса: в нашей трактовке прямым адресатом выступают граждане страны, имеющие право на участие в избирательном процессе, в то время как О. Л. Михалева называет прямым адресатом в политическом дискурсе политических соперников, задействованных в ситуациях открытого и скрытого противостояния.

Мы считаем, что выявленные различия можно объяснить возрастающей в период избирательных кампаний социальной активностью избирателей, требующей респонсивного изменения коммуникативных интенций адресанта и способов их реализации.

Компонент «Содержание» раскрывает внутренний контекст речевого поведения субъекта в предвыборном дискурсе с позиций реализации основной коммуникативной цели адресанта — укрепления и расширения электоральной базы. Очевидно, что достижение прогнозируемого результата возможно только в том случае, если коммуникант сумеет скоординировать разнонаправленные интересы общества, то есть создаст «в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира» [Чудинов 2007: 13], созвучную его мировоззренческим позициям и политическим установкам. Специфика содержания исследуемого дискурса предопределена главной особенностью дискурса политического, в полной мере принадлежащей и предвыборной коммуникации: будучи ориентированным на самую широкую адресную аудиторию, предвыборный дискурс должен быть понятен каждому, независимо от его социальных и компетентностных характеристик. Вероятно, именно поэтому субъекты предвыборного дискурса прибегают к преднамеренному изменению сложившихся и ожидаемых адресатом образцов речевого поведения, предписанных нормами и стереоти-

пами институциональной коммуникации. Так, исследователи предвыборного дискурса отмечают его повышенную агональность [Михалева 2008; Шейгал 2004; Чудинов 2007; Паршина 2007; Wodak 2007, Chilton 2004 и т. д.], проявляющуюся в более частотном использовании методов нападения на оппонентов и их сторонников.

Компонент структуры предвыборного дискурса «Текст» обладает определенной формой и характеристиками, учитывающими как универсальные, так и дифференциальные параметры речевого общения и позволяющими обнаружить уникальность и индивидуальность организации предвыборных поддискурсов. Как уже отмечалось выше, все темы речевого общения в предвыборном дискурсе разворачиваются вокруг двух: политики и персоналий кандидатов на пост президента. Отнесенность текстов к какому-либо речевому жанру также ограничена определенным репертуаром, характерным для предвыборного дискурса (прямая рассылка, информационный бюллетень, встреча с избирателями и т. п.). Композиционное же построение высказываний и последовательность коммуникативных операций и речевых актов, так же как и специфика языковых средств, отбираемых продуцентами предвыборной коммуникации для речевого взаимодействия, являются теми аспектами, которые могут раскрыть коммуникативную индивидуальность каждого политика-кандидата, обеспечивающую идеологическую однородность предвыборного и — шире — политического дискурса в целом.

Проведенный анализ специфики структурных компонентов политического и предвыборного дискурса позволяет выявить следующие отличия.

1. Компонент «Обстановка» имеет зафиксированные временные рамки, определяемые законодательством страны, на территории которой актуализируется предвыборный дискурс.

2. Компонент предвыборного дискурса «Социальный субъект» представлен теми же участниками, что и политический дискурс, однако наблюдается явная трансформация коммуникативных ролей. Фиксированный набор адресантов дискурса позволяет различать поддискурсы, продуцируемые кандидатами на пост президента в рамках единого предвыборного дискурса.

3. Компонент предвыборного дискурса «Содержание» имеет собственную специфику, проявляющуюся в связи с конкретными условиями реализации дискурса: установление ограничения на сроки проведения предвыборной кампании требует ужесточения приемов коммуникативной борьбы для достижения цели дискурса.

4. Компонент «Текст» обнаруживает отнесенность текстов предвыборного дискурса как формы осуществления речевого общения к определенному жанровому репертуару, характерному для предвыборной коммуникации.

Таким образом, предложенная модель предвыборного дискурса доказывает правильность нашей гипотезы и позволяет рассматривать предвыборный дискурс как частную разновидность дискурса политического. Исходя из этого, под предвыборным дискурсом мы, опираясь на концепцию дискурса Г. Н. Манаенко, будем понимать стандартизированную модель коммуникативно-когнитивного поведения кандидата на пост президента страны, предопределенную социально-историческими условиями и утвердившимися стереотипами создания и интерпретации текстов.

Тип дискурса. Для уточнения типовой принадлежности предвыборного дискурса обратимся к его прагмалингвистическим и социалингвистическим характеристикам, необходимым для ситуативно-ориентированного и субъектно-ориентированного осмысления.

Как уже было отмечено, прагмалингвистическая модель дискурса выдвигает на передний план канал и способ общения. Анализ предвыборной коммуникации 2008 г. в России и США показал, что адресантами были задействованы устный, письменный, контактный, дистантный, виртуальный и реальный каналы общения. В изученных текстах мы также можем выделить признаки информативной, риторической, фатической, статусной, шуточной, торжественной, идеологической, агрессивной, манипулятивной, менторской тональности.

Каждый из перечисленных параметров дискурса является достаточным для выделения определенного дискурсного образования по каналу или способу общения. Показательно, что в рамках предвыборной коммуникации эти параметры представлены большим количеством разновидностей, что позволяет сделать вывод о реализации различных видов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании, в пространстве предвыборного дискурса.

Будучи разновидностью политического дискурса, предвыборный дискурс также подлежит определению с позиций институциональности. На наш взгляд, плюлевой подход к анализу социалингвистической структуры политического дискурса [Шейгал 2004] сохраняет свою актуальность и для изучения его частной разновидности: в предвыборном дискурсе также можно выявить признаки других статусно ориентированных и личностно ориентированных дискурсов.

Указанные прагмалингвистические и социалингвистические характеристики исследуемого дискурса подчеркивают его синкретичность, проявляющуюся в сосуществовании, взаимовлиянии, взаимопресечении, взаимоуточнении и взаимодополнении различных дискурсных формаций в рамках единого дискурса. Как показывает проведенный нами анализ предвыборного дискурса, подобное взаимодействие является одним из условий, необходимых для достижения коммуникативной цели.

Выявленная особенность позволяет позиционировать предвыборный дискурс как синкретичное образование, отмеченное включением в его структуру различных дискурсных формаций, выделяемых на прагмалингвистическом и социалингвистическом основании.

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА. Для выделения системообразующих признаков предвыборного дискурса мы систематизировали, обобщили и применили к материалу нашего исследования результаты, ранее полученные учеными в процессе изучения политического и предвыборного дискурса [Бенуа 2006; Филинский 2003; Гайкова 2003; Андреев 2004; Стрельников 2005; Левшина 2005; Голубева 2009; Демьянков 2002; Шейгал 2004; Паршина 2007; Михалева 2009; Wodak 2007]. Проведенная верификация уже имеющихся результатов, дополненная собственными выводами, позволяет нам отнести к конститутивным следующие параметры предвыборного дискурса:

- *полисубъектность* обеспечивается участием нескольких кандидатов на пост президента страны;
- *публичность* объясняется наличием широкой адресной аудитории — граждан страны, обладающих конституционно закрепленным избирательным правом;
- *конвенциональность* — средство завоевания расположения избирателей и привлечения их на свою сторону путем достижения соглашения с избирателями, нередко в результате «торга»;
- *оценочность* — обязательный атрибут предвыборной коммуникации, связанный с тем, что избирателю необходимо оценить профессиональные и личные достоинства каждого из субъектов дискурса для принятия осознанного решения. Кроме того, оценке самого кандидата (чаще негативной) подвергаются и другие участники дискурса — политические оппоненты, действующий аппарат власти, в некоторых случаях даже представители прямой адресной аудитории;
- *агональность*, наиболее ярко прослеживаемая в создании так называемых «мы-дискурса» и «они-дискурса» для обозначения круга «своих» и «чужих» как наиболее прототипных для предвыборной коммуникации;
- *агрессивность* проявляется в следующем: в дискредитации соперника с целью доказательства его профессиональной и иной несостоятельности и, как следствие, неспособности занимать пост, на который он претендует; в широкомасштабной критике действующих государственных структур. Нередко объектами агрессии становятся и представители избирателей. Более того, истории проведения предвыборных кампаний, в частности в России, известны случаи реализации актов не только речевой, но и «прямой невербальной» (т. е. физической) агрессии;

- *отстаивание собственной точки зрения* субъектом предвыборного дискурса как аргумент в пользу достоинств кандидата и его политической программы;

- *информативность* — необходимая составляющая предвыборного дискурса, ответственная за обеспечение избирателей адекватной информацией о баллотирующемся политике, его предвыборной платформе, профессиональных достижениях и т. д.;

- *смысловая неопределенность* предвыборного, равно как и политического дискурса, обусловлена рядом семантических (абстрактность и широта, сложность значения, отсутствие четких различий у слов с градуальным значением, отнесенность обозначения и т. д.) и прагматических факторов (ведущая роль прескриптивно-побудительной и воздействующей функции политического языка, манипулятивность предвыборной коммуникации);

- *динамичность* проявляется в изменчивости наиболее актуальной и употребительной части политического словаря;

- *фактор массмедиа* состоит в том, что СМИ выполняют функцию медиатора между субъектом и народом. По оценке организаторов предвыборных кампаний [Янбухтин 2008], СМИ принадлежит ключевая роль в создании информационного пространства предвыборной коммуникации (адресная аудитория получает возможность стать свидетелем и непосредственным наблюдателем политических событий), но не в формировании электорального решения;

- *дистанцированность* сводится к существующему разделению политиков и народа, проявляющемуся физически, коммуникативно, символически, психологически и информационно. Однако в предвыборной коммуникации предпринимаются попытки преодоления разрыва между избирателями и кандидатами для формирования доверия к последним;

- *авторитарность* состоит в дистанции, варьируемой по оси «монологичность — диалогичность», причем образцы монологичного по форме и содержанию общения мы встречаем даже в предвыборных дискурсах государств, избравших демократический путь развития;

- *театральность* предопределена спецификой адресата предвыборной коммуникации (массовый наблюдатель), проявляется в сюжетно-ролевом компоненте и метафорике;

- *агитационность* детерминирована направлением предвыборного дискурса на оказание влияния на прямую адресную аудиторию;

- *создание ярких, узнаваемых образов политиков-номинантов* на пост президента как способ самопрезентации кандидата;

- *стремление к апологизации* проявляется в презентации субъекта предвыборного дискурса как наиболее перспективного и достойного кандидата на искомый пост;

- *идеологичность* проявляется в том, что все участники предвыборной коммуникации выступают субъектами идеологии, ретранслирующими определенную систему взглядов и ценностей;

- *мифологичность* — среда, необходимая для существования и поддержания характерных образов, стереотипов, воззрений, верований (вера в «сильную руку», «американскую мечту») и т. д.;

- *прогностичность* проявляется в попытках населения страны, в том числе претендентов на пост президента, и всего мирового сообщества предугадать результат предстоящих выборов. Сам результат, в свою очередь, рассматривается как основополагающий фактор для определения курса страны на следующие четыре года;

- *манипулятивность* предвыборного дискурса обусловлена рядом прагматических факторов, обеспечивающих привлечение максимально возможного количества избирателей на сторону баллотирующегося кандидата;

- *фатичность* — банальность содержания дискурса, отсутствие новой, актуальной информации, многократное повторение уже имеющих сведений с целью поддержания определенного информационного фона;

- *экспрессивность* — обязательный атрибут предвыборной коммуникации, призванный убедить избирателей в гражданской ответственности и профессиональном равнодушии субъектов дискурса. Степень экспрессивности непосредственно зависит от жанровой формы, реализующей дискурс, а в некоторых случаях и от индивидуального стиля самого субъекта;

- *инспиративность* предопределена интенциональной составляющей предвыборного дискурса, а именно ориентированностью на побуждение, стимулирование к определенным действиям, воодушевление адресата на принятие необходимого политическую электорального решения;

- *аргументированность* — взвешенная, обдуманная презентация содержания предвыборного дискурса, обладающая значительным манипулятивным потенциалом.

Очевидно, что отмеченные нами характеристики предвыборного дискурса обусловлены системообразующей целью дискурса и выступают как формы и способы ее достижения, актуализируя различные аспекты функциональной специфики предвыборной коммуникации.

ЖАНРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА. Предвыборный дискурс, так же как и любой другой формат общения, обусловленный культурно-ситуативными нормами [Карасик 2009], воплощается в речевых жанрах. Развивая идею о специфичности предвыборного дискурса как разновидности политического, жанрами предвыборной коммуникации мы называем политические жанры, выделяемые на следующих ос-

нованиях: состав участников, событийная локализация, выполняемая коммуникативная функция. Это дает нам право утверждать, что жанры предвыборного дискурса — сложные речевые события [см. Гольдин 2007], в структуре которых можно выделить простые, т. е. меньшие по объему единицы интеракции. Они носят институционализированный ритуализированный характер, имеют фиксированный состав участников, вступающих в законодательно регулируемые субъектно-адресатные отношения, актуализируются в типическом речевом поведении политиков — кандидатов на пост президента страны и направлены на достижение ключевой цели предвыборного дискурса: получение электорального преимущества, способствующего одержанию победы в борьбе за власть.

Несомненно, успех предвыборной коммуникации зависит от целого ряда факторов, среди которых немаловажная роль отводится коммуникативной компетенции [Dell Hymes 1974] политика, зависящей в том числе и от его умения пользоваться различными речевыми жанрами [Карасик 2007; Паршина 2007]. Для выявления жанровых предпочтений политиков-кандидатов обратимся к предложенной Р. Водак таксономии жанров политического дискурса [Wodak 2004]. Исходя из чилтоновского понимания политики как института борьбы за власть и ее удержание и как института кооперации для разрешения социальных конфликтов [Chilton 2004], исследователь выделяет политические жанры, относящиеся к сферам действия (fields of action) и к сфере контроля (field of control). При таком подходе жанры предвыборной коммуникации оказываются включенными в подструктуры сферы действия, обозначенные автором как «формирование общественного мнения и самопрезентация политика» (пресс-релиз, пресс-конференция, интервью, ток-шоу, лекции и участие в конференциях, статьи и т. д.) и «политическая реклама, маркетинг и пропаганда» (предвыборная программа партии, лозунги, предвыборные выступления, листовки, почтовая рассылка, объявления, плакаты и др.). Очевидно, что отнесенность предвыборных жанров к сфере действия отражает их направленность на достижение прогнозируемого результата, в то время как дифференциация жанров на формирующие имидж политика и выполняющие рекламные функции требует, на наш взгляд, некоторого уточнения. Подобное выделение подструктур представляется нам условным, а обозначенные функции предвыборных жанров пересекаются и дополняют друг друга: предвыборная программа партии способна так же эффективно сформировать общественное мнение о деятельности партии и представляющего ее политика, как и любой из предложенных Р. Водак жанров «политической рекламы, маркетинга и пропаганды».

Проведенный анализ жанровой реализации российского и американского предвыборного

дискурса позволяет нам дополнить перечень предвыборных жанров, заявленный Р. Водак, следующими сложными жанровыми формами: комментарий текущих событий, телевизионные ролики-презентации партий и политиков, теледебаты, митинг, партийный форум, встреча с избирателями, интернет-дневник, интернет-пресс-конференция. Каждый гипержанр предвыборного дискурса поддается членению на меньшие по объему жанры, повторяя жанровую специфику политического дискурса. Так, например, гипержанр «встреча с избирателями» включает в себя такие жанры, как «самопрезентация», «постановка задачи», «способ разрешения проблемы», «негативные последствия иного способа решения проблемы». Заслуживает внимания, что набор жанров, реализующий сложное жанровое образование, предписывает определенные нормы коммуникативного поведения и одновременно испытывает влияние личности, продуцирующей дискурс. Результатом подобного взаимодействия является уникальный выбор речевых средств реализации жанровой формы, который продиктован стратегиями и тактиками речевого поведения.

Подходы к изучению. На наш взгляд, объективное исследование предвыборного дискурса возможно лишь в случае использования комплексного подхода к его изучению, сочетающего элементы дескриптивного, дискурсивного и когнитивного подходов.

При предлагаемом подходе в фокусе внимания исследователя оказываются:

1) содержательная сторона текстов предвыборного дискурса, изучение которой дополняется глубоким и последовательным анализом языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых политиком для воздействия на сознание адресата;

2) каждый конкретный текст «с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2003: 12];

3) когнитивная база предвыборного дискурса, эксплицирующая ментальные схемы субъектов коммуникации. Очевидно, что ментальные схемы кандидатов на пост президента, обусловленные идеологией представляемых ими институтов, определяют вербальное поведение коммуникантов: речевые стратегии, тактики, речевые ходы, риторические приемы, импликации и пресуппозиции, дискурсивные топики.

Мы считаем, что такой подход может стать своеобразным ключом к пониманию отдельных предвыборных поддискурсов, способствовать выявлению общего и специфического в организации дискурса президентской кампании.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенуа В. Л. Функциональная теория дискурса политической кампании // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006. С. 92—119.
- Гаджиев К. С. Политология. — М.: Высшее образование, 2009.
- Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003.
- Голубева Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2009. URL: <http://dissercat.com> (дата обращения: 13.07.2010).
- Гольдин В. Г. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М.: Лабиринт, 2007. С. 90—102.
- Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32—43.
- Желтухина М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиаальной коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже веков: человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной ; ИЯ РАН. — М.: Азбуковник, 2003. С. 109—132.
- Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009.
- Левшина Н. Г. Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: на материале выборов Главы Администрации Псковской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005. URL: <http://dissercat.com> (дата обращения: 14.06.2010).
- Логинова И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2004. URL: <http://dissercat.com> (дата обращения: 22.07.2010).
- Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2005.
- Манаенко Г. Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения: моногр. / предисл. К. Я. Сигала. — Ставрополь, 2006.
- Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ЛКИ, 2007.
- Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.
- Федотовских Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005. URL: <http://dissercat.com> (дата обращения: 05.09.2009).
- Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999—2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2002. URL: <http://dissercat.com> (дата обращения: 22.07.2010).
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта — Наука, 2007.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград, 2004.
- Янбухтин Э. Х. Единая Россия. Технологии успешной избирательной кампании. — М.: Вершина, 2008.
- Hymes D. Foundations in sociolinguistics: an ethnographic approach. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.
- Corcoran P. Political language and rhetoric. — University of Queensland Press, St Lucia, Queensland, 1979.
- Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre, and the Study of Political Discourse. — Columbia: Univ. of S. Carol Press, 1986. P. 301—338.
- Pomper G. M. The Presidential Election // The Election of 2000: Reports and Interpretations. — Chatham House Publishers of Seven Bridges Press, LLC, 2001. P. 125—155.
- Wodak R. Pragmatics and Critical Discourse Analysis. A cross-disciplinary inquiry. URL: <http://www.benjamins.com> (дата обращения: 25.11.2009).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. Н. Манаенко

Э. Н. Шумская

Екатеринбург, Россия

E. N. Shumskaya

Ekaterinburg, Russia

**ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН
В СМИ КАЗАХСТАНА**

**DYNAMICS OF PRECEDENT NAMES
IN KAZAKHSTAN MASS MEDIA**

Аннотация. Выявляется специфика функционирования прецедентных имен в русскоязычной прессе Казахстана.

Abstract. The specific character of precedent names functioning in Kazakhstan mass media discourse is discussed in the article.

Ключевые слова: прецедентные имена; динамика прецедентных имен; Тунис; Египет.

Key words: precedent names; dynamics of precedent names; Tunisia; Egypt.

Сведения об авторе: Шумская Элина Николаевна, аспирант.

About the author: Shumskaya Elina Nikolaevna, Post-graduate Student.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: shed.06@mail.ru.

В середине января на волне недовольства социальными условиями, разгулом коррупции и безработицей в Тунисе произошел государственный переворот. За ним последовали события в Египте, Сирии, Йемене и других арабских странах. С этими событиями связано появление в русскоязычной прессе Казахстана новых прецедентных имен *Тунис* и *Египет*. Ср.: «Тунис и Египет не за горами» (Республика. 11.02.2011); «Депутаты Европарламента видят в Казахстане второй Египет» (Взгляд. 16.02.2011); «Тунис, Египет — кто следующий?» (Республика. 18.02.2011); «По пути Туниса» (Взгляд. 16.02.2011). По существу названия Тунис и Египет стали «ключевыми словами текущего момента» [Шмелева 1993: 33—41] в казахстанских СМИ.

Исследуя динамику прецедентного имени, Е. А. Нахимова отметила: «Если XIX век начался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, в XX в. максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников» [Нахимова 2007: 108]. В рамках данной статьи мы представляем один из наиболее доступных и понятных в силу совпадения с реальным временем источников прецедентности — современную политическую действительность.

Культурный фон, в который погружена современная языковая личность, представляет синтез базовых знаний из области политики, экономики, права, науки и искусства. Рассматривая прецедентный феномен как «индикатор этнокультурных или социокультурных норм, исторических условий», мы подчеркиваем его неразрывную связь «с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется» [Карасик 2009: 9].

Регулярное обращение к прецедентным именам *Тунис* и *Египет*, а также к прецедентным ситуациям, послужившим становлению прецедентности у данных наименований, —

яркая примета настоящего времени, свидетельствующая прежде всего об изменении политической ситуации в самом Казахстане. Напомним, что Нурсултан Абишевич Назарбаев является президентом Республики Казахстан с 24 апреля 1990 г. Вот основные вехи президентства Н. А. Назарбаева:

- 1 декабря 1991 г. состоялись первые всенародные выборы президента республики;
- 29 апреля 1995 г. в результате всенародного референдума полномочия президента Н. А. Назарбаева были продлены до 2000 г.;
- 10 января 1999 г. и 4 декабря 2005 г. на альтернативной основе он был избран президентом республики Казахстан, получив 79,78% и 91,15% голосов избирателей;
- 14 июня 2010 г. вступил в силу конституционный закон республики Казахстан № 289-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере обеспечения деятельности первого президента республики Казахстан — лидера нации», определяющий политико-правовой статус первого президента Республики Казахстан — лидера нации;
- 23 декабря 2010 г. на форуме в Усть-Каменогорске появилось предложение продлить полномочия Президента страны до 2020 г. и для этого провести общереспубликанский референдум;
- 7 января 2011 г. президент Казахстана отклонил предложения парламента республики о вынесении на республиканский референдум изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан по продлению полномочий действующего президента без всенародных выборов до 2020 г.;
- 13 января 2011 г. было собрано 5 млн 16 тыс. подписей в поддержку общереспубликанского референдума;
- 14 января 2011 г. парламент Казахстана единогласно принял поправки в Конституцию;

– 31 января 2011 г. Конституционный совет Казахстана признал закон о замене выборов референдумом неконституционным. В этот же день, выступая с обращением к народу, президент согласился с решением совета и предложил провести досрочные президентские выборы, тем самым почти на два года сократив срок нынешних полномочий;

– 3 апреля 2011 г., по официальным данным Центризбиркома Казахстана, действующий президент Нурсултан Назарбаев одержал победу на выборах, получив 95,5 % голосов избирателей.

Столь длительный период пребывания у власти нынешнего президента неизбежно приводит к сопоставлению его с известными политическими долгожителями прошлого и настоящего. Подобные аналогии, кстати, проводят везде, где есть политики, которые долго находятся во власти.

Российское информационное агентство REGNUM отмечает: «...возможность повторения египетского, а того хуже и ливийского сценариев в странах постсоветского пространства — тема активной дискуссии в СМИ» (Виген Аюпян, Модест Колеров, ИА REGNUM. 24.03.2011). На информационном интернет-портале «Одинцово-ИНФО» высказывается следующее мнение: «При первом и поверхностном взгляде может сложиться впечатление, что большинство граждан негативно настроены к политическим долгожителям. Для этого достаточно почитать форумы на эту тему, послушать политологов и оппозицию (от либеральной до неприимчивой). Но это только на первый и поверхностный взгляд. Иначе чем объяснить, что их вновь переназначают и переизбирают? Тем более что не всех переназначают и не всех переизбирают. Последнее обстоятельство только подчеркивает тот факт, что в политическом долгожительстве есть свои плюсы. У каждой страны своя политическая история, свой исторический опыт. У России этот опыт со времен Рюрика заключается в политическом долгожительстве. Неважно, как этого долгожителя величали (князь, царь, генсек), он находился у власти столько, сколько позволяло здоровье. А частая сменяемость, что также было (очень редко) в нашей истории, свидетельствовала исключительно о политической нестабильности. Смутное время, Временное правительство, смена премьер-министров в пред- и дефолтное время» (Георгий Янс // информационный интернет-портал «Одинцово»).

Начиная с 2006 г. и до настоящего времени тексты казахстанских журналистов, пишущих на русском языке, изобиловали прецедентными именами знаковых политиков и монархическими метафорами. Ср.: «Ситуация в стране все больше напоминает анекдот про русских, у которых, что бы они ни конструировали, получается автомат Калашникова. Мы же, к чему бы ни шли, приходим к абсолютному ханству» (Взгляд. 18.09.2009); «Идея многопартийно-

сти — это порождение известной и ставшей достоянием общества программы „Суперхан“, целью которой, напомним, было создание в Казахстане такой политической системы, которая обеспечила бы абсолютную власть Нурсултана Назарбаева» (Республика. 08.04.2011). Тенденция к обновлению содержания публикаций казахстанской прессы наметилась в 2009 г. В анализируемом периоде можно выделить несколько этапов. Основанием для выделения послужила не столько хронологическая концентрация материалов, сколько их тематическое объединение.

1. Авторы публикаций рассуждают на тему о том, каким должен быть будущий президент Казахстана, либо косвенно обращаются к первому лицу государства с рекомендациями демократизации общественных процессов. Вот как отвечает на вопрос редакции газеты «Взгляд» — «Какой известный мировой лидер мог бы послужить примером для второго президента Казахстана?» — телеведущий Мурат Оспанов: «Если возможно представить некий сплав из хитрости Уинстона Черчилля, позитива Теодора Рузвельта, демократизма и в то же время жесткой руки Шарля де Голля и дисциплинированности Сталина, получился бы идеальный руководитель страны, причем любой, не только нашей» (Взгляд. 26.02.2010). Чаще всего в прессе упоминаются имена Махатмы Ганди, Мустафы Кемале Ататюрка, Джорджа Вашингтона. Они являют собой пример истинных народных избранников, заслуживших всеобщее доверие, и их имена используются в качестве своеобразного ориентира для нынешних политиков: «Вот депутаты мотивируют свои действия необходимостью иметь казахстанского Вашингтона, Махатму Ганди, Ататюрка» (Свобода слова. 13.05.2010); «Наш Ганди придет» (Свобода слова. 23.12.2010). «„Казахстану нужен свой казахский Ганди, и мы ищем духовного лидера для народа, — воодушевленно говорила в прошлый четверг Бахытжан Торегожина“, — читаем мы об арт-мобе „Мы ищем казахского Ганди“, проведенном активистами общественного фонда „Ар. Рух. Хак“» (Взгляд. 19.03.2010).

Для данного периода характерно позитивное (для действующего президента) сравнение деятельности всемирно известных политиков с его ролью в развитии Республики Казахстан: «...заместитель председателя партии «Нур Отан» сравнил роль Нурсултана Назарбаева в истории своей страны с ролью Рузвельта в истории США, Тэтчер — в Великобритании и Ататюрка — в Турции. Послы других стран сравнили президента Казахстана с бывшими и нынешними лидерами своих государств: с Фиделем Кастро — на Кубе, где нашу страну знают благодаря казахстанским боксерам, и с Гейдаром Алиевым в Азербайджане» (Владислав Цой, Агентство «Медиа-Систем». 22.10.2007). В данном контексте имена Рузвельта, Тэтчер,

Ататюрка, Кастро и Алиева использованы в традиционном (денотативном) значении, т. е. обозначают конкретных людей, но вместе с тем эти имена символизируют определенную эпоху в развитии государства.

Реже упоминаются Мао Цзэ Дун и Дэн Сяопин в связи с почти тридцатилетним фактическим руководством Китаем и культом личности первого и влиянием на внутреннюю и внешнюю политику Китая после отставки второго: «Для Назарбаева наступает „осень патриарха“. Хотя, конечно, наделение его статусом „лидера нации“ дает возможность оставить президентский пост и занять место верхнего арбитра, например, в стиле Дэн Сяопина» (Свобода слова. 13.05.2010); «Наверное, на этот раз мы в результате такого же „успешного“ референдума также „единогласно“ провозгласим своего Мао Цзе Дуна» (Свобода слова. 15.10.2009). Объединяет рассмотренные публикации то, что структурообразующим звеном напечатанных материалов приведенные ПИ не являются, чаще всего они используются не в заголовках, а в тексте рассуждения политика или общественного деятеля о будущем Казахстана.

2. На следующем этапе авторы публикаций отмечают отдельные стороны казахстанской действительности, наводящие на мысль о сходстве с известными авторитарными политическими режимами и вытекающими из них последствиями: «Есть теория, что история развивается циклически. Если так, то, похоже, Казахстан оказался как раз на том этапе, что и СССР семьдесят-восемьдесят лет назад» — резюмирует Мухамеджан Адилов отдельные факты статьи с многозначительным заголовком «Есть в Казахстане свои вышинские, или О том, что роднит дело Джакишева с процессами сталинских годов» (Республика. 02.04.2010).

Самым частотным прецедентным именем указанного периода оказался тоталитарный лидер Советского Союза: «Сталин на нас есть?» (Федор Блохин // Взгляд. 04.06.2010) — так озаглавлен материал о мероприятии, посвященном памяти жертв политических репрессий в Казахстане. В данном случае мы наблюдаем отсылку к определенной политической действительности, наше восприятие ориентировано на понимание реального взаимодействия социально-исторических эпох.

Часто авторы публикаций в нейтральной форме пытаются объяснить читателю суть и последствия авторитарных режимов и необходимость политических преобразований в обществе: «Те, кто есть, до сих пор не решились для себя, как они будут жить, когда Нурсултан Абисhevич перестанет быть президентом. Ведь для многих из них он, как когда-то Сталин, кажется вечным. И когда вдруг 5 марта 1953 года оказалось, что Иосиф Виссарионович тоже смертен, миллионы людей не могли ответить себе на один простой вопрос: что с ними будет завтра? Потому что стабильность, основанная на режи-

ме правления одного человека, — не больше чем иллюзия» (Игорь Винявский // Взгляд. 16.04.2010). Так в нить повествования о прошлом органично вплетается вывод о закономерности и безопасности сменяемости власти.

Часто имя Сталина употребляется вместе с именами Л. П. Берии и А. Я. Вышинского. Например, актуализируется хорошо известная прецедентная ситуация: «...где вчера товарища по партии Иосиф Виссарионович награждал публично, а завтра за ним приходили подчиненные Лаврентия Павловича...» (Взгляд. 29.05.2009); «Наследники Вышинского» (Взгляд. 27.04.2009). Имя последнего сопровождается исчерпывающей характеристикой: «Вышинский — человек в истории известный. Он один из главных организаторов и исполнителей сталинских репрессий, на его совести жизни десятков, если не сотен тысяч „врагов народа“, которым он требовал смертных приговоров или длительных сроков лишения свободы в ГУЛАГе. Но мало кто знает, что Андрей Януарьевич был умен, энциклопедически образован и к тому же являлся блестящим оратором, на чьи выступления в ООН специально приходили даже прожженные западные дипломаты».

Обретают новые контуры и другие обязательные атрибуты авторитарного режима. Все чаще вспоминается «железный занавес». Ср.: «„Железный занавес поднимать Астана, похоже, не собирается“, — так метафорично излагается позиция Казахстана по вопросу открытия границы с Кыргызстаном, озвученная спецпредставителем ОБСЕ по Кыргызстану Жанибеком Карибжановым» (Республика. 21.05.2010); «Казахстан опустил „железный занавес“. По оценке экспертов, за месяц экономической блокады Кыргызстан потерял около миллиарда долларов» (Республика. 21.05.2010).

Другие журналисты напоминают о культе личности: «То, что сегодня происходит в стране, это не культ личности, это культ обезличенности», — читаем мы в полемических заметках Сергея Дуванова, озаглавленных «Культ обезличенности» (Республика. 14.05.2010). И далее в этом же номере, в материале Евгении Плахиной об инициативе депутатов внести поправки в Конституцию, предусматривающие особые права «лидера нации»: «У казахов никогда не было культа личности. Казахи всегда говорили на „ты“ с ханами, и вот пришел такой период для казахского народа, так сказать, зараза, называемая „культ личности“» (Республика. 14.05.2010).

Еще один прецедентный символ — 37-й год. Ср.: «Опять тридцать семь?» — заголовок интервью с одним из руководителей партии «Алга!» Муратбеком Кетебаевым. На вопрос журналиста Мадины Алимхановой о настоящем и будущем Казахстана он отвечает: «Если проводить исторические параллели, то лучше с периодом до 1937 года. Я прочитал много литературы на тему сталинских репрессий. Тогда тоже началось все с борьбы между различными

кланами в политическом руководстве СССР. Одновременно вырабатывался механизм репрессий. Сначала органы НКВД и ОГПУ боролись с реальными врагами, потом начали делать „синтетические“ процессы, в которых настоящие оппоненты советской власти смешивались с политическими оппонентами Сталина и его окружения, а потом перешли к „зачистке“ просто политических оппонентов и конкурентов, но заодно выкосили сотни тысяч и миллионы простых граждан — чтобы все боялись. Так вот, сегодня в Казахстане запускается аналогичный механизм» (Взгляд. 13.03.2009). «Сегодня промолчим — завтра проснемся в 1937-м» (Взгляд. 03.11.2010), — такова позиция лидера РОО «Талмас» Айнур Курманова, давшего интервью журналисту газеты «Взгляд» Олесе Щелковой после выступления на слушаниях перед Комиссией по правам человека при Европарламенте в Брюсселе. Общественный деятель «уверен, что авторитарный режим в Казахстане поддерживается странами Запада». Тоталитарная тема развивается также при помощи метафор «лагерная пыль», «закручивание гаек», «зачистка».

Замыкающим звеном в этой цепочке стала «монументальная» тема, не изобилующая прецедентными именами, но очень популярная у журналистов: «Бронзовый Назарбаев! Увековечить Нурсултана Назарбаева в бронзе! С таким предложением выступил Союз градостроителей Казахстана. А маслихат Астаны поддержал и единогласно одобрил эту идею. Бронзового Назарбаева разместят у подножия столичного монумента „Қазақ елі“. Правда, там он появится не один, а на фоне народа. Такова задумка архитекторов» (Stan.KZ: информационный видео-портал. 04.05.2009).

3. Авторы публикаций, несмотря на всеобщее внимание, прикованное к событиям, произошедшим в Кыргызстане, крайне сдержанно (по сравнению с откликом на революции в Египте и Тунисе) реагируют на них. Между Кыргызстаном и Казахстаном не всегда усматривается явная аналогия. На страницах еженедельника «Взгляд» опубликованы материалы круглого стола на тему «Могут ли последние события в Кыргызстане повториться сегодня в нашей стране?»: «„Говорить о кыргызских уроках преждевременно, — считает аналитик фонда „Гражданское общество“ Виктор Ковтуновский. — Если сравнивать со школой, то урок не закончился, учителя пытаются усадить шалопая за парты и понять, какой предмет они хотят преподавать. И чем это закончится, никому не известно“» (Взгляд. 16.04.2010).

Стержневым элементом публикации является метафора «кыргызские события — урок» (для многих стран СНГ): «„Пример соседей хорош тем, что многими кыргызскими политиками сейчас декларируется идея парламентской республики“, — отмечает Айнур Курманов. Пожалуй, это один из главных уроков, который

извлекло для себя кыргызское общество и который хорошо бы усвоить нашему».

Публицист Сергей Дуванов для себя отметил «пять уроков кыргызской революции» (Взгляд. 16.04.2010): «Во-первых, то, что произошло, закономерность. В 2005 году это была хорошая школа демократии. Они оказались способными учениками и научились главному — менять свою власть. Второй урок — слабость оппозиции. Демократическая составляющая в этот раз была низкой, и это в сравнении с теми же Украиной и Грузией приводит к анархическим последствиям. В-третьих, власть, построенная на кумовстве, коррупции, родственных связях, не пользуется поддержкой. Вы посмотрите, кто ее поддержал. Те, кого поставили, стояли живым щитом, пока не поняли, что надо убегать. Четвертый урок — механизм ненасильственного сопротивления работает. Люди выходят без оружия. То, что потом у них в руках автоматы, не их вина, а вина власти, которая по ним стрелять начинает. И последнее — революции не планируются. Планировалось проведение курултая на местах, а власти арестовали лидеров оппозиции. Арест спровоцировал людей на протест».

Показательны также публикации, в которых прецедентные имена употребляются в парольной функции: «Для кыргызов Гитлер и Бакиев теперь синонимы» (Взгляд. 18.06.2010); «Магриб своими руками. Из опыта Кыргызстана, а также арабского Магриба следует, что безработные молодого возраста, а также недавние переселенцы в города из сельской местности — это одни из самых мобильных, протестных и активных групп среди движущих сил „цветных революций“» (Республика. 18.02. 2011).

4. Авторы публикаций «отдают дань» сравнению казахстанского пути развития и печальному итогу развития государств Ближнего Востока. Ср.: «Аналогичную параллель — между Тунисом и Казахстаном — проводит информационно-аналитический центр по изучению постсоветского пространства при МГУ им. Ломоносова. Автор, правда, оговаривается: едва ли можно найти актуальный повод для сравнения обеих стран: „Власть и в России, и в Казахстане должна выйти за пределы прежней повестки дня, прочувствовать новые угрозы, обезопасить себя от повторения киргизского и тунисского опыта в более широком, методологическом контексте“».

Иная точка зрения представлена президентом фонда «Гражданская активность» Муратбеком Кетебаевым в докладе о политической и экономической ситуации в Казахстане на конференции в Брюсселе. Текст выступления опубликован в газете «Республика». Статья называется «Тунис и Египет не за горами и в Казахстане». Автор задается вопросом: «Есть ли связь между тем, что происходит в Казахстане, и событиями в арабском мире, в таких странах, как Египет, Тунис, Йемен, Иордания?

Я считаю, что такая связь есть. Русская поговорка гласит: „Где тонко, там и рвется“. (Республика. 11.02.2011).

В материале Маргариты Лихановой о флешмобе активистов уральского филиала партии «Алга» приводятся надписи на плакатах участников акции: «Я держу в руках шокирующий рост цен, как билет в Египет!», «У нас один враг — это рост цен и тарифов, которые ведут в Тунис!» (Республика. 04.03.2011). Основная цель мероприятия — привлечь внимание общественности к необоснованному росту цен и выделению неоправданно большого объема бюджетных средств на саммит ОБСЕ и Азиаду. Мы наблюдаем уверенное использование ПФ, поясняющие комментарии отсутствуют.

Показателен и следующий заголовок беседы редакции газеты с советником президента, которому задавался вопрос о предстоящих президентских выборах: «Не видать вам в Казахстане ни Туниса, ни Египта, заявил донельзя раздраженный советник Ертысбаев» (Республика. 18.02.2011).

Новый стимул получают театральная и педагогическая метафоры: «В Казахстане начинается „избирательная кампания“ в преддверии досрочных президентских выборов в начале апреля. За последние два месяца казахстанское руководство порадовало публику нестандартными поворотами политического сюжета. С конца декабря до середины февраля сценарий обозримого будущего менялся несколько раз». «Просто некий режиссер или помощники режиссера, формирующие нынешний внутриполитический процесс, закручивают такую интригу, по сравнению с которой нынешняя война элитных кланов — это пионерская „зарница“». «Поэтому, восторгаясь сингапурским старцем, придется *учить* опыт Хосни Мубарака и Муамара Каддафи. Учить заранее, пока еще не поздно» (материалы информационно-аналитического центра по изучению постсоветского пространства при МГУ им. М. Ломоносова). В последнем тексте имеется в виду Ли Куан Ю — основатель города-государства Сингапур, ушедший с поста премьер-министра более 20 лет назад после передачи власти заранее подготовленному преемнику и с сохранением широких надзорных функций.

Еще одна отличительная черта газетных материалов последнего времени — частое использование имени Л. И. Брежнева: «Тунис — зеркало степной демократии и синдром „Леонида Ильича“», — так называются политические новости информационного агентства REGNUM. Читаем: «Напрашивается аналогия с Леонидом Ильичом Брежневым, которого Политбюро никак не хотело отпускать на пенсию», — речь идет об упоминавшемся выше политическом долгожительстве находящихся у власти персон. Та же мысль высказывается Андреем Грозным, руководителем отдела Средней Азии Института стран СНГ, на новостных страницах

портала km.ru.: «Скажу больше: любые — будь то провластные, антивластные или независимые — эксперты все чаще сравнивают ситуацию в Казахстане с застойными временами правления „любимого Леонида Ильича“».

В высшей степени иронична редакторская колонка Игоря Винявского, главного редактора газеты «Взгляд», отозвавшегося на веяния времени заметкой «Наш „дарагой“ политик „мировой“!». С самого начала обыгрывается известный прецедентный текст: «Слыхали, во Владивостоке землетрясение было? Так то в Москве пиджак Брежнева с орденами со стула упал. Так шутили 30 лет назад. Кстати, слышали, на этой неделе землетрясение в Капшагае было?..» Затем автор касается этических вопросов, связанных с количеством наград Л. И. Брежнева, последними годами существования генсека в созданном ему окружении параллельном мире и уходом из жизни в возрасте 75 лет — после 21 года управления страной. Затем читатель переносится в настоящее время: «По количеству наград Нурсултан Абишевич, конечно, уступает легендарному генсеку. Но ради справедливости можно отметить, что наш глава государства обскакал Леонида Ильича в эпистолярном жанре. Количеству трудов Нурсултана Назарбаева может позавидовать даже Лев Толстой. Да что там Толстой! Его уже и в живых-то нет. Тут и Дарье Донцовой впору локти кусать! Каким-то особым путем Нурсултан Абишевич идет за Леонидом Ильичом. Впрочем, все равно неизбежно придет к тому же финалу. Кстати, не его ли пиджак упал на днях со стула, когда в Капшагае тряхануло?» (Взгляд. 23.04. 2010).

В ходе анализа мы пришли к выводу, что в качестве определяющих прецедентных имен последнего времени в казахстанской прессе используются имена *Тунис* и *Египет*. Это обусловлено нестабильностью политических процессов в государствах Ближнего Востока, а также некоторыми общими чертами в развитии политических систем Казахстана и упомянутых государств, способствующими развитию прецедентности.

Итак, при анализе изменений в рассмотренном корпусе прецедентных имен можно выделить четыре периода. Для первого из них характерно позитивно окрашенное сравнение деятельности президента с деятельностью всемирно известных политиков. В это время востребованными становятся имена Махатмы Ганди, Мустафы Кемала Ататюрка, Джорджа Вашингтона, Теодора Рузвельта и Маргарет Тэтчер. Но в этот же период журналисты начинают проводить аналогии с государствами, имевшими в своей истории политических долгожителей, например Мао Цзэ Дуна и Дэн Сяопина. Позднее авторы все чаще фиксируют отдельные стороны казахстанской действительности, наводящие на мысль о сходстве с известными авторитарными политическими режимами и сопровождающими их последствиями.

ми. Показательно, что создатели текстов сдержанно (по сравнению с откликом на революции в Египте и Тунисе) реагируют на события, произошедшие в Кыргызстане. Прогнозов развития «казахстанской политической модели», приводящих к революции, нет. В большей степени, чем ПИ, журналистами используется педагогическая метафора. В последнее время все чаще встречаются сравнения казахстанского пути развития с печальными итогами властвования несменяемых президентов государств Ближнего Востока. Актуализируется также имя Л. И. Брежнева, символизирующего времена застоя.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В. И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 9—13.

Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Буратино* в современных СМИ // Известия Урал. гос. ун-та. 2007. № 52. С. 105—112.

Нахимова Е. А. Прецедентные онимы-неологизмы: *Куцевская* и *Цапки* // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 162—166.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33—41.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. А. Нахимова

УДК 81'42

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33; 16.41.21

Код ВАК 10.02.04

А. А. Щипицына
Уфа, РоссияА. А. Shchipitsyna
Ufa, Russia**САММИТ НАТО В ЛИССАБОНЕ:
ОБЪЕКТЫ И ЗНАКИ ОЦЕНКИ В БРИТАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Аннотация. Рассматриваются сходства и различия в объектах и типах оценки в британском политическом медиадискурсе с учетом политических предпочтений целевой аудитории.

Ключевые слова: оценка; политический дискурс; британские качественные национальные газеты.

Сведения об авторе: Щипицына Анна Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и перевода.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450076, г. Уфа, ул. Коммунистическая, 19, к. 4.
e-mail: abez2000@mail.ru.

**NATO SUMMIT IN LISBON:
OBJECTS AND TYPES OF EVALUATION
IN BRITISH POLITICAL MEDIA DISCOURSE**

Abstract. The paper examines similarity and differences in the objects and types of evaluation in British political media discourse, taking into account the political alignment of the target reader.

Key words: evaluation; political discourse; British quality national newspapers.

About the author: Anna Shchipitsyna, Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Chair of Intercultural Communication and Translation.

Place of employment: Bashkir State University.

Целью настоящей работы является установление критериев выбора объектов и знаков оценки в британском политическом медиадискурсе в зависимости от политических предпочтений целевой аудитории.

Существует несколько подходов и классификаций параметров оценки, разработанных российскими и зарубежными лингвистами (например, [Арутюнова 1999; Вольф 1985; Kerbrat-Orecchioni 1980]). В настоящей работе за отправную точку была принята позиция британских ученых Джеффа Томпсона и Сьюзен Ханстон, согласно которой оценка — это по существу один феномен, а не несколько, и основным, самым главным параметром является параметр «хорошо — плохо» [Thompson and Hunston 2000: 25]. Исходя из этого, в данной работе оценочные единицы классифицировались только по знаку оценки, т. е. по параметру «хорошо — плохо».

Выделение единицы анализа представляет определенную сложность, поскольку, как пишет, например, Е. М. Вольф, оценка может быть ограничена элементами меньшими, чем слово, но может характеризовать и группу слов, и целое высказывание [Вольф 1985: 6]. В рамках настоящей работы единицей анализа является языковая единица с оценочным значением в денотативном или коннотативном компонентах.

При написании данной статьи мы старались также определить, в каких компонентах текста сконцентрированы оценочные единицы — в заголовках, подзаголовках, подписях к фото и иллюстрациям, в цитатах или вне указанных композиционных элементов медиатекстов.

Как известно, каждая качественная национальная газета^[1] в Соединенном Королевстве имеет свою целевую аудиторию: так, согласно последним данным исследования обществен-

ного мнения, проведенного британской организацией Ipsos MORI, на всеобщих выборах 2010 г. большая часть читателей газеты "The Daily Telegraph" проголосовала за Консервативную партию, большинство читателей "The Guardian" — за Лейбористскую партию, а за партию Либеральных демократов проголосовало большинство читателей газеты "The Independent". Как показывают результаты этого и ряда предыдущих опросов, читательская аудитория этих газет имеет довольно устойчивые политические предпочтения [Voting by Newspaper Readership 1992—2010]. Материалом для нашей работы послужили тексты редакционных статей из указанных британских газет, поскольку благодаря ориентации на читателей с разными политическими взглядами они дают возможность исследовать различия и сходства в выборе объектов оценки и в языковых способах выражения оценки одних и тех же явлений.

Согласно наблюдениям исследователей массовой коммуникации, уже на этапе отбора тем для освещения средства массовой информации оказывают влияние на аудиторию, поскольку одно и то же событие может быть по-разному отражено в материалах разных СМИ или вовсе не попасть на страницы того или иного издания [Березин 2004: 107—108; Добросклонская 2005: 123—124]. Саммит НАТО, проходивший в Лиссабоне в ноябре 2010 г., стал темой редакционных статей во всех трех изданиях ("The Daily Telegraph", "The Independent", "The Guardian"). Это означает, что редакции сочли важным выразить свое мнение о саммите. Поскольку изучение материалов об одном и том же событии в разных по политической направленности изданиях предоставляет возможности для проведения сравнительного анализа, нами были отобраны редакционные статьи именно на эту те-

му: "We must not leave Afghanistan too soon" [Т]; "Nato summit: Start must not be stopped" [G]; "Nato is finally in transition, but what is it actually for?" [I]. Выбор редакционных статей как жанра для исследования обусловлен тем, что наличие оценочного компонента является существенным признаком именно информационно-аналитических текстов [Добросклонская 2005: 133].

Анализ оценочных единиц в редакционных статьях позволил выявить объекты оценки, совпадающие во всех трех изданиях (например, НАТО, саммит НАТО, присутствие Президента РФ на саммите). Однако во многих случаях, несмотря на общность темы статей, объекты оценки в них различаются, что демонстрирует разницу в акцентах, которые расставляет журналист при написании материала с целью привлечения внимания читателя и, как следствие, воздействия на его позицию (например, сокращение военного бюджета в Великобритании, Республиканская партия США, позиция России в отношении ПРО).

Как пишет О. В. Мякишева, «заголовки дают информацию о социально важном явлении в мире и его локальную привязку. Информация может быть представлена журналистом в форме развернутого высказывания, свернута до имени ситуации или ее оценки» [Мякишева 1996: 47]. Важно также отметить, что заголовок занимает сильную позицию по отношению к самому тексту и заголовочному комплексу и дает основное представление о теме и содержании публикации [Варченко 2007: 114]. Если говорить о заголовке в материалах, относящихся к жанру комментария, то в них «журналист в полной мере использует рекламную функцию, чтобы заставить читателя задуматься еще до прочтения статьи, чтобы увлечь, заинтриговать, подтолкнуть получателя информации к прочтению всего текста» [Варченко 2007: 118]. Из трех редакционных статей о саммите НАТО в Лиссабоне только в статье из газеты "The Independent" заголовок содержит оценку:

(1) *Nato is finally in transition, but what is it actually for?*

В статье о языке британской качественной прессы проф. Т. Г. Добросклонская пишет, что в информационно-аналитических текстах наблюдается бóльшая по сравнению с прочими видами медиатекстов концентрация вопросительных и восклицательных предложений на единицу текста одинаковой протяженности. Исследователь объясняет это тем, что «вопросительные и восклицательные предложения усиливают эффект воздействия, а также способствуют выражению мнения и оценки» [Добросклонская 2007: 204]. Обращает на себя внимание то, что автор статьи положительно оценивает наконец-то начавшийся процесс изменения НАТО (*Nato is finally in transition...*), однако заканчивается заголовок вопросом, недвусмысленно демонстрирующим отношение автора к этому процессу: «...но зачем?» (*...but what is it actually for?*).

Полный текст передовицы раскрывает точку зрения редакции: под сомнение ставится актуальность и целесообразность существования НАТО (ср., например, фразы этой статьи: *It is entirely right that Nato should, belatedly, be considering exactly what, in the 21st century, it is for; As to its future, and whether it has one as a North Atlantic defence alliance, that much bigger question will be for another day.*) Следовательно, в данном случае заголовок материала содержит отрицательную оценку деятельности НАТО редакцией газеты, причем эффект воздействия усиливается за счет использования в заголовке вопроса.

НАТО является объектом оценки в двух из трех анализируемых статей, и в обоих изданиях альянс оценивается отрицательно, за исключением указанного выше примера, где в заголовке содержится положительная оценка начавшихся перемен. Так, в "The Daily Telegraph" союз НАТО описан со слов «некоторых критиков» как «плохо подготовленный к решению сложных задач в эпоху после окончания „холодной войны“»:

(2) *By broadening its global outlook, and prioritising cyber-defence and a new missile defence system, the alliance will go some way to silencing critics who contend that it is ill-equipped to deal with the challenges of the post-Cold War age.* (Ср.: ill-equipped — not having the necessary resources or qualities for a particular role or task [OD].)

Интересно, что автор статьи не указывает, кто именно критикует НАТО. В редакционной статье "The Independent" подавляющее количество оценочных единиц характеризует Североатлантический союз — и все эти единицы, за исключением начала заголовка (1), имеют отрицательный знак. Так, после перечисления пунктов повестки дня во время саммита в Лиссабоне автор заключает:

(3) *This disparate collection of priorities can be seen either as justification for Nato's continued existence or as proof that the alliance is out of time and has lost its way.*

По мнению автора, противоречивые приоритеты НАТО могут служить доказательством того, что альянс «не идет в ногу со временем» и «сбил с пути» (*the alliance is out of time and has lost its way*). (Ср.: out of time — 1) at the wrong time or period 2) with no time remaining to continue or complete something, esp. a task for which a specific amount of time had been allowed [OAD]; lose one's way — no longer have a clear idea of one's purpose or motivation in an activity [OD]).

Признавая, что внешне союз НАТО изменился со времени падения Берлинской стены, редакция газеты считает, что мышление руководства альянса осталось прежним (*But its thinking remained stubbornly the same*; ср.: stubborn — having or showing dogged determination not to change one's attitude or position on something, especially in spite of good reasons to do so [OD]). Следовательно, в данной статье редак-

ция отрицательно оценивает ригидность мышления глав стран — членов НАТО:

(4) *Outwardly, Nato has changed since the Berlin Wall and communism fell. It has incorporated former East and Central European members of the Warsaw Pact and expanded — controversially — up to the Russian border. When it lent its imprimatur, and its command structures, to the war in Afghanistan, its forces were engaged in combat beyond the European theatre for the first time. But its thinking remained stubbornly the same.*

Редакция газеты считает, что Североатлантический союз должен, хотя бы и с опозданием, задуматься, какова цель его существования в XXI веке:

(5) *It is entirely right that Nato should, belatedly, be considering exactly what, in the 21st century, it is for.*

Автор статьи пишет, что хотя другим международным организациям также пришлось столкнуться с новой реальностью, только сущность НАТО подвергается сомнению самым непосредственным образом:

(6) *Nor is it <NATO — А. Щ.> the only international organisation to have had to face new realities. But it is the one whose very nature has been most directly challenged.*

Автор подчеркивает, что разумного объяснения существованию НАТО больше не существует:

(7) *For 40 years, its <NATO's — А. Щ.> whole reason for existing was the military threat posed by the Soviet Union and Western Europe's need for stouter defences than it could provide alone. When the division of Europe ended, so did that clear rationale. (Ср.: rationale — a set of reasons or a logical basis for a course of action or belief [OD].)*

Результаты решения президента США Барака Обамы «перезагрузить» отношения с Россией и заявления Медведева о намерении проводить внешнюю политику, в большей степени ориентированную на Запад, согласно тексту статьи, «служат хорошим предзнаменованием» (*bode well*; положительная оценка). Однако эти же результаты, согласно точке зрения, выраженной в редакционной статье, поднимают много вопросов о цели НАТО (*raise questions about Nato's purpose*; отрицательная оценка):

(8) *The revised plans for a Nato missile shield and the presence of the Russian President — consequences of President Obama's decision to "reset" relations with Russia and President Medvedev's stated intention of pursuing a more Western-orientated foreign policy — bode well. But they also raise questions about Nato's purpose. (Ср.: bode well/ill — be a portent of a particular outcome [OD].)*

Саммит НАТО в Лиссабоне оценивается двумя изданиями положительно: он должен стать самым важным в истории существования альянса ("The Daily Telegraph"; пример (9)) и может обозначить переход от «холодной войны» к эпохе после нее ("The Independent"; при-

мер (10)):

(9) *The Nato summit which opens in Lisbon tomorrow promises — for once — to live up to its billing as the most important meeting in the alliance's 61 year history.*

(10) *In retrospect, this summit may be seen as finally marking the transition from Cold War to post-Cold War world.*

Обращает на себя внимание амбивалентность оценки саммитов НАТО в примере (9): с одной стороны, автор положительно оценивает предстоящий саммит, поскольку он должен оправдать свое название самого важного во всей истории НАТО, с другой, с помощью фразы *for once* («в кои-то веки», «наконец-то») автор сообщает читателю, что предыдущие саммиты не соответствовали подобным ожиданиям (Ср.: (just) for once <SPOKEN>: used for saying that you would like something to happen on this occasion, even though it does not usually happen, and you think it should happen more often [Mac]).

Тем не менее в редакционной статье "The Independent" саммит оценивается отрицательно, поскольку его повестка дня устарела почти на 20 лет:

(11) *Many of the questions to be decided at this summit should ideally have been considered in the early 1990s. In that sense, this summit is almost 20 years late.*

Все три газеты положительно оценивают участие Президента РФ в данном саммите (примеры (8), (12), (13)):

(12) *The presence of Dmitry Medvedev at the summit is another welcome development: it indicates that Moscow is prepared to co-operate on the issue of missile defence, rather than use it as an excuse to confront the West, as was the case when Vladimir Putin was president [T].*

Необходимо отметить, что в данном предложении автор подчеркивает контраст между готовностью России под руководством Медведева сотрудничать по вопросам противоракетной обороны и отсутствием такой готовности при Владимире Путине, тем самым отрицательно оценивая позицию последнего.

(13) *Mr Medvedev will be attending the Nato summit that opens in Lisbon today more as a potential participant than as a reluctant neighbour [G].*

Обращает на себя внимание, что в относительно небольшой статье Россия и ее руководство дважды характеризуются с помощью прилагательного *reluctant* — «делающий что-л. с большой неохотой, по принуждению; сопротивляющийся».

Нельзя не отметить, что Россия представлена в невыгодном свете во всех трех редакционных статьях: при Владимире Путине она использовала вопросы ПРО как предлог для противостояния Западу (*an excuse to confront the West* [T] — пример (12)); отношения Польши и России были в недавнем прошлом сложными (*Poland's fraught relations with Russia* [G]); Россия неохотно поддержала санкции против Ира-

на (*Russia's (reluctant) backing for sanctions on Iran* [G] — пример (14)); Россия часто демонстрировала упрямство (пример (15)) и была слабой (пример (16)).

(14) *It produced a new strategic arms reduction treaty (Start), cutting the number of deployed strategic warheads by one-third; it secured Russia's (reluctant) backing for sanctions on Iran and stopped it delivering S-300 air defence missiles to Tehran* [G].

Интересно, что в данном случае автор материала как будто мимоходом замечает, что Россия с неохотой поддержала санкции против Ирана: прилагательное *reluctant* заключается в скобки.

(15) *There were the disagreements about how to handle the disintegration of Yugoslavia and the often recalcitrant stance of Russia* [I]. (Ср.: *If you describe someone or something as recalcitrant, you mean that they are unwilling to obey orders or are difficult to deal with* [CC].)

(16) *With Russia weak and most of Europe preoccupied with its own restructuring, many traditional concerns of the North Atlantic alliance simply slipped away* [I].

Различия в объектах оценки в рассматриваемых редакционных статьях состоят в следующем: хотя все редакционные статьи посвящены саммиту НАТО в ноябре 2010 г. и написаны непосредственно перед саммитом или во время него, в каждом издании подробно рассматривается и оценивается свой круг вопросов, не затрагиваемых в других газетах. Так, в "The Daily Telegraph" подчеркивается нежелательность вывода войск НАТО из Афганистана (примеры (17), (18)); в "The Guardian" автор статьи критикует позицию Республиканской партии США, которая препятствует заключению Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений — СНВ-3 (примеры (20), (21)), а в редакционной статье газеты "The Independent" критика автора направлена против НАТО как устаревшего института (примеры (1), (3) — (8)).

(17) *But undertaking a hasty retreat out of political expediency carries its own risks* [T].

Полагаем, что отрицательную оценку возможному выводу войск автор статьи дает в данном предложении не только с помощью прилагательного *hasty* и указания причины такого действия (*out of political expediency*), но и посредством сообщения о возможных угрозах (*carries its own risks*). (Ср.: *hasty* — *done or acting with excessive speed or urgency; hurried* [OD]; *Expediency* — *doing what is convenient rather than what is morally right* [CC].)

(18) *If Nato troops leave before the mission objectives are achieved, then Afghanistan will revert to its status as a safe haven for terrorists, and the alliance's reputation as an effective military force will lie in ruins* [T].

Автор пишет, что если войска НАТО будут выведены до достижения целей миссии, то Аф-

ганистан снова станет прибежищем террористов, а репутация альянса будет полностью разрушена. Таким образом, предложение в целом дает отрицательную оценку выводу войск, поскольку он повлечет за собой указанные последствия. Репутация Афганистана также оценивается отрицательно (*a safe haven for terrorists*), причем, как можно заметить, данное словосочетание используется и в подзаголовке для резюмирования позиции редакции газеты по обсуждаемому вопросу.

(19) *Republican efforts to undermine the Start treaty threaten to destroy the rapprochement between Russia and the west* [G].

В подзаголовке автор сообщает, что попытки Республиканской партии США расстроить соглашение START угрожают сближению США и России (речь идет о Договоре об ограничении стратегических наступательных вооружений — СНВ-3, который в англоязычных СМИ обозначают аббревиатурой START). (Ср.: *undermine* — *lessen the effectiveness, power, or ability of, especially gradually or insidiously* [OD].)

(20) *All of this progress and more has now been put in jeopardy by Republican threats to put a stop to Start* [G].

Согласно тексту статьи все успехи, достигнутые благодаря запущенной «перезагрузке» в отношениях между США и Россией, теперь находятся под угрозой из-за попыток Республиканской партии препятствовать заключению договора о СНВ-3.

(21) *It is time for the concessions to stop and for the tables to be turned on the Republicans, who have a nauseating habit of wrapping themselves in the national flag and calling their stands patriotic* [G].

Автор пишет о «вызывающей тошноту привычке республиканцев заворачиваться в национальный флаг и называть свою позицию патриотической». (Ср.: *If you describe someone's attitude or their behaviour as nauseating, you mean that you find it extremely unpleasant and feel disgusted by it* [CC].)

Проведенный анализ позволяет заключить, что при совпадении объектов оценки знаки оценки также совпадают. Так, приезд президента России на саммит НАТО положительно оценивается всеми тремя изданиями; две газеты, "The Daily Telegraph" и "The Independent", возлагают надежды на предстоящий саммит, однако они же резко критикуют Североатлантический союз. Небезынтересно то, что Россия и действия российского руководства отрицательно оцениваются во всех проанализированных статьях.

Как показал анализ, оценочные единицы использовались почти исключительно вне заголовков, подзаголовков и подписей к фото. Цитаты не только не содержали оценочных единиц, но и вообще практически не использовались в указанных статьях. Это наблюдение интересно сравнить с результатами наших предыдущих исследований новостных текстов в британских качественных газетах, которые про-

демонстрировали, что оценочные единицы нередко встречаются именно в цитате [см., напр., Щипицына 2007].

Общая тема (саммит НАТО в Лиссабоне) у редакционных статей в трех британских качественных газетах не препятствует разнообразию в выборе объектов оценки. “The Independent”, большая часть читателей которой голосует за либеральных демократов, обрушивается в своей редакционной статье с критикой на НАТО, считая альянс пережитком прошлого. Близкая к Лейбористской партии “The Guardian” осуждает действия Республиканской партии, которая может помешать заключению договора о СНВ-3, а более консервативно настроенная “The Daily Telegraph” отрицательно отзываясь о поспешности намерения НАТО вывести войска из Афганистана, поскольку это может повлечь за собой новую угрозу терроризма. Таким образом, в редакционных статьях на одну тему акцент сделан на различных вопросах, связанных с ноябрьским саммитом НАТО, что вытекает из намерения авторов воздействовать на позицию читательской аудитории, используя различные подходы к рассмотрению проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999.

Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. — М.: РИП-холдинг, 2004.

Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте. — М.: ЛКИ, 2007.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2005.

Добросклонская Т. Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. 2-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2007. С. 179—211.

Мякишева О. В. Локальный конкретизатор события в газетном заголовке // Вопросы стилистики / Саратовский ун-т. — Саратов, 1996. Вып. 26. С. 45—52.

Щипицына А. А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2007. Вып. 2 (22). — С. 93—99.

Kerbrat-Orecchioni C. L'énunciation: de la subjectivité dans le langage. — Paris: Librairie Armand Colin, 1980.

Thompson G., Hunston S. Evaluation: An Introduction // Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse / Hunston, S. and G. Thompson (Eds.). — Oxford: OUP, 2000. — P. 1—27.

Voting by Newspaper Readership 1992—2010. URL: <http://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/poll.aspx?oItemId=2476&view=wide> (дата обращения: 17.11.2010).

СЛОВАРИ

CC = Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition-2008. — HarperCollins Publishers, 2008.

OAD = New Oxford American Dictionary. 2nd Edition. — Oxford University Press, 2005.

OD = Oxford Dictionary of English. — Oxford University Press, 2005.

Mac = The online English dictionary from Macmillan Publishers Limited. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/>.

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

T = We must not leave Afghanistan too soon. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/telegraph-view/8141439/We-must-not-leave-Afghanistan-too-soon.html> (дата обращения: 21.11.10).

G = Nato summit: Start must not be stopped. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2010/nov/19/save-start-treaty> (дата обращения: 21.11.10).

I = Nato is finally in transition, but what is it actually for? URL: <http://www.independent.co.uk/opinion/leading-articles/leading-article-nato-is-finally-in-transition-but-what-is-it-actually-for-2139092.html> (дата обращения: 21.11.10).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. Качественная газета — калька с англ. “quality paper”, «солидная газета», рассчитанная на достаточно образованных читателей. Термин употребляется в Великобритании. (*прим. ред.*).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 82-31:821.161.1

ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.07.21; 16.21.33

Код БАН 10.01.01

И. О. Маршалова
Ульяновск, Россия

I. O. Marshalova
Ulianovsk, Russia

**ГОРОД НА ПОРОГЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КАТАСТРОФЫ:
РОМАН А. БЕЛОГО «МОСКОВСКИЙ ЧУДАК»**

Аннотация. Образ города в трилогии А. Белого «Москва» рассматривается как тематический мотив, раскрывающийся в двух аспектах: конкретно-историческом и метафизическом, бытовом и бытийном. Прослеживаются лексические и фонетические средства выражения катастрофического существования Москвы накануне революционного взрыва.

Ключевые слова: тема; мотив; рефрен; конфликт; город; А. Белый.

Сведения об авторе: Маршалова Ирина Олеговна, аспирант кафедры литературы.

Место работы: Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова.

Контактная информация: 432700, г. Ульяновск, пл. e-mail: irina-marshalova@rambler.ru.

**CITY IS AT THE DOOR
OF SOCIO-CULTURAL CATASTROPHE:
NOVEL BY A. BELY «MOSCOW ECCENTRIC»**

Abstract. Image of the city in the novel by A. Bely «Moscow» is treated as the subject-matter motive, developing in two aspects: specific historical and metaphysic, social and existing. Lexical and phonetic means of expressing catastrophic existence of Moscow before revolution are emphasized.

Key words: theme; motive; refrain; conflict; city; A. Bely.

About the author: Marshalova Irene Olegovna, Postgraduate student of the Department of Literature.

Place of employment: Ulianovsk state pedagogical university n. a. I. N. Ulianov.

100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4, к. 448.

Тема города (села, деревни) — магистральная в творчестве Андрея Белого. С одной стороны, это тема города как места, где «совершаются глобальные катаклизмы», с другой — «места подавления личности, природной прелести и естества» [Тимина 1989: 7].

Москва в одноименной трилогии автора — один из главных объектов изображения и одновременно ведущая тема-мотив. Мотив — нечто повторяемое и варьируемое, по утверждению Бориса Гаспарова, в «новых очертаниях и во все новых сочетаниях» элементов. «При этом, — замечает исследователь, — в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое „пятно“ — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д. ... так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами («персонажами» или «событиями»), здесь не существует данного a priori „алфавита“ — он формируется непосредственно в разветвлении структуры и через структуру» [Гаспаров 1988: 98].

Взаимопроникновение компонентов художественного содержания и композиции произведения позволяет из мозаики разнородных частиц воссоздать целостную картину бытовой и бытийной сторон московской действительности начала XX в: «Не в борении начал добра и зла увидел Белый человека, своего современника, а в более широкой перспективе — находящимся на грани двух сфер существования, двух миров, двух „систем“ мироощущения — сферы быта и сферы бытия» [Долгополов 1988: 6].

В связи с вышесказанным тема города в «Московском чуде», первой части трилогии Андрея Белого, может быть рассмотрена с точки зрения двух семантических пластов: метафизического и социально-бытового, — каждый из которых должен быть описан в своей образной системе и через определенный набор мотивов. Конкретно-исторический аспект — лишь одна из граней изучаемого объекта (Москва с онтологической точки зрения («космос города Москвы» [см. Демин 2007: 354]) представляет не менее интересную и разветвленную сеть мотивов и образов романа, что составляет предмет отдельного разговора), хотя и чрезвычайно важная, вскрывающая целый пласт проблем, смыслообразующих ассоциаций, мотивов общественно-политического, социокультурного звучания.

Тема города в «Московском чуде» складывается из переклички множества элементов, приобретающих в произведении характер рефрена. Буквально с первых страниц романа возникают два типа ощущений: предельной узости, ограниченности московского пространства и бесцельного перемещения в его пределах горожан разного пошиба. Представление о тесноте столичных улиц рождается в первую очередь из «столкновенья домов, флигелей, мезонинов, заборов» [Белый 1989: 25]. (Далее в тексте ссылки даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.) Затем чувство сдавленности городских переулков, площадей перетекает в ощущение перенасыщенности их человеческим элементом, хаотичности передвижения москвичей, пестроты, неупорядоченности московского говора: «Здесь человечник мельте-

шил, чихал, голосил, верещал, фыркал, шаркал, слагаясь из робких фигурок, выюркивающих из ворот, из подъездов пропсаченной, непроветренной жизни: ботинками, туфлями, серо-зелеными пятками иль каблучками; покрытые трепаными картузами, платками, фуражками, шляпами — с рынка, на рынок трусили; тяжелым износом несли свою жизнь; кто — ридикульчиком, кто — просто фунтиком; пыль зафетюнила в сизые, в красные, в очень большие носищи и в рты всякой формы, иванящие отсебятину и пускающие пустобаи в небесную всячину; в псине и в перхоти, в злом раскуряе гнилых табаков, в оплеваныи, в мозгляйстве словесном — пошли в одиночку: шли — по двое, по трое; слева направо и справа налево — вразброску, в откидку, враскачку, вподкачку» (25). Москва представляется автору гигантским муравейником («человечником»), в котором копошатся, теснятся людишки, озабоченные каждодневными нуждами, «тяжелым износом» несущие собственную жизнь.

Мотив перенасыщенности Москвы свидетельствует о социально-исторической специфике возникновения и бытования города как многолюдной, теснейшей деревни, расширяющейся обыкновенным ростом населения (примечательно в связи с данным положением распространенное в художественной литературе и литературоведении противопоставление Москвы Петербургу как построенному «в расчете на его будущее многолюдство, а пока отчасти незаполненного и фантомного, но охотно принимающего в свои слишком широкие границы кого угодно со стороны, лишь бы заполнить пустоту» [Топоров 1995: 321]). О таком естественном способе обживания московского пространства, во многом противопоставленного обширным и малозаселенным границам Северной столицы России, упоминает и Юрий Тынянов в романе «Кюхля»: «Петербург никогда не боялся пустоты. Москва росла по домам, которые естественно сцеплялись друг с другом, обрастали домишками, и так возникали московские улицы. Московские площади не всегда можно отличить от улиц, с которыми они разнятся только шириною, а не духом пространства; также и небольшие кривые московские речки под стать улицам. Основная единица Москвы — дом, поэтому в Москве много тупиков и переулков. В Петербурге совсем нет тупиков, а каждый переулок стремится быть проспектом. <...> Единица Петербурга — площадь» [Тынянов 1986: 230—231]. Для Андрея Белого та же Москва с ее домами, многочисленными тупиками, запутанной сетью улиц, бесконечными проулками и переулками не просто город, возникший самым естественным образом, а пугающее своей неорганизованностью, хаотичностью, дикостью обывательского быта пространство, зачастую враждебное и губительное: «Стояли тюками дома; в них себя запечатали сколько — на смерть; Москва — склад тюков: свалень грузов» (136).

Такая Москва — город сереньких домишек, убогих комнатух, наподобие «не комнаты — просто блошницы» (165) мещанина Грибикова — опасна с исторической, социокультурной точки зрения: «Здесь, в комнате, десятилетия делалось страшное дело Москвы: не профессорской, интеллигентской, дворянской, купеческой или пролетарской, а той, что, таясь от артерии уличной, вдруг разрасталась гигантски, сверни только с улицы: в сеть переулков, в скрещенье коленчатых их изворотов, в которых тонуло все то, что являлось; из гущи России, из гордых столиц европейских; все здесь — искажалось, смещалось, перекорячивалось, столбенея в глухом центровом тупике» (166). Тупик человеческого мракобесия, средоточие закоснелости и все возрастающего озлобления всех против всех, «тишайшие сплетни» (166), повсеместные слежки и провокации — вот истинный ужас предреволюционной действительности, «мараморох в центре сознания» (166) людей, по мысли самого Андрея Белого.

Тема-мотив Москвы, старого, уходящего мира, гибнущего в грязи и смраде кривых улиц, насаждении жалких домишек и убогих лачуг, где господствует человеческое тупоумие и черствость, производит удручающее впечатление, рождает понимание неотвратимости конца: «Москва переулков <...> в то недавнее время была воплощенной „пепешкою“, опухолью, проплетенной сплошной переулочной сетью» (166).

Изживание политического строя и социальных институтов, однако, происходит и на другом уровне: в роскошных апартаментах капиталиста Мандро, за витринами дорогих магазинов, в спиритических салонах и псевдорелигиозных обществах. И улицы Москвы далеко неоднородны: рядом с базарными площадями и рабочими районами раскинулся, к примеру, «ясный Кузнецкий» (87). Причем эпитет «ясный» здесь далеко не однозначен, как может показаться на первый взгляд. Зимнее сверканье Кузнецкого, его иллюминация, праздничное убранство витрин дорогих магазинов производят обманчивое впечатление, ложное ощущение света и тепла. Ясность Кузнецкого оборачивается неясностью, все той же сумятицей, когда речь заходит о суматошном передвижении разодетой публики, сверкающей драгоценными камнями и золотыми зубами: «Стекалась волна котелков, шляпок, шапок, мехов, манто, кофточек: прямо к углу, где блестело «А в а н ц о»; роились, толкались и медленно останавливались, ухватившись за шляпы; и глядели на стрелку часов, поджимая портфели, отпихиваясь, перебиваясь, и давая друг другу дорогу; тот выскочит бледным пятном лицевым; эта вынырнет взором; карминные губы прояснятся, вспыхнет серьга; в котелочках восточные люди тут ночью и днем переталкиваются, все высматривая беспроко: того-то и что-то; тут кучи раздавленных тел прилипают к витринам: сграбленье людей; от

двенадцати дня до шести!» (87). Несмотря на внешний блеск этой стороны жизни, изнутри она все та же: дремучая, глубоко безнравственная и жестокая к любому, кто не соответствует ее требованиям — умению наживать деньги и не считаться с окружающими при достижении своих целей. Страшны безразличие, глухота, слепота этой блистающей «золотыми зубами, пенсне и моноклями» (96) толпы к надвигающемуся и неизбежному. И расплата за это — небытие, к которому «таковская» <здесь и далее — разрядка Андрея Белого> (127) столица неуклонно движется: «... все — такие в „таковской“ Москве, уносимой потоком в безвестную бездну. <...> за домом обрушится дом; и Москва станет стаей развалин...» (127).

Древняя столица кошмарна в ожидании грядущего «удара» — мировой бойни, бессмысленной и беспощадной. Мотив Москвы под ударом назревает в финале «Московского чудака» и под знаком разрушения затем проходит вторая часть трилогии, так и обозначенная — «Москва под ударом».

Изначально проявляясь в сюжетной канве романа (трагическое противостояние Коробкина — Мандро), мотив удара из частного конфликта вырастает во всеобщий, глобальный, катастрофически неизбежный — становится знаком бедственных, грозящих неопределенностью и всеобщей путаницей событий в России на пороге мировой войны и революции, и в первую очередь символом разрушения старого мира, крушения прежней культуры. Здесь несомненна аналогия с обдумыванием центральным героем произведения, профессором Коробкиным, произошедших с ним событий — встречи с хищным Мандро, немецким шпионом и провокатором, стремящимся завладеть открытием математика. Движение от испуга за собственную безопасность к пониманию того, что «все — под ударом» (192), начинается со звуковых и цветовых ассоциаций: «Если б мог осознать впечатленье от звука „Мандро“, то увидел бы: в „ман“ было — синее: в „др“ — было черное, будто хотевшее вспомнить когда-то увиденный сон; „ман“ — манило; а „др“ — ? Наносило удар» (191). И далее:

«— Да, удар — над Москвой!

Что такое сказал он, совсем неожиданно; и — осмотрелся: проперли составы фасадов: уроды природы; дом — каменный ком; дом за домом — ком комом; фасад за фасадом — ад адом; а двери, — как трещины.

Страшно!

Свисает фасад за фасадом под бременем времени: время, удав, — душил; бремя — обрушится: рушатся старым составом и он, и Москва, провисая над Тартаром.

— Рое-рой... Роется... Стáрое-стáрое ... тáрттарарáровое...» (191).

Предельно усиливает впечатление гибели старого мира, обрушения прежних устоев

намеренная ритмизация текста, повторы навязчивых, протяжных «а», «о», «е», ограничивающего и огрубляющего «у». Устойчивое, казалось бы бессознательное, но художественно акцентированное апеллирование к звуковому повтору «ад», завершающееся аллитерацией яростного «р» в слове «Тартар» и новообразованиях Белого, нагнетает атмосферу неотвратимости конца.

Из героев романа лишь немногие чувствуют тот роковой порог, за которым — гибель, бездна, мрак. Дочь профессора Коробкина, Надюша, умирающая от чахотки, ощущает внутри себя течение неумолимого времени: «Извлекались не стоны — сквозные арфичные звуки; они разрывались разрывчатым кашлем, ее выбивавшим из жизни, окрапленной сверху лавандовым запахом; промозглой капустой воняла «таковская» жизнь; и в ней кашляло время» (127). Сходное предчувствие глобальных перемен охватывает и самого профессора после посещения дома капиталиста и ядовитого «заигрывания» с ним дельца фон-Мандро: «Быстроное время совалось во все, точно Томочка-песик; теперь собиралось просунуться резким звоночком во входную дверь.

Что-то — будет!.. Наверное — что-то огромное, — вот-вот-вот-вот: подошло!» (192).

Так центром нарастания «чего-то огромного», разрушительного, катастрофического становится «сердце России — Москва!» И гибель старой Москвы неотвратима в русле общественно-политическом, социокультурном, ибо веками зрели противоречия жизни, разрозненность и враждебность слоев общества по отношению друг к другу.

Разнообразные мотивы (сдавленности московского пространства, излишней заселенности столицы, сумятицы и неразберихи в домах и делах, витающих в воздухе сплетен, слухов и провокаций, лейтмотив нависшего над всеми удара) с несомненной «повторяемостью психологических переживаний» [Целкова 2008: 208], отражением физиологических подробностей, разомкнутым полем значений вырастают из городской темы и врастают в нее, образуя тем самым уникальный сплав — тему-мотив Москвы как поразительного пространственно-временного, социокультурного феномена города на пороге глобальных изменений в России и мире начала XX в. — изменений, глубоко трагических по своей сути.

ЛИТЕРАТУРА

- Белый А. Москва / сост., вступ. ст. и прим. С. И. Тиминой. — М.: Сов. Россия, 1989.
- Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 10.
- Демин В. Н. Андрей Белый. — М.: Молодая гвардия, 2007.
- Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург»: моногр. — Л.: Сов. писатель, 1988.

Тимина С. И. Последний роман Андрея Белого// Белый А. Москва / сост., вступ. ст. и прим. С. И. Тиминой. — М.: Сов. Россия, 1989.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. — М.: Прогресс ; Культура, 1995.

Тынянов Ю. Н. Кюхля. Рассказы / Воронеж. ун-т. — Воронеж, 1986. С. 230-231

Целкова Л. Н. Мотив // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. ; под ред. Л. В. Чернец. — М.: Высш. шк. ; Академия, 2000. С. 208.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

Ю. В. Матвеева

Екатеринбург, Россия

Y. V. Matveeva

Ekaterinburg, Russia

ОБРАЗ БЕЛОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

THE IMAGE OF WHITE
RUSSIAN EMIGRATION IN THE SOVIET
LITERARY SPACE

Аннотация. Рассмотрены основные этапы становления и эволюции образа белой русской эмиграции в советской культуре. В качестве примеров, аккумулирующих рецепцию времени, анализируются литературные тексты, принадлежащие разным историко-культурным периодам советской эпохи.

Abstract. The article studies the basic stages of the beginning and evolution of the image of White Russian emigration in the Soviet culture. The article analyzes the literary texts of the different historical and cultural periods of Soviet times as the examples of reception of the time.

Ключевые слова: белая эмиграция; эмигрантская проблематика; идеология; советская литература; советский миф об эмиграции.

Key words: White emigration; emigrant's problematic; Soviet ideology; Soviet literature; Soviet myth about emigration.

Сведения об авторе: Матвеева Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков.

About the author: Matveeva Yuliya Vladimirovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, of the Chair of Russian Literature of the XX—XXI century.

Место работы: Уральский государственный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
e-mail: julia-matveeva@yandex.ru.

Начиная с 1917 г. и до нынешнего дня в отечественной культуре присутствует и вполне самостоятельно живет образ белой русской эмиграции. За почти столетний срок своего бытования образ этот в нашем культурном сознании многократно и разнообразно эволюционировал, всякий раз демонстрируя сложную динамику философских, социальных и политических приоритетов российского общества. Не претендуя в данной статье на сколько-нибудь исчерпывающую полноту, постараемся наметить основные этапы становления и развития белоэмигрантского мифа в том виде, в каком они представлены в литературных источниках советского времени.

Сотворение советского мифа о белой России и жизни белых эмигрантов началось в 1920-е гг., когда одновременно происходило формирование и новой советской ментальности, и культурно-бытового пространства русской эмигрантской жизни. В идеологически заряженной атмосфере большевистской России все, связанное с эмиграцией, русским Берлином и особенно русским Парижем становится синонимом негатива по отношению к жизни советской, ее идеологии, ее культуре. Точно так же осмысливается и творчество уехавших из страны писателей, ибо «всё, — писал А. Воронский, — выровнялось в конечном итоге по двум основным линиям: большевизм и антибольшевизм» [Воронский 1921]. Даже лучшие литературные критики времени, каким, к примеру, был упомянутый А. Воронский (что уж говорить о других, всецело ангажированных властью), активно ругают эмигрантскую литературу (за которой, кстати, пристально следят), формируя у неосведомленной публики сугубо мифологические

представления о ней как о бесплодной, буржуазной, упадочнической, отсталой.

Эта традиция в советском литературоведении и критике сохранится надолго, можно сказать, до конца советской системы. И даже в 1960—1970-е гг. при введении в читательский обиход эмигрантских авторов было принято или вообще умалчивать об их биографии (примером может служить А. Ладинский, романы которого выпускались, читались, были популярны, но об их создателе ничего нигде не сообщалось), или намеренно отделять этих избранных, достойных публикации художников от общеэмигрантского «болота». Процитируем в качестве примера смелую и передовую для своего времени статью В. Орлова о Марине Цветаевой, предварившую издание ее стихов 1965 г. в серии «Библиотека поэта»: «Поэзия Цветаевой была монументальной, мужественной и трагической. Мелководье эмигрантской литературы было ей по ступню» [Орлов 1965: 18]; «Эмиграция выдвинула в качестве „своего“ поэта лощеного сноба и ничтожного эпигона Георгия Иванова, который в ностальгических стихах томно стонал о „бессмысленности“ существования или предавался пустопорожним размышлениям, достойным Кифы Мокиевича» [Там же: 17]^[1].

Если же говорить о советской художественной литературе периода 1920—1930-х гг., эмигрантская тема в ней — безоговорочная периферия, крайне узка и скудна по сравнению с темами куда более востребованными в числе которых следующие: интеллигенция и революция; Гражданская война; борьба за нового человека; коммунистическое строительство и т. д. «Поворачивают на Босфор» «длинные серые

корабли» у Н. Тихонова, шлет ностальгическое письмо бывшему приятелю-поэту Анна Снегина. Более конкретен В. Маяковский, в «парижских» стихах которого слышится отзвук живого общения с эмиграцией (подробно о пребывании Маяковского в Париже (где поэт бывал шесть раз и прожил в общей сложности полгода), о его взаимоотношениях с русскими парижанами пишет Н. А. Богомолов [Богомолов 2006]) и даже увлечения ею: Татьяну Яковлеву он открыто предпочтет политическому заказу («часть на Париж отпущенных строф / на лирику я рас-транжирю»), пообещает ее завоевать — «одну или вдвоем с Парижем», да и вообще в большевистской Москве, сожалеет поэт, «не хватает длинноногих». Не важно, что свет эти стихи увидели намного позднее, сказанное слово остается сказанным.

Под начальными же строчками стихотворения 1925 г. «Прощание (Кафе)» могли бы подписаться многие русские поэты-эмигранты:

Обыкновенно
мы говорим:
Все дороги
приводят в Рим.
Не так
у монпарнасца.
Готов поклясться.
И Рем
и Ромул,
и Ремул и Ром
В «Ротонду» придут
или в «Дом».

Конечно, Маяковский не забывает критиковать, и само стихотворение насквозь обличительное. Оценки, которые поэт раздает в нем, совершенно идеологизированные:

Париж,
тебе ль,
столице столетий,
К лицу
эмигрантская нудь?
Смахни
за ушами
эмигрантские сплетни.
Провинция! —
не продохнуть.

И все-таки после «Прощания» пишется еще одно маленькое «Прощанье», где в финале звенит признание:

Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —

Москва.

Известно, что не только в 1920-е, но и в 1930-е гг. советские писатели бывали в Париже: кто-то испытывая страх, кто-то с ликованием (заграничным командировкам советских писателей посвящена отдельная глава в книге Н. А. Громовой [Громова 2006]). В 1935 г. прошел Антифашистский конгресс. Однако в твор-

честве советских литераторов эмигрантская реальность почти не воплотилась. Даже Борис Пастернак, общавшийся с М. Цветаевой и С. Эфроном, Ю. Анненковым, Н. Гончаровой, Е. Замятым, пропустил ее мимо себя. Настолько мимо, что так и не повидал родителей, о чем неоднократно сетовал в письмах к близким ему людям. Такое отношение понятно: нельзя было компрометировать себя, а потому лучшая реакция — не заметить, молчать, молчать во всех литературных жанрах, в стихах и прозе.

Целую историю постепенного охлаждения и окончательного разрыва самых теплых и дружеских отношений с К. Фединым рассказывает в своих мемуарах Р. Гуль. В этой истории концептивно представлена вся динамика советско-эмигрантских отношений 1920—1930-х гг.: в конце 20-х еще возможно почти ежегодное общение, взаимопонимание («Не помню точно, сколько раз Федин приезжал в Берлин. Чуть ли не каждый год. <...> И всегда мы часто виделись, он бывал у нас. Ездили по Берлину» [Гуль 2001: 315]). К 1932 г. появляется, несмотря на личные отношения, мотив отстранения на политической почве (« — Роман, как ты мог такое написать? <...> ты же теперь у нас будешь в „активных врагах народа“? <...> мы с тобой больше переписываться не можем». [Там же: 321]). В середине 30-х только «судьба» может еще свести бывших друзей («Узнал я о приезде Федина в Париж от Евг. Ив. Замятина. <...> Замятин дал мне телефон отеля Федина и час, когда ему можно позвонить. Я позвонил. Разговор был как будто дружеский, но Федин все же сказал: „Ты понимаешь, Роман, что теперь нам встречаться не очень удобно“» [Там же: 321]).

Единственным советским литератором, который «буквально „льнул“ к эмигрантам», просвещеннейшие хранители культурной памяти Зарубежья Р. Герра и А. Ваксберг единодушно называют Льва Никулина, но сами же намекают на двусмысленность его репутации, на то, что Никулин постоянно чувствовал некую «защитную спину» [Ваксберг 2010: 180—181]. И все равно, невзирая на очевидное небескорыстие поведения Никулина, Р. Герра отмечает его заслугу перед эмигрантами: «Никулин вам может нравиться, может не нравиться, но есть объективный факт, который, как говорится, в его пользу: советский читатель, благодаря именно ему, хоть что-то узнавал об эмиграции — без ярлыков и проклятий» [Там же: 181].

Итак, главной риторической фигурой времени по отношению к эмигрантскому миру стала к 1930-м гг. фигура умолчания. Однако на фоне общей непопулярности эмигрантской проблематики в советском литературном пространстве 1920-х—1930-х гг. находились в нем и такие авторы, которые ее не только не обошли, но по разным причинам отчетливо обозначили. Прежде всего это В. Шкловский, А. Толстой, М. Булгаков.

У всех троих эмигрантская тема предобусловлена биографически. Но если Шкловский и Толстой в 1923 г. вырвались из эмиграции на родину, то Булгаков так и не смог «вырваться» в эмиграцию — ни во время Гражданской войны, ни в 1930-м, ни в 1931-м, ни в 1934-м, когда писал отчаянные и дерзкие письма Советскому правительству и Сталину, то умоляя «приказывать» «в срочном порядке покинуть пределы СССР», то «испрашивая» разрешения на двухмесячную поездку по Европе [Булгаков 1992]. Шкловский и Толстой эмигрантскую реальность знали изнутри, имея за плечами опыт Константинополя, Парижа, Берлина. Булгаков — по рассказам Л. Е. Белозерской да по письмам братьев — Ивана и Николая. На советском литературном небосводе звезда Толстого поднималась все выше, Шкловский, пожертвовав многим, смог удержаться, вокруг же Булгакова к 1930-му году образовалось совершенно безвоздушное пространство глухоты и непризнания. Думается, не последнюю роль сыграла в развитии писательских судеб разработка эмигрантской темы.

У А. Толстого в 1920—1930-е гг. сложился особый ряд произведений об эмигрантах и их заграничной жизни. Рассказы так называемого эмигрантского цикла стали печататься сразу по возвращении писателя с явной целью реабилитации. В 1923-м г. в разных изданиях трижды выходит «Рукопись, найденная под кроватью», в 1924-м — сборник рассказов «Черная пятница». Рассказы 1923—1924 гг., в который вошли «Мираж», «Черная пятница» и др. рассказы. В этом же году в журнальном варианте появляется «Ибикус», в 1925-м г. «Похождения Невзорова, или Ибикус» выходят отдельным изданием. В 1931-м г. в журнале «Новый мир» печатается повесть «Черное золото», в 1932-м г. состоится ее отдельное издание, в 1940-м она переиздается с авторской доработкой под названием «Эмигранты». Как видим, количество созданных Толстым «эмигрантских» текстов, частотность их изданий и переизданий говорят о том, что одного Толстого — писателя в то время преуспевающего — вполне бы хватило, чтобы сформировать у советских читателей определенный образ русской эмиграции.

Каков он? На эту тему можно написать отдельный труд. Отметим лишь наиболее важное: он целиком подчинен всем требованиям идеологического диктата, и чем жестче этот диктат становился (от 1923-го к 1940 г.), тем больше политизировался взгляд Толстого. Так, герои его рассказов «Мираж», «Рукопись, найденная под кроватью», «Ибикус» — запутавшиеся, выбитые из своих судеб люди, которые опускаются, спиваются, превращаются в проходимцев. Почти все они могут повторить слова Епанчина («Рукопись, найденная под кроватью»): «Я пьян, грязен, гнусен!». Их внутреннее состояние — «омерзительная душевная каша». И все-таки они вызывают не столько отвращение, сколько жалость. К «политическим кругам»

они не принадлежат. Вообще политический сюжет в этих рассказах — не основной.

Совсем не то в романе «Эмигранты». Конечно, главные его герои — Василий Алексеевич Нальмов и Вера Юрьевна Чувашева — тоже «лишние люди», но их судьба лишь мелодраматическое (и, надо сказать, не слишком удачное) разрешение разоблачительного действия о преступной контрреволюционной деятельности «Лиги спасения Российской империи», о жестоком и корыстолюбивом садисте Хаджет Лаше, о бесконечной лжи эмигрантского бытия, являющей себя во всех сферах человеческих отношений: международной, деловой, литературной, дружеской. Утверждая подлинность описанных событий и его участников в предисловии к роману, Толстой, по сути дела, намеренно придает отдельному случаю значение обобщения, возводит в ранг типического, закрепляя тем самым сугубо негативную оценку всей русской белой эмиграции, «эмигрантщины» — на языке того времени.

У М. Булгакова эмигрантская тема нашла воплощение прежде всего в пьесе «Бег» (1926—28 гг.). Известно, как хороши в «Беге» покинувшие Россию герои: Серафима и Голубков, Хлудов, Чарнота, даже Люська — сложны, благородны, трагичны. Единственное исключение — Корзухин, но за свою подлость, трусость, жадность, за свое хамелеонство он, в конце концов, поплатился: в собственном парижском особняке его вчистую обыгрывает Чарнота. А вот за столь романтическое изображение эмиграции поплатился писатель и человек Михаил Булгаков, которому несколько раз было предписано изменить пьесу, переделать финал (в 1928-м, в 1933-м и 1937-м гг.), но который так и не увидел ее ни поставленной, ни напечатанной.

Вторая пьеса Булгакова, в которой мотив эмиграции и мотив Парижа пусть не главенствует, но присутствует, многое, кстати сказать, предопределяя, — «Зойкина квартира» (1925 г.). На первый взгляд, это комедия, высмеивающая маскарадную бутафорию нового быта, и в ней нет ни одного положительного героя. Однако все булгаковеды отмечают ее трагический подтекст, психологическую полноту и неоднозначность в разработке характеров. Отметим, что один из лейтмотивов, как раз создающих глубину и убедительность мотивировок в поведении Зои Пельц, Обольянинова, Амелистова, Аллы Вадимовны — устремленность вон из Москвы, вон из России, из всего московского круговорота с переименованиями и переодеваниями. Имя этой перспективы, этой свободы, которую надо завоевать, заработать, заслужить — Париж, или еще — Ницца.

Зоя — Обольянинову: «Я вас увезу в Ниццу и спасу»; «В Париж! К Рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь».

Амелистов: «Ах, Ницца, Ницца, когда же я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу в белых брюках!»

Алла — Зое: «Я хочу за границу».

Зоя — Алле: «Весной вы увидите Большие бульвары...»

Алла — Гусю: «Издохну, но сбегу!»

Аметистов в финале: «Вот тебе Ницца, вот тебе и заграница».

Эти реплики, это зойкино восклицание «В Париж!» звучат как чеховское «В Москву! В Москву! В Москву!» Подчеркивается всеобщее предожидание Парижа макаронической речью Обольянонова, где французские слова и фразы комическим образом сочетаются с ругательствами и простречием, но создают притом иллюзию языковой отчужденности от советского новояза. Неоднозначен и финал пьесы: убийство Гуся-Ремонтного, разоблачение зойкиного «предприятия» и разбитые надежды, утраченные иллюзии.

Чуткие и вышколенные советские рецензенты, конечно, не зря обвинили Булгакова в «мещанстве» и «пошлости»: в пьесе чувствовался особый, отнюдь не советский шарм, заставляющий думать о возможности иного, альтернативного бытия.

Таким образом, в творчестве А. Толстого и М. Булгакова нашли свое художественное выражение два сложившихся в условиях советской культуры подхода, два взгляда на русскую эмиграцию: с одной стороны, обличительно-официальный, а с другой — романтический. Один и тот же эмигрантский Париж, эмигрантский мир и миф становятся для русских (советских) людей одновременно и символами окончательного жизненного тупика, и символами возможной свободы.

Особое место в советском литературном потоке 1920—1930-х гг. принадлежит книге В. Шкловского «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза». И место ее написания, и место первого издания (1923 г.) — Берлин. Однако почти сразу по возвращении Шкловского в Советскую Россию книга была переиздана — конечно, с изменениями текста и новым предисловием. Эти изменения (сокращения, новые письма, еще одно вступление) имели откровенно тенденциозный характер. Во вновь сочиненных письмах появляются особенно горькие метафоры эмигрантской судьбы: участь эмиграции — участь «политических пробников», себя в Берлине герой ассоциирует с японцем, который так и не смог уговорить с ним уехать русскую красавицу Машу. И образ героя, и опыт его неудачной жизни вне родины тем самым намеренно умаляется: «Я здесь не такой, как был, и кажется, я здесь нехороший» [Шкловский 1990: 288]. Подобное самоуничижение было, по сути дела, правой поднятой рукой сдающегося аскера. Эту метафору можно вообще перенести на книгу Шкловского в целом: с ней он сдавался, в ней объяснялся новой большевистской власти по поводу своего пребывания за границей, закончил же ее «Заявлением во ВЦИК»: «Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми

навыками я связан с сегодняшней Россией. Умею работать только для нее» [Там же: 336].

В отличие от А. Толстого, Шкловский не дискредитировал и не обличал эмигрантскую реальность, но создал меланхолично-печальную картину эмигрантского бытия, «безверного и бездельного русского Берлина»: «Мы беженцы, — нет, мы не беженцы, мы выбеженцы, а сейчас сидельцы. Пока что. Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы. Никакой тяги» [Там же: 318]; «В сырости и в поражении ржавеет железная Германия, и ржавчиной срастаемся, ржавея вместе с ней, нежелезные мы» [Там же: 321]; «Друзья мои, братья! До чего неправильно, что я здесь!» [Там же: 313].

Следующие поправки к образу белой русской эмиграции внесли послевоенные десятилетия. В Советской России образ эмигранта и представления об эмигрантской жизни в это время претерпевают изменения. После войны и особенно в период оттепели (в 1950—1960-е гг.) они значительно очеловечиваются, хотя идейно-политические спрямления и штампы, разумеется, никуда не уходят.

Принимают советское гражданство и возвращаются на родину многие эмигранты. Появляется даже термин — реэмигрант. (В 1946 году вернулись Н. Рощин и Ю. Софиев, позднее — А. Ладинский, в 1960-м — Вл. Сосинский.) У большого количества советских людей, прежде всего участников войны, появился опыт общения с «белыми» русскими, опыт совместной антифашистской борьбы. Начинают издаваться эмигрантские писатели: Бунин, Куприн, Андреев, Цветаева. В 1943-м г. вернулся А. Вертинский, чья концертная деятельность стала выразительным феноменом времени. Редко, мало, но все-таки осуществляются публикации авторов-возвращенцев или тех, кто физически не вернулся, но принял советское гражданство (в любом случае, для советских читателей — людей с того берега), среди которых выделяются мемуарно-биографические книги: в 1952-м г. появляется том мемуаров А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю», в 1962-м г. в четырех номерах журнала «Москва» с предисловием Л. Никулина были напечатаны воспоминания А. Вертинского «Четверть века без Родины»^[2]; в 1965-м вышла книга воспоминаний Л. Любимова «На чужбине», в том же году — книга В. Андреева, В. Сосинского и Л. Прокши «Герои Олерона», затем еще несколько андреевских книг: «Детство» (1966), «История одного путешествия» (1974); в 1966-м — «Миражи и действительность» Дм. Мейснера.

Все эти тексты, конечно, несут в себе чрезвычайно осязаемое конъюнктурное начало, ведь каждый из авторов должен был не просто рассказать о своей жизни на чужбине, о своих скитаниях, о войне, но главным образом показать ложность собственного пути, раскрыть причины своих заблуждений, доказать свое полное раскаяние. И все же для совет-

ских читателей это были первые рассказы об эмиграции.

Выделяются в этом смысле мемуары А. Вертинского, пронизанные артистической легкостью и овеванные эмигрантской культурой. Не случайно центральное место в книге занимает глава о Франции, которая намного больше и значительнее других. В ней автор воссоздает не столько им лично прожитое в Париже десятилетие, сколько обстановку культурной жизни эмигрантского Парижа, и в ней на равных сосуществуют описания «артистической богемы» и обзор эмигрантской поэзии, рассказ о «русских кабаках», младоросском национализме, о приезжающих советских писателях.

В своих воспоминаниях Вертинский интересен, потому что фактичен, точен, внимателен к деталям. Он очень много цитирует незнакомых советской аудитории поэтов: Г. Адамовича, Г. Иванова, Дон Аминадо, Вл. Ходасевича, — в каком-то смысле просвещает своих читателей. Создает Вертинский и целую галерею образов эмигрантов: красавец князь Феликс Юсупов, «популярный в международном обществе» вел. кн. Дмитрий Павлович, генерал Деникин, русский колосс Шаляпин, великолепный Сергей Лифарь, мятущийся Иван Мозжухин, балерины Анна Павлова и Матильда Кшесинская.

При этом — в отличие, например, от Л. Любимова и Дм. Мейснера, позволяющих себе не только критические, но обличительно-идеологические оценки — Вертинский ни в кого не бросает камня. Даже о В. Смоленском, личности с точки зрения советской идеологии неблагонадежной, отзывается кратко и положительно: «молодой и очень интересный поэт». Лаколично и метко — о почти никому тогда неизвестном Набокове: его романы интересны, как киносценарии, но абсолютно вненациональны. Вертинский делает все, чтобы читатели полюбили этих людей и поняли главное — все они отнюдь не враги России, а самые настоящие и самые горячие русские патриоты: и Деникин, читающий лекцию о международном положении накануне войны, и убийца Распутина кн. Феликс Юсупов. Всех эмигрантов в изображении А. Вертинского объединяет одно чувство — тоска по родине, любовь к ней.

Это же чувство и этот же мотив пронизывает и книгу Любимова, и книги В. Андреева, и опубликованные в разных советских изданиях очерки и воспоминания других реэмигрантов. Таким образом, советский миф об эмиграции обретает в 1950—1970-е гг. еще одно наполнение: ложный жизненный путь, неверно осознанная историческая необходимость, искажающая былые ошибки тоска и выстраданное раскаяние.

Любопытно, как разные составляющие и старого, и обновленного мифа о белоэмигрантском Париже и белой эмиграции в целом проявились в произведениях советской массовой культуры. Для эпохи, о которой идет речь

(1950—1970-е гг.), характерным примером может служить кинобестселлер Э. Кеосаяна «Корона Российской империи», завершающий киотрилогию о неуловимых мстителях.

Не будем пересказывать сюжет, он многим, конечно, хорошо знаком, обозначим только те моменты, которые реализуют сложившиеся к тому времени клишированные представления о белоэмигрантах. Итак, в эмиграции оказываются лютые враги революции и советской власти (штабс-капитан Овечкин, полковник Кудасов, князь Нарышкин); место их пребывания — конечно, Париж. Но здесь они уже не хозяева жизни, и князь Нарышкин исполняет трюк «Русский самоубийца» всего за пять франков. Именно в Париже возникают бредовые планы реконструкции Российской империи и возвращения ее реликвий, в частности императорской короны («Пусть весь мир узнает, что русский престол в эмиграции непоколебим!»). Однако под этими псевдореставраторскими усилиями и псевдомонархической риторикой скрываются сложные финансовые и политические интриги. Кульминацией сатирического изображения эмигрантского бытия становится сцена в ресторане, где под обличительные куплеты «несравненной» Аграфены Заволжской борьба за «народ» превращается во всеобщую драку.

Вместе с тем на фоне сатирически-негативного изображения парижской эмигрантской жизни есть в фильме и ее другое преломление — лирическое, элегическое. Враги революции мечтают вернуться на родину, Овечкин идет на дело (т. е. на то, чтобы украсть корону) «не ради денег», а, как сам говорит, «ради прошлого». Да и в ресторане звучат не только издевательские куплеты, но и задушевный есенинский романс.

Последний этап трансформации так называемого белоэмигрантского мифа начался примерно с середины 1980-х гг. и продолжается, по-видимому, до сих пор. Начался и продолжается на фоне кардинальной переоценки всех ценностей, глобального пересмотра истории. Созданная эмигрантами литература (душа и сердце их мира) стала доступна российским читателям и исследователям. О жизни русских изгнанников начали много писать. В общественном сознании возник и стал все более закрепляться новый образ, теперь уже идеализированный, составными частями которого оказались патриотизм, высокая жертвенность, установка на сохранение языка и культуры. Такое романтически-идеальное представление о русских эмигрантах транслируют самые разные культурные тексты, обращенные к широкой аудитории современных читателей, слушателей, зрителей. Но это уже другой, постсоветский образ, который, с одной стороны, во многом противоположен традиционно-советскому, а с другой — гораздо более сложен, многомерен и полнокровен.

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов Н. А. Из истории одного культурного урочища русского Парижа // НЛЮ. 2006. № 81. С. 146—163.

Булгаков М. А. Собр. соч. : в 5 т. — М., 1992. Т. 5.

Ваксберг А. И., Герра Р. Семь дней в марте. Беседы об эмиграции. — СПб., 2010.

Воронский А. О двух романах // Красная новь. 1921. № 1.

Громова Н. А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы. Из истории быта конца 20-х—30-х годов. — М., 2006.

Гуль Р. Б. Я унес Россию: апология эмиграции : в 3 т. — М., 2001. Т. 1.

Орлов В. Н. Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия // Цветаева М. Избранные произведения. — М. ; Л., 1965. С. 5—54.

Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. — М., 1990.

Эфрон А. С. Письмо В. Н. Орлову от 16 ноября 1967 г. // Эфрон А. С. Письма 1942—1975. Воспоминания. — М., 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. И это при том, что сам жест Орлова, его духовная крепость остаются неоспоримы. О грандиозном значении этой книги дочь М. Цветаевой А. С. Эфрон В. Н. Орлову писала: «Вообще же скажу Вам, что в жизни моей, столь богатой чудесами (а это — действительно так!), — одним из наиглавнейших чудес есть и остается выход маминой книги в «Библ. Поэта» в такие трудные времена <выделено А. Эфрон>. Это чудо — всецело дело Ваших рук, Вашего мужества» [Эфрон 1996: 317].

[2]. Любопытно, что первая часть мемуаров А. Вертинского (Москва. 1962. № 3) была размещена вместе с «Литературным завещанием» И. А. Бунина, а «Завещание» в свою очередь сопровождала напечатанная фотография уголка парижского бунинского кабинета. Все это вместе создавало впечатление целого эмигрантского портала на страницах советского журнала 1962 г.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

М. Н. Овчинникова

Верхняя Пышма, Россия

M. N. Ovchinnikova

Verhnyaa Pyshma, Russia

СЛОВО БОЖИЕ

ПРОТИВ ДИСКУРСА НЕНАВИСТИ:
ПСАЛМЫ Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ
(МАТЕРИ МАРИИ)

Аннотация. *Говорится о своеобразии творческого пути и характере лирической героини Е. Ю. Кузьминой-Караваевой на материале стихотворений 30-40-х гг. Анализируются традиции канонического жанра псалма, сохраненные автором, а также их трансформация в контексте избранного исторического периода.*

Ключевые слова: *эмиграция; деятельное монашество; духовное пространство; богопознание; псалмы; канон; актуализация жанра; характер лирической героини.*

Сведения об авторе: *Овчинникова Марина Николаевна, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 22» г. Верхняя Пышма, соискатель кафедры современной русской литературы.*

Место работы: *Уральский государственный педагогический университет.*

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
e-mail: ovmn@list.ru.*

WORD OF GOD

AGAINST THE DISCOURSE OF HATRED:
PSALMS BY E. Y. KUZMINA-KARAVAEVA
(MOTHER MARIYA)

Abstract. *This article tells about peculiarities of E. Y. Kuzmina-Karavaeva's career of a writer and character of her hero on the basis of the lyrics dated 1930-1940. Canonic traditions of the genre of psalm, preserved by the author are described, as well as their transformation in the context of the chosen historical period.*

Key words: *emigration; active monkhood; Spiritual life; Cognition of God; psalms; canon; actualization of genre; lyric character.*

About the author: *Ovchinnikova Marina Nikolaevna, Teacher of the Russian Language and Literature at School № 22, Verhnyaa Pyshma, Competitor for a Degree of the Chair of Modern Russian Literature.*

Place of employment: *Ural State Pedagogical University.*

«Начало XX века... подарило русской литературе три поэтических женских имени — Анна Ахматова, Марина Цветаева и Елизавета Кузьмина-Караваева. ... Ахматова и Цветаева заняли в современной культуре достойное место. Узнать и признать поэзию Кузьминой-Караваевой, матери Марии, нам еще только предстоит, она остается пока „белым пятном“ в серебряном веке и в наши дни», — справедливо отмечает С. Кайдаш, исследовательница поэтического творчества Кузьминой-Караваевой [Кузьмина-Караваева 2004: 5].

Многое из наследия матери Марии не опубликовано в России, не переведено на русский язык. До последнего времени ученые обращались к разбросанным по разным источникам произведениям Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, и лишь в 2001 г. благодаря федеральной целевой программе «Культура России» вышли сборники «Равнина русская» и «Жатва духа», в которых собраны воедино поэтические и религиозно-философские сочинения нашей выдающейся соотечественницы. Таким образом, стало возможным получить полное представление о подлинном духовном масштабе и уникальности таланта Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. В школьной практике данный материал можно использовать при изучении темы «Поэзия Серебряного века» и в контексте разговора о творчестве А. Блока, что позволит расширить культурологическую компетентность обучающихся.

Исследованию особенностей поэтического творчества матери Марии посвящены работы

Г. И. Беневица, А. Н. Шустова. Большинство работ обращено к дооктябрьскому творчеству Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Предметом нашего рассмотрения станет образ лирической героини в ее стихотворениях 30—40-х гг.

Становление личности будущего поэта пришлось на эпоху разлома, в которой она не все понимала и принимала. Размышления о вечном: о зле и несправедливости, о вере и безверии, о Боге — приводят Лизу Пиленко к Блоку, который, как ей кажется, может ответить на многие вопросы и посоветовать, как жить дальше, ведь «умирать... не хочется. Не хочется безропотно отдавать себя гибели, исчезать с исчезающей эрой» [Кузьмина-Караваева 2001: 561]. «Он говорил о том, что принадлежит к умирающему, он советовал всем, кто еще кровно не связан с этим умирающим, бежать от них, искать новых путей» [2. С. 561]. Позднее между ними завяжется переписка: «Все — ничто. И жизнь впустую идет; и эти жизненные ценности — побрякушки какие-то ... они только прикрывают настоящее ... хочу его знаки здесь на всем видеть» [Кузьмина-Караваева 2001: 648]. В том же году из Анапы Лиза Пиленко напишет: «Всего нелепее, что вся эта чепуха называется словом „жить“. А на самом деле жизнь идет в ... другой плоскости, и не знает, и не нуждается во всей суете. В ней все тихо и торжественно» [Кузьмина-Караваева 2001: 649].

Большое влияние на формирование мировоззрения Лизы Пиленко окажет философия Владимира Соловьева, позволяющая найти

выход из кризиса. В его философии нет «места для зла, лжи и уродства», она «ставит перед собой трудную задачу найти в расщепленном миропонимании элемент цельной истины» [Кузьмина-Караваева 2004: 327]. Эту истину В. Соловьев советует искать «в вечных истинах религии» [Русская идея: 228], согласно которой «божественное слово борется с космическим адским хаосом; конечная цель этой борьбы — ... в победе единства и любви над распадом и враждою» [Русская идея: 477].

В 1911 г. Е. Ю. Кузьмина-Караваева становится членом акмеистического объединения «Цех поэтов». Уже на раннем этапе творческой деятельности она пытается найти свой собственный путь в поэзии. В 1912 г. выходит ее первый сборник, «Скифские черепки», в 1914 г. — «Дорога», в 1916 г. — «Руфь». Следующий сборник Е. Ю. Кузьминой-Караваевой выйдет лишь в 1937 г. в Берлине. К этому времени она с волной беженцев окажется в Париже. Пройдя, как и все эмигранты, через унижения, нищету, неустроенность быта, пережив смерть младшей дочери Анастасии, Е. Ю. Кузьмина-Караваева решит посвятить себя Богу, начнет готовиться к постригу.

В 30-е гг. мотив богоискания становится основным в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Стремясь к новому типу монашества, и созерцательному, и активному, она «отвечала на мучительные запросы мира, на муку мира». Активность «во внешнем мире» [Кузьмина-Караваева 2004: 129], «социальная работа, благотворительность, духовная помощь — все это вытекает из напряженного желания отдать свои силы делу Христову... — не стяжать, а расточать их во славу Божию» [Кузьмина-Караваева 2004: 129].

Мотивы странничества, изгнания, потерянной Родины являются основными на этом этапе в динамике чувств лирической героини. Указание на портретные детали усиливает ощущение трудности преодоления, тоски, на которую подвизалась Е. Ю. Кузьмина-Караваева: *Смотри, — измозолены пальцы, / Навьючен уродливо горб, — / Калеки мы все и скитальцы, / И шаг наш порывист и скор* [Кузьмина-Караваева 2001: 205]; *Взглядишь в мою ладонь, / В корявые мои мозоли... / И в этот храм одни ключи — / Изнеможенье трудовое* [Кузьмина-Караваева 2001: 139].

Несмотря на тяжесть испытаний, состояние лирического субъекта нельзя охарактеризовать как опустошенное и катастрофичное. Лирической героине открывается особая, редкая радость духовного преображения, крылатость, поднимающая над бытом и открывающая просторы в бытие: *Складки на лбу иль морщинки у рта, / Иль худоба, иль сутуловатость, — / В них, не за ними проходит черта, / А за чертой огневая крылатость* [Кузьмина-Караваева 2001: 209]; *Смотрю, смотрю, — и нету дна. / Что, — заглянула в преисподню? / Иль в*

высь бездонную Господню / Дорога стала мне видна [Кузьмина-Караваева 2001: 202].

Спустя пять лет после принятия решения о монашеском служении Е. Ю. Кузьмина-Караваева еще больше укрепляется в правильности избранного пути и в 1932 г. принимает постриг. В стихотворениях данного периода много указаний на совершенный над нею обряд. Мы видим, какое внутреннее смятение порождает это таинство в душе лирической героини: *Я стою перед иконой / И знаю, — скоро буду там / Босой идти, с свечей зажженной — / Пересекать затихший храм. / В рубаху белую одета... / О, внутренний мой человек. / Сейчас еще Елизавета, / А завтра буду — имярек* [Кузьмина-Караваева 2001: 171].

Перед нами предстают точные детали принятия таинства: белая рубаха, зажженная свеча, «затихший храм», босоногая послушница. Лирическая героиня на пороге новой жизни томится в ожидании — неизвестно, что ждет ее на пути, противоположном мирскому: *Отменили мое отчество / И другое имя дали. / Так я стала Божьей дочерью. / И в спокойном одиночестве / Тихо слушаю пророчества, — / Близки, близки дни печали* [Кузьмина-Караваева 2001: 171].

Монашеское служение до пострига представлялось Е. Ю. Кузьминой-Караваевой традиционно — созерцательным: *А в келье будет жарко у печи, / А в окнах будет тихий снег кружиться. / И тающий огонь свечи / Чуть озарит святые лица. < ... > Пусть будет дух тоской убит и смят, — / Не кончит он с змеиным жалом битву, — / Сто и еще сто раз подряд / Прочту Иисусову молитву* [Кузьмина-Караваева 2001: 171].

Последние два стиха ведут нас к пониманию цельности лирической героини, сознающей, что главное в монашеском деле — монашеская молитва, полное духовное движение к Богу от созерцательности к практическому деланию Иисусовой молитвы.

Мать Мария (такое имя она получила в честь святой Марии Египетской), осознанно принимая монашеский путь, особым образом понимала монашеское служение: не как аскезу, стяжание плоти и духовное самосовершенствование, а как монашество в миру. Деятельная любовь — вот что продолжает оставаться главным делом ее жизни после пострига: «...отдача души не для того, чтобы этим приобрести ее как бы с процентами ... не акт во имя свое, а акт во имя ближнего, и только во имя его...» [Кузьмина-Караваева 2004: 127]; в стихах об этом сказано так: *Да, не беречь себя. Хожу на всех базарах / Товаром будничным, голодным на потребу, / За грош и каждому. В каких еще пожарах, / Душа моя, ты подыматься будешь к небу?* [Кузьмина-Караваева 2001: 217].

И снова труд: «...иду. Согнуло время плечи» [Кузьмина-Караваева 2001: 134]. «Нищенство и пыль, и мелочь, мелочь, / И забота, так, что не-

ту сил... / Но не Ты ль мне руку укрепил? / Отвратил губительные стрелы?» [Кузьмина-Караваева 2001: 137]. По-другому мать Мария и в монашестве жить не могла: *Жить в клопиной, нищенской каморке, / Что-то день грядущий принесет? / Нет, люблю я этот тихий гнет, / О, Христос, Твой грустный мир прогорклый* [Кузьмина-Караваева 2001: 137].

В стихотворениях этого периода лирическая героиня предстает перед нами настоящей матерью, способной помочь всем живущим на этой земле детям: *Подвел ко мне, сказал: усынови / Вот этих, — каждого в его заботе. / Пусть будут жить они в твоей крови, — / Кость от костей твоих и плоть от плоти. <...> О, Господи, не дай еще блуждать / Им по путям, где смерть многообразна. / Ты дал мне право, — говорю, как мать, / И на себя приемлю их соблазны* [Кузьмина-Караваева 2001: 125].

Такой тип монашества не всеми был принят. Но, благословленная на деятельное служение Богу о. Сергием Булгаковым, мать Мария продолжила идти по избранному пути.

Отношение к поэтическому творчеству с принятием монашества тоже изменилось: *Все забытые мои тетради, / Все стихи, статьи бросайте в печь. / Не затейте только, Бога ради, / Старый облик мой в стихах беречь. / Не хочу я быть воспоминаньем, — / Буду вам в грядущее призыв. / Этим вот спокойным завещаньем / Совершу с прошедшим мой разрыв* [Кузьмина-Караваева 2001: 219]; *О как пронзительно терзает память, / Как въедливы свершенные грехи. / Зачем рифмую строки? Между нами / Жить не должны ни рифмы, ни стихи* [Кузьмина-Караваева 2001: 143].

Мучителен разрыв с прошлым, с Блоком. И все же творческие скрепы тянут к перу. Мать Мария продолжит писать стихи, только в центре их теперь духовное пространство: *Вдруг свет упал, и видны все ступени / От комнаты, где стол, плита, кровать, / Где только что развернута тетрадь, — / Куда-то вдаль, где облачные тени, / И вдаль еще, где блещет благодать* [Кузьмина-Караваева 2001: 137].

Совершенно естественно обращение матери Марии к Псалтыри, ставшей для монахини источником вдохновенного разговора с Богом. Торжество и радость от скорой встречи с Ним наполняют теперь лирическую героиню: *Как радостно кончаем счет годам. / Прими нас, вечность, пой нам, тишина...* [Кузьмина-Караваева 2001: 146]; *И молю: руками душу тронь... / Тrepещу: Ты приближаешь руки* [Кузьмина-Караваева 2001: 158].

Приобщение к божественной жизни через молитвенную практику, что соответствует древней монашеской традиции, установка на богообщение наряду с трудничеством находит подтверждение в стихотворениях, написанных после принятия пострига: *Я вместе с ангелами песнопенья / Пред ликом пламенеющим пою*

[Кузьмина-Караваева 2001: 119]; *Помнить о любви Господней и молиться надо* [Кузьмина-Караваева 2001: 124]; *Я предвечной мудрости Господней / Возношу мою хвалу* [Кузьмина-Караваева 2001: 128].

В книге Е. Ю. Кузьминой-Караваевой «Стихи» (1937 г.) мы не найдем непосредственных переложений псалмов, хотя лирические стихотворения напрямую соотносятся с тематикой сакральных текстов и их композицией. Большинство стихотворений 30-х гг. сохраняет композиционные особенности канонического текста, начало которого есть обращение к Богу: «Бывший в начале, приемли хвалу...» [Кузьмина-Караваева 2001: 118], «Господь всех воинств, Элогим...» [Кузьмина-Караваева 2001: 118], «О, Боже...» [Кузьмина-Караваева 2001: 126], «Ты, Господи Иисусе...» [Кузьмина-Караваева 2001: 136].

Псалмы, по мнению Т. А. Ложковой, закрепляют «типичные эмоциональные реакции на типичные бытийные ситуации» [Ложкова 2004: 342]. И хотя во многих своих стихотворениях лирическая героиня Е. Ю. Кузьминой-Караваевой также не отделяет себя от мира людей, соотечественников — «...И мы за гранью вещества...» [Кузьмина-Караваева 2001: 119], «...Все мы — ничтожность и малость...», «...Братья, братья мои, человеки...» [Кузьмина-Караваева 2001: 140], — читатель чувствует предельную открытость, лирическая интимность доведена до предела.

Проанализируем стихотворение «Каждая мышца свинцом налита...».

Каждая мышца свинцом налита.
Крылья... Но крыльев давно уже нету.
Пасет мою душу бичом суета,
Неистово гонит кругами по свету.
Ничтожная, нищая, ну-ка, пляши,
Оденься в восторги и лги о заветах,
Сегодня покайся, а завтра грехи
И повторяй себя в песнях пропетых.
Каким бы тебя раскаленным клеймом
Достоинно, позорно навеки отметить,
Каким бы сковать твою шею ярмом
И истрепать на спине твоей плети.
Пригнись. Иль не слышишь, — вон Некто идет,
Который не числит даров и не мерит,
Он грех умерщвляет и горе берет,
Бескрылых кидает в надзвездный полет,
Рождается снова в пастушьей пещере.
Не надо усилий. Сама Благодать
Окамененное сердце растопит.
Я даже не смею его призывать,
Но сам Он призывами душу торопит.

[Кузьмина-Караваева 2001: 118]

Лирическая героиня стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой внутренне расщеплена — ее душа стала пленницей плоти: «Каждая мышца свинцом налита...». «Утяжеляет» шаг героини трехсложный размер — дактиль, используемый в первых двух строках, придающий фразе монотонность, плавное, молитвенное звучание. Гра-

дация усиливает смысловое и эмоциональное значение определений «ничтожная, нищая». Аллюзии на евангельские сюжеты о бичевании Христа, об истрепанной на его спине плети, о воскресении Иисуса Христа придают страданиям героини высокий, библейский характер.

Вторая строфа содержит презрительное обращение лирического субъекта к собственной душе — «ничтожной, нищей»; третья строфа исполнена проклятий и гнева в адрес души. Таким образом, первая половина стихотворения звучит как покаяние, самобичевание. Финал же выражает веру в благой суд Духа над душой: несмотря ни на что, ей будут дарованы крылья для надзвездной выси. Чудо здесь не милостивый ответ на просьбу об исцелении, а чудо безграничной любви, награда без просьбы и не по заслугам.

В отличие от канонических текстов, в стихотворении матери Марии предельно усилен богоборческий мотив, мотив богооставленности, духовного томления лирического субъекта, обнаженной тоски по Богу, вопля души, измученной тоской по России, что вносит в стихотворение трагическое начало, предчувствие трагического конца: *Я даже не смею Его призывать, / Но Сам Он призываети душу торопит.*

Прошедшая в молодости через культуру ренессанса начала века, через акмеизм и дружбу с Блоком, Е. Ю. Кузьмина-Караваева отражает в стихотворении трагическое мироощущение рубежа веков: земная жизнь «в язвах, в пьянстве, в нищете, в заботе», «только гной и струнья». Катастрофичность мира приобретает вселенский масштаб: «...тысячи людских тщедушных тел...», «...не запомнишь списка всех имен, / Всех, лишенных радости и рая». Богоборчество «мятежной монахини» достигает предела в вызове, в условии, которое ставит она перед Господом: «...или пошли мне ангельские рати, / Или двери сердца затворю»... Это протест, но протест «от любви и горя». Так рождается в стихотворении еще один мотив — мотив жертвенности: «Убери меня с Твоей земли...», но взамен не лишай всех «радости и рая». Такая любовь к ближнему — истинная любовь. Она «есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо... Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою» [Русская идея: 254], — писал великий русский философ И. А. Ильин в статье «О русской идее» в 1951 г.

В стихотворениях матери Марии 30-х гг. молитвенное высокое звучание часто окрашивает события личной жизни и глубоко интимно: *Принимаю Твоей же силой / И кричу через силу: «Осанна!» / Есть бесквестная в мире могила, / Над могилою надпись: Гаяна. / Под землей моя милая дочь / Над землей осиянная ночь / Тяжелы Твои светлые длани, / Твою правду с трудом принимаю. / Крылья дай отошедшей Гая-*

не, / Чтоб лететь ей к небесному раю. / Мне же дай мое сердце смирять, / Чтоб тебя и весь мир твой принять [Кузьмина-Караваева 2001: 148].

Образы могилы, земли, ночи, появляющиеся во второй строфе стихотворения, сопряжены с мотивами смерти, тоски и материнского страдания, вызванного смертью старшей дочери. Однако, несмотря на безмерную горе, героиня готова принять Бога, и этот порыв — явный, страстный: «Принимаю... / И кричу через силу: «Осанна!» Таким образом, монашество понимается как победа над смертью, возвращение детей к Небесному Отцу. Материнское сердце монахини готово принять на себя беды и страдания всех соотечественников: *Ты дал мне право, — говорю, как мать, / И на себя приемлю их соблазны* [Кузьмина-Караваева 2001: 125]; *И только одного мне жаль, — / Что сердце мира не вмещает* [Кузьмина-Караваева 2001: 179].

Ожидание суда Божьего воспринимается ею как «новый постриг»: *Еще до смерти будет суд, / Мой собственный и беспощадный, / Когда возьмут и унесут / Монашеский наряд нарядный. / С укором перечислят мне / Мои грехи святые сестры. / И суд велит гореть в огне* [Кузьмина-Караваева 2001: 220].

Таким образом, лирическая героиня стихотворений Е. Ю. Кузьминой-Караваевой 30-40-х гг. проходит трудный путь постижения Бога. От чистого богомыслия, сопровождавшегося поэтическим творчеством, пронизанным мечтой, воображением, предвосхищением встречи с Богом, героиня приходит к интеллектуальному богословию. Достигнув некоторого накопления религиозного познания через общение с такими религиозными философами и мыслителями, как о. Сергей Булгаков, Н. Бердяев, К. Мочульский, Е. Ю. Кузьмина-Караваева увлекается расщепленно-философским созерцанием. Дальнейший путь богоискания приводит ее к постригу, после которого творчество матери Марии по настоящему идет по духовному руслу. Лирическая героиня начинает чувствовать умиление, ликование и сладостное чувство любви к Богу.

Стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, написанные после принятия ею монашества в 30-е гг., при сохранении стилистической окраски псалмов и молитвы (высокий пафос достигается употреблением канонических оборотов-формул, восходящей градацией эпитетов, синтаксическим параллелизмом и анафорами, старославянизмами и библеизмами; инверсии, аллитерации и ассонансы придают текстам напевное, молитвенное звучание) являются самостоятельными произведениями. Мать Мария не подражает образцам, потому что ощущает канон «изнутри», как естественный способ самовыражения. Она продолжает древнюю традицию, насыщая жанр обостренной эмоциональностью человека, живущего в катастрофический XX в. Стихотворения этого

периода можно назвать подлинным восхождением к духовному подвигу человека, знающего, что истинная цель жизни — путь к Богу.

Традиция жанровой формы псалма, молитвы помогает лирической героине найти силы для перенесения жизненных невзгод, позволяет оценить конкретно-исторические обстоятельства с обобщенно-философских позиций.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьмина-Караваева Е. Ю. Жатва духа. Религиозно-философские сочинения. — СПб., 2004.

Кузьмина-Караваева Е. Ю. Равнина русская. Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. — СПб., 2001.

Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. — М., 2004.

Ложкова Т. А. Система жанров в лирике декабристов. — Екатеринбург, 2004.

Толкование Библии, или комментарий на все книги святого писания. — Стокгольм, 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

Н. А. Пирогов

Екатеринбург, Россия

N. A. Pirogov

Ekaterinburg, Russia

**СТАТУС НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ
И ИХ ФУНКЦИИ В ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Общеизвестно, что литературный язык, разговорная речь и диалекты являются формами существования общенародного языка. Структурные различия между ними проявляются на всех уровнях — на фонологическом, лексическом и грамматическом. Если в функциональном плане посредством национального литературного языка можно выразить все знания, во всех функциональных стилях и во всех речевых сферах — общегосударственной, региональной, местной, семейно-бытовой, производственной и ритуальной, — то диалект не используется в сфере общегосударственного общения, и в диалекте выделяются три функционально-стилевые разновидности: разговорно-бытовую речь, элементы публичной речи и язык диалектной художественной литературы.

Ключевые слова: литературный язык; разговорная речь; диалект; языковая норма; синтаксические особенности; функциональный стиль.

Сведения об авторе: Пирогов Николай Александрович, кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: tulpe@planet-a.ru.

**STATUS OF LOW GERMAN DIALECTS
AND THEIR FUNCTIONS IN THE SOCIETY**

Abstract. It is widely known that literary language, spoken language and dialects are the forms of existence of a national language. Structural differences reveal at all their levels – on phonological, lexical and grammatical. From the point of view of their functions the national literary language can express all the knowledge in all functional styles in all spheres – state, regional, local, domestic and family, production and ritual. Dialect is not used in the sphere of state public communication, there are three functional stylistic levels in a dialect: spoken colloquial, elements of public speech and the language of dialect fiction.

Key words: literary language; colloquial speech; dialect; language norm; syntactic peculiarities; functional style.

About the author: Pirogov Nikolay Alexandrovich, Candidate of Philology, Professor of the Chair of German Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, pr. Kосмонавтов, d. 26.

Язык как социальное явление постоянно развивается под воздействием как экстралингвистических, так и чисто лингвистических факторов. Такие экстралингвистические факторы, как развитие культуры в самом широком смысле слова и международное сотрудничество, находят непосредственное отражение в словарном составе языка. А такой лингвистический фактор, как взаимодействие форм существования языка (литературного языка, разговорной речи и диалектов) отражается прежде всего на синтаксическом, а также на словообразовательном, морфологическом и фонетическом уровнях.

В последнее время вопросы формирования, развития и кодификации литературной нормы привлекают внимание все большего числа лингвистов, так как научные исследования в этой области важны не только для отслеживания тенденций развития языка: их результаты имеют также большое практическое значение в процессе обучения культуре речи родного и иностранного языка.

В работах по культуре речи основное внимание уделяется правильности речи, которая всегда связывается с нормой литературного языка, т. е. «речь правильна, если она не нарушает языковой нормы, речь неправильна, если она эту норму нарушает» [Головин 1988: 15].

Большинство авторов, занимающихся исследованиями нормы литературного языка, понимают норму как совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой. В этом случае речь идет о кодификации литературной нормы. Кодификация чрезвычайно важна, потому что, имея императивный характер, она обеспечивает большую устойчивость нормы национального литературного языка.

При исследовании и системном описании всех уровней языка неизбежно приходится различать ряд структурно-языковых норм, а именно: произносительные, словообразовательные, морфологические, лексические и синтаксические нормы [Головин 1988: 48—49].

Таким образом, основное внимание ученых уделяется норме литературного языка; но значит ли это, что в диалектах и разговорной речи нормы не существует? Среди лингвистов существуют разные точки зрения на этот вопрос. Некоторые авторы придерживаются мнения, что норма присуща лишь литературному языку: «Не следовало бы из-за расшатывания понятия нормы приписывать ее разговорному языку народности, диалектам территориальным или, тем более, племенным. Там, где нет письмен-

ной фиксации и литературного авторитета, нет и нормы» [Березин, Головин 1979: 54]. Мы не можем согласиться с этим утверждением по одной простой причине: если бы не существовала норма, нечего было бы и фиксировать (кодифицировать). Лингвисты, занимающиеся исследованиями в области разговорной речи, считают, что разговорной речи норма присуща, указывая на некоторые ее особенности: «Нормы разговорной речи отличаются высокой вариативностью. Наряду с собственными языковыми нормами разговорная речь зависит от речевого этикета и специфических для нее поведенческих норм» [Земская 1981: 70].

Если норма присуща диалектам и разговорной речи, то как она формируется и развивается, как взаимодействует с нормами литературного немецкого языка?

Общеизвестно, что литературный язык, разговорная речь и диалекты являются формами существования общенационального языка. Обычно они противопоставляются друг другу в структурном и функциональном планах. Структурные различия между этими формами существования языка проявляются на всех уровнях — на фонологическом, лексическом и грамматическом. В функциональном плане использование этих систем языка также различно. Если посредством национального литературного языка можно выразить все значения, во всех функциональных стилях и во всех речевых сферах — общегосударственной, региональной, местной, семейно-бытовой, производственной и ритуальной [см. Швейцер, Никольский 1978: 91], то диалект не используется в сфере общегосударственного общения, и внутри диалекта можно выделить три функционально-стилевые разновидности: разговорно-бытовую речь, элементы публичной речи и язык диалектной художественной литературы.

Так присуща ли норма диалекту? Если исходить из наиболее общего понятия нормы как совокупности наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, то следует признать, что в каждом диалекте нормированы все языковые уровни: фонетический, лексический и грамматический, — в противном случае невозможным было бы достижение взаимопонимания между носителями одного и того же диалекта. Носители диалекта четко различают, «что правильно, что неправильно» [Deutsche Sprache 1969, I: 313], т. е. и диалекту присуща норма. Как же она формируется? Чем она отличается от нормы литературного языка? Прежде всего следует отметить, что в процессе коммуникации происходит стихийная регламентация употребления элементов всех уровней языка, что ведет, в конечном счете, к формированию «реальной нормы» (узуса) диалекта [Семенюк 1996: 32]. В отличие от литературной, норма диалекта не кодифицирована, ведь под кодификацией обычно понимается сознательная письменная и

устная фиксация целенаправленно отобранных языковых элементов и правил, закрепленных в словарях и грамматиках и воспринимаемых как обязательные для всех носителей национального литературного языка [Мионов 1996: 49; Чернышев 1996: 80; Головин 1988: 46].

Если речь идет о норме национального литературного языка, то она кодифицируется в целях придания ей единства, устойчивости, обязательного характера использования всеми членами общества независимо от их территории, проживания и рода деятельности [см. Березин 1979: 56].

Присуща ли норма разговорной речи? Что бы ответить на этот вопрос, нужно сначала определиться с ее статусом. Разговорная речь в нашем понимании — одна из форм существования языка, занимающая промежуточное положение между национальным литературным языком и диалектами, которая является неоднородной и имеет региональную окрашенность, существует преимущественно в устной форме, обслуживает региональную, местную, производственную и семейно-бытовую сферы общения. Все, что было сказано выше относительно нормы в диалектах, справедливо и для разговорной речи. Разница лишь в том, что по сравнению с диалектом нормы разговорной речи имеют больше общих черт с нормами литературного языка, не совпадая с последними полностью. С другой стороны, в устной разговорной речи образованного человека, даже очень близкой к идеальной литературной норме, обязательно чувствуется влияние его родного диалекта на фонетическом, лексическом и грамматическом уровне.

Применительно к немецким диалектам, разговорной речи и литературном немецком языке можно выдвинуть предположение, что на синтаксическом уровне они имеют ряд общих черт, попытаться установить их. Что же объединяет в этом плане все три формы существования языка? Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что **универсальная грамматическая норма обладает следующими характеристиками:**

– для немецкого предложения характерны двусоставность, глагольность и номинативность;

– во всех трех формах существования языка наличествуют одни и те же основные типы сложных предложений: сложноподчиненные, сложносочиненные, бессоюзные сложные предложения и периоды, а в сложноподчиненных имеются все виды придаточных предложений;

– характерными средствами структурной организации группы существительного, простого и сложного предложения являются специфический порядок слов и рамочная конструкция.

По сравнению с письменным литературным языком устная речь обладает целым рядом особенностей, которые обусловлены ситуативностью и неподготовленностью речи. Анализ

значительного корпуса предложений (10 000) позволил установить, что **синтаксическими характеристиками предложения как в устной разговорной речи, так и в нижненемецких диалектах являются следующие:**

– в диалогической речи средний объем простого предложения почти в два раза меньше, чем в монологической речи (5-10 слов), а средний объем сложного предложения меньше соответственно на 40 % (14-20 слов);

– в диалоге преобладают простые предложения: они составляют около 70 %, а сложные предложения — лишь 30 %;

– в сфере сложного предложения в диалоге чаще всего употребляются сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, временными и условными (50 %), а также бессоюзные сложные предложения (33 %); реже встречаются сложносочиненные союзные предложения (10 %) и периоды (7 %), в то время как в письменной монологической речи частотность сложноподчиненных предложений составляет 40 %, бессоюзных сложных предложений 20 %, сложносочиненных союзных предложений 20 %, периодов — 20 %;

– в нижненемецких диалектах порядок слов выполняет те же синтаксические функции, что и в литературном немецком языке, однако для синтаксиса устной разговорной речи и диалектов типичными являются так называемые отклонения от нормированного порядка слов, обусловленные эмоциональностью и стремлением ставить на первое место в предложении самое важное в смысловом плане слово, в частности:

1) в повествовательном предложении личная форма глагола или инфинитив часто употребляется в начале предложения:

- *Verstaht se ok nix vun! Snacken will ik mit ehm!*

2) так называемые подтверждающие вопросы имеют порядок слов обычного повествовательного предложения и служат для выражения:

- сомнения (*Se wahnt hier bi di?*),

- предупреждения (*Betty, du büst doch woll nich nadreegsch?*),

- уточнения (*Ut Tetenhusen büst du?*);

3) в разговорной речи и диалектах встречается большое количество предложений, построенных по **принципу избыточности** и являющимися по своей структуре анафорами различного рода: пролепса, добавление и повторение слова. Анафоры употребляются для привнесения в предложение дополнительной информации или для эмфатического выделения слова, важного для говорящего.

В случае **пролепсы** речь идет о повторении подлежащего, дополнения, обстоятельства посредством местоимения или местоименного наречия:

— *De Straat, de geiht ja schier bet in de Wolken.*

— *Düssen Naam, den harr ool Peter Kruus opbröcht.*

— *Aber na Kark, dar wull se mit Peer un Wagen hen.*

Добавление — это противоположность пролепсы, т. е. местоимение или наречие в функции подлежащего, дополнения, обстоятельства повторяется в конце предложения и заменяется при этом соответствующими существительными или группой существительного:

— *He weer doch en ganzen Frechen, mien Willem.*

— *Wi könt se gar nich missen, uns Brüch.*

— *Dar liggt veel in, in dat dore Woort.*

Следующей разновидностью анафоры является **повторение одного и того же слова или словосочетания:**

— *Un du, du hest dartwüschchen brüllt!*

— *Aber bi mi, Schorsch, bi mi is dat anners.*

Все эти разновидности анафор характерны для устной разговорной речи и диалектов, употребляются в диалогической речи и могут рассматриваться как разговорные и диалектные варианты нормы.

Особое место в разговорной речи и диалектах занимает конструкция **“apo coinu”:**

— *Du büst en Prachtdeern büst du.*

— *Dat is Tüünkraam is dat.*

Эта конструкция с совмещенной ремой высказывания не может считаться нормой, потому что она появляется в речи очень редко, только в моменты наивысшего аффекта. Кроме того, сами носители языка считают эту конструкцию ошибочной.

Значительное количество предложений в разговорной речи и диалектах строится не только по принципу избыточности, но и по **принципу экономии языковых средств**. Это неполные предложения. Как известно, большинство немецких предложений характеризуется двусоставностью, глагольностью и номинативностью. Это подтверждают и исследования синтаксиса нижненемецких диалектов. В монологической речи простые полносоставные предложения составляют 96 %, а в диалогической — 76 %. Однако эти данные также свидетельствуют о том, что примерно четверть всех простых предложений не содержит глагольного сказуемого. Безглагольные предложения употребляются в диалоге в шесть раз чаще, чем в монологе. Анализ показал и то, что бессубъектные предложения составляют в монологе 6 %, а в диалоге — целых 30 %. А это значит, что в устной диалогической речи такие неполносоставные предложения очень употребительны и образуют самостоятельные модели, которые могут быть отнесены к синтаксической норме устной диалогической ситуативной речи. Они придают речи динамику, лаконизм, а отсутствующие члены предложения восполняются из контекстов вопросно-ответных единств:

— *Kümmst morgen? — Nee, morgen ok nich!*

— *Kannst mi helpen? — Nix lichter as dat!*

Для разговорной речи и диалектов характерно употребление большого количества идиоматических синтаксических конструкций. От свободных синтаксических конструкций они отличаются фиксированным порядком слов, идиоматичностью и служат для выражения различных модальных значений и чувств:

- *Un ob!* (согласие, подтверждение)
- *Ach wat!* (отрицание)
- *Ik un upschrieven?* (отрицание)
- *As wenn jem de Kraasch utgahn is!* (отрицание)
- *Dat du allens noch so weetst!* (восхищение)
- *Wat du nich seggst!* (удивление)

Эти конструкции также относятся к синтаксической норме разговорной речи и диалектов.

При анализе глагольных групп нельзя не заметить, что в разговорной речи и в диалектах часто употребляется аналитическая грамматикализованная форма сказуемого, состоящая из причастия II полнозначного глагола и вспомогательного глагола *doon* (= *tun*):

- *Seggen deed he nix.*

Широкое распространение в разговорной речи и в диалектах получила аналитическая форма сказуемого, состоящая из инфинитива полнозначного глагола и вспомогательного глагола *kreegen* (*bekommen*). Эта конструкция имеет пассивное значение и зачастую используется вместо пассивной конструкции:

- *Nu kriggt he dat wedder trüchbetahlt!*
- *De Rosen, de heff ik schenkt kregen.*

Часто употребляется составное сказуемое, состоящее из модального глагола и группы существительного или наречия, указывающих направление движения, при этом элиминируется глагол движения:

- *Trina, du musst to Bett!*

Очень часто в предложениях опускается прямое дополнение:

- *Weet ik nich!*
- *Maak ik, Herr Lorenzen!*

Вышеперечисленные синтаксические особенности письменному литературному языку чужды и рассматриваются как отклонения от нормы. Для устной разговорной речи и диалектов эти конструкции можно считать нормой в силу их высокой частотности.

Какие же особенности свойственны лишь синтаксису нижненемецких диалектов и являются их нормой?

1. По сравнению с литературным немецким языком, в нижненемецких диалектах намного меньше сочинительных и подчинительных союзов. Самыми употребительными подчинительными союзами являются *wenn* — 39%, *dat* — 30%, *as* — 16%. Это объясняется тем, что данные союзы более многозначны, чем соответствующие союзы в литературном языке, и могут выражать самые различные логические отно-

шения между компонентами сложноподчиненного предложения.

Сочинительных союзов в диалектах также значительно меньше: *un* — 70%, *aber, man* — 21 %, *denn* — 6 %, *anners* — 1,5 %, *oder* — 1,5 %.

2. В нижненемецких диалектах для выражения синтаксических отношений чаще всего используются сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения вместо принятых в литературном немецком сложноподчиненных предложений и инфинитивных групп:

- *Ehr Söhn woer losschickt, he schull dat Paket na 'n Dokter bringen.*
- *De Koort, de laat ick hier, de kannst di achter 'n Speegel steeken.*

3. В нижненемецких диалектах нет формы конъюнктива, и для выражения ирреальности используются претеритальные формы индикатива, в частности для выражения ирреальности в настоящем и будущем времени — претерит индикатива, а для выражения ирреальности в прошедшем времени — плюсквамперфект индикатива:

- *Wenn de golln weeren, denn kunn ick dor jo Lichten opsteeken.*
- *Wenn wi se hatt harrn, denn harrn wi se mit upeten.*

4. В диалектах атрибутивные придаточные предложения, выступающие в функции определения к существительным, обозначающим одушевленные предметы, вводятся относительными местоимениями и местоименными наречиями типа *wat, wobi*, что совершенно недопустимо с точки зрения нормы литературного немецкого языка, причем местоименные наречия типа *darut, woför* разделяются и образуют рамку:

- *Dar snackt he nich öber.*
- *Ümmer weer dat 'n Kuckuck, wo Henn de Arbeit öber vergeet.*

6. В нижненемецких диалектах отсутствует родительный падеж, поэтому possessивность выражается специфическими конструкциями:

- *Dat Gesicht vun den Jungen weer rot.*
- *Wi kaamt na den Kröger sien Huus.*

Перечисленные синтаксические особенности характерны лишь для нижненемецких диалектов и являются нормой диалектного синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1979.
- Головин Б. Н. Основы культуры речи. — М.: Высшая школа, 1988.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. — М.: Высшая школа, 1981.
- Миронов С. А. Формирование литературных норм современного африкаанс и нидерландского языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. — М.: Высшая школа, 1996.

Семенюк Н. Н. Введение // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. — М.: Высшая школа, 1996.

Чернышев С. А. Языковая политика и языковое нормирование. Типология нормализационных процессов применительно к лексической сфере хинди // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. — М.: Высшая школа, 1996.

Швейцер А. Д. Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. — М.: Высшая школа, 1996.

Die deutsche Sprache. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969. Bd. I.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

Р. Ю. Порозов

Екатеринбург, Россия

R. Y. Porozov

Ekaterinburg, Russia

ВИЗУАЛЬНОЕ КАК ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

VISUAL AS THE DOMINANT OF MODERN CULTURE

Аннотация. Рассматривается феномен визуального как основной стратегии культуры XXI в. Дается дефиниция понятию «визуальный образ»; объясняется причина доминирования визуальных образов в современном социокультурном пространстве.

Abstract. The article deals with the phenomenon of *visuality* as the basic XXI century culture strategy. The main features of present-day visual images are presented and their dominance is explained.

Ключевые слова: визуальность; визуальный образ; культура; социокультурный; визуализация.

Key words: *visuality; visual image; culture; social-cultural; visualization.*

Сведения об авторе: Порозов Роман Юрьевич, кандидат культурологи, доцент кафедры культурологии.

About the author: Porozov Roman Yurievich, Candidate of *Culturology*, Assistant Professor of the Chair of *Culturology*.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: mashrom@yandex.ru.

Теорию или историю культуры можно охарактеризовать как совокупность сменяющих друг друга периодов, в рамках которых разрабатывается один ключевой концепт или ведущее свойство, приписываемое реальности. В современной гуманитарной науке очевиден интерес к визуальной составляющей культуры. Понимание «визуального» в рамках гуманитарной парадигмы несколько отличается от естественнонаучной (например, в психологии). Психология обращает внимание на механическое регистрирование элементов в пространстве и предлагает универсальные схемы зрительного восприятия действительности. Социокультурный подход исходит из предположения, что «любое восприятие есть также и мышление, любое рассуждение есть в то же время интуиция, любое наблюдение — также и творчество» [Арнхейм 1974: 21]. Здесь возникает резонный вопрос: разве раньше, скажем, в XIX или XVIII в., человек не видел окружающий мир? Более того, соматически и анатомически человек XXI в. ничем не отличается от своих предшественников из прошлых веков. На сетчатке глаза современного человека по-прежнему находится порядка 100 миллионов нервных клеток, позволяющих выполнять 10 млрд операций в секунду.

Современная культура не зависит от количества или качества «картинок». Скорее на нее влияет тенденция изображать или визуализировать «всех и вся» — даже то, что в предыдущие эпохи невозможно было визуально представить (например, визуализировать результаты исследования, политические и экономические процессы, гендер, социальный статус, идентификацию, маргинальность и др.). Наравне с коммуникабельностью одной из главных

компетенций современного специалиста является «умение доносить информацию руководству компании». Данная компетенция реализуется благодаря использованию визуальных компьютерных приложений. Неспособность ими воспользоваться, к сожалению, будет восприниматься как анахронизм. Графики, схемы, презентации — вот «орудия» современного менеджера. Одних слов уже не достаточно.

Итак, визуализация мыслительных процессов — это базовая стратегия культуры XXI в. Современные отечественные и зарубежные исследования под визуализацией понимают способность вызывать зрительные образы. Примечательно, что в западных (европейских и американских) исследованиях в области визуальной культуры часто встречается тезис «Seeing is believing». Наиболее близкая интерпретация — «Пока не увижу, не поверю» или «Вижу — значит верю». Интересно, что данный тезис вступает в концептуальный конфликт с европейской рациональностью Нового времени, выражаемой девизом «Cogito, ergo sum» (пер. с лат.: «Мыслю, следовательно, существую»).

Акцентирование внимания на «визуальности» культуры, как нам кажется, является логическим продолжением сложившейся в российской гуманитарной науке семиотической традиции. Главной заслугой семиотического подхода является понимание текста как экстралингвистического явления. Семиотические исследования показали, что культура может прочитываться аналогично тексту лингвистическому, т. е. явлению языковому. Подобная трактовка позволяет представить в виде культурного текста «мир вещей» и «мир идей», не сводимые только к языку и речи. Визуальный феномен также

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.1117

© Порозов Р. Ю., 2011

рассматривается как частный случай культурного текста. В результате процесса *прочтения* возникает рефлексия — визуальный образ. Под визуальным образом мы понимаем не только непосредственное наблюдение факта реальности (инструментально либо «в чистом виде»), но также отражение данного факта в ментальности человека или коллектива. Т. е. визуальный образ — это результат деятельности нормативного и ценностного аппарата человека или коллектива, «видение», пропущенное сквозь культуру. Так почему же в современной культуре доминируют визуальные образы?

Визуальные образы обладают большей сенситивностью, чем устное или письменное слово. Последнее предполагает двойную (а возможно, тройную) работу сознания: концентрацию, «прочтение», осмысление/интерпретацию. В то же время визуальные образы в современном городском пространстве напрямую воздействуют на психику человека. Можно даже говорить о так называемом информационном перевороте в европейской и российской культуре и рациональности. Классическая европейская и российская культуры были во многом литературоцентричными, что характеризовалось чутким отношением к письменному и устному слову. В XIX в. «слово» представлялось как высшая форма интеллектуальной активности. Основными атрибутами образованного человека были владение письменным (предполагающее способность написать теоретическую работу) и устным (предполагающее возможность аргументировано защитить свою позицию) словом. Вспомним, что абсолютное большинство представителей русской интеллигенции XIX в. были людьми пишущими и читающими. В результате «визуального переворота» совершенно меняется качество и свойство культурной памяти — чувства личной и коллективной сопричастности к фактам и событиям прошлого. Культурная память, в основе которой лежит исключительно визуальный образ, обречена на недолговечность либо «свернется» до состояния культурного палимпсеста — постоянного переписывания прошлого, что неизбежно приводит к состоянию перманентного конфликта. Великие цивилизации и культуры (интуитивно или осознанно) пришли к диверсификации каналов и средств трансляции культурной памяти в аудио-, видео-, лингвоканалы.

Визуальные образы имеют «парадоксальную» коммуникативную природу: они могут выступать в качестве документа и факта. Документ (от лат. *documentum* — «образец, свидетельство, доказательство») является материальной фиксацией информации, которой удобно в дальнейшем манипулировать в пространстве и времени. Факт (от лат. *factum* — «свершившееся») — это «непосредственное знание», «против чего рассудок, согласно собственному основоположению непосредственного знания, не может ничего возразить» [Гегель 1975: 195].

Особая природа визуальных образов порождает острую проблему их критического и рационального осмысления. Современному горожанину трудно объективировать реальность при помощи визуальных образов. Проблема первичности и вторичности происходящего в городском пространстве не может быть однозначно разрешена.

Визуальные образы в современном городском пространстве стараются элиминировать факторы социальной привязки. Грубо говоря, они подходят всем вне зависимости от пола, возраста, финансового состояния, профессиональной активности. Несомненно, можно говорить о визуальном образе как факторе сегрегации (разделения и обособления), однако подобное происходит на мезоуровне городского пространства (т. е. субкультуры и контркультуры) и микроуровне (т. е. уровне индивидуальных и частных социальных взаимодействий). В прагматическом отношении наиболее успешными являются те визуальные образы, которые конвенционально принимаются большинством. Маркетологи и специалисты PR активно используют визуальные образы, транслирующие смыслы «успеха», «социальности», «модности». Вспомним классическую схему «жизненного цикла» рекламного продукта — AIDS (Attention — «внимание», Interest — «интерес», Desire — «желание», Sale — «продажа»). Рекламный визуальный образ будет долго «жить», если вызовет больше внимания, интереса, желания и продаж у широких социальных слоев. Следует отметить, что термин «aids» (англ. «вспомогательное средство», «помощь») тоже многим «визуально подходит».

Визуальные образы компенсируют ущербность мира за счет создания альтернативной реальности. Не следует абсолютизировать тезис, что альтернативная реальность — это атрибут только современной культуры. Сходные представления можно найти в античной, средневековой и романтической картине мира. Однако сегодняшнее представление об альтернативной реальности отличается от имевшихся ранее. Античная традиция делила пространство на «мир людей» и «мир богов». Если феномен не был делом «рук человеческих», тогда он воспринимался результатом «замысла богов». Средневековая схоластика или спиритуализм, имеющие различные методологические установки, так же четко осознавали причинность явления («всё — от Бога»). Визуальные образы, создающие альтернативную реальность в современном городском пространстве, предельно автономны и априорны. Горожанин не может и не желает определять «авторство» альтернативной реальности и свое отношение к ней: это противоречит онтологическому принципу «здесь-и-сейчас» как важнейшей составляющей данной реальности. Современная альтернативная реальность — это «бегство от мышления» (термин М. Хайдеггера), в то время

как классическая — попытка «схватить мыслью мир». Возможно, поэтому отдельные российские ученые, особенно представители «старой школы», считают, что XXI в. не будет веком академической и фундаментальной науки.

В свете вышесказанного может сложиться впечатление, что мы рассматриваем визуальность современной культуры как признак деградации и перехода ее в последнюю фазу развития — цивилизацию (в понимании О. Шпенглера). Действительно, в некоторых исследованиях встречается резкое неприятие и негативное отношение к данному свойству современной культуры. Основным пафос подобных исследований можно свести к английской поговорке «Easy come, easy go» (легко пришло, легко ушло), т. е. визуальный образ — это нечто

сиюминутное, конъюнктурное. Тем не менее мы считаем, что визуальные образы — это «лакмусовая бумажка» современной культуры. К ним правомочно обращаться для интерпретации социокультурных процессов. Используя терминологию Канта, можно сказать, что категория визуальности в гуманитарной науке совмещает два способа критического осмысления реальности — чувственный и интеллектуальный [Кант 1994: 30].

ЛИТЕРАТУРА

Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: Прогресс, 1974.

Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. — М.: Мысль, 1975.

Кант И. Сочинения: в 8 т. — М.: Чоро, 1994. Т. 3.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

Л. В. Романова

Екатеринбург, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА В ДЕТСКОЙ МУЗЫКЕ
КОНЦА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Рассматривается воплощение аксиологем национальной доктрины конца советской эпохи — многонациональности культуры, народности, интернационализма — в детских фортепианных альбомах. Обнаруживается кризис советской идентификации и культурная неподлинность указанных аксиологем.

Ключевые слова: детский фортепианный альбом; советская эпоха; аксиологема; культура; образование; многонациональность культуры; народность; интернационализм; идентификация.

Сведения об авторе: Романова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории музыки и музыкальных инструментов, Институт музыкального и художественного образования.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 39, а/я 589.
e-mail: lavrom_@el.ru.

L. V. Romanova

Ekaterinburg, Russia

NATIONAL SPHERE IN MUSIC FOR CHILDREN
AT THE END OF SOVIET EPOCH

Abstract. The article considers embodiment of axiologemes of national doctrine at the end of soviet epoch — multinationality of culture, nationality, internationalism — in children albums for piano. The author reveals a crisis of soviet identity and cultural unreality of these axiologemes.

Key words: children album for piano; soviet epoch; axiologeme; culture; education; multinationality of culture; nationality; internationalism; identity.

About the author: Romanova Larisa Vladimirovna, Candidate of Pedagogic Sciences, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Music and Musical Instruments, Institute of Music and Art Education.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Национальное измерение современной цивилизации отличается разнонаправленными тенденциями развития, одновременным действием глобализации и диверсификации, кризисом политики мультикультурности. Остро проявляются эти тенденции и в России, еще не так давно входившей в многонациональный СССР. Его стремительный распад и последствия «парада суверенитетов» для внутренней жизни РФ побуждают к анализу причин современных национальных конфликтов, проблематизирующих будущее российского мира. Поэтому закономерны исследования различных аспектов отражения национальной сферы в культуре и образовании, ответственных за ценностные ориентации сограждан.

Ценностная картина мира, будучи ядром культуры, определяет смысловые доминанты общественной ментальности и является предметом целенаправленной межпоколенной трансляции через образовательные институты, при которой широко используется искусство, в том числе музыкальное. Известно, что в советскую эпоху образовательный процесс строго регламентировался государственной социокультурной политикой, чьи идеологемы закреплялись в общественном сознании как социальные ценности, как аксиологемы. Они составляли мировоззренческий каркас советского человека, воздействовали на его мироощущение, деятельность и художественную рецепцию. *Задачей* настоящей статьи является обнаружение в детском фортепианном педагогическом репертуаре конца советской эпохи *основных ценностей национальной доктрины*, которые следовало

утвердить в сознании подрастающего поколения для обеспечения преемственности социалистического мировоззрения. Данную задачу мы решаем на материале *детских фортепианных альбомов* (далее — ДФА), сопряженном с *системными социокультурными детерминантами*, представляющими культурную и образовательную политику и практику (контекст).

Жанр ДФА — один из ведущих в инструктивно-художественном тезаурусе фортепианной педагогики, поскольку его адресатами выступают учащиеся ДМШ/ДШИ всех возрастных уровней, а его структурно-семантическая единица — программная пьеса — входит в репертуарную матрицу исполнительской подготовки как музыканта-профессионала, так и любителя [см. Романова 2006]. Особенно востребован ДФА в младших и средних классах, пока учащимся необходимы адаптированные тексты, совмещающие музыкально-педагогические и художественные задачи. Поэтому объем существующих ДФА огромен даже в пространстве только отечественной музыки XX в.

Наиболее интенсивное развитие жанра ДФА пришлось на послевоенные годы [Томпакова 1966], что было связано с подъемом советской системы общего (предпрофессионального) музыкального образования и со стабильной подготовкой композиторских кадров в консерваториях. Эти факторы обусловили количественный рост как адресата, потребителя жанра ДФА, так и его адресанта, производителя. Поэтому совсем не случайно предпринятое в 1979 г. издательством «Советский композитор»

формирование целой серии, специализированной на данном жанре, под грифом «Библиотека юного пианиста». Серия насчитывала 14 выпусков и оборвалась в 1991 г., вместе с аннулированием СССР. Можно сказать, что она реализует государственный заказ последнего советского этапа на педрепертуар для детей — учащихся ДМШ/ДШИ в классах общего и специального фортепиано. В 14 выпусков серии вошли 79 ДФА канонических (собственно «альбом») и неканонических (иных) наименований, созданных 67 композиторами и насчитывающих около 670 пьес. Это делает данную серию репрезентативной для обобщений, которые вытекают из последовательного анализа на четырех уровнях (в дедуктивной логике): уровне *авторского корпуса всей серии*, уровне *авторского корпуса выпусков*, уровне *ДФА* и уровне *пьес ДФА*.

На самом обобщенном уровне — *авторского корпуса всей серии* — отчетливо проявляется первая ценностная установка: из 67 композиторов почти половина (33) представляет *союзные республики* (18 авторов, причем трое являются иммигрантами из Китая и Кореи) и *национальные автономии* в составе РСФСР (15 авторов). В этом очевидно стремление к реализации идеологии **многонациональности советской культуры**, которая внедрялась через художественные и образовательные институции, нацеленные на воспроизводство советской аксиосферы. В авторитарном государстве *социокультурные детерминанты* ее развития имели иерархическую механику.

Официальной художественной манифестацией этой идеологии были правительственные концерты, в обязательном порядке включавшие выступления деятелей искусства и творческих коллективов «братских республик». Эта модель варьировалась на всех «календарных» концертах, «Голубых огоньках» и пр. передачах Центрального телевидения как важнейшего массмедийного актора, не говоря уже о прямых трансляциях мероприятий по радио и ТВ. Тем самым указанная жанровая модель конвертировалась в художественно-эстетическую аксиологему, *системно* утверждавшуюся на всем советском пространстве. Съезды и концерты Союза композиторов СССР непременно демонстрировали достижения республиканских музыкальных культур, последние регулярно освещались в журнале «Советская музыка». Для высшего профессионального образования были созданы многотомный труд «История музыки народов СССР» (1970—1974 гг., при участии музыковедов всех союзных республик), «Музыкальная культура РСФСР» М. Е. Тараканова (1987 г.), для среднего специального — «Музыкальная литература народов СССР» С. Л. Гинзбурга, где в начале продекларирован тезис: «Многонациональна и советская культура» [Гинзбург 1979: 3]. В основном учебнике «Советская музыкальная литература» тоже освещались «музыка в братских республи-

ках» и «расцвет музыкальной культуры народов СССР» [Советская музыкальная литература: 18—19, 26—28, 45 и др.].

Еще большее внимание уделялось данной аксиологеме на предмете «Музыка» в общеобразовательной школе. Если в «Основах марксистско-ленинской эстетики» утверждалось: «Нет и не может быть непроходимых стен между национальными культурами разных народов» [Основы марксистско-ленинской эстетики: 348], — то в Программе по музыке тема второй четверти 3-го класса сформулирована как парафраза данного тезиса: «Между музыкой моего народа и музыкой других народов моей страны нет непроходимых границ» [Программа по музыке 1983]. Эта формулировка воспроизводилась и в других программах с соответствующей репрезентацией музыкального материала. Не остались в стороне и ДМШ/ДШИ, где на предмете «Музыкальная литература» в 4 классе учащихся знакомили с танцами народов СССР [Лагутин 1982: 30].

Следует отметить реальность культурной многонациональности в СССР: благодаря государственной поддержке издававшиеся литературные произведения, кинопрокат, тиражированные грамзаписи, театральная гастрольная система, профильные и массовые газеты и журналы создавали общесоюзную информационно-культурную среду. Этому способствовало распространение русского языка, включенного в послевоенные годы в государственный образовательный стандарт для национальных школ [Гранин 2011: 22]. Закономерна и политика госиздательства «Советский композитор», которое по определению было призвано популяризировать продукцию композиторов всех республик СССР и РСФСР.

Впрочем, на уровне авторов серии ДФА идея многонационального культурного единства сработала не полностью: из 15 республик СССР формально представлены только 10 (отсутствуют Молдавия, Азербайджан, прибалтийские республики), из 15 автономных республик РСФСР — только 8 (нет Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Якутской) и из 6 автономных областей — лишь Карачаево-Черкесская (Ставропольский край). При этом *de facto* из числа союзных республик следовало бы исключить Украину и Казахстан, поскольку от них представляли китайский и корейский композиторы (зарубежные иммигранты), а из АССР — Калмыкию, ведь ее представлял московский композитор и исследователь калмыцкой музыки М. Грачев. Композиторов союзных и автономных республик мы будем называть условно *инонациональными* (безотносительно к реальной этнической принадлежности), остальных так же условно — *русскими*, относя к ним преимущественно московских (более 25) и частично — областных композиторов (Ленинград, Свердловск, Горький, Чита, Пенза).

На втором уровне — *авторского корпуса выпусков* — воплощение аксиологемы многонациональности культуры проявляется в том, что произведения инациональных авторов занимают от 25 до 100 % содержания отдельных выпусков; при этом в ДФА некоторых русских авторов тоже в большей или меньшей степени присутствует инациональный элемент. Эта «культурно-национальная пропорциональность» имеет в серии определенную динамику, совпадающую с историческими вехами.

Временной период издания серии симметричен относительно «осевого» (используя термин К. Ясперса) 1985 г.: шесть лет до перестройки — перелом — шесть лет перестройки (1979 — 1985 — 1991). В первые шесть лет многонациональность обеспечивается как инациональными авторами, так и инациональными элементами у русских; в последнее десятилетие — практически только первым каналом, причем количество республиканских композиторов в среднем увеличивается примерно от 50 % на доперестроечном этапе до 60 % после него; именно тогда появляется выпуск, полностью посвященный инациональным композиторам (1988 г., вып.11). Возможны разные объяснения этих фактов: ослабление инационального влияния в творчестве русских авторов или активизация культурно-национальных интересов республик СССР и РСФСР в бурном перестроечном контексте — последнее более реально. Сама же ценностная установка и соответствующая издательская политика «Советского композитора» остаются неизменными.

Переходя к следующему, третьему уровню — *ДФА*, — отметим, что детский репертуар по традиции, заложенной в XIX в., отличается использованием широко известного в музыкальном искусстве вида «явной» программности, т. е. наличием *содержательных названий* альбомов в целом и пьес внутри них. Заглавия раскрывают намерения композитора и одновременно психологически мотивируют ученика; в свое время, ориентируясь на Р. Шумана, П. Чайковский собирался написать легкие пьесы «с заманчивыми для детей заглавиями» [Фарбштейн 1973: 133]. Это традиция сохраняется в подавляющем количестве альбомов: из 79 только 4 полностью непрограммны и еще два имеют особую — этническую — программность в виде обозначений истоков музыки. Программность способствует выявлению ценностных ориентиров композиторов, хотя бы в номинальном выражении.

ДФА, связанных по названию с аксиологемой многонациональной культуры, насчитывается 18 (около 20 %), выпускавшихся тоже симметрично: 8 — до 1985 года, 2 — в 1985 г. и 8 — до 1991 г. Однако этническая «пропорциональность» изменяется: из первых восьми ДФА четыре артикулируют русскую принадлежность — «Семь пьес в русском стиле» Т. Чудовой (вып. 3),

«Русская сюита» Е. Ботярова (вып. 4), «Картины русских сказок» В. Калистратова (вып. 6); в «Уральской тетради» М. Кесарева (вып. 4) при географическом типе названия используются русские мелодии Среднего Урала. Остальные четыре ДФА — это «Десять пьес на темы калмыцких народных песен» М. Грачёва (вып. 2), «Армянские народные мелодии» Э. Аристакесяна (вып. 5), «Сюита на башкирские народные мотивы» Р. Сальманова (вып. 5), «Чувашские зарисовки» Л. Новосёловой (вып. 7), т. е. этническая музыка представлена преимущественно российскими автономиями.

В вып. 7 «осевого», 1985 г. появляется уникальный опус Е. Яхниной «Детский альбом. Пятнадцать пьес на темы народов Союзных республик» — своего рода музыкальный манифест основного национально-федеративного состава СССР, его музыкальный венок-эмблема. С вып. 8 этнические характеристики расширяются: «Шесть пьес на темы карачаево-черкесских народных песен» и «Шесть пьес на тувинские народные темы» С. Крымского (вып. 9, 14), «Четыре пьесы на татарские народные темы» и «Двенадцать детских пьес на темы татарских народных песен» А. Луппова (вып. 9, 11), «Абхазские народные мелодии» А. Чичбы (вып. 9), «Двенадцать миниатюр на армянские народные темы» Э. Аристакесяна (вып. 12), «Семь пьес на корейские темы» Тен Чу (вып. 14). Своеобразным преемником ДФА Е. Яхниной можно считать «Двенадцать пьес на народные темы» Ю. Николаева (Горький, вып. 9), однако он посвящен музыке не только народов СССР, но и народов зарубежных стран. Особое место занимает альбом Г. Георгиева «Легенды Древней Греции» (вып. 7), отсылающий к эллинской культуре, но не ориентированный на музыкальную этнографию: в нем достаточно обобщенно воплощены черты балканской музыки.

Как видно, третий уровень анализа также отражает тенденцию активизации культурно-национальных интересов республик СССР и РСФСР и национально-репрезентативной политики издательства.

Вместе с тем на этом, более конкретном уровне обнаруживается и другая аксиологема, маркированная эпитетом «народные»: *народность*, исходя из ленинских принципов, входила в эстетику соцреализма и неуклонно пропагандировалась разными средствами социокультурной политики. Опираясь на чисто политическую идеологию *народовластия* как сущности советского строя, она пронизывала всю культурно-художественную систему. Так, в «Основах марксистско-ленинской эстетики» народность, правдивость и коммунистическая идейность квалифицировались как «ведущие принципы», общие «для всех социалистических художественных культур» [Основы марксистско-ленинской эстетики: 574], причем утверждалось «неразрывное единство... народности и партийности» [Там же: 604]. В более позднем

учебном пособии по эстетике фиксировалось, что «непреодолимая ценность художественных творений, их общечеловеческое значение находятся в прямой зависимости от их *народности*» [Кабалевский 1984: 611].

Существенно, что народность как основа реалистического метода была воспринята от русской эстетики XIX века, прежде всего из работ В. Белинского, и олицетворяла непрерывность отечественной культурно-художественной традиции. В музыке эталоном служила классика XIX в. с ее культом фольклора, как русского, так и инонационального. Об этом как о «глинчинской традиции», завещавшей «высокие идеалы идейности, народности и гуманизма», докладывал Д. Кабалевский на конференции ИСМЕ (Тунис, 1972 г. [Кабалевский 1984: 124]). Входящий в музыкально-эстетические идеи Б. Асафьева «всеобщий закон реалистического отражения — типизация социальной жизни» [Фарбштейн 1973: 127] подразумевал национально-народную первооснову, без которой невозможен и завоеванный музыкальным искусством «психологический реализм».

В профессиональной музыке советской эпохи народность в виде цитат и обработок фольклорного материала долгое время служила индикатором эстетически правильной ориентации автора, образцами которой выступали «песенная опера» и «песенный симфонизм» 1930-х гг. С середины 1950-х гг., после открытия «железного занавеса», в советской музыке возникает «неофольклорная волна», связанная с освоением творческих принципов работы с фольклором Б. Бартока, И. Стравинского, К. Орфа и др. музыкантов, стимулировавших искания советских композиторов разных поколений от В. Салманова и Г. Свиридова до С. Слонимского, Р. Щедрина, Ю. Буцко и др. Это подкреплялось расцветом советской музыкальной фольклористики в лице Э. Алексеева, В. Виноградова, Е. Гиппиуса, И. Земцовского, А. Рубцова (исследовавших, кстати, не только русский фольклор), с чем была связана деятельность выдающегося фольклорного ансамбля Дм. Покровского.

Народные песни и танец можно считать ценностными константами музыкальной культуры и эстетики советской эпохи, укреплявшимися созданием региональных народных хоров, ансамблей, выступлениями ярких артистов народной (Л. Зыкина, О. Воронец) и академической традиции (от С. Лемешева и И. Козловского до Ю. Гуляева и М. Магомаева), их непрерывным включением в правительственные концерты. В 1980-е гг. активизируется самостоятельное фольклорное движение, открываются дома народного творчества, поддерживаются детские и местные взрослые фольклорные ансамбли.

В профессиональное музыкальное образование как вузовского, так и среднего специального звена был введен обязательный курс на-

родного творчества, учебные пособия которого отражают динамику развития музыкальной этнологии (от учебника Т. Н. Поповой до фундаментального коллективного труда под ред. О. А. Пашиной). Содержание школьного курса «Музыкальная литература» включало «выдающиеся произведения народного, классического и современного музыкального искусства» [Козин 2011: 19], тему о народной песне и ее использовании в творчестве русских композиторов-классиков [Там же: 31]. В Программах предмета «Музыка» общеобразовательных школ главный упор на освоение фольклорного материала делался в 1—3 классах: за первый-второй классы ученики осваивали 12 народных песен, в том числе 4 инонациональные; за третий класс — 15 песен разных народов, русские частушки и плясовые наигрыши [Программа по музыке 1983].

В этом контексте неудивителен заметный вес народной музыки в рассматриваемой серии, что особенно явственно на последнем аналитическом уровне — уровне *пьес ДФА*.

Отметим, что из 33 инонациональных композиторов только 10 избрали ведущей и обозначили этническую основу своих ДФА, наименования альбомов остальных авторов не имеют к этому отношения. Среди последних часто фигурируют абстрактно-количественные названия: Пять пьес, Десять пьес и т. п., — сочетающиеся с программными и жанровыми обозначениями миниатюр. Музыкальные «многонациональность» и «народность» расширяются благодаря конкретным *пьесам*, поскольку авторы вводят этнографический элемент в состав альбомов с *неэтническими* названиями.

Например, в сборник «Шесть детских пьес» Н. Халмамедова (Туркмения, вып. 1) введен «Танец хей», в «Пять пьес» его соотечественника Д. Нурыева (вып. 14) — «Туркменский танец». «Восемь пьес» Ф. Назарова (Узбекистан, вып. 2) включают «Кайларга борай (обработка узбекской нар. мелодии)», «Девять пьес» М. Грачева (вып. 9) — «Калмыцкую песню», «Семь пьес» С. Керимова (Дагестан, вып. 4) — целую группу этнографических пьес: даргинскую песню «Комсомолка», «Акушинский танец», «Лакский танец», «Драматический танец (аварский)». Цикл Т. Назаровой-Метнер «Пьесы-картинки» (вып. 6) завершают «Вариации в старинных ладах на тему русской народной песни „В темном лесе“». Многонациональны пьесы Л. Новоселовой (Чувашия, вып. 14) из альбома «Северное сияние»: «Белорусская хороводная», «Чувашский напев», «Башкирская игровая», «Уральские самоцветы».

Ряд ДФА — причем почти исключительно русских композиторов — отсылает к зарубежному национальному материалу. Нередко это обобщенный региональный образ, как например: «Восточный танец» в «Детской тетради» Е. Туманян (Москва, вып. 2), «Джаду (на Востоке)» в «Десяти багателях», соч. 75 М. Осокина

(Москва, вып. 12), «Арабская танцовщица» в «Семи детских пьесах» Чен Бао (Китай — Украина, вып. 6), «Балканский танец» в «Детской сюите № 3» К. Баташова (Москва, вып. 8). Иногда это косвенное указание, опосредованное жанром, подобно американскому «Блюзу» в «Занимательных этюдах» О. Магиденко (вып. 12), или географией, подобно «Карпатским трубочкам» того же К. Баташова. Используются и прямые этнические обозначения: «Японский напев» Е. Туманян (см. выше), «Английская песенка» свердловчанина О. Ниренбурга («Девять легких пьес», вып. 5).

Разнообразным смешением национальных образцов отличаются альбомы «Десять пьес для детей» Л. Бирнова (Москва; вып. 3) и «Двенадцать пьес на народные темы» Ю. Николаева (Горький; вып. 9). В первом сочетаются французская детская песня «Свет луны», «Латышская колыбельная», «Русская песня» и «Норвежский танец»; во втором — целых девять евроазиатских источников: украинская, японская и три эльзасские мелодии, «Армянский напев», галицийская, французская и две русские песни, «Корейский вальс» и «Испанский танец».

В этом проявляется советская идеологема **интернационализма**, которая исторически предшествовала и постоянно сопутствовала принципу многонациональности культуры. Начально она носила сугубо классовый характер («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») и была неотъемлемой частью стремления к планетарной победе коммунизма, механизмом его реализации; позже она приобрела общегуманистический характер, подразумевавший демократические ценности в каждой национальной культуре. В обыденном общественном сознании интернационализм формировался как аксиологема «дружбы народов», чему служили символические объекты (например, фонтан «Дружба народов» на ВДНХ), всемирные фестивали молодежи и студентов, международные конкурсы в разных видах искусства (в том числе музыкальные), оживившаяся с середины 1950-х гг. международная гастрольная практика. Общественная потребность в интернационализации советской культуры постсталинского периода была огромна, о чем свидетельствуют и триумф Вэна Клайберна, и ажиотажный интерес к зарубежному киноискусству, и популярность журнала «Иностранная литература». В сущности, на этот процесс была направлена и концепция конвергенции А. Сахарова, осужденная руководством КПСС.

В вышеупомянутом докладе Д. Кабалевский определил традицию Глинки как «музыкально-интернациональную», раскрывая ее значение для «всей многонациональной советской музыки» [Кабалевский: 124—125]. Он отмечал расширение ареала музыкальных культур, которые осваивали советские композиторы: «французские, английские и американские песни Анатолия Александрова, Фейнберга и Шостаковича;

молдавские партитуры Пейко и Вайнберга; „Венгерские напевы“ Эшпая и т. д.». [Там же]. Этот список далее «прирастал» музыкальным материалом республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья, затем — стран Дальнего Востока и Африки.

Интернационализм входил в систему советского воспитания от детского сада до вуза, его олицетворениями являлись пионерский лагерь «Артек», увековеченный еще в «Военной тайне» А. Гайдара, а с 1960-х гг. — Институт дружбы народов им. П. Лумумбы. В школьной Программе по музыке были предусмотрены темы «Между музыкой моего народа и музыкой других народов моей страны нет непереходимых границ» и «Между музыкой моего народа и музыкой разных народов мира нет непереходимых границ» (вторая и третья четверти 3 класса), на которых учащиеся знакомились с музыкой 10 союзных республик и 10 стран мира. При этом нередко использовались произведения, связывавшие разные музыкальные культуры (аналогично докладу Кабалевского); кроме того, на уроках исполнялась попевка «Дружба народов» [Программа по музыке 1983]. Песни о дружбе народов осваивались в курсе музыкальной литературы ДМШ/ДШИ, в пояснительной записке к Программе которого эстетическое воспитание рассматривалось как способствующее «формированию советского патриотизма, социалистического гуманизма и пролетарского интернационализма» [Музыкальная литература: 5].

В силу вышеизложенного **аксиологемы многонациональности культуры, народности и интернационализма**, составляя единый идеологический блок и базу советской социологии искусства, должны были отражаться и реально отражались в музыке для детей, в том числе в ДФА. Однако, принимая во внимание критическое состояние этих идеологем в современной России, мы бы хотели, оставаясь в рамках музыкально-педагогической культурологии и не уклоняясь в политико-социальную сферу, выявить причины status quo и сделать некоторые **выводы, исходя из материала исследования**, т. е. ДФА.

Прежде всего телеология образования в национальной сфере заключалась в реализации «политической программы формирования из разнородного полиэтнического социума единой гражданской нации — „советского народа“» [Гранин 2011: 22]. Иначе говоря, ментальность гражданина СССР должна была интериоризировать данный концепт, и, как показано выше, для этого мобилизовывалась вся социокультурная система, вплоть до музыкального репертуара. Очевидно, что с «народом» в ДФА дело обстояло относительно благополучно; следовательно, надо уделить внимание предикату «советский», маркирующему аксиологему **советскости**. Именно она выступала спецификацией «новой исторической общности» («советского народа»), как ее квалифицировали

руководители партии и государства. Как же обстоит дело с советскостью в рассматриваемой серии ДФА?

Понятие «советский» не использовано ни в одной из пьес (около 670) всех ДФА рассматриваемой серии; парадоксально, но даже в названии альбома Е. Яхниной «Пятнадцать пьес на темы народов Союзных республик» акцент сделан на *народах и их союзе*, т. е. обходится и советскость, и социалистичность. Обычно в детской музыке знаками-индексами «советского» выступали понятия, производные от детско-юношеских идеологических организаций, — комсомола, пионерии, октябрятства. В ДФА данной серии таких произведений нашлось 11: десять пьес номинативно связаны с пионерией, и одна — с комсомолом; по косвенной номинации можно добавить еще две («Марш горниста», «Юный герой»). Это составляет около 2 % от общего объема пьес, что выразительно говорит о внутреннем вымывании *советскости* из советской аксиосферы.

Данное обстоятельство вызывает вопрос об *идентификации* юного гражданина СССР, поскольку это «один из самых фундаментальных феноменов человеческого духа» [Козин 2011: 37]. В качестве оснований для общенациональной идентификации в условиях утраты своего значения ведущими идеологическими аксиологемами выдвигаются такие «социальные скрепы», как традиции, историческая память, в частности память о войне, значительно повышающая осознание национальной общности. Однако в серии ДФА только четыре пьесы можно отнести к военно-исторической тематике: «Рассказ партизана», «Отголоски далекой войны», «На параде», «Марш красных солдатиков» (игрушечных), косвенно — «Рассказ деда»; этим общенациональная историческая образность исчерпывается, и никакие иные советские традиции в ДФА не представлены.

Очевидно, что из трех рассматриваемых аксиологем в анализируемом цикле относительно широко представлена только аксиологема народности. Однако в отсутствие единой национальной символики, культуры, традиций, позитивного образа государства [Гранин 2011: 24] народность превращается в этничность, в лучшем случае нейтральную, но не способствующую национальной интеграции. Напомним, что непосредственное проявление «музыкального интернационализма» как «социальной скрепы» в серии ДФА более чем скромно, ограничивается лишь четырьмя альбомами из 79 (Л. Новоселовой, Е. Яхниной, Л. Бирнова и Ю. Николаева). Фольклорные альбомы «инонациональных» композиторов почти полностью замкнуты на родном этническом материале. В подобной ситуации, отражавшей развитие локально-этнических культур, забота о включении их в общенациональный контекст перекладывалась на преподавателя. Однако препода-

ватель индивидуального фортепианного класса в ДМШ/ДШИ часто по разным причинам не был в состоянии проводить такую работу, поэтому, в отличие от общеобразовательной школы, она *de facto* была пущена на самотек.

Резюмируем. Если «идентификация — высшая форма социализации, способ связи человека с коллективными сущностями своей истории, акт отождествления себя с главными ценностями и святынями ядра своей культуры» [Козин 2011: 40], то музыкальное пространство ДФА отчетливо говорит об отсутствии этих консолидирующих связей, ценностей и святынь, а следовательно, о проблематичности социализации подрастающего поколения в соответствии с концептом «советский народ». Из рассмотренной серии ДФА конца советской эпохи **невозможно вывести «образ нации» в ее советском модусе**, что, со своей стороны, свидетельствует об имманентном кризисе главных ценностей национальной доктрины СССР, который не могло полностью компенсировать и более «идейно выдержанное» содержание предмета «Музыка» в общеобразовательной школе. Триада национальных аксиологем — атрибутов *советскости* в данном случае дезавуировалась музыкально-творческой практикой и обнаружила неподлинность своего культурного бытия. Это проявилось в принципе *pars pro toto*, характеризующем ценностную картину мира творцов художественной культуры, воплощенном в музыкальных текстах неофициального характера (детская фортепианная музыка) и воспринимаемом в качестве определенного мировоззренческого сигнала. Исходя из этого закономерны как прогрессия диверсификационных тенденций в национальной сфере современной России, так и острая необходимость в интегрирующих ее «социокультурных скрепах», которые должны системно формировать новую общенациональную ментальность.

ЛИТЕРАТУРА

- Гинзбург С. Л. Музыкальная литература народов СССР. — М.: Музыка, 1979.
- Гранин Ю. Д. Станет ли Россия «национальным государством»? // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 15—26.
- Кабалевский Д. Глинкинская традиция // Воспитание ума и сердца : кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1984. С. 124—129.
- Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике / М. С. Каган ; Ленингр. ун-т. — Л., 1971.
- Козин Н. Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 37—48.
- Лагутин А. Методика преподавания музыкальной литературы в детской музыкальной школе. — М.: Музыка, 1982.
- Музыкальная литература. Программа для детских музыкальных школ и музыкальных отделений школ искусств. — М., 1982.
- Основы марксистско-ленинской эстетики. — М.: Политическая литература, 1961.

Программа по музыке (с поурочной методической разработкой) для общеобразовательной школы. 1—3 кл. — М.: Просвещение, 1983.

Программы средней общеобразовательной школы. Музыка. 4—7 кл. — М.: Просвещение, 1988.

Романова Л. В. Отражение художественной картины мира в учебном фортепианном репертуаре // Музыкальные традиции современной России: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (28—30 нояб. 2006 г., Челябинск). / ЧИМ. — Челябинск, 2006. Вып. 2. С. 286—288.

Советская музыкальная литература. — М.: Музыка, 1977. Вып. 1.

Томпакова О. Книга о русской музыке для детей. — М., Л.: Музыка, 1966.

Туманина Н. П. И. Чайковский. Великий мастер. — М.: Наука, 1968.

Фарбштейн А. Теория реализма и проблемы музыкальной эстетики. — Л.: Музыка, 1973.

СОКРАЩЕНИЯ

ДФА — детский фортепианный альбом.

ДМШ — детская музыкальная школа.

ДШИ — детская школа искусств.

Статью рекомендует к публикации д-р культурологии, проф. О. Л. Девятова

Ю. А. Силина
Воронеж, Россия

Y. A. Silina
Voronezh, Russia

**ДИНАМИКА БЕЗБОЖИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА**

**DYNAMICS OF THE GODLESSNESS IN FRENCH
LITERATURE OF THE XVIII CENTURY**

Аннотация. Анализируется динамика коэффициента безбожия в текстах французских авторов XVIII в. Устанавливается связь изменения данного коэффициента с политическими и социокультурными процессами в рамках рассматриваемого периода.

Abstract. The paper deals with the dynamics of coefficient of atheism in the texts of French Literature of the 18 century. The connection of dynamics of this coefficient with the political, social and cultural processes is investigated.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; коэффициент безбожия; нарративный текст; лексико-семантическая единица; зрительное восприятие.

Key words: Enlightenment; coefficient of atheism; narrative text; lexico-semantic unit; visual perception.

Сведения об авторе: Силина Юлия Александровна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Silina Yulia Alexandrovna, Post-graduate Student of the Chair of Theoretical and Applied Linguistics.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: julisil1@mail.ru.

Основным содержанием идейной жизни Франции XVIII в. была борьба с политической, общественной и культурной системой абсолютной монархии. Эта идеологическая подготовка революции и составляла главную суть французского Просвещения. Просветители верили в разум, прогресс, в совершенствование человеческого рода. Они обращались к самым актуальным вопросам своего времени, отличались энциклопедичностью познаний и широтой интересов. Они разрешали проблему человека и его природы, признавая, что все люди от природы равны, умственное и нравственное их отличие объясняется различным воспитанием и условиями жизни. Под воспитанием французские просветители понимали воздействие на человека не семьи, как английские, но среды, в первую очередь общественных учреждений.

В самом общем виде можно сказать, что в XVIII в. христианство на всем европейском континенте в значительной степени утратило свое могущество. В большинстве стран оно не столько подвергалось гонениям, сколько было забыто и оставлено. Во Франции в иные времена уже случались яростные нападки на упрочившиеся религии, но выказываемый при этом пыл всегда был порожден рвением, внушаемым новыми религиями. Многочисленные и страстные противники ложных и отвратительных религий древности появились только тогда, когда христианство пришло на смену этим верованиям. В XVIII столетии яростные нападки на христианство во Франции начались тогда, когда даже не предпринималось попыток заменить его иной религией [Токвиль 1997: 122].

Следует заметить, что отношение к религии была неоднозначным на протяжении века, поэтому в рамках данного исследования мы считаем целесообразным условно разделить

французскую литературу XVIII в. на два периода по пятьдесят лет.

Объектом нашего исследования являются лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов зрительного восприятия (ЗВ). Вслед за А. А. Кретовым под глаголами зрительного восприятия мы понимаем лексико-семантические единицы (ЛСЕ) с семантикой типа «смотреть», «видеть», «созерцать». Соответственно материал разбивается на три лексико-семантические группы:

1) ЛСГ *смотрения* — «направлять взгляд куда-либо»;

2) ЛСГ *видения* — «воспринимать зрением что-либо»;

3) ЛСГ *созерцания* — «держат в поле зрения что-либо» [Кретов 1980: 176].

Разность между относительной употребительностью глаголов *смотрения* и *видения*, по осторожному предположению Ю. А. Сорокина, можно интерпретировать как «коэффициент безбожия» [Сорокин 1979: 154]. В этой статье, вслед за Ю. А. Сорокиным и А. А. Кретовым, мы употребляем данный термин при описании изменения мировоззрения французских авторов, в частности изменения их отношения к религии и церкви, на протяжении XVIII в. [Кретов 1995: 84].

Цель предлагаемой работы — проанализировать динамику «безбожия» во французской нарративной прозе на протяжении XVIII в. Для реализации данной цели решались следующие задачи:

1. Определение объекта исследования.

2. Формулировка принципов отбора и обработки источников.

3. Анализ распределения функциональной нагрузки на лексико-семантические группы зрительного восприятия в первой и второй половине XVIII в.

4. Вычисление «коэффициента безбожия» для авторов первой и второй половины XVIII в.

5. Выявление особенностей динамики «коэффициента безбожия» у авторов на протяжении XVIII в.

Как уже отмечалось, объектом исследования являются способы представления ситуации зрительного восприятия, в которых активным мыслится субъект ЗВ и языковыми средствами выражения значений являются глагольные лексико-семантические варианты (ЛСВ) и фразеологические сочетания (ФС) французского языка.

Объект данного исследования — глаголы ЗВ — обуславливает выбор источников. Мы изучали прозаически нарративные тексты французской литературы 1-й и 2-й половины XVIII в. Каждый хронологический срез был представлен 10-ю авторами. Следует обратить внимание, что среди рассмотренных нами авторов есть группа писателей, у которых мы проанализировали произведения как первой, так и второй половины XVIII в.: Дени Дидро, Жан-Франсуа Мармонтель и Вольтер. Это было сделано намеренно, поскольку нас интересуют те изменения, которые произошли с функциональной нагрузкой (ФН) на номинации зрительного восприятия и обусловлены изменениями в социальной и политической жизни страны, а также изменениями в мировоззрении и художественных принципах авторов данного столетия. Для большинства «просветителей» XVIII в. художественная литература была не самоцелью, а лишь средством пропаганды идей, протеста против самодержавия, против церковников, возможностью проповедовать веротерпимость,

гражданскую свободу. Текстовые выборки обследовались полностью (до конца предложения, абзаца, главы), хотя и не всегда были одинакового объема. Основным было условие одинакового количества исследуемых единиц — по 250 в каждом тексте (при необходимости привлекалось несколько текстов одного автора). Каждый текст находится во временных рамках определенного хронологического среза и является оригинальным.

Таким образом, мы имеем дело с анализируемым материалом из произведений французской нарративной прозы совокупным объемом более 1 800 тыс. словоупотреблений. Номинации зрительного восприятия на этом текстовом пространстве составили более 5 000 примеров. Информация об авторах и текстах представлена в табл. 1 и 2.

Теперь мы переходим к анализу распределения ФН между ЛСГ ЗВ: *смотрения, видения, созерцания*. Следует отметить, что под ФН в общем виде понимается употребительность той или иной единицы в потоке речи. Поскольку мы оцениваем встречаемость ЛСЕ ЗВ в текстах разной длины, ФН на ЛСГ ЗВ определяется как «абсолютная величина реализаций значения участия в зрительном восприятии в качестве субъекта», отнесенная к длине текста в тысячах словоупотреблений. Следовательно, ФН на поле ЗВ измеряется в ЛСЕ ЗВ на тысячу словоупотреблений [Кретов 2006: 133].

Результаты исследования ФН на ЛСГ *смотрения, видения, созерцания* для 1-й и 2-й половины XVIII в. представлены на диаграммах (см. рис. 1 и 2).

Таблица 1

Сведения о выборках первой половины XVIII века

Сокращенное обозначение	Автор	Название текста	Размер текста в словоформах (округл.)	Год создания текста	Годы жизни автора
Auln	baronne d'Aulnoy	Contes, Tome I	74 000	1703	1651-1705
Créb	Crébillon	"Ah quel conte ! Conte politique et astronomique"	138 000	1746	1707-1777
Dider 1	Denis Diderot	"Les bijoux indiscrets", "Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient"	85000+24000=109000	1748, 1749	1713-1784
Gall	Antoine Galland	"Les Mille et Une Nuits" (tome I): Contes Arabes Traduits	105 000	1701	1646-1715
Lesa	Alain René Lesage	"Gil Blas de Santillane" (Livres 1, 2, 3, 4, 5)	140 000	1734	1668-1747
Mari	Marivaux	"Arlequin poli par l'amour", "L'Île des esclaves", "L'Indigent philosophe"	25000+27000= 52000	1720, 1725, 1726	1688-1763
Marm 1	Jean-François Marmontel	"Contes moraux" (Tome I)	73 000	1749	1723-1799
Prév	L'Abbé Prévost	"Voyages du capitaine Robert Lade"	142 000	1744	1697-1763
Tenc	Claudine Guérin de Tencin	"Mémoires du comte de Comminges", "Le siège de Calais"	20000+45000= 65000	1735, 1739	1682-1749
Voit 1	Voltaire	"Zadig (ou La Destinée)", "Candide ou l'Optimisme"	27000+34000 = 61000	1747, 1749	1694-1778

Сведения о выборах второй половины XVIII века

Сокращенное обозначение	Автор	Название текста	Размер текста в словоформах (округл.)	Год создания текста	Годы жизни автора
Bern	Jacques-Henri Bernardin de Saint-Pierre	"Paul et Virginie"	45 000	1788	1737-1814
Cazo	Jacques Cazotte	"Le diable amoureux", "L'honneur perdu et recouvré", "Le roi de Foule-Pointe"	27 000+15 000+17 000 = 59 000	1772, 1776, 1788	1720-1792
Chat	François-René de Chateaubriand	"Atala, ou les Amours de deux sauvages dans le désert", "René, ou les Effets des passions", "Aventures du dernier Abencerage"	30 000+11 000+15 000 = 56 000	1798, 1798, 1799	1768-1848
Dider	Denis Diderot	"La religieuse", "Le Neveu de Rameau"	60 000+ 32 000 = 92 000	1780, 1762-1773	1713-1784
Lacl	Pierre Choderlos de Laclos	"Les Liaisons dangereuses"	106 000	1782	1741-1803
Marm	Jean-François Marmontel	"Bélisaire", "Les Incas" (20 chapitres)	46 000+44 000 = 90 000	1767, 1777	1723-1799
Mira	Honoré-Gabriel Riquetti de Mirabeau	"Le libertin de qualité", "Le Rideau Levé"	42 000+43 000 = 85 000	1783, 1786	1749-1791
Rous	Jean-Jacques Rousseau	"Les confessions" (Première partie)	67 000	1767	1712-1778
Sade	Marquis de Sade	"Aline et Valcour, ou le Roman philosophique"	138 000	1793	1740-1814
Volt	Voltaire	"La Princesse de Babylone", "Jeannot et Colin", "L'homme aux quarante écus"	25 000+10 000+28 000 = 63 000	1768, 1764, 1756, 1768	1694-1778

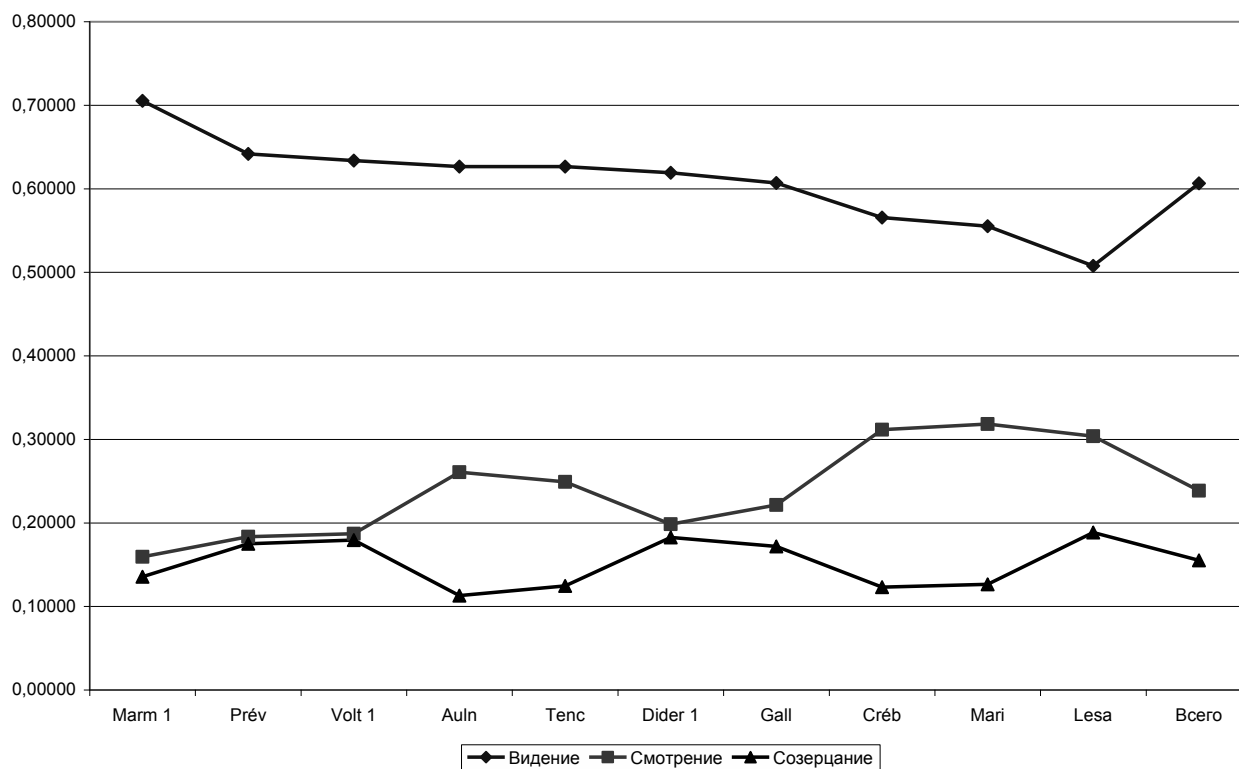

Рис. 1. Распределение ФН между ЛСГ 3В в 1-ой половине XVIII века

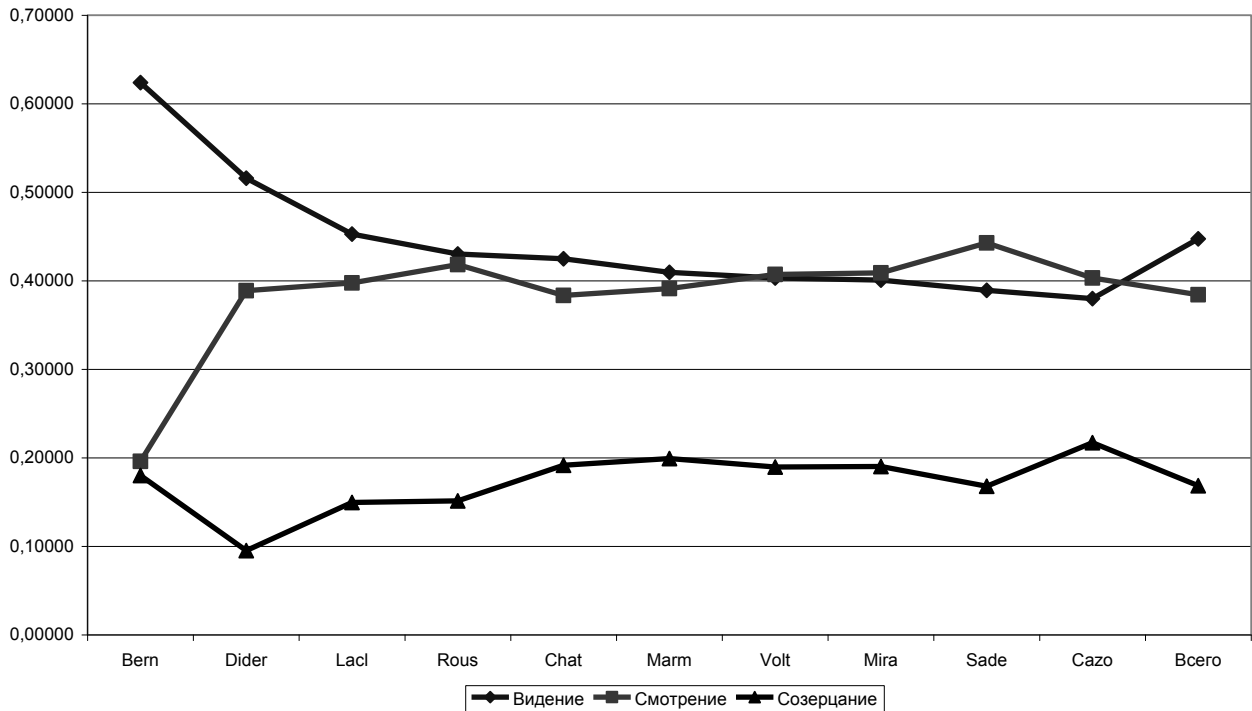

Рис. 2. Распределение ФН между ЛСГ 3В во 2-й пол. XVIII в.

Как видно из графиков, в первом временном срезе глаголы видения значительно преобладают над глаголами смотрения, причем это характерно для всех десяти рассматриваемых авторов. Во втором срезе происходит перераспределение ФН между ЛСГ и мы видим, что у пяти авторов этого периода ФН на ЛСГ *видения* выше, чем ФН на ЛСГ *смотрения*, в двух выборках (Руссо, Вольтер) ФН на глаголы *видения* и *смотрения* практически равны, и в произведениях трех авторов (Маркиз де Сад, Жак Казот и Мирабо) ЛСГ *смотрения* преобладает над ЛСГ *видения*.

Таблица 3

Авторы	Видение	Смотрение	Коэффициент безбожия
Marm	0,70518	0,15936	-0,54582
Prév	0,64167	0,18333	-0,45833
Volt	0,63359	0,18702	-0,44656
Dider	0,61905	0,19841	-0,42063
Gall	0,60687	0,22137	-0,38550
Tenc	0,62642	0,24906	-0,37736
Auln	0,62646	0,26070	-0,36576
Créb	0,56538	0,31154	-0,25385
Mari	0,55510	0,31837	-0,23673
Lesa	0,50769	0,30385	-0,20385
Среднее	0,60874	0,23930	-0,36944
Всего	0,61	0,24	-0,37

Исходя из полученных данных по ФН на ЛСГ *смотрения* и *видения*, вычислим «коэффициент безбожия» (КБ) для авторов 1-й и 2-й половины XVIII в.

коэффициент безбожия» (КБ) для авторов 1-й и 2-й половины XVIII в.

Таблица 4

Автор	Кбезбожия	Отн
Lesa	-0,20385	-0,16615
Mari	-0,23673	-0,13327
Créb	-0,25385	-0,11615
Auln	-0,36576	-0,00424
Bcero	-0,37000	0,00000
Tenc	-0,37736	0,00736
Gall	-0,38550	0,01550
Dider	-0,42063	0,05063
Volt	-0,44656	0,07656
Prév	-0,45833	0,08833
Marm	-0,54582	0,17582

Результаты, полученные при вычислении КБ авторов 1-й половины столетия, представлены в табл. 3 и графически изображены на гистограмме (см. рис. 3). Поскольку в 1-й пол. XVIII в. глаголы видения значительно преобладают над глаголами смотрения во всех десяти выборках, КБ у авторов данного периода получился отрицательным, т. е. все авторы этого временного среза более-менее «набожны». Поскольку все авторы набожны, мы посчитали целесообразным вычислить относительный КБ (относительно средней величины КБ по срезу). Средняя величина этого коэффициента — 37%. Данные по относительному КБ у авторов 1-о пол. XVIII в. представлены в таблице 4 и на гистограмме (см. рис. 4).

Авторы, у которых относительный КБ ниже среднего КБ, рассматриваются нами как вполне

набожные. Как видно из представленной гистограммы, у ряда авторов относительный КБ выше среднего, в первую очередь это касается выборки Лесажа, Мариво, Кребийона, т. е. эти

авторы максимально безбожны для данного периода времени. Охарактеризуем этих писателей.

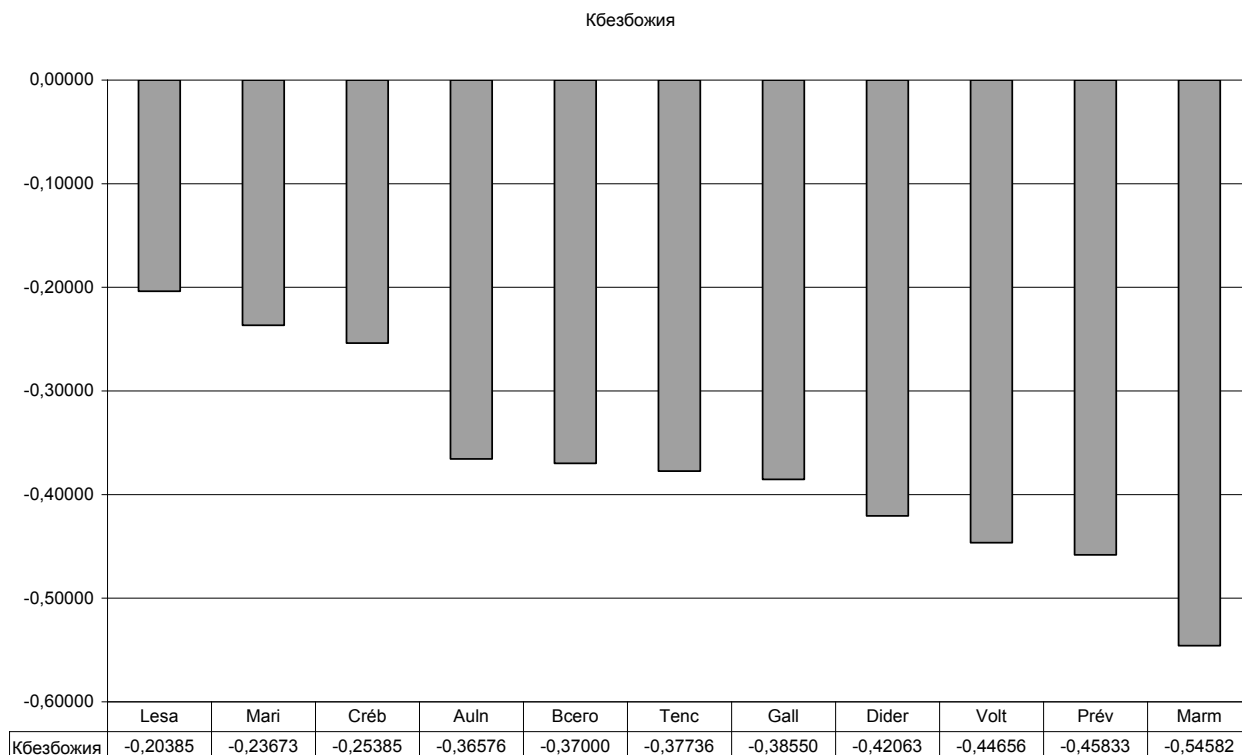

Рис. 3. «Кoeffициент безбожия» авторов 1-ой половины XVIII века

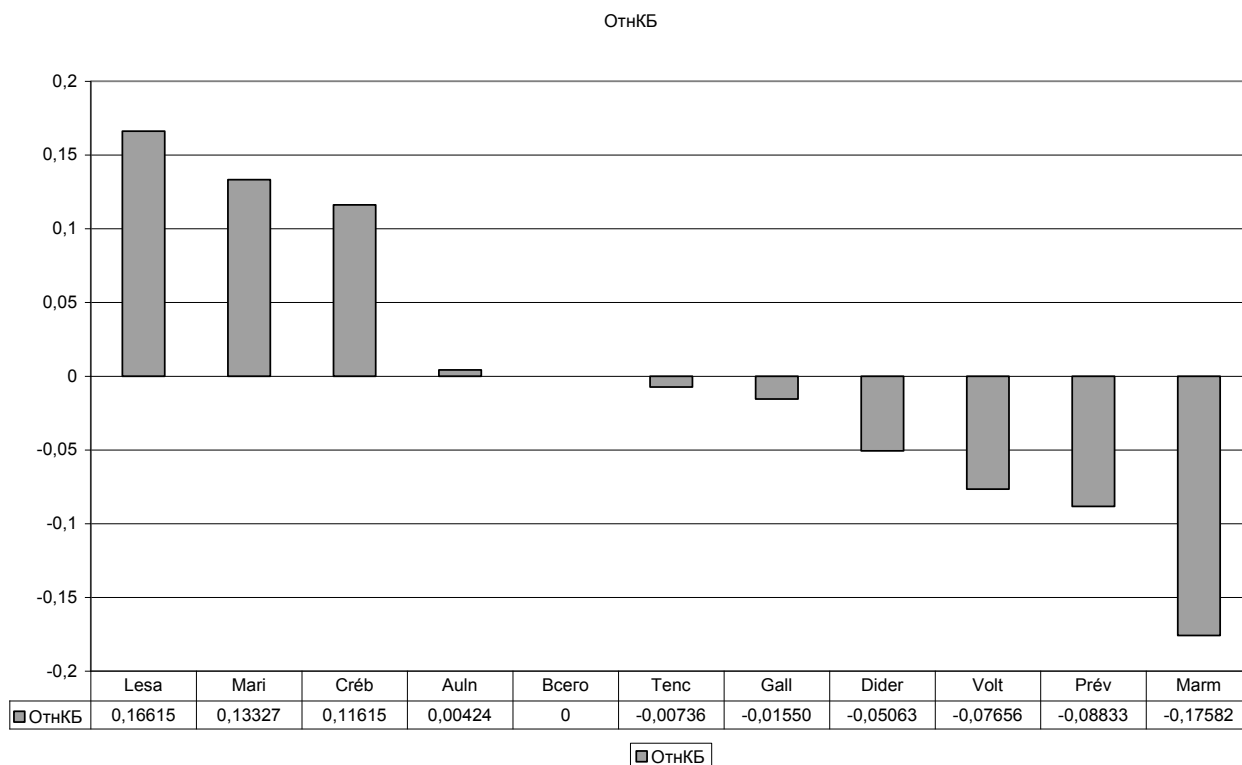

Рис. 4. Относительный КБ авторов 1-ой половины XVIII века

Начнем с «максимального безбожника» 1-й пол. XVIII в. — Алена Рене Лесажа, который был первым французским писателем нового

времени, представлявшим, по его словам, интересы, вкусы, нравственные принципы народа, которые несовместимы и даже противоположны

интересам, вкусам и принципам двора и дворянства. В романе «История Жиль Блаза из Сантьяны», восходящему по структуре к жанру испанского плутовского романа, Лесаж дает широкую картину французского общества и его нравов. «Плутовские романы» подготовили почву для развития великого европейского реализма XIX в. широчайшим изображением общества, самых разнообразных его слоев. Лесаж был идеологом крепнувшей средней буржуазии и примыкавшей к ней разночинной интеллигенции, которые уже не удовлетворялись узкими рамками классической литературы, выражавшей идеологию дворянства и верхушечных прослоек буржуазии. Расхождение интересов основного массива буржуазии с феодально-крепостнической монархией, все более тормозившей развитие производительных сил страны, ослабляет позиции классицизма и требует расширения рамок литературы в направлении более широкого познания социальной действительности. Лесаж ответил на этот запрос и явился создателем французского реалистического романа XVIII в. [см. Assaf 1983: 79].

Следующим автором с относительным КБ выше среднего является Пьер Карле де Шамблен де Мариво — мастер тонких психологических характеристик и нюансов. Литературная позиция Мариво характеризуется тем, что в разгоревшемся с начала XVIII в. «споре о превосходстве древних или новых писателей» он отстаивает права современности, выступая против пассивного подражания античности. Он дебютировал рядом романов, в которых, возрождая манеру прециозных романистов XVII в., в то же время пародировал их манерность и искусственность. Проникнутые своеобразной «натуралистической» тенденцией пародии Мариво расчищают путь его реалистическим романам; снижение героической тематики отвечает запросам классового самосознания крепнущей буржуазии, отрицающей литературную практику предшествующего периода и требующей от литературы отображения современной действительности. Романы Мариво свидетельствуют о значительном по сравнению с романами Лесажа прогрессе буржуазного реализма и дают единственный для своего времени образец тонкого психологического анализа поведения, чувств и переживаний героев [см. Deloffre 1955: 102].

Еще одним автором, мировоззренческим и, как следствие, творческим особенностям которого мы уделим внимание, является Клод Кребийон. Кребийон развивает своего рода феноменологию чувств. В этом отношении он близок к П. Мариво и другим прозаикам рококо. Существует мнение, что в творчестве Кребийона преобладает интерес к специфическому, к тому, что позволило бы видеть эпоху как бесконечное множество разнообразного не с философско-идейными, а с другими системообразующими доминантами. В этом смысле плодотворной оказалась идея рококо как мировидения, предполагающего множественность. Многообразие и подвижность индивидуального и всеобщего в мире Кребийона становится его основополагающим художественным и повествовательным принципом. Ряд романов Кребийона вызвал скандал, поскольку в них усмотрели религиозную и политическую крамолу. В то же время его влияние очень ощутимо в произведениях многих авторов 2-й пол. XVIII — 1-й пол. XIX в., другими словами, его идеи и сочинения предвосхищают идеи и труды авторов последующих литературных направлений [Géraud 1995: 180].

Таким образом авторы 1-ой пол. XVIII в., отнесенные нами в результате анализа относительного КБ к «малонабожным», стремятся отойти от традиций предыдущей эпохи и выступают своего рода предшественниками литературы Просвещения, а также оказывают влияние на развитие художественного романа на рубеже XVIII—XIX вв.

Результаты, полученные при вычислении КБ авторов 2-ой пол. XVIII в., представлены в табл. 5 и графически изображены на гистограмме (см. рис. 5).

Таблица 5

Автор	Видение	Смотрение	Кбезбожия
Sade	0,38931	0,44275	0,05344
Cazo	0,37984	0,40310	0,02326
Mira	0,40081	0,40891	0,00810
Volt	0,40316	0,40711	0,00395
Rous	0,43028	0,41833	-0,01195
Marm	0,40959	0,39114	-0,01845
Chat	0,42481	0,38346	-0,04135
Lacl	0,45276	0,39764	-0,05512
Dider	0,51587	0,38889	-0,12698
Bern	0,62400	0,19600	-0,42800
Среднее	0,44304	0,38373	-0,05931
Всего	0,45	0,38	-0,06

Как можно увидеть из представленной диаграммы, шесть авторов 2-ой половины XVIII в. формально являются «набожными», в особенности (и не только формально) это относится к Бернардену де Сен-Пьеру, у которого глаголы видения значительно преобладают над глаголами смотрения. Авторов, у которых КБ является положительным, мы можем отнести к «безбожникам». Это, в частности, маркиз де Сад, Жак Казот, Мирабо и Вольтер. Незначительно отстают от них еще четыре автора: Руссо, Мармонтель, Шатобриан, Шодерло де Лакло. Дидро по этому показателю значительно ближе к перечисленным авторам, чем к Мармонтелю.

Считаем необходимым обратить внимание на особенности мировоззрения авторов с высоким КБ. Начнем с «максимального безбожника» 2-ой пол. XVIII в. — маркиза де Сада. Он был проповедником абсолютной свободы, не огра-

нической ни нравственностью, ни религией, ни правом, а основной ценностью жизни считал утоление стремлений личности. Основными аспектами его философии являются следующие:

1. Отрицание традиционного для его времени деления общества на дворянство, духовенство и третье сословие. У де Сада существуют лишь сословие властителей и сословие рабов.

2. Отрицание традиционного для его времени деления интеллектуальной элиты общества на христиан-консерваторов и гуманистов-антихристиан.

3. Убийство является благом для общества, иначе народы погибнут целиком и полностью от перенаселения и нехватки ресурсов.

4. Интерес к поведению человека, с которого сняты все ограничения, начиная от социальных и заканчивая религиозными.

5. Для его образа жизни и творчества характерно понятие *либертинаж*.

Таким образом, маркиз де Сад не зря причислен нами к «максимальным безбожникам»: его жизненные принципы и философские идеи, отразившиеся в творчестве, подтверждают этот факт [Lever 1991: 147].

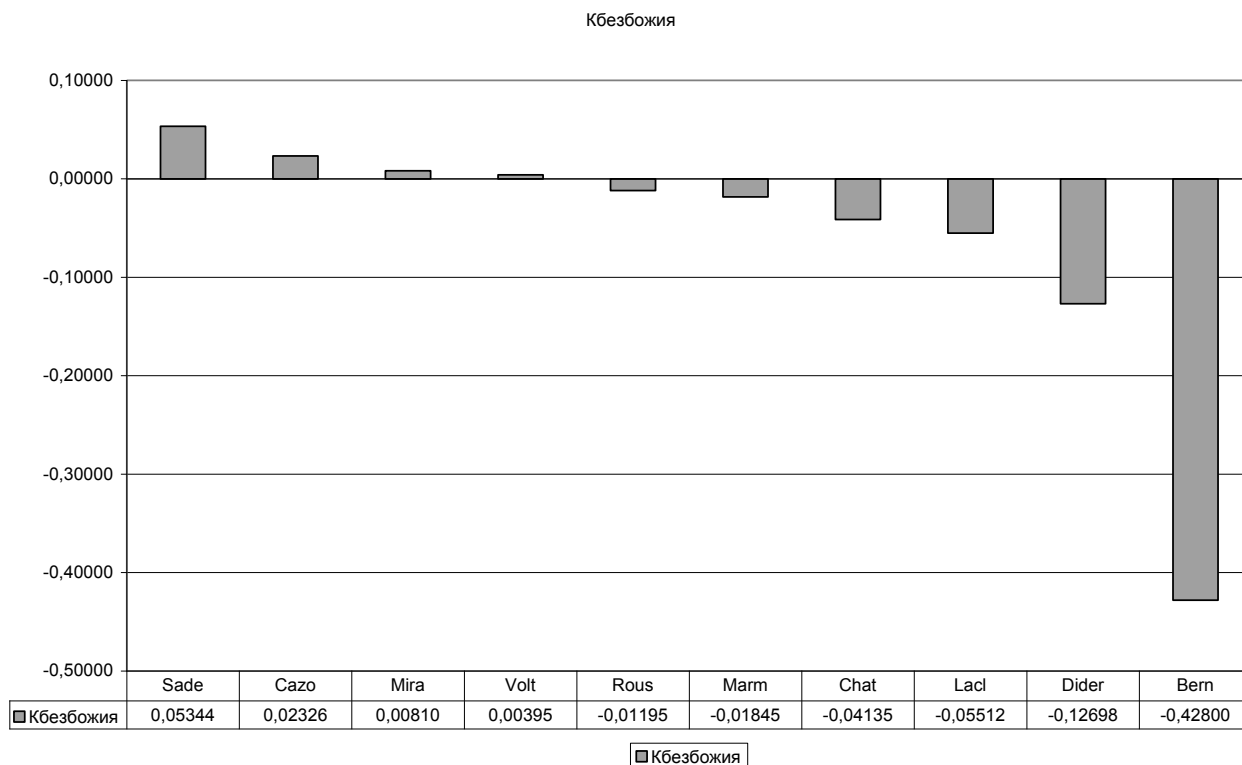

Рис.5. «Коэффициент безбожия» авторов 2-ой половины XVIII века

Следующим автором с достаточно высоким КБ является Жак Казот. В произведениях Казота мир сверхъестественных явлений и духов выступает как реально существующий. Готическая проза Казота наполнена элементами фантастики и психологизма, представляя собой лучший образец «жанра ужаса». Около 1775 г. Казот пристрастился к мистике и каббале. Стал членом масонского ордена и сделался мартиномистом. Безусловно, все эти события его жизни не могли не оказать влияние на творчество.

Еще один автор, мировоззренческим и, как следствие, творческим особенностям которого мы уделим внимание, является Оноре Габриель Рикети граф де Мирабо. В молодости ввиду крайне беспорядочного образа жизни, непомерных расходов и долгов он неоднократно подвергался тюремному заключению. Мирабо опубликовал ряд памфлетов и других произведений, направленных против деспотической формы власти. Он был врагом феодально-абсолютистского режима, который изобличал в

речах большой силы, имевших широкий общественный резонанс. Растущей славой Мирабо был обязан не только авантурным похождениям и великолепным речам, но и своим сочинениям. В них проявились его убежденность в просветительских идеях, обширная эрудиция, легкое и острое перо публициста. В первых работах Мирабо разделял идеи меркантилизма, затем примкнул к физиократам. Его произведения отличаются искренним красноречием, полны жизни, страсти и оригинальности [Демьянов 2001: 170].

Обратим особое внимание на изменения, произошедшие с КБ у авторов, у которых были рассмотрены произведения 1-й и 2-й пол. XVIII в. В частности, интересную картину представляют выборки Мармонтеля: в первом срезе он отнесен нами к «максимально набожным» авторам, а во втором уже весьма близок к «безбожникам». Это можно объяснить тем, что поздние произведения Мармонтеля отличаются характерными чертами умеренного «просвети-

тельства» с его призывом к веротерпимости, за что автор подвергался нападкам со стороны духовенства.

Следующий автор, которому мы хотим уделить внимание, — Вольтер, также характеризующийся набожностью в 1-й пол. XVIII в. и «безбожностью» — во 2-й половине столетия. Вольтер был неутомимым и беспощадным врагом церкви и клерикалов, которых он преследовал аргументами логики и стрелами сарказма; его лозунг гласил: «écrasez l'infâme» («уничтожьте подлую»). Борясь словом и делом против господства и гнета религиозных суеверий и предрассудков, против клерикального изуверства, Вольтер неустанно проповедовал идеи религиозной терпимости как в публицистических памфлетах («Трактат о веротерпимости», 1763), так и в художественных произведениях. Как для всех просветителей XVIII в., художественная литература была для Вольтера не самоцелью, а средством пропаганды идей веротерпимости, гражданской свободы и т. д., выражения протеста против самодержавия и церковников. Поэтому творчество писателя в высокой степени рассудочно и публицистично. Личность Вольтера и его многообразное творчество оказали огромное воздействие на развитие не только французской, но и европейской мысли в целом [Огиев 1978: 198].

Публицистические сочинения Вольтера, Дидро, Руссо культивировали в обществе свободомыслие. Религиозное сознание французского общества окончательно расшаталось под влиянием долгих споров янсенистов и иезуитов. К концу XVIII в. буржуазия осуществила свои политические стремления, но вслед за этим обострился социальный вопрос. Уважение к простому человеку, стоящему ближе к природе, и преклонение перед природой как основным источником всей эстетической деятельности человечества — вот результаты влияния Руссо. С самого начала XIX в. эти идеи являлись отправной точкой художественных исканий и источником вдохновения. Сообразно им изменяется и литературная теория.

Литература эпохи Просвещения являлась неотъемлемой частью просветительского движения. Ее художественные формы во Франции отличались большим разнообразием. На протяжении всего столетия развивался просветительский классицизм, который в области эстетики во многом опирался на классицизм XVII столетия. Просветительский реализм, получивший теоретическое обоснование в трудах Дидро, наиболее полно выразился в жанре романа. Во второй половине XVIII в. окончательно оформился сентиментализм. Литература периода Просвещения во Франции носила боевой, воинствующий характер. В ней преобладали публицистические, пропагандистские, сатирические тенденции.

Таким образом, можно констатировать, что отношение к Богу и церкви было важным во-

просом в мировоззрении деятелей Просвещения. Они считали, что религия — это средоточие предрассудков, губящих человечество, и противопоставляли ей завоевания разума. Следует, однако, отметить, что просветители не видели подлинных социально-экономических корней религии, несмотря на то что объясняли ее происхождение и сущность «земными» причинами — обманом, заблуждениями и невежеством. Как бы писатели ни относились к Богу — признавая его или отвергая, — все они были непримиримыми врагами католической церкви, видя в ней политический институт, который, вместе с государственной системой, подавляет человека. Первоначально в отношении к Богу просветители занимали позицию деистов, т. е. пытались найти своеобразную форму компромисса между «мирскими» и «церковными» формами жизни. Второй этап отличается большей остротой и радикальностью как политических, так и философских идей. Во второй половине века во Франции уже господствует атеизм, связанный с материалистическим объяснением мира. Разум выступает у писателей этого периода как решающий критерий при оценке государственного устройства, законов, религиозных установлений. Несоответствие требованиям разума лежало в основе просветительской критики общества и его институтов, в частности церкви, которые сатирическая литература Франции XVIII в. изображала нелепыми и абсурдными. Кульминацией этого движения, по представлениям просветителей, должен был стать современный «просвещенный» век, объявивший войну предрассудкам и суевериям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенишу П. На пути к светскому священнослужению: «литератор» и новая вера [пер. и предисл. Я. Богданова]. — М.: Новое лит. обозрение, 1995. С. 215—237.
- Демьянов А. А. Клуб 1789 года. Люди и идеи // Французский ежегодник. — М., 2001. С. 165—186.
- Кретов А. А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1980.
- Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики : автореф. дис. ... докт. филол. наук / МГУ. — М., 1994.
- Кретов А. А. Употребление глаголов зрения в художественной прозе И. А. Бунина // И. А. Бунин и русская культура XIX—XX вв. : тез. Междунар. науч. конф., посв. 125-летию со дня рождения писателя. — Воронеж: Квадрат, 1995. С. 83—87.
- Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики / Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2006.
- Сидорченко Л. В. История зарубежной литературы XVIII века : учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., испр. и доп. [под ред. Л. В. Сидорченко]. — М.: Высш. шк., 2001.
- Сорокин Ю. А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология / Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М.: Наука, 1979.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция [пер.с фр. М. Федоровой]. — М.: Моск. философский фонд, 1997.

Assaf F. Lesage et le picaresque. — P.: Nizet, 1983.

Deloffre F. Marivaux et le marivaudage. — P.: Gallimard, 1955.

Géraud V. La lettre et l'esprit de Crébillon-fils. — P.: Champs libre, 1995.

Lever M. Donatien Alphonse François, marquis de Sade. — P.: Fayard, 1991.

Orieux J. Voltaire ou La royauté de l'esprit. — P.: Flammarion, 1978.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. А. Кретов

М. В. Шibaев

Красноярск, Россия

M. V. Shibaev

Krasnoyarsk, Russia

РОССИЙСКОЕ ANTI-ЭКСТРЕМИСТСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация. Рассматривается проблема лингвистического анализа российского антиэкстремистского законодательства.

Ключевые слова: язык закона; экстремизм; лингвистический анализ; лингвопрагматический анализ.

Сведения об авторе: Шibaев Михаил Валерьевич, ассистент кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. Лебедевой, 89.
e-mail: shibaev.m.v@mail.ru.

RUSSIAN ANTI-EXTREMISM
LEGISLATION

IN A LINGUISTIC INTERPRETATION

Abstract. This article focuses on the problems of linguistic analysis of Russian anti-extremism legislation.

Key words: language of law; extremism; linguistic analysis; linguistic and pragmatic analysis.

About the author: Shibaev Mikhail Valerievich, Assistant Lecturer of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

Не секрет, что в современном обществе критика правовых норм, связанных с явлением экстремизма, весьма распространена, однако содержание такой критики в большинстве своем неконкретно и сводится к спорам по поводу правомерности тех или иных судебных разбирательств. Не отрицая важности изучения практики закона, хотелось бы отметить, что для конструктивного диалога в этой области важна и другая сторона — теория, оформленная в правовом тексте, на анализе которой мы и стараемся сконцентрироваться.

В данной статье мы исключим из сферы рассмотрения те аспекты критики, которые относятся к юридической стороне законотворчества, и постараемся акцентировать внимание лишь на тех, рассмотрение которых, в силу профессиональной компетентности, доступно лингвисту. Оговоримся также, что лингвистический анализ, представленный здесь, основан на синхроническом подходе, т. е. учитывает только текущую редакцию правовых норм. Наконец, последнее уточнение: под «антиэкстремистским законодательством» мы, согласно сложившейся традиции, понимаем ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и основные «инструменты наказания» за подобную деятельность — статьи 280 и 282 УК.

В работе А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика» мы встречаем следующее совершенно справедливое замечание: «Язык области права (в широком понимании) включает термины двух основных типов: термины (слова или словосочетания), получающие определение в рамках соответствующих российских законов или в решениях Верховного или Конституционного судов РФ, и термины, определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют» [Баранов 2007: 20]. Вслед за автором обозначим первые юридически определяемыми

терминами, а вторые — лингвистически определяемыми терминами. В рамках этой классификации *экстремизм* является термином юридически определяемым, поскольку его толкование дано в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В последней редакции закона (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) под *экстремизмом* (экстремистской деятельностью) понимается (текст определения приводится не полностью):

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Далее мы подробнее рассмотрим некоторые аспекты этого определения, а пока отметим лишь один существенный факт: толкование термина *экстремизм* построено на основе принципа перечисления частных, конкретных случаев экстремизма (весьма, стоит заметить, неоднородных). Родовые признаки, определяющие сущность понятия, не акцентируются, что подводит нас к вопросам: на основании чего были подобраны эти частные случаи? Какие признаки свойственны рассматриваемому явлению вообще, если его конкретные проявления настолько разнообразны? Структура дефиниции представляется размытой, что, хотя и не затрудняет правоприменение, усложняет закрепление лексемы в языковом сознании русскоговорящих: ведь если экстремизм как понятие до конца не осознан, как может он найти вербальное выражение?

Возвращаясь к уже озвученному тезису о двух типах терминов языка права, стоит отметить, что термины юридически определяемые хотя и имеют четкую и однозначную (в идеале, разумеется) дефиницию, в неправовой коммуникации, как правило, функционируют и в другом значении. Законодатели не изобретают новые вербальные знаки, они просто заимствуют те или иные лексемы языковой семиотики и наполняют их новым содержанием. Язык закона должен не допускать возможности разных толкований, однако источник заимствований — естественный язык — совершенно неизбежно полиинтерпретативен, поэтому любой юридический термин потенциально несет в себе «бунтарский дух» языка, содержит множество значений, отличающихся оттенками смысла и различными коннотациями. Эта амбивалентность природы юридически определяемых терминов (тяга к однозначности и многозначности одновременно) затрудняет их использование, усиливает требование учета коммуникативной ситуации, без понимания которой участники общения не могут быть уверены, что их поймут правильно. Наиболее ярко эти проблемы проявляются в словах, смысловое наполнение которых в быденном и юридическом языках сильнее всего различается. К числу подобных лексем относится и *экстремизм*.

В толковых словарях русского языка это слово имеет следующее определение:

ЭКСТРЕМИЗМ (от лат. *extremus* — крайний). Приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике) [Большой толковый словарь русского языка 2000; Словарь русского

языка 1985-1988; Новый словарь русского языка 2000; Толковый словарь русского языка 1995].

Уточним также значение слова *приверженность*:

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ. Свойство по знач. прил. *приверженный*.

ПРИВЕРЖЕННЫЙ (кому-чему). Являющийся неизменным сторонником кого-, чего-л.; преданный, верный [Большой толковый словарь русского языка 2000; Словарь русского языка 1985—1988].

Рассмотрим подробнее отдельные семантические и коннотационные компоненты значения слова *экстремизм* в общем и в собственно юридическом употреблении.

- *Экстремизм* в праве понимается как **деятельность** («насильственное изменение», «публичное оправдание», «нарушение прав»), *экстремизм* в быденном языке относится скорее к **позиции человека и его взглядам**.

- *Экстремизм* юридический **противоправен, т. е. отступает от нормы закона** (ответственность за экстремистскую деятельность предусмотрена Уголовным кодексом РФ), *экстремизм* в быденном языке тоже **отступает от нормы, но уже нормы этической и нормы конформного поведения**.

- *Экстремизм* как термин, обозначающий преступные действия, наделен ярко выраженными **негативными коннотациями** (по крайней мере, в группе законопослушных граждан), *экстремизм* же в значении «приверженность к крайним взглядам» **более нейтрален**. Норма взглядов, мнений, в отличие от нормы закона, не является строго закрепленной и варьируется в различных ситуациях и социальных группах. Так, например, замещение номинации «октябрьский переворот» «Великой Октябрьской социалистической революцией» говорит нам о том, что явление, изначально рассматриваемое как экстремистское, с изменением исторической ситуации перестало видаться таковым. В связи с этим неправовое употребление слова *экстремизм* оказывается, как правило, связано с менее категоричной негативной оценкой чего-либо.

Таким образом, мы видим, что значения термина *экстремизм* в двух видах коммуникации — юридической и быденной — значительно отличаются, что на практике может привести общающихся в рамках разных парадигм людей к ситуации коммуникативной неудачи. Все это актуализирует вопрос: имело ли смысл вводить в текст закона новый термин, придавая ему столь отличное от первоначального значение? Не стоит ли задуматься о целесообразности его использования или хотя бы дать такое определение, которое может прояснить сущность самого явления?

Далее обратимся к не менее спорному моменту: что означает фраза «возбуждение социальной, национальной или религиозной роз-

ни»? Интуитивно понятно, что такая формулировка подразумевает наличие различных групп людей, объединенных по определенному признаку (социальному, национальному или религиозному). Рассмотрим эти группы подробнее.

1. Религиозная группа, т. е. группа людей, связанных по признаку их отношения к религии. Однако возникает сложность: какое из значений слова *религия* имелось в виду? В широком смысле эта лексема означает «совокупность представлений, основанных на вере в существование высших сил» [Новый словарь русского языка 2000], в более узком — то или иное вероисповедание. Эти два значения обуславливают наличие двух подходов к толкованию закона, весьма различных по своему содержанию. С одной стороны, «религиозная рознь» может пониматься как рознь между группами людей, по-разному относящихся к существованию определенного бога или идее существования бога вообще, с другой — как межконфессиональная рознь. Е. И. Галяшина в своей работе «Лингвистика vs экстремизма» отождествляет религиозную группу с конфессиональной, что кажется нам не совсем верным. В рамках такого узкого понимания возникает вопрос: как трактовать такие группы людей, как «атеисты», «кафиры» (мусульм. «неверные»), «гои» (иуд. «неверные»)? Атеизм (несмотря на расхожее мнение, что отсутствие веры в Бога есть вера в его отсутствие) не является конфессией, а «неверные» могут как представлять разные религии, так и не верить в Бога вообще. Очевидно, что вражда адептов одной веры с людьми, которые их веру не разделяют, имеет ярко выраженную религиозную подоплеку, соответственно и враждующие группы должны обозначаться как религиозные, несмотря на конфессиональную гетерогенность. Широкое понимание термина «религиозная группа», на наш взгляд, более логично и оправданно, однако в современном правоприменении менее распространено.

2. Социальная группа. Одна из наиболее неоднозначных номинаций. Отсутствие уточнения данного словосочетания в рамках закона отсылает нас к одному из возможных путей толкования: социологическому или лингвистическому. В социологических источниках часто встречается следующее определение термина: «совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом на основе разделяемых ожиданий каждого члена группы в отношении других» [Фролов]. Существует и более широкое понимание, согласно которому к социальным группам относятся, в частности, матери-одиночки, подростки [Кравченко], пенсионеры, миллионеры [Добренков, Кравченко], то есть общности людей, не обязательно взаимодействующие друг с другом. На наш взгляд, социологическое рассмотрение этой проблемы не является разумным. Исходя из постулата прозрачности (т. е. понятности) закона для рядовых граждан и очевидной идеи о том, что

большинство людей, населяющих страну, не является носителем научного социологического знания, можно сделать вывод, что лингвистическое толкование более приемлемо, так как знание языка (на уровне носителя) имеется у всех россиян и именно оно, это знание, в первую очередь определяет понимание нормативных документов.

С точки зрения лингвиста социальной группой можно считать любую группу как составную часть общества. В таком случае группы национальные, расовые, религиозные и т. д. будут являться гипонимами по отношению к рассматриваемому понятию.

Другое, более узкое понимание предлагают Л. А. Араева и М. А. Осадчий: «совокупность человеческих индивидов, объединенных социальными (неприродными, небиологическими) признаками, как то: профессия, политические и философские убеждения, хобби, стиль жизни, место проживания и т. п.» [Араева, Осадчий 2007: 212]. Но ведь даже такой «суженный» вариант определения является поистине всеохватывающим. Таким образом, под определение «разжигание социальной розни» теоретически можно подвести практически любое возбуждение вражды между любыми общностями людей.

3. Национальная группа. Вопрос, возникающий при оценке данного термина: мотивировано ли слово *национальная* принадлежностью к одной национальности или одной нации? В первом случае такая группа будет пониматься как этническая (наиболее распространенный правоприменительный подход), во втором — как полиэтничная (в основном) группа, возникшая на базе языка, территории, культуры. В одном случае перед нами этнос, в другом — «суперэтнос» (в терминологии пассионарной теории этногенеза). Два этих определения конфликтуют друг с другом и рожают недопонимание: неясно, что следует считать денотатом термина. Типичный пример денотата *национальной группы* в первом значении — это «русские», во втором — «россияне». Возможно, в данном случае интуитивно более понятным было бы использование формулировки «по признаку национальности человека и его гражданской принадлежности» вместо «по признаку национальной принадлежности».

Еще один спорный момент — слово *рознь*, употребляющееся в тексте федерального закона. Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой толкует эту вербальную единицу как «вражда, ссора», толково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой добавляет еще один синоним — «несогласие». Учитывая рассмотренную выше широту понятия «социальная группа», можно сказать, что формально любые действия, способные привести к появлению несогласия между какими-либо группами людей, можно обозначить как экстремистские. В лингвопрагматическом аспекте слово *рознь* хотя и выра-

жает идею конфликта между общностями людей, не обладает в достаточной степени сильными и яркими негативными коннотациями, чтобы дать понять читающему, насколько силен конфликт, о котором идет речь. Формулировка «возбуждение ненависти или вражды» из 282 статьи Уголовного кодекса была бы удачней, так как за счет экспрессивной окраски лучше бы выражала идею «сильного конфликта».

Не избежал текст закона и своего рода порочных кругов, предельно расширяющих понимание противоправной деятельности. В частности, под экстремизмом понимается «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Слова *и иная террористическая деятельность* подразумевают, что оправдание рода действий X есть разновидность действий X, но из этого следуют неизбежные рекурсии вида «оправдание оправдания оправдания терроризма», все элементы которых будут считаться преступлениями. Другой порочный круг скрыт в определении экстремистских действий как «содействия в их (таких действий — М. В.) организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг». С учетом неопределенности такого содействия и отсутствия уточнения о его прямом умысле при гипотетической ситуации признания книги автора А экстремистской может произойти следующее:

- Признание экстремистской компании «Б» в связи с тем, что она спонсировала издание книги.
- Признание экстремистским издательства «В», напечатавшего книгу.
- Признание экстремистским магазина «Г», продававшего книгу.
- Признание экстремистским рекламного агентства «Д», рекламировавшего книгу.

И далее, как следствие того, что содействие содействию экстремизму суть экстремизм:

- Признание экстремистской деятельности банка «Е» по оказанию услуг кредитования компании «Б» в целях спонсирования издания книги.
- Признание экстремистской деятельности художника Ж, оформившего обложку книги для издательства «В».
- Признание экстремистским периодического печатного издания «З», опубликовавшего рекламу магазина «Г».
- Признание экстремистской деятельности организации «И», распространявшей рекламные буклеты книги по заказу рекламного агентства «Д».

Этот список в принципе можно продолжать до бесконечности.

Еще один важный аспект федерального закона «О противодействии экстремистской дея-

тельности» — использование категорий *угроза* и *призыв*, уже традиционно рассматриваемых в современной юрислингвистике в рамках теории речевых актов.

По мнению К. И. Бринева, *угроза* как речевой акт характеризуется наличием «перлокутивного эффекта угрозы» (т. е. обладает признаком «реальности») и «содержит констатацию намерений говорящего при условии невыполнения слушающим требуемого от него говорящим» [Бринева 2009а]. У него же найдем и описание формулы *угрозы*:

А. Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое.

Б. Думаю, что ты знаешь (или можешь думать), что я могу сделать тебе нечто плохое.

В. Хочу, чтобы ты знал (думал), если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое.

Г. Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.

Д. Говорю это для того, чтобы ты не делал X [Там же].

Здесь кроется весьма спорный момент: с одной стороны, включение пункта Б кажется весьма логичным, ведь угроза должна быть правдоподобной, с другой — уточнение в статье 119 УК: «...угроза... если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы», — подразумевает, что в подъязыке права явление угрозы обязательной правдоподобностью не обладает, иначе формулировка была бы избыточной. Стоит признать, что для большей прозрачности и избавления правового текста от потенциальной многозначности не помешало бы уточнение «реальности» угрозы, наподобие упомянутого выше.

Наиболее удачное и исчерпывающее определение термина *призыв*, на наш взгляд, было дано А. Н. Барановым. Под призывом он понимает «речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [Баранов 2007: 420]. Структуру речевого акта призыва можно представить следующим образом:

А. Хочу, чтобы было X.

Б. Знаю, что X не может произойти само.

В. Знаю, что если делать Y, то возможно, что будет X.

Г. Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было X.

Д. Знаю, что если буду говорить тебе, что необходимо, чтобы было X, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было X.

Е. Говорю тебе: необходимо, чтобы было X.

Ж. Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было X [Бринев 2009: 140—141].

Единственный не до конца ясный момент в толковании понятия призыва — это степень воздействия такого побуждения. Оставляет ли он за адресатом определенную свободу в принятии решения, как, например, некоторые другие побудительные речевые акты (совет или предложение), или требует безусловного исполнения? Более вероятным все-таки кажется второй вариант.

Обозначив свою точку зрения относительно понимания федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», обратимся и к основным «инструментам наказания» за экстремизм — статьям 280 и 282 УК РФ, первая из которых описывает наказание за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», а вторая за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации». Другими словами, статья 282 регулирует определенный вид экстремизма, называемый в американской юридической традиции «преступления ненависти» (англ. hate crimes), а статья 280 — призывы к совершению любых экстремистских деяний (в том числе и «преступлений ненависти»). С учетом того, что в формулировке ФЗ призывы к экстремизму тоже являются экстремизмом, область применения данных статей можно обозначить так:

– ст. 280. Призывы к X (= X);

– ст. 282. Y, вид X,

где X — экстремизм, а Y — «преступления ненависти».

Из данного схематического обозначения несложно придти к выводу, что в определенных случаях (а конкретно в ситуации призыва к Y) преступление будет находиться одновременно в «области полномочий» и первой и второй статьи, вследствие чего правоприменение может существенно усложниться.

Подводя итоги, скажем, что высказанная критика является попыткой конструктивного диалога по оптимизации текста антиэкстремистского законодательства и, шире, языка закона вообще. Современная тенденция к нивелированию роли языкознания в формулировании правовых норм приносит горькие плоды: законы выходят в жизнь «сырыми», оставляя интерпретаторам всевозможные лазейки. Чем серьезнее противоправное явление, тем больший вред может принести несовершенство формы вербального выражения, а ведь действия, обозначающиеся экстремистскими, являются одними из наиболее общественно опасных. Хочется надеяться, что в будущем языковое описание явления экстремизма будет более изящным,

пока же придется признать, что на данном этапе «эти формулировки можно толковать — при желании — почти неограниченно широко» [Васильев 2006: 8].

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л. А., Осадчий М. А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений предусмотренных статьей 282 УК РФ // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. 2007. С. 211—215.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000.

Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов : сайт. 2009а. URL: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-46> (дата обращения: 24.01.2011).

Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / под ред. Н. Д. Голева; АлтГПА. — Барнаул, 2009б.

Васильев А. Д. Современное российское языковое законодательство: юрислингвистический анализ и комментарии / Сибирский юридический институт МВД России. — Красноярск, 2006.

Верховский А. Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Информационно-аналитический центр «СОВА» : сайт. 2008. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2008/05/d13425/> (дата обращения: 10.01.2011).

Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. М. В. Горбаневского. — М.: Юридический мир, 2006.

Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология: для специализирующихся по социологической науке // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---001ucheb-00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheb&cl=CL1&d=HASH016ec4e84029e977155557cf.2> (дата обращения: 12.02.2011).

Кравченко А. И. Социология. Общий курс: учеб. пособие для вузов // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---001ucheb--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheb&cl=CL1&d=HASHad6a23d103a9d5e09742b.3> (дата обращения: 29.01.2011).

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М.: Русский язык, 2000. Т. 1.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеологических выражений. 3-е изд., стер. — М.: АЗЪ, 1995.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1985—1988.

Фролов С. С. Социология организаций // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---001учеб--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01учеб&cl=CL1&d=HASHcdf4306508eba614349d40.5.1> (дата обращения: 21.02.2011).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА

Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ред. от 09.07.1999, 25.07.

2002, 08.12.2003) // Уголовный кодекс Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/280/index.htm> (дата обращения: 24.02.2011).

Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ред. от 08.12.2003) // Уголовный кодекс Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/> (дата обращения: 26.02.2011).

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.07.2006, 10.05.2007, 24.07.2007, 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12127578.htm> (дата обращения: 20.02.2011).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

Н. Г. Юзефович
Хабаровск, Россия

N. G. Yuzefovich
Khabarovsk, Russia

**РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОРЛАНДО ФАЙДЖЕСА**

**RUSSIAN LINGOCULTURE
IN THE WORKS BY ORLANDO FIGES**

Аннотация. Рассматриваются способы передачи элементов российской лингвокультуры средствами английского языка. Материал исследования — малоизученный жанр политического дискурса: англоязычная историческая проза о России (книга Орландо Файджеса «*Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*»).

Abstract. The paper analyzes the means used to describe the essence of Russian culture, "Russianness" in historic fiction "*Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*" written by a famous British historian Orlando Figes.

Ключевые слова: ксенономим; культурная история; экспликация; семантизация; «русскость».

Key words: xenonym, cultural history; explanation; semantization, "Russianness".

Сведения об авторе: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры английской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Senior Researcher, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Диалог культур — объективная потребность современного мирового сообщества — предопределяет необходимость изучения дискурса разных сфер человеческой коммуникации. По определению В. Е. Чернявской, дискурс обусловлен идеологически, это «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность» [Чернявская 2003: 54—55].

Именно политический дискурс наиболее ярко иллюстрирует взаимодействие социума и языковой личности: «говорящий не является абсолютным хозяином высказывания, так как сам в процессе речевой деятельности зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, условий протекания речи и предшествующего контекста» [Кожина 2004: 13—14]. В политическом дискурсе функционируют тексты различных типов, при этом жанр текста определяет в некоторой степени модель описываемой действительности, картина мира которой может «отличаться от общенациональной языковой картины мира рядом особенностей» [Голованова 2003: 39—41].

Традиционно политический дискурс связывают с текстами СМИ, выделяя их как объект лингвистических исследований. Однако интерес представляет и популярная в англоязычной литературе «историческая проза» (historic fiction) — своеобразный маргинальный жанр, включающий элементы разных стилей. Подобная литература основана на фактах реальной действительности, что сближает ее с публицистикой, авторы опираются на научные исследования описываемой эпохи, привлекают для иллюстрации художественную литературу, тексты

СМИ. Книги снабжены, как правило, обширной библиографией, что способствует созданию эффекта достоверности изложения, при этом автор преломляет описание через призму собственного восприятия действительности, свой менталитет, идеологию своего общества. При этом следует подчеркнуть, что даже в пределах одного социума индивиды отличаются идеологически, выражая разные, иногда диаметрально противоположные точки зрения.

Обращение к исследованию англоязычной исторической прозы о России определяется необходимостью понять, какими «они» нас видят. Ежегодно за рубежом публикуются новые книги, в которых предпринимается попытка осмыслить значимые исторические периоды нашей страны (революции, войны, сталинизм, советскую эпоху, современность и пр.), выделяя ключевые события и тех, кто, по мнению писателей, определяет ментальность россиян сегодня. Авторы — главным образом британские и американские историки, исследователи и преподаватели русской истории. Назовем некоторые публикации XXI в.: R. Brackman. *The Secret File of Joseph Stalin: A Hidden Life*. — L., 2001; G. Hoskings. *Russia and the Russians*. — Penguin, 2001; M. Kostromina-Wayne & P. Wayne. *Living & Working in Moscow*. — L., 2002; W. Adamczyk. *When God Looked the Other Way: An Odyssey of War, Exile, and Redemption*. — University of Chicago Press, 2004; A. Jack. *Inside Putin's Russia*. — L., 2004; Ch. Freeland. *Sale of the Century. The Inside Story of the Second Russian Revolution*. — Abacus, 2006; A. Seierstad. *The Angel of Grozny: Inside Chechnya*. — Virago,

2008; M. Goldman. Oilopoly. Putin, Power and the Rise of the New Russia. — Oxford, 2008; D. Lieven. Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807—1814. — Lane, 2009; E. Lucas. The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West. — Bloomsbury, 2009; J. Dimbleby. Russia. A Journey to the Heart of a Land and its People. — BBC Books, 2009.

В эпоху холодной войны литература такого рода однозначно рассматривалась через оппозицию «свой» (единственно правильный) — «чужой» (враждебный, ложный, фальсифицирующий). Стереотипы такого рода порой звучат и сегодня: книги о России зарубежных авторов воспринимаются нами как предвзятые, искажающие нашу действительность.

В настоящей статье анализируется, какой видит Россию Орландо Файджес (Orlando Figes) и какие лингвостилистические средства известный британский историк, автор ряда книг о России, использует, воссоздавая картину мира российской лингвокультуры.

О. Файджес — английский историк, свободно владеющий русским языком и неоднократно посещавший Россию, что дало ему возможность лично изучать доступные материалы в российских архивах, беседовать с людьми, использовать разнообразные русскоязычные издания. На данный момент ни одна из его книг не издана в переводе на русский язык, поэтому нет устоявшегося написания его фамилии: в критических статьях и на форумах используются разные варианты — Файджес, Фигес или Файгес. Недавно планировалась публикация на русском языке книги “The Whisperers. Private Life in Stalin’s Russia”, однако проект не был реализован.

Исследуемое произведение описывает два века исторического развития сквозь призму формирования культуры. Естественно, многие события культурной жизни, творчество художников находились под влиянием идеологии, связаны с политическими изменениями в обществе.

Эта книга, как и другие произведения историка, получает неоднозначные отклики англоязычных читателей. На форуме “Readers Reviews” звучат и критические голоса, однако в целом англоязычные читатели отмечают, что получили не только удовольствие от чтения книги, но многое узнали о русской истории, о разнообразных чертах русского характера.

Авторская задача сформулирована в названии: “Natasha’s Dance. A Cultural History of Russia”. Роман Л. Н. Толстого “War and Peace” является прецедентным именем в англоязычной лингвокультуре, его наряду с романом Ф. М. Достоевского “Crime and Punishment”, как правило, называют произведениями, из которых читатели узнают о России, русских.

В отечественной лингвокультуре это скорее прецедентный текст, который изучается в курсе литературы в школе. Как показал опрос студентов 5 курса английского отделения, сцена танца

ассоциируется с первым балом Наташи Ростовой. Однако название книги содержит аллюзию на другой эпизод: подразумевается не светский бал, а деревня, где Наташа, услышав народную музыку, не смогла удержаться от пляски, народного танца, ср.: “Though Natasha has never before heard the folk song, it stirs some unknown feeling in her heart. <...> and setting her arms akimbo, also made a motion with her shoulders and struck an attitude. She did the right thing with such precision, such complete precision, <...> this slim, graceful countess, <...> was able to understand all that was in Anisya and in Anisya’s father and mother and aunt, and in every Russian man and woman” [Figes 2005: XXV—XXVI].

Чтобы англоязычный читатель понял замысел автора, аллюзию названия, в предисловии подробно описывается сцена танца, подчеркивается многозначность этого эпизода. То, что представительница высшего света может танцевать, как крестьянка, раскрывает суть русской души (Russian soul), обнажает народные корни, которые определяют «культурную историю России» и «русскость» (Russianness).

В книге выделено восемь тем: «Европейская Россия» (European Russia), «Дети 1812 г.» (Children of 1812), «Москва! Москва!» (Moscow! Moscow!), «Крестьянская свадьба» (The Peasant Marriage), «В поисках русской души» (In Search of Russian Soul), «Потомки Чингисхана» (Descendants of Genghiz Khan), «Россия через призму советского строя» (Russia Through the Soviet Lens), «Россия за рубежом» (Russia Abroad).

Россия XIX в. воспринимается сквозь призму французского влияния: французский язык, искусство, одежда, еда и пр. составляли значимую часть жизни высшего света. Автор цитирует известные работы А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина и др. Однако восприятие Франции, ее культуры под влиянием войны 1812 г., Французской революции и террора меняется, как меняется и отношение к крепостному праву, что приводит к восстанию декабристов, к появлению героев новой эпохи (Children of 1812).

Практически через всю книгу проходит мысль о том, что культура европеизированного высшего света близка по духу русскому народу; «народное самосознание» проявляется в культуре, живописи, литературе, особенно — в музыке.

Описывая тяжелое положение крепостных, издевательства над ними, автор в то же время подчеркивает негативное отношение к этому многим аристократов, интеллигенции 1860-х гг., цитируя И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова (глава “The Peasant Marriage”). Крепостничество рассматривается как исторический факт, причем автор указывает на особенно бесправное положение крепостных женщин. Читатель узнает, что «крестьянский вопрос» (“peasant question”) был в центре внимания в том числе людей искусства. Художники,

например И. Е. Репин, И. Н. Крамской, в своем творчестве подчеркивали значимость простого человека (the peasant as an individual human being). Цветные репродукции (*Бурлаки на Волге/The Volga Barge haulers; Крестьянин Игнатий Пирогов/The Peasant Ignatii Pirogov*) помогают иноязычному читателю представить картину мира российской лингвокультуры.

Файджес много внимания уделяет роли крепостных в создании русской культуры: музыка, живопись, театр и др. — сферы, где крепостные проявили свои таланты. Это стало возможным благодаря содействию аристократов — представителей высшего света. Автор также описывает трагическую, но романтическую историю любви крепостной певицы Праксисы и графа Шереметьева.

В книге нет «традиционного советского подхода», ставящего знак равенства между богатыми и плохими, бедными и хорошими. Опираясь на многочисленные литературные, исторические, политические источники, как русскоязычные, так и изданные за рубежом, автор предпринимает попытку описать разные стороны жизни России, постичь, что такое *русскость* (“Russianness”).

Ссылки на источники занимают более 50 страниц (587—642); на страницах 661—689 приведена рекомендуемая дополнительная литература (к каждой главе), включающая источники на английском языке, в том числе переводы русских авторов. В конце книги дается хронологический справочник (Table of Chronology, pp. 646—656). Наиболее значимые ксенонимы — обозначения артефактов, традиций, институтов власти — описаны в глоссарии (Glossary, pp. 643—645).

Для номинации наиболее ярких и важных культурно-специфических явлений автор использует *ксенонимы*. В концепции лингвистического описания межкультурной коммуникации В. В. Кабакчи национально значимые имена *родной* культуры называются *идионимами*, а ксеноним — иноязычная номинация реалии чужой культуры; иначе говоря, элемент инолингвокультуры получает новое обозначение в другом языке. Так, идионим *пляска* коррелирует со своим ксенонимом *pliaska* в английском языке. О. Файджес понимает, что иноязычные вкрапления без объяснения могут только в какой-то степени создать атмосферу инолингвокультуры, но не сделают ее доступной англоязычному читателю.

Название книги полифонично: автор неоднократно обращается и к роману, и к сцене танца на разных уровнях: это и *khorovod*, и *pliaska*. При всяком их упоминании добавляются новые объяснения, «высвечиваются» культурные ассоциации. Хоровод — это танец по кругу (ritualistic circular movements), что связывает его с древними языческими ритуалами: “...traces of ancient pagan rites had entered into peasant songs and ceremonials — especially the

khorovod, with its ritualistic circular movements” [Figes 2005: 280]. Это также ритуал крестьянской свадьбы (communal rituals): “The Russian peasant wedding was itself performed as a series of communal rituals, each accompanied by ceremonial songs, and at certain junctures there were ceremonial songs, and at certain junctures there were ceremonial dances like the *khorovod*” [Там же: 285]. Это *коллективный ритуал* (collective ritual), торжественный (ceremonial dance): “Collective rituals like the *Khorovod* were total works of art — little ‘rites of spring’ — combining folk song and ceremonial dance with real events in village life” [Там же: 272].

После 1812 г. *пляска* как истинно народный танец стала популярна на балах: “At balls in Petersburg, where European dances had always reigned supreme, it became the fashion to perform the *pliaska* and other Russian dances after 1812. <...> Princess Elena Golitsyn danced her first *pliaska* several decades later at a ball in Novgorod. ‘Nobody had taught me how to dance the *pliaska*. It was simply that I was a ‘Russian girl’” [Там же: 105].

Благодаря неоднократному использованию в разных контекстах, ксенонимы *khorovod* и *pliaska* приобретают прецедентную значимость для читателя. Данные ксенонимы образованы транслитерацией в комплексе с разнообразными способами семантизации.

Российская лингвокультура описана не в строго хронологической последовательности, а как будто мазками, на первый взгляд не связанными друг с другом: автор вводит какую-либо ксенонимическую номинацию без четкой экспликации, но позднее она же появляется уже в другом контексте, сопровождаемая дефиницией, описательным оборотом и пр. Авторский замысел состоит не в написании хроники событий двух веков, а в попытке понять, что такое *русскость* — главная составляющая русской культуры.

Как пишут читатели на форуме [Readers Reviews], иногда такой прием затрудняет чтение, однако постепенно многие начинают понимать, что такое представление культурно-коннотативных единиц, имен писателей, музыкантов и пр. заставляет читателя думать и чувствовать, проникать в текст. Создается впечатление, что описание преломляется через призму сознания читателя — представителя иноязычного мира, — который «путешествует» по разным местам и эпохам российской истории и постепенно осознает, что такое Россия и «русскость».

Интересно проанализировать, как создается символичность ксенонима *khalat*. Читатель оказывается на даче, ксеноним *dacha* является словарным, однако автор выделяет его курсивом, как окказиональную единицу. Понятие ксенонима раскрывается не дефиницией «загородный дом», а комментарием, описанием дачи как важного компонента образа жизни, размеренной и неторопливой, когда весь день можно

провести, «как Обломов в восточном халате»: “...spending the whole day, like Goncharov’s Oblomov, in an oriental *khalat*” [Там же: 106].

Читатель пока не знаком ни с И. А. Гончаровым, ни с Обломовым, значение ксенонима не описано, но курсив является маркером значимости нового слова. Через две страницы автор приводит описание этого элемента одежды, указывая также на его функцию: “...*khalat* (a splendid sort of housecoat or dressing gown in which one could lounge about at home and receive guests)”; подчеркивается, что это тоже признак *русскости* (Russianness) [Там же: 108]. В качестве яркого примера важности ксенонима приведена иллюстрация — портрет А. С. Пушкина: “Tropinin painted Pushkin wearing a *khalat* (plate 22), he was portraying him as a gentleman who was perfectly at ease with the customs of his land” [Там же: 109]. Используются различные способы семантизации: аналог (dressing gown), дефиниция, комментарий и др. Коннотации проясняются контекстом: “...most heartfelt striving of all our Oblomovs is their striving for repose in a dressing gown” [Op cit., p.411].

Символичность ксенонима *khalat* эксплицирует понятие «обломовщина» (*Oblomovshchina*): “The Russians have a word for this inertia — *Oblomovshchina* — from the idle nobleman in Goncharov’s Oblomov who spends the whole day dreaming and lying on the coach. Thanks to the literary critic Nikolai Dobloliubov, who first coined the term <...>, *Oblomovshchina* came to be regarded as a national disease. Its symbol was Oblomov’s dressing gown (*khalat*)” [Там же: 410]. При этом отмечены и определенные политические коннотации ксенонима, автор цитирует В. И. Ленина: «Lenin used the term when he grew frustrated with the unreformability of Russian social life. “The old Oblomov is with us”, he wrote in 1920» [Там же: 411].

Нестандартным представляется описание движения народничества (Populism, popular movement), которое представлено не чисто политическим движением, но и явлением культуры, как в вершинных проявлениях (искусство, живопись, музыка, литература), так и в бытовых (образ жизни).

«Русскость» проявляется, как было отмечено выше, в народных танцах, сказывается она и на моде. Крестьянская одежда превратилась для высшего света в своего рода атрибут политических взглядов. Так, высший свет постепенно отказывался от европейской моды в пользу национальной одежды: “Russian forms of dress became the height of fashion after 1812. At balls and receptions in St Petersburg, and from the 1830s at the court as well, society ladies began to appear in national costume, complete with the *sarafan* tunic and *kokoshnik* head-dress of old Muscovy. <...> The *kaftan* and *khalat* <...>. The *podryovka*, a short *kaftan* traditionally worn by the peasantry, was added to the wardrobe of the nobleman as well. To wear such clothes was <...>

‘to make a conscious statement of one’s Russian-ness” [Там же: 108].

В приведенном выше отрывке автор вводит ксенонимические обозначения одежды, традиционно популярной среди крестьян, но ставшей частью гардероба высшего света после 1812 г. Для экспликации используются разнообразные приемы: аналог (tunic), дефиниция (head-dress of old Muscovy), ранее введенный и внесенный в глоссарий ксеноним (*podryovka*, a short *kaftan*).

В повествование включены многочисленные реалии русской действительности описываемой эпохи, которые выступают как важнейшие маркеры «чужого». Словарных ксенонимов русского происхождения в английском языке не так уж много, причем не требуют семантизации лишь единицы, например, историзмы: *tsar*, *Bolshevism*, — прецедентные имена собственные: *Lenin*, *Stalin*, *Tolstoy* и т. д. Следует отметить, что в англоязычной лексикографической практике принято включать наиболее значимые антропонимы и топонимы в толковый словарь, что у нас не принято.

Обилие имен композиторов, писателей, поэтов, названий их произведений достаточно сложно для восприятия англоязычным массовым читателем, что отмечают читатели в отзывах [Readers Reviews]. С другой стороны, это говорит о том, что автор пытается раскрыть разные стороны лингвокультуры России; кроме того, указатель имен собственных и основных ксенонимических номинаций (Index) помогает ориентироваться в книге.

Одним из популярных способов семантизации ксенонима является раскрытие внутренней формы идионима: транслитерация *pochvenniki* сопровождается калькированием, причем кавычки являются маркером варьирования значения: “...the so-called ‘native soil’ critics (*pochvenniki*)” [Там же: 194].

Автор варьирует способы экспликации новых номинаций, используя комментарий, описание реальных событий, цитаты из литературных произведений, репродукции живописных полотен, описания музыкальных произведений. Причем, как отмечалось выше, наиболее значимые ксенонимические номинации используются в тексте неоднократно и в разных функциях, что позволяет получить более полное представление о понятии, явлении и пр. Так, ксенонимы *pochvenniki* / “native soil” movement описаны на с. 194 (глава «Moscow! Moscow!») и на сс. 331—332 (глава «In Search of the Russian Soul»), чем подчеркивается взаимосвязь разных событий и людей, значимость ксенонима.

Немало страниц в книге посвящено трагическим событиям: обеднение крестьянства, тяжелое положение крепостных, опричнина, последствия нашествия монголов и пр. Автор «выходит» за пределы двух веков, обращается к предшествующим событиям, которые помогают понять последующие периоды, кроме того, ищет «корни» тех или иных фактов. О. Файджес

не стремится к «очернению» российской истории, действительности. В жизни любого государства есть события, которые формируют мрачную картину мира, но она не выносится на первый план, автор рассуждает о том, как прошлое, сложности быта, тяготы жизни повлияли на характер народа, на культуру.

Много внимания уделено описанию взаимосвязи культуры, политики и религии, попытке понять «христианскую душу» (Christian soul). Автор вновь отсылает читателя к литературе: "...the vision of the 'Russian soul' — of a universal spirit that would save the Christian world — which Gogol tried to picture in the second and third volumes of *Dead Souls*" [Там же: 313].

Красной нитью через книгу проходит мысль о связи литературы, живописи, музыки с жизнью народа, автор подчеркивает, что искусство является одним из ключиков к «русскости», важнейшим компонентом которой выступает ксеноним *sobornost'*. В данном случае автор комментирует значение, привлекая и этимологию слова, подчеркивающую религиозные корни русского человека: "The Slavophile idea was rooted in the notion of the Russian Church as a free community of Christian brotherhood — a *sobornost'* (from the Russian word *sobor*, which was used for both 'cathedral' and 'assembly') — as outlined by the theologian Aleksei Khomiakov in the 1830s and 1840s" [Там же: 312]. «Соборность» рассматривается как неотъемлемое качество свободного человека: "The Slavophiles were firm believers in the liberation of the serfs: for only the communion of fully free and conscious individuals could create the *sobornost'* of the True Church" [Там же: 313].

Говоря о том, что славянофилам была присуща вера в «избранность» русского народа, автор отмечает, что корни такого понимания пришли в Россию из Европы: "Gogol was the first to give the 'Russian soul' this messianic turn. The lead came from Germany, where Romantics like Friedrich Schelling developed the idea of a national spirit as a means to distinguish their own national culture from that of the West" [Там же: 313].

По мнению О. Файджеса, одной из причин возникновения идеи «национальной души» (national soul), приоритета духовности была экономическая отсталость страны: "What such nations lacked in economic progress they could more than make up for in the spiritual virtues of the unspoilt countryside. Nationalists attributed a creative spontaneity and fraternity to the simple peasantry that had long been lost in the bourgeois culture of the West" [Там же: 313—314].

Отечественные политические события XX в. представлены главным образом как разрушительные для творчества, негативно повлиявшие на цивилизацию: "The February Revolution had swept away, not just the monarchy, but an entire civilization" [Там же: 436]. Автор не разделяет точку зрения, что революция принесла

пользу бедноте, подчеркивает, что большевики спекулировали на вере бедных крестьян в то, что быть бедным — это по-христиански: "In the Russian peasant mind there was Christian virtue in being poor — a fact the Bolsheviks exploited brilliantly when they called their newspaper *The Peasant Poor (Krestianskaia bednota)*" [Там же: 437].

Читатель знакомится с творчеством А. А. Ахматовой, Е. И. Замятина, В. В. Маяковского и др. Важную роль в формировании «советского человека» играло движение пролеткульта, направление, отражающее новые формы жизни: "The Proletkult (Proletarian Culture) movement was equally committed to the idea of the artist fostering new forms of social life" [Там же: 448]. Идионим *пролеткульт* транслитерируется, а его ксенонимическое обозначение *Proletkult* эксплицируется посредством кальки полного названия (Proletarian Culture).

В советский период — период строительства нового общества, воспитания «нового советского человека», — было образовано множество номинаций, часть которых вошла в словарный фонд английского языка как советизмы. Например: "**Bolshevik 1**) a member of the political party led by Lenin, which took power in Russia in the Russian Revolution of 1917 and later became the Communist Party; **2**) an insulting word for a Communist or anyone with strong-left wing opinions" [Longman Dictionary: 133]. Как следует из словарной дефиниции, номинация обладает выраженной негативной коннотацией (значение 2), кроме того, Communist Party и the Soviet Union в стереотипах «холодной войны» были пейоративны: "Most people in the US and the UK think of communism in relation to the former Soviet Union and China" [Longman Dictionary: 256]. Негативная окраска подобных номинаций «пропитывает» весь контекст, большевизм представлен скорее как разрушительная, чем созидательная сила.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть книгу более подробно, отсутствие перевода на русский язык не дает возможности услышать мнение отечественных историков, литераторов, искусствоведов. На мой взгляд, автор достиг своей цели: представил историю формирования российской лингвокультуры в контакте с развитием политической мысли, идеологией. Именно переплетение культуры и политики влияет на образ жизни как простого народа, так и высшего света, интеллигенции, что и формирует «русскость».

Эффективное и адекватное взаимопонимание возможно, если участники общения стремятся к диалогу. Поэтому мы должны знать, что «они» о «нас» думают, какими «они» «нас» видят.

ЛИТЕРАТУРА

Голованова А. В. Структурно-типологические особенности картины мира в текстах средств массовой коммуникации // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф.

(Екатеринбург, окт. 2003 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. С. 39—41.

Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1998.

Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стилль : межвуз. сб. науч. тр. / СПбГУЭФ ; [под ред. В. Е. Чернявской]. — СПб., 2004. С. 9—33.

Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Наука, 2003. С. 53—55.

Black M. *Dancing Through Russia's Cultural History*. URL: <http://www.albany.edu/offcourse> (дата обращения: 05.10.2009).

Figes O. *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*. — Penguin Books, 2005.

Longman Dictionary of Language and Culture. — Longman, 1998.

Readers Reviews. URL: <http://www.amazon.co.uk/gp/cdp/member-reviews/> (дата обращения: 11.02. 2011).

Статью рекомендует к печати

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.19

А. Л. Джордж
Калифорния, США

A. L. George
California, the USA

НАУЧНЫЙ СТАТУС ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОПАГАНДЫ

THE SCIENTIFIC STATUS OF PROPAGANDA ANALYSIS

15 декабря, 1954 г.

December 15, 1954

Перевод с английского О. В. Григорьевой

Translated by O. V. Grigoryeva

Аннотация. Перевод статьи, подготовленной для «Конференции по теории и методам контент-анализа», которая состоялась в феврале 1955 г. в Иллинойском университете.

Abstract. This is a translation of the article prepared for the Work Conference on Theory and Technique of Content Analysis, which was held in February 1955, at the University of Illinois.

Ключевые слова: контент-анализ; научное исследование; научное объяснение; исследования пропаганды; политическая лингвистика.

Key words: content analysis; scientific inquiry; scientific explanation; propaganda analysis; political linguistics.

Сведения об авторе: Александр Л. Джордж.

About the author: Alexander L. George.

Место работы: Стэнфордский университет.

Place of employment: Stanford University.

Сведения о переводчике: Григорьева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

About the translator: Grigoryeva Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Place of Employment: Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Контактная информация:

e-mail: olgagrigoryeva@mail.ru.

Метод контент-анализа был разработан для исследований пропаганды тоталитарных коммуникаций во время Второй мировой войны. Группа аналитиков из ныне не существующего подразделения Федеральной комиссии по связям (ФКС) предприняла попытку сформулировать выводы о стратегиях пропаганды и лежащих в их основе расчетах политиков в результате пристального наблюдения за немецким радио и связями с прессой. Работы аналитиков интенсивно изучаются в целях восстановления и утверждения научного статуса методов формулировки выводов, которые они применяли с большим успехом. Некоторые результаты этих исследований уже были опубликованы или выйдут в печать в скором времени.

Цель настоящей статьи состоит в попытке оценить научный статус этого специфического применения контент-анализа. Автор надеется, что результаты данного исследования будут полезны ученым, заинтересованным в продвижении методологии научного анализа коммуникации и дальнейшей разработке метода контент-анализа для исследований политической сферы. Вероятно, знакомство с опытом аналитиков из ФКС поможет членам более крупного научного сообщества содействовать утверждению научного статуса метода контент-анализа и осознанию его прагматической пользы для политической сферы.

А. ТРЕБОВАНИЯ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Базовую модель научного объяснения можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Любое объяснение может быть сведено к двум основным составляющим: (1) объяснение явления; (2) объяснение самого объяснения. Объяснение содержит две части: (а) особые предшествующие условия и (б) общие закономерности.

Чтобы считаться адекватным, любое предложенное объяснение должно отвечать определенным логическим и эмпирическим условиям.

Существует три логических условия (ЛУ) адекватности:

ЛУ1. Подвергающееся объяснению явление должно представлять собой логическую последовательность объясняющих его тезисов (предшествующих условий и общих закономерностей), т. е. оно должно быть логически выводимо из информации, содержащейся в них.

ЛУ2. Объяснение должно включать общие закономерности, необходимые для того, чтобы логически вывести объясняемое явление.

ЛУ3. Объяснение должно включать эмпирическое содержание, т. е. по крайней мере в теории поддаваться проверке при помощи наблюдения или эксперимента.

Помимо этого, существует еще одно эмпирическое условие (ЭУ) адекватности.

ЭУ 1. Объяснение должно быть верным. Это означает, что определенные предшествующие условия и общие закономерности должны быть основательно подтверждены всеми доступными существенными эмпирическими доказательствами.

© Джордж А. Л., 1954

© Григорьева О. В., перевод на русский язык, 2011

Б. СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОРМУЛИРОВКИ
ВЫВОДОВ В КОНТЕНТ-АНАЛИЗЕ
С ТРЕБОВАНИЯМИ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Как уже было сказано выше, в целях научного объяснения совершается попытка соотнести следующее: объяснение явления (Р), предшествующие условия (А) и общие закономерности (G). Эти элементы соответствуют следующему аналогу, характерным для контент-анализа:

Р = контентные характеристики; особенности контента, служащие в качестве «индикаторов» для формулировки вывода, которые выделяет аналитик, могут содержать синтаксическую характеристику знаков или же анализ их семантических компонентов (Большинство работ аналитиков ФКС основывалось на семантическом контент-анализе, что означало исследование значений слов, используемых пропагандистами.);

G = общий тезис, который создает возможность соотнести характеристики контента с некоторыми из предшествующих условий;

А = «условия» обозначенных характеристик контента, т. е. предшествующие условия, которые придали контенту специфичные характеристики, расцениваемые исследователем как индикаторы.

Проще говоря, чтобы сформулировать вывод в контент-анализе, нужно начать с известной Р и, учитывая G, придти к А. Следовательно, исследование в области контент-анализа больше похоже на научное объяснение, чем на научное исследование или научное предсказание. (*Научное исследование* обычно (хотя и не всегда) начинается с Р и А и приводит к G. Цель некоторых контентных исследований состоит в обобщениях, связывающих Р и А, которые впоследствии помогут сделать выводы. *Научное предсказание* начинается с G и А и приводит к Р (в некоторых случаях контент-анализ выдвигает предположения касательно конечного Р).)

Стоит задаться вопросом, насколько выводы контент-анализа отвечают требованиям научного объяснения.

1. Требование эмпирического содержания. Предшествующие условия, полученные посредством применения контент-анализа, не противоречат соблюдению требования наличия у научного объяснения эмпирического содержания, которое по крайней мере теоретически поддавалось бы проверке на достоверность при помощи наблюдения или эксперимента (ЛУЗ). Предшествующие условия в анализе пропаганды обычно можно подразделить на три основных типа: реальные события, расчеты политической элиты и стратегии пропаганды, — каждый из которых, очевидно, доступен наблюдению, по крайней мере в теории. Трудность заключается не в самом тезисе, а в практической невозможности получить прямые доказательства, которые бы послужили целям верификации выводов, сделанных относительно предшествующих условий.

Каждый сформулированный вывод, очевидно, носит гипотетический характер, поскольку не может быть проверен надлежащим образом. Это является неотъемлемой частью метода контент-анализа, используемого для формулировки выводов. Если эмпирические данные по интересующим нас предшествующим условиям были бы доступны в момент формулировки вывода, не было бы необходимости прибегать к контент-анализу с целью обнаружить эти предшествующие условия. Эта проблема возникает только из-за того, что искомое условие неизвестно напрямую и недоступно проверке эмпирическим путем.

В некоторых видах исследований эмпирические данные, необходимые для поддержки содержащей объяснение гипотезы либо вывода, станут доступными по истечении определенного периода времени. Такая возможность отсутствует в случае применения метода контент-анализа к пропаганде. В результате вероятно сложно улучшить качество механизмов анализа пропаганды посредством систематической диахронической оценки успехов и неудач, с которыми пришлось столкнуться исследователю. Учитывая происхождение материалов исследования, эмпирические данные для проверки предложенных выводов станут доступными только тогда, когда утратят практическую пользу для политических исследований, т. е. после поражения в войне, радикальной или революционной смены правительства или попросту с утратой актуальности. Например, подобные данные (официальные доклады нацистов, дневники, допросы захваченного в плен личного состава и т. д.) стали доступны для проверки многих выводов, которые были сформулированы ФКС и другими исследовательскими группами, только после окончания Второй мировой войны.

При отсутствии эмпирических данных для непосредственной верификации могут быть предприняты косвенные усилия. Одним из известных методов стало использование хроники исторических событий в качестве основы для уточнения достоверности ранее сформулированных выводов. Этот подход не исключает возможности ошибочных суждений, особенно характерных для тех выводов, которые обычно делаются в политических исследованиях, и, следовательно, не может служить удовлетворительным основанием для косвенной верификации. Так, например, вывод, что определенные характеристики контента демонстрируют желание установить дипломатически дружественные отношения с противником, не обязательно можно доказать фактом, что несколько месяцев спустя такое восстановление отношений действительно имеет место. Подобное желание может возникнуть уже после того, как вывод был сделан, либо вывод, являясь по сути верным, может основываться на неверных индикаторах контента или некорректной реконструкции стратегии пропаганды. Подобным об-

разом выводы аналитика не опровергнут и последующие события, которые, казалось бы, идут вразрез с его первоначальным суждением. Следовательно, факт отсутствия каких-либо шагов по восстановлению дружественных отношений может попросту означать, что изначальное решение двигаться в этом направлении изменилось и отнюдь не доказывает, что такое решение не было принято в тот момент, когда контентный аналитик сформулировал вывод.

Поскольку эмпирическое подтверждение результатов затруднительно и не всегда своевременно, контент-анализ принято относить к высокогипотетическому виду исследований по сравнению с прочими формами научного объяснения. В самом деле, элемент неопределенности всегда сопровождает политические исследования подобного рода. Как контентные аналитики, так и их клиенты были бы несказанно рады возможности проверить некоторые из своих предположений в ходе самого политического исследования. Однако то же ограничение в какой-то мере характерно и для прочих методов исследований, используемых при изучении таких явлений, как поведение элиты или стратегий, которые не представляется возможным изучить в условиях непосредственного наблюдения.

1. Требование соблюдения общих закономерностей. Формулируя вывод, контентные аналитики встречаются со значительными трудностями при попытке соблюсти требование соблюдения общих закономерностей. Даже сам процесс выработки гипотезы, предполагающей соотношение между контентными характеристиками (Р) и предшествующими условиями (А), явно не отвечает этому требованию и, следовательно, не может считаться научным объяснением явления.

Сложность данной проблемы не удивительна, если учесть зачаточное состояние современных знаний о политической коммуникации. Все доступные обобщения по поводу политической коммуникации часто лишены какой-либо конкретной значимости для формулировки вывода, а их потенциальная польза часто нивелируется неточным обозначением или неочевидной достоверностью. В результате, контентным аналитикам свойственно использовать подобные обобщения при доказательстве в качестве *ad hoc* постулатов или, как правило, лишь подразумевать эти данные при объяснении причин, которыми они аргументируют свой вывод. Более того, кажется, сам контентный аналитик сознательно или бессознательно не приводит удовлетворительного объяснения для подобных обобщений и не считает, что оно оказывает серьезную поддержку его выводам. (Стоит отметить, что контентные аналитики осознают необходимость выявления общих закономерностей, существенных для формулировки выводов, посредством специальных исследований в рамках контент-анализа.)

Как следствие, иногда в контент-анализе оспаривается само требование наличия общих

закономерностей на основании того, что хороший вывод не всегда возможно или обязательно заменить правилами. Этот тезис можно перефразировать следующим образом: в контент-анализе, как и в других разновидностях экспертного суждения, сформулировать достоверные выводы возможно, следуя от частного к частному, без формулирования любой исчерпывающей общей закономерности или же подтверждающего вывод обобщения. Отсутствие подобного правила, однако, не свидетельствует о верности или ошибочности вывода, сформулированного посредством контент-анализа. Чтобы проверить вывод на верность или ложность, нужно подвергнуть его эмпирической проверке, и не важно, можно ли сформулировать при этом общие закономерности или аргументацию, на базе которой он возник. Подобным образом, например, профессиональный игрок в покер обычно может определить, блефует ли его противник; для этой цели он будет использовать обобщения, но затруднится сформулировать основания для своего суждения. Пожалуй, если он постарается, ему удастся перечислить некоторые критерии, используемые им для формулирования вывода, но их неадекватность обнаружится, как только их попытается применить другой человек. Следовательно, можно сделать такое заключение: вероятно, в контент-анализе, как в покере, «профессионализм» носит интуитивный характер. Хотя профессионал использует обобщения в частном порядке, ему вряд ли удастся описать их сводом формальных правил.

Этот общий довод, хорошо знакомый по другим научным исследованиям, обычно опровергается исследователями научной мысли. К тому же существуют практические основания со стороны заинтересованных высших должностных лиц, из-за которых контентному аналитику выдвигают требования приводить существенную аргументацию в поддержку своих выводов. Аналогия с профессиональным игроком в покер не подходит в силу нескольких причин. Во-первых, статистическая основа покера хорошо известна, в отличие от анализа средств пропаганды. Профессионализм в покере возможен, однако отнюдь не очевидно, что сравнимое умение может быть достигнуто в исследованиях пропаганды. Тем более что в покере сделанный вывод как в отношении возможного блефа партнера по игре, так и в отношении его политики ставок и ходов можно проверить после каждой раздачи карт; с этого ракурса данный пример не подходит для описания способов формулировки выводов в контент-анализе. Ценность эмпирической проверки показательна в правиле, регулирующем необходимость платить за просмотр карт соперника. При благоприятных условиях в игре игрок может проверить свои выводы относительно техники игры соперника в течение короткого периода времени при помощи непосредственного наблюдения

за его игрой с различными наборами карт; к тому же он может применить полученные подобным образом знания при последующих раздачах. Как мы видим, обучаться подобным образом сложно в случае с исследованиями пропаганды. Наконец, из-за того, что покер — игра, рассчитанная на индивидуальных игроков, игрок в покер одновременно исследует интеллектуальные способности противника и принимает дальнейшие решения на основе собственного анализа. Контентный аналитик, напротив, является специалистом исключительно по интеллектуальным способностям и, следовательно, испытывает трудности, демонстрируя достоверность собственных выводов и профессионализм заинтересованным высшим должностным лицам.

По тем же причинам требование того, что гипотеза, содержащая вывод, должна быть поддержана существенной аргументацией, нельзя проигнорировать в политическом применении контент-анализа. Вывод, не поддержанный развернутой аргументацией, может оказаться верным, однако если можно сформулировать адекватные обобщения, важные для поддержки вывода, вероятность достоверности самого вывода повысится, а также возникнет возможность обучения методу других. Поскольку эмпирическая проверка выводов контент-анализа посредством определения профессионализма аналитика по его предшествующему опыту совершенно неосуществима, более значимой, следовательно, является самостоятельная проверка достоверности индивидуальных выводов в ходе исследования. Аргументация и обобщения, приводимые контентным аналитиком в поддержку выводов, обеспечивают такую возможность.

2. Точная характеристика явления, подвергающегося объяснению. Особенности подвергающегося объяснению явления (Р) должны быть предельно точно охарактеризованы в любом виде исследования; однако в контент-анализе это крайне затруднительно. Материалы пропаганды, которые обычно изучает контентный аналитик, могут получить большое количество всевозможных интерпретаций. В большей степени, чем в прочих формах научного объяснения, явления, подвергающиеся объяснению, не известны изначально и идентифицируются самим аналитиком. Проницательность и диагностические умения аналитика состоят в умении различить, какие аспекты контента (Р) можно соотнести с предшествующими условиями. Неточные характеристики (Р) могут иметь серьезные последствия, обозначенные ниже.

3. Логические отношения между объяснением и объяснением явления. Требование того, чтобы научное объяснение (т. е. предшествующие условия и общие закономерности) должно быть логически взаимосвязанным с явлением, которое подвергается объяснению, можно считать требованием, обязательным для контент-анализа. Это означает, что Р должно быть выво-

димо из А и G (требование ЛУ2). В случае с контент-анализом исследователь столкнется с различными трудностями в попытке соответствовать этому требованию по следующим причинам: а) поддерживающие обобщения не всегда всецело адекватны; б) не все существенные предшествующие условия могут быть выявлены; в) обозначение Р может быть неоднозначно.

В. ПРОБЛЕМА ЕДИНООБРАЗИЯ ТЕРМИНОВ В ОПИСАНИИ КОНТЕНТА

Современная наука своей целью ставит установление общих закономерностей причинно-вероятностного характера. Знание, которое не носит причинно-вероятностный характер, не существенно для науки и должно расцениваться как донаучное; не важно, сколь полезным оно может стать для повседневной жизни или специализированных отраслей.

Научное исследование основывается не на отдельных примерах, а на их общей характеристике или же выделении их типов. Иногда утверждается, что отдельно взятые или регулярно повторяющиеся человеческие действия обладают уникальностью, и следовательно, их невозможно охарактеризовать посредством обобщений, носящих причинно-вероятностный характер. Этот довод основывается на превратном понимании логического характера научного исследования и объяснения. Верно, что научное исследование стремится обнаружить схожие явления, и выявление причинных и вероятностных законов предполагает повторение самих явлений.

Однако явления, представляющие интерес для науки, скорее относятся к определенному типу, нежели являются единичными. Едва ли причинно-вероятностный закон утверждает, что явления с определенными и специфическими характеристиками сопровождаются или же имеют тенденцию сопровождаться событиями с иными определенными и специфическими характеристиками.

Для формулировки и проверки подобных законов требуется отнюдь не повторение одного и того же события, а отдельных событий, обладающих специфическими характеристиками. Ядром научного исследования должно стать именно повторение определенных типов событий, а не частные случаи. Неповторимость событий не уникальная черта человеческой истории. В физике, как и в психологии и других науках об обществе, частный случай уникален в том смысле, что он никогда не повторится со всеми присущими ему особенностями.

Именно в силу этих соображений те, кто совершил попытку разработать контент-анализ в качестве метода научного исследования коммуникации, настаивают на использовании единых терминов и категорий при описании контента. Это требование наиболее четко сформулировано в определении контент-анализа, которое предложили Натан Лейтес и Итэль де Сола Пул. На практике это означает, что язык, на ко-

тором происходит контентно-дискриптивное описание, должен быть более общим, чем язык исследуемого контента, а не идентичным ему. Отношения между выбором контентных категорий и попытками разработать систематичную теорию здесь рассмотрены не будут.

Требование единообразия в терминологии напрямую ассоциируется с количественным методом контент-анализа. Однако аналитики ФКС обнаружили, что количественные свойства языка обладают ограниченными возможностями для формулировки выводов. Последние в значительной степени зависят от качественных характеристик контента, не важно, были ли подобные характеристики представлены в изучаемой коммуникации.

Использовать единую терминологию при описании контента обычно удавалось именно в частотном подходе, а не в нечастотном подходе, который применяли аналитики ФКС. Например, употребление слова «контртеррор» Геббельсом в одной из речей было маркировано как существенное для формулировки вывода. В подобных примерах нечастотного подхода аналитики ФКС не предприняли попытки абстрагироваться или обобщить определенные характеристики слов, использовавшихся Геббельсом.

Возникает вопрос, является ли нарушение требования о наличии единой терминологии присущим формулировке выводов в нечастотном описании контента. Аналитики ФКС скорее стремились использовать оригинальный язык, нежели абстрактные тезисы, суммирующие его отдельные характеристики, в силу нескольких причин. Во-первых, коль скоро незамедлительный вывод в некоторых случаях можно сделать без обобщения индикаторов контента, возможно, аналитику он покажется и вовсе не обязательным. Во-вторых, поскольку попытка обобщить нечастотные индикаторы все равно рано или поздно потребует, эту задачу можно отложить, учитывая лихорадочный темп, в котором пришлось работать аналитикам ФКС. В-третьих, аналитики ФКС, вероятно, не желали обобщить нечастотные индикаторы в силу боязни посредством этого утратить значимость оригинального языкового события, которое было необходимо для формулировки выводов (как отмечалось ранее, для того чтобы сформулировать выводы, аналитики ФКС преимущественно обращали внимание на семантические компоненты пропаганды).

Все это, конечно, составляет лишь треть объяснений, проясняющих невозможность в полной мере соответствовать требованию научного объяснения в нечастотном контент-анализе.

Проблема сути нечастотного описания контента и его роли в формулировке выводов требует дальнейшего изучения. Вероятно, нечас-

тотные индикаторы в той или иной форме поддаются качественным измерениям. Однако остается неясным, являются ли доступные методы качественного измерения адекватными для решения поставленных задач и улучшит ли выводы в политических исследованиях их существенно возрастающая приблизительность, которая возникает в результате подобного подхода.

Дав ему оценку согласно формальным критериям, выдвинутому для современного научного исследования, нечастотный подход, вероятно, необходимо отнести к донаучному методу анализа. Не умаляя достоинств данного метода для политической сферы, следует отметить, что его вряд ли стоит незамедлительно и без веских на то оснований причислить к сугубо научному способу познания.

Нечастотный подход требует внимания с более широкой философской позиции, поскольку он, вероятно, таит в себе возможность восприятия хотя бы некоторых языковых и манипулятивных коммуникаций как уникальных, вследствие чего контентный аналитик может целостно осмыслить семантические компоненты речи говорящего и рассмотреть их в прагматическом измерении. Если обосновать подобную позицию, она будет оправдана, по крайней мере для решения задач конкретного исследования. Если семантические компоненты языка нельзя рассматривать в рамках научного исследования, можно доказать и то, что языковые модели, необходимые для анализа, не обладают причинно-вероятностным характером.

Стоит отметить, что аналитики ФКС, очевидно, разработали нечастотный контент-анализ, основываясь на особом способе построения выводов. Вероятно, для применения этого косвенного метода было необходимо попытаться понять семантические компоненты языка, используемого пропагандистами. По этой причине аналитики предпочли рассматривать языковые события как частные случаи для того, чтобы детально исследовать их коммуникативные и событийные контексты.

Однако стоит также отметить, что исследования аналитиками ФКС содержания пропагандистских коммуникаций часто отвечали требованию использования единой терминологии в описании. В этом случае они обычно прибегали к перечислению частотных индикаторов контента для формулировки выводов. Частотный подход применялся повсеместно, но всегда наряду с прямым методом формулирования выводов. Самое существенное ограничение подобного метода состояло в том, что для формулирования выводов отсутствовали адекватные обобщения, которые связали бы типы контентных характеристик с типами предшествующих условий, имеющих отношение к расчетам политической элиты.

Перевод рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Э. В. Будаев

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1:81'27

ББК Ш100.3(049.32)

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

А. Д. Васильев

Красноярск, Россия

**СЛОВЕСНАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
В ОСВЕЩЕНИИ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Аннотация. Рецензии на книги: Романенко, А. П. *Образ ратора в советской словесной культуре*. — М.: Фланта-Наука, 2003. — 432 с.; Романенко, А. П. *Советская герменевтика*. — Саратов: ИЦ «Наука», 2008. — 166 с.; Козулина, М. В. *Советская массовая поэзия. Хрестоматия* / М. В. Козулина, А. П. Романенко. — Саратов: ИЦ «Наука», 2009. — 237 с.; Козинец, С. Б. *Словарь советизмов. Наименования лиц: пробный выпуск* / С. Б. Козинец, З. С. Санджи-Гаряева. — Саратов: ИЦ «Наука», 2009. — 70 с.

Ключевые слова: советский; риторика; герменевтика; лексикография; лексикология.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. Лебедевой, 89.
e-mail: vasiljeva@kspu.ru.

**VERBAL CULTURE OF THE SOVIET EPOCH
IN THE WORKS BY SARATOV SCHOOL
OF POLITICAL LINGUISTIS**

Abstract. Book reviews: Romanenko, A.P. *Image of a Rhetor in the Soviet Verbal Culture* M.: Flinta-Nauka, 2003. — 432 c.; Romanenko, A.P. *Soviet Hermeneutics*. — Saratov: «Nauka», 2008. — 166 c.; Kozulina M.V. *Soviet Mass Poetry*— Saratov: «Nauka», 2009. — 237 c.; Kozinets S. B. *Dictionary of Sovietisms* — Saratov: «Nauka», 2009. — 70 c.

Key words: soviet; rhetoric; hermeneutics; lexicography; lexicology.

About the author: Vasiliev Alexander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

Феномены целенаправленного использования властью языковых средств в таких сферах жизни социума, как культура, идеология, политика, постоянно привлекают внимание лингвистов. Это объясняется прежде всего той непреходящей ролью, которую играет язык в сотворении мифов, что столь важно для успешного манипулирования общественным сознанием. Язык предоставляет мифотворцам словесные ресурсы, из которых конструируются вербальные артефакты, зачастую подменяющие собой реалии. Система аксиологических координат программирует актуализацию определенных, ключевых для нее лексем, то изменяя их исходную семантику, то придавая им необходимые коннотации и выстраивая с их помощью идеологические модели. В свою очередь, идеологическое моделирование обеспечивает функционирование таких лексем в качестве неотъемлемых компонентов этой системы, ее же и формирующих.

Представляется во многих отношениях результативным изучение, в том числе через лексикографирование, по возможности всей массы текстов, в совокупности фиксирующих, тиражирующих и утверждающих сакральные ценности той или иной эпохи, которые могут хотя бы рудиментарно присутствовать и на последующих стадиях существования этносоциума. Ведь «по сути дела все, что содержится в актуальной памяти культуры, прямо или опосредованно включается в ее синхронию» [Лотман 1996: 169].

Сказанное применимо и к советской эпохе отечественной истории. Возможно, именно всеобъемлющие реформы и инновации последних двух десятилетий, включая «воспитание общероссийского патриотизма» на непонятной основе, вполне предсказуемо стимулируют доброжелательное обращение общественного сознания к ряду фундаментальных достоинств относительно недавнего социально-экономического устройства. Отнюдь не случайно, что, по некоторым данным, само слово *советский*, воспринимающееся как символ-олицетворение того исторического периода, вызывает у большинства прежде всего такие чувства, как ностальгия, гордость, одобрение, благодарность, восхищение [см. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1421].

Однако слово *советский* — лишь один из многих вербальных символов, функционировавших в качестве идеолого-пропагандистского обеспечения государственного механизма. Необходимо разноаспектное и объективное рассмотрение специфических черт официальной советской словесной культуры.

К одним из первых крупных работ такого плана принадлежат книги А. П. Романенко — монография «Советская словесная культура: образ ратора» (Саратов, 2000) и учебное пособие «Образ ратора в советской словесной культуре» (М., 2003).

Следует согласиться с автором прежде всего в том, что это учебное пособие несколько необычного характера — не только потому, что

в оборот вводится материал, во многом новый для гуманитарных наук и предлагаются нестандартные пути его интерпретации. Оригинален сам замысел исследователя: создать по возможности адекватную модель советского человека в филологическом (и языковом, и речевом) аспекте: «Это образ любого советского человека, выполнявшего ту или иную социальную функцию, связанную с публичной речемыслительной деятельностью: политика, партийного функционера, хозяйственника, администратора, управленца, юриста, журналиста, писателя, художника, артиста, научного работника, педагога (разумеется, не в равной мере)» [Романенко 2003: 3].

Совершенно справедливо полагая, что выявление специфики советской языковой жизни нельзя считать исчерпанным, А. П. Романенко не подстраивает описание материала под уже имеющиеся схемы (к тому же обычно предназначенные для характеристики иных исходных данных), но удачно разрабатывает собственную концепцию. Автор считает, в частности, что термин *дискурс* в ряде современных российских речеведческих работ десемантизировался и его использование призвано по преимуществу символизировать приобщенность к западной традиции, но он «неприемлем для изучения фактов советской словесной культуры, как культуры прошлого» [Там же: 28]. Поэтому, во многом опираясь на позиции В. В. Виноградова и М. М. Бахтина, А. П. Романенко предпочитает в качестве ключевого элемента метаязыка своей книги термин *образ ратора* — это «филологическое, а не лингвистическое понятие: социально-политический норматив речи: коллективный субъект речи; герменевтически значим; реализуется в этосе, пафосе, логосе: смысловой центр прозаической словесной культуры; способен выполнять функцию исследовательского конструкта» [Там же: 34]. Итак, образ ратора — «во-первых, антропоцентричный социально-политический норматив прозаической речи, представляющий словесную культуру в аспектах этоса, пафоса и логоса; во-вторых, конструкт для изучения прозаической словесности культуры» [Там же].

Автор книги, учитывая известные квалификации советской словесности как пропагандистской, политизированной, мифологизированной и т. п., указывает, что особенности ее функционирования во многом определялись властью (об исторических предпосылках этого см.: [Там же: 9—12]), деятельность которой осуществлялась по принципу демократического централизма (последний филологически интерпретируется на с. 81—84 и др.): множество мнений при обсуждении какого-либо вопроса — и выработка единого (и единственного!) мнения, получавшего фиксацию в документе, отступления от которого уже не допускались. Партийный документ лежал в основе и организации жизни общества, и его речевой деятельности. Таким

образом, функционирование советской словесности велось почти всецело (почти — из-за отсутствия компонента ораторики) по правилам документооборота: речевое произведение в любой публичной сфере общения могло распространяться лишь после получения обязательных реквизитов (резолюций, виз, согласований, подписей, печатей и т. п. — см. [Там же: 9, 62—63, 83, 110, 351—352]). Примечательно, что в разные периоды советской истории соотношения между совещательной речью и документом были различны, но, по мнению А. П. Романенко, окончательно возобладал последний. И именно документ получил высший, почти священный, т. е. освященный государственной (атеистической!) властью статус.

Заслуживает внимания тезис о том, что в сравнении с раннехристианской в период своего возникновения социалистическая культура была значительно более разрушительной, но все же не абсолютно нигилистичной: в старой культуре отыскивалось и частично позитивное для социалистической содержание, которое упрощалось и вульгаризировалось, инструментом чего выступала риторика, сводившая учение до «политграмоты»; особые усилия в этом направлении приложили Ленин и Сталин [Там же: 146—148].

Конечно, не вызывает сомнения, что одной из стратегических целей массового обучения грамоте («ликбеза») было достижение максимальной доступности официальной пропаганды, а следовательно, широчайший охват ею аудитории и повышение возможностей манипулятивного воздействия власти на общественное сознание (ср. замечания о необходимости ликвидации неграмотности для регулярного обучения так называемой политграмоте — [Там же: 158]; о том, что в результате ликбеза изменился речевой облик масс — от неграмотных к грамотным). В итоге «письменное слово в советском обществе стало наиболее авторитетным и понималось как норматив литературного языка (языкового стандарта)» [Там же: 264]. Однако, несмотря на наличие директивных государственных документов (например, декрета СНК 1919 г.) и создание чрезвычайных комиссий по ликвидации безграмотности при Наркомпросе и на местах [Там же: 274], вряд ли можно безоговорочно квалифицировать характер этой кампании как «сугубо принудительный» [Там же]. Неслучайно автор дважды цитирует фразу М. В. Панова: «Грамотность для многих была внове и ценилась невероятно высоко» [Там же: 217, 264]. Все советские широкомасштабные мероприятия, как правило, начинались с директив (декретов, постановлений и проч.), которые последовательно выполнялись.

Вспомним, что еще в XV в. Николай Кузанский в своем «Компендии» — пусть и с некоторой долей преувеличения — заявлял: «Человек относится к животному, как грамотный к неграмотному». Согласно советским источникам, ес-

ли в дореволюционной России по переписи 1897 г. было лишь 28,4 % грамотных в возрасте от 9 до 49 лет, то в СССР грамотные составляли в 1926 г. 56,6 %, в 1939 г. — 87,4 %, в 1970 г. — 99,7 %, в 1979 г. — 99,8% [СЭС: 709].

Следует, видимо, учитывать и несомненную взаимосвязь между повышением грамотности населения СССР в 30-е гг. и изменением речевых нормативов, сказавшимся в экспансии документа и канцеляризации языка, а также в переориентации системы прецедентных текстов на новый риторический идеал — Сталина [Там же: 216—217]. В это время, по словам М. В. Панова, и «распространилось благоговейно-почтительное отношение к печатному тексту (особенно — официальному)». Более того, эти процессы способствовали и мифологизации общественного сознания.

Автор книги разделяет понимание А. Ф. Лосевым мифа как «наиболее реального и наиболее полного осознания действительности» [Там же: 220], и в таком смысле понимает мифологизм советской культуры. А. П. Романенко закономерно уделяет значительное внимание магии слова: «...это проявление действенности знака, основанное на принципе его мотивированности. Знак воспринимается как мотивированная модель вещи, поэтому в речевой практике они отождествляются... Правила обращения со знаками и вещами тоже отождествляются. Знак становится более суггестивным, чем информативным» [Там же: 222], а в условиях приоритета документной коммуникации возникает и документная герменевтика, интерпретирующая имена как вещи [Там же: 226]. Далее сходные явления автор отмечает в антропонимике и топонимике; ср. также примеры «идеологической значимости» опечаток, диктуемой в том числе принципом демократического централизма [Там же: 293—294 и др.].

В учебном пособии А. П. Романенко содержится приложение «Советский образ ратора в художественной литературе» [Там же: 370—425], которое призвано оказать значительную помощь в занятиях по риторике. Помимо материалов хрестоматийного характера, автор предлагает читателям вопросы и задания (а в некоторых случаях и свои комментарии) к приводимым текстам.

Книга А. П. Романенко является безусловно ценным, полезным, хорошо структурированным и интересным учебным пособием. Актуальность этой книги подчеркивается и тем, что буквально на наших глазах складывается относительно новый образ ратора (см. об этом, например: [Лисицына 2002]).

Монография А. П. Романенко «Советская герменевтика» (Саратов, 2008. 166 с.) посвящена анализу теории и практики советской герменевтики как системы правил понимания, оценки, интерпретации текстов. Автор обоснованно полагает, что, несмотря на непрерывные пропагандистские операции, призванные дис-

кредитировать и в конечном счете искоренить самую память о советской эпохе нашей истории, «многие элементы советской культуры, многие модели речемысли не только не забываются, но актуализируются» [Романенко 2008: 3].

Во введении содержатся дефиниции понятий, ключевых для исследования эмпирического материала — тщательно отобранной совокупности произведений речи, содержащих властную, цензурную, литературную критику (по существу — синкретичный феномен) прежде всего литературно-художественных текстов: «словесная культура», «образ ратора», «филологическая герменевтика». Автор исходит из того, что «принципы советской герменевтики не учитывали специфики художественной речи, по существу отождествляя ее с нехудожественной. К тому же литература социалистического реализма являлась не столько поэтической, сколько риторической словесностью, а ее творцы как языковые личности были не столько поэтами, сколько роторами» [Романенко 2008: 5].

Первая глава содержит характеристику советской герменевтики в теоретическом аспекте. Отмечаются ее высокая значимость в формировании и укреплении государственной идеологии, наряду с культурогенной функцией. Важно, что специфика и советской герменевтики, и всей словесной культуры в целом определялась ее ориентацией на документ как таковой, обладающий действенностью, т. е. способностью влиять на поведение людей в зависимости от целей, преследуемых создателями документа, который должен быть предметно отнесенным, однозначно толкуемым и стандартизованным. Отсюда естественным образом происходит канцеляризация советской словесной культуры, имевшей принцип партийности в качестве приоритетного. Документами же осуществлялась и регламентация актов текстопорождения, постоянно усиливавшаяся и, по мнению А. П. Романенко, принимавшая форму языковой политики. Впрочем, советская цензура была не только политической, но одновременно и общекультурной: определяя соответствие произведений словесности культурным нормативам, подчинявшимся властным идеологическим установкам, она практически регламентировала и содержание, и стиль текстов [Там же: 26]. Автор справедливо отмечает, что уникальная советская общеобразовательная школа, складывавшаяся в соответствии с принципом демократического централизма, во многом продолжала и традиции дореволюционной русской школы [Там же: 28]. В полном согласии с постулатами словесной магии массовый читатель соцреалистической литературной продукции был приучен к отождествлению знака и денотата [Там же: 42], что было чрезвычайно важным для формирования мировоззрения аудитории.

Этому посвящена вторая глава, где анализируется практика советской герменевтики. Функционирование ее процедур рассматрива-

ется здесь на многочисленных примерах партийной и литературной критики художественных текстов: собственно, «важен был прежде всего сам факт критики литературного произведения: он означал переход к документным действиям, как в документообороте... Это пропагандистская герменевтика: интерпретация текста нужна не столько для его чтения, сколько для дальнейших действий с помощью этого текста» [Там же: 89]. Симптоматично и символично, что, по наблюдениям автора, положительная «критика по сравнению с отрицательной скучна (как и положительные оценки человека и речи по сравнению с отрицательными)» [Там же: 89]; отрицательная же критика «уже почти не предусматривала возможности исправления и переработки произведения, она предусматривала кару. Единственно возможный более или менее благополучный выход из критической ситуации для автора — документное покаяние» [Там же: 99]. В эстетическом отношении были одинаково предосудительны подаваемые почти как близнецы-братья натурализм и формализм, ведь «предметность... социалистического реализма — не материальна, она духовна, так как изображаемый предметный мир — не реальный, а должностующий, нормативный, пропагандистский» [Там же: 112], по сути — идеальная цель, к которой предписано стремиться.

В заключении совершенно верно резюмируется, что если описанная в монографии советская системная герменевтика была неотъемлемой частью советской же культуры «в целях защиты <государственной> идеологии и воспитания массовой аудитории, а также для организации управления и манипулирования общественным сознанием», то на изменении культурно-языковой ситуации в послесоветское время сказались и потеря художественной литературой ее действенности и популярности (добавим, что рыночное засилье паралитературы вкупе с ЕГЭзированием подрастающего поколения неотвратимо ведет к исчезновению думающей, грамотно интерпретирующей тексты широкой читательской аудитории). Устранение же цензуры скорее декларативно, нежели реально: «...управление и манипулирование общественным сознанием осуществляется СМИ» [Там же: 112], абсолютно независимыми от общества (а также, как иногда пытаются нам внушить, — и от официальной власти). Разговоры же о необходимости контроля над публичной речью — в СМИ, Интернете — по всей вероятности, так и останутся «разговорами в пользу бедных»: по справедливому суждению автора, «современная товарно-денежная идеология, пришедшая на смену советской, в этом как будто и не нуждается» [Там же: 112].

Монография гармонично завершается тематически связанными статьями А. П. Романенко о герменевтических принципах советской цензуры и влиянии документа на советскую художественную словесность, а также

работами «Андрей Платонов и советская герменевтика» (А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева) и «Индивидуальный стиль писателя и цензура» — на материале произведений Ю. Трифонова (З. С. Санджи-Гаряева).

Понятно, что для проведения подлинно научного филологического исследования необходимо изучение текстов соответствующей эпохи. Что касается советской, то далеко не все речевые произведения, порожденные ею, сегодня оказываются доступными. Поэтому введение в научный оборот малоизвестных или ранее вообще неизвестных источников следует приветствовать. С учетом того, что, как указывает в цитированной выше монографии А. П. Романенко, «несмотря на различия в культурно-языковых ситуациях советского и постсоветского времени, есть и общие, объединяющие их черты, присущие именно массовой культуре» [Там же: 112], весьма поучительно и информативно обращение к соответствующим текстам советского периода. Они собраны, например, в хрестоматии «Советская массовая поэзия» (Саратов, 2009. 237 с.), составленной М. В. Козулиной и А. П. Романенко.

Наряду с такой чертой, как вторичность, общей для всей массовой культуры XX в., составители отмечают ее специфику в советскую эпоху: это самодетельность, оптимизм, идеологизированность (впрочем, последняя, как полагаем, в той или иной форме и степени присутствует в масскультурных реалиях и при совсем других социально-политических устройствах). Указывается, что сам термин «поэзия» применительно к материалу, представленному в хрестоматии, следует понимать с определенной долей условности: «...советская массовая поэзия подчиняется не столько законам поэтики, сколько законам риторики» и «обладает денотативно организованным содержанием без какого-либо элемента вымысла», причем обращена к совершенно конкретной аудитории — читателям районных и краевых газет [Козулина, Романенко 2009: 4].

В свою очередь, риторичность и идеологизированность такой поэзии формируют ее культурную символику и топику; последняя является системой топосов (общих мест), представляющих собой аксиоматические, не требующие доказательств, принимаемые априорно в данной культуре высказывания морально-идеологического или философского характера, лежащие в основе словесности. А топосы опираются на символику, под которой понимается «система ключевых слов, имеющих символическое значение.... Это слова-символы — семантические гнезда, то есть совокупность слов, объединенных одной идеей... Они представляют собой систему, которая вместе с топикой организует советскую культурную семантику» [Там же: 5—7].

Материал хрестоматии извлечен из ряда районных газет Саратовского региона 1930 г. и

четко классифицирован жанрово и тематически. Представлены разделы «Художественная агитационная литература» (рубрики: «Радость коллективного труда»; «Производственные стихи»; «Старое и новое»; «Изображение новой жизни»; «Даты, праздники, события»), «Стихотворная публицистика» (рубрики: «Призывы»; «Рапорты и приветствия»; «В ответ врагам»; «Стихотворный фельетон»), «Стихи с неопределенной стилевой принадлежностью», «Стихи для малограмотных» («Упрощенные стихи»; «Веселая страничка»), «Стихи начинающих авторов». Интересны и приложения, среди которых текст агитационного представления «Как держится крепко кулацкая репка, и как за репку взяли крепко» (с рекомендациями по инсценировке самодеятельным постановщикам и актерам), литературные консультации начинающим авторам, биографические сведения о создателях произведений, включенных в хрестоматию, и др.

Кроме кратких глоссариев, сопровождающих каждый из разделов, в приложении помещено объяснение некоторых слов и выражений, актуальных для той эпохи, облик которой удачно помогают ощутить и воспроизведенные здесь графические иллюстрации из газет, послуживших источником материала.

Семантизации широкоупотребительных специфических элементов советского лексикона особо посвящено еще одно издание, подготовленное саратовскими исследователями, — «Словарь советизмов. Наименования лиц: Пробный выпуск» (Саратов, 2009. 70 с.; составители — С. Б. Козинец и З. С. Санджи-Гаряева). Под советизмами здесь понимаются слова и устойчивые словосочетания, называющие реалии советской действительности, предметы и явления, так или иначе обусловленные советской культурой [Козинец, Санджи-Гаряева 2009: 3]. Выделяя два типа советизмов (нейтральные, или безоценочные, и содержащие идеологический компонент) и соответственно отмечая различие их судеб в русском языке, составители включают в свой словарь именно единицы второго типа: «Основной критерий отбора слов — актуальность их употребления в советский период, интенсивная историзация или трансформация семантики в настоящее время» [Там же: 4].

В кратком вступительном очерке описывается история изучения советизмов отечественными и зарубежными филологами разных поколений. Авторы указывают как достоинства, так и очевидные недостатки трудов предшественников. Так, справедливо отмечено, что не все из уже имеющихся словарей являются собственно лингвистическими; кроме того, они, по деликатному выражению саратовских авторов, «не свободны от неодобрительной модальности и негативной оценочности» [Там же: 6], т. е. или ангажированности совершенно ненаучного характера, или своеобразной разрешенной

смелости. Ср. реплику академика О. Н. Трубачева насчет некоторых инвективных выступлений перестроечно-реформаторской поры: «Послушать иных многих, так просто жалко делается людям; чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры» [Трубачев 2004: 141].

Пробный выпуск словаря, проектируемого С. Б. Козинцом и З. С. Санджи-Гаряевой, выгодно отличается от ряда аналогичных изданий не только подчеркнутым стремлением авторов к объективной интерпретации семантики лексем. Он построен по тематическому принципу, в соответствии с которым выделены следующие тематические группы: наименования лиц, наименования явлений, наименования действий и процессов, оценка человека и явлений, наименования учреждений. Внутри же тематических групп слова располагаются по алфавиту. Новизна представления материала состоит и в том, что «словарная статья содержит не только принятое в советский период, но и все существенные изменения, произошедшие в его семантике и отраженные в словарях»... Кроме того, «авторы старались по возможности отразить современную судьбу советизмов, хотя перспектива многих из них пока неясна» [Там же: 7]. Опираясь на виноградскую традицию историко-лексикологического описания, С. Б. Козинец и З. С. Санджи-Гаряева создают снабженный историко-лингвистическим комментарием словарь, обоснованно полагая, что он будет полезен всем, кто интересуется историей русского литературного языка, в частности исторической лексикологией. Добавим: такое лексикографическое пособие сегодня может существенно помочь российским старшеклассникам в освоении шедевров вроде «Архипелага ГУЛАГ», высочайше утвержденного в школьной программе по литературе. Впрочем, нельзя забывать известное высказывание Б. Л. Пастернака: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью» [Пастернак 1991: 338]. Возможно, подобное ожидает и Солженицына.

Проблемы той же сферы рассматриваются и в ряде успешно защищенных кандидатских диссертаций: «Концепт *«свой — чужой»* в советской словесной культуре (20-30-е гг.)» И. С. Выходцевой (Саратов, 2006), «Судьба советизмов в русском языке конца XX — начала XXI века (на материале словарей и текстов)» А. А. Пихуровой (Саратов, 2006), «Архетипические ключевые слова отечественной политической речи (советский и постсоветский периоды)» В. Н. Яшина (Саратов, 2010).

Публикации саратовской школы политической лингвистики отвечают на многие вопросы о том, какими именно вербальными средствами и приемами их систематического использования в области риторики и герменевтики, массового самодеятельного литературно-художественного творчества, в программировании тенденций

словоупотребления и фактах их реализации идеологически и пропагандистски обеспечивалась и поддерживалась уникальная советская цивилизация и ее культурные институты. А в любой культуре «прошлое... в отличие от естественного течения времени, не „уходит в прошлое“, то есть не исчезает. Фиксируясь в памяти культуры, оно получает постоянное, хотя и потенциальное бытие» [Лотман, Успенский 1977: 36].

ЛИТЕРАТУРА

Козинец С. Б., Санджи-Гаряева З. С. Словарь советизмов. Наименования лиц: пробный выпуск. — Саратов: ИЦ «Наука», 2009.

Козулина М. В., Романенко А. П. Советская массовая поэзия. Хрестоматия. — Саратов: ИЦ «Наука», 2009.

Лисицына Т. А. Язык реформ и реформа языка: приоритеты интеллектуального разви-

тия // Язык и образование. — Великий Новгород, 2002. С. 21—27.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Уч. зап. ТГУ. Тарту, 1977. Т. 414.

Пастернак Б. Л. Люди и положения // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. — М., 1991. Т. 4.

Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1421. 01.02.2010.

Романенко А. П. Образ риторика в советской словесной культуре. — М.: Флинта-Наука, 2003.

Романенко А. П. Советская герменевтика. — Саратов: ИЦ «Наука», 2008.

СЭС = Советский энциклопедический словарь. — М., 1983.

Трубачев О. Н. Заветное слово. — М., 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно.);

- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл.

Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

С 29 сентября по 2 октября 2011 года Уральский государственный педагогический университет при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ проводит Международную научную конференцию «Современная политическая лингвистика».

Для участия в конференции необходимо до 15 августа 2011 года прислать по электронному адресу (ar_chudinov@mail.ru):

–заявку (по форме, данной в приложении № 1);

–тезисы выступления в электронном варианте объемом 2 страницы (требования к оформлению представлены в приложении № 2)

Тезисы выступлений будут опубликованы до начала конференции. В материалах конференции сохраняется авторский стиль. Оргкомитет по результатам экспертизы материалов оставляет за собой право решения вопроса о публикации доклада в сборниках конференции. Лучшие материалы также будут опубликованы в журнале «Политическая лингвистика», входящем в перечень ВАК.

Конференцию планируется провести на базе отдыха в живописных окрестностях Екатеринбурга. Все участники без дополнительной платы обеспечиваются проживанием в двух-/трехместных номерах. За дополнительную плату возможно проживание в более комфортабельных номерах.

Оргвзнос (за питание) составляет 500 рублей и принимается на регистрации.

Адреса и телефоны для справок:

620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 221;

тел.: 8-343-235-76-03;

e-mail: shinkari@mail.ru;

Ворошилова Мария Борисовна.

Более подробная информация — на сайте cognitiv.narod.ru.

Приложение 1. Форма заявки на участие в конференции

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
2. Ученая степень, ученое звание.
3. Место работы и должность.
4. Почтовый адрес и электронный адрес, контактный телефон.
5. Тема выступления.
6. Форма участия: личное участие или стендовый доклад в заочной форме.

Приложение 2. Требования к оформлению тезисов

1. Объем – не более двух печатных страниц, 12 кегль, полуторный интервал (по 40 строк на странице), поля – 2 см сверху, снизу, справа, слева.
2. Электронный вариант в формате Word или RTF.
3. Нежелательны сложные для воспроизведения таблицы, схемы, рисунки и т. п.
4. Перед названием указывается фамилия, имя отчество автора и (в скобках) город, в котором работает участник конференции.
5. Оформление списка литературы и сносок (если они требуются) по правилам, принятым в журнале «Политическая лингвистика» (см. сайт cognitiv.narod.ru).